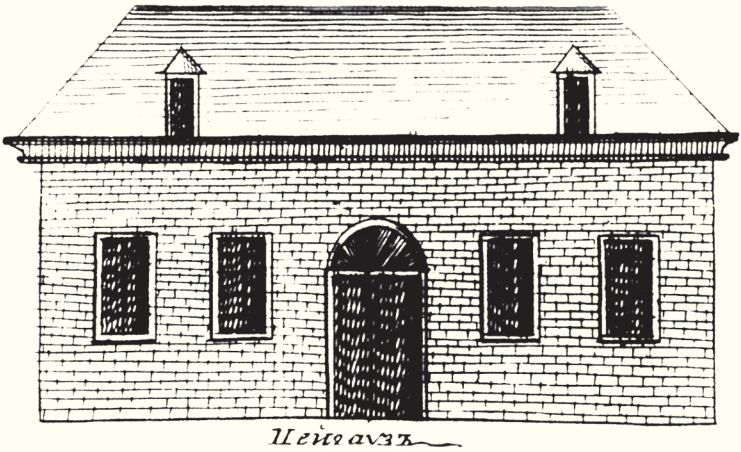
ВОЙНА И ОРУЖИЕ

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

Труды Одиннадцатой Международной научно-практической конференции

17–19 мая 2023 года



Часть I

Департамент культуры Минобороны РФ
Российская Академия ракетных
и артиллерийских наук
Военно-исторический музей
артиллерии, инженерных войск и войск связи

Война и оружие
Новые исследования и материалы

Труды Одиннадцатой Международной научно-практической конференции

17–19 мая 2023 года

Часть I

Санкт-Петербург
ВИМАИВиВС
2023

УДК 351.852.1 + 355.48
ББК 79.1 + 68 + 63
В 65

Печатается по решению Ученого совета ВИМАИВиВС
Научный редактор — *С. В. Ефимов*

Организационный комитет конференции
«Война и оружие. Новые исследования и материалы»:
В. М. Крылов, директор Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, доктор исторических наук, академик РАРАН, заслуженный работник культуры Российской Федерации,
С. В. Ефимов, заместитель директора Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи по научно-просветительской и выставочной работе, кандидат исторических наук,
С. В. Успенская, заместитель директора Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, кандидат культурологии, заслуженный работник культуры Российской Федерации,
В. И. Кобякова, старший научный сотрудник научного отдела сохранности памятников культуры и истории Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, кандидат технических наук,
Е. Г. Игнатьева, начальник научного отдела редактирования и допечатной подготовки Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи

Война и оружие
Новые исследования и материалы

Труды Одиннадцатой Международной
научно-практической конференции

В четырёх частях

Часть 1

Информационная поддержка

Иллюстративный материал предоставлен авторами статей

На обложке: Цейхгауз в Петропавловской крепости. Гравюра XVIII в.

© ВИМАИВиВС, 2023
© Коллектив авторов, 2023

ISBN 978-5-7937-2331-2

Уважаемые гости и участники конференции!

Поздравляю вас с открытием XI Международной научно-практической конференции «Война и оружие. Новые исследования и материалы».

Эта конференция проводится с 2010 года и объединяет военных историков, специалистов по историческому оружиеведению, источниковедов, архивных и музейных работников, реставраторов из различных регионов нашей страны.

За прошедшие годы заслушаны и опубликованы сотни докладов, введены в научный оборот новые исторические источники, изучены многие малоизвестные и забытые страницы отечественной и мировой истории. Считаю, что и сегодняшняя конференция внесет заметный вклад в дальнейшее развитие военно-исторической науки.

Конференция проходит в год важных для истории нашего Отечества дат: 80-летия победы в Сталинградской битве, 80-летия битвы за Кавказ и Днепр, освобождения Киева от немецко-фашистских захватчиков и юбилея Курской битвы. Многие доклады участников конференции посвящены этим событиям, основаны на новых, введенных в научный оборот документах, некоторые из которых еще до недавнего времени были засекречены.

Кроме того, очень важно, что конференция проходит в стенах музея, собрание которого было заложено Петром I еще в 1703 г. одновременно с Санкт-Петербургом, 320-летие которого будет праздноваться в мае этого года.

Я еще раз поздравляю всех, кто смог приехать в Санкт-Петербург и принять участие в конференции.

Желаю участникам и гостям конференции плодотворной работы, интересных и содержательных дискуссий, творческих достижений и новых научных открытий.

Директор Департамента культуры
Министерства обороны
Российской Федерации **А. Горный**

Дорогие друзья! Уважаемые коллеги!

Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи вновь собирает в своих стенах военных историков, оружиеведов, археологов, музейных работников и других специалистов на очередную научно-практическую конференцию «Война и оружие. Новые исследования и материалы».

Конференция проводится в юбилейный для нашего музея год. В 2023 г. исполняется 320 лет со дня начала формирования собрания Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи – старейшего военного музея в России и одного из крупнейших в мире. 29 августа 1703 г. Петром I на территории Петропавловской крепости в Санкт-Петербурге был заложен Цейхгауз для хранения и «памяти на вечную славу» уникальных исторических образцов вооружения, военных трофеев и реликвий.

Музей ведет большую собирательскую и научную работу по сохранению военно-исторических памятников не только прошлого, но и настоящего. В феврале этого года Президент Российской Федерации В. В. Путин на встрече с представителями общественных патриотических и молодежных организаций, посвященной 80-летию Сталинградской битвы, заявил, что «нельзя забывать современную историю: надо собирать артефакты, связанные с современным нацизмом, писать историю специальной военной операции, как говорится, по горячим следам, и <...> чтобы в регионах создавались музеи, посвященные специальной военной операции и ее героям».

Наш музей одним из первых открыл постоянно действующую экспозицию «Только вместе! Только вперед!», посвященную специальной военной операции.

Сотрудниками музея ведется большая работа по созданию новых экспозиционных комплексов к 80-летию Курской битвы и 80-летию полного освобождения Ленинграда от немецко-фашистской блокады.

Конференция как всегда актуальна в условиях продолжающейся информационной войны, направленной на уничтожение или искажение исторической памяти. Одна из важнейших задач конференции – в противодействии фальсификации истории и, прежде всего, истории Великой Отечественной

войны. Поэтому доклады и статьи, посвященные именно этой теме, имеют особо важное значение не только для специалистов, но и для подрастающего поколения.

Научное и практическое значение конференции бесспорно. Ее участники познакомятся с работой реставрационных мастерских музея, примут участие в мастер-классах наших ведущих реставраторов. Во время экскурсий в фондохранилища музея познакомятся с новыми выставками и экспозициями.

Более ста шестидесяти докладов предусматривают плотный график работы конференции. В дни ее работы будет открыта выставка «Знают турки нас и шведы», посвященная 340-летию учреждения лейб-гвардии Преображенского и Семеновского полков.

Поздравляю всех участников и гостей конференции с ее открытием. Желаю всем новых творческих достижений и научных открытий.

Директор Военно-исторического музея
артиллерии, инженерных войск и войск связи,
доктор исторических наук,
профессор, академик РАРАН,
заслуженный работник культуры
Российской Федерации

В. М. Крылов

А. С. Абдулфатахов (Москва)

ФОРМИРОВАНИЕ ПЕРСИДСКОЙ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ШАХА КАЗАЧЬЕЙ ДИВИЗИИ

НАЛИЧИЕ В ПЕРСИИ регулярных боевых частей, возглавляемых военнослужащими русской армии, было обусловлено необходимостью усиления российского влияния в стране, которая граничила с враждебно настроенными по отношению к Российской империи государствами, такими как Турция и Афганистан. Этот факт явился следствием противостояния в регионе двух сверхдержав той исторической эпохи – Великобритании и Российской империи. Из телеграммы № 5181 от 05.12.1913 г. его сиятельству заведующему обучением Персидской кавалерии князю Николаю Петровичу Вадбольскому (ил. 1) от генерал-квартирмейстера: «...Персидскую казачью бригаду необходимо рассматривать, прежде всего, как главнейшее в наших руках орудие нашей политики в Персии...»

Персидский шах Наср-эд-Дин (ил. 2) в 1879 г. посетил Санкт-Петербург. Шах заинтересовался конвоем Государя Императора и выразил желание иметь подобный же конвой у себя в Персии. Идя навстречу просьбе персидского шаха, для формирования этой воинской части и подготовки ее личного состава по назначению Генерального штаба, но с предварительным согласованием с представителями шаха Персии для поездки в Тегеран была подготовлена группа русских офицеров-инструкторов[1]. 11 октября 1878 г. императором Александром II был подписал указ об откомандировании в Тегеран специализированной группы инструкторов, окончательный состав которой был утвержден в начале 1879 г. В нее вошли: штаб-офицер – заведующий обучением персидской кавалерии; трое обер-офицеров – инструкторов персидской кавалерии; пять урядников – младших инструкторов

Ил. 1. Заведующий обучением Персидской кавалерии князь Н. П. Вадбольский

Ил. 2. Персидский шах Наср-эд-Дин

кавалерии[2]. Миссию возглавил подполковник Генерального штаба Алексей Иванович Домантович (ил. 3), прослуживший двенадцать лет в казачьих кавалерийских частях в составе Ереванского отряда и хорошо знакомый с их организацией, особенностями службы и подготовки[3].

Основой формирования новой части должна была послужить кавалерия голямов – шахской гвардии «Махдие-йе мансур». 7 февраля 1879 г. в Тегеране российским посланником И. А. Зиновьевым и военным министром Персии Хосейн-ханом Мошир од-Доуле был подписан контракт о найме офицеров российской военной миссии. В мае 1879 г. Наср-эд-Дин-шах предложил сформировать казачий конный полк общей численностью 400 человек, и А. И. Домантович без промедления приступил к его формированию. Полк был сформирован по образцу Терских казачьих полков. Офицеры были русскими, а нижние чины из местного населения[4]. Из-за нежелания передавать в подчинение А. И. Домантовича гвардейскую кавалерию шаха – голямов[5] в полк набирались так называемые мухаджиры – потомки мусульманских родов, переселившихся с Кавказа во времена русско-персидских войн[6].

Ил. 3. Глава российской военной миссии подполковник Генерального штаба А. И. Домантович

В очень короткие сроки офицеры российской военной миссии под руководством А. И. Домантовича сумели обучить кавалерию мухаджиров. Выучкой и внешним видом личного состава полка Насер-эд-Дин-шах был настолько доволен, что сразу же приказал увеличить состав полка до шестисот человек, то есть фактически сформировать два полка по 300 человек.

Второй полк был укомплектован добровольцами[7]. Его формирование заложило основу для формирования казачьей конной бригады. Казаки поступали на службу из определенных местностей и племен Персии. Более половины казаков принимались на службу из числа горцев, чаще – курдов-кочевников; остальные набирались из жителей персидских провинций. В полку также встречались афганцы и туркмены. Командир полка и другие русские офицеры служили по договору в течение нескольких лет. С момента формирования полка в 1879 г. и до расформирования дивизии в 1920 г. число русских офицеров достигло 120 человек.

Исправная трехлетняя служба мухаджиров вполне доказала свою прочность и целесообразность существования части. Таким образом, благодаря профессионализму и компетентности русских офицеров, доказывающих правильность и применимость к местным жителям данной военной организации, была заложена основа Персидской казачьей бригады, а в дальнейшем и дивизии. Во главе полков стоял полковник А. И. Домантович, который официально назывался «Заведующий обучением Персидской кавалерии». Русские офицеры и урядники считались его помощниками – наибами.

Во главе каждого полка стоял персидский генерал в звании сертипа – генерал-майора. Русские офицеры были фактическими командирами полков. Полк, или фоудж, делился на три эскадрона – сотни, которыми командовали персидские штаб-офицеры. Со своей стороны, каждый эскадрон делился на четыре дасте – кавалерийских взвода. В полку мухаджиров и добровольческом полку насчитывалось 300 человек, общее количество личного состава в персидских казачьих полках на тот момент составляло 600 человек.

В 1882 г. новым заведующим обучением персидской кавалерии был назначен секретарь русского консульства в Трапезунде полковник П. Чарковский[8]. В 1883 г. он сформировал из годных к строевой службе мухаджиров третий казачий полк, а из лиц старшего возраста – эскадрон ветеранов «Кадама». В этом же году Александр III в подарок отправил бригаде четыре 3,42-дюймовых орудия образца 1877 г. производства Обуховского завода. В Тегеран их доставил капитан Петр Петрович Кублицкий[9]. На основе этих четырех орудий в бригаде была сформирована конная артиллерийская батарея. В это же время в составе бригады был сформирован отряд музыкантов. Общая численность бригады, включая жен и детей персидских казаков, также зачисленных в ее штат, составила более 900 человек.

Ввиду того, что в персидской армии не существовало собственно регулярной артиллерии, личный состав вновь сформированной батареи не имел элементарного представления о назначении и практическом использовании артиллерийских орудий. Новый заведующий обучением персидской кавалерии полковник П. Чарковский взялся за организацию боевой подготовки в артиллерийской батарее. С этой целью для личного состава батареи было разработано и распечатано учебное пособие «Руководство по обучению казачьей конной артиллерии», которое перевели на персидский язык и отпечатали в Тегеране в 1885 г.

Вооружение казаков персидской бригады состояло из кавказского кинжала, сабли и трехлинейных винтовок кавалерийского образца 1891 г., главным образом системы Бердана. Было и некоторое количество австрийских винтовок системы Вернделя и системы Левеля, которые впоследствии заменены винтовками системы Бердана. Такое разнообразие в вооружении затрудняло снабжение бригады стрелковыми боеприпасами. На вооружении

артиллерии состояли орудия системы Шнейдера[10], на вооружении бригады – также пулеметы системы Максима[11].

Личный состав персидских подразделений был одет в казачью форму Кубанского казачьего войска. Гвардейский кавалерийский полк носил красные черкески и белые папахи. Русские офицеры-инструкторы имели форму Терского казачьего войска, но сохраняли свою полковую форму, которую могли носить вне службы, так же как и инструкторы – унтер-офицеры, сохранявшие форму своих воинских частей. Набор личного состава в бригаду производился по принципу вольного найма. На службу брали преимущественно молодых людей, но иногда принимали и пожилых, и так как предельного возраста для поступления на службу установлено не было, то встречались иногда и довольно старые казаки. Их назначали, по возможности, на нестроевые должности: служителями в кадетский корпус, сторожами и пр.[12]

Конные казаки должны были иметь своих лошадей, которые принимались комиссией под контролем инструкторов. Конский состав в кавалерии был очень хорош, у многих офицеров были хорошие лошади арабской или туркменской породы. Для поступления на службу пеших и конных казаков в частях соединения существовали определенные правила. Каждый казак и его поручитель прикладывали печать и подписывали обязательство, в котором казак обязывался выполнять вышесказанные правила и стать «эджиром» части. Текст правил для поступающих на службу был подготовлен на русском и арабском языках[13]. Со строевой и дисциплинарной точки зрения персидская казачья бригада представляла собой вполне европейскую часть. Организация, деятельность и налаженная инфраструктура персидской бригады также были поставлены на качественно высокий уровень, затрагивавший все сферы жизни персидских казаков, как рядовых чинов, так и офицеров.

В 1882 г. в результате соглашения между российским и персидским правительствами при Наср-Эд-Дин шахе полки были развернуты в Персидскую Его Величества шаха казачью бригаду. Был издан особый фирман – указ о ее формировании. 7 марта 1894 г. начальником персидской бригады был назначен полковник Генерального штаба Владимир Андреевич Косоговский (ил. 4). Начальник бригады как заведующий обучением персидской кавалерии являлся советником шаха. Подчинение бригады персидскому военному министру было номинальным.

Фактически начальник бригады получал указания из Генерального штаба, который, в свою очередь, был в тесном взаимодействии с Министерством иностранных дел Российской империи.

Ил. 4. Командир Персидской Его Величества шаха казачьей бригады полковник Генерального штаба В. А. Косоговский

Начальником бригады направлялись в Военно-ученый комитет Генерального штаба, затем в Главное управление Генерального штаба донесения о вооруженных силах Персии, географические и статистические обзоры, отчеты о текущих событиях в стране. Непосредственной деятельностью начальника бригады руководил посланник Российской империи в Тегеране. Инструкции по деятельности начальника бригады составлялись Военным министерством Российской империи при участии штаба Кавказского военного округа и согласовывались с Министерством иностранных дел.

По межправительственному договору все расходы по содержанию бригады покрывались персидским правительством из казны государства из таможенных поступлений[14]. Правительство Персии было недовольно подобным положением вещей и всячески добивалось переподчинения казачьей бригады персидскому военному министру, на этом персидское правительство особенно настаивало. Огромную роль в укреплении позиций командования бригады сыграл Российский заем 1900 г.

Так, по мере ухудшения финансового положения Персии, возрастали долговые обязательства шахского правительства, которое постепенно начало прекращать выплаты пенсий, жалования чиновникам и армии. Несмотря на это, воинская часть, вверенная русским военным специалистам и инструкторам, получала

все положенные ей выплаты в полном объеме и своевременно. Персидская бригада была расположена в Тавризе, а отдельные ее части располагались в некоторых городах северной Персии. Штаб и основные силы бригады находились в Тегеране. Кроме того, генерал-губернатор и губернатор имели в своем распоряжении конвой из подразделений казачьей бригады[15]. Под командованием начальника бригады В. А. Косоговского и благодаря деятельности всех русских офицеров и унтер-офицеров персидская казачья бригада превратилась в самую организованную и боеспособную военную силу в Персии за всю историю существования регулярной армии этой страны. Во время девятилетнего командования В. А. Косоговского штат бригады был увеличен до 1500 человек[16]. В составе бригады была сформирована первая пехотная часть, состоявшая из 480 человек, в ней также были две конноартиллерийские батареи, в которых проходили службу 100 конных и 32 пеших артиллериста. На вооружении батарей персидской казачьей бригады состояли четыре артиллерийских орудия.

В распоряжении бригады находились казармы, конюшни, кладовые для фуража. Здесь же были небольшие мастерские, цейхгаузы, кузница и лазарет. Все это располагалось в центральной части Тегерана. Перед казармой находился огромный тренировочный плац – мейдан-е машк. Офицеры, в том числе и начальник бригады, жили в домах, расположенных напротив казарм[17].

Во главе бригады по-прежнему находился полковник Российского Генерального штаба, который официально назывался «Заведующий обучением Персидской кавалерии». Русские офицеры и урядники считались его помощниками – наибами, общее количество в бригаде их составляло девять человек. Во главе каждого полка стоял персидский генерал в звании сертипа – генерал-майора, который, однако, обычно находился в подчинении у младшего по званию русского офицера-инструктора. Эти русские офицеры и были фактическими командирами полков. В каждом полку в распоряжении русского офицера находилось по одному уряднику, с чьей помощью он обучал личный состав полка. Полк, или фоудж, по сути, являлся эскадроном, которым командовал персидский штаб-офицер, он имел подготовленные кадры, которые в случае необходимости могли развернуться до полка, общее количество кавалеристов в бригаде – 668 человек. Эскадрон делился на четыре дасте – взвода, две

конноартиллерийские батареи, всего восемь орудий. Пехотные подразделения бригады, также и кавалерийские полки, в случае необходимости могли разворачиваться в кавалерийскую часть, по этой причине она была приписана к кавалерийским эскадронам.

24 мая 1895 г. В. А. Косоговским было разработано и утверждено у шаха новое положение о персидской казачьей бригаде, которое состояло из 27 пунктов. Оно внесло существенные коррективы в статус «Заведующего обучением Персидской кавалерии», теперь за ним однозначно закреплялись права боевого командира бригады. Вместе с тем положение существенно закрепило статус русских инструкторов[18].

В. А. Косоговский сумел упрочить общее положение бригады, ставшей в его время ближайшей охраной для шаха в Тегеране и поддерживавшей его власть во всей Персии[19]. Бригада стояла на страже трона правящей династии Каджаров, осуществляя охрану порядка в столице. Позже, в сентябре 1896 г., дестихатом – собственноручным письмом – шах еще больше укрепил власть русского командира в персидской казачьей бригаде.

С учетом требований нового положения в тот же день между Российской империей и Персией была заключена конвенция о командировании русских офицеров для заведования обучением персидской кавалерии. Конвенция состояла из пяти пунктов, особо значимым из которых был пункт № 1. По условиям этого пункта все русские офицеры-инструкторы были обязаны руководствоваться требованиями уставов вооруженных сил Российской империи и правилами, действующими в Русской армии в хозяйственном отношении[20]. По замыслу военного руководства Российской империи численность соединения должна была быть постепенно увеличена, с этой целью с правительством Персии шли переговоры. В июне 1908 г. с целью усиления бригады после подавления революционных мятежей в Персии ее численность была увеличена на 250 человек и составила 1750 человек[21]. Из России в бригаду была поставлена большая партия оружия: восемь французских скорострельных орудий системы Шнейдер–Канье и по 650 снарядов к каждому орудию[22]; четыре пулемета системы Максима с 34 000 патронов. Это позволило командиру бригады полковнику В. П. Ляхову (ил. 5) сформировать вьючную пулеметную команду. В результате таких переговоров в 1912 г. шахское правительство согласилось на увеличение частей соединения.

28. июня 1912 г. была передана соответствующая нота шахского министра иностранных дел на имя российского посланника № 5906. В ней говорилось о том, что персидское правительство, несмотря на финансовые трудности, разрешило Военному министерству создать Азербайджанский казачий отдел, состоящий из 642 казаков, 20 персидских офицеров, двух русских офицеров и четырех урядников. Азербайджанский казачий отдел, подобно Тегеранской бригаде, занимался службой под начальством и руководством Военного министерства Персии для восстановления и поддержания безопасности и порядка, взимания малиата (налога)[23]. Расширение количества отрядов в персидской казачьей бригаде было необходимо для замены русского воинского контингента, дислоцированного на тот момент в персидской провинции Азербайджан (табл. 1).

Ил. 5. Командир Персидской Его Величества шаха казачьей бригады полковник В. П. Ляхов

Таблица 1

Численность и состав Тавризского отряда на 06.09.1914 г.

№	Состав	Численность	Всего
1	1-й эскадрон	106 чел.	
2	2-й эскадрон	131 чел.	
3	1-я пехотная рота	262 чел.	
4	2-я пехотная рота	253 чел.	
5	Артиллерийская батарея	33 чел.	1146 чел.

После сформирования Тавризского-Азербайджанского отдела (отряда) численность бригады достигла 2250 человек[24].

Персидский шах был частым гостем в расположении частей бригады. Рапорт № 207 от 1 мая 1914 г. о посещении им лагерного расположения бригады: «...Его Величество Шах смотрел учение роты, батареи, гимнастические упражнения мальчиков школы и пешей учебной команды, сменную езду с препятствиями конной учебной команды, двухверстную учебную скачку и джигитовку казаков. После Его Величество постреляло по бегущему кабану (мишени), стрельба его оказалось удачной, Его Величество остался очень довольным...»[25]

С началом Первой мировой войны усилилась деятельность бригады по обеспечению российского присутствия в стране. С ноября 1915 г. охрана российских учреждений, заведений, переселенческих поселков, коммуникаций производилась в тесном взаимодействии с русским экспедиционным корпусом в Персии. Начало Первой мировой войны побудило российское правительство вновь приступить к переговорам с персидским правительством об увеличении численности бригады и развертывании ее до дивизии.

На этот момент Персидская Его Величества шаха казачья бригада в своем составе имела два отряда (четыре полка): Тегеранский и Тавризский. Общая численность ее частей составляла более 9000 человек, в том числе: 12 эскадронов, два батальона, 10 орудий и 10 пулеметов. В состав бригады входили 12 русских офицеров-инструкторов и 18 инструкторов нижних чинов[26]. Проводившиеся еще с 1912 г. переговоры об увеличении численности бригады, к которым с началом Первой мировой войны присоединилось и английское командование, закончились летом 1916 г. соглашением о формировании на базе бригады Персидской казачьей дивизии. Дополнительные расходы по ее содержанию брало на себя русское правительство, а с декабря 1917 г. необходимые суммы отпускались британским посланником[27]. Высочайшее дозволение на формирование Персидской казачьей дивизии последовало 30 августа 1916 г. Первый приказ по дивизии был отдан 1 декабря 1916 г.

По этому соглашению охрана порядка в Северной Персии была возложена на Персидскую казачью дивизию, начальником которой был назначен генерал-майор барон Владимир Николаевич фон Майдель, должность заведующего обучением персидской кавалерии упразднялась, а в южной Персии на подобных же условиях под командованием английского генерала

Сайкса формировалась южная бригада – эспиар. Соглашение было подписано премьером Персии господином Салехсальяром, и требовалась только ратификация меджлиса и утверждение шаха. Но в это время пришло известие о занятии турками Хамадана. Персидский кабинет пал, а новый отказался признать соглашение, но, несмотря на это, Персидская Его Величества шаха казачья дивизия на севере Персии успела развернуться и занять все ранее намеченные в нем пункты. По условиям заключенного соглашения северные и южные соединения должны были иметь в своем составе до 12 000 человек. Между зонами российского и британского влияния была проведена нейтральная полоса. Численность северной дивизии была доведена до 8000 человек[28].

Новые отряды формировались русскими офицерами с 1916 г. для поддержания внутреннего порядка в провинциях Персии, борьбы с повстанцами, восставшими против режима, и многочисленными бандитскими шайками. В этот период были сформированы следующие отряды (табл. 2).

Таблица 2

Штатная численность и состав персидской казачьей дивизии

№	Части дивизии	Количество офицеров	Количество рядовых
1	Штаб дивизии	2 чел.	32 чел.
2	Тегеранский отряд	63 чел.	1899 чел.
3	Тавризский отряд	48 чел.	1451 чел.
4	Хамаданский отряд	48 чел.	1451 чел.
5	Исфаганский отряд	48 чел.	1451 чел.
6	Мешхедский отряд	47 чел.	1418 чел.
7	Урмийский отряд	29 чел.	824 чел.
8	Астрабадский отряд	27 чел.	794 чел.
9	Ардебильский отряд	27 чел.	794 чел.
10	Рештский отряд	27 чел.	794 чел.
11	Всего	366 чел.	10 908 чел.[29]

Стараниями командира дивизии генерал-майора барона В. Н. Майделя уже в январе 1917 г. бригада была полностью развернута до дивизии[30]. В распоряжение сформированной дивизии было передано трофейное оружие, полученное в боях с персидскими жандармами, а недостающее оружие планировалось

восполнить за счет Главного артиллерийского управления. В качестве инструкторов в Персию были прикомандированы 26 штаб- и обер-офицеров, 15 офицеров кавалерии и 7 офицеров пехоты, 4 врача. В качестве инструкторов нижних чинов было отобрано 32 подхорунжих и урядника, 10 кавалеристов и 16 пехотинцев, после развертывания артиллерийских частей – 6 артиллеристов. Помимо этого в дивизию направлялись 7 медицинских и ветеринарных фельдшеров и 2 писаря в штаб дивизии (табл. 3).

Таблица 3

Численность персидской дивизии на 09.05.1917 г.

Штатная численность	Списочная численность	Штатная численность	Списочная численность
русских офицеров 47 чел.	русских офицеров 36 чел.	русских унтер-офицеров 54 чел.	русских унтер-офицеров 39 чел.
персидских офицеров 218 чел.	персидских офицеров 213 чел.	персидских унтер-офицеров 6296 чел.	персидских унтер-офицеров 4230 чел.
Итого: 265 чел.	249 чел.	6350 чел.	4269 чел.[31]

Весь личный состав инструкторов младшего состава был полностью укомплектован за счет казачьих частей Кавказской армии. После полного развертывания дивизии в ее состав должны были входить 26 эскадронов и 14 батальонов, на вооружении у дивизии должно было состоять 14 орудий, 18 пулеметов, 5500 ружей, 500 карабинов и 1000 револьверов[32]. Февральские события в Российской империи помешали развернуть дивизию до полной штатной численности. Практически только один отряд был развернут до полной штатной численности – Тегеранский. Все остальные отряды дивизии состояли из пехотных рот и эскадронов неполного штата[33]. Из-за некомплектности отрядов для несения службы и выполнения боевых задач к ним мог прикомандировываться личный состав из других отрядов, создавались сводные отряды. Так, в период зимы 1917 г. к Исфаганскому отряду из Тегеранского было прикомандировано: 98 кавалеристов, 20 пехотинцев[34]. Начальниками отрядов назначались русские офицеры-инструкторы, а батальонами и ротами командовали персидские офицеры, находясь в прямом подчинении

Ил. 6. Командир Персидской дивизии, затем шах Ирана Реза-хан Пехлеви

у начальника отряда. На вооружении отрядов персидской казачьей дивизии из стрелкового вооружения состояли: трехлинейные винтовки, карабины, ружья системы Лебеля, карабины Винчестера[35], винтовки системы Бердана, пулеметы системы Максима, полевые орудия системы Шнейдера, горные орудия, орудия Обухова[36].

Престиж Шахской дивизии в Персии был очень велик, звание «казак дивизии» пользовалось уважением настолько, что богатые помещики и сыновья ханов поступали в нее на службу простыми казаками, считая честью проходить службу здесь[37]. По первоначальному плану формирования персидской дивизии в ее состав должны были входить три казачьи бригады. В состав Тегеранской бригады должны были войти Тегеранский, Исфаганский, Хамаданский и Решетский отряды; в состав Тавризской бригады – Тавризский, Урмийский и Ардебильский отряды; в состав Мешхедской бригады – Мешхедский и Астрабадский отряды[38].

На протяжении 1917–1920 гг. количество отрядов менялось вследствие потерь и постоянных переформирований, призванных облегчить стоявшие перед дивизией задачи поддержания порядка на границах и внутри страны. Комплектование личным составом производилось не только по найму, но и по повинности[39]. В январе 1917 г. в связи с появлением слухов о тревожной обстановке в России персидское правительство официально аннулировало межправительственное соглашение. После Октябрьской революции 1917 г. русская военная миссия уже не могла оставаться в Персии, она была отозвана, но русские офицеры и унтер-офицеры дивизии продолжили служить в ее частях. В 1918 г., по соглашению в то время командующего персидской дивизией полковника Всеволода Дмитриевича Старосельского с персидским правительством и английским посланником Марлингом,

британское правительство брало на себя все расходы по содержанию частей персидской казачьей дивизии. Ее численность в 1920 г. составляла около 9000 казаков, включая 50 русских офицеров и 20 урядников[40].

Осенью 1920 г. персидский шах заключил с британским правительством договор о замене всех русских чинов дивизии английскими инструкторами. В октябре 1920 г. в дивизии был получен приказ передать командование персидским начальникам, русским офицерам и урядникам прибыть в Тегеран для сдачи хозяйственной части отрядов. После получения расчета личный состав русской военной миссии и их семьи были эвакуированы из Персии. Таким образом реализовалась заключенная с шахом с британскими представителями договоренность о замене всех русских офицеров и унтер-офицеров дивизии английскими военнослужащими. Персидская Его Величества шаха дивизия была расформирована в ноябре 1920 г.[41] Однако войска Персидской дивизии английским офицерам не подчинились. Командование над ней самовольно принял Реза-хан-Пехлеви (ил. 6), бывший до того командиром Гвардейского стрелкового полка, входившего в Тегеранский отряд. 21 января 1921 г. частями персидской дивизии был совершен государственный переворот, приведший Резухана к власти[42].

---

[1] РГВИА. Ф. 13185. Оп. 1. Персидская казачья Его Величества Шаха дивизия. Д. 76. Л. 3.

[2] Калугин С. Персидская Казачья Его Величества Шаха Персии дивизия // Военно-исторический вестник. 1958. № 11. С. 15.

[3] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1022. Л. 55.

[4] РГВИА. Ф. 401. Оп. 3. 1879 г. Д. 23. Л. 5, 8 об., 9, 15, 32.

[5] Косоговский В. А. Очерк развития Персидской казачьей бригады // Новый Восток. 1923. С. 391.

[6] Мамонтов Н. П. Очерки современной Персии. СПб., 1909. С. 91.

[7] Косоговский В. А. Очерк развития Персидской казачьей бригады. С. 392.

[8] РГВИА. Ф. 446. Д. 44. Л. 19–19 об.

[9] Кублицкий П. П. Современная Персидская артиллерия (1883 года). Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. XI. СПб.,1884. С. 53–82.

[10] РГВИА. Ф. 13185. Оп. 1. Д. 130. Л. 30, 48–49.

[11] Там же. Д. 40. Л. 56–57.

[12] Булацель С. Воспоминания о службе в Персидской казачьей Его Величества Шаха дивизии // Военно-исторический вестник. 1958. № 11. С. 18.

[13] РГВИА. Ф. 13185. Оп. 1. Д. 3. Л. 488–489.

[14] Калугин С. Персидская казачья Его Величества Шаха Персии дивизия. С. 15.
[15] РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 279. Л. 9–10.
[16] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 6949. Л. 142–142 об.
[17] Ржевусский А. Тегеран. Дорожные заметки. Пятигорск, 1911. С. 23.
[18] Косоговский В. А. Очерк развития Персидской казачьей бригады. С. 397, 399.
[19] РГВИА. Ф. 446. Д. 48. Л. 61.
[20] Там же. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 6949. Л. 163–164.
[21] Там же. Л. 142 об.
[22] Там же. Ф. 13185. Оп. 1. Д. 130. Л. 30.
[23] Там же. Д. 44. Л. 3.
[24] Там же. Л. 189; Д. 805. Л. 3.
[25] Там же. Д. 76. Л. 15.
[26] Там же. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 7752. Л. 1–2.
[27] Там же. Ф. 13185. Оп.1. Д. 98 а. Л. 13.
[28] Калугин С. Персидская казачья Его Величества Шаха Персии дивизия. С. 16.
[29] РГВИА. Ф.13185. Оп. 1.Д. 130. Л. 1, 2, 97.
[30] Там же. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 7749. Л. 98–98 об.
[31] Там же. Л. 174–175 об.
[32] Там же. Л. 3–3 об.
[33] Там же. Ф. 13185. Оп. 1. Д. 203. Л. 7–12.
[34] Там же. Оп. 3. Д. 8. Л. 48–49.
[35] Там же. Л. 324.
[36] Там же. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 7749. Л. 21–23.
[37] Калугин С. Персидская казачья Его Величества Шаха Персии дивизия. С. 16.
[38] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 7752. Л. 4 об.–5.
[39] Там же. Ф. 13185. Оп. 2. Д. 289 а. Л. 15.
[40] Розенблюм И. Персидская армия. С кратким историческим очерком развития вооруженных сил Персии XIX в. Тегеран, 1922. С. 11.
[41] РГВИА. Путеводитель. Т. 2. М., 2007. С. 227.
[42] Советская историческая энциклопедия. М., 1968. Т. 11. С. 988–989.

Р. М. Абинякин (Орел)

БЫВШИЕ ОФИЦЕРЫ НА СЛУЖБЕ И В ЗАПАСЕ РККА В 1923–1930 гг.: ИЗМЕНЕНИЕ ЧИСЛЕННОСТИ

ДЕМОБИЛИЗАЦИЯ Красной Армии и военные преобразования 1920-х гг. являются важным этапом развития отечественных вооруженных сил, так как не только были попыткой сочетания профессиональной и милиционной системы организации, но и выстраивали, вольно или невольно, преемственность со старой армией, прежде всего в отношении командных кадров.

Особого внимания заслуживают командиры РККА из числа бывших офицеров, так как их количество «в период Гражданской войны [...] составляло подавляющее большинство» начсостава[1], они имели серьезный служебный и боевой опыт и были не только военными профессионалами, но и носителями специфической офицерской корпоративности и менталитета. Как отмечал начальник Управления по командному составу Н. А. Ефимов, это был «наиболее преданный, вполне сроднившийся с Красной Армией слой комсостава, служившего в старой армии»[2].

Некоторое время назад были проведены исследования численности бывших офицеров в РККА[3] и динамики их увольнения из армии в 1921–1934 гг.[4], но они затрагивали преимущественно механизмы демобилизации, военно-образовательный уровень и переподготовку начальствующего состава; воинский же учет бывших офицеров, оказавшихся вне армии, не рассматривался вовсе.

Количество бывших офицеров в РККА к началу 1921 г. долгое время оценивалось по-разному, так как «установление численности армии и выяснение потребности ее в рядовом и командном составе» началось только в декабре 1920 г., после создания комиссии

во главе с заместителем Председателя РВСР Э. М. Склянским[5]. Наиболее полными и мотивированными являются цифры, полученные А. Г. Кавтарадзе и уточненные С. В. Волковым. По их данным, к началу 1921 г. в Красной Армии, за вычетом боевых потерь и перебежчиков к белым, служило около 50 тыс. бывших офицеров[6]. Данную цифру проверить довольно просто – сложением числа всех призванных в армию по мобилизациям (48 409) и принятых на службу бывших белых (14 390)[7], за вычетом погибших и перебежчиков к противнику.

С. В. Волков убедительно мотивирует количество погибших бывших офицеров – около 10 тыс. – тем, что «из 1 млн погибших военнослужащих Красной Армии их не могло быть более 1 %, то есть столько, сколько они составляли в ее общей численности»[8]. Следует согласиться и с тем, что первые офицеры, добровольно пришедшие на службу к большевикам в начале 1918 г. под угрозой германского нашествия, в основном покинули армию после Брестского мира и впоследствии мобилизовались заново уже на общих основаниях, и потому дополнительно учитываться не должны. Таким образом, расчетное количество бывших офицеров в РККА составляет 52 799 человек. Следовательно, цифра «около 50 тыс.» вполне адекватна, хотя и ориентировочна.

Несмотря на очевидную округленность и неизбежные расчетные погрешности, эта цифра позволяет определить примерную долю бывших офицеров среди 446 729 человек начальствующего состава[9] в 11,2 %, Имеющиеся сведения, что в 1921 г. доля бывших офицеров в командном составе около 34 %[10], то есть 44 517 человек без учета административно-хозяйственных и прочих должностей, представляются достаточно убедительными и косвенно подтверждают исходную цифру «около 50 тыс.» по начальствующему составу в целом.

Грандиозные сокращения армии в ходе демобилизации 1921–1923 гг. в целом и начсостава в частности велись столь стремительно и неравномерно, что делает невозможным, да и нецелесообразным отслеживание быстро меняющихся цифровых показателей, – к тому же промежуточные изменения попросту не фиксировались в статистике военного ведомства.

В 1923 г. бывшие офицеры среди командного состава Красной Армии составляли 30,3 %[11], или 14 944 человека (без административно-хозяйственного состава). Дальнейшие изменения их численности и удельного веса имеют разную динамику, исходя из

критериев оценки. Частое использование как в документах, так и в исследованиях понятия «лица с военным образованием, полученным только в старой армии» чревато искусственным занижением действительных показателей. Безусловно, в данную группу входили только бывшие офицеры (и иногда военные чиновники), но при прохождении переподготовки или курсов усовершенствования они уже числились «лицами с военным образованием, полученным в РККА».

Так, в 1924 г. бывших офицеров среди комсостава насчитывалось 30,4 %, а военное образование только в старой армии имел 23,1 %, то есть переподготовлено было 7,3 %. В 1925 г. на 24,4 % бывших офицеров приходилось 18,0 % не переподготовленных от общего числа комсостава. В 1926 г. эти цифры составили 21,7 % и 15,1 %, в 1927 г. – 19,6 % и 11,7 % соответственно[12]. Замедление темпов переподготовки бывших офицеров в 1925-1927 гг. связано с тем, что в первую очередь она затрагивало командиров с низшим военным образованием и особенно не имеющих вообще никаких военных знаний, которых в 1923 г. насчитывалось 43,4 %.

На 1 февраля 1927 г. бывшие офицеры насчитывали 9005 человек (19,9 %) среди 45 347 лиц комсостава и 1028 человек (11,5 %) среди 8974 лиц адмсостава[13]. То есть, на службе в Красной Армии находилось не менее 10 033 бывших офицеров, и немногочисленные представители данной категории присутствовали в других группах начсостава. К 1 декабря 1927 г. общая численность комсостава сократилась до 42 977 человек, количество бывших офицеров в нем снизилось до 7994, однако в процентном отношении сократилось незначительно, до 18,6 %[14].

К 1 января 1929 г. бывшие офицеры составляли 14,4 % комсостава – 73,7 % высшего, 48,2 % старшего и 5,3 % среднего комсостава; в их число входило 55,2 %, 18,1 % и 1,4 % кадровых офицеров соответственно[15]. Именно в 1928–1929 гг. появились весьма доброжелательные характеристики бывших офицеров, открыто признающие их ценность и заслуги. Н. А. Ефимов писал: «В рядах Красной Армии остался наиболее преданный, вполне сроднившийся с Красной Армией слой комсостава, служивший в старой армии»[16]. Учитывая официозность этой публикации, она могла рассматриваться как руководящая установка.

В 1929 г. в докладе РВС СССР, направленном в Политбюро ЦК ВКП(б), нарком по военным и морским делам К. Е. Ворошилов утверждал: «Значительная часть этих бывших офицеров является

выходцами из рабоче-крестьянской среды, большинство из них являются членами ВКП(б) и почти все прошли подготовку или переподготовку в советских военных школах»[17]. (Правда, председатель Реввоенсовета заметно преувеличивал, так как даже общее число коммунистов едва превысило половину среди комсостава в целом (50,8 %, в том числе 41,5 % членов ВКП(б) и 9,3 % кандидатов), тогда как среди бывших офицеров даже к 1937 г. уровень партийности был вдвое ниже – 29,9 %, включая и кандидатов[18]). И уж совершенный панегирик содержался в характеристике, данной ГУ РККА кадровому начсоставу: «Очищенный в период 1921–1924 гг. от случайно попавшего в ряды РККА и зачастую чуждого ей элемента, переподготовленный в вузах[19] Красной Армии «бывший офицер» занимает на фронте мирного строительства полноправное положение руководителя и воспитателя красноармейских масс»[20].

В целом среди всех видов начальствующего состава бывшие офицеры к началу 1930 г. насчитывали 10,6 %[21].

Большинство бывших офицеров к началу 1930 г. было сосредоточено в командном (14,1 %) и административном (9,0 %) составах – наиболее многочисленных группах начсостава Красной Армии. Поэтому статистические сведения, имеющиеся в архивных делах Управления кадров РККА, затрагивают лишь их. То есть, из 49 980 человек комсостава бывшими офицерами являлись 7047, а из 10 497 человек адмсостава – 945[22], а всего не менее 7992.

В центральном аппарате РВС СССР и Наркомата по военным и морским делам бывшие офицеры составляли 33,7 %, а в окружном – 25,7 %. То есть, фактически они играли исключительную роль в организации, руководстве армией и ее развитии. При этом значительная часть ценных, но чем-то подозрительных бывших генералов и офицеров, не имея в подчинении крупных войсковых единиц, продолжала преподавательскую и научную работу в военно-учебных заведениях, где их насчитывалось 22,3 %.

В сухопутных силах бывших офицеров было 14,4 %, что почти совпадало с общими показателями, так как именно там была сконцентрирована их основная масса. При этом по крупным командным должностям бывшие офицеры были представлены гораздо более массово. Ими были 74,1 % командиров корпусов и дивизий, 57,3 % командиров полков и 32,7 % командиров батальонов и дивизионов[23]. Это существенно корректирует

сведения ГУ РККА от 30–31 октября 1928 г., где утверждалось, что бывшие офицеры находятся «почти исключительно в штабах, и в строю их процент ничтожен (4,4 %)»[24]. Поэтому бывшие офицеры занимали ключевое место и в строевом командном звене от батальона и выше.

И только в среднем комсоставе бывших офицеров было мало – 6,0 % командиров рот, эскадронов и батарей и 0,8 % командиров взводов[25], что к этому времени объясняется продвижением большинства в группы старших и высших командиров либо увольнением по достижении предельного возраста.

В военно-морских силах ситуация была аналогичной: офицеры старого флота были представлены 20,0 %, а в высшем комсоставе 63,1 %. Комсостав штабов морских сил и флотилий был укомплектован почти вдвое большим количеством бывших офицеров, чем плавсостав, – 26,1 %[26].

В военно-воздушных силах процент был наименьшим (6,9 %). При этом в высшем комсоставе ВВС их насчитывалось 34,4 %, в старшем – 24,1 % и в среднем комсоставе лишь единицы – 2,1 %[27].

По состоянию на 10 февраля 1931 г. в Красной Армии служило 5195 бывших офицеров, что составляло 12,2 % всего командного состава. При этом среди высшего комсостава сухопутных войск их было 67,6 %, среди высшего комсостава морских сил – 53,4 %, среди высшего комсостава воздушных сил – 31,3 %[28]. Заметим, что даже столь ответственный документ как Докладная записка в ЦК ВКП(б) начальника Политуправления РККА Я. Б. Гамарника страдает небрежностью, свойственной многим материалам военного ведомства того времени: речь в нем идет не обо всем начальствующем составе, а только о командных и политических кадрах – но в то же время в тексте встречается термин «начсостав», хотя он не является предметом документа и речь явно идет про состав командный. В итоге административный состав, среди которого, как явствует из материалов предыдущих лет, имелись сотни бывших офицеров, из статистики выпал, а их общее количество в РККА оказывается заметно заниженным.

Оказавшись демобилизованными или уволенными, большинство бывших офицеров попадало на воинский учет запаса.

К концу 1922 г. воинский учет начальствующего состава был относительно организован и упорядочен. Однако на начало 1923 г. сведения имеются только по отдельным региональным

военкоматам: по Брянскому, Волынскому, Екатеринбургскому, Кубано-Черноморскому, Новониколаевскому, Орловскому, Пермскому, Тамбовскому, Тульскому и Черниговскому.

При всей произвольности такой выборки, обусловленной сохранностью архивных материалов, она представляется достаточно репрезентативной: охватывает разные регионы, оперирует крупными контингентами и весьма подробными сведениями. В результате проанализировано 18 853 лица командно-административного состава РККА, демобилизованных и учтенных губвоенкоматами. Бывшие офицеры насчитывали среди них 7591 человек, то есть 40,3 %[29]. Следовательно, бывшие офицеры, составляя немногим меньше половины принятого на воинский учет командного и административного состава, были важнейшим мобилизационным резервом РККА.

На протяжении второй половины 1920-х гг. характеристики начсостава запаса РККА в целом и места среди него бывших офицеров в частности отличаются неточностью и фрагментарностью. В официальных документах ГУ РККА, адресованных в РВС СССР, указаны численные и процентные данные об отдельных группах командного состава запаса, но поразительным образом отсутствуют общие цифры.

Так, в докладной записке начальника ГУ РККА В. Н. Левичева (не позднее 15 февраля 1926 г.), называется лишь количество комсостава запаса, служившего только в Красной Армии – «59 000 человек (65 %)»[30]. Сам округленный характер приведенных цифр указывает на их приблизительность, хотя и позволяет вычислить как примерную численность всего комсостава запаса – около 90 770 человек, так и количество лиц, участвовавших в Первой мировой войне на командных должностях, то есть бывших офицеров – примерно 31 770 человек, или 35 %.

В 1927 г. была предпринята попытка обобщить социально-демографические характеристики начальствующего состава запаса за 1924–1926 гг. Справка Командного управления ГУ РККА для доклада председателя РВС СССР правительству с характеристикой Красной Армии, в том числе уволенного в запас начсостава от 24 января 1927 г., к сожалению, странным образом вообще не выделяла бывших офицеров в отдельную группу[31].

На начало 1931 г. начальствующего состава запаса числилось 300 500 человек. По данным Управления кадров РККА, из них бывших офицеров – 32 000 человек среди 110 000 командного

состава запаса[32], то есть 29,1 %, а по остальным группам начсостава запаса их количество вообще не отражено.

Подводя итоги, отметим, что на протяжении 1920-х гг. бывшие офицеры составляли большинство высшего и значительную часть старшего командного состава РККА, определяя ее боеспособность, развитие и обучение. Снижение их представительства происходило постепенно, преимущественно за счет естественной убыли. За первое послевоенное десятилетие бывшие офицеры наряду с другими представителями начальствующего состава увольнялись из РККА, однако на воинском учете запаса составляли крупную группу, особенно среди наиболее стратегически важной категории, а именно командного состава. Это означает, что бывшие офицеры продолжали рассматриваться как один из главных кадровых резервов Красной Армии и в мирное время, и в случае войны.

---

[1] Ефимов Н.[А.] Командный состав Красной Армии // Гражданская война 1918–1921 гг.: В 3 т. М.; Л., 1928. Т. 2. С. 104.

[2] Там же. С. 107.

[3] Абинякин Р. М. Изменения численности бывших офицеров среди начальствующего состава РККА в 1920-е гг. // Военно-исторический журнал. 2012. № 5. С. 18–21.

[4] Абинякин Р. М. Увольнения бывших офицеров из РККА в 1921–1934 гг. // Вопросы истории. 2012. № 2. С. 91–103.

[5] Ефимов Н. А. Указ. соч. С. 96.

[6] Волков С. В. Трагедия русского офицерства. М., 2001. С. 317.

[7] Ефимов Н. А. Указ. соч. С. 95, 97.

[8] Волков С. В. Указ. соч. С. 317.

[9] Ефимов Н. А. Указ. соч. С. 96.

[10] Волков С. В. Указ. соч. С. 316.

[11] Ефимов Н. А. Указ. соч. С. 106.

[12] Обзор ГУ РККА о состоянии Красной Армии в 1927–1928 гг. 30–31 октября 1928 г. // Реформа в Красной Армии: Документы и материалы 1923–1928 гг.: В 2 кн. М., 2006. Кн. 2. С. 311–313; Ефимов Н. А. Указ. соч. С. 106.

[13] Рогова Е. М. Некоторые аспекты политики Советской власти в отношении военных специалистов и «бывших» белых во второй половине 1920-х – начале 1930-х гг. // Белая армия. Белое дело: Исторический научно-популярный альманах (Екатеринбург). 2011. № 19. С. 123.

[14] Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 54. Оп. 1. Д. 1183. Л. 4 об. – 5.

[15] Доклад РВС СССР. [Не позднее 27 июня 1929 г.] // Вестник Архива Президента Российской Федерации: Красная Армия в 1920-е годы. М., 2007. С. 187.

[16] Ефимов Н. А. Указ. соч. С. 107.

[17] Доклад РВС СССР. [Не позднее 27 июня 1929 г.] С. 187.
[18] РГВА. Ф. 54. Оп. 17. Д. 402. Л. 4; Обзор ГУ РККА о состоянии Красной Армии в 1927–1928 гг. С. 315.
[19] Вузы – здесь: военно-учебные заведения.
[20] РГВА. Ф. 37837. Оп. 11. Д. 1. Л. 14 об.
[21] Там же. Л. 11, 13 об.
[22] Там же. Ф. 54. Оп. 1. Д. 1235. Л. 8, 10 об.
[23] Там же. Оп. 11. Д. 1. Л. 13 об., 19 об., 23, 26 об. – 27. С учетом строевых и штабных должностей и категорий соответствующего уровня.
[24] Обзор ГУ РККА о состоянии Красной Армии в 1927–1928 гг. С. 314.
[25] РГВА. Ф. 37837. Оп. 11. Д. 1. Л. 26 об. – 27.
[26] Там же. Л. 39–42, 45 об.
[27] Там же. Л. 19 об., 31, 33–34 об.
[28] Там же. Оп. 21. Д. 84. Л. 98–99.
[29] Более подробные сведения по военкоматам являются темой отдельного исследования, которое подготовлено к печати.
[30] Докладная записка начальника ГУ РККА В. Н. Левичева в РВС СССР о подготовке командного состава запаса. Не позднее 15 февраля 1926 г. // Реформа в Красной Армии: Документы и материалы 1923–1928 гг. Кн. 1. С. 507.
[31] Справка Командного управления ГУ РККА для доклада председателя РВС СССР Правительству с характеристикой Красной Армии, в том числе уволенного в запас начсостава. 24 января 1927 г. // Реформа в Красной Армии: Документы и материалы 1923–1928 гг. Кн. 2. С. 25.
[32] РГВА. Ф. 37837. Оп. 21. Д. 5. Л. 77.

А. М. Абрамов (Санкт-Петербург)

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРИНЯТИЯ НА ВООРУЖЕНИЕ РККА РУЧНОГО ПУЛЕМЕТА СИСТЕМЫ ДЕГТЯРЕВА ДП (ДЕГТЯРЕВ ПЕХОТНЫЙ) И ОРГАНИЗАЦИЯ ЕГО ВАЛОВОГО ПРОИЗВОДСТВА (1924–1932 гг.)

ХРОНОЛОГИЯ РАЗРАБОТКИ ручного пулемета системы Дегтярева (ДП) и организация его серийного производства, казалось бы, широко развернута в отечественной оружейной литературе, в том числе в трудах таких уважаемых авторов как В. Г. Федоров, Д. Н. Болотин, О. С. Русакова и ряда других. Однако до сих пор такие важные исторические вехи, как, например, точная дата и номер документа принятия РВС СССР на вооружение пулемета ДП, остаются неизвестными, кроме того, практически отсутствует историческая информация о периоде «не лекального» производства пулеметов Дегтярева в 1928–1932 гг.

Появившаяся сегодня возможность системного доступа не только к архивным фондам РВС СССР и ГАУ РККА (с 1940 г. ГУ КА), но и к архивам предприятий, в том числе Ковровского пулеметного завода (КПЗ, ИНЗ № 2 им. Киркиж), позволяет нам более дельно раскрыть эти вопросы, что и отражено в данной статье.

15 апреля 1924 г. состоялось историческое заседание Артиллерийского комитета при участии инспекторов армии и артиллерии, начальника Артиллерийского управления и представителей Стрелкового комитета по стратегии перевооружения РККА новыми, более современными образцами вооружения.

На заседании была дана оценка опыту Первой мировой войны, которая показала крайнюю необходимость обширного применения пулеметного (автоматического) огня не только в виде отдельных команд, но и в теснейшей связи с общим составом стрелков.

При этом было отмечено, что индивидуальный ружейный огонь на большие дистанции (свыше 1000 шагов) оказался несостоятельным и не оправдал того значения, которое ему придавалось до начала Первой мировой войны. Также было определено, что станковые пулеметы довоенного типа, существовавшие на вооружении всех армий, оказались слишком тяжелыми для применения их в бою, особенно в передовых наступающих частях пехоты, в связи с чем повсеместно было осуществлено применение самых различных образцов автоматического оружия, хотя и уступавшего по своим качествам обыкновенным пулеметам, но более легких, маневренных. Эти образцы получили наименование «легких пулеметов», «ружей-пулеметов», «автоматических ружей» и «ручных пулеметов».

В итоге трехдневного заседания Арткома, несмотря на бурную дискуссию по переходу на 6,5-мм патрон и по автоматическому оружию конструкции В. Г. Федорова, было решено произвести перевооружение РККА, исходя из применения трехлинейного патрона обр. 1908 г. Кроме того, были определены типы автоматического оружия, которые должна иметь пехота: станковый пулемет, ручной пулемет, стреляющий с сошек (вес не более 12 кг с сошками, переноска системы одним человеком, 300 выстрелов без замены ствола), и самозарядная винтовка, в качестве индивидуального оружия. Все эти решения были отражены в журнале Арткома № 563 от 18.04.1924 г.[1]

Уже через месяц, в июле 1924 г. на Ковровский пулеметный завод была направлена Особая комиссия АУ РККА под руководством начальника курсов «Выстрел» Н. В. Куйбышева в составе известнейших военных специалистов Н. М. Филатова, М. В. Энвальда, В. П. Бойно-Родзевича, А. А. Смирнского и ряда других.

После обстоятельного доклада В. Г. Федорова, сопровождавшегося демонстрацией 22 различных образцов оружия, была составлена программа испытательных стрельб из различных образцов, где седьмым пунктом было определено: «Испытать новый образец 3-х лин. пулемета системы Дегтярева с неподвижным стволом, с отводом газов и барабанным магазином».

По результату проведенных 21–22 июля 1924 г. испытаний Особая комиссия в своем протоколе отметила: «Ввиду отмеченных отличных качеств пулемета Комиссия постановила ходатайствовать о разрешении заказать три пулемета этой системы

Ил. 1. Испытания на Опытном ружейно-стрелковом полигоне Высшей стрелковой школы «Выстрел»

с соответствующим числом магазинов и комплектов запасных частей для испытании указанного образца на полигоне».

В сентябре 1924 г. создается еще одна Особая комиссия, на этот раз под председательством С. М. Буденного[2], которая запросила для испытаний все виды автоматического вооружения, разработанные КПЗ под трехлинейный патрон. Образцы, в том числе и ручной пулемета Дегтярева, были доставлены самими конструкторами и в их присутствии испытаны на полигоне курсов «Выстрел» в поселке Новогиреево (ил. 1).

В результате работы Особой комиссии С. М. Буденного было решено продолжить работы по разработке ручных пулеметов, переделываемых из станковых пулеметов Максима по системам Токарева и Колесникова, и заказать опытные образцы автоматических винтовок пяти систем. Изготовление опытных образцов пулемета Дегтярева в 1924 г. заказано не было.

Все изменилось весной 1926 г., когда Штабом РККА на совместном заседании 10 мая III, IV-й и V-й секций Арткома с участием представителей от Научного комитета управления ВВС, Инспекции пехоты, Морского ведомства было принято решение о необходимости разработки совершенно новой, удовлетворяющей современным требованиям, системы ручного пулемета, взамен тяжелой и маломобильной системы Максима–Токарева.

По итогам этого заседания Арткомом в ЖАКе № 525с от 17 мая 1926 г. были утверждены требования к 7,62-мм ручному и авиационному и 12,7-мм крупнокалиберному пулеметам. Требования к ручным пулеметам состояли из 27 пунктов, в которых кроме прочего указывалось, что пулемет должен быть спроектирован под 3-лин. патрон, кучность боя не ниже, чем у пулемета Льюиса, должна быть минимизирована тряска при стрельбе и др. Максимальный вес пулемета был уменьшен до 7 кг. Кроме того, указывалось, что механизм пулемета должен быть малочувствителен к внешним факторам: температуре, засорению и др., также он должен был быть нечувствителен к затяжным выстрелам. Питание пулемета предполагалось организовать из магазина или обоймы, при этом было необходимо обеспечить возможность стрельбы патронами с пулями специального назначения. Кроме того, приводились требования к смене ствола, устранению мелких задержек, перезаряжанию после осечек и др.

Получив новые требования Арткома, В. Г. Федоров инициативно усилил работу по изготовлению первых опытных пулеметов системы Дегтярева для полигонных испытаний, затратив на это 60 000 рублей[3] (огромная сумма на то время), которые были выделены АУ РККА на разработку и изготовление опытных образов автоматических винтовок систем обоих конструкторов. Но благодаря этому решению удалось в короткий срок изготовить три первых опытных пулемета образца 1926 г., два из которых и были представлены на полигон для испытаний.

27–29 сентября и затем в конце ноября 1926 г. на НИОПе состоялись полигонные испытание двух первых опытных пулеметов системы Дегтярева.

Артком в ЖАКе № 1292с[4] от 29.12.1926 г. нашел результаты испытаний удовлетворительными, но были отмечены и недостатки ДП, в том числе указывалось на необходимость усиления некоторых деталей и соответствующей отладки в пулеметах. Пулеметы были возвращены на завод для устранения отмеченных недостатков. Не позднее 10 января 1927 г. должны были быть доставлены снова на полигон для окончания их испытания.

В результате В. А. Дегтярев, выполняя требования Арткома, внес ряд изменений в конструкцию пулемета, увеличив надежность работы ДП, в том числе была упрочнена рама газового поршня; рама, выбрасыватель и стержень газового поршня должны были быть изготовлены из хромоникелевой стали; бойки

Ил. 2. Ручной пулемет Дегтярева, опытный образец 1926 г. ВИМАИВиВС

ударника сделали аналогичными пулемету Льюиса; введено кернение винта кожуха и др. (ил. 2).

Два пулемета с указанными изменениями были изготовлены и подвергнуты испытаниям на заводе особой комиссией под председательством начальника Штаба РККА М. Н. Тухачевского. Результаты работы комиссии нашли свое отражение в ЖАКе № 59 от 28.01.1927 г. В итоге было принято решение одобрить последние два экземпляра ручных пулеметов системы Дегтярева с внесенными в них изменениями как образцы для всех предварительных работ по установке производства опытной партии в 100 шт. Кроме того, отмечалось, что необходимо произвести изыскания для получения более замедленного открывания затвора с целью облегчения массовой отладки пулеметов и уменьшения числа задержек при стрельбе.

Дальнейшую хронологию изготовления опытной партии в 100 пулеметов можно процитировать из справки ИНЗ № 2 (переименован в КПЗ 01.10.1927 г.), которую завод представил в РУЖ осенью 1927 г. (оригинальные орфография и пунктуация сохранены):

«СПРАВКА О ПУЛЕМЕТАХ ДЕГТЯРЕВА[5].

1. Утвержденный образец пулемета был передан заводу 1-го Февраля 1927 года, при чем приказано было изготовить 100 штук, сделав в них 6 изменений против данного образца. Чертежей ни построительных, ни даже эскизных не было.

2. Металл на 2 части, из них главная (рама) был доставлен заводу лишь 3 Сентября. Сталь на магазины была получена лишь 31-го Августа.

3. 6-го Июля заводом был послан в Артком образец лекального пулемета со всеми вышеуказанными 6-ю изменениями и до 18-го Августа этот образец не был Арткомом испытан, чем задержалась работа по изготовлению прицельной колодки.

4. В двух главных деталях № 5 и № 24 были 8-го Сентября произведены Арткомом изменения, потребовавшие переделки 33 приспособлений и части инструмента.

5. При построении кривой прицельной колодки, по данным Арткома, 24-го Октября выяснилось, что изготовленные заводом прицельные колодки придется переконструировать, а мушки бросить и изготовить вновь.

6. Несмотря на позднюю доставку металла, несмотря на коренные изменения некоторых деталей, 1-го Ноября, т.е. ровно через 9-ть месяцев завод испытывал стрельбой первый пулемет из числа заказанной сотни, при чем стрельба (двести выстрелов и 2 усиленных) дала хорошие результаты.

7. 4-го Ноября находилось в сборке 25 пулеметов с комплектом запасных частей из них 10 пулеметов уже успешно испытаны стрельбой, 25 сошек собраны, в сборке было 75 магазинов, из коих 47 уже собраны.

Пулеметы пока без прицелов, которые срочно заканчивают изготавливать.

8. Остальные части на 100 пулеметов заканчиваются работы по деталям, которые постепенно будут поступать в сборку».

Сдачу всех 100 пулеметов завод планировал завершить к 31 декабря 1927 г., но фактически только 3 января 1928 г. ИНЗ № 2 направил телеграмму в РУЖ, что последние экземпляры из опытной серии в 100 шт. сданы военпреду[6].

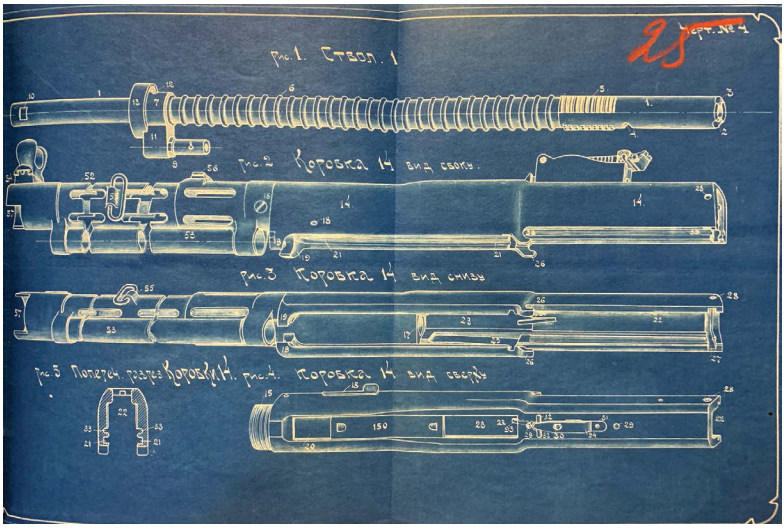
В свою очередь Артком разработал и ЖАКом[7] № 263с от 26 марта 1927 г. принял «Временные технические условия на прием ручных пулеметов Дегтярева». Временные ТУ были введены только на прием опытной партии пулеметов в 100 шт., но фактически они применялись до сентября 1930 г., пока не были заменены на ВСТ 28.

С учетом фактически ограниченной возможности завода обеспечить 100%-ное лекальное производство, в утвержденных ТУ было допущено ограничить взаимозаменяемость деталей и приложенного ЗИПа только на состав комплекта из трех пулеметов ДП. Соответственно был введена двухзначная нумерация, к примеру: 15/5, первая цифра – собственный номер пулемета,

Ил. 3. Ручной пулемет ДП, опытная серия 1927 г., фрагмент. ЦМВС

а вторая – номер комплекта. Такое обозначение в ручных пулеметах ДП сохранилось до налаживания заводом лекальности в производстве и обеспечения полной взаимозаменяемости деталей только в 1930 г. (ил. 3).

Параллельно с налаживанием производства первой опытной серии 28 октября 1927 г. В. Г. Федоров представляет в Артком на рассмотрение разработанное им подробное описание ручного пулемета Дегтярева с чертежами. Качество и детализация описания было такого высокого уровня, что Артком АУ РККА, оперативно рассмотрев данный документ, в своем ЖАКе № 939 от 17.11.1927 г. постановил одобрить составленное инженером Федоровым описание и выдать вознаграждение в размере 250 рублей (ил. 4).



Ил. 4. Описание ручного пулемета Дегтярева с чертежами, составленное инженером В. Г. Федоровым. 1927 г.

Ил. 5. Ручной пулемет ДП, опытная серия 1927 г., подарок XV съезду ВКП(б). ЦМВС

Самым важным было то, что первые десять пулеметов этой серии ИНЗ-2 успел изготовить и отладить к началу XV съезда ВКП(б) в декабре 1927 г. Как в дальнейшем отмечал в своих воспоминаниях еще один известный советский конструктор стрелкового вооружения С. Г. Симонов, «принять участие в изготовлении ручного пулемета каждый из членов нашего коллектива считал за большую честь. Работали с подъемом, тщательно отделывали каждую деталь. Сборка была поручена одному из лучших слесарей завода А. И. Голубеву и мне, работавшему тогда старшим мастером»[8]. На металлической пластинке, приделанной к прикладу пулемета, было выгравировано: «XV съезду ВКП(б) от рабочих инструментального Госзавода № 2...» (ил. 5).

11 декабря 1927 г. на утреннем заседании съезда представитель завода Елисеев торжественно вручил пулемет ДП как подарок от рабочих пулеметного завода.

Сразу после XV съезда ВКП(б) **прошло первое заседание Реввоенсовета СССР,** на котором поднимался вопрос о приеме пулемета на вооружение, но решение отложили до окончания полигонных испытаний.

Второе заседание Реввоенсовета СССР прошло 4 января 1928 г. под председательством К. Е. Ворошилова. Заслушав доклад о работе комиссии Уншлихта, РВС постановил (протокол № 1 П. 11) направить пулемет системы Дегтярева на дополнительное испытание командному составу, собранному на пулеметных курсах при «Выстреле».

Оперативно была организована комиссия под председательством начальника полигона Логинова и состоящая из членов комиссии руководителей опытов Григорьева и Любимова и конструкторов Якимовича и Николаева, которая 7 января 1928 г. провела испытания ручных пулеметов Дегтярева по программе, разработанной АУ РККА.

Согласно акту работы комиссии, испытания прошли успешно, и в заключении было отмечено, что пулемет по своей портативности, удобству обращения с ним при носке и стрельбе, безотказности работы, кучности и меткости является одним из самых совершенных существующих образцов ручного пулемета. Но были указаны и недостатки, такие как большое пламя вечером, невозможность вести одиночный огонь и др.

Третье заседание РВС СССР состоялось 11 января 1928 г., на котором было принято решение о принятии пулемета Дегтярева на вооружение и заказе на 2,5 тысяч штук.

После получения первых партий пулемета необходимо было разослать их в округа для широких войсковых испытаний.

19 февраля 1928 г. Штабом РККА дается указание об отпуске для производства войсковых испытаний 60 ручных пулеметов, из них:

27 шт. – 45-й дивизии УВО (Украинский военный округ);

9 шт. – 4-й кавбригаде БВО (Белорусский военный округ);

24 шт. – военно-учебным заведениям всех округов.

Одновременно Штабом РККА даются указания соответствующим округам и вузам о производстве войсковых испытаний в течение лагерного сбора с тем чтобы проверить работу и выносливость пулемета в условиях полевой службы.

При этом в процессе совещаний перед этим заседанием, в которых участвовали сами Дегтярев и Федоров, а также руководство ГАУ и курсов «Выстрел», было принято решение, что саму конструкцию пулеметов нужно дорабатывать. Всего было сделано 6 принципиальных изменений (например, смещение на 8 мм газоотводной трубки), отраженных в ЖАКе № 59[9] от 28 января 1927 г., на базе которого и был утвержден принятый на вооружение ДП. В объем работ в том числе входило изготовление трех контрольных экземпляров, а также разработка и подготовка постройтельных чертежей.

20 февраля внесенные В. А. Дегтяревым изменения были одобрены Арткомом, образцовые экземпляры были возвращены на завод для подготовки чертежей и изготовления опытной партии.

Только в октябре началось реальное производство пулеметов по варианту № 2, так как дорабатывались чертежи и другие детали. Организация производства заняла около полугода. Из первой партии 100 экземпляров 90 пулеметов были направлены на широкие войсковые испытания в округа и войска ОГПУ. С лета 1928 г. стали приходить отзывы войск, и они показали, что надежность пулеметов не соответствует ВСТ, по которым этот пулемет изготовлялся. Более подробно это показано на диаграмме средней живучести пулеметов системы В. А. Дегтярева.

На эту проблему ГАУ и Артком обращали внимание РУЖа и писали о необходимости устранения этих замечаний вместе с заводом. На конец 1928 г. практически никакого улучшения качества пулеметов не произошло.

В результате данный вопрос был вынужден взять под свой контроль РВС СССР. В протоколе № 2 от 26 января 1929 г. постоянной комисии РВС было отмеченно, что, несмотря на несомненные достоинства пулемета Дегтряева, есть несколько серезьеных недостатков:

а) отсутствие полной взаимозаменяемости частей;

б) непроизвольный автоматический огонь;

в) сложность, большой вес и неудобство снаряжения магазинов;

г) неудобство конструкции ящиков для переноски магазинов и запасных частей;

д) невозможность ведения одиночного огня, и ряд других.

Комиссия отмечала, что наличие указанных недостатков свидетельствует о недоработанности деталей пулемета; невозможность в боевой обстановке быстро заменить поломавшуюся или неисправную часть в значительной степени умаляет достоинство пулемета как боевого оружия пехоты. Крупнейшие из указанных недостатков: отсутствие полной взаимозаменяемости частей пулемета, непроизвольный автоматический огонь и невозможность ведения одиночного огня – остаются неустраненными.

Ружейно-пулеметный трест дал обязательство достигнуть взаимозаменяемости частей к 1 июня 1929 г., но срок не был выполнен.

РВС СССР для избежания остановки и развала производства, а также задержки обучения армии поручил начснабу РККА:

а) срочно определить размер минимального заказа на ручные пулеметы Дегтярева на 1929/30 г. и необходимое количество комплектов индивидуальных запасных частей к ним;

б) изготовленные пулеметы принимать только при условии обеспечения их индивидуальными запасными частями.

Было также принято решение немедленно создать специальную техническую комиссию из специалистов АУ УС РККА и ВПУ ВСНХ СССР, которая в двухнедельный срок должна была представить в РВС доклад о минимальных сроках, требующихся для достижения в производстве взаимозаменяемости.

Эта комиссия в совместном докладе председателю РВС отметила, что срок перехода зависит от нескольких факторов, в том числе от срока изготовления полного комплекта спроектированных заводом лекал, шаблонов и приспособлений.

При поверке комиссией на месте расчета времени, потребного на изготовление полных комплектов лекал и шаблонов для достижения взаимозаменяемости частей пулемета, выяснилось, что срок к 1 декабря 1929 г., намеченный комиссией ГВПУ при существующем штате (14 человек) лекальщиков является непреувеличенным и даже потребует увеличения числа лекальщиков до 20 человек.

Время, потребное на изготовление лекальных деталей пулемета, определено в 64 дня, т. е. по сроку прохождения по переходам наиболее сложной детали ствольной коробки.

И наконец, на окончательную увязку всех неизбежных в процессе производства неполадок, по заявлению представителей ГВПУ, необходимо не менее месяца. Таким образом, твердый срок выпуска пулеметов с вполне взаимозаменяемыми запчастями был установлен не позднее 1 апреля 1930 г.

Исходя из результатов проверки, было решено принять по заказу 1928/1929 гг. до 1500 шт. пулеметов Дегтярева с невзаимозаменяемыми запчастями и магазинами и 2240 шт. с индивидуально пригнанными частями по новой норме с запчастями и принадлежностью, с отсрочкой сдачи их до 1 ноября. Было также принято решение уменьшить заказ на 1929–1930 гг. до 12650 шт.

Устранение остальных ранее отмеченных недостатков, а именно: непроизвольного автоматического огня и невозможности ведения одиночного огня требовало, по мнению ГВПУ, серьезной переделки пулемета.

Введение спускового механизма, допускающего производство одиночного огня, разработанного ПКБ на ИНЗ № 2, вело к усложнению конструкции спускового механизма и требовало также изменения коробки (спусковой рамы).

Параллельно с повышением качества производства пулемета ПКБ ИНЗ № 2 под руководством В. Г. Федорова продолжило улучшение ручного пулемета системы Дегтярева по указаниям АУ РККА.

В июле 1929 г. Артком, согласно ЖАК № 340[10] от 15.07.1929 г., после испытаний на полигоне НИОП пулеметов ДП с рядом усовершенствований одобрил применение в производстве газового регулятора новой формы, позволяющего переводить его на другое отверстие без отделения от ствола, новой магазинной защелки и применение пламегасителя. Переход планировался также к 1 апреля 1930 г.

Кроме указанных и утвержденных ЖАКом изменений, согласно отчету ПКБ ИНЗ № 2 в 1929 г., были выполнены или начаты следующие работы:

– устранение непроизвольной стрельбы;
– упрощение снаряжения дискового магазина;
– разработка прибора для снаряжения магазина;
– приспособление ДП к автомобилю и мотоциклу.

В результате усилий, приложенных РВС, Артиллерийским комитетом и руководством самого ИНЗ № 2, было запущено лекальное производство, и к апрелю 1930 г. была обеспечена требуемая взаимозаменяемость деталей пулеметов и ЗИП. Были также утверждены новые Временные технические условия ВСТ-28. При этом изменилась и маркировка пулеметов: в обозначении появился год выпуска, и остался только серийный номер пулемета, который с этого момента начали с единицы (ил. 6).

Для пригонки нового ЗИП к пулеметам старого нелекального изготовления инициативно заведующим БНКиС ИНЗ № 2 В. Г. Федоровым было разработана соответствующая инструкция, которая была рассмотрена Особой комиссией, после чего передана на НИОП для опытной проверки указаний по отладке запасных частей и по пользованию лекалами, указанными в настоящей инструкции. После учета ряда замечаний, сделанных комиссией и внесенных НИОП, инструкция была утверждена журналом НТК АК № 56 от 27 марта 1930 г.

Как ранее отмечалось, практически с первых протоколов РВС и АУ РККА обращали внимание на отсутствие в пулемете Дегтярева спускового механизма для ведения одиночного огня. После соответствующих указаний в 1929 г. ПКБ ИНЗ № 2 разработало вариант УСМ с переводчиком для стрельбы одиночным

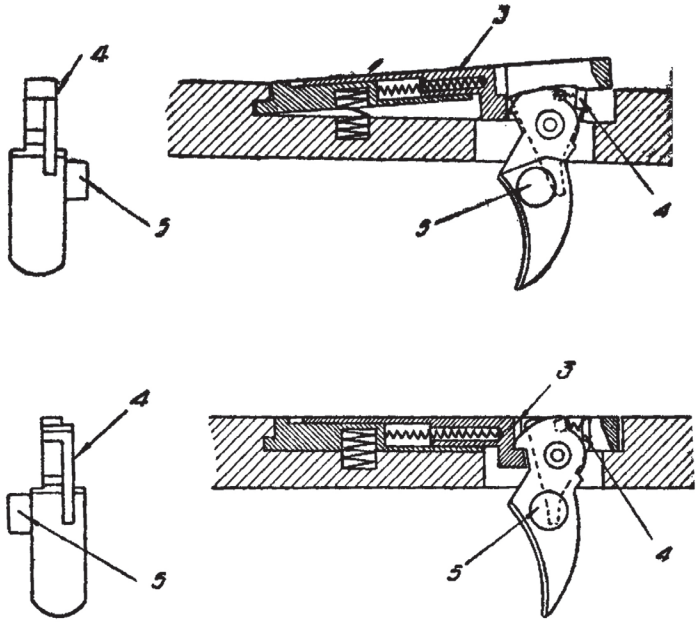
Ил. 6. Маркировка ДП до и после 1 апреля 1930 г. Музей отечественной военной истории, Падиково, Московская область

огнем и представило конструкцию на полигонные испытания (журнал НТК АУ № 464-29[11]). Основными замечаниями НИОП по предложенной конструкции было то, что при внедрении в производство предложенного механизма взамен существующего необходимо было внести существенные изменения в конструкцию спусковой рамы пулемета.

Инициативно в 1930 г. сотрудники НИОП младший инженер В. Ф. Кузьмищев, в будущем руководитель КБ полигона и руководитель опытов Зуев разработали и предложили свой вариант нового спускового механизма к ДП, разработанного ими и позволяющего вести стрельбу как непрерывным огнем, так и одиночными выстрелами (ил. 7)[12].

Предложенный спусковой механизм был испытан на НИОПе и 24 марта 1930 г. представлен конструктором Кузьмищевым председателю НТК АУ, а последним – начальнику вооружений РККА.

В отличие от УСМ конструкции ПБК ИНЗ № 2, спусковой механизм Кузьмищева–Зуева по своим внешним размерам не отличался от штатного механизма ДП и мог быть поставлен в любой



Ил. 7. Взаимодействие деталей УСМ конструкции Кузьмищева–Зуева

пулемет без переделки соприкасающихся частей пулемета, т. е. спусковой рамы и рамы затворной.

Решением руководства АУ РККА ИНЗ № 2 поручалось изготовить 500 шт. УСМ конструкции Кузьмищева–Зуева для широких войсковых испытаний. После широких войсковых испытаний спускового механизма он был включен в 1932 г. в чертежи серийно выпускаемых ДП, но в дальнейшем исключен из них при принятии чертежей литеры «В» в 1933 г. и ВСТ 831.

После освоения ИНЗ № 2 выпуска пулеметов с взаимозаменяемыми частями остались вопросы к надежности выпускаемых изделий.

С 25 марта по 2 апреля 1930 г. согласно приказу начальника вооружений РККА от 16 марта была создана комиссия под председательством заместителя начальника вооружений РККА комкора Н. А. Ефимова. Ее главная цель – выявить живучесть пулемета и отдельных его деталей.

Комиссия в своем акте представила результаты отстрела 13 пулеметов; причем из всех было произведено 573 700 выстрелов. За

все время опытной стрельбы в пулеметах произошло 192 поломки и 36 различных износов частей, требующих их замены, всего 228 дефектов, что составило по отношению ко всем выстрелам 0,04 %. Больше всего поломок пришлось на долю бойков ударника и выбрасывателей.

При этом средняя живучесть пулеметов, определяемая поломкой крупных деталей (вне комплектного ЗИПа) или разносом деталей затвора и всего запирающего механизма, при котором покрывается браковочная шашка с размером 0,075, составила всего 54,14 % от нормы НТК АУ.

В своих выводах комиссия Н. А. Ефимова предложила для улучшения конструкций пулемета и магазинов, для повышения их живучести целый ряд конструктивных и производственных изменений[13]. Со всеми этими изменениями пулеметы были изготовлены в два этапа и в двух вариантах.

Первый вариант пулеметов имел меньшее количество изменений и испытывался в комиссии под председательством командира 14-й стрелковой дивизии Кирилла Афанасьевича Мерецкова, будущего Маршала Советского Союза. Комиссия указала на неудовлетворительные результаты испытания как в отношении улучшения пулемета Дегтярева в целом, так и по отдельным его деталям, вследствие чего опытная работа БНКиС ИНЗ № 2 над улучшением конструкции была повторена с добавлением целого ряда новых изменений и усовершенствований.

Второй, более поздний вариант имел максимум изменений и испытывался в комиссии под председательством члена НТК АУ Любимова. Результаты испытаний изложены ниже в сводной таблице для последних двух комиссий (ил. 8).

Данные таблицы о поломках, происшедших во время обеих опытных стрельб, позволили НТК АУ РККА сделать следующие выводы:

1. общее число поломок в комиссии комкора В. В. Любимова по отношению к комиссии Мерецкова уменьшилось, что произошло главным образом за счет повышения живучести нового бойка системы Дегтярева;

2. средняя живучесть основных деталей пулеметов составляла 49,91 % от нормы НТК АУ.

В результате анализа выводов трех комиссий АУ РККА и работы, проделанной БНКиС в 1930 г., в декабре НТК АУ в журнале № 274с[14] принимает план внесения в производство 24 изменений

Вопросы о результатах испытания	Комиссия тов. Мерецкова	Комиссия тов. Любимова	ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ
1) Количество испытанных пулеметов:			х) Три пулемета имели термическую обработку инженера Скворцова хх) из них два спаренных
Ручных	5	6[x]	
Авиационных	5[xx]	2	
Танковых	3	2	
ВСЕГО	13	11	
2) Всего выстрелов	416000	393000	
3) Сколько получилось задержек	1953	3510	Что составляет для первого случая 0,5%, а во втором 0,8% ко всему количеству выстрелов
4) Всего поломок частей Из них-	234	144	
Затворных рам	-	3	х) поломок 50%
Штоков поршня	3	-	хх) все осевшие
Боевых упоров	8	5	ххх) из них с трещинами -3, а остальные с прогаром
Выбрасывателей	19	16	
Бойков ударника	140	13	
Пруж. выбрасыв.	17	36	
Возвр. пружин	15[x]	20[xx]	
Отражателей	4	6	
затворов	0	6[xxx]	
5) Количество износов	45	33	
6) Всех дефектов	279	179	В первом случае имеем 0,07%, а во втором – 0,04% ко всему количеству выстрелов

Ил. 8. Сравнительная таблица результатов испытания ДП комиссий комдива Мерецкова и комкора Любимова. 1930 г.

и дополнений к конструкции пулемета ДП. Согласно плану, в 1931 г. усилия ИНЗ № 2 были направлены на выполнение указаний НТК АУ, и в первую очередь на повышенияе надежности до нормы НТК АУ РККА и исключение «самострелов».

По итогам 1931 г. в отчете директора ИНЗ № 2 отмечалось, что был изменен режим термической обработки наиболее ответственных частей, а на отдельные ответственные детали сорт стали ХН был заменен на ХЗН. В итоге всей годовой работы средняя живучесть пулемета Дегтярева достигла 94,4 % от нормы НТК АУ (ил. 9).

В дальнейшем увеличение живучести пулемета с 94,4 % до 115 % произошло в следующем 1932 г. благодаря уменьшению скорости отхода подвижной системы, чему способствовало введение в регулятор газового отверстия в 2,5 мм.

Ил. 9. Динамика изменения средней живучести пулемета системы Дегтярева

В начале 1933 г. была устранена «самострельность» пулеметов ДП путем отказа от поставки на пулемет усиленных возвратно-боевых пружин и увеличением газовых отверстий регулятора. Более детально хронология изменения диаметра отверстий регулятора пулемета ДП представлена в таблице (ил. 10).

	1927	1929	1932	1933	1934	1937-1946
Тип регулятора	ранний	ранний	поздний	поздний	поздний	поздний
1 отв	**2,5 мм***	**2,5 мм***	**-**	**2,5 мм**	**2,7 мм****	**2,7 мм****
2 отв	**3,0 мм**	**3,0 мм**	**3,0 мм**	**3,0 мм**	**3,3 мм**	**3,3 мм**
3 отв	**4,0 мм**	**4,0 мм**	**4,0 мм**	**4,0 мм**	**4,0 мм**	**4,0 мм**
4 отв	**5,0 мм**	**5,0 мм**	**-**	**-**	**-**	**-**

* при этом на торце регулятора промаркировано: 2 / 3 / 4 / 5

** при этом на кольцевом пояске регулятора промаркировано 2,5 / 3 / 4

Ил. 10. Хронология изменений диаметра отверстий газового регулятора пулемета ДП 1927–1946 гг.

В результате всех мероприятий к 1933 г. качество производства ручного пулемета ДП вышло на требуемый Артиллерийским комитетом уровень как по взаимозаменяемости, так и по надежности, что позволило АУ РККА в соответствии с ЖАКом № 525с-1933[15] принять новые ТУ ВСТ-831 и альбом чертежей за № 3476, по которым фактически выпускался пулемет Дегтярева с конца 1932 г. как чертежи лит. «Б». Таким образом, фактически ИНЗ № 2 вышел на валовое производство пулеметов ДП.

---

[1] Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 20. Оп. 19. Д. 100. Л. 71–77.
[2] Болотин Д. Н. Советское стрелковое оружие за 50 лет (каталог). Л., 1967. С. 58.
[3] Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф. Р-575. Оп. 1. Д. 142. Л. 32.
[4] РГВА. Ф. 20. Оп. 19. Д. 144. Л. 301–302.
[5] Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 8332. Оп. 1. Д. 165. Л. 197–197 об.
[6] Федоров В. Г. Оружейное дело на грани двух эпох (Работы оружейника 1900–1935 гг.). М., 1939. Ч. 3. С. 65.
[7] РГВА. Ф. 20. Оп. 19. Д. 212. Л. 143–145.
[8] Оружие славы. М., 1975. С. 23.
[9] РГВА. Ф. 20. Оп. 19. Д. 211. Л. 175–177 об.
[10] РГВА. Ф. 20. Оп. 19. Д. 423. Л. 307.
[11] РГВА. Ф. 20. Оп. 19. Д. 424. Л. 274–275 об.
[12] Пулемет ДП. Руководство по устранению недостатков средствами войсковых оружейных мастерских. 1934 г.
[13] Архив ВИМАИВиВС. Ф. 6р. Оп. 1. Д. 399. Л. 19.
[14] РГВА. Ф. 20. Оп. 19. Д. 531. Л. 435–437.
[15] РГВА. Ф. 20. Оп. 19. Д. 672. Л. 183–184 об.

А. С. Акишев, А. Н. Клишин (Москва)

ПИСТОЛЕТ ИЗ КРЕПОСТИ ГРОЗНАЯ

КАЗАЛОСЬ БЫ, в наши дни находка исторических артефактов практически нереальна, особенно если это связано с нашей недавней историей. Такие предметы уже давным-давно находятся в государственных и частных коллекциях, демонстрируются в экспозициях музеев, описаны в каталогах, известны как специалистам, так и широкой общественности.

Наша история началась несколько лет назад, на одном из западных аукционов был выставлен странный пистолет. Удивляло в нем все, этот пистолет имел явно европейское происхождение, при этом прибор был исполнен в кавказском стиле, но с элементами, используемыми в декорировании русского оружия. Очень интересными были надпись на стволе «КРЕПОСТЬ ГРОЗНАЯ» и указание года «1818» (ил. 1).

На замке присутствует обозначение оружейника Джузеппе Мерли (Giuseppe Merli), работавшего около 1780 г. в городе Феррара, расположенного в Эмилии. В те времена эта часть

Ил. 1. Декорированный на Кавказе итальянский дульнозарядный пистолет с кремневым замком

Ил. 2. На замке пистолета нанесено обозначение оружейника Джузеппе Мерли

современной Италии входила в отдельное теократическое государство – Status Ecclesiasticus, известное в России как Папская область. Мастерскую Джузеппе Мерли и крепость Грозную разделяло громадное расстояние – чуть более 2600 верст по прямой (ил. 2).

Это дульнозарядный пистолет с длинным гладким стволом и батарейным замком. На ложе серебряные пластины, украшенные чернью, гравировкой, чеканкой, золочением. Ствол гравирован, надписи исполнены насечкой. Стилистически пистолет полностью соответствует классическим образцам XVIII в.

Важным было наличие еще двух элементов оформления пистолета. На стволе был нанесен вензель «АЗ», а на пластине сверху (сзади) рукояти литера «З». Эти обозначения явно указывают на владельца оружия (ил. 3).

Ил. 3. На стволе пистолета нанесены обозначение «КРЕПОСТЬ ГРОЗНАЯ», указание года «1818», вензель «АЗ»

Ил. 4. На рукояти пистолета помещена фигурная пластина с литерой «З» на ней

В аукционном описании этого пистолета, указывалось, что, возможно, он принадлежал генералу А. П. Ермолову. Такое предположение аукционного дома было основано на содержании надписи на стволе (генерал Ермолов основал крепость Грозную, ныне г. Грозный, в 1818 г.) и анализе вензеля. Инициалы Ермолова –«АЕ», а на пистолете присутствует вензель – «АЗ». Была выдвинута версия, что здесь присутствует ошибка в написании. Учитывая малограмотность мастеров того времени, это представлялось вполне возможным. Также существовало предположение, что А. П. Ермолов именно так писал свой вензель. Эти ошибочные версии не получили подтверждения. Достаточно продолжительное время этот предмет, явно связанный с именем знаменитого генерала, так и оставался «неопознанным объектом» (ил. 4).

Немного коснемся биографии А. П. Ермолова. Первый генеральский чин он получил в 1808 г. В 1812 г. стал командиром гвардейской пехотной дивизии, а затем начальником Главного штаба 1-й Западной армии. Нельзя не отметить храбрость Ермолова. К примеру, он лично возглавил контратаку на захваченную французами батарею Раевского в ходе Бородинского сражения и за 20 минут взял ее. Многие победы русских войск над французскими захватчиками связаны с именем Алексея Петровича. Именно в это время раскрылся полководческий талант генерала. В сражении за Париж в марте 1814 г. Ермолов командовал объединенными русской, прусской и баденской гвардиями. На завершающем этапе он по личному указанию Александра I во главе гренадерского корпуса атаковал высоту Бельвиль – восточные ворота Парижа и вынудил неприятеля

капитулировать. Ему же император поручил написать манифест о взятии Парижа. В 1816 г. граф А. А. Аракчеев рекомендовал Александру I Алексея Ермолова на пост военного министра.

Но Ермолов хотел другого. Его желание было удовлетворено, и его назначили командующим Отдельным Кавказским корпусом и главноуправляющим гражданской частью и пограничными делами в Грузии, Астраханской и Кавказской губерниях, чрезвычайным и полномочным послом России в Персии. В 1818 г. он был произведен в чин генерала от инфантерии. Очень жесткие действия Ермолова на Кавказе способствовали усмирению и развитию края. В 1827 г. он был отправлен в отставку. С 1831 г. – член Государственного совета. С началом Крымской войны в конце 1853 г. 76-летний Ермолов был избран начальником государственного ополчения в семи губерниях.

Каким же образом пистолет связан с личностью генерала? Происхождение оружия прояснил анализ малоизвестного письма А. П. Ермолова, опубликованного в сборнике его кавказских писем 1816–1860 гг. Процитируем строки этого письма, написанного генералом 5 марта 1820 г. в Моздоке: «Любезный и почтенный Арсений Андреевич! Заставляют меня обстоятельства отсрочить приезд мой в Петербург, хотя бы многие дела и требовали того чрезвычайно... Посылаю тебе пистолет, которого вся оправа сделана в крепости Грозной человеком, который работает самоучкою, никогда в глаза не видывал никакого инструмента и только употребляет долото, шило и иголки. В роде здешней оправы эта работа, которой все удивляются...» (ил. 5).

Описание, которое генерал дал в своем письме очень точно определяет пистолет и указывает на то, что генерал весьма высоко его ценил, раз уделил время его описанию и отправил в виде очень ценного и дорогого подарка. Кто же адресат этого

Ил. 5. Прибор пистолета исполнен в кавказском стиле с элементами, используемыми в декорировании русского оружия

письма? Получателем был Арсений Андреевич Закревский. Вот так и раскрывается загадка обозначений «АЗ» и «З» на пистолете. «1818» – год, указанный на пистолете – это мемориальная датировка, обозначающая год основания крепости Грозная.

Кто же такой А. А. Закревский, друг генерала Ермолова? Это была легендарная личность, статус которой в Российской империи был огромен. Сын простого тверского помещика смог достичь невероятных высот во властной вертикали нашей страны. Генерал-майор с 1813 г., с 1821 г. –генерал-лейтенант (причем это звание Закревским было получено не без помощи Ермолова), с 1829 г. – генерал от инфантерии, в 1823 г. становится генерал-губернатором Финляндии и командиром Отдельного Финляндского корпуса, с 1826 г. – сенатор, в 1828–1831 гг. – министр внутренних дел Российской империи, генерал-губернатор Москвы и член Государственного совета в 1848–1859 гг.

При этом свой карьерный взлет А. А. Закревский начинал на военной службе, он известен как смелый и решительный офицер, участвовавший в войнах с Францией, Швецией, Турцией. В битве при Аустерлице он спас командира полка генерала Н. М. Каменского, адъютантом которого был, отличился в сражении у Прейсиш-Эйлау, Батини и многих других. В боях был дважды ранен, контужен. Кавалер целого ряда российских орденов, в том числе высшего – ордена Андрея Первозванного.

С декабря 1815 по 1823 г. Закревский занимал пост дежурного генерала Главного штаба, руководил инспекторским и аудиторским департаментами, а также военной типографией. Именно в этот период своей жизни он и получил пистолет в подарок от А. П. Ермолова. Возможно, это оружие Ермолов собирался подарить Закревскому лично, так как в марте 1820 г. должен был прибыть в Санкт-Петербург. Но восстание в Имеретии вынудило его почти на год задержаться на Кавказе.

Как же итальянский пистолет оказался связан с русским форпостом на Кавказе? Ответ на этот вопрос кроется уже в личности самого генерала Алексея Ермолова.

Фактически свое боевое крещение будущий генерал получил под начальством фельдмаршала А. В. Суворова. Ермолов прославился во время подавления восстания польских изменников. Отличился, командуя батареей при штурме предместья Варшавы. По завершении кампании храбрый офицер был командирован в Италию, это случилось в 1795 г. Граф А. А. Безбородко

выдал Ермолову рекомендательное письмо на имя австрийского канцлера барона Ф. фон Тугута с просьбой позволить данному русскому офицеру в составе австрийских войск принять участие в боевых действиях против французов в Италии. Во время этой командировки Ермолов совершал поездки по городам Италии. Вероятно, именно тогда генерал оценил качество изделий оружейников Северной Италии. Что и явилось причиной того, что для декорирования генерал предоставил «грозненскому мастеру» качественный пистолет, приобретенный им в командировке в Италии или во время более поздней войны с Наполеоном.

Вызывает большой интерес и происхождение письма Ермолова. Архив Закревского находился в собственности его зятя князя Д. В. Друцкого-Соколинского, который в 1889 г. предложил его А. А. Половцову, председателю Русского исторического общества. При этом часть архива находилась в г. Пато (Италия), часть в Пензенской губернии. Уже в 1890 г. архив был опубликован под редакцией Н. Ф. Дубровина в Сборнике императорского русского исторического общества, куда вошли письма Ермолова. Однако часть писем Ермолова к Закревскому за 1820 г. вообще не попала в распоряжение Половцова и Дубровина (по какой причине они были отделены от основного архива, пока остается не выясненным). После Октябрьской революции в 1917 г. 12 писем Закревскому (среди них и данное письмо), а также письма Александру I и П. М. Волконскому были переданы в Дагестанский музей неизвестным гражданином за небольшую плату. В 1926 г. они были впервые опубликованы в Сборнике материалов по описанию Кавказа основателем музея А. Тахо-Годи (народный комиссар просвещения Дагестана в 1922–1929 гг.). Сегодня оригиналы данных писем утрачены, при этом благодаря А. Тахо-Годи их содержание известно.

Судьба пистолета не менее загадочна. Не представляется возможным выяснить, как он попал за границу. Впервые он был продан на аукционе Philips (Лондон, Великобритания) в 1990 г., далее в 2006 г. на аукционе Bonhams и, наконец, в 2008 г. на русских торгах аукционного дома Christies. Возможно, еще в XIX в. с частью архива Закревского пистолет был вывезен в Италию.

Алексей Петрович Ермолов и Арсений Андреевич Закревский – два человека с крайне неординарными судьбами, их действия в XIX в. настолько были значимы, что до сих пор существующий миропорядок несет их отпечаток. И пистолет, о котором

мы рассказываем впервые, фактически вводя в научный оборот, соединяет эти два имени. Подобные находки крайне редки в сегодняшнее время и представляют огромный интерес с исторической точки зрения.

Список литературы.

1. E. Heer. Der Neue Stockel. Schwend Gmb H, 1978.
2. Ермолов А. П. Кавказские письма 1816–1860. СПб.: Издательство журнала «Звезда». 2014.
3. Закревский Арсений Андреевич // Русский биографический словарь: в 25 т. СПб.; М., 1896–1918.
4. Погодин М. П. Генерал Ермолов. Сражения и победы легендарного солдата империи, героя Эйлау и Бородина. М.: Центрполиграф, 2022.

А. И. Алексеев (Санкт-Петербург)

О НЕИЗВЕСТНОМ СБОРНИКЕ ВОЕННЫХ РЕЛЯЦИЙ И ПИСЕМ 1702–1710 гг. ИЗ ФОНДОВ РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ

В ОТДЕЛЕ РУКОПИСЕЙ Российской национальной библиотеки в Собрании Санкт-Петербургской Духовной академии находится рукопись под названием «Собрание различных военных писем и известий»[1]. Рукопись представляет собой сборник в сохранившемся картонном переплете первой четверти XIX в. размером 17 на 20,5 см. На первом листе надпись почерком XIX в. – вышеприведенное заглавие. Из карандашной пометы на этом же листе можно заключить, что это название дал рукописи монах Исидор, бывший бакалавром СПбДА и библиотекарем в 1825–1829 гг. Но саму рукопись следует отнести к началу XVIII в. На правых полях листов 1–9 читается владельческая запись «Сия книжка господина коллегии Экономии члена Ивана Петровича Топильского», а на листах 10–22 можно прочесть вкладную запись, из которой следует, что «лета 1730 ноября в 31 день» служитель И. П. Топильского Василий передал книгу в Александро-Невский монастырь.

Как явствует из этих записей, владельцем рукописи было довольно известное лицо. И. П. Топильский служил подьячим в Разрядном приказе, с 1713 г. был дьяком Военной канцелярии, затем обер-ландрихтером Московской провинциальной канцелярии, секретарем Тайной канцелярии, секретарем Верховного тайного совета, членом присутствия Коллегии экономии. Умер после 1734 г.[2] Можно утверждать также, что на момент передачи в Александро-Невский монастырь рукопись уже была книжкой, т. е. ее листы были прошиты и снабжены переплетом. Судя по водяным знакам, бумагу рукописи следует датировать концом XVII – начала XVIII в.[3] Рукопись написана коричневыми

и черными чернилами различными почерками начала XVIII в. На наш взгляд, в рукописи можно выделить не менее полутора десятков почерков. Сказанное позволяет утверждать, что перед нами сборник копий, составленный писцами одной из канцелярий петровского времени в 1702–1710 гг. Принадлежность канцелярии устанавливается из указания адресата большей части сообщений – это боярин Тихон Никитич Стрешнев[4]. В указанный период он возглавлял Разрядный приказ и, следовательно, являлся руководителем И. П. Топильского.

Знакомство с содержанием сборника позволяет установить, что в нем помещены копии двух десятков документов. Их хронологический охват с 1702 по 1710 гг. Первый документ не имеет указания на автора и адресата, заголовок гласит: «Октября в 22 день к Москве из новозавоеванного города Арешка чрез посту писано»[5]. Проанализировав содержание документа, можно прийти к выводу о том, что перед нами письмо, написанное 13 октября 1702 г. из сдавшейся русским войскам крепости Нотебург. Автор письма вместе с поручиком Никитой Жерловым был отправлен в Нотебург и играл важную роль в переговорах о сдаче крепости. Известно, что роль главного переговорщика при сдаче Нотебурга выполнял П. П. Шафиров, которого и следует отождествить с автором письма. Если наша гипотеза верна, то перед нами неизвестное доселе сообщение П. П. Шафирова с описанием штурма и капитуляции Нотебурга.

Второй документ нашего сборника – это письмо о сражении русских войск под командованием полковника Ренна с войсками генерала А. Кроониорта[6]. Из других источников известно, что это сражение произошло 8 июля 1703 г. на Выборгской дороге у реки Сестры близ современного поселка Симагино. Текст письма близок к опубликованному тексту проекта письма Петра I с извещением о победе над шведским генералом Кроониортом[7].

Третий документ является довольно необычным – это написанный латинскими буквами по-русски текст о том, что 25 июля вышеприведенное письмо о победе над войсками Кроониорта было прочитано в соборной церкви Успения Пресвятой Богородицы после литургии перед благодарственным молебном, который служил митрополит Сарский и Подонский Илларион в присутствии властей и царского синклита[8]. Как явствует из описания, после благодарственного молебна была произведена пушечная пальба из орудия, установленного между зданиями Успенского

и Архангельского соборов, а также из ружей. На основании вышеизложенного можно предполагать, что местом проведения викториального торжества был Успенский собор Московского Кремля, а также соборная площадь между кремлевскими соборами.

Следующий документ озаглавлен: «Список, с присланной викториальной ведомости, которая прислана к боярину к Тихону Никтичу Стрешневу от губернатора Александра Даниловича Меншикова июня 26 числа1705 г.»[9]. Он представляет собой краткий пересказ письма вице-адмирала Корнелия Крюйса к обер-коменданту Роману Брюсу о сражении 4 июня 1705 г., когда шведский флот предпринял попытку высадки десанта на остров Котлин[10].

Далее помещены два документа под общим заглавием: «В нынешнем 705 году в викториальных ведомостях, которые присланы к боярину Тихону Никитичу Стрешневу при письме от губернатора Александра Даниловича Меншикова июля 27 числа написано. Ведомость, какова получена в Вильне в 15 июля»[11]. Первый из них представляет собой письмо обер-коменданта Санкт-Петербурга Романа Брюса с рассказом о боях с войсками шведского генерала Майделя, оно было получено в Вильне 14 июля 1705 г.[12] Второй документ – это донесение фельдмаршала Б. П. Шереметева о сражении со шведскими войсками в предместьях Митавы 11 июля 1705 г.[13]

Следующая ведомость, полученная в Москве 1 августа, представляет краткий отчет об отражении шведского десанта на остров Котлин 14 июля 1705 г.[14] Это же событие описано и в следующем документе, которые представляет собой «Список с печатного листа», т. е. выполнен с печатной реляции о сражении 14 июля[15]. Еще один список с печатного листа представляет собой реляцию о бое войск фельдмаршала Б. П. Шереметева со шведским отрядом генерала Левенгаупта под Мур-мызой 15 июля 1705 г.[16]

Из ряда военных реляций выбивается документ, в котором рассказывается о великой буре, случившейся в Смоленске 30 июля, вероятно, 1705 г.[17] Как следует из этого рассказа, буря необычайной силы сорвала тесовые покрытия с пяти крепостных башен, разрушила верхние части двух колоколен: у архиерейского дома и у Ильинской церкви у Малаховских ворот. После сильнейших порывов ветра на город обрушился сильнейший ливень и град. При этом размер градин в городе достигал лесных яблок,

а в окрестностях – куриного и даже гусиного яйца. Буря причинила значительный ущерб строениям в городе и сельской местности, а град побил немало мелкой и рогатой скотины.

Далее в сборнике помещен комплекс из четырех документов, посвященных Астраханскому восстанию 1705–1706 гг. Первые три документа адресованы боярину Т. Н. Стрешневу и не были ранее введены в научный оборот. Во-первых, это письмо фельдмаршала Б. П. Шереметева из Астрахани от 18 марта 1706 г.[18] Во-вторых, это письмо митрополита Астраханского и Терского Сампсона к боярину Т.Н. Стрешневу, написанное также 18 марта 1706 г.[19] В-третьих, это письмо боярина князя Петра Ивановича Хованского из Царицына от 29 января 1706 г.[20] Наконец, четвертый документ – это список с «Простительной грамоты» Петра I участникам Астраханского восстания. Он озаглавлен: «Список великого государя з грамоты, какова послана ис походу за собственною рукою великого государя в Астрахань ко всем астраханским жителям с присланными челобитчики их с Ываном Кисельниковым с товарищи»[21]. Грамота датирована: «Писан в нашем великого государя Литовском походе лета 1706-го февраля в 22 день»[22].

Знакомство с содержанием документа не оставляет сомнений в том, что это неизвестный ранее текст «Простительной грамоты», врученной астраханцам царем при встрече 22 февраля 1706 г. Грамота начинается с изложения обстоятельств ее составления: «Сего 1706 г. февраля в 8 день писали вы к нам великому государю к нашему царскому величеству с конным стрельцом с Иваном Кисельниковым, да с челобитчики тысячного полку салдатом Иваном Шпиневым, да с конным стрельцом Иваном Палкиным с товарищи от всех астраханских служилых и жилецких людей и от иноземцов»[23].

Главной причиной, по которой текст «Простительной грамоты» остался неизвестен, несомненно, являются обстоятельства подавления Астраханского восстания. При приближении к Астрахани корпуса фельдмаршала Б. П. Шереметева в рядах мятежников вверх взяли противники правительственных войск. По какой-то причине фельдмаршал не отправил царскую «Простительную грамоту» в мятежный город, а направил туда составленные им статьи, требовавшие капитуляции в ультимативной форме[24]. В результате Астрахань была взята штурмом. После такого разворота событий предъявлять покорившимся исключительно силой

оружия мятежникам царскую «Простительную грамоту» не было смысла. В результате грамота была, скорее всего, уничтожена и сохранилась лишь в списке, переписанном в канцелярии боярина Т. Н. Стрешнева.

Следующие документы сборника относятся к 1708 г. и написаны князем А. Д. Меншиковым. Это записка от 25 января с кратким пересказом двух реляций: о сражении бригадира Ф. В. Шидловского[25] с гетманом Вишневецким (4 января 1708 г.), а также о победе отряда генерал-майора О. Р. Шаумбурга над шведами в Лифляндии (2 января 1708 г.)[26]. Его же письмо от 10 января 1708 г. о сражении полковника Огарева с войсками гетмана Вишневецкого 1 января 1708 г.[27] В письме от 16 января князь А. Д. Меншиков сообщает боярину Т. Н. Стрешневу об успешных вылазках русских партий против шведов[28].

Далее помещен список с письма Петра I от 16 октября 1710 г. с сообщением о взятии Ревеля войсками генерал-лейтенанта Р. Х. Боура[29]. Текст этого письма совпадает с текстом письма Петра I князю Ф. Ю. Ромодановскому[30], но представляет собой совершенно иное письмо, нежели опубликованное письмо боярину Т. Н. Стрешневу от 16 октября 1710 г.[31] В нарушение хронологии затем помещены списки царских писем от 14 июня 1710 г. с сообщением о взятии Выборга[32] и от 9 июля того же года с сообщением о взятии Риги[33]. Взятию Риги посвящено и письмо фельдмаршала Б. П. Шереметева боярину Т. Н. Стрешневу от 4 июля 1710 г.[34]. В этом письме содержится яркая алегория: уподобление города Риги девице: «столичный город Рига, которая никогда никаким способом во взятии не была и называетца во всей Европе девицею нерушимою, с которою мне сироте Бог благоволил обручатца и взять невесту на чести к одру»[35].

Сборник продолжается списком с «Реляции партикулярного бою от Выборга присланная», которая представляет собой рассказ о подвиге отряда сержанта М. И. Щепотева в морском бою под Выборгом 11 октября 1706 г.[36] Список последней военной реляции нашего сборника представляет собой донесение о победе русских войск князя А. Д. Меншикова под Калишем над отрядом генерала А. А. Марденфельда[37].

Далее помещены экстракты из писем Я. Р. Паткуля, лифляндского дворянина, тайного советника и генерал-лейтенанта на русской службе. Из заголовка «Выписано ис писем Паткулевых, писанных к великому государю, о чем требует указу» следует,

что эта подборка была подготовлена для царя Петра I. Из письма Я. Р. Паткуля от 8/19 сентября выписаны основные пункты мирного договора, заключенного между Англией, Голландией и Швецией[38]. Из письма, писанного из Дрездена 18 ноября (1704 г.?), выписаны сведения, которые Паткуль сообщает о состоянии русской армии, возвратившейся после неудачной осады Познани[39]. Особый акцент в этом письме Паткуль делает на требовании значительных денежных средств на восстановление боеспособности русской армии. Заключительная часть экстрактов эпистолярного творчества Паткуля в нашем сборнике озаглавлена: «Выписано ис писем Паткулевых кратко, писанных к боярину»[40]. В этих выписках центральное место занимают рассуждения Паткуля о том, что судьба войны со Швецией должна решиться не в Прибалтике, но на землях Польши, а также его критика российской дипломатии в европейских странах. Можно предполагать, что переводы наиболее важных мест из писем Паткуля делались для Ф. А. Головина и Т. Н. Стрешнева.

На последних листах сборника описание необычного небесного явления – яркой кометы в 7189 г., т. е. в 1681 г.[41] Неизвестный автор считал это признаком грядущих зловещих событий: «О сей комете излогали своими призновании школьные и учительные люди, иже знают плавное хождение, что будет в нашем Российском государстве от сановных и великих людей упадок»[42]. В подтверждение этому автор приводит смерти трех святителей: патриарха Никона, умершего 18 июля, архиепископа Иосифа Коломенского, умершего 4 августа, митрополита Рязанского Иосифа, умершего 21 сентября. На обороте этого же листа помещены еще две записи: под 17 марта 1682 г. о смятении в Стрелецком и Поместном приказах, в ходе которого «окон многие решетки отбили и многие корбьи и подголовки поломали и дела внеце вею драли»[43], и под 14 апреля о том, что «у Стретенских ворот Грибоедова приказу стрельцы били челом великому государю царю и великому князю Феодору Алексеевичу и подали на того полковника свою челобитную во всяких на летах и во многих взятках»[44].

Полагаем, что целый ряд документов сборника реляций представляет интерес для исследователей. В ближайшее время будет подготовлена публикация этих документов.

[1] РНБ. ОР. Собрание Санкт-Петербургской Духовной академии (СПбДА). № 316.
[2] Серов Д. Администрация Петра I. М., 2007.
[3] На большинстве листов рукописи филиграни «Герб Амстердама». Удалось определить следующие водяные знаки: Л. 49–50 – «Герб Амстердама» с литерами «RG», близок: Дианова Т. В. Филиграни XVII–XVIII вв. Герб Амстердама. М., 1998. № 300. С. 95. (1704–1709 гг., 1719 г.); Л. 37–40 – встречается также филигрань «Лев», близкий вариант можно указать в издании: Watermarks mainly of the 17th and 18th centuries. Heawood E. Hilversum, MCML. № 3138 (1668 г.).
[4] О его деятельности в начальный период Северной войны см.: Славнитский Н. Р. Деятельность Т. Н. Стрешнева в первые годы Северной войны // Петровское время в лицах – 2022. К 350-летию со дня рождения Петра I 1672–2022. Материалы научной конференции. СПб., 2022. С. 266–270. О Стрешневе: Варенцова Л. Ю. Российский государственный деятель конца XVII – первой четверти XVIII в. Тихон Никитич Стрешнев // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2013. № 4 (28). С. 7–18.
[5] РНБ. ОР. Собрание СПбДА. № 316. Л. 1.
[6] Там же. Л. 7–7 об.
[7] Письма и бумаги Петра Великого. Т. 2. № 553. С. 210–211. Практически тот же текст повторяется в письмах Петра к князю Ф. Ю. Ромодановскому (№ 554), Ф. М. Апраксину (№ 555), А. И. Иванову (№ 556).
[8] РНБ. ОР. Собрание СПбДА. № 316. Л. 8. Илларион Властелинский, хиротонисан 21 марта 1703 г. из архимандритов Троице-Сергиевой лавры, а 11 марта 1711 г. переведен в Белгород (Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877. Стб. 1036).
[9] РНБ. ОР. Собрание СПбДА. № 316. Л. 9.
[10] Там же. Л. 10–11 об. Полный текст сообщения К. Крюйса см.: Материалы для истории русского флота. Ч. 1. С. 62– 63.
[11] Там же. Л. 14–17.
[12] Там же. Л. 14–14 об. Текст письма опубликован: Письма и бумаги. Т. 3. С. 380–381; Гистория Свейской войны. Вып. 2. М., 2004. С. 321.
[13] Там же. Л. 15–17. Текст практически идентичен с опубликованным письмом Петра I князю Ф. Ю. Ромодановскому от 17 июля 1705 г.: Письма и бумаги. Т. 3. № 854. С. 379–380. См. также: Гистория Свейской войны. Вып. 2. М., 2004. С. 393–394.
[14] Там же. Л. 18–18 об. Текст реляции о бое 14 июля 1705 г. опубликован: МИРФ. Ч. 1. С. 68, 74–76.
[15] Там же. Л. 19–21.
[16] Там же. Л. 21–25. Текст реляции опубликован: Письма и бумаги. Т. 3. № 863. С. 389–390.
[17] Там же. Л. 26–27 об.
[18] Там же. Л. 28–31 об. Текст в целом близок письму Б. П. Шереметева Ф. А. Головину от 13 марта 1706 г., опубликован: Устрялов Н. История царствования Петра Великого. СПб., 1863. Т. 4, ч. 2. С. 403–406; Волынский Н. П. Постепенное развитие русской регулярной конницы в эпоху Петра Великого. СПб., 1912. Кн. 3. Приложение XXXIX. № 73. С. 409–411.
[19] РНБ. ОР. Собрание СПбДА. № 316. Л. 32–33 об. Текст письма не опубликован.

[20] Там же. Л. 34–36 об. Хованский Петр Иванович Змей, князь (1648–1709), боярин с 1677 г. Командовал авангардом фельдмаршала Б.П. Шереметева при подавлении Астраханского восстания. В Царицын прибыл 22 января.
[21] Там же. Л. 37.
[22] Там же. Л. 39.
[23] Там же. Л. 37.
[24] См.: «Ясно, что царская грамота усилила бы позиции тех, кто соглашался впустить фельдмаршала в город без сопротивления. Такой ход событий не устраивал Бориса Петровича, и он в своем донесении, фальсифицируя их, сообщил, что отпустил депутацию 9 марта. По другим сведениям, приводимым исследователем Астраханского восстания, следует, что фельдмаршал задержал выборных в обозе, и те вошли в город вместе с правительственными войсками, т. е. 13 марта» (Павленко Н. И. Петр Великий. М., 1994. С. 197).
[25] О боевой деятельности Ф. В. Шидловского см.: Шидловский С. И. Материалы для очерка служебной деятельности Шидловских в Слободской Украине 1696–1727 гг. СПб., 1896.
[26] РНБ. ОР. Собрание СПбДА. № 316. Л. 41–43.
[27] Там же. Л. 44–45.
[28] Там же. Л. 45 об.–46 об.
[29] Там же. Л. 47–47 об.
[30] Письма и бумаги. Т. 10. № 4030. С. 361.
[31] Письма и бумаги. Т. 10. № 4042. С. 367.
[32] РНБ. ОР. СПбДА. № 316. Л. 48. Это письмо Т. Н. Стрешневу было неизвестно, текст его совпадает с опубликованным текстом письма князю Ф. Ю. Ромодановскому от 14 июня 1710 г. (Письма и бумаги. Т. 10. № 3808. С. 190).
[33] Там же. Л. 49–49 об. Идентичный текст опубликован в царских письмах: Письма и бумаги. Т. 10. № 3857–3860. С. 224–225.
[34] Там же. Л. 50–50 об.
[35] Там же. Л. 50–50 об. Текст письма Б. П. Шереметева Т. Н. Стрешневу опубликован по рукописи, найденной в свертке старых бумаг в одной из городских церквей города Белева: Письмо генерал фельдмаршала и военного кавалера Мальтийского свидетельствованного Бориса Петровича Шереметева к боярину Тихону Никитичу Стрешневу // ЧОИДР. 1861. Кн. 1. С. 205. Сюжет уподобления Риги «невесте» рассмотрен в статье: Сморжевских-Смирнова М. А. Рига – «невеста» в балтийских завоеваниях Петра I // Scando-Slavica. 2010. № 56. (2). С. 251–268.
[36] РНБ. ОР. СПбДА. № 316. Л. 51–52 об. Текст реляции опубликован: Письма и бумаги. Т. 4. Ч. 1. № 1391; МИРФ. Ч. 1. С. 120–121. См. также: Гистория Свейской войны. Вып. 1. М., 2004. С. 128, 269; Вып. 2. С. 324. Реляцию о подвиге сержанта М. Щепотева, захватившего 12 октября 1706 г. шведский адмиральский бот, читали по распоряжению Петра I офицерам Преображенского полка (Чичерин А., Долгов С., Афанасьев А. История лейб-гвардии Преображенского полка 1683–1883 гг. СПб., 1883. Т. IV. С. 27–28). В новейшей литературе рассказ об этом бое см.: Кротов П.А., Акишин М.О. Вице-адмирал Н.А. Синявин (1681–1738). СПб., 2022. С. 59–60.
[37] Там же. Л. 53–56. Текст реляции опубликован: Письма и бумаги. Т. 4. Ч. 2. С. 1195–1196. Устрялов Н. История царствования Петра Великого. Т. 4. Ч. 2. № 442. С. 438–439.

[38] Там же. Л. 57–59 об. См.: «Весной 1704 г. морские державы заключили со Швецией договор о нейтралитете, согласно которому должны были выступить против любого нового врага» (Возгрин В. Е. Россия и европейские страны в годы Северной войны (история дипломатических отношений в 1697–1710 гг.). Л., 1986. С. 136).

[39] Там же. Л. 60–63 об.

[40] Там же. Л. 63 об.–65. По-видимому, текст этого письма был идентичен письму Я. Р. Паткуля к боярину Ф. А. Головину. Выдержки из письма Паткуля Ф. А. Головину см.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. VIII. М., 1993. Т. 15. С. 30, 41.

[41] Бумага последних листов имеет особый вид филиграни. Можно предположить, что последние два листа первоначально не принадлежали к единому тетрадному блоку и были вставлены в общий переплет позднее.

[42] РНБ. ОР. СПбДА. № 316. Л. 67.

[43] Там же. Л. 67 об.

[44] Там же. Л. 67 об. В русских источниках жалоба стрельцов на полковника Грибоедова датирована 23 апреля.

Т. В. Алексеев (Санкт-Петербург)

ПЕРИОД «НЕСЧАСТНОЙ РУЖЕЙНОЙ ДРАМЫ» (1860–1870-е гг.) В ОЦЕНКАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ развития оружейного производства отдельное место занимает тема так называемой «несчастной ружейной драмы». Так по меткому выражению военного министра-реформатора Д. А. Милютина стал называться довольно мучительный и напряженный процесс принятия на вооружение армии и организации изготовления казнозарядных винтовок различных систем во второй половине 1860 – первой половине 1870-х гг.[1] Интерес к данной теме исследователей различных школ не случаен, ведь по насыщенности событиями, связанными с разработкой и принятием правительственными и военными органами решений организационного, технического, технологического, производственного, финансового характера, период «несчастной ружейной драмы» имеет мало аналогов в истории военной промышленности дореволюционной России. Между тем накопленный исследовательский материал до сих пор не стал предметом отдельного исследования, что в значительной мере и актуализирует тему настоящей статьи.

Общая картина этого процесса впервые была представлена в опубликованном по «горячим следам» очерке, составители которого последовательно показали принятие на вооружение капсюльной винтовки системы Терри–Нормана (1866), игольчатой винтовки системы Карле (1867), скорострельной передельной винтовки системы Крнка (1869), малокалиберных винтовок системы Бердана-1 (1868) и Бердана-2 (1870)[2]. Особое значение авторы придавали производственной деятельности оружейных заводов при перевооружении армии на винтовку Бердана-2, в которой они выделяли два этапа: 1871–1873 гг. – подготовительный,

связанный с изготовлением образцов, лекал и инструментов, установкой оборудования, подготовкой рабочих кадров; с 1874 г. – развертывание массового машинного производства малокалиберных винтовок[3]. По оценкам этих авторов, «...наши оружейные заводы действительно получили теперь широкое развитие и снабжены достаточными средствами для скорого перевооружения нашей армии»[4].

В. Мартьянов, подробно рассмотрев ход выполнения предприятиями заказов по переделке винтовок старых образцов и изготовлению новых, обратил внимание на огромное количество проблем технического и организационного характера, сопровождавших данный процесс[5]. В конечном итоге хроническое невыполнение заводами нарядов вызвало обследование их специально созданными комиссиями[6], выводы которых были проанализированы В. Г. Федоровым. Помимо вполне объективных причин неисполнения заводами контрактов, таких как частое изменение образцов, нехватка мастеровых в связи с переходом на вольнонаемный труд, несвоевременная поставка материалов из заграницы, были выявлены существенные недостатки в системе взаимоотношений ГАУ с арендаторами заводов. Как писал один из проверяющих, «...по нашим контрактам управляющему даются такие выгоды, какие не сыскать нигде заграницей. Ни в одном из государств Европы не найти такого оружейного завода, на котором арендатор пользовался бы такой полной безответственностью и таким безграничным правом определять мастеровым задельные платы»[7]. Принятые для исправления положения меры, по мнению В. Г. Федорова, «не могли сколько-нибудь значительно увеличить производительность заводов – главная причина была трудность переделки»[8].

Самое явление частой смены образцов принимавшихся на вооружение русской армии винтовок исследователь объяснял в традиционном для его взглядов ключе: «Такая смена образцов всецело объясняется отсталостью царской России в деле конструирования образцов необходимого для армии огнестрельного оружия; при слабом развитии промышленности, при отсутствии собственных конструкторов и изобретателей образцы вооружения приходилось заимствовать из-за границы; заимствование вело к запаздыванию в деле перевооружения; испытания приходилось производить в спешном порядке, при котором некоторые детали нового оружия не могли быть всесторонне изучены»[9].

Позднее советский исследователь А. В. Федоров рассматривал частую смену образцов винтовок как вполне объективное явление. Он отмечал, что использование при перевооружении армии переделки существующего оружия применялось всеми европейскими странами в 1860-е гг. в связи с быстрыми темпами внедрения новшеств в оружейном деле и дороговизной перевооружения только новыми винтовками[10].

В целом же для оценок советских исследователей периода «несчастной ружейной драмы» характерным было противопоставление, с одной стороны, высокого уровня отечественной военно-технической мысли, приоритета ученых и изобретателей в области военной науки и техники, а с другой стороны, «слепого преклонения господствующих классов перед иностранной техникой и игнорирования отечественной науки», «засилья немцев в русском военном ведомстве, государственном аппарате и в окружении царя»[11]. За рамки подобной жесткой конструкции оценки исследователей, за редким исключением, не выходили. В этом отношении очень показательной являлась работа Ф. И. Сироты, в котором последовательно исследованы все этапы перевооружения русской армии стрелковым оружием на протяжении второй половины XIX в. В представлении автора причиной «несчастной ружейной драмы» стало недоверие военного ведомства к отечественным конструкторам: «Оно бросалось от одной иностранной системы к другой, бесцельно тратя время, труд и большое количество материальных ценностей»[12]. При этом, например, в конструкции винтовок системы Терри и Карле отечественными конструкторами и оружейниками были внесены значительные изменения, существенно улучшившие прототипы, но не помешавшие авторам получить от русского правительства большие вознаграждения[13]. При выборе винтовки под металлический патрон военное ведомство отдало предпочтение винтовке Крнка в ущерб отечественной разработке Баранова, требовавшей только небольшой доработки для более удобного производства[14]. Наконец, подлинными создателями малокалиберной 4,2-лин. винтовки были русские офицеры А. П. Горлов и К. И. Гуниус, к изделию которых американец Бердан изобрел только скользящий затвор и приобрел патент на все изделие[15].

Подобной трактовки событий в целом придерживались и другие авторы советского периода[16]. А. В. Федоров в вопрос о выборе между системами Крнка и Баранова привнес элемент личной

неприязни военного министра Д. А. Милютина как к конструктору Баранову, так и к сотрудничавшему с ним предпринимателю Н. И. Путилову. По словам автора, отказ от деловых связей с заводом Путилова ограничивал производственные возможности Военного министерства[17]. По мнению П. А. Зайончковского, передача значительной части заказов по переделке 6-лин. винтовок образца 1856 г. в казнозарядные по системам Терри–Нормана и Карле немецким фабрикантам в Санкт-Петербурге, Либаве, Киеве и Тифлисе стала следствием влияния председателя Оружейной комиссии герцога Мекленбург-Стрелицкого[18]. В отличие от Ф. И. Сироты, Зайончковский полагал систему Крнка гораздо более выгодной для производства, а попытку принять на вооружение винтовку системы Баранова считал авантюрой со стороны цесаревича Александра Александровича и «его нечистоплотных приспешников» в лице Н. И. Путилова[19]. В этом отношении следует отметить, что целый ряд исследователей при оценке факта предпочтения Оружейной комиссией образца винтовки по системе Крнка признавали решающим фактором более низкую стоимость переделки винтовок старых образцов по данной системе[20].

Несмотря на столь критические оценки советских исследователей, логика той идеологически заостренной парадигмы, в рамках которой они работали, вела их к признанию несомненных успехов отечественной оружейной промышленности. Связывалось это прежде всего с тем, что «к середине 1870-х гг. мануфактура в оружейной промышленности России сменилась фабрикой»[21]. В связи с этим К. Д. Бубенков показывал, что если в 1859–1862 гг. оружейные заводы могли ежегодно в среднем изготавливать 82 611 винтовок, то в 1874–1876 гг. этот показатель вырос почти вдвое – до 152 396 винтовок[22]. А в годы Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. среднегодовое производство заводов составило более 420 % к аналогичному показателю периода Крымской войны[23].

Важной особенностью организации производства стрелкового оружия в исследуемый период стало задействование, помимо трех оружейных заводов, других технических заведений военного и морского ведомств и даже частных металлообрабатывающих предприятий. В. Мартьянов называл среди них заводы Л. Нобеля в Санкт-Петербурге, Мейнгарда в Либаве, Больмана в Киеве[24]. В. В. и Вал. В. Мавродины помимо них указывали

на предприятия Менке в Киеве, Шмельцера и Розенфельда в Либаве, Стандершельда в Тифлисе, а также казенную мастерскую в Варшаве[25]. Эти авторы также отмечали сложности при организации работ по переделке винтовок старых образцов в казнозарядное оружие по системе Крнка, когда для всех заводов имелся всего один образец переделанной винтовки[26]. Что касается винтовки системы Баранова, то кроме Путиловского завода отдельные части ее изготовлялись на петербургских предприятиях: Ижорском заводе, в Новом Адмиралтействе, на заводе бр. Фрикке на Васильевском острове, заводе Стручкова за Московской заставой, а также заводах Израильтина и Калмана в Туле[27]. При этом Л. А. Айзенштадт, ссылаясь на слова Н. И. Путилова, отмечал успехи частных предприятий в выполнении заказов ГАУ 1869 года, достигнутые благодаря полной машинной обработке всех деталей оружия[28].

В постсоветский период А. Н. Клишиным была затронута тема изготовления серийного оружия на частном оружейном заводе Н. И. Гольтякова в Туле, которому в 1876 г. Морским министерством был выдан заказ на поставку абордажного револьвера системы Галана[29]. По словам автора, «отношения с морским ведомством у Гольтякова сложились неоднозначные. Проще говоря, ему не доверяли»[30]. Причиной этого были проблемы с качеством продукции: «...ставить массовое производство револьверов, достаточно сложных в изготовлении, для частного фабриканта было затруднительно. Выполнение контракта шло не быстро, но продвигалось. Револьверы были дорогими... брака было много...». Тем не менее в 1880 г. флоту было поставлено уже 1000 револьверов[31]. Впрочем, уже в 1881 г. было принято решение о переходе на револьверы системы Смит и Вессон, которые стали поставляться флоту военным ведомством[32].

Некоторые подробности принятия на вооружение русской армии во второй половине 1860 – начале 1870-х гг. винтовок системы Бердана приводили в своих статьях В. и Вал. В. Мавродины[33]. Главной особенностью производства этих винтовок авторы отмечали использование исключительно стали в качестве материала для стволов, сложных сверлильных станков, максимальной стандартизации, полного перехода на машинное производство и отказ от ручного труда[34]. Исследователи также выяснили, что в работах по изготовлению 4-лин. винтовок помимо трех оружейных заводов принимали участие Санкт-Петербургский,

Киевский и Брянский арсеналы, второстепенные арсеналы в Варшаве, Тифлисе, Хабаровске, Новогеоргиевске, Бобруйске, Брест-Литовске, Замостье. А ремонтом и переделкой оружия занимались также оружейные мастерские морского ведомства в Кронштадте, Сестрорецке, Николаеве, Астрахани[35].

Из современных исследователей периода «несчастной ружейной драмы» следует указать на Т. Н. Ильину, которая полагала, что в ходе перевооружения русской армии военным ведомством в 1860–1870-е гг. был сформирован комплексный подход к решению этой задачи, включавший: формирование центра общего руководства работами (ГАУ); создание научного центра исследований (Артиллерийского комитета ГАУ) и комиссий из высокопрофессиональных специалистов; организацию работы военных агентов в зарубежных странах; налаживание контактов с иностранными конструкторами вооружений и оружейными фирмами; постановку задач и оказание помощи отечественным конструкторам; командировки артиллерийских офицеров в оружейные центры мира; проведение испытаний образцов нового оружия на полигонах и в войсках; переоборудование заводов для организации производства нового оружия; работу приемных комиссий на заводах[36].

Исследователь В. Н. Бенда считал, что, несмотря на определенные успехи в развитии оружейной промышленности в период военной реформы 1860–1870-х гг., ее состояние не позволяло в полной мере удовлетворить потребности армии в вооружении. Причиной такого положения он называл «отсутствие необходимых производственных мощностей тяжелой промышленности...»[37].

Отдельное внимание исследователей при изучении истории оружейного производства в «эпоху великих реформ» было уделено проблеме внедрения стали в качестве материала для изготовления винтовочных стволов. Работы на эту тему стали появляться на страницах периодических изданий в первой половине 1860-х гг. Автор под инициалами В. Б. Р. (вероятнее всего это был один из издателей «Оружейного сборника» В. Бестужев-Рюмин) указывал на факты огромных объемов брака как при использовании при изготовлении стволов железа уральских горных заводов (до 60 %), так и железа, изготовленного по контуазскому способу на Ижевском оружейном заводе (ИОЗ) (до 30 %). Такие объемы брака приносили большой урон казне, а также снижали мотивацию самих оружейников к совершенствованию своего

мастерства[38]. Подробно анализировавший процесс изготовления 6- и 7-лин. винтовок на ИОЗ поручик Карсаков также приходил к выводу, что главной причиной брака было качество металла. При этом он подчеркивал, что такое положение «ставит рабочего в большую зависимость от чистоты металла, так как плата его рассчитана при одном известном проценте брака... и при увеличении процента брака уменьшается...»[39].

По мнению обоих авторов выход заключался в переходе к использованию стали. Первые опыты с применением обуховской стали прошли еще в 1855 г. и показали очень хорошие результаты. Однако препятствием к внедрению этого материала тогда стала высокая стоимость оружия[40]. Автор В. Б. Р. призывал не останавливаться перед некоторым увеличением стоимости готового оружия из стали, так как снижение процента брака во многом компенсирует эти расходы. Он также ратовал не останавливаться и перед закупкой стали у заграничных производителей (в частности у фирмы Бергера) в условиях, пока отечественного производства стали пока недостаточно[41]. Большие надежды в переходе на использование стальных стволов автор связывал с передачей Тульского и Сестрорецкого оружейных заводов в коммерческое управление[42].

Однако создание в 1869 г. по распоряжению генерал-фельдцейхмейстера комиссии во главе с генерал-майором А. В. Гадолиным «для рассмотрения вопросов, относящихся до водворения в России стального ствольного производства», показало, что и к концу 1860-х гг. положение в этой сфере оставалось далеко от идеального. Комиссия в своем отчете, опубликованном в «Оружейном сборнике», в качестве главной причины медленного решения проблемы указывала на отсутствие в России достаточных производственных мощностей сталелитейного производства[43]. Кроме этого, страдало и качество отечественной стали, в результате чего, с переходом оружейных заводов на арендно-коммерческое управление, они стали массового прибегать к импортным поставкам этого материала[44]. Во избежание полной зависимости России от заграничного рынка комиссия рекомендовала срочно развернуть опытные работы на всех сталелитейных заводах, включая и соответствующий отдел ИОЗ, для выработки качественных образцов отечественной стали[45]. А для его удешевления высказывалась необходимость скорейшего освоения мартеновского способа ее изготовления[46].

В дальнейшем проблема внутреннего самообеспечения оружейной отрасли была в значительной мере решена. Об этом свидетельствовали уже авторы очерка развития отечественной артиллерии за время руководства ГАУ генерал-адъютантом А. А. Баранцовым (1863–1877), говоря о привлечению к поставкам стали для оружейной отрасли отечественных сталелитейных заводов (Обуховского, Князь-Михайловского, Пермского), а также Ижевского железоделательного завода[47]. Советские исследователи отмечали заслугу в решении данной проблемы известного отечественного ученого-металлурга и практика Н. В. Калакуцкого. Автор очерка о нем Б. Н. Ржонсницкий писал об инициативах Калакуцкого в адрес комиссии генерал-майора Гадолина, содержащих предложения об организации на ИОЗ производства инструментальной стали, а на Златоустовском заводе – ствольной стали для создания отечественной базы материалов и инструмента для оружейного производства[48]. Именно под руководством Н. В. Калакуцкого, назначенного в 1870 г. руководителем Комиссии по испытанию ствольной стали, были проведены многочисленные опыты по изучению ружейных стволов, ставшие основной развернутого вскоре промышленного производства оружия из стали[49]. О роли Н. В. Калакуцкого писал и Л. Г. Бескровный[50].

Советские исследователи были склонны выдвигать традиционные обвинения в адрес царского правительства в его косности и «преклонении» перед европейской техникой, рассматривая именно это в качестве причин медленного внедрения отечественного производства стали для оружейной отрасли. Ф. И. Сирота, например, утверждал, что, несмотря на высокое качество обуховской стали, ее использование в производстве стволов было намеренно прекращено и вся ствольная сталь ввозилась из-за границы[51]. Вал. В. Мавродин отмечал, что еще в 1852 г. на фабрику Круппа в Эссен был командирован академик Б. С. Якоби для ознакомления с производством там литой стали, а в 1854 г. начались массовые эксперименты по изготовлению стальных стволов в Сестрорецке[52]. В 1857 г. был сделан первый заказ артиллерийским ведомством Златоустовскому заводу на поставку стальных болванок для Сестрорецкого и Ижевского заводов, где в результате изготовления стволов брак составил всего 15 и 22 % соответственно[53]. И снова автор упрекал правительство, что при таких начальных условиях оно не проявило достаточной настойчивости

по развитию сталелитейного производства внутри страны, в результате чего вплоть до 1870-х гг. основными поставщиками стали для оружейных заводов были иностранные фирмы[54].

Однако ответ на вопрос о причине медленного внедрения в оружейное производство стали отечественного производства, который пытались давать советские исследователи, вряд ли можно считать убедительным. Впрочем, и в постсоветский период ситуация изменилась ненамного. Одни авторы продолжали изучать ход и результаты многочисленных испытаний оружейных стволов из стали, как это делал Н. А. Оводков. В результате он только констатировал, что по итогам этих испытаний основными отечественными поставщиками с начала 1870-х гг. являлись Обуховский сталелитейный и Пермский сталепушечный заводы[55].

Группа тульских исследователей рассматривала решение проблемы качества ствольного металла и ствольных заготовок на протяжении всего дореволюционного периода через эволюцию технологии их изготовления, прошедшую в своем развитии ручную, машинно-ручную и машинную стадии[56]. Среди принимавшихся мер авторы отмечали: установление требований об использовании только лучшего железа, например, уральского (1709); организацию испытаний металлов разных поставщиков; передачу металлургического производства в ведение Артиллерийского департамента (1832); совершенствование способов и методик приемки ствольного металла; совершенствование технологий изготовления ствольного железа (братья Грандмонтан); переход к стали как материалу для изготовления стволов; создание мартеновского производства в Ижевске (1874) и оборудование прокатного цеха (1882); создание на заводах химико-технических лабораторий[57]. Вывод исследователей звучал так: «...технические меры по обеспечению качества металла и ствольных заготовок представляли собой промышленные эксперименты, масштабы которых постоянно увеличивались, а методики проведения усложнялись. На основе результатов экспериментов составлялась и совершенствовалась нормативная документация по обеспечению качества заготовок»[58].

М. В. Гришкина, затронувшая интересующую нас проблему, снова все свела к обвинению в адрес властей, на сей раз военных: «Однако военные власти не спешили перейти к производству стали в широких масштабах... Тормозился и промышленный переворот»[59].

И только ведущий современный специалист в области оружейного металла Г. Н. Шумкин, исследуя малоизвестный эпизод поставок стали для изготовления винтовочных стволов Златоустовским заводом в 1860–1870-е гг., смог весьма убедительно обосновать причины подобного «торможения». Во главу угла автор поставил проблему межведомственных взаимоотношений и противоречий.

По его подсчетам, на протяжении 1860-х гг. Златоустовским заводом было поставлено оружейным заводам стали, достаточной для изготовления более 45 тыс. стволов. Однако дело не выходило за рамки опытных партий, «чиновники артиллерийского ведомства находили все новые предлоги, чтобы не выводить производство стали из стадии опытов»[60]. Г. Н. Шумкин выявил следующие причины такого подхода. Во-первых, опасения ГАУ восстановления системы поставки материала для стволов горным ведомством при отсутствии гарантий с его стороны в дальнейшем обеспечении надлежащего качества металла. Во-вторых, размещение заказов в Златоусте требовало остановить только что налаженное производство ствольного железа на ИОЗ и признать этот проект ошибочным. В-третьих, Тульский и Сестрорецкий заводы с 1862 г. стали активно приобретать стальные стволы на вестфальской фабрике Бергера, объемы поставок которого еще больше возросли после перехода заводов в арендно-коммерческое управление[61]. Наконец, военное ведомство было в большей степени заинтересовано в организации в Златоусте производства стальных орудий. С началом же изготовления винтовок системы Бердана поставками стали, помимо Златоустовского завода, стали также заниматься Обуховский и Пермский заводы[62].

Но только после организации сталелитейного производства на ИОЗ проблема с металлом для стволов была в значительной мере решена. На этом предприятии в 1880-е гг. была обеспечена производительность в 200 тыс. ружейных стволов и коробок в год. Новые задачи перед заводом встали в 1891 г., когда выяснилось, что для обеспечения выполнения в срок первой очереди перевооружения армии 3-лин. винтовками оружейным заводам потребуется 600 тыс. стволов в год. Когда другие сталелитейные предприятия (Путиловский, Обуховский, Златоустовский, Пермский, Брянский) запросили слишком высокую цену за свою продукцию, военное ведомство пошло по пути расширения Ижевского завода[63]. В результате этого, по словам Г. Н. Шумкина, «его

производительность стала определять производственные возможности всей оружейной промышленности России»[64], что по сути дела, заложило «мину замедленного действия» под мобилизационные возможности всей отрасли, «сработавшую» с началом Первой мировой войны.

Представленный обзор отечественной историографии показывает, что хотя период «несчастной ружейной драмы» и не обделен вниманием исследователей, но сказать, что все вопросы в данной теме закрыты, нельзя. Дореволюционные авторы оставили после себя богатый фактологический материал, но большинство их них в своих работах не могло выйти за социальные или корпоративные рамки, да и временной горизонт для их исследований был чрезвычайно узок. Исследователи советского периода существенно расширили источниковую базу исследования, но их оценки не могли не коррелироваться с существовавшими жесткими идеологическими и концептуальными установками. В современной историографии живой интерес к теме явно потерян, исследователи, за редким исключением, довольствуются вводом в научный оборот незначительного числа новых документов, которые не могут существенным образом изменить сложившуюся картину событий. Между тем период и само явление «несчастной ружейной драмы» вполне могло бы стать предметом комплексного исследования, опирающегося на новые методологические подходы, характерные, например, для теории бифуркации.

---

[1] Федоров В. Вооружение русской армии в Крымскую кампанию. СПб.: типолитогр. С. Н. Цепова, 1904. С. 156.

[2] Очерк преобразований в артиллерии в период управления генерал-адъютанта Баранцова. 1863–1877. СПб.: тип. Второго Отдел. Собствен. Е. И. В. Канцелярии, 1877. С. 286–303.

[3] Там же. С. 311.

[4] Там же. С. 312.

[5] Мартьянов. Исторический очерк развития оружейного дела на Сестрорецком заводе // Оружейный сборник. 1890. № 2. Отд. I. С. 34–40.

[6] Там же. С. 47.

[7] Федоров В. Г. Вооружение русской армии за XIX столетие. СПб., 1911. С. 188.

[8] Там же. С. 189.

[9] Федоров В. Г. История винтовки. М.: Воениздат, 1940. С. 77.

[10] Федоров А. В. Русская армия в 50-70-х годах XIX века. Очерки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1959. С. 174.

[11] Сирота Ф. И. Перевооружение русской армии во второй половине XIX века. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Л., 1950. С. 9.

[12] Там же. С. 18.
[13] Там же. С. 19.
[14] Там же. С. 21.
[15] Там же. С. 23.
[16] Федоров А. В. Указ. соч. С. 174–180; Смычников А. А., Мавродин Вал. В. К вопросу о перевооружении русской армии в середине XIX века // Проблемы истории феодальной России: сб. статей. Л.: Изд-во ЛГУ, 1971. С. 256.
[17] Федоров А. В. Указ. соч. С. 154.
[18] Зайончковский П. А. Перевооружение русской армии в 60-70-х годах XIX в. // Исторические записки. 1951. Т. 36. С. 93.
[19] Там же. С. 95.
[20] Гнатовский Н. И., Шорин П. А. История развития отечественного стрелкового оружия. М.: Воениздат, 1959. С. 112; Мавродин В. В., Мавродин Вал. В. Из истории отечественного оружия. Русская винтовка. Изд. 2-е, доп. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. С. 68.
[21] Бубенков К. Д. Перевооружение русской армии в 1860–1870-х гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1952. С. 16.
[22] Там же. С. 16.
[23] Там же. С. 24.
[24] Мартьянов. Указ. соч. С. 37.
[25] Мавродин В. В., Мавродин Вал. В. Из истории отечественного оружия. Русская винтовка. С. 136.
[26] Там же. С. 137.
[27] Там же. С. 138.
[28] Айзенштадт Л. А., Чихачев С. А. Очерки по истории станкостроения СССР. М.: Машгиз, 1957. С. 92.
[29] Клишин А. Н. Абордажные пистолеты-револьверы образца 1870 г. производства Н. И. Гольтякова // Война и оружие. Труды Пятой международной научно-практической конференции. 14–16 мая 2014 г. В 4 ч. СПб.: ВИМАИВиВС, 2014. Ч. 2. С. 286.
[30] Там же. С. 289.
[31] Там же. С. 290.
[32] Там же. С. 292.
[33] Мавродин Вал. В. О принятии на вооружение русской армии 4,2-линейной винтовки (к столетию русской берданки) // Вестник Ленинградского университета. 1969. № 20. История. Язык. Литература. Вып. 4. С. 68–71; Мавродин В., Мавродин Вал. К столетию принятия на вооружение русской берданки // Военно-исторический журнал. 1970. № 9. С. 90–94.
[34] Мавродин В. В., Мавродин Вал. В. Из истории отечественного оружия. Русская винтовка. С. 139.
[35] Там же. С. 143.
[36] Ильина Т. Н. «Осведомленность русских военных специалистов... была достаточно высока». Военные агенты и перевооружение русской армии в 1860–1870 гг. // Военно-исторический журнал. 2010. № 8. С. 30.
[37] Бенда В. Н. Оружейная промышленность России в период военных реформ 60–70-х годов XIX столетия // Преподаватель XXI век. 2020. № 2. С. 233.
[38] В. Б. Р. Несколько слов о введении у нас литой стали для ружейных стволов // Оружейный сборник. 1863. № 1. Отд. II. С. 141.

[39] Карсаков. Оружейное производство на Ижевском заводе в 1858–1859 гг. // Оружейный сборник. 1863. № 3. Отд. II. С. 65.
[40] В. Б. Р. Указ. соч. С. 143; Карсаков. Указ соч. С. 65.
[41] В. Б. Р. Указ. соч. С. 145.
[42] Там же. С. 146.
[43] О водворении в России стального ствольного производства // Оружейный сборник. 1869. № 4. Отд. II. С. 1.
[44] Там же. С. 2.
[45] Там же. С. 3.
[46] Там же. С. 9.
[47] Очерк преобразований в артиллерии в период управления генерал-адъютанта Баранцова. С. 305–306.
[48] Ржонсницкий Б. Н. Николай Вениаминович Калакуцкий // Люди русской науки. Техника. М.: Наука, 1965. С. 211.
[49] Там же. С. 212.
[50] Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX веке. Военно-экономической потенциал России. М.: Наука, 1973. С. 307.
[51] Сирота Ф. И. Указ. соч. С. 16.
[52] Мавродин Вал. В. Производство стрелкового оружия в России в XIX веке (1840 – начало 1860 гг.) // Проблемы экономической истории и теории: межвузовский научный сборник. Вып. 1. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1983. С. 175.
[53] Там же. С. 176.
[54] Там же. С. 177.
[55] Оводков Н. А. Новые требования к производству ручного огнестрельного оружия в 50-70-е годы XIX века. Сталествольное производство // Война и оружие. Труды Четвертой международной научно-практической конференции. 15-17 мая 2013 г. СПб.: ВИМАИВиВС, 2013. Ч. 3. С. 375.
[56] Михайлов А. В., Птицын В. В., Малахов Г. В., Огарков А. В. История развития оружейных технологий и системы управления качеством в оружейном производстве (1712–1917) // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Материалы международной научно-практической конференции. 12-14 мая 2010 г. СПб.: ВИМАИВиВС, 2010. Ч. 2. С. 121.
[57] Там же. С. 121–125.
[58] Там же. С. 125.
[59] Гришкина М. В. Развитие технологии производства на Ижевском и Воткинском заводах в первой половине XIX в. // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Материалы VII Всеросс. науч. конф., ноябрь 2005 г. В 2-х тт. Екатеринбург.: ООО «Издательство УМЦ УПИ», 2005. Т. 1. С. 170.
[60] Шумкин Г. Н. Златоустовская сталь для русской винтовки // Одиннадцатые Татищевские чтения: материалы всерос. науч.-практ. конф. (г. Екатеринбург, 18–19 ноября 2015 г.) Екатеринбург: изд-во УМЦ УПИ, 2015. С. 481.
[61] Там же. С. 482.
[62] Там же. С. 483.
[63] Шумкин Г. Н. Проблема снабжения металлом для стволов оружейных заводов России в XIX – начале XX веков // Война и оружие. Труды Седьмой международной научно-практической конференции. 18–20 мая 2016 г. В 5 ч. СПб.: ВИМАИВиВС, 2016. Ч. 5. С. 394.
[64] Там же. С. 395.

Н. Ю. Алтухов (Санкт-Петербург)

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ СРЕДСТВ ЗАЩИТЫ ОТ ХИМИЧЕСКОГО ОРУЖИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ КОЛЛЕКЦИИ СИЗОД ВОЕННО-МЕДИЦИНСКОГО МУЗЕЯ)

СРЕДСТВА ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ органов дыхания (СИЗОД) стали частью обычной жизни для всего человечества, начиная с 2020 года, когда по миру распространилась пандемия коронавируса. Как оказалось, для борьбы с подобного рода заболеваниями следует придерживаться привычных методов: ношение средств защиты, избегание крупных скоплений людей, соблюдение гигиены и, конечно, вакцинация. Для соблюдения новых норм во многих странах мира была введена обязательная практика – ношение маски или респиратора.

Военно-медицинский музей обладает богатейшей коллекцией СИЗОД, которая легла в основу серии проектов, посвященных развитию средств защиты. Выставки «Маска, которая спасла миллионы» и «Развитие средств защиты дыхания. Наследие Н. Д. Зелинского» смогли качественно представить коллекцию музея и стать интересными и популярными среди посетителей проектами. Эти выставочные проекты были отмечены на конкурсе «Умные СИЗОД 2022», где музей занял первое место в финале в номинации «История СИЗОД. Исторические аспекты и обоснование перспектив развития СИЗОД». На примере коллекции СИЗОД музея можно проследить эволюцию противогазов. Чтобы углубить понимание рассматриваемого вопроса, следует уделить несколько слов предтечам противогазов XX века.

Начиная с древности, защита лица и органов дыхания занимала особое значение в различных культурах. В Древней Греции использовали в роли респиратора губки. Также известен труд IX в.,

за авторством трех персидских братьев (Бану Муса), под названием «Книга гениальных устройств», где они описали один из первых «противогазов» для работы в грязном колодце. Позже ко всем видам масок, шлемов, личин и прочих присоединились маски особого толка, с химической фильтрацией.

Одной из первых подобных масок стала маска чумного доктора в форме птичьей головы, где в клюв, подобно фильтру, закладывали целебные и пахнущие травы. Эффективность подобного метода не была доказана, но он использовался на протяжении нескольких веков.

Дальнейшее развитие идеи фильтрующей воздух маски продолжалось и нашло свое отражение в изобретении Льюиса Хаслетта, который в 1847 г. создал ингалятор на основе шерсти, смоченной водой. Он останавливал пыль и мелкие частицы в воздухе, но против отравляющих веществ был бесполезен[1].

В 1854 г. шотландский химик Джон Стенхаус применил в своем респираторе древесный уголь в роли абсорбента. Данное новшество было практичным и эффективным и поэтому нашло применение на некоторых химических заводах в Лондоне. Позже уже активированный уголь послужит основным материалом для фильтров.

Также шли попытки создания прибора с «изолированной» системой дыхания, с выводом дыхательных трубок на большое расстояние, что давало возможность человеку быть в загрязненном помещении и дышать чистым воздухом из другого. Но данные системы были маломобильными и неудобными в использовании.

По-настоящему об изобретении СИЗОД мы можем говорить уже в Первую мировую войну, когда и было массово применено химическое оружие. В 1915 г. у г. Ипра германские войска впервые применили в войне хлор, что застало солдат Антанты врасплох. Последствия применения химического оружия были быстро осознаны и разработаны способы борьбы с ним. Иногда использовались хлопковые повязки, пропитанные химическими препаратами, которые связывают отравляющие вещества[2].

Одна из ватно-марлевых повязок, использовавшихся во время Первой мировой войны, – маска «рыльце» конструкции Н. Т. Прокофьева (ил. 1), разработанная Химическим комитетом Главного артиллерийского управления в 1915 г. – находится в коллекции Военно-медицинского музея. Для ее переноски

Ил. 1. Маска влажная Химического комитета Главного артиллерийского управления конструкции инженера Н. Т. Прокофьева. ВММ ОФ-21273

использовалась специальная металлическая коробка. 30 слоев марли, из которых была сшита маска, пропитывались противогазовой смесью из воды, глицерина, поташа, гипосульфита и уротропина. Продолжительность защиты была незначительной, и, несмотря на защиту глаз, конструкция нуждалась в качественных усовершенствованиях.

Позже на смену хлору в Первой мировой войне пришел горчичный газ, он же иприт, и встал вопрос о поиске новых средств защиты. Таким средством стал первый эффективный противогаз с широким спектром поглощающих возможностей – противогаз Зелинского–Кумманта. Для фильтрации был использован активированный уголь. Противогаз давал защиту против боевых концентраций хлора, фосгена, хлорпикрина, бромистого бензола и других отравляющих газов и паров в течение 30 мин. – 1 ч, а при более высоких концентрациях фосгена и прочих отравляющих веществ (до 1 %) – 19 мин. и (до 2,5 %) – 3 мин. Данное изобретение было потрясающе эффективным и дешевым в производстве, вскоре большинство солдат были оснащены противогазами. Но из-за нехватки сменных фильтров потерь избежать не удалось[3].

Было несколько основных проблем данной модели: это запотевание стекол, тяжесть дыхания и срок службы. С запотеванием боролся специальный «рог» для протирания стекол, присутствовавший на первых моделях, а тяжесть дыхания и срок службы были меньшими недостатками.

В коллекции Военно-медицинского музея находятся несколько респираторных коробок от противогаза Зелинского–Кумманта московского типа (ил. 2). Коробки московского типа отличаются

Ил. 2. Респираторные коробки от противогаза профессора Зелинского с маской инженера Кумманта. ВММ ОФ-21275

от привычных всем прямоугольных петроградских овальной в поперечном сечении формой и количеством угля, которое составляло от 200 до 250 г, в то время как в петроградской коробке насчитывалось около 160 г.

В 1925 г. произошло модифицирование противогаза Зелинского–Кумманта. В модели ТТ-4 добавился тройник и выдыхательный клапан, что частично решило проблему запотевания, но на маске все еще сохранялся «рог».

В 1930-х гг. постепенно пропадает «рог», с помощью новой маски Мод-О-8 и клапана происходит обдув стекол холодным вдыхаемым воздухом, что борется с запотеванием в моделях БС-Т4 и БН-Т4. С этого времени противогазы начинают приобретать привычный для современности облик.

В 1938 г. на вооружение поступает противогаз БС-МТ-4 (боевой, секретный, малый тип, четвертый образец) (ил. 3). Время работы данной модели составляло, для разных модификаций фильтра, от 1 до 4-5 ч. Экземпляр этого противогаза находится в Военно-медицинском музее. Он поступил на хранение 19 мая 1947 г. с 320-го склада химического отдела Ленинградского военного округа.

В комплект противогаза БС-МТ-4 входили: жестяная респираторная коробка МТ-4, соединительная гофрированная трубка, маска МОД-0-8 и сумка для хранения противогаза. Вес собранного

Ил. 3. Противогаз БС-МТ-4 (боевой, секретный, малый тип, четвертый образец) на выставке «Маска, которая спасла миллионы» в Военно-медицинском музее

противогаза примерно равен 2 кг. БС-МТ-4 был взят на вооружение Красной армией в 1938 г. Респираторная коробка сделана из полированной жести, выкрашена в защитный цвет.

Коробка состоит из набивки активированного угля, поглотителя и противодымного фильтра в виде гармошки. Зернистый активированный уголь защищает от паров большинства отравляющих веществ, кроме синильной кислоты и окиси углерода.

Маска МОД-0-8 («модернизированная, общевойсковая, восьмой образец») изготовлена из плотной резины, в ней есть выпуклости в теменной и ушной частях. Это сделано для лучшего прилегания маски к голове. В маску этого образца встроены вдыхательный и выдыхательный клапаны.

Исходя из обширного опыта использования противогазов, были выявлены следующие сложности: затруднительное ведение переговоров и сложность использования оптических приборов.

Для решения этих проблем в противогазе модели РШ-4, принятом на вооружение в 1950-е гг., в одном из типов комплектаций имелась шлем-маска ШМС, которая была оборудована переговорным устройством и фронтальным расположением стекол, которые обеспечивали удобство в работе с оптическими приборами.

В 1961 г. начинается выпуск гражданского противогаза модели ГП-5, который становится самым распространенным в СССР.

Противогаз ГП-5 (ил. 4) также находится в коллекции СИЗОД музея. Он был изготовлен в 1976 г. и поступил на хранение в 2003 г. Подобные противогазы производились в СССР в период с 1961 по 1989 г.

Ил. 4. Фильтрующий противогаз ГП-5. ВММ ОФ-85514/1

В «Техническом описании и инструкции по эксплуатации», которое прилагалось к ГП-5, в разделе «Назначение противогаза» сказано: «Фильтрующий противогаз ГП-5 предназначен для защиты от попадания в органы дыхания, на глаза и лицо человека отравляющих, радиоактивных веществ и бактериальных (биологических) средств». Модель надежно защищает от радиоактивных веществ на 6 ч, от кожно-нарывных токсических веществ, веществ нервно-паралитического действия на 2 ч.

В комплектацию противогаза ГП-5 входят: респираторная коробка, лицевая часть (шлем-маска) ШМ-62. Шлем-маска сделана из резины светло-серого цвета, дополнена обтекателями, очками с плоскими стеклами круглой формы. Также лицевая часть оснащена клапанной коробкой, которая служит для распределения потоков вдыхаемого и выдыхаемого воздуха. Внутри клапанной коробки находятся вдыхательный и два выдыхательных клапана, основной и дополнительный.

На шлем-маску напрямую, без гофрированной соединительной трубки, навинчивается фильтрующе-поглощающая коробка. Она выполнена из металла, имеет форму цилиндра и выкрашена в защитный цвет. В верхней части коробки содержится простейший поглотитель – шихта (гранулированный активированный

Ил. 5. Фильтрующий противогаз ПМК-С. ВММ ОФ-102698/1

Ил. 6. Противогаз общевойсковой фильтрующий ПМК-4.
ВММ ОФ-102701/1

уголь), в нижней – противоаэрозольный фильтр. Фильтр сделан из специального картона, собранного в складки, и задерживает твердые бактериальные, токсические и радиоактивные частицы, содержащиеся в воздухе.

Для хранения и ношения противогаза ГП-5 предусмотрена хлопчатобумажная сумка защитного цвета. Она имеет карманы. Самый большой боковой карман предназначен для индивидуального противохимического пакета (например, ИПП-8).

ГП-5 считается одним из самых массовых советских противогазов. Подобных противогазов с более поздними модификациями было произведено около трех единиц на одного гражданина Советского Союза. Они в больших количествах были практически на всех предприятиях и в убежищах гражданской обороны. Сейчас ГП-5 снят с производства и заменен более современным противогазом ГП-7.

Среди современных российских противогазов можно выделить серию ПМК разработки 1990-х гг., последние модификации которых используются в армии и МВД. Среди плюсов: ресурс фильтра составляет 240 ч, рассчитан на непрерывное пребывание в течение 24 ч, высокая разборчивость речи и слышимость при весе всего в 1 кг.

Модели ПМК-С (ил. 5) и ПМК-4 (ил. 6) поступили в Военно-медицинский музей в 2021 г.

Это одни из последних разработок российских ученых, которые предназначены для внутренних войск МВД (ПМК-С) и военнослужащих (ПМК-4). Из отличительных особенностей можно выделить: удобство ношения и возможность использовать современные оптические и оптикоэлектронные системы прицеливания и наблюдения, установить в лицевую часть средства коррекции зрения, полная защита от широкого спектра отравляющих веществ, совместимость со современными моделями шлемов и с экипировкой. Современные противогазы уже не выглядят так как в прошлом, конструкция изменилась, остался лишь основной принцип.

Основываясь на коллекции СИЗОД Военно-медицинского музея, можно проследить основные этапы формирования современных средств защиты органов дыхания. Преемственность, объединяющая все вышеприведенные противогазы, заключается в использовании фильтра, основанного на изобретении Н. Д. Зелинского. Изучение и представление коллекции СИЗОД

Военно-медицинского музея – важная задача, демонстрирующая развитие отечественной научной мысли.

Основываясь на опыте музея в проведении выставок, связанных с развитием СИЗОД, можно сделать вывод о заинтересованности масс населения в данной теме. А подробный и основанный на подлинных предметах рассказ о достижениях отечественных ученых и изобретателей также будет способствовать музейно-патриотическому воспитанию подрастающего поколения и формированию среди населения норм здорового образа жизни.

---

[1] Дурандин Н. А., Потапова С. О. История создания средств защиты органов дыхания и зрения пожарных // Пожарная безопасность: проблемы и перспективы. 2018. № 9. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-sozdaniya-sredstv-zaschity-organov-dyhaniya-i-zreniya-pozharnyh (дата обращения: 31.01.2023).

[2] Будко А. А. История медицины Санкт-Петербурга XIX – начала XX в. СПб.: Нестор-История, 2010.

[3] Там же.

А. Б. Арбеков (Тула)

РОССИЙСКИЙ ВОЕННЫЙ АГЕНТ В ВЕНЕ Ф. А. ФЕЛЬДМАН: ИСТОРИЯ НАЗНАЧЕНИЯ И СЛУЖБЫ В 1876–1881 гг.

ИСТОРИЯ международных научно-технических связей в контексте разработки образцов различной военной техники в России за последние десятилетия приобрела широкий научный интерес. Особое место в этом вопросе занимает роль института военных агентов как инструмента добывания за рубежом информации военного, военно-политического и военно-технического характера[1].

В течение XIX в. в государственном механизме Российской империи постепенно сформировался институт военных агентов. Они официально получали аккредитацию и прикреплялись к составу дипломатического представительства России в другой стране, поэтому нередко военных агентов именуют «дипломатами в погонах». В их задачу входил сбор сведений о развитии вооруженных сил иностранных государств и об уровне их военно-технического прогресса. В этот же период Россия была вынуждена зачастую «догонять» многие европейские державы в области военной техники в целом и стрелкового оружия в частности. Информация, поставляемая военными агентами, нередко оказывала заметное влияние на развитие отечественной военной промышленности. Ярким тому примером служит деятельность российского военного агента А. П. Горлова, который поспособствовал принятию на вооружение российских войск винтовки Бердана, револьверов Смита–Вессона, картечницы Гатлинга–Горлова, а также новых моделей драгунских и казачьих шашек[2].

Тем не менее служба российских военных агентов в других странах, в частности, в Австро-Венгрии, в 70–80-х гг. XIX в. не подвергалась ранее научному анализу, хотя с конца 1860-х гг.

вплоть до Первой мировой войны империя Габсбургов выступала одним из главных внешнеполитических противников России. В связи с этим сведения, поступавшие из австрийской столицы от военных агентов, имели очень важное значение для планирования программы российского военного строительства в последней трети XIX в.

В настоящей работе ставится задача на основе личностного подхода изучить уровень соответствия военных агентов Российской империи в 70–80-х гг. XIX в. занимаемым должностям и продемонстрировать процесс обеспечения Военного министерства России различной информацией, в том числе военно-технического содержания.

Трудно не согласиться с мнением В. Б. Каширина о том, что «история разведки – это, прежде всего, история ее людей»[3]. В таком случае, на наш взгляд, следует обратиться к личности незаурядного, но, к сожалению, малоизвестного российского военного агента, большая часть жизни которого, со слов современника, «протекла в трудах по одной из важнейших отраслей подготовки нашей армии к войне, в широком смысле слова, а именно по сбору и разработке сведений об иностранных армиях»[4]. Здесь идет речь об офицере Генерального штаба Федоре Александровиче Фельдмане, занимавшем «с особенным отличием» пост российского военного агента в Австро-Венгрии в 1876–1881 гг.[5] По свидетельствам генерала Н. А. Орлова, служившего в середине 80-х гг. XIX в. под началом Ф. А. Фельдмана, «обширными связями в Вене он (Фельдман. – *А. А.*) придал надлежащее значение личности русского военного агента и во многом облегчил дело своим преемникам»[6].

Служба российского «дипломата в погонах» проходила в период наиболее серьезного обострения отношений между Петербургом и Веной со времен Крымской войны 1853–1856 гг. Кроме того, в 70-х гг. XIX в. армии всех великих держав перевооружались казнозарядными винтовками уменьшенного калибра: в России системой Бердана, в Великобритании – Мартини–Генри, в Германии – Маузера, в Австро-Венгрии – Верндля. К началу Восточного кризиса 1875–1878 гг. империи Романовых по ряду причин не удалось полностью оснастить регулярные войска образцами новой военной техники[7]. Таким образом, низкие темпы перевооружения армии могли негативно сказаться для России в случае эскалации конфликта с Двуединой монархией.

Для изучения формирования личности будущего военного агента необходимо прежде обратиться к фактам его ранней биографии и процессу его профессионального становления.

Федор (Теодор) Александрович Фельдман родился 22 декабря 1835 г.[8] в многодетной лютеранской семье остзейских дворян Александра-Вильгельма фон Фельдмана и Каролины-Маргариты фон Фельдман (урожденной Кагельман).

Отец Федора Александровича имел блестящий послужной список. Он был выходцем из дворян Эстляндской губернии, поступившим на российскую военную службу инженер-кондуктором 2-го класса из вольноопределяющихся в 1806 г. Спустя два года Александр Иванович Фельдман принимал активное участие в работах по укреплению Ревеля, заблокированного британским флотом в связи с резким обострением российско-британских отношений в конце 1807 г.

В 1813–1814 гг. состоял при штабе особой Польской армии генерала Л. Л. Беннигсена, способствуя своей службой успехам российских войск в Заграничных походах: накануне сражения под Кульмом занимался инженерной подготовкой российских позиций, затем сражался в «битве народов» под Лейпцигом, за отличие в которой был произведен в поручики, участвовал в блокаде Магдебурга, а потом и Гамбурга, где гарнизоном командовал знаменитый французский полководец маршал Даву.

Начиная с 1829 г., А. И. Фельдман активно занимался составлением проектов крепостей в западных пределах России, например, Брест-Литовска. Впоследствии на этом поприще приобрел огромный авторитет и стал, по выражению современника, «одним из главнейших сподвижников Николая I по инженерной части». К 1844 г. был произведен в генерал-лейтенанты и назначен генерал-адъютантом императора, а с 1849 г., пользуясь особым доверием российского монарха, занял пост директора инженерного департамента[9].

Федор Александрович пошел по стопам своего отца и уже с раннего детства готовился к военной стезе. Благодаря обширным связям своего родителя и его особому статусу при монаршем дворе 24 апреля 1846 г. он был зачислен в Пажеский Его Императорского Величества корпус – самое престижное, элитообразующее военно-учебное заведение России того времени. Многие его выпускники занимали важные государственные и военные посты, среди них герой Отечественной войны 1812 г.

фельдмаршал И. Ф. Паскевич, герой Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. фельдмаршал И. В. Ромейко-Гурко, российский посол в Константинополе генерал-адъютант Н. П. Игнатьев, знаменитый российский полководец А. А. Брусилов и т. д.

Ф. А. Фельдман имел высокую успеваемость и был четвертым в аттестационном списке из 27 учащихся выпуска 1853 г.: по 20 предметам он набрал 220 баллов из 240[10]. Уже в 17-летнем возрасте отчетливо проявляется склонность будущего российского военного агента к предметам, составлявшим основу этой сложной профессии. В ходе выпускного экзамена Ф. А. Фельдман показал отличное знание иностранных языков – французского и немецкого, значительные успехи в освоении истории как общей, так и военной, а также продемонстрировал высокие баллы по статистике, топографическому, фортификационному и артиллерийскому черчению[11]. По итогам выпускной экзаменации был выпущен камер-пажом с правами 1-го разряда, что давало возможность поступить на службу в гвардию[12].

25 августа 1853 г. Ф. А. Фельдман в звании прапорщика зачислен в Лейб-гвардии Семеновский полк[13], который, со слов Н. А. Орлова, «до конца жизни любил и всегда охотно направлял туда подчиненных ему офицеров Генерального штаба для командования батальоном»[14]. За короткий период нахождения в строю принял участие в Балтийской кампании Крымской войны. Он состоял в гвардейском отряде, охранявшем побережье Петербургской губернии и Выборгского уезда от возможной высадки британо-французского десанта в период с 21 марта по 17 сентября 1854 г.[15]

Учитывая склонность Ф. А. Фельдмана к научным знаниям, 17 июня 1855 г. он был прикомандирован к штабу войск Петербургского округа с целью подготовки к поступлению в Николаевскую Академию Генерального штаба (далее – НАГШ). Закончил обучение с «отличными успехами в науках» 23 декабря 1857 г., после чего был причислен к Генеральному штабу (далее – ГШ) и назначен состоять при его департаменте 12 января 1858 г.[16]

Первые годы службы Федора Александровича в ГШ пришлись на период масштабных реформ, проводимых в течение 60–70-х гг. XIX в. военным министром Д. А. Милютиным. В частности, «в виде опыта» было сформировано Главное управление Генерального штаба (далее – ГУГШ). Одной из ключевых его структур являлось 3-е Военно-ученое отделение. Его сотрудники занимались

сбором сведений о военном потенциале иностранных государств и их систематизацией[17]. Источниками информации выступали преимущественно военные агенты, институт которых был регламентирован в России в 1856 г. «Проектом общих статей инструкции агентам, посылаемым за границу»[18]. Стоит особо отметить, что военные агенты с учетом их дипломатического статуса должны были добывать информацию, используя только официальные источники. Тайные агентурные сети в стране аккредитации формировались на «страх и риск» самого офицера, занимавшего подобный пост[19].

Кроме того, за границу нередко командировались офицеры ГШ для присутствия на военных маневрах. Они получали возможность лично ознакомиться с уровнем военно-технического оснащения и подготовки иностранных армий, после чего составляли отчеты со своими наблюдениями и выводами. Так, по распоряжению императора Александра II в сентябре 1862 г. на военные маневры в Данию был командирован капитан Ф. А. Фельдман. На обратном пути ему было поручено ознакомиться с новыми преобразованиями в прусской армии[20]. Повышенная заинтересованность Военного министерства России была обусловлена несколькими факторами: во-первых, необходимостью изучения современного европейского опыта по модернизации вооруженных сил для разработки проекта российских военных реформ; во-вторых, очередным обострением отношением между Данией и Пруссией из-за провинций Шлезвиг и Гольштейн, на которые претендовал монарший дом Гогенцоллернов со времен первой Шлезвиг-Гольштейнской войны 1848–1850 гг.

Согласно рапорту капитана Фельдмана от 24 октября 1862 г., маневры датской армии проводились в Шлезвиге в пограничном укрепленном районе Данневерке в течение 4 дней «на позиции, которую датчане намерены защищать до отступления в укрепления»[21]. В учениях было задействовано 10 348 чел. или ¼ всех вооруженных сил Дании. Федор Александрович в качестве главной особенности датской армии выделял «необыкновенно короткий срок действительной службы: в пехоте 16 месяцев, а в кавалерии и артиллерии – 18»[22]. Несмотря на короткий срок службы, он писал, что «пехота обучена прекрасно; на учениях все построения исполнялись отчетливо... на маневрах солдаты отлично пользовались местностью и переходили с одной позиции на другую без шума и суеты»[23]. Но при этом капитан Фельдман указывал, что

«атаки кавалерии недостаточно стремительны; это следует приписать складу лошадей», а также характеру местности в Шлезвиге, где редко встречались «пространства, удобные для действия кавалерии»[24]. Из этих комментариев следовал однозначный вывод, что уровень подготовки войск напрямую зависит от качества их подготовки в мирное время, а не от продолжительности военной службы. В рапорте капитана Ф. А. Фельдмана следует рассматривать аргументы за будущее сокращение службы в российских войсках. Хотя события второй Шлезвиг-Гольштейнской войны 1864 г., в результате которой Пруссия и Австрия получили контроль над Шлезвигом и Гольштейном соответственно, остались для России в тени Польского восстания 1863–1864 гг.

После возвращения Федора Александровича в Петербург сведения о датских военных маневрах и преобразованиях в прусской армии были опубликованы десятом номере «Военного сборника» за 1862 г. в разделе «Иностранное обозрение»[25].

В 1863 г. майор Ф. А. Фельдман принимал участие в рекогносцировке в Рижском и Виленском военных округах, образованных в ходе реформ Д. А. Милютина. ГШ на регулярной основе ежегодно прикомандировал своих офицеров к штабам военно-окружного командования для проведения военно-статистических и топографических работ. В результате своих изысканий Федор Александрович составил подробное военное обозрение пространства Российской империи между западной Двиной, Балтийским побережьем и прусской границей. За это он был награжден годовым окладом и 30 августа 1864 г. произведен в подполковники[26].

Наряду с быстрым карьерным ростом в армии Ф. А. Фельдман активно продвигался и по военно-административной иерархии. С 15 декабря 1863 г. он занял пост старшего помощника начальника 3-го отделения ГУГШ, спустя год был назначен временно возглавлять данную структуру, а 20 апреля 1865 г. высочайше назначен ее начальником[27]. Тем не менее Федору Александровичу предстояло не долго возглавлять центральный орган российской военной разведки. В декабре 1865 г. ГУГШ слился с Инспекторским департаментом, в результате чего был сформирован Главный штаб, строго подчиненный компетенциям военного министра Д. А. Милютина. В Главном штабе сохранялся особый Совещательный комитет, после переименованный в Военно-ученый (далее – ВУК), во главе с генерал-майором Н. Н. Обручевым – одним из самых выдающихся

военных и государственных деятелей пореформенного периода России[28]. В новой структуре подполковник Ф. А. Фельдман занял пост делопроизводителя канцелярии ВУК[29]. Впоследствии под руководством Обручева он принимал активное участие в составлении четырехтомного «Военно-статистического сборника» 1868–1869 гг. и в прочих статистических трудах ВУК[30].

По поручению российского ГШ летом 1872 г. Ф. А. Фельдман должен был под видом путешественника совершить тайную рекогносцировку восточных областей Австро-Венгрии для сбора необходимых топографических и военно-статистических сведений. В результате ему удалось «беспрепятственно» выполнить поставленное задание: он детально изучил местность и военную инфраструктуру в Галиции, Венгрии, Моравии, Силезии, Богемии и Трансильвании, описал основные горные проходы Карпат и осмотрел укрепления Кракова, Коморна, Клаузенбурга, Ольмюца, и Грос-Вардейна, а также новые фортификационные сооружения, возводимые в Перемышле. По итогам своей поездки в отчете от 22 октября 1872 г. полковник Ф. А. Фельдман сделал важный вывод о том, что меры, принятые австро-венгерским правительством, указывали «на намерения австрийцев упорно защищать Галицию и подготовить себе опорные пункты и хорошие коммуникационные линии на случай войны с Россией»[31].

После оказавшись в Берлине, Федор Александрович собирал важную военно-техническую информацию о перевооружении германской армии винтовкой уменьшенного калибра системы Маузера и о размещении заказа на производство их первой партии в США. Интересно отметить, что до формирования необходимой военно-промышленной базы Военное министерство России после принятия на вооружение винтовки системы Бердана в 1870 г. поступило аналогичным образом, разместив заказ на изготовление ее первых экземпляров в Великобритании[32]. По предположениям Фельдмана, на полное переоснащение войск Второго рейха могло потребоваться не менее 2–3 лет. В числе прочего, 15 ноября 1872 г. он сообщал о большом заказе турецкого правительства на производство в Карлсруэ 500 образцов казнозарядных стальных орудий системы Круппа и на изготовление в Вене скорострельных пушек системы Гатлинга[33]. Эта информация имела большую ценность для российского командования, поскольку Османская империя выступала традиционным внешнеполитическим соперником России.

Следующей значительной вехой в профессиональной карьере Федора Александровича стало назначение военным агентом в Вену, что стало логичным следствием его предшествующего практического и теоретического опыта в качестве военного разведчика. В январе 1876 г. полковнику Ф. А. Фельдману было дано распоряжение отправиться в австрийскую столицу и по случаю «серьезного нервного расстройства, близкого к умопомешательству» полковника В. В. Молоствова заменить его в качестве военного агента[34]. В докладе начальника ГШ Ф. Л. фон Гейдена от 20 января 1876 г. указывалось, что полковник Фельдман «как офицер, который не только хорошо знаком с организацией австрийской армии, но неоднократно имел случай в подробности обследовать всю восточную половину Австро-Венгрии», являлся идеальной кандидатурой для исполнения обязанностей «дипломата в погонах» в Вене[35]. Таким образом, следует констатировать, что в период военных реформ Д. А. Милютина сложился достаточно эффективный механизм подготовки «дипломатов в погонах», учитывавший не только теоретическую базу российских офицеров, но и их индивидуальную предрасположенность к разведывательной работе в отдельных странах.

Донесения Ф. А. Фельдмана за период его службы в Вене в 1876–1881 гг. можно разделить на следующие категории: 1) уведомления о пересылке в Петербург новых печатных изданий и сочинений, посвященных вооруженным силам Австро-Венгрии, а также актуальных карт местности, необходимых для составления соответствующих военно-статистических сборников ГШ; 2) сведения о нововведениях в организации вооруженных сил Австро-Венгрии и системе высшего военного управления ими; 3) материалы о проводимых военных маневрах и отчеты, составленные по их итогам; 4) информация о военно-технических новшествах, развитии фортификационного дела и строительстве новых линий стратегических железных дорог в зоне соприкосновений границ империй Габсбургов и Романовых; 5) анализ внешнеполитических предприятий Дуалистической монархии и прогноз дальнейшего курса их направлений.

Отметим, что Ф. А. Фельдман наибольшее внимание уделял сбору и изучению информации, имевшей военно-политическое содержание, что объясняется серьезными противоречиями между Веной и Петербургом по Восточному вопросу. В то же время он не упускал из виду военно-технические новинки, своевременно

поставляя соответствующие сведения в ВУК, откуда их пересылали в Главное артиллерийское управление. Довольно характерно, что в аналогичный хронологический интервал 1876–1881 гг. российский военный агент в Лондоне генерал-майор А. П. Горлов, будучи одним из главных специалистов-оружейников в России того времени, большую часть своих донесений также посвящал актуальной военно-политической обстановке, лишь периодически извещая ГШ о военно-технических новинках[36].

Согласно донесениям Ф. А. Фельдмана, в Австро-Венгрии уже к началу 1876 г. завершилось перевооружение пехоты казнозарядной винтовкой системы Верндля обр. 1873 г.[37] Тем не менее к 1877 г. в военном министерстве Двуединой монархии решили ее модернизировать. Изменения касались увеличения дальности стрельбы оружия с 1400 до 2100 шагов за счет увеличения мощности патрона. Поскольку переделка винтовки не могла осуществляться полковыми мастерами, было принято решение начать выпуск новых образцов на казенных оружейных заводах. По сведениям Ф. А. Фельдмана, перевооружение австро-венгерской армии и изготовление необходимого для нее запаса винтовочных патронов по первоначальному плану было рассчитано на семь лет. Однако, по его наблюдениям, «нет сомнения, что перевооружение будет окончено гораздо ранее 1885 г., средства здешнего арсенала и частных изготовителей позволяют при соответствующем денежном отпуске исполнить всю работу в один год», в результате чего он сделал важное заключение, что «в случае войны Военное министерство имеет полную возможность окончить переделку ружей и заготовить необходимый запас патронов»[38].

Параллельно в Австро-Венгрии занимались разработкой и испытаниями новых магазинных винтовок. В качестве одной из перспективных моделей Ф. А. Фельдман в рапорте от 3 августа 1876 г. упоминал семизарядную систему с подствольным магазином австрийского офицера капитана Альфреда фон Кропачека[39], которой предлагалось заменить винтовку Верндля. Несмотря на положительные результаты испытаний, российский военный агент сделал верное предположение, что из экономических соображений военное министерство Австро-Венгрии «едва ли может теперь думать о скором изменении системы ружей»[40].

Позднее в военном министерстве Австро-Венгрии было принято решение провести дополнительные стрельбы, для чего винтовкой оснастили по одной роте в четырех егерских батальонах.

Анализируя эти сведения, Ф. А. Фельдман повторно сделал вывод о том, что «в Австрии еще не скоро серьезно подумают о введении магазинных ружей». Свою позицию он аргументировал сильным влиянием на процесс перевооружения армии высшего генералитета Дунайской монархии, среди представителей которого было «много противников ускоренной стрельбы». Однако российский военный агент указывал, что «их не столько озабочивает усиление расходов патронов, сколько непрочность замка», благодаря чему «вследствие малейшей ржавчины ружье может сделаться совершенно негодным». Тем не менее в качестве основного аргумента он выделял именно практические и экономические соображения. В рапорте от 7 февраля 1880 г. генерал-майор Ф. А. Фельдман привел следующее резюме: «Опытный стрелок делает из ружья Вернделя 20 выстрелов в минуту, а из ружья Кропачека 26 выстрелов, разница в скорости стрельбы недостаточна для того чтобы оправдать значительный расход, с которым сопряжено перевооружение всей армии»[41].

Ф. А. Фельдман, как и полагалось аккредитованным иностранным военным представителям, черпал информацию преимущественно из официальных источников, прежде всего из австрийской и венгерской прессы. Кроме того, он посещал, по соответствующей договоренности с правительством империи Габсбургов, оборонные заводы и арсеналы Австро-Венгрии. Но при этом за время службы в Вене он постепенно сформировал тайную агентурную сеть. Ее основу составляли, по выражению Ф. А. Фельдмана, «денежные люди», «с которыми... сблизился по случаю разных поставок и которым... более всего доверяю, ибо они получают сведения с разных сторон»[42]. С целью избежать подозрений местной контрразведки и лишних трений с правительством империи Габсбургов он не контактировал напрямую со своими агентами, а руководил ими «через вполне надежного посредника – нашего соотечественника»[43], к сожалению, им не названного. В июле 1878 г. в переписке с генералом Н. Н. Обручевым Фельдман объяснил причины своей предельной осторожности. Федор Александрович упоминал, что «за мою бытность в Вене за сношения с военными агентами два офицера сосланы на каторжные работы: один на 10 лет, а другой на 4»[44].

На первых этапах Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. агентурная сеть полковника Ф. А. Фельдмана занималась поиском конфиденциальных сведений конкретно о ситуации на Балканах

в целом и в турецком лагере в частности, которые впоследствии пересылалась им из Вены в ГШ, а затем в штаб великого князя Николая Николаевича Старшего, главнокомандующего Действующей армией[45]. Эти данные не касались напрямую страны аккредитации и, соответственно, не вызывали подозрений и не компрометировали деятельность официального военного представителя России в Австро-Венгрии. За 1876–1877 гг. только одно донесение Ф. А. Фельдмана в ГШ помечено грифом «секретно»: оно касалось подготовки военного министерства Австро-Венгрии к оккупации Боснии и Герцеговины по условиям свидания двух императоров в Рейхштадском замке[46].

На приверженность полковника Ф. А. Фельдмана принципам «дипломатического такта» в значительной степени повлияло тайное соглашение, достигнутое между Петербургом и Веной в декабре 1876 г. при посредничестве его прямого начальника генерал-лейтенанта Н. Н. Обручева. Полковник ГШ П. В. Паренсов, посетивший австрийскую столицу в декабре 1876 г., указывал: «...на взгляде Фельдмана, до некоторой степени, если не вполне, отражается взгляд Обручева... Взгляд Обручева, вероятно, находится в зависимости от тех переговоров, сведений и бумаг, которые он повез в Петербург...»[47].

Указанное выше соглашение предполагало использование австрийских железных дорог в качестве вспомогательных российских военных коммуникаций в предстоявшей войне с Турцией[48]. Впоследствии это условие легло в основу Будапештской конвенции, подписанной Россией и Австро-Венгрией 15 января 1877 г. Согласно положениям данного документа, правительство Дунайской монархии гарантировало империи Романовых нейтралитет в предстоящем русско-турецком конфликте, взамен получив право на оккупацию Боснии и Герцеговины. Также российская сторона брала на себя обязательство «не создавать сплоченного славянского или иного государства»[49], что послужило поводом для обострения отношений между сторонами после заключения прелиминарного мира в Сан-Стефано 3 марта 1878 г.

Таким образом, следует констатировать, что основная задача российского военного агента в Вене на данном этапе Восточного кризиса состояла в том, чтобы поддерживать доверительные отношения между державами в рамках достигнутого соглашения. К сожалению, вполне вероятно по указанной причине, за рамками объектива взора Ф. А. Фельдмана оставались конфиденциальные

переговоры Лондона и Вены, которые проходили на уровне глав правительств обеих стран в мае–августе 1877 г. о заключении военно-политического союза для «достижения мира» на Балканах. Рецептура «достижения мира», согласно представлениям премьер-министра Великобритании Б. Дизраэли, подразумевала отправку королевского флота к Дарданеллам, высадку британского десанта в Галлиполи, а также вторжение австро-венгерских войск в Румынию и последующую оккупацию ими Сербии[50]. Хотя военно-политический союз Дуалистической монархии и Соединенного королевства против России так и не состоялся, тем не менее отсутствие упоминаний об этих переговорах в рапортах российского военного агента в Вене является серьезным упущением с его стороны, что частично объясняется строгой секретностью, в которых они проходили.

В первые месяцы 1878 г. генерал-майор Ф. А. Фельдман фиксировал недовольство австро-венгерской общественности «по случаю принимаемого нами желания заключить с Турцией мир, идущий в разрез с интересами Австрии...»[51]. Дальнейшие действия российского командования зависели напрямую от получаемой информации о планах Великобритании и Австро-Венгрии. Если в агрессивных намерениях Лондона, как свидетельствует записки генерала Н. Н. Обручева[52], в Петербурге не было никаких сомнений, то степень опасности, исходившей от Вены, оставалась не до конца ясной. В это время до ГШ доходили совершенно различные и, зачастую, противоречащие друг другу сведения.

3 февраля 1878 г. генерал-майор Ф. А. Фельдман передал сведения о составе и численности австро-венгерской армии. По его данным, в мирное время вооруженные силы страны составляли 269 тыс. чел. при 716 орудиях, однако в случае войны теоретически правительство Дунайской монархии могло развернуть армию чуть более 1 млн чел. при 1604 орудиях. На первых этапах конфликта с Россией, по подсчетам российского военного агента, Австро-Венгрия будет способна выставить на поле боя до 400 тыс. чел., поскольку «как для мобилизации, так и для сосредоточения войск на одной из границ Генеральным штабом были выработаны планы перевозки войск»[53].

15 января 1878 г. в Вене состоялось особое Военное совещание, на котором было решено поставить на военную ногу только отдельный Трансильванский корпус для демонстративных действий против России[54]. 26 февраля 1878 г. российский военный

агент в Вене, несмотря на публикацию в одной из венгерских газет сведений о мобилизации VII корпуса, в письме уверял генерала Н. Н. Обручева в том, что «военных приготовлений до сих пор никаких не сделано; это подтверждают все мои коллеги и денежные люди...». По мнению Ф. А. Фельдмана, это давало все основания сомневаться в намерениях Австро-Венгрии серьезно готовиться к войне с Россией[55].

Как свидетельствуют документы, в ГШ царила очень тревожная обстановка, и генерал-майор Фельдман по повторным запросам из Петербурга был вынужден дважды – 8 и 22 марта – дублировать свои сведения: «...положение дел в Австрии не изменилось, т. е. военных приготовлений никаких не делается и все слухи о мобилизации, распущенные газетами, оказываются неосновательными»[56].

Последующие запросы из ГШ требовали от генерал-майора Ф. А. Фельдмана дополнительной верификации поставляемых сведений о планах Двуединой монархии. Для этого он стремился расширить сеть тайных агентов, расположенных в разных провинциях Австро-Венгрии, чтобы своевременно получать достоверную информацию о «всех распоряжениях военного начальства», которые в столице «тщательно скрывают от иностранцев»[57]. В письме от 26 февраля 1878 г. к генерал-адъютанту Н. Н. Обручеву генерал-майор Ф. А. Фельдман упоминал о том, что ранее он завязал через неназванного посредника контакты с тайными информаторами в Праге, Львове и Аграме, чтобы не упустить из виду «что-либо важного». Однако он выражал сомнения относительно вероятности успеха добычи новых сведений о подготовке Австро-Венгрии к войне с Россией без дополнительных денежных затрат, без которых, с его слов, «ничего не сделаешь»[58]. Поэтому 22 марта Ф. А. Фельдман сделал запрос в ГШ на ассигнование ему дополнительных расходов в 2 тыс. руб., к 3 апреля запрос был полностью одобрен военным министром[59].

К июлю 1878 г. генерал Фельдман докладывал о результатах деятельности его агентурной сети. В частности, ему удалось завербовать офицера мобилизационного отделения австрийского Генерального штаба[60]. В одном из донесений российского «дипломата в погонах» содержался перевод секретного положения о мобилизации различных родов войск Австро-Венгрии. По полученным данным, для постановки на военную ногу пехоты Двуединой монархии требовалось 9–11 дней, кавалерии – 14–17, полевой

артиллерии – 18–21, обоза – 18–24[61]. Но, опираясь на эту информацию, российский военный агент не мог точно «определить время, необходимое для сосредоточения на одной из границ (против Италии или России. – *А. А.*) известного числа мобилизованных корпусов»[62]. Тем не менее, полученные сведения имели очень важное значение для российского Главного штаба, который ранее не располагал точными и подробными данными о сроках и порядке мобилизации австро-венгерской армии.

Одним из наиболее значимых успехов генерала Ф. А. Фельдмана на посту военного агента в Вене стало получение подробного плана оперативного развертывания австро-венгерских войск на восточной границе против Российской империи, в котором помимо сроков мобилизации и пунктов сосредоточения указывались основные направления ударов армий Дунайской монархии. Вероятнее всего, эту информацию генерал-майор Ф. А. Фельдман приобрел у завербованного им ранее офицера мобилизационного отделения австрийского Генерального штаба. Эти «особо доверительные» сведения российский военный агент переправил в Петербург в рапорте от 3 августа 1880 г.[63] Они послужили основой для подготовки к стратегической военной игре офицеров штаба Варшавского военного округа в 1883 г., которому предстояло исполнять роль «главной скрипки» в войне против Австро-Венгрии и Германии[64].

Подводя общие итоги нашего исследования, можно сделать следующие выводы. К 70-м гг. XIX в. российская военная система продуцировала высококвалифицированных специалистов-разведчиков, способных обеспечивать ГШ разносторонней информацией о военно-экономическом потенциале других держав. В свою очередь, это позволяло российскому Военному министерству эффективно заниматься развитием военной промышленности и укреплением обороноспособности России на ключевых стратегических направлениях. Личность Ф. А. Фельдмана и его опыт службы военным агентом в Австро-Венгрии являются ярким тому подтверждением.

Начальник ГШ генерал-адъютант Н. Н. Обручев 28 октября 1881 г. составил ходатайство с рекомендацией назначить Ф. А. Фельдмана на должность управляющего делами ВУК[65]. Приказ по Военному ведомству с соответствующим назначением последовал 30 октября 1881 г.[66] С этого момента последующие 15 лет Ф. А. Фельдман без единого нарекания возглавлял

центральный орган российской военной разведки. По свидетельству современников, «на этом поприще ему пришлось стать одним из деятельнейших и наиболее видных сотрудников ген[ерал]-адъют[анта] Н. Н. Обручева»[67].

---

[1] Приведем некоторые из работ современных авторов, занимающихся изучением истории российской военной разведки и ее различных аспектов: Алексеев М. Н. Военная разведка в Российской империи – от Александра I до Александра II. М.: Вече, 2010; Ильина Т. Н. Военные агенты и русское оружие. СПб.: Атлант, 2008; Каширин В. Б. Дозорные на Балканах: русская военная разведка в странах Балканского полуострова накануне и в годы Первой мировой войны. М.: ВИКМО-М, 2014; Кривопалов А. А. Фельдмаршал И. Ф. Паскевич и русская стратегия в 1848–1856 гг. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2019. С. 116–123; Лисицына Н. Н. Русские военные агенты в Лондоне в конце XIX – начале XX века: взгляд на Восток // Клио. 2005. № 1 (28). С. 161–166; Пинк И. Б. Международные научно-технические связи в истории разработки стрелкового оружия в России (1830–1918 гг.). Тула: ФГБУК «Тульский гос. музей оружия», 2018; Сергеев Е. Ю., Улунян А. А. Не подлежит оглашению: Военные агенты Российской империи в Европе и на Балканах, 1900–1914. М.: РеалиПресс, 2003; Томилин А. Р. 1) Русские военные агенты в Лондоне и методы их работы в 1875–1885 гг. // Российская история. 2020. № 6. С. 111–120; 2) Русская военная разведка на Босфоре в 1878–1885 гг. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2020. № 4 (23). С. 6–32.

[2] Ильина Т. Н. Указ. соч. С. 75–332; Пинк И. Б. Указ. соч. С. 76–77.

[3] Каширин В. Б. Указ. соч. С. 69.

[4] Русский инвалид. 1902 // Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 318. Оп. 1. Д. 9466. Л. 4.

[5] РГВИА. Ф. 401. Оп. 4. 1881. Д. 46. Л. 9.

[6] Разведчик. № 593. 1902 // РГВИА. Ф. 318. Оп. 1. Д. 9466. Л. 2.

[7] Подробнее см.: Описание русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. Т. 1. СПб.: Воен.-истор. комиссия Гл. штаба, 1901. С. 123–124; Айрапетов О. Р. Война 1877–1878 гг. как проверка реформ // Ключевские чтения – 2020. Народ и власть. Материалы Международной научной конференции молодых ученых. Сборник научных трудов. М.: «Спутник+», 2021. С. 225–226; Пинк И. Б. Указ. соч. С. 181–191.

[8] Все даты приводятся по григорианскому (новому) стилю.

[9] Генерал-адъютант А. И. Фельдман (Биографический очерк) // Северная пчела. 1861. № 250.

[10] В этот период в военно-учебных заведениях Российской империи действовала 12-балльная система оценок.

[11] РГВИА. Ф. 318. Оп. 1. Д. 1482. Л. 65.

[12] РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. 1901. Д. 125–128. Л. 1. Автор выражает искреннюю благодарность своему коллеге Александру Руслановичу Томилину за предоставление копии послужного списка генерала Ф. А. Фельдмана в редакции от 1901 г.

[13] Там же.

[14] Разведчик. № 593. 1902 // РГВИА. Ф. 318. Оп. 1. Д. 9466. Л. 2 об.

[15] РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. 1868. Д. 365–105. Л. 5 об.
[16] Там же. Оп. 1. 1901. Д. 125–128. Л. 2 об.
[17] Алексеев М. Н. Указ. соч. С. 201–202; РГВИА. Ф. 38. Оп. 5. Д. 1313. Л. 3.
[18] Пинк И. Б. Указ. соч. С. 50–51.
[19] Там же. С. 140–143.
[20] РГВИА. Ф. 38. Оп. 5. Д. 1082. Л. 27.
[21] Там же. Л. 32.
[22] Там же. Л. 30 об. – 31.
[23] Там же. Л. 32 об. – 33.
[24] Там же. Л. 33.
[25] Там же. Л. 29.
[26] Там же. Ф. 409. Оп. 2. 1868. Д. 365–105. Л. 2 об.
[27] Там же. Оп. 1. 1901. Д. 125–128. Л. 2 об., 13.
[28] Айрапетов О. Р. Генерал-адъютант Николай Николаевич Обручев (1830–1904). Портрет на фоне эпохи. М.: Русская книга: Алгоритм, 2018. С. 117.
[29] РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. 1901. Д. 125–128. Л. 2 об.
[30] Список ученых и литературных трудов профессоров Академии и офицеров, получивших в ней высшее военное образование // Глиноецкий Н. П. Исторический очерк Николаевской Академии Генерального Штаба. СПб: тип. Штаба войск Гвардии и Петерб. воен. окр., 1882. С. 40.
[31] РГВИА. Ф. 401. Оп. 2. 1872. Д. 71. Л. 43.
[32] Ильина Т. Н. Указ. соч. С. 203.
[33] РГВИА. Ф. 401. Оп. 2. 1872. Д. 71. Л. 56.
[34] Там же. Ф. 428. Оп. 1. Д. 118. Л. 1–3 об.
[35] Там же. Д. 119. Л. 1 об.
[36] Донесения А. П. Горлова подробнее см.: РГВИА. Ф. 401. Оп. 3. 1877. Д. 4; 1878. Д. 15; Ф. 431. Оп. 1. Д. 47–49.
[37] РГВИА. Ф. 428. Оп. 1. Д. 119. Л. 53 об.
[38] Там же. Ф. 401. Оп. 3. 1880. Д. 23. Л. 5–5 об.
[39] Там же. Л. 105 об.
[40] Там же. Л. 106.
[41] Там же. Л. 6–6 об.
[42] РГВИА. Ф. 401. Оп. 3. 1878. Д. 14. Л. 56.
[43] Там же. Л. 65.
[44] Там же. Ф. 428. Оп. 1. Д. 194. Л. 48.
[45] Там же. Ф. 401. Оп. 3. 1878. Д. 14. Л. 2; Ф. 846. Оп. 2. Д. 7893. Л. 28, 39, 72; Алексеев М. Н. Указ. соч. С. 331–332; Газенкампф М. А. Мой дневник 1877–1878 гг., СПб.: В. Березовский, 1908. С. 132, 228, 254.
[46] РГВИА. Ф. 401. Оп. 3. 1877. Д. 27. Л. 75.
[47] Особое прибавление к описанию Русско-турецкой войны 1877–78 гг. на Балканском полуострове. Вып. V. Донесения военных агентов. СПб.: Воен.-истор. комиссия Гл. штаба, 1904. С. 165.
[48] Айрапетов О. Р. Генерал-адъютант... С. 182–183.
[49] Секретная конвенция между Россией и Австро-Венгрией, 3/15 января 1877 г. // Сборник договоров России с другими государствами (1856–1917). М.: Государственное издательство политической литературы, 1952. С. 155.
[50] Wertheimer E. Graf Julius Andrássy: sein leben und seine zeit nach ungedruckten quellen. B. 3. Stuttgart: Deutsche verlags-anstalt, 1913. S. 30–31.

[51] РГВИА. Ф. 401. Оп. 3. 1878. Д. 14. Л. 23 об.
[52] Алпеев О. Е. Война после победы?.. Планы генерала Н. Н. Обручева на случай конфликта с коалицией Великобритании, Австро-Венгрии и Турции (1878 г.) // Вопросы истории. 2021. № 11. С. 28–52.
[53] РГВИА. Ф. 401. Оп. 3. 1878. Д. 14. Л. 38.
[54] Rosner W. Anton Freiherr von Schönfeld als Chef des Generalstabes – Der Beginn der konkreten Kriegsvorbereitungen in Österreich-Ungarn 1876–1881 // Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung. 1988. Vol. 96. No. 3–4. S. 411.
[55] РГВИА. Ф. 401. Оп. 3. 1878. Д. 14. Л. 56.
[56] Там же. Л. 59, 65.
[57] Там же. Л. 65.
[58] Там же. Л. 56.
[59] Там же. Л. 82.
[60] Там же. Ф. 428. Оп. 1. Д. 194. Л. 48.
[61] Там же. Ф. 401. Оп. 3. 1878. Д. 14. Л. 180 об.
[62] Там же. Л. 187.
[63] Там же. Оп. 3. 1879. Д. 60. Л. 79–86.
[64] Там же. Ф. 1859. Оп. 1. Д. 1669. Л. 5–7 об.
[65] Там же. Ф. 401. Оп. 4. 1881. Д. 46. Л. 9.
[66] Там же. Л. 14.
[67] Ф. А. Фельдман // Нива. 1902. № 7. С. 140.

Д. А. Афонин (Санкт-Петербург)

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ НЕОБХОДИМОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ ПО ДЕМИЛИТАРИЗАЦИИ И ДЕНАЦИФИКАЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ УКРАИНЫ

«Войны нельзя избежать, ее можно лишь отсрочить».
Никколо Макиавелли

СОВРЕМЕННАЯ международная геополитическая обстановка характеризуется высокой обостренностью отношений между государствами. После распада Советского Союза одной из задач стран Западного мира стало установление контроля на постсоветском пространстве. Целью является максимальное территориальное сближение западных стран с Российской Федерацией. Данная тенденция прослеживается, начиная с середины XIX в. (после поражения Российской империи в Крымской войне). Дальнейшие события в геополитическом соперничестве между Великобританией и Российской империей за господство в Центральной Азии получили название «Большая игра». Ряд историков отмечает по настоящее время продолжение «Большой игры», выделяя трех основных соперников на международной арене: Российская Федерация, Соединенные Штаты Америки и «Коллективный запад».

Несмотря на то, что специальная операция началась неожиданно для большинства населения, предпосылки ее проведения четко прослеживались еще с момента обретения Украиной статуса независимого суверенного государства.

Рассматривая историю во всех аспектах, стоит отметить, что с 1654 г. территория современной Украины находилась в составе России. На протяжении этого времени не существовало никаких

различий между людьми, проживавшими на территории Украины и на территории России. Сама по себе нация «украинцев» отсутствовала как таковая. Встает вопрос, откуда взялись требования украинских националистов об исключении русского языка из государственного оборота и др.?

24 августа 1991 г. был издан Акт Верховного Совета УССР о провозглашении независимости Украины. В результате данного нормативного правового акта объявлялось, что Украина является самостоятельным суверенным независимым государством.

Ряд историков считает выход УССР из состава СССР незаконным. Основанием для такого мнения является факт отсутствия документов, подтверждающих соблюдение всей законодательной процедуры отсоединения субъекта от территорий СССР. В данном случае, бессмысленным представляется факт об «аннексии» Крыма ввиду того, что Крым не являлся чужой для России территорией.

С первых же дней самостоятельности Украины политика данного государства была направлена на конфронтацию с Россией. При этом возможность о решении конфликта путем переговоров Украиной не рассматривалась. Известно выражение Л. Кравчука: «Украина может гордиться тем, что она есть, и была, и стала в 1991 году страной, которая развалила Советский Союз – последнюю империю, наиболее страшную». Таким образом прямо высказывается мнение о том, что, по сути, братский русский народ являлся обузой для Украины, что развал СССР – благо.

В первые годы существования Украина отказалась от членства в СНГ. Отказ обосновывался речами о независимости, самостоятельности Украины и украинской нации. Л. Кучмой была выпущена книга «Украина – не Россия». Название книги говорит само за себя. Явно прослеживается политика дифференциации Украины и России.

Россия, со своей стороны, на протяжении многих лет (несмотря на явно враждебный настрой Украины) старалась вести дружественную внешнюю политику в отношении Украины. Так, в 1997 г. был подписан Договор о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Российской Федерацией и Украиной.

В 2005 г. президентом Украины становится Виктор Ющенко. Он стал первым президентом независимой Украины, посетившим

США. Явно прослеживалась направленность внешней политики Украины на интеграцию в западные структуры, в частности, в НАТО.

В 2006 г. подписывается закон «О голодоморе 1932, 1933 годов на Украине». Согласно данному акту вся вина за голодомор возлагается на Россию. Голодомор на Украине приравнивается к применению Россией геноцида[1].

С 2010 г. отношения между Россией и Украиной улучшились. Были подписаны Харьковские соглашения, однако дружественными их назвать было нельзя. Так, в 2012–2013 гг. Россия предлагала Украине вступить в Таможенный союз, тем самым облегчить процесс обмена ресурсами между странами, снизить расходную часть, на что украинской стороной был дан отказ. Причиной отказа стало то, что в элитах Украины сложилось мнение о необходимости вступления в ЕС и НАТО, соответственно, вступление в Таможенный союз является недопустимым ввиду политики, ориентированной на Европу[2].

Политический кризис на Украине является важным историческим звеном в ее истории. Спровоцировал данный кризис отказ на тот момент действующего президента Украины В. Януковича подписывать Соглашение об ассоциации Украины и ЕС, в результате чего произошла смена власти. В. Янукович был вынужден в срочном порядке покинуть Украину. При этом перестали выполняться многие соглашения, в том числе «Соглашение об урегулировании политического кризиса на Украине». Русский посол на Украине был отозван из Киева в связи с обострением политической ситуации. Россия выразила сомнение в легитимности нового украинского руководства.

В результате кризиса власти на Украине начался вооруженный конфликт на юго-востоке страны, развернули активную деятельность бандитские формирования.

На территории Крыма начались активные общественные действия, произошли общественно-политические изменения. Для «наведения порядка» на полуостров были отправлены бандитские формирования. При этом Киев выдвигал требования ликвидации российской военно-морской базы на территории Крыма. Таким образом, создавалась реальная угроза русскоязычному крымскому населению.

Вынужденной мерой для России стало использование военнослужащих с целью защиты интересов русскоязычного

населения на территории Крыма. Были созданы все условия для проведения референдума о вхождении Крыма в состав территории Российской Федерации.

По результатам добровольного референдума Крым вошел в состав Российской Федерации. Отмечается, что об аннексии не может идти речь ввиду того, что, во-первых, исторически Крым был территорией России, во-вторых, желание вступления в состав России является добровольным мнением большинства населения, проживающего на его территории.

Начиная с этого периода истории, давление со стороны западных стран на Украину и Россию не прекращалось под предлогом «аннексии Россией крымских территорий».

К 2022 г. накал внешнеполитической обстановки был на пределе. Желание вступления в ЕС стало главной целью Украины, а ненависть к России выражалась очень явно, что сильно било по интересам России (особенно экономическим).

Украинский национализм стал легализованной нормой. На действия нацистов, выступавших против русскоязычного населения и русского языка в целом, украинское правительство реагировало одобрительно. При этом особенно притеснялись восточные части территории Украины, на которых преобладающая часть наступления выступала против евроинтеграции и за налаживание геополитических отношений с Россией[3].

При этом стоит отметить, что перед принятием решения о проведении Специальной военной операции Россия вела длительную дипломатическую работу со странами НАТО, Евросоюза, ОБСЕ и персонально с США.

Далее представляется необходимым отдельно разобрать влияние вышеуказанных исторических событий на население. Ведь если бы общественное сознание на Украине находилось хотя бы в нейтральном отношении к России, решить данную политическую проблему было бы возможно путем дальнейшей дипломатии. И в данном случае автор концентрирует внимание на деятельности Джорджа Сороса и его фондов, сыгравших значительную роль в формировании ненависти Украины к Российской Федерации.

В XIX в. борьба за власть происходила путем сражений, завоеваний территорий военными силами. Однако в XXI в. правила игры изменились. Развитие информационных технологий привело к тому, что в настоящее время не нужно отправлять войска

на какую-либо территорию. Достаточно создать «пятую колонну» внутри государства и посредством СМИ, некоммерческих организаций (НКО) и неправительственных организаций (НПО) управлять сознанием населения, провоцируя митинги, революции, результатом которых становится смена власти на «нужных людей».

Происходит информационное влияние на население по принципу «Окна Овертона». Действительно, в настоящее время не нужно «вбивать» в головы всего народа какие-либо убеждения. Достаточно создать группу лиц и сделать так, чтобы народ считал, что эта группа представляет мнение народа. Согласно «Окну Овертона», в сознание общества можно вложить любую мысль в шесть этапов.

1. Немыслимо. Идея, предлагаемая обществу, является абсурдной, воспринимается как полный бред.

2. Радикально. Деятели науки выдвигают теорию, что данная идея в теории вполне может существовать, организуются симпозиумы научных деятелей, где в процессе обсуждения выдвигается мнение о том, что идея является не такой уж и немыслимой.

3. Приемлемо. Цитирование ученых, поддерживающих данную идею, «смешивание с грязью» ученых, выдвигающих аргументы против идеи. Обращение к истории (которую преподносят не всегда объективно).

4. Разумно. Вводится стереотипный образ человека, выступающего против идеи как агрессивного, неуравновешенного, дикого. СМИ широко освещают данную идею. Делается акцент на том, что разумный человек, конечно же, понимает, что идея является самой что ни на есть правильной и единственно верной.

5. Стандартно. Многие известные общественные деятели (артисты, писатели, политики) открыто говорят о том, что не представляют жизни без данной идеи. Создаются социальные видеоролики, говорящие о негативных последствиях в случае непринятия идеи. Параллельно создается законопроект.

6. Действующая норма. Закон вступает в силу, а общество единогласно одобряет законопроект, так как каждый человек считает, что он сам для себя решил (без какого-либо влияния), что данная идея – действительно правильное рациональное решение[4].

Обратимся к ситуации на Украине. После отсоединения Украины от СССР на ее территории в 1990-х гг. начали

деятельность фонды Джорджа Сороса: «Открытое общество», «Возрождение», международные организации: IREX (Совет международных исследований и обменов, им был открыт America House, который администрируется через посольство США в Киеве), USAID (Агентство США по международному развитию), NED (Национальный фонд за демократию), IRI (Международный республиканский институт), NDI (Национальный демократический институт) и др.[5]

Фонд «Возрождение» с 1990 г. вел активную деятельность на территории Украины по изменению сознания населения, формированию ненависти к России и желания вступления в НАТО.

Роль ЛОМ (лидеры общественного мнения) выполняли представители НПО, созданные фондом «Возрождение».

Создана программа обмена опытом, согласно которой ежегодно происходил обмен между украинскими и американскими студентами. В процессе обучения в США студентам кардинально менялось сознание, в результате чего возвращающиеся из США высказывались резко негативно о России, восхваляя Америку и ее идеалы.

Создается СМИ – «Украинское независимое информационное агентство новостей». С самого начала деятельности данного «независимого» СМИ явно прослеживалась активная антироссийская позиция.

Создание сети курсов английского языка «International House Schools» позволило под видом носителей языка отправлять агентов, профессиональных психологов, разведчиков, проводивших работы по трансформации сознания украинского общества.

Под предлогом инновации обучения переписывались учебники истории. Так, движение бандеровцев приравнивалось к событиям 1917 г. и расценивалось как освободительное, результатом которого станет процветание страны[6].

Проводилась пропаганда коррупционных действий со стороны России. «Независимые» СМИ широко освещали «вмешательство» России в выборы на Украине, проводили собственные расследования, спонсированные все тем же фондом Сороса.

Таким образом, деятельность НКО и НПО привела к формированию ненависти к России и преклонению перед Западом.

После избрания президентом Украины В. А. Зеленского накал отношений начал стремительно расти. Украина с каждым днем

приближалась к тому, чтобы вступить в НАТО. Россия же, в свою очередь, не могла допустить вступление Украины в НАТО ввиду того, что соприкосновение границ стран Запада и России неизбежно привело бы к военному конфликту. Подтверждением немирных целей НАТО является размещение вблизи территории Беларуси «оборонительных» установок, которые имеют возможность запуска атакующих ракет, что является явным нарушением договора международной безопасности.

Все приведенные доводы свидетельствуют о том, что проведение Специальной военной операции России на территории Украины было неизбежно и явилось необходимой мерой для обеспечения безопасности Российской Федерации. Боевые действия целесообразно проводить за пределами территории своего государства ввиду экономической выгоды, сохранения стабильности в обществе.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что в настоящей политике Украины прослеживается явное русофобство (особенно развившееся с 2014 г. после прихода к власти украинских радикальных националистов). Активная пропаганда «правильного отношения к России» привела к формированию у населения Украины ничем не обоснованной ненависти к русскому языку, русскоговорящему населению (в том числе русскоговорящим украинцам).

Пророссийская основа была уничтожена. Нынешнее поколение украинцев отрицает какие-либо связи Украины с Россией. Создан образ России как негативного прошлого и образ НАТО, ЕС как светлого будущего[7].

Очевидно, что в таких условиях жизни, политической, идеологической пропаганды в настоящее время к русским военнослужащим на Украине относятся как к завоевателям.

Большое значение имеет то, что Россия не преследует в своих действиях цели уничтожения мирного населения. Конечная цель Специальной военной операции – освобождение Донбасса, защита населения и создание условий, которые бы гарантировали безопасность самой России.

---

[1] Чернявский С. И. Россия–Украина: ретроспектива постсоветских отношений // Juvenis Scientia. 2017. № 3. С. 13–21.

[2] Там же.

[3] Там же.
[4] Титова О. З. «Окно Овертона» как политическая технология корректировки общественного сознания // Юридическая наука и практика: Альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИН России, Самара, 22 февраля 2018 года. Т. 6. Ч. 1. Самара: Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2018. С. 299–301.
[5] Дудчак А. О роли неправительственных и некоммерческих организаций, финансируемых из-за рубежа, в разрушении государственного суверенитета, на примере деятельности Фонда Сороса на Украине в период с 1991 г. до февраля 2014 г. // Постсоветский материк. 2019. № 3 (23). С. 54–80.
[6] Там же.
[7] Третьяков В. Г. Украина: путь к бандеровщине и русофобии // Культура. Наука. Образование. 2022. № 4 (65). С. 29–55.

И. В. Бабич (Москва)

ТОПОНИМЫ В АРМЕЙСКОЙ ПАРОЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ КАК МАРКЕР САМОСОЗНАНИЯ РУССКОГО ОФИЦЕРА СЕРЕДИНЫ 1720-х гг.

ПАРОЛЬ И ОТЗЫВ (в XVIII в. говорили «пароль и лозунг») – воплощение Слова в воинской повседневности. Здесь символически отражается вертикаль бытия, маркирующая, наряду с мундиром, принадлежность и верность тому особому виду человеческой общности, какой является армия. Употребление паролей служит упрощенным аналогом известного с глубокой древности совмещения половинок разломанной таблички со сделанным некогда совместно рисунком или надписью как своего рода верительной грамоты при встрече членов определенной корпорации или произнесения Символа веры адептами той или иной конфессии. С этим актом пароли сближал и выбор для них имен святых. Вместе с тем использование парольно-лозунговых пар – неотъемлемая часть горизонтали повседневных тактических[1] ориентиров в конкретных геолокационных параметрах.

В то же время в «парольных» координатах реализуется определенное игровое начало, в целом присущее, по мнению К. Клаузевица, природе войны[2] и, быть может, ни в одном другом аспекте армейской действительности не выступающее с такой очевидностью. Возможно, эта ипостась обусловила бытование пароля как атрибута традиции детских военных игр.

Обе составляющих восприятия паролей – сакральное и игровое – прослеживаются в петровскую эпоху. Так, М. М. Голицын в августе 1709 г.[3] пенял на игнорирование требования, заключенного в приказе, отданном «при пароле», подчеркивая, что сам статус такого приказа усугубляет вину его неисполнения. В отредактированной Петром I «Гистории Свейской войны» неоднократны примеры обозначения «паролем» гарантированного

обещания (свободы проезда, обеспечения безопасности и т. п.)[4]. В переписке же Петра I и А. Д. Меншикова начала 1700-х гг. под «паролем», как доказал Н. И. Павленко, понимается их взаимное, не известное сколько-нибудь широкой аудитории обязательство вступить в брак соответственно с Мартой Скавронской, будущей Екатериной Алексеевной, и Дарьей Арсеньевой[5].

Применение паролей являлось и поныне является одним из атрибутов караульной службы. Действующий устав российской армии, так же как и в XVIII в., трактует пароль в качестве секретного слова, подтверждающего полномочия прибывшего для смены караула либо лица с приказом от имени начальников. При этом однозначно предусмотрено использование для пароля названия какого-либо города Российской Федерации[6]. Схожими, хотя и менее отчетливыми (без указания на необходимость обращения к отечественным наименованиям) были уставные требования и на исходе существования армии Российской империи: для пароля выбиралось название «какого-либо города или местности». Посты же, обязанные обеспечить проход лишь некоторых лиц, кроме пароля получали дополнительное секретное слово: «пропуск», состоящий из названия «военного предмета», начинающегося на одну букву с паролем (например: пароль «Самара» – пропуск «сабля»)[7]. Однако еще в начале XIX в. города являлись второй частью парольно-лозунговой пары, первой же ее частью, собственно паролем, было имя святого[8]. Петровский Воинский устав, детально регламентируя механизм отдачи паролей (толкование обязанностей различных чинов в этом отношении содержится более чем в 20 главах устава и статьях артикула), состав парольно-лозунговой номенклатуры не определял.

Задача настоящей статьи – проследить, насколько парольный тезаурус зафиксировал топонимические приоритеты, актуальные для русской армии на исходе первой четверти XVIII в. За рамками рассмотрения остаются при этом как особенности паролей в армиях разных стран и веков, так и вопросы выбора имен святых в паролях и его соотношения с фактическим имянаречением (поскольку оно отразилось в именах военных чинов на действительной службе).

Не лишен резона вопрос, стоит ли рассматривать в качестве сколько-нибудь значимого исторического факта случайный (особенно памятуя о присутствии игрового начала в военном быту) выбор того или иного топонима при выполнении уставного требования к несению повседневной службы. Кажется правомерной

гипотеза о том, что именно обыденность данного действия может адекватно отразить степень усвоения системы ментальных географических координат офицером, ежедневно транслирующим соответственно своему рангу эти представления в самом широком кругу лиц, принадлежащих армейской общности.

В качестве основного источника используются перечни паролей, отданных в течение декабря 1724 и на всем протяжении 1725 г. полкам в Петербурге. Совокупность этих перечней отложилась в фонде коллекции Военно-ученого архива среди донесений, поступавших к А. Д. Меншикову[9]. Массовый на момент своего бытования документ сейчас является уникальным. Поэтому в настоящей статье и представляется целесообразным воспроизведение его фрагментов со списками географических наименований. Специфика привлеченных данных может предстать более рельефной в сопоставлении с аналогичным источником – паролями в опубликованных приказах 1736–1739 гг. в армии под командованием гр. Б.-Х. Миниха[10].

Пароли армии Б.-Х. Миниха вполне[11] отвечают нормам, принятым, по крайней мере, до начала XIX в.: паролем служило имя святого, а лозунгом название города. Практика начала XVIII в. была менее устоявшейся. В сохранившихся единичных приказах М. М. Голицына (1709)[12], записаны лишь лозунги, состоявшие из имен святых, а пароли не отмечены вовсе. В единичных же опубликованных рапортах от 17 и 19 июля 1708 г.[13], зафиксировавших пароли, использованы две модели: «имя святого – город» и «город – город».

В паролях для петербургских воинских частей 1724–1725 гг. имена святых и географические имена служили и паролем, и лозунгом в течение одного дня. Применение же их чередовалось по месяцам: в феврале, апреле, июне, августе, октябре 1725 г. паролями и лозунгами служили имена святых, в декабре 1724, январе, марте, мае, июле, сентябре, ноябре 1725 г. – географические[14].

	пароль	лозунг		пароль	лозунг
1724			**1725**		
декабрь			**январь**		
1	Москва	Санкт Питербурх	1	Боже сохрани нас	в наступивший новый год
2	Новгород	Смоленск	2	даруй верным своим	благополучие

	пароль	лозунг		пароль	лозунг
3	Свияжск	Володимер	3	...[Слово не разобрано] благое	намерение
4	Казань	Киов	4	Кийов	Астарахань
5	Ярославль	Торопец	5	Рига	Нарва
6	Каргополь	Олонец	6	Тоболск	Казань
7	Стародуб	Сумы	7	Санчурск	Торопец
8	Ахтырка	Устюжна	8	Воронеж	Торжок
9	Калуга	Рославль	9	Выборх	Нежин
10	Нежин	Руса	10	Тверь	Псков
11	Изборск	Кострома	11	Луки Великия	Текст не разобран
12	Воронеж	Изборск	12	Новгород	Трупчевск
13	Рига	Нарва	13	Шлютен-бурх	Пернов
14	Выборх	Кексголм	14	Устюжна	Ревель
15	Шлютен-бурх	Копорье	15	Белоозеро	Дерпт
16	Кронштат	Ямбурх	16	Архангел-ской	Олонец
17	Астрахань	Свияжск	17	Дербент	Каргополь
18	Таруса	Псков	18	Коломна	Калуга
19	Ревель	Пернов	19	Зверовичи	Менск
20	Харков	Полтава	20	Ахтырка	Ржева
21	Генисейск	Синбирск	21	Белев	Болхов
22	Алатырь	Муром	22	Богодухов	Ладога
23	Белев	Севск	23	Кексголм	Тихвин
24	Тверь	Торжок	24	Нижней	Сызрань
25	Пошехонье	Романов	25	Алатырь	Муром
26	Орел	Елец	26	Москва	Володимер
27	Клин	Звенигород	27	Глухов	Боровск
28	Чернигов	Белгород	28	Дорогобуж	Королевец
29	Гдов	Брянеск	29	Глухов	Клин
30	Ладога	Синбирск	30	Царицын	Свияжск
31	Изборск	Луки Великия	31	Ярославль	Углеч
1725					
март			**май**		
1	Господи	Благослови	1	Санкт Питербурх	Олонец
2	лето	сие	2	Москва	Коломна

	пароль	лозунг		пароль	лозунг
3	Санктпитер-бурх	Астрахань	3	Астрахань	Сызрань
4	Королевец	Гданск	4	Казань	Тула
5	Полоцк	Львов	5	Крон-шта[дт]	Ладога
6	Варшава	Жолква	6	Сибирь	Вологда
7	Рига	Пернов	7	Тоболск	Свияжск
8	Вилна	Берлин	8	Рига	Верхотурье
9	Нарва	Дербент	9	Ревель	Пернов
10	Тоболск	Киов	10	Воронеж	Выборх
11	Нежин	Ромны	11	Смоленск	Кексголм
12	Калуга	Выборх	12	Новгород	Великия Луки
13	Новгород	Ревель	13	Тверь	Псков
14	Воронеж	Коломна	14	Шлютен-бурх	Устюжна
15	Москва	Можайск	15	Архангел-ской	Торопец
16	Руса	Сызрань	16	Кроншлот	Ржева
17	Торопец	Белев	17	Нарва	Клин
18	Ахтырка	Богодухов	18	Торжок	Серпухов
19	Минеск	Копорье	19	Калуга	Мещовск
20	Торжек	Глухов	20	Киов	Ахтырка
21	Шлютен-бурх	Ахтырка	21	Дербент	Ярославль
22	Харков	Калуга	22	Нежин	Кострома
23	Скопин	Кромы	23	Гилянь	Суздаль
24	Орел	Тверь	24	Глухов	Бака
25	Ржева	Гдов	25	Зарайск	Севск
26	Псков	Казань	26	Иркуцк	Урень
27	Нижней	Клин	27	Нижней	Юрьев Полский
28	Алатырь	Дмитров	28	Переяславль	Рязань
29	Галич	Олонец	29	Королевец	Дмитров
30	Кострома	Резань	30	Бреславль	Резензбурх
31	Ярославль	Пошехонье	31	Полтава	Пенза
июль			**сентябрь**		
1	Тоболск	Калуга	1	Санкт П.Бурх	Пернов
2	Вилна	Торжок	2	Рига	Олонец
3	Варшава	Псков	3	Москва	Коломна

	пароль	лозунг		пароль	лозунг
4	Берлин	Абов	4	Ревель	Гилянь
5	Выборх	Новгород	5	Новгород	Псков
6	Митава	Тверь	6	Астрахань	Серпухов
7	Королевец	Астрахань	7	Шлютель-бурх	Брянск
8	Луки	Минск	8	Выборх	Тферь
9	Киов	Вилна	9	Казань	Володимер
10	Текотин	Скопин	10	Архангелск	Ярославль
11	Чернигов	Полоцк	11	Калуга	Мценск
12	Алатырь	Синбирск	12	Руса	Уфа
13	Дрезден	Глухов	13	Нежин	Бака
14	Царицын	Крапивна	14	Смоленск	Копорье
15	Генисейск	Орша	15	Тоболск	Дмитров
16	Витепск	Москва	16	Каргополь	Синбирск
17	Коломна	Козлов	17	Верхотулье	Пенза
18	Париж	Азов	18	Переславль	Рязань
19	Тамбов	Мадрит	19	Торопец	Луки Великия
20	Рим	Волынь	20	Нарва	Торжок
21	Пернов	Нежин	21	Королевец	Клин
22	Переяславль	Свияжск	22	Ладога	Зарайск
23	Бака	Торопец	23	Воронеж	Елец
24	Порхов	Ромны	24	Тамбов	Усмань
25	Касимов	Ахтырка	25	Глухов	Белев
26	Сумы	Руса	26	Севеск	Лифин
27	Олонец	Архангел-ской	27	Царицын	Иркуцк
28	Калиш	Романов	28	Гдов	Дорогобуж
29	Каргополь	Колской Острог	29	Киов	Романов
30	Константи-нополь	Ачаков	30	Якуцк	Изборск
31	Ясы	Браилов			
ноябрь					
1	Лондон	Стокголм			
2	Амстердам	Дербент			
3	Астрабат	Китай			
4	Бака	Константи-нополь			
5	Бонония	Рома			

	пароль	лозунг		пароль	лозунг
6	Неаполь	Тонинг			
7	Штетин	Стральзунт			
8	Дрезден	Бряславль			
9	Ряща	Испогань			
10	Вена	Фридрих-штат			
11	Ширвань	Генжа			
12	Иеорасалим	Антиохия			
13	Александ-рия	Бендеры			
14	Бельград	Берлин			
15	Краков	Познань			
16	Ачаков	Темисвар			
17	Ясы	Бахшисарай			
18	Брест	Троя			
19	Кенигсберг	Арзамас			
20	Святый Крест	Чебоксары			
21	Торунь	Чигирин			
22	Данцих	Конотоп			
23	Копенгаген	Антлам			
24	Хива	Абоу			
25	Кевроль	Париж			
26	Росток	Гамбург			
27	Гельзенфорс	Любек			
28	Грибшвальд	Шкверин			
29	Тенинг	Рензбурх			
30	Гиштроф	Багдат			

Эти перечни на четвертушках листа, насколько видно из помет на них, доставлялись командовавшему гвардейскими частями в Петербурге И. И. Бутурлину, коменданту Петербургской крепости Я. Х. Бахмеотову и Л.-Н. Аларту, ведавшему воинскими командами на строительных работах, а в отсутствие А. Д. Меншикова и всеми войсками, дислоцированными в столице, ее ближайших окрестностях, а также Выборге и Лифляндии. Передавались они не отдельно на каждый день, но «списком». Судя по помете на мартовском списке, отправка перечисленным лицам приурочивалась к первому числу «предбудущего»

месяца[15]. Один экземпляр «хорошим писмом» предназначался[16] к передаче «в комнату» светлейшему князю.

Я. Х. Бахмеотов 14 апреля 1725 г.[17] скончался. Л.-Н. Аларт ко второй половине 1725 г. (точная дата не установлена)[18] вышел в отставку. Октябрьский список сопровождался отметкой об отправлении только одному адресату – И. И. Бутурлину[19], а декабрьский предполагал доставку «к адмиралу» без указания имени последнего. Принимая во внимание полное удаление к этому времени от дел адмирала К. Крюйса, можно полагать, что речь шла о генерале-адмирале Ф. М. Апраксине. Сформированная, судя по графике надписи на титульном листе, в XIX в. единая подборка под заглавием «1725. Пароли и лозунги чрез весь год употреблявшиеся» включает как набело переписанные экземпляры (сентябрьские и ноябрьские списки представлены и черновым, и беловым вариантами), так и, главным образом, черновики с «творческой» правкой составителя.

Вопрос о непосредственном составителе (либо составителях) парольных списков остается открытым. Согласно Уставу Воинскому отдача пароля была прерогативой фактического командира локального военного контингента, который «по вся вечеры» отдает пароль непосредственно подчиненному ему чину. Следовательно, номинально ответственной за отдачу паролей в Петербурге персоной являлся А. Д. Меншиков, у которого сохранялся и набело переписанный вариант. О том же свидетельствует и получение в июне 1724 г. Л.-Н. Алартом особого указа от прибывшего из Москвы Петра I «выдавать от себя» пароли и лозунги во время отсутствия князя в Петербурге[20].

Однако «выдавать» пароли Л.-Н. Аларту было поручено в конце июня, а А. Д. Меншиков, как следует из рапортов[21], отсутствовал в столице уже 6 апреля. Маловероятно, что весь этот период «выпал» из практики исполнения уставных требований. Остается не известным, делегировался ли и кому именно фактический подбор парольного контента. Мелочный характер правки в благопожеланиях[22] первых дней 1725 года, а также поиск (судя по вычеркнутым вариантам) не только приличных случаю слов, но и вариантов распределения этих слов между «паролями» и «лозунгами» едва ли составлял предмет творческих поисков князя. Это же относится и к другим исправлениям. В январе двадцать восьмое число, оказавшееся роковым как для императора, так и для империи – в этот день Петра I

не стало – при составлении списка было пропущено и вставлено в уже дописанный текст. В ходе правки ликвидирован повтор с интервалом в три дня имени новой столицы (27 января его заменил Глухов, а 31 – Ярославль). В итоге редактирования название «Петербург» оказалось совсем не востребованным в январе. Однако повторное использование названия «Изборск» (11 декабря как пароля, а 12 в качестве лозунга) не смутило автора перечня. Таковой, по-видимому, не может быть однозначно отождествлен с А. Д. Меншиковым, хотя роль последнего как редактора вполне вероятна.

Отдельный вопрос составляет координатная «привязка» использованных в 1724–1725 гг. географических названий. Речь идет не об отсутствии единообразия в поименовании одних и тех же городов (Данциг и Гданьск, Кроншлот/Кронштадт) или с различным транскрибированием названий (Резань/Рязань, Резензбурх/Рензбурх), но с совпадением названий разных населенных пунктов. Украинский Переяславль, Переяславль-Рязанский (вошедший в состав современной Рязани) и Переславль-Залесский (ныне в Ярославской области) в парольных списках 1720-х гг. усеченные до Переяславля, делают невозможным однозначное соотнесение использованного названия с картой. Ярославлем называли не только один из старейших городов России, но и, как следует из текста «Гистории Свейской войны», город в Польше (ныне Ярослав), под Бреславлем, как следует из того же источника, могли подразумевать не силезский Бреслау, а Брацлав на Южном Буге. В некоторых случаях вопрос, кажется, проясняется за счет практики объединения в парольно-лозунговую пары городов, близко расположенных. Например, Переяславль и Рязань (28 мая и 18 сентября). Вместе с тем 22 июля лозунгом для пароля «Переяславль» выбрали Свияжск, что делает однозначную идентификацию невозможной. Сложнее всего оказывается интерпретация использования одного из популярных в списке 1724–1725 гг. названия «Королевец»: речь могла идти и о бытовавшем в русской письменной традиции названии Кенигсберга, и об украинском местечке вблизи Глухова. Современное нам русское написание этого последнего – Кролевец – не позволяет полностью исключить возможную путаницу применительно к петровской эпохе[23] с ее еще не вполне установившимися орфографическимими нормами.

Сравнение паролей, приходящихся на период, когда Петр еще был жив, – в декабре 1724 и январе (с учетом составления парольного перечня на месяц вперед) 1725 г. – показывает, что они совпадают примерно наполовину. То есть, можно предполагать существование более-менее привычного набора географических имен, принятых за основу при составлении очередного списка, хотя и активно дополнявшегося новыми. Совокупность паролей в армии Миниха «наследует» состав списка 1724–1725 гг. примерно на 58,8 % (80 единиц). При этом парольное «пересечение» 1737 г. с кампанией минувшего года составляет около 16 %, но в 1738 г. оно возрастает вдвое (33,6 %), а в 1739 относительно 1738 доходит почти до 42 %. В уже упомянутой «Гистории Свейской войны» названо свыше 400 городов и местечек, связанных с военными действиями. Однако в пределах конкретной армейской общности, эту войну недавно пережившей, формировалась своего рода привычка обращения к сравнительно ограниченному кругу географических имен.

Повторы топонимов были практически атрибутом парольной практики. В петербургских полках к географическим названиям обращались в рассматриваемый временной отрезок 420 (358 в 1725 г. и 62 в декабре 1724 г.) раз, а наименований в сложившейся совокупности – 185. Среди 399 геокодов в армии Б.-Х. Миниха – 136 названий. В качестве географических составляющих парольных пар выступали почти исключительно города, но в оба списка вошла как самостоятельная единица Сибирь (наряду с чем фиксировались и отдельные города региона: Иркутск, Тобольск и др.), в 1725 г. упоминались также области – Волынь, Гилянь, и даже целая страна – Китай.

Вместе с тем частотная структура употребляемых топонимов за примерно десятилетний период претерпела некоторые перемены. Однократно были использованы 49,8 % (92 единиц) названий в 1724–1725 гг. и 35,4 % (48 единиц) в 1736–1739, дважды вспомнили и в 1720-е, и в 1730-е гг. 18,4 % соответственно (34 единицы) и (25 единиц), 3–4 раза 16,8 % (31 единица) и 25 % (34 единицы), 5–7 раз около 15 % (28 единиц) и 17,6 % (24 единицы). Сверх того, в 1736–1739 гг. 5 городов (3,6 %) упоминаются значительно чаще прочих: Киев и Новгород по 9 раз, Смоленск и Белгород по 10 и Москва – 11. В 1724–1725 гг. таких «лидеров», то и дело приходящих на память, не было. То есть, взгляд составителя парольного тезауруса, пребывавшего в мирное время в столичном

гарнизоне, перемещался по виртуальной карте несколько живее по сравнению с его коллегой в войсках на марше и на театре военных действий.

Что касается соотношения парольного списка с календарем памятных дат, то исторические аллюзии практически не прослеживаются. Неоднократно появлявшиеся в петербургских паролях Выборг, Ревель, Рига отнюдь не вспоминали в дни их «взятий» в ходе войны. Лишь однажды, 18 июля упомянут Азов, некогда в этот именно день сданный турками, а по итогам Прутского похода Россией потерянный.

Нечастыми были исторические аллюзии и в армии Б.-Х. Миниха. Можно отметить пароль «Апостол Петр» и лозунг «Преображенское» 6 августа 1738 г. Подмосковное село, резиденция Петра I «в начале славных дел» и место «прописки» эталонной для армии новой эпохи гвардейской части приурочен к одному из двунадесятых праздников – празднику Преображения, отмечавшемуся как раз 6 августа. Но в кампаниях 1736 и 1737 гг. в этот день использовались ассоциативно нейтральные Казань и Вязьма[24]. То есть, отсылки к сакральной традиции и исторической памяти в парольно-лозунговой практике были не распространенным приемом, а исключением. Не более чем проявлением акцентированной почтительности к императрице выступает и пара: Святая Анна – Петергоф (25 июля и 5 августа 1738).

Сопоставление парольных списков с местами сражений (Северной войны, Персидского похода – для петербургского перечня и кампаний против турок для миниховской армии) показывает, что географические пункты, связанные с памятными вехами военной истории, зачастую отнюдь не занимали первых мест в парольном «рейтинге». Например, в 1724–1725 гг. Калиш упомянут однажды, Полтава – дважды. Нарва и Шлиссельбург были названы по четыре раза, но это тождественно по частоте такому неприметному в военной летописи XVIII в. городу как Клин. Исключение составляет лишь Очаков, четырежды фигурирующий в качестве лозунга в миниховских войсках. В то же время взятый Б.-Х. Минихом Бахчисарай стал субъектом парольной игры не в его армии, а в паролях петербургского гарнизона 1720-х гг. Столь значимая в русско-шведском противостоянии Переволочна упоминается четырежды, но не в петровских войсках, а в армии аннинской эпохи, для которой это место было только значимым пунктом дислокации.

В обоих списках как равнозначные объекты выступали поселения, имевшие ощутимо разный статус. Наряду с крупными городами сравнительно часто упоминались города небольшие и в гражданской жизни не слишком заметные – Ахтырка, Великие Луки, Глухов, Нежин, Торопец. Речь идет, как правило, о полковых украинских городах и городах на северо-западном пограничье России, памятных для служилых чинов разве что получением провианта в местных магазинах, квартированием, переформированием или сосредоточением частей непосредственно перед или после той или иной кампании. То есть, в фокус парольной игры ключевые составляющие военной инфраструктуры попадали наряду с местами прямого столкновения боевых сил.

Что касается геолокации, то западнее новой столицы в 1725 г. располагались около 35 % номенклатурного состава парольного списка. В армии Миниха это число сократилось более чем вдвое, составив лишь 15 %. Названия, принадлежащие отечественной территории, преобладали в обоих списках. Но в 1720-е гг. они заключали в себе три четверти парольной номенклатуры, а в 1730-е – свыше 90 %. В паролях армии Б.-Х. Миниха перечень зарубежных пунктов весьма короток: Митава, Гессен, Белград, Измаил, Кинбурн, Очаков, Яссы. Упоминание Митавы соотносится с тем фактом, что это резиденция Анны Иоанновны в бытность ее герцогиней Курляндской, Гессен – резиденция соратника по оружию принца Гессен-Гомбургского, Белград акцентирует роль австрийцев как вновь приобретенного союзника в войне (примечательно, что последним двум названиям соответствуют и святые вне рамок российского пантеона – Св. Карл и Св. Людвиг). Все это, подобно упомянутым выше Преображенскому и Петергофу, свидетельствует лишь об учтивости командующего в адрес владетельных особ. Измаил, Кинбурн и Очаков – крепости действующего противника России. То есть, все названия соотнесены с насущными приоритетами. В той или иной степени это относится и к подавляющему большинству городских имен, которые ни разу не были использованы в течение декабря 1724–1725 гг., но появились в парольной совокупности 1736–1739 гг.: Бахмут, Бельск, Валуйки, Изюм, Карачев, Кизикермень, Козелец, Коротояк, Крепость Св. Анны, Лебедянь, Лубны, Лютик, Мишурный Рог, Новосиль, Ольшанск, Павловск, Перекоп, Петропавловск, Путивль, Рыльск, Тавров, Треполье, Чернь. Речь идет о пунктах, если не непосредственно связанных

с военными действиями, то прямо совпадающих или близко расположенных к маршрутам движения воинских сил. Из «новых» составляющих парольного списка лишь Кашин и Соликамск далеко отстоят от места непосредственного пребывания или целей движения армии.

В паролях, отданных при жизни Петра (декабрь 1724 – январь 1725), практически все наименования за исключением Минска (Королевец, как указано выше, остается под вопросом) находились в новых пределах империи. Начиная с марта, упоминание зарубежных названий более заметно. В марте это происходит 8/9 раз (Берлин, Варшава, Вильна, Гданьск, Жолква, Королевец (?), Львов, Минск, Полоцк), в мае – 3/4 (Бреславль, Гилянь, Королевец (?), Рензбург), в июле – 21/22 (Або, Берлин, Браилов, Варшава, Вильна – дважды, Витебск, Дрезден, Калиш, Константинополь, Королевец (?), Мадрид, Минск, Очаков, Орша, Париж, Полоцк, Рим, Текотин, Яссы, а также Волынь). Сентябрь стал, с точки зрения использованных паролей, целиком отечественным, ноябрь же, напротив, почти исключительно (54 из 60) зарубежным. Преобладали здесь города Западной и Центральной Европы. Однако встречались и другие наименования в рамках Евразии. Здесь и хорошо известные в церковной традиции Александрия, Антиохия, Иерусалим, Константинополь, а кроме того и легендарная Троя.

Всего из 420 паролей отечественные названия воспроизводились 332/338, иностранные – 87/81 раз (одно название осталось неразобранным и не учтено в подсчетах). Что же определяло зарубежную номенклатуру парольной игры образца 1725 г.? В какой-то степени ее питала начитанность. Отсюда упоминание Трои и Константинополя, который в обиходной речи, как свидетельствуют офицерские сказки 1720–1721 гг., называли исключительно Царьградом.

Карты как распространенный, но явно сознательно демонстрируемый наряду с дорогим ковром модный аксессуар интерьерного декора в состоятельных домах можно видеть на работах голландских художников во второй половине XVII в. Столетие спустя напечатанная на хорошей бумаге настенная карта предстает атрибутом воспитания дворянского мальчика даже в глухой российской деревне. Как помним, именно попытка ее «переформатирования» в воздушного змея положила конец детству Петруши Гринева в родительском доме. В начале XXI в. французский

беллетрист М. Уэльбек артикулировал слоган: «карта интереснее территории». Подразумевается при этом глубокий ассоциативный ряд, возможность «прочтения» карты и фиксации в ней летописи тех или иных эпох и живших в них людей, в то время как следы присутствия человека в пространстве фатально изменчивы и тленны.

В коллекции графических материалов книжного собрания А. Д. Меншикова, по составу, как установлено С. Р. Долговой, сопоставимого с коллекцией самого Петра I, присутствовали разнообразные карты и планы (свыше 600)[25]. Однако, задаваясь вопросом о том, брал ли на вооружение составитель парольного списка географическую карту или основывался на сведениях, почерпнутых иным путем, следует, по-видимому, склониться ко второму варианту. При передвижении (взгляда/пальца) по доступной для виртуальных путешествий карте подробности ландшафта открываются с равной легкостью независимо от расстояния. И парольные перечни 1725 г. действительно зафиксировали перемещение мысленного обращения к максимально удаленным от России Британии, Испании, Франции, итальянским областям, Святой земле или воображаемой территории гомеровской древности. Но во всех этих случаях речь шла лишь о крупнейших, преимущественно столичных названиях, а то и вовсе о стране в целом, как это произошло с Китаем. Бóльшая осведомленность обнаруживается применительно к немецким землям. При этом нетрудно заметить, что помимо Берлина (в общей парольной совокупности упомянутого трижды, в то время, как Лондон, Амстердам, Вена и Мадрид лишь однажды, Париж и Рим – дважды), знания распространяются прежде всего на регионы, освоенные служащими русской армии не за школьной партой, но в ходе непосредственного перемещения по театру военных действий. Тенинг и Штетин, Гистроф и Фридрихштадт, Росток и Акклам, – все это места, где наступали, отступали, зимовали петровские полки в ходе Северной войны. Тот же источник питал осведомленность о польских и шведских городах и местечках. Не прошло бесследно и практическое изучение географии молдавских земель в 1711 г., Хивы в 1716, Персии в 1722–1723. Примечательно, что сравнительно углубленные географические сведения приобретались не только «ногами», но охватывали и территории, сопредельные с местами фактической дислокации частей: так в парольный тезаурус 1720-х гг. попадают Гамбург и Любек, Бахчисарай и Темишоар.

В целом появившаяся в марте 1725 г. практика использования наименований зарубежных городов в мае и июле спорадически поддерживалась. К ноябрю она приобретает характер той очередности с отечественными названиями, которая изначально соблюдалась в попеременном обращении к личным именам и географическим названиям. В совокупности паролей декабря 1724–1725 гг. проявилось восприятие только что ставшей империей России в широком географическом, а в какой-то мере и историческом (если вспомнить Трою) контексте, отчасти основанное на опыте недавних успешных военных походов, отчасти на самоидентификации себя как органической и вместе с тем самобытной части цивилизованного мира.

Масштаб этого взгляда свидетельствует, сравнительно с походной практикой образца 1736–1739 гг., не столько о горизонтах мечты, сколько о бóльшей свободе и досуге в столичном гарнизоне мирного времени. Вспомним подмеченную М. Ю. Лермонтовым связь между «всечасно кочевой» жизнью на передовой с трудами «ночь и днем» и ощущением, что «Простора нет воображенью...». Вместе с тем нельзя не принимать во внимание роль пароля не только как тактического средства идентификации военнослужащего, но и как одного из инструментов обеспечения роста человека со своей задачей постольку, поскольку ее выполнение раздвигает ментальные границы и, благодаря необходимости запоминания и воспроизведения, закрепляет непосредственно на войне или во время отправления военной службы представления о мире в целом или о той его части, которая в результате этой самой службы меняется.

---

[1] Известный «Военный словарь» С. А. Тучкова (1818) толковал «пароль» (от французского: «слово»), а также и «лозунг» (от немецкого: «свободно») как тактические термины для обозначения мер «воинской осторожности» при пропуске через посты у расположения войск. С. А. Тучковым зафиксирована как норма применение для паролей имен святых, а для лозунгов – городов. См.: Тучков С. А. Военный словарь. М., 2008. С. 244, 195.

[2] Клаузевиц К. О войне. СПб., 2021. С. 38.

[3] РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Ед. хр. 42. Л. 77 об.

[4] См., например: «Сапега, староста бобруйский, прислал к его царскому величеству, прося заступления у короля и Речи Посполитой в своей вине... На что его величество дал оному свой пароль, по которому оной Сапега приехал...». Гистория Свейской войны / Подгот. Т. С. Майкова. М., 2004. Вып. 1. С. 168.

[5] Павленко Н. И. Александр Данилович Меншиков. М., 1981. С. 36.

[6] Устав гарнизонной и караульной служб вооруженных сил Российской Федерации // Общевоинские уставы вооруженных сил Российской Федерации. Ростов н/Д, 2021. С. 372.
[7] Сборник всех воинских уставов. М., 1916. Кн. 2. С. 223.
[8] Тучков С. А. Военный словарь. С. 244, 195.
[9] РГВИА. Ф. 412. Оп. 1. Ед. хр. 63.
[10] Приказы графа Миниха за 1736–1738 гг. / Под ред. А. К. Байова. СПб.,1904 (Сборник военно-исторических материалов. Вып. 14). С. 1–319; Ставучанский поход. Документы 1739 г. / [Сост.] Д. Ф. Масловский. СПб., 1892. С. 1–140. (Сборник военно-исторических материалов. Вып. 2).
[11] Исключения составляют лишь несколько лозунгов «Виват». В большинстве своем они маркировали значимые в контексте текущих кампаний действия: переправу (17 июня 1737 г.) основной массы российских войск под командованием Б.-Х. Миниха через Буг, день Ставучанского сражения (17 августа 1739 г.) и др.
[12] РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Ед. хр. 42. Л. 56–85 об.
[13] Документы Северной войны. Полтавский период (июль–октябрь) / под общим руководством А. К. Байова; редактировал Н. Л. Юнаков. СПб., 1909. С. 134–135 (Труды Императорского российского военно-исторического общества. Т. 1).
[14] РГВИА. Ф. 412. Оп. 1. Ед. хр. 63. Л. 2, 4, 5, 7, 9, 11, 12, 15, 17. Названия городов приведены в тексте статьи согласно принятым правилам публикации источников с использованием современной орфографии. Воспроизводится только окончательный вариант, без учета правки.
[15] Там же. Л. 4 об., 16.
[16] Там же. Л. 4 об.
[17] Там же. Л. 25.
[18] Косвенно о времени отставки позволяет судить письмо Л.-Н. Аларта А. Д. Меншикову от 15 июня 1725 г., в котором он вручает покровительству князя своих адъютантов. РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Ед. хр. 488. Л. 374.
[19] РГВИА. Ф. 412. Оп. 1. Ед. хр. 63. Л. 13 об.
[20] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Ед. хр. 488. Л. 99.
[21] Там же. Л. 49 об. – 51.
[22] «Среди вычеркнутых вариантов для 3 января: пароль «Спаси нас» и лозунг «Милостию своею», пароль «Благое намерение» и лозунг, оставшийся недописанным. Примечательно, что разделенные надвое фразы благопожеланий приурочивались не только к первым дням января нового года по гражданскому календарю, но и к началу марта, что соответствовало упраздненной еще в дорамановскую эпоху традиции отсчета новолетий.
[23] Так, именно Королевцем назван украинский городок в письме К.-Э. Ренне к А. Д. Меншикову от 13 ноября 1708 г. См.: Документы Северной войны. Полтавский период (ноябрь 1708 – июль 1709) / Под руководством А. К. Байова; редактировал Н. Л. Юнаков. СПб.,1909. (Труды императорского русского военно-исторического общества. Вып. 3). С. 16.
[24] Приказ за 6 августа 1739 г. публикатором в подлиннике не был обнаружен. См.: Ставучанский поход. Документы 1739 г. С. 86.
[25] Долгова С. Р. О библиотеке Меншикова // Русские библиотеки и их читатель. Л., 1983. С. 90.

М. В. Бабич (Москва)

ПЕТР ВЕЛИКИЙ НА ВОЙНЕ: ВИЗУАЛЬНЫЙ ОБРАЗ

ПРИ ОБРАЩЕНИИ к феномену позитивности визуального облика Петра Великого в отечественном общественном сознании на основе рассмотрения памятников культуры, подпадающих под категорию исторической картинки[1], нетрудно заметить: крупнейшая группа таких картинок, выявленных по признаку «про что», – около 400 из около 1600 – связана с военными свершениями царствования. Недавнее же обозрение других сюжетов, циркулировавших с XVIII в., убедило в возможности историка общего профиля наблюдать своего рода пульсацию социального интереса к Петру по совокупности посвященных ему живописных, графических, медальных и скульптурных композиций, где преимущественно (а не в собственно портретах, как принято считать) и складывается его образ[2]. Откуда и мысль о полезности подобных наблюдений специально в «батальных» рамках. Несмотря на всю их приблизительность по формированию анализируемого комплекса при опоре исключительно на эрудицию автора[3], установлению объемов репродуцирования его отдельных единиц, которые и служат показателем востребованности и распространенности, в относительных параметрах «тиражность» (в значении неоднократного воспроизведения в печати или в Интернете) и «сверхтиражность» (попадающего в учебники, календари, другие объекты массового спроса) и т. п. Да и переход от общего к частному, подтверждая одни исследовательские выводы, ставит иные проблемы.

Так, до конца XIX в. художники вообще не сосредоточивались на очерчиваемой на уровне элементарного узнавания фигуре центрального персонажа. А когда текущий этап развития искусства

одновременно позволил и заставил демонстрировать и переживаемые им эмоции, и отношение к нему самого творца, все игры с физиологией от «лакировки» до полного обезображивания не принесли существенно отличного от давно устоявшихся «типов». Указывая тем самым на сохранение «портретом» подчиненной сюжету роли идентификатора, которая обязывает к соблюдению некой похожести на все «портреты» сразу, но не оказывает решающего влияния на восприятие содержания повествования.

Вместе с тем теоретические суждения о баталистике, которая как жанр (от французского bataille – битва) отображения сражений (войн) и быта сражающихся существует с глубокой древности, допускают постановку в один ряд «баталий большого исторического рода» (с показом боевого столкновения in corpore), «частных баталий» (с показом того же целого через какое-либо происшествие), биваков, приступов, смотров, гуманности и жестокости к пленным и т. д. Но разбор сюжета «Петр на войне» по таким «пунктам» (подсюжетам?), в нем, конечно, присутствующим, малоперспективен из-за слияния как-то характеризующих каждый из них черт в довольно однородную массу, которую не упорядочить даже по отрезкам тех или иных столетий. Ведь составляющие названного сюжета, обнаруживаясь уже в XVIII в., до его окончания эволюционируют с предсказуемо наивысшей против следующих периодов интенсивностью при одинаковой затем для всех изменчивости изобразительных подходов и незначительных колебаниях количественного свойства.

Поэтому привычному тематико-хронологическому принципу осмысления «батального» образа и приходится предпочесть выяснение его трактовки в «картинках» ведущихся тогда Россией войн. Что, кстати, соответствует общеизвестному взгляду Петра на свою историю как на череду прежде всего ратных подвигов, которые доставили его стране славу и величие европейской державы. И если этот взгляд берет истоки в архетипическом представлении о вождях своего народа как победителях его врагов, то практики внедрения его современной модификации через «искусные изваяния» отличал акцент не на иносказания, а на конкретику удостоенных таковых предприятий. С местами и датами, которые должны были сложиться в наглядную летопись, причем летопись единообозримую. Так что «преславных дел», аттестованных в этом качестве из около 170 «дел», оглашенных печатно, сколько бы они не варьировались, никогда не было больше 32[4].

Однако планы 1710–1720-х гг. в сравнении с реализованным выглядят откровенно неудавшимися. Задуманный как главный памятник Северной войне 1700–1721 гг. и порученный Б.-К. Растрелли Триумфальный столп не был воздвигнут, дойдя до нас в подготовительных материалах для «большой медной модели» и ее реконструкции 1938 г.[5] Предваряющая столп гравюра П. Пикарта «Петр I – царь и самодержец всероссийский» («Апофеоз воинской славы Петра I», «Петр в родословии»), вопреки (или вследствие) втискиванию в нее 1 водной и 9 полевых «баталий», 16 покорений крепостей и 33 князей и царей от Рюрика до Иоанна Алексеевича (в треугольниках слева и справа от треугольника с Петром в латах, мантии и с фельдмаршальским жезлом на вершине пирамиды, ступени и фон которой знаменуют его достижения)[6], популярности вне искусствоведения не обрела до конца XX в. А из картинок в честь разных выступлений против шведов, Прутского и Персидского походов не вышло связного рассказа, которого ждал, скажем, литератор и деятель науки А. А. Писарев.

Издавая в помощь художникам петровскую хронику накануне прославивших его самого наполеоновских войн[7], он, правда, ввел в свой список Азовские походы, отсутствующие в императорской патриотически-просветительской программе, что тоже можно расценить как один из ее провалов. А можно и как свидетельство корректировки ее генеральной линии теми, кто в данном контексте не забыл ради «европейского выбора» тяжкими трудами давшегося в 1690-е гг. успеха на юге.

Его празднование уже тогда проявило плодотворность быстрого и охотного усвоения российской культурой как языка, так и «образцов» культуры западной. При переплетении в азовской группе (около 50 единиц) «нового стиля» и средневековых приемов теснее остальных, теоцентрическая архаика держится до конца XVIII, а в лубке и долее середины XIX в., но сосуществует с общедоминирующей, по Н. А. Яковлевой, антропоцентричностью[8] мирно.

Царь на гравюре Л. Тарасевича 1701 г.[9], сопутствуемый наследником (оба в коронах) и войском, взирает, воздев руки, на Богоматерь с младенцем, Бога-отца и государственный герб в окружении херувимов, святых и бандеролей с цитатами из Священного писания. Огонь с небес поражает вместе со Св. Георгием-Победоносцем чудищ у постаментов(?) – панорам

Азова и Казы-Керменя с уподоблением попираемого конем Петра льву. Кроме намека на грядущее одоление Швеции, современность просвечивает в эклектичных одеяниях, добавляющих к каноническим уже венцам и мантиям «модные» античные кирасы и шлемы (которые в XIX в. будут в иных ситуациях сменяться париками и амуницией, адресующими уже к «прошлым годем», пусть и 1810-м).

В гравюрах Я. Гурея (Гуреи), А. Шхонебека и других начала 1700-х гг., в которых римское платье, лавровые венки и окружение мифологических богов и героев – повседневность победителя, а секуляризированные тексты о поводе к его явлению вынесены из бандеролей в картуши, «актуально» артикулирование как Ф. А. Головина (параллельно Б. П. Шереметеву в ранних изводах Богоматери Азовской), так и Я. Янсена. При том, что последний в центре «Капитуляции Азова» на миниатюре 1740-х гг. в рукописной «Истории Петра Великого» П. Н. Крекшина[10] опосредованно восходит к смыслам, вкладываемым в предательство поэтическим эпосом, что еще отзовется в полтавских мазепинцах А. Е. Коцебу.

Мотив триумфа, в котором монарх по определению есть олицетворение торжества, кем бы оно ни добыто и какими художественными средствами ни передано, объединяет названное с портретами юного правителя Я. Веникса и П. ван дер Верфа (оба около 1697 г.) в их привязке к поверженной восточной крепости у моря, чьи детали столь же условны, как его доспехи и регалии[11]. Но господство этого мотива в азовских картинках до первой половины XIX в. не безраздельно, сопровождаясь отсылкой к другой традиционной ипостаси монарха – руководителя и организатора своих завоеваний.

Он, по-видимому, возникает в «Осаде Азова в 1696 г.» А. Шхонебека 1699–1700 гг., принадлежность которой к ключевым для визуализации этой ипостаси произведениям выражается и в сверхтиражности, и в переводе в «холст / масло», и в дальнейших заимствованиях. Таковой гравюра стала, полагаем, благодаря сочетанию навыков зарубежных баталистов с причастностью автора если не к «чувствованиям» коронованного благодетеля, то к воззрениям его круга на «правильную» войну.

Панорамный вид с конной группой генералитета, из которой Петр выразительно оборачивается к зрителю[12] (а не к развернутому Ф. Тиммерманом чертежу), слева, турецкой башней

Ил. 1. Неизвестный художник. [Взятие Азова], [1-я пол. XIX в.]

справа, вездесущими царскими силами и поименованием всех и вся в 44 «номерах», по заключениям ученых, является перегравировкой листа западного происхождения и «не возвышается над уровнем посредственности»[13]. Но в XVIII в. восхищал и имел широкое хождение[14] в отличие от немногих экземпляров медали происхождения российского.

На ее реверсе царь на коне с повелительным жестом в направлении укрепленного лагеря в виду бомбардируемого Азова оспаривает репутацию «одной из первых русских батальных картин» у композиции Г. Адольского на триумфальных вратах 1709 г., если датировка памятника концом XVII в. верна. Но точно не позднее середины XIX в. рисунок с медального рельефа (или его проект) переделывается и входит в обиход (ил. 1). В 1872 г. его повторяет М. И. Бочаров, переодевший Петра из мундира в польское платье и добавивший свои подробности, в том числе чертеж-свиток из А. Шхонебека (где тот удостоверял «поступки» по военной науке), для выставки на Марсовом поле. А после еще нескольких транспонирований названная модель восстает из небытия уже за подписью Ю. Ушакова в реинкарнации выставки 1872 г. в 2022 г.[15]

Эти и производные от них работы, наверное, не перевесили бы «триумфов», если бы не иллюстраторы романа А. Н. Толстого, которые увеличили азовскую иконографию на треть. Впрочем,

обогащали они более себя, чем ее, введя туда «Петра на укреплениях» и «Петра в штабе», везде в сопровождении «портретных» и безымянных сподвижников. Более весомы их заслуги касательно «первой Нарвы», которую с Азовом сближает то, что разгром Карлом XII в 1700 г. тоже «не значился» в современных «списках».

Запечатлевшись в исторической живописи полотном А. Е. Коцебу 1846 г., где Петра, заранее покинувшего армию, нет, эпохальная веха в петровской батальной картинке есть. Как скромная, в пределах десятка отнюдь не выдающихся опытов, но группа, количественно сопоставимая с картинками бесспорно «славных» Нотебурга (1702) и Гангута (1714), обладая к тому же спецификой представленности в одной книжной графике.

Специфика, возможно, благоприятствовала ночной атмосфере, в которую неизвестный гравер XVIII в. и выполнивший огромную серию рисунков к «Истории Петра Великого» Н. П. Ламбина 1843 г. Д. Янцен погрузили офицерские беседы, приглашение Л.-Н. Алларда к осмотру позиций, назначение командующим герцога К.-Е. фон Круи, известие на лесной дороге о поражении и речь при свечах об его уроках[16]. Эстафету отчасти подхватил Д. А. Шмаринов, почти поглощая тот же конный выезд с Л.-Н. Аллардом и А. Д. Меншиковым насыщенно-черными солдатскими силуэтами. А С. Г. Якутович довел стихийную мрачность ноября 1700 г. до апокалиптической черноты в кошмаре залпов поверх месива голов, рук и лошадиных крупов, перетекшего в рукопашную кавалерийского натиска, в котором Петр тонет со своим возком на абстрактном островке, глядя в никуда белыми страшными глазами[17]. И эта изощренная композиция – уникальный пример сопряжения ее темы с хорошо разработанными на Западе «ужасами войны».

В сходном ключе укажем на гораздо менее впечатляющую зарисовку О. И. Гроссе с Петром, который шутит со смеющимися в ответ гренадерами под стенами Дерпта 1704 г.[18]. Как бы персонифицируя «чуждое нам» направление, которое с укоренения в голландской живописи XVII в. называют «веселой стороной войны», А. Н. Толстой в какой-то мере привил ее всегда серьезному самодержцу, настолько пронизав свой текст настроениями молодости и наслаждения бытием, что это воздействовало и на художников, графически оснащавших главы об Азове, Нотебурге, Дерпте и обеих Нарвах. Равнодушие же художников

«старых» и к военным страданиям, и к солдатскому юмору происходит, по нашему мнению, не из порождения поисков «правды жизни» лишь критическим (и затем социалистическим) реализмом. А из неистребимой до конца XX в. мировоззренческой неотрывности «правды» от желания знать, «как все было» и оценивания этого «было» в гармонии «правильности» и «красоты», которые в первой четверти XVIII в. отождествлялись с «регулярностью». Как это схвачено А. Д. Меншиковым в письме о своей победе при Калише 1706 г.: «...Баталия была, что радостно было смотреть, как с обоих сторон регулярно бились и зело чудесно, как все поле мертвыми телами устлано»[19].

В стремлении к такой правде и развивалось летописание фронтовой бытности Петра, признавая лишь те реалии и украшательства, которые ей отвечали, и «запоминая» лишь те сколь угодно значимые для русско-шведско-турецких конфликтов акты, которые получили либо абсолютно аутентичные признанному, либо аутентичные не целиком, но зато многочисленные картинки. Возведя во флагманы 25-единичного на сегодня списка «портретированных» Азов, Нарву 1700 г., Нотебург, Екатерингоф, Нарву 1704 г., Лесную, Полтаву, Прут, Борнгольм и Дербент.

В частности, Нотебург выдвинулся из осад, безупречно поданных в барельефах Б.-К. Растрелли, не дающих усомниться, кто главный из мчащихся со шпагами или следящих за бомбометанием (Нотебург, Ниешанц, Ревель, Рига и Фридрихштадт), не «смыванием» позора двухлетней давности и «отпиранием» Невы (за что переименован в Шлиссельбург). Его обессмертила картина А. Е. Коцебу 1846 г., удаче которой способствовало многое: талант крупнейшего русского баталиста 1840–1870-х гг.; заказ для национальной Военной (как во Франции) галереи; академическая школа и оживление действия биографическим нарративом (хотя прибытие под Нотебург для вступления в службу Б.-Г. Огильви, которое оправдывало «собрание» первейших «аншефтов» в естественной обстановке, потом опровергли); творческий восторг автора, подарившего свое лицо солдату-преображенцу на переднем плане[20].

И все это «срослось» с той правдой жизни, о которой только что говорилось, – прекрасно видный в преображенском мундире на фоне белых клубов пушечных разрывов Петр уверенно исполняет обязанности бомбардирского капитана справа, на шаг впереди своих официальных начальников, слева слаженно работает

лагерь, наряжая команды, движущиеся через Неву на начатый на заднем плане штурм крепости, над которой заволакивается цветными дымами солнечное небо. Зрелище так соразмерно, величественно и ярко, что не сходящее с печатных и интернет-страниц «Взятие» (ныне в экспозиции Музея артиллерии) даже не пытались переформатировать, лишь чуть упростив для Марсова поля 1872 г.[21]

Устойчивостью соотнесения одного эпизода с одной картинкой (хотя в обоих случаях были и другие) Нотебург перекликается с шедевром Л. Каравака в ознаменование союзной кампании при острове Борнгольм под Копенгагеном 1716 г., которую называли «его величества командой над четырьмя флотами». С той разницей, что она, как малорезультативная тактически, пусть и с участием Дании, Голландии и Англии, имея в своем визуальном активе только «медального» Петра – бога морей и лубочного Петра у руля, могла бы и исчезнуть из хронологической таблицы. Но реалистичный и вместе символический портрет государя, убежденного в своем праве властвовать, в слиянии с символическим и вместе реалистичным портретом созданного и выведенного им на международную арену флота (в эскадре, дугой изогнутой в темных волнах, служащих ему фоном, его судов 10 из 36) изначально был знаком морскому офицерству. Не выпав в своей великолепной раме XVIII в. из поля зрения «образованного общества» и впредь[22], он сделал дату обязательной к заучиванию. И открытой к интерпретациям, поскольку внятная сначала идея готовности Балтики подчиниться воле России считываться постепенно перестала.

Интерпретаций тем не менее не было, и к 2020-м гг. первый среди равных повелитель вернулся к венценосному мореплавателю, который до Л. Каравака презентовал развевающуюся порфиру в колеснице Нептуна, а теперь – продолжающую диагональ Андреевского флага ленту «в тон», манжеты и с иголочки мундир[23]. Теряясь в таких же экзерсисах на сюжет «Петр и флот», который и в лучшие свои времена (конец XIX – начало XX в.) не претендовал на глубоко значимую для его основателя тему «морской баталии», в 1720-е гг. сформулированную как девиз «россиски монарх утопи врага».

Сочиненный для Триумфального столпа, девиз предназначался там для «боя в устье Невы» («при Екатерингофе») 1703 г. – дерзкого нападения с лодок на оснащенные пушками шведские

Ил. 2. Лагорио Л. Ф. Первая победа на водах Финских, [1872]

суда, которое принесло Петру с А. Д. Меншиковым андреевское кавалерство, а россиянам афоризм «Небываемое бывает». Б.-К. Растрелли решил его как наблюдение двух друзей за солдатской стрельбой и абордажем с берега, против чего высочайший заказчик определенно не возражал. Но осматривавших бронзовый медальон, когда он стал «музейным», тот столь же определенно не удовлетворял. Не вошли в оборот ни смешной Петр, прыгающий с борта на валун, ни Петр, вполне академично «подходивший» к спящему парусному Д. Янцена. Угодила публике только одна из четырех картинок, которые в разных техниках предложил «пейзажист» Л. Ф. Лагорио (параллельно одной «баталиста» К. Кеппена) в 1870 – начале 1880-х гг. на «взятие шведских галер»[24]. Та, где «принаряженный» Петр «под самой неприятельской кормой на носу лодки кричал и кидал гранаты». Описав ее как якобы рисунок углем на беленой стене землянки строителей Петербурга и «дополнив» А. Д. Меншиковым с указанием в «манере» 1700-х гг., что сдались им шнява «Астрель» и бот «Гедан» (ил. 2), А. Н. Толстой остроумно принудил царя одобрить данную версию, приобретшую в итоге чуть ли не документальный характер. Хотя ее документальность, как бы подтверждаясь каждым иллюстрированием (например, В. В. Носковым) «собственной е.и.в. похвалы» и даже сохранностью работы для

выставки 1872 г. только в черно-белой репродукции[25], – всего-навсего в фиксировании завершения длительных исканий способа приданию «флотоводцу» необходимого динамизма.

Динамизма, присущего и неизмеримо дальше ушедшей от правдоподобия графике и живописи начала XXI в.[26], но много тяжелее пробивавшего себе дорогу в гангутском цикле. Цикле, более узком, чем ожидаешь сообразно военно-исторической роли успешного атакования отряда Н. Эреншильда в Рилакс-фьорде, – по причине объективной сложности найти в нем место для того, кто начальствовал операцией как стратег. В гравюре А. Ф. Зубова «Баталия близ Гангута» 1715 г. можно более угадать, чем разглядеть царя у кормы одной из галер с рукой, протянутой в сторону атакуемых[27]. Остальные же обошли эту дилемму, занявшись кто противостоянием сил (от выбранного для увековечивания российской «виктории» П.-Д. Мартеном Младшим до А. П. Боголюбова), кто Петром. А так как он по-прежнему оставался стоять на своей галере, экспрессию ему старались придать движениями рук (с подзорной трубой или шпагой), резкими поворотами головы или взволнованной сражением водой. А то и жестами наполняющих разные суда людей.

У Р.-К. Портера (1807) ими просто забиты шлюпки, облепившие качающийся высокий борт с теснящимися на нем моряками, где августейший посередине. Непонятность без комментариев доставки здесь к нему раненого Н. Эреншильда, мимо радушной встречи которого не прошла уже шведская гравюра XVIII в., не помешала английской картине 1807 г. произвести некое впечатление. И посредством нескольких подражаний, в том числе живописного «Петра на борту галеры при осаде Азова», встроиться в отечественную культуру. Как и стандартнейшему барельефу М. И. Козловского 1800 г. (ил. 3), обязанному этим лишь помещением на памятнике Б.-К. Растрелли у Михайловского замка[28].

В то же время не менее статичный Петр на борту с 1840-х гг. обновляет и расширяет капитуляции, издревле сводимые к церемониалам поднесения ключей и других знаков покорности. Это заметнее всего на картинках Персидского похода 1722–1723 гг., вне дефилирования Каспийской флотилии ограничивавшихся присовокуплением к империи Дербента и Тарки (другим новшеством которого с конца XIX в. стало дружелюбие населения, встречавшего российского суверена у стен будущего Дагестана)[29]. Но справедливо и для других военных событий.

Ил. 3.Козловский М. И. и др. Гангутская баталия, 1800

Без Петра в лодке даже всеохватный Д. Янцен вряд ли вспомнил бы о Гельсингфорсе (1713), и у Л. Я. Рубинштейна не вышла бы масштабнейшая советская, 1955 г., «баталия» «Взятия Выборга» (1710)[30]. А Нарва 1704 г., стянув вокруг себя свыше 30 «картинок», лишилась бы своего «Взятия» кисти А. Е. Коцебу (1866), которое авторитетнейший В. В. Садовень ставил выше его Нотебурга. Соцреалистический аттестат старорежимному автору, затронув даже законную гордость своим реваншем героя переднего плана за минуты до переправы в наконец-то павший город, совпал с общественным вкусом второй половины XIX – начала XXI в.[31] Но все же тиражность холста не превзошла непрерывно разоблачаемого профессионалами Петра Н. А. Зауервейда 1859 г., который театрально ворвался в подлинные декорации Ратушной площади, чтобы врезаться в толпу смешавшихся с горожанами «ожесточенных солдат своих» и «усмирить» их бечинства одним видом еще не окровавленной шпаги[32].

Обе эти картины, внешне затмевая к тому же не столь мастеровитую графику, по существу лишь уравновешивают, согласно академическим правилам, выражение в обоих видах изобразительного искусства любования не столько благородством Петра после кровопролитного штурма[33], сколько «регулярностью» завоевания «регулярной» твердыни, включая превосходство российской

артиллерии. Хотя ее символический портрет с обожаемым самодержцем в рукописи «Истории Петра Великого» и не так удался Ф. И. Соймонову, как военного флота Л. Караваку, а иллюстраторы А. Н. Толстого и вовсе не заботились о сбалансированности ловкого жонглирования уже не столь почитаемым самодержцем орудийными фитилями и ядрами, глядением на осажденных с деревянной вышки и «нарвскими» разъездами верхом[34].

Не умением, так числом живет в «картинке» и несчастный Прутский поход 1711 г. Его сперва, как и обе «Нарвы», не умели обозначать иначе, как подписями под трафаретными лагерными палатками и так же выдернутыми из топографии высшими чинами на лошадях. Противопоставление В. К. Демидовым в литографическом проекте А. Прево 1842 г. военно-дипломатическим просчетам «удивительной любви к своему государству и отечеству», во имя которой Петр, по Я. Я. Штелину, писал в Сенат о выборе ему при гибели или пленении преемника, встретило некоторый энтузиазм. Но к 1872 г. рассказ о Пруте возвратился к устоявшимся в XVIII в. протографам о спасительной роли Екатерины, от которых В. К. Демидов композиционно отталкивался и которые не допустили вычеркивания «турецкой акции» из памяти, как того и хотел спасенный[35].

Жизнеспособность прутского, умозрительно слабейшего звена монументального плана 1720-х гг. как в зеркале отражает достигнутость на деле его цели визуальной передачи петровской истории потомкам. В многолетней же ее отсрочке – своего рода парадокс, который иначе, но отразился в процессе пропагандирования предопределивших исход Северной войны сражений «в поле» – при Лесной в сентябре 1708 г. и под Полтавой в июне 1709 г.

Важнейшую роль здесь довелось сыграть заказу Петра 1717 г. П.-Д. Мартену на представляющие их картины и рисунки, несмотря на гибель уже не заставших его в живых гобеленов версальского класса, частичную утрату и неизменно слабую доступность «дублирующих» их «больших» и «малых» живописных аналогов при синхронном распространении гравюр (включая раскрашенные)[36]. В литературе легко найти обоснования бросаемым творениям П.-Д. Мартена до 1970-х гг. упрекам во вторичности, разнообразных ошибках и т. п. Не оспаривая их, подчеркнем, что эти творения стали рубежом, разделившим петровскую батализтику на «до» и «после» – не только из-за окончания их в годы

преобразования ее с кончиной императора из «политической» в «историческую».

Для Лесной эстетически роскошная панорама многочасового боя в пространстве печатной схемы от завязки в перелеске до бегства шведов к берегу реки[37] практически «закрыла тему». Не имея предшественников, кроме медального «героя на коне», самостоятельный сюжет которого за недостатком места не рассматривается, французская работа осталась непревзойденной в своей группе также репрезентацией Петра как полководца в банальном, но четком доминировании в «штабе» на переднем плане.

Позднейшие картинки либо копировали ее более или менее «вольно», либо заменяли одними высокопоставленными всадниками и (или) «частной» схваткой с элементами лесного антуража. Этого не избежал и А. Е. Коцебу (1870), новаторски, по В. В. Садовеню, оттеснивший едва показавшегося из чащобы Петра на задний план, что тоже нашло поклонников, как в начале XX в. кукольная «рубка» В.В. Мазуровского, а в начале XXI в. чуть ли не лубок «в силе техно» Ю. Е. Каштанова (2005)[38].

С Полтавой все сложнее и по беспрецедентной множественности обращений – на данный момент около 170 – и по наличию к середине 1720-х г. серьезного бэкграунда, который немецкими медалями не исчерпывался. К пониманию Петром 27 июня 1709 г. как апогея войны немедленно присоединился тогда «киевских училищ префект» Феофан Прокопович. Уже в сентябре он поднес конклюзию Д. Галаховского (Голяховского) с титулатурой «...православия поборника, царствия защитника, Малой России освободителя, гордых супостат победителя... отца отечества...», продолженной сравнениями этих деяний с подвигами библейских Давида и Самсона (в медальонах бьющихся со львами).

Удавшееся «сочинителю» и «делателю» гравюры духовное благословение топчущего своим конем шведскую эмблематику самодержца в доспехах с мечом в руке, пока его солдаты бьются, наполненный церквями город процветает, а «супостаты» протягивают ему шпаги – примета, нужная эпохе (почему и М. В. Ломоносов искал нечто в том же роде для своих мозаичных проектов). Оригинальность конклюзии – в синкретизме транслируемых наряду с богоугодностью добродетелей воинствующего и вместе просвещенного монарха Нового времени, о потребности в котором до конца столетия свидетельствуют

«улучшенные» и «ухудшенные» копии, переносившиеся также на дорогую утварь[39]. Но этот синкретизм должен был «силою вещей» отступить с распределением символики между «героем на коне», парадным портретом и собственно аллегориями и с превращением собственно военных будней и праздников в ведущий предмет «художеств».

Всеобъемлющая по своей природе, тенденция эта быстрее и явственнее проникает именно в «полтавские» картинки, просто бросаясь в глаза на «выживших» в гравюрах фрагментах московских триумфальных сооружений 1709 и 1721 гг. Их архитектурная конструкция, своими средствами достигая эффекта коллажей, еще удерживала запрограмированный Феофаном образ. Но Петр в мундире, несущийся на противника, уже выигрывает у Петра на троне, под покровительством вышних сил награждающего соратников в лице А. Д. Меншикова и принимающего все те же шведские шпаги[40]. А вскоре появляются уже высокотиражные в оттисках как с одной, так и с двух «досок» гравюры А. Ф. Зубова и П. Пикарта. Их подлинный «театр» сражения с окутанными классическими дымами передвижениями кавалерии и пехоты тогда «прижился» в Европе. Выдвинутый же на авансцену Петр верхом и со шпагой, в мундире и не носимой в действительности шляпе с плюмажем навсегда полюбился в России, при воспроизведениях и переделках зачастую «теряя» распростертого под копытами врага[41].

Их же «Торжественные вступления...» победителей в Москву, по горячим следам исполненные по французским эталонам в виде ленты в несколько (6 и 8) горизонтальных рядов, сами по праву стали эталонами в запросах на войсковые проходы по своим столицам. Но любопытны и в ракурсе своеобразной групповой фотографии с различием участников лишь соответствующим статусу номером в шеренге (что, кажется, независимо и уже без всяких «лент» и номеров повторит в 2008 г. А. К. Быстров в мозаичном панно с Семеновским полком на станции метро)[42].

О красочных «Полтавах» Ж.-М. Натье и Л. Каравака второй половины 1710 – первой половины 1720-х гг., наоборот, не вспоминали почти 150 лет при несколько большей осведомленности об И.-Г. Таннауэре, для которого «битва» была просто «стильным» атрибутом владетельной особы[43]. Во всяком случае, они не могли соперничать с разворачиванием П.-Д. Мартеном в огромное – одно и то же в обеих «картинах» – поле схождения двух

армий в их «утре» и «конечном разрушении» армии чужой. И не только из-за умения делить изображаемое на планы и помещать на передний (на начальном этапе) или в центр (на завершающем) «высокой команды», которая, не противореча естественному восприятию, движется слева направо, пока любой зритель мог с высоты птичьего полета насладиться путешествием между боевыми порядками с достаточной прописанностью в оптимистичных тонах редутов, знамен, воооружения и амуниции.

Зритель же в поколениях от полтавских ветеранов до их правнуков, узнавая, кто «по жизни», кто по портретам-монетам лицо императора, мог еще и приобщиться к воочию видимой мощи его державы и блеску ее «регулярности». Не обращая внимания на условность парадно-декоративного построения в порицаемой критикой компановке с «ландкартой», но увлеченно «проверяя» дарованные иностранцем и оттого еще более приятные эмоции не жизненным опытом, а «реляцией» и «ордером де баталии» из массовой «Книги Марсовой»[44].

Просчитывалась ли наша природная склонность к такой «проверке» артефактов или снабжение художника примерно теми же материалами вызывалось свойственным и Петру стремлением к данной в ощущениях истине, но он, перефразируя Екатерину II, нашел в ее внушении «удобности, каких сам не ожидал». И если прошедшие «Свейскую войну» 10 и 20 лет спустя, как сообщают опубликованные и неопубликованные «офицерские сказки», особо не обособляли Полтавы среди других «баталий и акций», то узнававшие ее по гравюрам с мартеновского оригинала усвоили императорский пиетет перед ней непреложно. Это М. В. Ломоносов с помощью К.-Л. Христинека и закрепил в знаменитой мозаике вместе с ассоциацией вчерашнего военного прошлого с Полтавой, а Полтавы с Петром. К нему с начала XVIII в. уже привыкли как к всаднику в мундире (желательно на любимой гнедой Лизетте и в любимом преображенском) с обнаженным клинком и любимыми соратниками, маркируемыми не столько малосхожими с портретами чертами, сколько орденскими лентами.

Введение соавторами в композицию, которая как почти все до 1850-х гг. опиралась на П.-Д. Мартена, якобы спасающего царя солдата советские искусствоведы приписывали использованию народной легенды. В настоящем же замысле оно должно было выражать верноподданическое негодование второго излишней «отважностью» первого в угрожавшей «при наклоне неприятелей»

опасности[45]. И, скорее, само послужило источником фольклора XIX в., понимаясь как материально осязаемый факт, который укладывался в установку «устной традиции нации» (с ее зря отрицаемой общностью высших и низших сословий) «на бытовое, историческое, психологическое правдоподобие»[46]. Вновь сталкиваясь тут с взаимодействием картинки и науки, художественной литературы и предания, которое тоже напрасно толкуется как однонаправленное от слова к визуальности, тем более не миновать «Полтавы» А. С. Пушкина (1828–1829).

В своей картине боя и Петра в нем она почти буквально следует за обеими мартеновскими: строй и канонада под утренними лучами, прорыв шведов «сквозь огнь окопов», «верный конь», гордящийся «могущим седоком», предстание «пред полками» в решающую минуту, окруженность «любимцами», они же «его товарищи, сыны». И в заключение от воображенных «сквозь дым среди равнины, где «швед, русский – колет, рубит, режет» в двух словах «смерти и ада» возвращение туда, где «на битву взором вдохновенья / Вожди спокойные глядят, / Движенья ратные следят, / Предвидят гибель и победу». Не беремся гадать, виртуальное ли слияние гениального переложения поэтом итога гениального выбора Петром художника победы 1709 г., которая обеспечила полное раскрытие его созидательного гения, или иные причины прекратили изобразительное познание главной российской баталии столетия. Но это произошло не позднее начала 1840-х гг., когда рисунок Д. Янцена (ил. 4)[47] подвел черту под вариациями сделанного в этой области в первой трети XVIII в. (включая опущенные в рассуждениях манипуляции с европейскими лекалами нарядных пеших и конных стычек).

Приращение полтавской иконографии с тех пор до наших дней идет в основном за счет «сцен» с превалированием среди них кавалерийских атак. Изъятие их из целого на иной сравнительно с 1700-ми гг. стадии профессиональной подготовки толкало художников на «крупный план», в котором совершались только прорисовки-затушевывания лиц, развороты кавалькад наперекор стихиям справа налево, а шпаг-сабель сверху вниз и увеличения-уменьшения количества то штандартов, штыков и пушек, то убитых и раненых. Просматривающаяся уже у М. В. Ломоносова ритуализация «Петра на Полтавском поле», стимулируясь хрестоматизацией пушкинской поэмы и различными юбилеями, которые с XIX в. – константа внутренней политики всех

Ил. 4. Янцен Д. [Полтавская битва], 1843

режимов – не дает остановить «скачек», на рубеже XIX–XX вв. переродившихся в заурядный китч.

Но та же ритуализация, плодя работы-близнецы, и держит царя в бою – причем чаще как строевого командира, чем полководца – на плаву, не позволяя подчинить сколько-нибудь жесткому канону. И не мешает спорадическим озарениям вроде ориентированной на «масскульт», но изящной и почти кинематографической хромолитографии Н. С. Самокиша 1904 г., маленькой «фанеры» В.Д. Кекелидзе 1960-х гг. с промельком петровского силуэта как «божией грозы» в равно объявшем наступающих и отступающих мраке или взвешенного палехского синтеза сказочно-иконописных и академических приемов в дипломе А. Духонина со всплывшей защитой цветущего православного города 2022 г.[48].

При этом вместе с Петром в колонне «на шведов» воскресли и столетие не обновлявшиеся процедуры преклонения знамен, сдачи оружия с его возвратом именитым побежденным, а также портреты, аллегорические уже не не по форме, а по значению. Тех

и других немного, но они затребовались многотиражными изданиями, как по-своему нелепые изображения с полтавскими трофеями – беспомощное у Б. А. Чорикова и лощено-парфюмерное у А. Шопена[49]. И попадают в русло не коснувшейся «скачек» смены отождествления правды и красоты с «регулярностью» их отождествлением с «археологичностью», которой упорнее других добивались мастера, трудившиеся над «осадами и штурмами».

С молодости придерживавшийся этого подхода А. Е. Коцебу применил его в 1864 г. к «Полтавскому сражению», сумев возвысить затертую знаменную символику до средоточия усилий, вложенных в долгую войну народом, воплощенном в гвардейцах, которые готовы бросить захваченные полотнища под ноги гарцующего царского коня[50]. Как всякая классика, картина всегда ценилась высоко, относилась к известнейшим иллюстрациям эпохи и в числе первых была допущена в советские учебники и недоказуемо, но очевидно откликнулась в сценарии парада 1945 г. (ил. 5). Разом перекрыв «новые» для Петра сюжетные линии публичных выступлений перед войсками, а также с XVIII в. брезжившего, но лишь в 1950-е гг. «оплотнившегося» намерения утвердить его полководческую состоятельность через заседания штаба с картой на столе у Е. В. Любимова[51] с плавным перетеканием в одинокие и «с товарищи» раздумья над «бумагами» под Азовом.

Самое плодовитое их этих направлений, обнимаемое пушкинской строкой «И за учителей своих заздравный кубок подымает», пока не дало ничего примечательного. Взамен в картинках, которые эксплуатируют упомянутый еще Вольтером пир с пленными генералами, видна, с одной стороны, циничная штамповка чего-то полтавского без навыков в анатомии лошадей, пейзаже и т. д., с другой – пришедшийся на XX в. очередной переход от искренней исторической реконструкции к чисто декоративно-гламурным изыскам. Но свойство всех сюжетных мотивов, когда-либо ставших петровскими, не терять потенциала не дает повода заканчивать предпринятый обзор на столь пессимистической ноте.

Напротив, в довольно пестром конгломерате посвященных Петру батальных картинок вырисовывается довольно цельный и многогранный образ. Перед «насмотренным» специалистом или любителем – несомненный лидер, «царскость» которого чем далее, тем тверже обозначается не инсигниями и местом

Ил. 5. Коцебу А. Е. Полтавское сражение, 1864. Фрагмент;

Парад на Красной площади 24 июня 1945 г. Фотография. Фрагмент

в «кадре», но едва уловимым почтением «свиты», так или иначе испытываемом и самыми раскованными авторами. Он обычно храбр, спокоен, решителен и исправен, как уставной «добрый и честный офицер», чей мундир – его следующая за усами-кудрями-черноглазостью-чернобровостью примета. Расхожее понятие

«Петра-полководца» репрезентируется в его изображениях редко и не очень убедительно, через председательство в сообществе фельдмаршалов и легендарную речь о судьбе отечества под Полтавой, которая в лубке 1850-х гг. поднимает всю армию[52]. В большинстве он – не столько «отец отечества», сколько «отец-командир», равно уместный во всех родах войск. И даже не столько «отец», сколько просто командир, чье первенствующее положение не слишком явно, но последовательно проводится относительно артиллерии.

Благодаря Л. Караваку Петр также безусловный флотоводец, которого, хотя ему так и не нашлось подходящей роли в морском бою, туда настойчиво вставляют, наделяя динамичностью полевых перипетий. В конечном счете это не расходится с той правдой жизни, в которой его неукротимая энергия и активность проявлялись в любой деятельности. Откуда, может быть, и приоритет, отдаваемый его «картинками» «скачке», которая в XVIII–XIX вв. сама по себе ассоциировалась с войной вообще, а в XX–XXI вв. с войнами прошлого. Так что и те, кто знакомится с обликом Петра по учебникам или рекламе, безошибочно усваивают, что на войне – уже 100 лет спустя все равно, какой и за что – он был. А, значит, свои «ленты и звезды» заслужил, как и наши уважение и безотчетную симпатию.

---

[1] Введенная Д. А. Ровинским в его классическом трехтомном «Подробном словаре русских гравированных портретов» (СПб., 1886–1888) для обозначения изображений, посвященных какому-либо сюжету, она используется специалистами, хотя и не очень широко, до сих пор: goskatalog.ru № 8322418, 8324572.

[2] Бабич М. В. Петровские сюжеты в отечественной исторической картинке // Петровское время в лицах – 2022. СПб., 2022. С. 49–61.

[3] Пополнением этого комплекса в ходе продолжающейся работы и объясняются различия цифровых показателей настоящей статьи от публикаций др. времени.

[4] Подробнее см. в моей статье «”Журнал о походах” и план монументальной пропаганды Петра Великого» (Историографический сборник. Саратов, 2010. Вып. 24. С. 3–27).

[5] Полтавская победа в исторических и художественных памятниках из собрания Эрмитажа. 2-е изд. СПб., 2009. С. 45–51.

[6] Павленко Н. И. Петр Великий. М., 1994. Вкладка 2. Ссылки на упоминаемые картинки здесь и далее даются не на лучшие, а на гипотетически доступнейшие – в высокотиражных печатных изданиях, затем в изданиях, прочно известных специалистам и имеющихся в научных библиотеках, и только при отсутствии литературы на Интернет-сайты, начиная с Государственного каталога Музейного фонда Российской Федерации (goskatalog.ru).

[7] Писарев А. А. Предметы для художников, избранные из российской истории, славенского богословия и всех русских сочинений в стихах и прозе. СПб., 1807. Ч. 1. С. 128–209.

[8] Яковлева Н. Русская историческая живопись. М., 2005. С. 10, 41.

[9] В 1702 г. она украсила киевский «Патерик или Отечник Печерский...», а в 1710-е гг. и в конце столетия легла в основу двух иконных образов Богоматери Азовской. Эти и нижеупомянутые азовские картинки за вычетом снабженных самостоятельными ссылками см. в: Азов в произведениях изобразительного искусства петровского времени [/ Сост. Л. Перепечаева]. Азов, 2012. 24 с.

[10] Гребнев А. Взятие Азова, 29.07.2015 // wasrot.ru / 3555-vzyatie-azova. Обращение 17.12.2022.

[11] «И мореплаватель, и плотник»: Петр Великий в русской художественной культуре: [Каталог выставки / Под ред. Г. Н. Голдовского]. СПб., 2022. С. 33–34; далее: Каталог.

[12] Пользуясь случаем, каемся в приписывании ему по недоразумению в статье «Петровского времени в лицах» «пышного плюмажа» из «Полтавы» А. Ф. Зубова.

[13] [Нечаев В. Н.]. Живопись батальная // Военная энциклопедия / Изд. И. Ф. Сытина. М., 1911. Т. 13. С. 392; Григорьев Р. Г. Батальная печатная графика в России (Конец XVII – первая четверть XVIII века). Дис. ... канд. искусствоведения. СПб., 1996. С. 90.

[14] Штелин Я. Я. Подлинные анекдоты о Петре Великом...». [М.], 1800. Ч. 1. № 35.

[15] Гребнев А. Взятие Азова // Историк. 2019. № 7–8. С. 10; Платонова М. А. В поисках иконографии 200-летнего юбилея Петра Великого: Закономерности методологии и случайности бытования предметов // Атрибуция предмета. Интуиция, опыт, документ: Сборник научных статей: XXVII Царскосельская научная конференция. СПб., 2021. С. 724; 30 картин из жизни Петра Великого: Исторический выставочный проект, 9 июля – 9 августа 2022: СПб.: Марсово поле [Буклет. СПб., 2022. № 6]; далее: Буклет.

[16] Столетие Военного министерства, 1802–1902: Императорская главная квартира: История государевой свиты / Сост. В. В. Квадри. СПб., 1902. С. 70; Ламбин Н. П. История Петра Великого. С. 287, 288, 291, 297, 300.

[17] Толстой А. Н. Петр Первый. М.; Л., 1947. С. 392–393; То же. Кишинев, 1982. С. 328.

[18] То же. М., 1965. Кн. 3. С. 442–443.

[19] Цит. по: Павленко Н. И. Александр Данилович Меншиков. М., 1981. С. 40.

[20] За сообщение этого факта приносим благодарность С. В. Ефимову.

[21] Каштанов Ю. Виват, Россия! К 300-летию Полтавской победы. М., 2009. С. 38–39; Буклет. № 11.

[22] Родина. 2007. № 11. С. 66; Специальный анализ работы см.: Чечот И. Д. Корабль и флот в портретах Петра I. Риторическая культура и особенности эстетики русского корабля первой четверти XVIII в. // Отечественное и зарубежное искусство XVIII в.: Основные проблемы: Межвузовский сборник. Л., 1986. С. 71–74.

[23] Павленко Н. И. Петр Великий. Вкладка 2; С.-Петербургская столичная полиция и градоначальство, 1703–1903: Краткий исторический очерк / Сост. И. П. Высоцкий. СПб., 1903. С. 15; Буклет. № 20.

[24] Основателю Петербурга. СПб., 2003. С. 380; Народная иллюстрация. Воскресный досуг. 1872. № 22. С. 345; Иллюстрированная история царствования Петра Великого. М., 1903. С. 88, 89; goskatalog.ru № 24481162.

[25] Нива. 1874. № 50. С. 789; Платонова М. А. В поисках иконографии... С. 726–727; Толстой А. Н. Петр Первый. М., 1986. С. 592.

[26] Каденко В. Петр Великий / Илл. Н. Андреева. СПб., 2019. С. 54–55; Буклет. № 12.

[27] Щукина Е. С. Серия медалей Ф.-Г. Мюллера на события Северной войны. СПб., 2006. С. 36, обложка.

[28] Кротов П. А. Гангут: Сражение и корабли. СПб., 2013. С. 239; Наша история: 100 великих имен. М., 2010. Вып. 1. С. 9; Бахарева Н. Ю. К истории создания картины В. К. Шебуева «Полтавская баталия» // Петровское время в лицах – 2021. СПб., 2021. С. 79.

[29] Всемирная иллюстрация. 1872. Т. 7 (№ 181). С. 404; Историк. 2019. № 7–8. С. 16; catalog. shm ru № 491/619.

[30] Ламбин Н. П. История Петра Великого. С. 488; Каштанов Ю. Виват, Россия... С. 176–177.

[31] Историк. 2019. № 7–8. С. 29; Садовень В. В. Русские художники-баталисты XVIII–XIX веков. М., 1955. С. 110–113.

[32] Каталог. С. 61; Плюснина Е. А. Батальный класс Академии художеств второй половины XIX века. Дис. ... канд. искусствоведения. СПб., 2004. С. 86–89.

[33] Которое могло и «уничтожаться» упором Ф.-А. Давида в 1810-е гг. на варварство его спутников-казаков, грубо вломившихся в приличную европейскую Ратушу: goskatalog.ru № 15378018.

[34] Соймонов П. И. История Петра Великого / Под ред. П. А. Кротова. СПб., 2012. С. 120; Толстой А. Н. Петр Первый. М.; Л., 1937. С. 512–513; То же. М., 1986. С. 632, 690 и др.

[35] Три века: Россия от Смуты до настоящего времени: Исторический сборник / Под ред. В. В. Каллаша. [М., 1913]. Т. 3. С. 334; Историк. 2019. № 7–8. С. 24–25; Садовень В. В. Русские художники-баталисты... С. 50; Каталог. С. 113.

[36] О заказе, позднейших перипетиях его составляющих, ошибках в их атрибуции при воспроизведениях и отчасти о спорных моментах датировки (1722–1726) см.: Макаров В. К. Судьба одного художественного замысла Петра I // Труды государственного Эрмитажа. Л., 1970. Вып. 1. С. 122–130.

[37] Лучший комментарий, официальный план и репродукции см.: Артамонов В. А. Мать Полтавской победы, 1708–2008: К 300-летию победы Петра Великого при Лесной. СПб., 2008. С. 57–61; Полтавская победа... С. 64–65; «Совершенная виктория»: К 300-летию Полтавского сражения: Каталог выставки. СПб., 2009. С. 64–65.

[38] Ламбин Н. П. История Петра Великого. С. 400; Всемирная иллюстрация. 1872. Т. 7 (№ 181). С. 413; Артамонов В. А. Мать Полтавской победы... С. 71, 72, 144; Буклет. № 15.

[39] Павловский И. Фр. Битва под Полтавой 27 июня 1709 года и ее памятники. Полтава, 1908. С. 176, 181; «Совершенная виктория»... С. 133, 162–163; goskatalog. ru № 5010532, 7594470 и др.

[40] Борзин Б. Ф. Росписи петровского времени. Л., 1986. С. 163–173.

[41] Павловский И. Фр. Битва под Полтавой... С. 160, 166, 168; «Совершенная виктория»... С. 106, 140; Щукина Е. С. Серия медалей... С. 64–65, 68.

[42] «Совершенная виктория»... С. 113, 115; https://mosaic-story.ru/blog/mozaiki-v-metro/mozaiki-metro-peterburga.

[43] «Совершенная виктория»... С. 8, 37–38; Артамонов В. А. Мать Полтавской победы... С. 71; Родина. 2007. № 11. С. 64.
[44] Полтавская победа... С. 68–70.
[45] Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. М., 1953. Т. 9. С. 24–25; Садовень В. В. Русские художники-баталисты... С. 27; Яковлева Н. Русская историческая живопись. С. 51, 54.
[46] Путилов Б. Н. Петр Великий – фольклорный герой // Петр Великий в преданиях, легендах, анекдотах, сказках / Сост. Б. Н. Путилов. СПб., 2000. С. 9.
[47] Ламбин Н. П. История Петра Великого. С. 426.
[48] Каталог. С. 109; goskatalog.ru № 16897718; Колесова О. Образ Петра I в искусстве Палеха // Призыв: Общественно-политическая газета Палеха и Палехского района Ивановской области. 2022. Вып. 19 (6.05) (priz.v-palech.ru).
[49] Русская история в картинах в дополнение Живописного Карамзина, изданная А. Прево. СПб., 1844. Ч. 3. № 137; Русское слово. 1903. № 6 (6 янв.). С. 1.
[50] Родина. 2022. № 5. С. 105.
[51] Иванюк С. А. Малая война русской армии в период подготовки Полтавского сражения. СПб., 2019. С. 31.
[52] Павловский И. Фр. Битва под Полтавой... С. 175.

В. В. Баранов (Москва)

СТАРЫЙ КЛИНОК

НАЧНЕМ с небольшого экскурса в историю.

Тарковское шамхальство – кумыкское феодальное государство, сформировавшееся на территории, где этническую основу составляли кумыки, со столицей в городе Тарки. Шамхалы Тарковские долгое время носили титул «валиев Дагестана».

Тарковское шамхальство с XVI века начинает фигурировать в российских архивах как главная цель и первое препятствие для покорения восточной части Северного Кавказа.

Первая встреча Ермолова и Аммалат-бека описана Николаем Ивановичем Циловым, бывшим на тот момент прапорщиком в пешей артиллерии на Кавказе и позже дослужившимся до звания генерал-майора.

Умалат-бек Буйнакский (кум. Умалат Бек Бойнакълы), в русских источниках известен также как Аммалат-бек – кумыкский военно-политический деятель времен Кавказской войны, Тарковский шамхал.

В Дагестане в 1823 г. возникает целый ряд смут, получивших громкую известность более всего по главному действующему в них лицу – Аммалат-беку.

Аммалат-бек описан в одноименной повести Бестужевым-Марлинским. Активный участник восстания 1818–1819 гг., один из предводителей акушинцев в битве с Ермоловым. После поражения и выдачи зачинщиков восстания генерал намеревался его вместе с другими руководителями восставших повесить. Но неожиданно Аммалат был помилован Ермоловым. Странная, казалось бы, политика империи имела свои объяснения: Аммалат-бек мог претендовать на Тарковское шамхальство. Собственно,

позже, в 1831 г. имам Гази-Мухаммад провозгласит Аммалат-бека Тарковским шамхалом. После убийства полковника Верховского Аммалат проник на кладбище в Дербенте, где выкопал труп полковника и отсек ему голову для предъявления Ахмед-хану. Во время шамхальского восстания 1823 г. Аммалат-бек разбил войска под командованием генерал-майора фон Краббе под Эрпели. В 1825 г. он принимает участие в восстании Бейбулата Таймиева. В 1828 г. во время Русско-персидской войны вербует горцев для вступления в персидскую армию и выступления против русских войск. С возникновением мюридизма Аммалат-бек становится наибом имама Гази-Мухаммада. И последнее событие, где он фигурировал – это восстание 1831 года[1].

И предания, и официальные документы одинаково свидетельствуют о том, что именно этот претендент на шамхальские владения был действительным виновником хоть кратковременной, но серьезной опасности, в которой очутились русские войска в Дагестане. Повесть Марлинского, в которой описаны эти события, сделала имя Аммалат-бека с тех пор известным,

Известно, что Лермонтов был внимательным читателем «Аммалат-бека». Так, в юнкерском альбоме четыре рисунка являются иллюстрациями к этой повести[2].

Полковник Евстафий Верховский, служивший при штабе главнокомандующего русских войск на Кавказе, писал своей невесте в Смоленск: «...Юность и прекрасные задатки доставленного к нам пленного дагестанского бека произвели на меня столь сильное действие, что я решился просить Алексея Петровича уберечь его от неминуемой виселицы. Генерал Ермолов (кто не видал его в жизни, не сможет представить силу его обаяния по одним лишь портретам) не только отменил казнь, но и в соответствии со своей натурой (казнить так казнить — миловать так миловать) предоставил ему полную свободу, оставив при мне....»

С тех пор в течение почти четырех лет Аммалат и Верховский были неразлучны. Вместе жили они в Тифлисе и вместе переехали в Дербент, когда Верховский, после смерти Швецова, назначен был командиром Куринского полка.

Ермолов обдуманно и систематически подчинял себе владельцев, действуя на них мерами то строгости, то щедрости[3].

Обратимся к повести.

В 1828 г. при осаде Анапы русский офицер-артиллерист ловко прицелил пушку, чтобы ссадить ядром статного всадника

на белом коне, дерзко презиравшего огонь с наших позиций. Выстрел был удачен. Артиллерист затем подошел и остановился над тяжело раненным. Неодолимый ужас отразился в глазах горского воина. «Верховский!» – еле слышно прошептал он, и это имя было последним страшным приветом его этому миру. С убитого сняли кинжал с золотой насечкой. «Медлен к обиде – к мести скор», – прочитал переводчик. «Брат мой Евстафий стал жертвой исполнявшего это разбойничье правило», – со слезами в голосе сказал артиллерийский капитан Верховский. «Тут еще имя его, – указал переводчик. – Аммалат-бек».

Теперь обратимся к другой стороне нашего исследования:

С именем старшего сына Геурка, Кахрамана Элиарова (Элиазарова) связана передача фамильного секрета изготовления сварочной стали русскому правительству. Начальник оружейных заводов и министр финансов генерал-лейтенант Е. Ф. Канкрин пытался ввести на Златоустовской оружейной фабрике производство булатных сабель и шпаг такого же высокого качества, как на Востоке. В октябре 1828 г. он просил И. Ф. Паскевича выяснить, из каких начальных материалов приготавливается на Кавказе булат, каковы способы переделки этих материалов в сталь отличного качества и закалки выкованных клинков, какие вещества применяются при закалке, каковы приемы инкрустации золотой проволоки.

С вопросом о секрете булатной стали Паскевич обратился к членам семьи Геурка как к самым авторитетным в городе оружейникам. В декабре 1828 г. «лучший в Тифлисе оружейный мастер Кахраман Элиазаров» обещал сделать, а в мае 1830 г. представил выполненные «из приготовляемого им железа и стали с насечками золотом по данным рисункам... саблю настоящего булата, шпагу из стали видом булата, шашку стальную в струях посередине, кинжал другого сорта и вида булата».

Оружие видимо, понравилось, так как решено было обучить мастеров из Златоуста элиазаровскому методу изготовления клинков. Златоустовские мастера выехали в Тифлис в январе 1831 года. Это были Карл Вольферц и Василий Южаков, с ними двое рабочих.

В марте 1833 г. барон Розен сообщил, что златоустовские мастера в изготовлении булата «усовершенствовали себя в сем искусстве столько, сколько могли, а посему дальнейшее учение их было бы бесполезно». Единственно, они не научились делать

Ил. 1–2. Сабля, общий вид

золотой насечки – эта работа требует отменного зрения, а оно у них ослабело от горна. В Тифлисе этим искусством занимаются отдельные мастера, ибо нужно уметь рисовать и иметь большую твердость в руке для вырезки рисунка.

Теперь перейдем к недавно выявленным фактам жизни Геурка.

В архиве Общего собрания Верховного грузинского правительства хранится «Посемейный список Геурка Саркисова сына Элиара Швили». Из имеющегося в этом деле документа, датированного 1821 годом, следует, что к этому времени Кахраману исполнилось 18 лет, Александру – 14, Эфрему – 12, а самому Геурку было 52 года.

В Камеральном описании жителей Тифлиса 1824 года содержится информация, имеющая особое значение для нашего исследования. В этом документе при перечислении членов семьи Элиаровых указано, что «Геурк помер»[4].

Таким образом, на момент составления Камерального описания жителей Тифлиса 1824 года Геурка Элиарова уже не было в живых. Учитывая, что в документе указан возраст его младшей дочери Саломэ – два года, можно сделать вывод о том, что оружейник Геурк скончался между 1822 и 1824 гг. Соответственно в период между 1819–1822 гг. Геурк был деятелен[5].

Перейдем к описанию представленного предмета.

Это отдельный вид восточного оружия, а точнее ранняя тифлисская сабля с клювовидной рукоятью (ил. 1, 2). Общая длина 96 см. Длина клинка 84 см. Долы имеют смещение к обуху. Ширина клинка у перекрестия 3,65 см. У боевого окончания, имеющего обратную заточку, 3,75 см. Это мощный, сильно изогнутый клинок с двулезвийной елманью. Изгиб начинается ближе к последней трети. В этой части клинок чуть шире. Толщина

Ил. 3. Обух у перекрестия

Ил. 4. Обух у боевого окончания

Ил. 5. Букетный дамаск в широком доле

боевого конца после окончания дол достаточно мощная – 0,4 см. Длина рукояти 12 см, ширина рукояти 2,7 см. Толщина обуха имеющего жгутовый рисунок дамаска у перекрестия, 0,6 см, у боевого окончания 0,5 см, фактически обух представляет собой дамасковый пруток приблизительно одной толщины. У перекрестия выделен элемент украшения в восточном стиле, напоминающий два бутона, один над другим. Ниже этого элемента в сторону перекрестия, возможно, располагаются остатки букв, расплющенных от ударов по обуху при варварском снятии рукояти. Предположу там имя мастера, выполненное в той же технике, что и «бутоны» (ил. 3). Начало елмани и точка удара выделена на обухе элементом по очертаниям, напоминающим прямой обоюдоострый кинжал, выполненный в такой же технике (ил. 4).

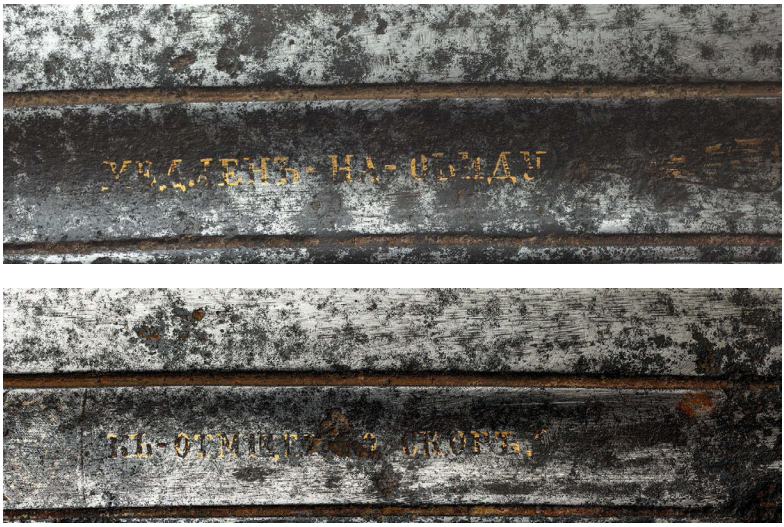
Внутри широкого дола, отчеркнутого двумя узкими доликами, мы видим рисунок букетного дамаска (ил. 5).

Лезвие не имеет узкой заточенной кромки. Оно клинообразное со спуском от ближнего узкого дола к краю, острое как бритва по всей длине.

Вес сабли 820 грамм.

Ил. 6. Общий вид картуша и надписей

Ил. 7. Картуш



Ил. 8, 9. Надписи на сабле

Ил. 10. Обратная сторона с остатками надписи

С одной стороны красивым шрифтом нанесена надпись «МЕДЛЕНЪ-НА-ОБИДУ КЪ-ОТМЩЕНИЮ-СКОРЪ.», выполненная всечкой золотом. Надпись разделяет картуш в восточном стиле, выполненный тонкой золотой насечкой (ил. 6–9).

С обратной стороны удалось рассмотреть слово БЕКЪ и в предыдущем слове в остатках первых букв М А, окончание АТЪ (ил. 10).

Поскольку в первой, читаемой надписи присутствуют недостающие буквы из второй надписи и выполнены они тем же красивым шрифтом и в той же технике, выделив их и поставив на место остатков надписи, получим «АММАЛАТЪ – БЕКЪ» (ил. 11–12). Такое же написание, как и в одноименной повести Бестужева-Марлинского, а не «Умалат», как в некоторых источниках.

Попытаемся свести воедино вышеперечисленные факты и сделать некоторые выводы.

Принимая во внимание высочайшее мастерство при производстве этого оружия, тот факт, что это ранняя тифлисская сабля, применяемые приемы всечки золотом букв и насечки золотом картуша (как раз то, чему учились у семьи Геурка мастера из Златоуста), новые данные о смерти Геурка не позднее 1825 г., временной период с 1819 г. (Аммалат – предводитель восстания акушинцев) до 1823 г. (убийство Аммалатом командира Куринского пехотного полка полковника Евстафия Ивановича Верховского), а также то, что жили Аммалат и Верховский, в том числе, и в Тифлисе, можно предполагать, что до 1819 г. Аммалат не мог носить саблю с надписью на русском языке, а после 1823 г. ему проблематично было появиться в Тифлисе. Учитывая политику Российской империи на ранней стадии Кавказской войны,

Ил. 11, 12. Надписи на сабле

личность Аммалат-бека, являющегося не рядовым горцем, а владетелем, претендующим стать Тарковским шамхалом, несомненную заинтересованность в нем Российской империи, можно прийти к выводу, что сабля была изготовлена Геурком и преподнесена в подарок Аммалат-беку. Это косвенно подтверждает надпись на кириллице. Иначе надпись, как и в повести, была бы на более привычном для того времени и места арабском языке.

[1] Потто В. Кавказская война. Т. 2. Ермоловское время. М.: Центрполиграф, 2008.
[2] Пахомов Н. Живописное наследство Лермонтова. М.: Лит. наследство, 1948.
[3] Потто В. Кавказская война.
[4] Двалишвили Л. К вопросу о генеалогии оружейника Геурка // Историческое оружиеведение. 2021. № 10.
[5] Аствацатурян Э. Секрет булата // Анив. 2006. № 4 (7).

Е. В. Бей (Москва)

КОМИССИЯ ГЕНЕРАЛА А. А. ПОЛИВАНОВА И ЕЕ РОЛЬ В ДЕМОКРАТИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ АРМИИ В 1917 г.

ПОСЛЕ ПАДЕНИЯ САМОДЕРЖАВИЯ в России к середине третьего года Первой мировой войны (1914–1917), наметился распад и всего военного организма государства. Попытки Временного правительства остановить этот стремительный деструктивный процесс вылились в уникальный в отечественной истории эксперимент по созданию демократической революционной армии, основополагающим принципом которой являлось бы самоуправление. В исторической литературе данной реформе, как правило, отводится роль предтечи или начального этапа в процессе слома старой армии, впоследствии повлекшего ее скорую и полную демобилизацию.

Одним из важных инструментов по демократизации армии, созданных деятелями Февраля, и в первую очередь одним из главных вождей переворота А. И. Гучковым, возглавившим военное и одновременно морское министерство, стала специальная комиссия под председательством бывшего военного министра генерала А. А. Поливанова.

В политической среде царской России «вечный оппозиционер» А. И. Гучков считался авторитетным экспертом по проблемным вопросам военного ведомства, председательствуя в Комиссии по государственной обороне. Поэтому не удивительно, что сугубо «штатский» человек вдруг стал у руля русской военной машины.

Сразу же после своего официального назначения Гучков предложил генералу Поливанову[1] организовать комиссию из офицеров для обсуждения реформ в армии, которые, по замыслу инициатора, «не нарушая воинского духа и дисциплины... устранят всякие ненужные стеснения, сравняют солдата в общественных

правах со всеми остальными гражданами и поставят его в подобающее положение»[2]. «Что ж поделаешь?! Надо действовать в духе времени!», – объяснял свою готовность преобразовывать армию вместе с новым военным министром А. А. Поливанов[3].

Первое негласное заседание комиссии состоялось четвертого марта в доме военного министра. В ее состав вошли деятели военной комиссии Комитета Государственной думы, а также лица, специально назначенные Гучковым. Председатель – генерал Поливанов – коротко определил задачи комиссии, после чего присутствовавшими был высказан ряд пожеланий: об установлении новых взглядов на взаимоотношения между воинскими чинами; о поддержании достоинства военнослужащих как свободных граждан великой страны; о назначении на командные должности лиц, достойных народного доверия; о необходимости более широкого участия выборных солдат в вопросах продовольствия и ротного хозяйства; об отмене особых привилегий гвардии; по вопросу об отдании чести и взаимном приветствии; о предоставлении права ареста более старшим начальникам, чем это допускалось ранее[4].

Уже пятого марта 1917 г. приказом № 114 военный министр ввел изменения во взаимоотношениях офицеров и солдат, а также отменил «некоторые ограничения в правах солдата как гражданина»[5]. Так, приказ отменял наименование «нижний чин», заменяя его на «солдат»; вместо титулования вводилось новая форма обращения: «г-н генерал, г-н полковник, г-н штабс-ротмистр, г-н хорунжий, г-н врач, г-н чиновник»; при обращении ко всем солдатам как на службе, так и вне ее приказывалось говорить им: «Вы». Кроме того, отменялся ряд ограничений, распространявшийся на рядовой состав: курение на улице и в общественных местах, посещение клубов и собраний, езда в трамвае, участие в различных союзах и обществах, образуемых с политическими целями[6].

В прессе появился ряд успокаивающих статей, разъясняющих общественности важность и необходимость подобных уступок, предлагая «взять себя в руки» и не обращать внимания на то, что раньше казалось «страшным преступлением против дисциплины»: «Возмущаются, например, тем, что солдат старается при встрече с офицером обязательно закурить папироску, сплюнуть, облокотиться и прочее, все в том же роде. Господа, ведь это вполне понятно. Все перечисленное преследовалось всегда, а потому ныне солдатам хочется, что называется, пофорсить или

помальчишничать. Но ведь все это временное, так как, во-первых, солдатам самим надоест изводить офицеров, а во-вторых, человек ко всему привыкает, и в скором времени создавшееся положение вещей никого не будет шокировать»[7].

Шестого марта из-под пера военного министра вышел новый приказ – № 115, определявший порядок работы Особой комиссии по реорганизации армии на демократических началах[8] под председательством генерала от инфантерии А. А. Поливанова и перечень первоочередных вопросов, которые ставились на разрешение: установление порядка достижения в армии первого офицерского чина и унтер-офицерского звания; пополнение чиновниками; определение порядка прохождения службы военнослужащими всех категорий; согласование внутреннего порядка в войсковых частях с новыми правовыми нормами; установление гражданских прав военнослужащих всех категорий; разработка предложений о мерах к улучшению служебного и материального положения всех военнослужащих и др.[9]

При этом не совсем понятна логика военного и морского министра. Ведь если бы именно приказ № 115 вышел вместо 114-го, то еще можно было бы ожидать сохранения хотя бы какой-то управляемости солдатских масс в новых условиях. В сложившейся же обстановке приказ № 114 Гучкова в совокупности с приказом № 1 Петросовета от 1 марта 1917 г. явились гремучей смесью, которая подрывала армейскую дисциплину, ограничивала права офицеров и делала армию ареной политической борьбы. Подоплека же гучковских приказов заключалась в другом. Новому правительству необходимо было срочно набирать политические очки в солдатской среде, даже несмотря на разрушение традиционных армейских устоев.

В таких условиях начала свою деятельность комиссия, прозванная в обиходе «поливановской». Изначально насчитывавшая пять–шесть человек, она быстро разрослась за счет представителей от главных управлений военного ведомства и командующих армиями в «собрание человек в сорок–пятьдесят, все генералы, полковники»[10]. Кроме членов комиссий на заседаниях постоянно присутствовали и принимали участие в прениях (без права голоса) многочисленные делегации из армии, состоявшие из солдат. «Голоса офицерства в этом совещании почти не слышно, – констатировал представитель от Главного военно-судного управления полковник Колосов, – потому что хотя совещание состоит в массе

из делегированных с фронта офицеров, но, во всяком случае, в фактической работе принимают участие лишь очень немногие»[11].

Как отмечал советский историк-мемуарист А. Г. Шляпников, поливановская комиссия соблюдала дружественный контакт с руководителями солдатской секции, причем некоторые ее члены принимали участие в работах Солдатской секции Совета[12]. Мнения из противоположного лагеря более точны в определениях этой «дружбы». По выражению С. П. Мельгунова, потворствуя демагогии людей, не понимающих «психологию армии», комиссия напрямую содействовала ее разложению[13]. Она «подобострастно прислуживалась» к требованиям Совета солдатских и рабочих депутатов, – писал генерал А. С. Лукомский[14]. Поливановские представители «холопски» ухаживали за солдатами, повествует дневник генерала А. Н. Куропаткина, освещая эпизод, когда на повестке встал вопрос о предоставлении солдатам права «награждать офицеров, а именно солдатским Георгием»[15]. Подвергаясь постоянному давлению со стороны Совета солдатских и рабочих депутатов, комиссия в итоге была вынуждена вести «согласованную» деятельность обоих учреждений[16].

Яркую картину работы новоиспеченного органа представляет в своих воспоминаниях непосредственный участник событий генерал В. Н. Минут: «Комиссия... была завалена массой вопросов, запросов, требований, постановлений, резолюций и тому подобным, сыпавшихся как из рога изобилия по почте и по телеграфу со всех концов как действующей армии, так и всей необъятной России. Для начальствующих лиц, к которым местные комитеты приступали, что называется, с ножом к горлу, требуя утверждения их вздорных постановлений, комиссия генерала Поливанова служила громоотводом, и они передавали ей “по принадлежности” всю эту дребедень. При этом многими руководила тайная надежда, что переданный в комиссию вопрос, естественно, залежится в ней, на то ведь она и комиссия, а инициаторы, бог даст, забудут о нем среди массы своих других “неотложных дел по углублению революции”»[17].

«Поливановское сборище понемногу превращается в бюрократическую комиссию, – отмечает в воспоминаниях еще один представитель ее состава генерал П. А. Половцов (через него проходила вся переписка комиссии с различными учреждениями и отдельными лицами). – Выделяется подкомиссия для выработки различных уставов и положений. Одним из первых проходит

“Положение о войсковых комитетах”. На фронте нас ругают за чрезмерный либерализм, а в Совете – за чрезмерный консерватизм. Никому не угодишь!»[18].

Комиссией предполагалось, что комитеты, образуемые солдатами путем свободного избрания членов, будут заниматься не только организацией внутреннего хозяйства частей, но и «могут выступить на путь культурно-просветительной, общественной и т. п. деятельности»[19]. Что это означало в действительности? То, что в первостепенных армейских структурах – ротах должны были появиться политические организации, приводившие к параличу любое проявление власти войсковых начальников.

В марте первое положение о ротных комитетах получило окончательное утверждение в поливановской комиссии. На очередь были поставлены проекты полкового и армейского звена, которые завершили построение многоуровневой системы солдатских комитетов[20].

В результате неизбежных противостояний между комитетами и командным составом складывалась неоднозначная картина армейской жизни: «В одних воинских частях и соединениях большей долей власти обладали комитеты, в других – офицеры и генералы. Порой командование проводило надежных людей в комитеты, иногда комитеты назначали своих доверенных лиц командирами»[21]. Шансы восстановить хоть какое-то подобие дисциплины в вооруженных силах таяли на глазах.

В армейской среде чутко улавливали любое дуновение «демократического ветра», нередко истолковывая отголоски деятельности поливановской комиссии по-своему. Так, в мартовской телеграмме на имя военного министра Верховный главнокомандующий генерал М. В. Алексеев приводит пример того, как в 68-м Сибирском стрелковом полку решением избранных депутатов был арестован командир полка – «за не сочувственное отношение к совершившемуся перевороту», а также отстранены от командования батальонные офицеры – «за резкость», «грубое обращение» и «недоверие к боевым качествам» этих начальников. «Комкору удалось добиться освобождения из-под ареста командира полка, но депутаты продолжали настаивать на оставлении избранного ими командира полка, ссылаясь на заметку газеты “Русского Слова” о разработке комиссией генерала Поливанова вопроса о подборе высшими начальниками своих помощников, – негодовал Алексеев. – Случай этот с достаточной очевидностью

подчеркивает, какое большое зло причиняет газета армии, помещая заметки о ходе работ и вопросов, обсуждаемых комиссией генерала Поливанова, но еще не санкционированных к проведению в жизнь; многие проекты солдатами толкуются раньше объявления их к исполнению вкривь и вкось и в таком виде кладутся в основу предъявления тех или других ни на чем не основанных пожеланий»[22].

С середины марта основные усилия комиссии были направлены на разработку Декларации прав солдата – одного из важных документов в общей канве демократизации армии в революционный период. Проект декларации поступил в комиссию после того, как 13 марта в зале заседаний Государственной думы состоялось обширное совещание по данному вопросу с представителями Исполнительного комитета солдатских и рабочих депутатов, Исполнительного комитета офицерских частей, расположенных в Петрограде, и делегатов-офицеров петроградского гарнизона[23]. «"Вот вам Декларация прав и просьба, во-первых, чтобы вы не очень торопились", – вспоминал впоследствии разговор с А. А. Поливановым А. И. Гучков. – Я еще рассчитывал, что первые весенние воды бурлящие спадут, тогда легче будет ее похоронить. О существе мы даже не говорили. Ясно, что она совершенно непригодна»[24].

В течение почти двух месяцев шли бесконечные прения по различным текстовым положениям этого документа. Рассматривалось участие солдат в политической жизни общества; разрешение на ношение штатского платья; отмена терминов, употреблявшихся в воинских уставах при самодержавном строе; отмена воинского приветствия и уставных дисциплинарных и телесных наказаний и пр. Вообще очень много говорилось о правах солдата и ничего о его ответственности.

«Поливановская комиссия продолжает собираться два раза в неделю и заниматься словоизвержением», – едко подмечал П. А. Половцов[25]. Генерал А. И. Деникин впоследствии подчеркивал, что «офицерский состав комиссии проявил преступный оппортунизм, который не раз приводил в удивление случайных участников заседаний»[26]. Один из подобных и ярких примеров приводит В. Н. Минут: «Обсуждался параграф Декларации об отдании чести. Несколько представителей военного ведомства более или менее убедительно и горячо доказывали необходимость сохранения этой формы приветствия, отрицая, что это является

пережитком крепостного права, каковым его считали представители Совета солдатских и рабочих депутатов... Но вот встает один из представителей военного ведомства, делегат из армии, подполковник, военный юрист и произносит громовую филиппику против отдания чести, начиная ее словами: “Давно пора бросить эту бессмыслицу, это поклонение шляпе Гойелера, повешенной на шесте, этот пережиток крепостного права и т. п.”»[27].

Возникает резонный вопрос, какую же роль в этом действе играл председатель? Генерал Поливанов – человек недюжинных организаторских способностей, знаток военного дела и строгий начальник, умеющий заставить работать подчиненных – он просто поплыл по течению. «Куда девались его умелое ведение прений, определенность поставляемых вопросов, точное резюмирование заключений, – удивлялся поливановской вялости В. Н. Минут. – В сущности, он был не председателем, а делопроизводителем комиссии, роль которого ограничивалась лишь добросовестной записью словопрений»[28].

Вероятно, к тому времени Алексей Андреевич разочаровался в «свершениях революции», а может и был обижен тем, что его задвинули на второй план в роли «военного специалиста – слуги старого режима», но он явно утратил интерес к порученному делу и оставался пассивным наблюдателем текущих событий. Хотя еще совсем недавно, прибыв в Ставку поле отъезда отрекшегося царя, Поливанов «буквально сиял, так был доволен событиями»[29].

Майский номер военного журнала «Разведчик» извещал читателей о ходе работе Особой комиссии, которой была рассмотрена масса насущных вопросов службы и быта военнослужащих. Однако тут же в приписке сообщалось, что не все из них утверждены военным министром[30]. Речь шла о декларации. Гучков, видя всю пагубность этого документа, отказался его подписывать, несмотря на то, что проект был принят в комиссии единогласно. «Это недопустимо, надо пересмотреть, – вспоминал Гучков беседу с Поливановым. – Мне пришло в голову. Я создам новые обстоятельства, и вы вынуждены будете вновь пересмотреть этот вопрос»[31].

Военный министр решил заручиться поддержкой «могилевских мудрецов», для чего на имя Верховного главнокомандующего была направлена телеграмма, в которой содержалась просьба высказаться по существу законопроекта. Ответ Ставки не заставил себя долго ждать и в принципе был предсказуем. Генералы,

приверженцы старой дисциплины, требовавшей от солдат безоговорочного повиновения, не могли мириться с введением в армии новых порядков и тем более с появлением выборных солдатских организаций – комитетов, с которыми офицеры вынуждены были делить власть[32]. «Декларация – последний гвоздь, вбиваемый в гроб, уготованный для русской армии», – эти слова Деникина являлись квинтэссенцией критических мнений высшего армейского командования по означенному вопросу[33].

«Я вызываю Поливанова, передаю ему все это, но уже не доверяю ему. На всякий случай говорю: "Постарайтесь провалить..."», – продолжает А.И. Гучков. «Через два-три дня приходит ко мне: "Я вынужден был пересмотреть и принять". – "Как принять?" – "Принять единогласно"»[34]. Казалось бы, расчет на Ставку являлся верным, но даже столь категоричное заявление Верховного главнокомандующего в созвучии с командующими фронтами уже никак не могло помочь Гучкову.

Военному министру пришлось отстранить А. А. Поливанова от дальнейшего председательствования в комиссии и назначить на это место своего заместителя генерала В. Ф. Новицкого, который, впрочем, также не добился никаких уступок в декларационном вопросе.

Тут пути старых друзей разошлись навсегда: «Я очень любил Поливанова, находил, что он очень умный, знающий, что он очень много пользы принес в свое время, – с сожалением вспоминал А. И. Гучков. – Просто у него не было гражданского мужества, чувства долга. В этом отношении я в нем ошибался»[35].

Один из лидеров Февральской революции М. В. Родзянко отмечал ошибочность и «вредность» учреждения поливановской комиссии, в которой «революционное течение» взяло верх, и «получился прискорбный результат: Гучков отказался подписать декларацию – создался министерский кризис»[36].

Бывший управляющий делами Временного правительства В. Д. Набоков также указывал на то, что декларация стала «последней каплей, которая переполнила чашу и вызвала решение Гучкова уйти из состава временного правительства»[37].

30 апреля А. И. Гучков издал последний приказ по армии и флоту о сложении с себя обязанностей военного и морского министра[38]. В письме главе правительства Г. Е. Львову он подчеркнул, что не может больше «разделять ответственность за тот тяжкий грех, который творится в отношении родины»[39].

В своей прощальной речи, произнесенной перед солдатами на съезде фронта в Петрограде, он более подробно остановился на причине, по которой не мог дальше оставаться в составе Временного правительства: «...вся правительственная власть и в частности военный министр поставлены в такие условия, что выполнить свои задачи не может. Мне иногда кажется, что мы незаметно возвращаемся к старому строю и к роковой черте старого строя, когда была власть без ответственности и ответственность без власти»[40].

К моменту разрешения апрельского кризиса четвертого мая в Петрограде состоялось широкое совещание Временного правительства с командным составом армии, членами Исполнительного комитета Государственной думы, а также членами Исполнительного комитета Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Путем прений генерал Алексеев надеялся задержать опубликование декларации до осени, «когда выйдет новый устав внутренней службы, в котором положения декларации не будут так резать глаза»[41]. Выступления участников заседания сводились к взаимным выпадам. Генералы обвиняли Совет рабочих и солдатских депутатов в том, что он своими приказами способствовал разложению армии, и настаивали на передаче всей полноты власти в руки верховного командования. В свою очередь представители Исполкома Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов обвиняли генералитет в недоверии Совету, который пользовался авторитетом у солдат. Закрывая совещание, А. Ф. Керенский как представитель Временного правительства успокаивал генералов: «Ответственность мы берем на себя, но получаем и право вести армию и указывать ей путь дальнейшего развития»[42].

Спустя несколько дней, девятого мая 1917 г. «Декларация прав солдата» была окончательно утверждена новым военным и морским министром А. Ф. Керенским. Как видно, генералы оказались в плену пустых речей министра, прозванного впоследствии «главноуговаривающим».

Едва вступив в должность, «рыцарь революции» и «спаситель Отечества» Керенский задумал большую агитационную поездку по фронту, чтобы подготовить переход армии к наступлению. Но для того чтобы предстать перед солдатами в облике революционного реформатора, ему было необходимо издать несколько таких приказов, которые бы прибавили ему популярности в солдатской

среде. Именно с этой целью он, вопреки мнению совещания старших военачальников в Ставке, поспешил утвердить декларацию в форме приказа «О правах военнослужащих» (приказ армии и флоту № 8 от 11 мая). Эти же цели преследовало и срочное издание «Положений о дивизионных корпусных комитетах» (приказ № 271 от 8 мая 1917 г.)[43], также прошедших переработку в комиссии генерала А. А. Поливанова. Эти приказы большинство историков рассматривают как завершение работы по демократизации армии.

Некоторые статьи декларации содержали в своих формулировках определенные ограничительные элементы. Например, если обратить внимание на 3-ю статью документа, то теперь солдаты и матросы могли пользоваться гражданскими правами только во внеслужебное время; 14-я статья наделяла командиров правом применять оружие по отношению к подчиненным; 18-я статья запрещала выборность командного состава; функции выборных войсковых организаций сводились к решению вопросов внутреннего самоуправления[44]. Однако эти слабые попытки хоть как-то укрепить дисциплину нисколько не меняли общий курс разложения армии. Уже через десять дней после опубликования декларации генерал М. В. Алексеев, активно боровшийся с революционным движением в армии, констатировал: «Развал внутренний достиг крайних пределов, дальше идти некуда. Войско стало грозным не врагу, а Отечеству»[45]. И реакционно настроенный главковерх был заменен на более либерального и популярного в войсках генерала А. А. Брусилова. Это была очередная попытка Временного правительства поднять свой авторитет в армии в преддверии намечавшегося наступления.

Возвращаясь к рассмотрению декларации, следует отметить, что после многочисленных попыток ее переработки в недрах поливановской комиссии она в итоге представляла собой слегка смягченный мартовский вариант «Постановления об общих правах солдат», составленного на основе «приказа № 1». Надеяться на какие-либо существенные изменения в тексте этого документа при очевидном бессилии Временного правительства не было никаких оснований. Проект был проведен через горнила официального государственного учреждения под натиском солдатской массы – членов солдатской секции Совета.

Через полтора месяца после выхода декларации пункты, направленные на ограничение солдатских прав, завоеванных

«с низов» в ходе революции, были подвергнуты беспощадной критике на Всероссийской конференции фронтовых и тыловых организаций РСДРП(б), состоявшейся в Петрограде 16–23 июня 1917 г. Принимая во внимание тот факт, что «главные пункты декларации не соответствуют интересам солдат и противоречат основным принципам демократизации армии», конференция признала, «что таковая декларация должна быть отменена и заменена другой декларацией широких прав солдата соответственно принципам демократии»[46].

Работа в Особой комиссии не могла не отразиться на репутации ее председателя. «Увы, как человек Поливанов оказался... достойным полнейшего презрения... Поливанов не только не сумел дать работе комиссии такое направление, при котором была бы в должной мере сохранена воинская дисциплина, но присоединил и свой голос к проекту, при осуществлении которого армия неминуемо превращалась в разнузданную, бесчинствующую толпу», – вспоминал бывший товарищ министра внутренних дел В. И. Гурко[47]. Поливанов – это генерал, «имя которого после возрождения нашей армии будет записано на позорную доску...», безжалостно констатировал бывший Верховный главнокомандующий М. В. Алексеев[48]. По словам А. М. Зайончковского, генерал Поливанов «поколебал к себе то уважение, которым он законно пользовался в рядах русской армии», после того как взялся за совместную работу с Гучковым, связав свое имя со всеми реформами этого неудачного министра[49]. Действительно, вряд ли найдется мемуарист из числа государственных и военных деятелей тех лет, который бы не попрекнул поливановскую комиссию и ее творчество.

Подводя черту под работой Особой комиссии, отметим, что к началу 1917 г. в условиях глубокого кризиса армия стала активным субъектом революционных событий. Этот фактор во многом заставил Временное правительство провести скорейшее всестороннее реформирование и приведение вооруженных сил к новому «демократическому облику». Именно поэтому поливановская комиссия родилась буквально сразу же после появившейся на свет новой власти.

По замыслу создателей Особая комиссия должна была выступать в роли мощного преобразовательного рычага в руках военного и морского министра. Ее главной целью было, оставив в неприкосновенности старые основы российских вооруженных сил,

приспособить их к новой революционной действительности. С другой стороны, предполагалось, что специальный орган будет выполнять функцию фильтра конъюнктурных политических интересов на пути проектов Петроградского Совета солдатских и рабочих депутатов, сыпавшихся как из рога изобилия в первые дни революционной свободы и порой доходящих до абсурда. Однако в ходе стремительного развития политической борьбы, вылившейся в фактическое двоевластие в стране, Гучков и его детище оказались между молотом и наковальней. Мало кто осознавал, что всевозможные заигрывания и уступки, на которые шла комиссия, будут неизбежно вызывать все новые и новые требования представителей Совета. Уже с апреля вопрос о доверии правительству сконцентрировался вокруг одного единственного вопроса – о мире. Солдатские массы были не удовлетворены достигнутым, их радикализация происходила с огромной быстротой и приобретала под влиянием политической агитации целенаправленный, классовый характер. В итоге, не добившись доверия солдат и матросов, Гучков и его представители в комиссии утратили доверие командного состава.

Очевидно, осознав всю утопичность идеи функционирования армии на демократических началах, первоначальный энтузиазм как у Гучкова, так и у Поливанова сменился пессимизмом, осознанием «какой-то полной безнадежности»[50]. Спустя всего несколько месяцев, продемонстрировав свою некомпетентность в деле военного строительства и законотворчества, военному и морскому министру ничего не оставалось, как сбежать со своего поста. Следы же поливановской комиссии теряются в мае–июне 1917 г. – очередной политический кризис власти размыл к ней всякий интерес.

---

[1] Первое официальное приглашение от военного министра на имя генерала А. А. Поливанова с просьбой об участии в «Особом совещании» в Мариинском дворце поступило 5 марта 1917 г. (РГВИА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 23. Л. 22).

[2] Биржевые Ведомости. 6 марта 1917 г. № 16121.

[3] Наумов А. Н. Из уцелевших воспоминаний 1868–1917. Нью-Йорк, 1955. Т. 2. С. 360.

[4] Шляпников А. Семнадцатый год. М., 1925. Кн. 2. С. 103.

[5] Известия Центрального Военно-промышленного комитета. 18 марта 1917. № 209.

[6] Приказы по военному ведомству. Пг., 1917. С. 104.

[7] Разведчик. 21 марта 1917. № 1376–1377. С. 182–183.

[8] Революция 1917 года (хроника событий). М.; Пг., 1923. Т. 1. С. 70.
[9] Разведчик. 7 марта 1917. № 1374–1375. С. 151.
[10] Александр Иванович Гучков рассказывает... М., 1993. С. 103.
[11] Стенографический отчет заседаний Всероссийского съезда Офицерских депутатов армии и флота в Петрограде. С 8 по 27 мая 1917 года. Пг., 1917. С. 274.
[12] Шляпников А. Указ. соч. С. 108.
[13] Мельгунов С. П. Мартовские дни 1917 года. М., 2016. С. 411.
[14] Лукомский А. С. Воспоминания генерала А. С. Лукомского. Берлин, 1922. Т. I. С. 148–149.
[15] Куропаткин А. Н. Дневник генерала А. Н. Куропаткина. М., 2010. С. 427.
[16] Преобразование армии // Вестник Временного правительства 1917. 11 (24) марта. № 6 (52).
[17] Минут В. Н. Под большевистским игом. В изгнании: Воспоминания. 1917–1922. М., 2016. С. 45.
[18] Половцов П. А. Дни затмения. Записки Главнокомандующего Войсками Петроградского Военного Округа. М., 1999. С. 39.
[19] Военная реформа А. И. Гучкова // Вестник Временного правительства. 1917 г. 9 (22) марта. № 4 (50).
[20] К преобразованию армии // Вестник Временного правительства. 1917. 6 (19) апреля. № 24 (70); Революция 1917 года. С. 137.
[21] Колоницкий Б. И. Красные против красных. К 90-летию окончания Гражданской войны в России // Нева. 2010. № 11. С. 146.
[22] Телеграмма генерала Алексеева военному министру от 24 марта 1917 года // Разложение армии в 1917 году. М.; Л., 1923. С. 34–35.
[23] Революция 1917 года. С. 92–93.
[24] Александр Иванович Гучков рассказывает... С. 104.
[25] Половцов П. А. Указ. соч. С. 51.
[26] Деникин А. И. Очерки Русской Смуты. Париж, 1921. Т. 1. Вып. 2. С. 47.
[27] Минут В. Н. Указ. соч. С. 48–49.
[28] Там же. С. 50.
[29] Кондзеровский П. К. В Ставке Верховного. Воспоминания дежурного генерала при Верховном главнокомандующем. Париж, 1967. С. 118.
[30] Преобразование армии // Разведчик. 12 мая 2017. № 1382. С. 279.
[31] Александр Иванович Гучков рассказывает... С. 104.
[32] Жилин А. П. Последнее наступление (июнь 1917 г.). М., 1983. С. 46.
[33] Деникин А. И. Указ. соч. С. 47.
[34] Александр Иванович Гучков рассказывает... С. 104–105.
[35] Там же.
[36] Родзянко М. В. Государственная Дума и Февральская 1917 года революция // Февральская революция. М.; Л., 1926. С. 60.
[37] Набоков В. Временное правительство (воспоминания). М., 1924. С. 72.
[38] Революция 1917 года (Хроника событий). М.; Пг., 1923. Т. 2. С. 93.
[39] Цит. по: Сенин А. С. Александр Иванович Гучков. М., 1996. С. 125.
[40] Прощание А. И. Гучкова // Искры. № 19. 2017. С. 147.
[41] Жилин А. П. Указ. соч. С. 47.
[42] Там же. С. 48.
[43] Приказы по военному ведомству. 1917. Пг., 1917. С. 267–273.
[44] См.: Керенский А. Ф. Декларация прав солдата. М., 1917. С. 1–6.

[45] Жилин А. П. Указ. соч. С. 49–50.
[46] Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 1: 1898–1917. М., 1983. С. 566–567.
[47] Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 663.
[48] Из дневника генерала М. В. Алексеева // Русский исторический архив. Сборник первый. Прага, 1927. С. 16, 55.
[49] Поливанов А. А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника 1907–1916 г. М., 1924. Т. 1. С. 14.
[50] Набоков В. Д. Временное правительство // Архив русской революции. М., 1991. Кн. 1. Т. 1. С. 40, 42.

О. А. Белозерова (Санкт-Петербург)

175 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ГЕНЕРАЛА КУРОПАТКИНА (ИЗ ДОКЛАДА 1915 г. ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ II О НЕОБХОДИМОСТИ ПЕРЕСМОТРА ГРАНИЦ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В РЕЗУЛЬТАТЕ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ)

В 2023 г. ОТМЕЧАЕТСЯ 175 ЛЕТ со дня рождения военного министра Российской империи генерал-адъютанта Алексея Николаевича Куропаткина (13 [25] марта 1848, г. Витебск – 16 января 1925, с. Шешурино)[1].

Пять лет назад, в 2018 г., в Российской Федерации впервые было широко отмечено его 170-летие. Однако на «малой» Родине А. Н. Куропаткина, в г. Торопце и в с. Шешурино, его имя не предавалось забвению. Благодаря работе сотрудников архивов, историков-краеведов, его учеников и благотворительных лиц, а также при неизменной поддержке Православной церкви, местной администрации, воинской части и библиотеки г. Торопца многие годы там проводились конференции и памятные митинги, а в 2018 г. при Комитете им. К. П. Победоносцева было создано «Общество памяти генерала А. Н. Куропаткина» и учреждена серебряная медаль «За верность Отечеству. Памяти генерала А. Н. Куропаткина».

Среди важных мероприятий, посвященных А. Н. Куропаткину в 2018 г., были первая выставка, подготовленная отделом рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ) при участии Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВиВС), презентация в РНБ первой коллективной монографии[2] и круглый стол, прошедший в Военно-исторической библиотеке Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации

(ИИНЦ-ВИБ ГШ ВС РФ) в Санкт-Петербурге[3] с участием центра Стратегических исследований, фонда «Университет», «Общества памяти генерала А. Н. Куропаткина» и др. Мероприятия были отражены в средствах массовой информации и ряде научных публикаций[4].

В силу проведенных научно-исторических мероприятий, а также благодаря общественной инициативе и частным пожертвованиям, в 2019 г. в г. Торопце был установлен первый памятник А. Н. Куропаткину (скульптор С. Воробьев, г. Челябинск). Появились новая монография А. Г. Шаваева[5] и научно-исследовательские статьи, многие из которых размещены в Научной электронной библиотеке[6]. Впервые были изданы воспоминания А. Н. Куропаткина[7], установлены неизвестные ранее даты и факты, связанные с его именем и деятельностью, что значительно расширяет наше представление о нем и его заслугах перед Российской империей. В настоящее время готовятся новые публикации и появляется все больше новых сведений об этом выдающемся государственном и военном деятеле и о событиях, в которых он принимал активное участие. Но, несмотря на это, стереотипы и мифы, созданные в XX в., все еще не уходят в прошлое.

Воспоминания А. Н. Куропаткина «70 лет моей жизни» и готовящийся к печати малоизученный источник, хранящийся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), «Границы России в результате войны 1914–1915 годов (Соображения к требованиям России при заключении мира)»[8] раскрывают генерала А. Н. Куропаткина как человека и геополитика и углубляют наши представления о его времени.

Остановимся более подробно на последнем и ниже приведем впервые публикуемое «Вступление» к этому докладу.

С началом Первой мировой войны (ПМВ) в дипломатических и военных кругах Российской империи приступили к проработке вопроса послевоенного переустройства границ, поскольку была не только надежда, но и уверенность в победе. Известно, что министр иностранных дел С. Д. Сазонов в августе–сентябре 1914 г. работал над проектом единых военных целей России, Франции и Британии, состоящем из 12 пунктов, который, однако, не был поддержан союзниками, где изложил общее видение европейских границ после победы Антанты. В Генеральном штабе также всесторонне занимались этим вопросом.

В деле послевоенного переустройства границ А. Н. Куропаткин был одним из наиболее сведущих военных и государственных деятелей в Российской империи. Важнейшим периодом в его становлении как военного теоретика и геополитика была многолетняя работа под руководством генерала Н. Н. Обручева по военно-стратегическому планированию.

Труд А. Н. Куропаткина «Границы России...» частично основывался, помимо других работ, на его «Всеподданейшем докладе Николаю II от 14 марта 1900 г.»[9], в котором он пришел к заключению, что первостепенным является поддержание долгосрочного и стабильного мира с соседними державами, в связи с чем, наряду с повышением обороноспособности и боеготовности русской армии, он делал акцент на дипломатическое посредничество. Тем не менее, в 1915 г., будучи уверенным в победе России и ее союзников в ПМВ, при подписании мира он считал, что Россия вправе получить границы, которые наиболее отвечают ее интересам с учетом требований ее союзников. В докладе также нашли отражение выводы, сделанные А. Н. Куропаткиным в его работе «Задачи Русской армии»[10] (1910). Этот доклад был обнаружен в 2004 г. в ГАРФ историком А. В. Ремневым[11], который опубликовал полный текст его «Заключения» и дал в примечании библиографическое описание, а также рассматривался в ряде научных статей последних лет[12].

А. В. Ремнев и его коллеги отмечали, что А. Н. Куропаткин долгие годы работал над стратегией укрепления могущества Российской империи и над формированием системы безопасности ее границ, при этом он был последовательным сторонником и идеологом концепции прекращения гонки вооружений[13], чей проект снижения расходов на военные цели в расширенном виде был обнародован в Гааге в 1899 г.[14]

В свете событий последних лет труд А. Н. Куропаткина «Границы России...»несомненно приобретает все большую военно-историческую важность, учитывая современные тенденции к «переписыванию» истории и актуальность в наши дни многих вопросов, рассмотренных в нем. Как можно судить из нижеприводимого текста «Вступления», аналитический подход А. Н. Куропаткина, его взгляды и выводы в 1915 г. немногим отличаются от современных. Уроки прошлого не были усвоены большинством европейских государств в полной мере. В наше время в его труде вместо «Германия» следовало

бы читать «Соединенные Штаты Америки». Геополитические концепции генерала Куропаткина были в значительной степени верным прогнозом событий, а также геополитических тенденций и борьбы государств за сферы влияния в XX и в начале XXI в.

Как отмечал А. Н. Куропаткин, ряд возможностей пересмотра границ для обеспечения безопасности России и установления долгосрочного мира с соседними государствами был не раз упущен в прошлом, и решение этого вопроса при подписании мирного договора после победы в Первой мировой войны явилось бы своевременным.

В подтверждение вышесказанного, далее полностью, без купюр, приводится впервые публикуемое вступление к данной работе А. Н. Куропаткина**.**

Границы России в результате Великой войны 1914–15 годов

Вступление

«Война, которую ныне ведут четыре великие и пять второстепенных держав Европы и одна великая держава Азии, по своим последствиям составит в истории народов не только Европы, но и всего мира грань, отделяющую старый порядок, определившийся в жизни человечества 19 века с новым, который начнется после этой войны.

В своих трудах будущие историки будут различные события в жизни народов и государств разделять рубрикой: события до великой войны 1914 – 15 г.г. и события после этой войны. Поэтому при оценке вероятных результатов войны 1914 – 15 г.г. для России необходимо, хотя бы в самых общих чертах, указать то положение, которое было занято к началу 20 века державами европейского материка относительно материков всего света.

В XIII столетии последняя волна монголо-татарских полчищ нахлынула на Европу, залила большую часть России и докатилась до равнин Венгрии, где и остановилась.

В XIV веке азиатские полчища турок, проникнув через Малую Азию на европейский материк, прочно утверждаются на нем и постепенно расширяют свои владения. Ими завоевывается весь Балканский полуостров и Венгрия. Только в 17 столетии турки остановлены уже под стенами Вены, после чего начинается

их обратное движение к азиатскому материку, не законченное и до сих пор.

Борьба, веденная в течение нескольких веков, главным образом, славянскими народами против монголов, татар и турок, окончилась победой над азиатами. Русское племя, перейдя в наступление, не только победило монголо-татар в пределах Европейской России, но завоевало всю пустынную северную Азию, среднеазиатские степи и ханства. На европейском материке, тоже главным образом усилиями русского племени, турки, многократно побежденные, сохранили за собой лишь небольшую часть Балканского полуострова.

Борьба славянских племен, во главе с русским племенем, против азиатов хотя и защитила от них Европу, но веденная в течение нескольких веков, ослабила славян и послужила причиной отсталости русского и других славянских племен в культурном отношении от других народностей Европы. Эти народности: романские, англосаксонские и германские, пользуясь безопасностью со стороны Азии, переходят в наступление из Европы против материков всего света и овладевают, без содействия славян, Америкой, Австралией, Африкой и обширными, многолюдными владениями в южной, богатой Азии, в Индии и Индо-Китае.

Широко черпая средства с материков всего мира, европейские государства быстро развиваются во всех отношениях. В особенности 19 век дает этим государствам такое развитие заводско-фабричной промышленности, что к концу 19 века для них является нужда в рынках всего света для сбыта излишка производимых ими фабричных изделий и для получения населением Европы произведений других стран, по преимуществу хлеба, сырья и колониальных товаров.

Свыше 60 % товарообмена всего мира еще находится в руках государств Европы, но на пути к дальнейшему росту товарообмена Европы уже стала Америка и собирается стать Азия. Прекращение спроса на фабрикаты, производимые европейской промышленностью, или прекращение подвоза для заводско-фабричных рабочих дешевого хлеба и сырья грозят полным расстройством всей сложной жизни наиболее промышленных государств Европы. Не только удержание в своих руках уже завоеванных рынков, но расширение их стало ныне для западноевропейских держав вопросом величайшей, жизненной важности.

В жизни современных государств интересы экономические ныне занимают первенствующее место. Для защиты их служат науки, искусства. Для защиты их содержатся огромные армии. Между тем, в положении внеевропейских рынков со второй половины 19 века начинают происходить существенные перемены, не завершившиеся и до сих пор.

Новый Свет, представляемый Североамериканскими штатами, а также азиатские государства – Япония и отчасти Китай, восприняв из Европы знания, воспользовавшись европейским опытом, вместе с усовершенствованными орудиями разрушения (ружья, пушки, мины, броненосцы) восприняли и быстро развивают у себя и орудия производства фабрикатов, ввозимых к ним из Европы. Быстрое развитие в Америке, Японии и отчасти в Китае железнодорожной сети, устройство портов, огромный рост торгового американского и японского флотов – все это знаменует начавшийся со второй половины 19 века поворот в делах всемирного рынка. Вооруженные плодами европейской культуры, в том числе и по военной части, народы других материков начинают давать отпор европейскому товару и европейскому штыку. Провозглашаются девизы: «Америка для американцев», «Азия для азиатов». За ними, вероятно, провозглашен будет девиз «Африка для африканцев». Америка уже достигла такого экономического роста, что ввоз и вывоз в Америку достигает 20 % товарообмена всего мира. Быстро прогрессирующая во всех отношениях Япония тоже в скором времени явится на берегах Тихого океана как соперница Англии. Огромной важности для Европы азиатскому рынку, особенно со стороны побережья Тихого океана, таким образом, несомненно, угрожает соперничество американцев и японцев, а в скором времени и китайцев.

Прорытие Панамского канала облегчает американцам эту борьбу. Вытеснение европейцев из Тихого океана составит потерю для Европы рынков на Тихоокеанском побережье (на обоих берегах Тихого океана) с населением около 700 миллионов душ.

Со стороны Америки существуют и другие угрозы: американцы начинают бороться против отпуска в Европу сырья, в том числе хлопка, и в то же время принимают ряд мер к ограничению переселенческого движения из Европы.

Принимая во внимание все вышеизложенное, можно признать, что наступательное движение европейских народов для овладения рынками всего света со второй половины 19 века уже

приостанавливается встречной волной просыпающихся народов Америки, Азии и даже Африки.

Можно предвидеть поэтому, что в XX веке европейским народам придется от наступления перейти к обороне занятых ими позиций на других материках. Особенно угрожаемы позиции, занятые Россией, Англией, Францией, Германией и Нидерландами в Азии. Только на азиатском материке в движении против Европы могут принять участие свыше 800 миллионов азиатов. То, что произошло на полях Маньчжурии в 1904 – 5 годах может рассматриваться только как авангардный бой.

Возможность потери европейских владений в Азии и на других материках, потери всемирных рынков составляет такую угрозу самым жизненным интересам Европы, что для отстранения этой опасности все европейские государства, забыв свои взаимные счеты, казалось бы, должны объединить свои усилия, чтобы дать отпор силам других материков, силам других рас.

Ежегодный прирост населения только четырех главнейших государств Европы, кроме России, составляет около двух миллионов душ. Этот прирост при создавшихся затруднениях для переселения избытка населения в Америку и ограниченной машинами потребности в рабочих для земледельческой деятельности находит занятие только при условии все увеличивающейся фабрично-заводской промышленности. Этим видом деятельности в некоторых государствах Европы – в Англии, Германии, Бельгии – занята половина и свыше всего населения.

Если Европа будет вытеснена с других материков, то ее ожидает колоссальный кризис. Непрерывно растущая социал-революционная партия придаст этому кризису на почве закрытия фабрик, увольнения миллионов рабочих, на почве голодания страшную, всеразрушающую силу.

Европа может успешно бороться против разрушительных социальных учений нового времени, только возможно полнее обеспечивая результаты труда своего населения, что достижимо только при сохранении господства на рынках Азии и Африки и, хотя в меньшей мере, Америки.

Каждое ослабление сил той или другой из европейских держав только увеличивает для Европы опасность потерять в XX веке то мировое положение, которое она ныне занимает.

Интересы американского населения так велики на Тихоокеанском побережье и так противны интересам европейцев

и японцев, что между Америкой, Японией, Китаем и европейскими государствами предстоит неминуемая борьба за тихоокеанские рынки.

Экономический рост Американских Штатов за последние 50 лет еще более поразителен, чем экономический рост за тот же период Германии. По исчислению американского министерства торговли, общая стоимость продуктов фабрично-заводской промышленности в Штатах в 1900 году составила сумму в 26 миллиардов рублей и превзошла общую стоимость таких же продуктов Англии, Германии и Франции, вместе взятых. В сельскохозяйственной деятельности, рост Штатов тоже грандиозен. Например: из Штатов было в 1907 году вывезено хлопка на 946 млн рублей и питательных продуктов на 648 млн. С прорытием Панамского канала товарообмен Америки с побережьями Тихого и Атлантического океанов облегчится.

Япония тоже уже вышла на путь быстрого экономического развития. Если приложить для нее масштабы роста Германии и Америки, то уже через 30 лет Япония будет оспаривать у Америки и Европы рынки Тихого океана.

Образование на Дальнем Востоке могущественной Японии, новой азиатской Англии, не отвечает интересам ни Европы, ни Америки.

Представлялось поэтому желательным, чтобы в начале XX века народы Европы не только заключили союз для совместных действий на азиатском и африканском материках, но и пришли к соглашению с Северо-Американскими Штатами для удержания в европейских и американских руках господствующего положения на Тихоокеанском побережье при сохранении за европейскими державами возможности пользоваться богатствами всей Америки – сырыми и обработанными.

В общем, это был бы союз народов белой расы против народов желтой расы и чернокожих. Деление на эти две группы близко отвечало бы и делению на две группы по религиозным верованиям. В одном лагере были бы христиане, численностью около 600 млн; в другом – 900 млн язычников.

Действительность не оправдала этих мечтаний. Государства Европы не только не сознали грозящей им опасности, но с начала XX века точно принимают усиленные меры к ее увеличению. В войне 1904 – 5 годов России с Японией европейские державы и Северо-Американские Штаты помогали Японии, снабжая

ее деньгами, оружием, а ныне идет на материке Европы еще невиданная с сотворения мира вооруженная борьба, которая неминуемо ослабит надолго Европу и даст ее противникам, прежде всего, на берегах Великого океана усилиться за счет Европы.

Соперничество отдельных государств Европы между собой за преобладание в военно-политическом отношении, в целях обеспечения экономического роста этих государств, оказалось более угрожавшим миру, чем общая опасность вытеснения Европы с рынков других материков.

Первой подняла меч Германия. Она главная виновница возникновения Великой войны. Тот или другой исход этой войны отразится таким решающим образом на судьбе всех воюющих держав и в том числе, прежде всего, Германии, что должны были существовать очень серьезные причины, побудившие Германию вызвать войну. Рассмотрение этих причин, хотя бы в самых общих чертах необходимо, в особенности потому, что они близко касаются положения, занятого последние 40 лет Германией по отношению к России» (конец «Вступления». – *О. Б.*).

Далее на 342 машинописных листах А. Н. Куропаткин подробно разбирал исторические события и те или иные концепции и обосновывал свою точку зрения в связи с пересмотром границ Российской империи в результате ПМВ. Как видно из «Вступления», основную угрозу он видел от европейских государств во главе с Германией и Соединенных Штатов Америки.

Вопросы обеспечения безопасности границ были также в центре внимания А. Н. Куропаткина на посту начальника Закаспийской области[15]. Широко были известны его позиция и проекты в должности военного министра по северной части Маньчжурии и по делимитации китайской границы[16] в целях сокращения ее протяженности (которые были обусловлены необходимостью обеспечения надежной охраны КВЖД, событиями, связанными с русско-японской войной и развернувшейся дискуссией по так называемой «желтой опасности»), а также по вопросам, связанным с Туркестаном[17].

Как было отмечено, в настоящее время появилось значительное число научных работ, с привлечением новых материалов, по темам, связанным с А. Н. Куропаткиным. В современных условиях историческая ретроспектива и прогнозы А. Н. Куропаткина приобретают особенный вес, несмотря на то что его рекомендации в докладе Николаю II «Границы России...» не были воплощены

в жизнь после ПМВ. Позиция и взгляды А. Н. Куропаткина были обусловлены военно-стратегическими целями и задачами обороны государства и установления прочного, долговременного мира. Они основывались на всестороннем глубоком анализе с заботой о судьбе России и населяющих ее народов. Его доклад «Границы России...» является важным военно-историческим источником. Многие выводы А. Н. Куропаткина, несомненно, оставались актуальными на протяжении XX века и представляют научно-исторический интерес сегодня.

---

[1] На основании метрической справки № 8719., хранящейся в Государственном архиве Псковской области (ГАПО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 477. Л. 22 – 22 об.; фотокопия также находится в Торопецкой ЦБС, Тверской области), день рождения А. Н. Куропаткина – *13 (25) марта 1848 г., г. Витебск* (ошибочно указывается с. Шешурино). По православной традиции А. Н. Куропаткин отмечал день своего Ангела Хранителя (день именин) *17 (30) марта* и указывал эту дату в официальных документах, как, например в послужном списке от 1 (13) января 1896 г. и в своей автобиографии от 25 февраля 1922 г. См.: Автобиография (С. 75–76) // Белозерова О. А. Генерал Куропаткин: к 170-летию со дня рождения // Россия на переломе: войны, революции, реформы. XX век: Сб. статей / Отв. ред. М. В. Ходяков; отв. сост. А. А. Иванов. СПб., 2018. С. 72–95). Также подтверждение этому находится в частной семейной переписке в фонде А. Н. Куропаткина (РГВИА). А. Н. Куропаткин был крещен 25 марта (6 апреля) 1848 г. в Витебской Иоанно-Богословской церкви, которая не сохранилась. Имение Шешурино было унаследовано им от его матери Александры Павловны Куропаткиной (ур. Арбузовой).

[2] Белозерова О. А. и др. Генерал Куропаткин – государственный и военный деятель Российской империи. К 170-летию со дня рождения: Коллективная монография / Под общ. ред. В. П. Сальникова. СПб., 2018.

[3] Видеозапись кру;глого стола 25 мая 2018. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=P7nmEX0KL38.

[4] См.: Белозерова О. А. Генерал Куропаткин о границах Российской империи после Первой мировой войны // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Девятой Международной научно-практической конференции. 15–17 мая 2019 г. СПб.: ВИМАИВиВС, 2019. Ч. I. С. 120–136. Сальников В. П., Белозерова О. А. Впервые в России было широко отмечено 170-летие со дня рождения генерала А. Н. Куропаткина (Краткий обзор приуроченных к дате событий и публикаций) // Юридическая наука: история и современность. 2019. № 4. С. 50–59.

[5] Шаваев А. Г. Куропаткин: Судьба оболганного генерала. М., 2019.

[6] См. статьи, опубликованные в журналах фонда «Университет» «Юридическая наука» (ЮН) и «Мир политики и социологии» (МПИС): Авилов Р. С. А. Н. Куропаткин и планы усиления войск на Дальнем Востоке в преддверии русско-японской войны в 1898–1903 гг. // ЮН. 2019. № 1; Аминов И. И. Семиреченский край (из дневника А. Н. Куропаткина и других источников) //

МПИС. 2019. № 4; Басханов М. К. 1) «Главный воин и стратег Средней Азии»: А. Н. Куропаткин в донесениях британских военных и дипломатических представителей // МПИС. 2018. № 5–6; 2) Гератский кризис 1885 г. и борьба идей вокруг стратегии упреждения в Средней Азии: Куропаткин против Магрегора // МПИС. 2018. № 12; Бахтурина А. Ю. А. Н. Куропаткин и Среднеазиатское восстание 1916 г. // ЮН. 2019. № 3; Белозерова О. А. Генерал Куропаткин во главе Маньчжурской армии в русско-японскую войну 1904–1905 гг. Двоевластие на театре военных действий // ЮН. 2017. № 9; Васильев А. Д. Кашгария. А. Н. Куропаткин и российская политика по отношению к Джетишаару в последней трети XIX в. // МПИС. 2018. № 5–6; Котюкова Т. В. А. Н. Куропаткин – последний Туркестанский генерал-губернатор // МПИС. 2018. № 2; Почекаев Р. Ю. А. Н. Куропаткин о российских протекторатах в Средней Азии // МПИС. 2018. № 12; и др.

[7] Куропаткин А. Н. Воспоминания «70 лет моей жизни» / Подг. Д. Ю. Логуновым: [в 3 т.]. М., 2020; 2022.

[8] ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 751 (в 2 ч.). Часть первая – «Границы с Пруссией и Австро-Венгрией» и часть вторая – «Границы с Турцией, Персией и Китаем» были представлены императору Николаю II 28 февраля и 6 марта 1915 г., общим объемом 342 машинописных листа с приложением карт.

[9] Всеподданнейший доклад военного министра Куропаткина А. Н. Николаю II. 14 марта 1900 г. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 445. См. также: Зайончковский П. А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий, М., 1973. С. 8; 25–27. В советской историографии военный историк П. А. Зайончковский одним из первых обратил внимание на важность этого Всеподданнейшего доклада А. Н. Куропаткина для изучения истории русской армии.

[10] Куропаткин А.Н. Задачи русской армии: [в 3 т.]. СПб., 1910.

[11] Ремнев А. В. Как обустроить Россию. Геополитические прогнозы бывшего министра Куропаткина // Родина. М., 2004. № 9. С. 32–34. См. также: Ремнев А. В. 1) Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск, 2004; 2) Двинуть Россию в Сибирь. Империя и русская колонизация второй половины XIX – начала XX в. // Ab imperio. 2003. № 3. С. 135–158; и др.

[12] Панченко А. А. Восточная Пруссия в геополитических проектах Российской империи в начале Первой мировой войны // Великая и забытая: материалы международной научно-практической конференции / Ред.-сост. К. А. Пахалюк. Калининград; Гусев, 2013. С. 68–72. Белозерова О. А. 1) Генерал Куропаткин о границах Российской империи после Первой мировой войны. С. 120–136; 2) А. Н. Куропаткин об «Армянском вопросе» // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Десятой Международной научно-практической конференции. 12–14 мая 2021 г. СПб.: ВИМАИВиВС, 2021. Ч. I. С. 162–182.

[13] См.: Ремнев А. В., Суворова Н. Г. Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX – начала XX века. Омск, 2013; Белоконь И. В. Политические идеи и военно-государственная деятельность А. Н. Куропаткина: дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2012.

[14] Николаев Н. Ю. А. Н. Куропаткин и Гаагская мирная конференция 1899 г. / Генерал Куропаткин – государственный и военный деятель Российской империи. К 170-летию со дня рождения... С. 48–70.

[15] Куропаткин А. Н. 1) Туркмения и туркмены. СПб., 1879; 2) Сведения о Персии и Афганистане. СПб., 1902.

[16] Служебная записка А. Н. Куропаткина Николаю II. 3 августа 1900 г. // РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 218; Куропаткин А. Н. 1) Записка по Маньчжурскому вопросу и о необходимости занять и присоединить к России северную часть Маньчжурии. Приложения и карты. 1903 г. // ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 182; 2) Русско-китайский вопрос. СПб., 1913. См. также: Белозерова О. А. Позиция и взгляды военного министра А. Н. Куропаткина в связи с решением Маньчжурского вопроса накануне русско-японской войны (1904–1905) / Генерал Куропаткин – государственный и военный деятель Российской империи. К 170-летию... С. 183–199.

[17] После 1917 г. А. Н. Куропаткин почти два года работал, находясь некоторое время даже под арестом в Великих Луках, над научным трудом «Население Семиреченской области, его деятельность, нужды и способы к их удовлетворению», законченным им в его имении Шешурино в 1918 г., который считал наиболее важным из последних своих работ, состоявшим из 9 глав с приложением и картой и выполненным им по первоисточникам, в том числе дневникам, которые он вел при посещении Семиречья в 1876, 1879, 1880 и 1916 гг. Поиски этого труда продолжаются. Частично эта работа была опубликована в виде статьи «Семиречье: из дневников А. Н. Куропаткина» в журнале «Военная мысль» (в сентябрьском выпуске, 1920 г.), издававшемся в Ташкенте. Первый раз А. Н. Куропаткин посетил Семиречье в чине поручика в 1870 г.; последний – в качестве туркестанского генерал-губернатора в разгар Среднеазиатского восстания 1916 г. В вышеупомянутом труде он преследовал две главные задачи: «1) примирить русское население в 300 тысяч душ с киргизами (1 млн душ) и 2) освободить трудовое русское и киргизское население от кабалы со стороны многочисленных хищников, ставших между производителями и потребителями».

Упомянем следующие малоизвестные, не введенные в научный оборот работы А. Н. Куропаткина, где его знания и опыт применены к древним городам России. Это «История вольных городов Великого Новгорода и Пскова». Учебное пособие для учительского персонала школ I ступени: 12 глав, 25 печатных листов (закончено в начале 1920 г. и отослано генералом в Псковский губернский отдел народного образования) и «Очерк экономического быта вольных городов Великого Новгорода и Пскова». Статья была напечатана в 1920 г. в июньском (шестом) выпуске журнала «Новая жизнь», издававшемся в Пскове, и передана в Петроград в Центральный географический музей, при котором генерал состоял ученым корреспондентом.

В. Н. Бенда (Санкт-Петербург)

НЕКОТОРЫЕ УТОЧНЕНИЯ И ПОЯСНЕНИЯ К ВОПРОСУ О ЗАРОЖДЕНИИ И РАЗВИТИИ СИСТЕМЫ ПОДГОТОВКИ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ АРТИЛЛЕРИЙСКИХ КАДРОВ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

ЗА ТРИСТА С ЛИШНИМ ЛЕТ своего существования отечественная военная школа включала в себя военно-учебные заведения разных типов и наименований. Например, основанные и действовавшие в XVIII столетии военно-специальные учебные заведения именовались, как правило, «школами», «академиями», «кадетскими корпусами». Они служили предметом как отдельных исследований о каждом из них, с освещением их повседневной жизнедеятельности и развития[1], так и обобщающих трудов о военно-учебных заведениях во всей их совокупности[2]. Многие их этих капитальных трудов[3] стали основой для последующих исследований в области становления и развития военной школы России.

Следует заметить, что отдельные работы, содержащие расположенную в хронологическом порядке общую информацию о военно-учебных заведениях, действовавших в дореволюционный период, в своей основе, как правило, содержат фрагментарные данные из ранее опубликованных работ, но дополнены многими материалами и документами, извлеченными из различного рода архивных и иных источников.

В некоторых ранее опубликованных работах мы анализировали отдельные аспекты зарождения и развития военной школы России в рассматриваемый период, в том числе вопросы подготовки артиллерийских и инженерных кадров в первой половине XVIII в.[4] Полагаем, что дальнейший анализ малоизученных

архивных и других источников по отмеченной теме позволит существенно дополнить и конкретизировать уже имеющуюся информацию о зарождении и развитии системы подготовки артиллерийских и инженерных кадров.

Приведем один из таких примеров. В одной из ранее опубликованных работ[5] мы высказали предположение о том, что первые сведения о начале подготовки в Санкт-Петербурге кадров для артиллерии относятся к периоду с 1704 по 1709 г. Однако дальнейшее изучение архивных источников позволило уточнить имеющуюся информацию. В изученном нами архивном источнике, озаглавленном как «Экстракт на каком основании артиллерийские школы учреждены»[6], указано, что информация, содержащаяся в послужных списках некоторой части унтер-офицерского и офицерского состава артиллерии, дает основание полагать, что уже в 1706 г. и в последующие годы «...была артиллерийская школа в Санкт-Петербургском гарнизоне и в нее присланы были из математической (Московская школа математико-навигацких наук, основанная в январе 1701 г. – *В. Б.*) и инженерной школы (Московская артиллерийско-инженерная школа, основанная также в январе 1701 г. – *В. Б.*) в артиллерию ученики дворяне и не именованные и с каких»[7]. По нашему мнению, смысл этой фразы следует понимать таким образом, что в Санкт-Петербургский артиллерийский гарнизон для практического обучения артиллерийскому делу и завершения обучения направлялись ученики двух вышеуказанных школ, которые получили первичную (начальную, теоретическую) подготовку в области артиллерийского дела. Информация, содержащаяся в архивных документах, показывает, что первыми учениками в Санкт-Петербургском артиллерийском гарнизоне были Б. Воеков, В. Кашкаров, М. Половинкин, братья П. и А. Кобяковы, С. Кошелев, В. Васильев, Г. Ушаков и др.[8] По всей видимости, кроме них для получения как раз первичной подготовки в плане обслуживания и боевого применения артиллерии в артиллерийский гарнизон зачислялись и другие ученики разного социального происхождения, о которых сказано, что они «неименованные и с каких».

Конечно же, уверенно можно полагать, что в 1706 г. никакой «артиллерийской школы» в Санкт-Петербурге в полном смысле этого слова не было. В роли учителей или наставников в такой «школе» выступали артиллерийские офицеры, к которым для индивидуального обучения прикреплялись как указанные выше

ученики, так и другие. Под их началом ученики проходили курс обучения только в области артиллерийского дела[9]. К сожалению, каким образом или в какой форме завершалось в указанное время обучение учеников в Санкт-Петербургском артиллерийском гарнизоне, нам установить не удалось. Во всяком случае, согласно установившейся тогдашней практике по завершению своего обучения ученики проходили какие-то испытания или сдавали экзамен на знание основ артиллерийского дела и по результатам этих испытаний зачислялись в строевые артиллерийские подразделения для дальнейшего прохождения службы в тех или иных чинах.

В одной из ранее опубликованных работ[10] мы провели краткий историографический анализ проблем, связанных с учреждением в первой половине XVIII в. военно-специальных артиллерийских и инженерных школ, в том числе и в Санкт-Петербурге, который показал, что в военно-исторической литературе присутствуют противоречия и неточности и некий разброс мнений, касающихся развития системы подготовки артиллерийских и инженерных кадров в указанный период.

Например, в некоторых трудах указывается, что в 1712 г. при артиллерийском полку, которым командовал генерал-майор И. Гинтер, была учреждена школа, в которой «...обучали арифметике, геометрии, тригонометрии, черчению, фортификации и артиллерии»[11]. Напомним, что Иван (Иоган) Яковлевич Гинтер – уроженец г. Данцига (ныне г. Гданьск), нанят Петром I на русскую службу в Голландии в 1698 г. в качестве бомбардира и огнестрельного мастера. В 1706 г. после смерти в Вильно первого командира артиллерийского полка полковника Ягана Гошки был назначен командиром этого полка[12].

Е. Г. Сидоренко в своей работе сообщает, что обер-комиссар Приказа артиллерии Е. П. Зыбин 10 апреля 1712 г. в донесении на имя генерал-фельдцейхмейстера Я. В. Брюса докладывал о том, что «...генерал-майор Гинтер, командир артиллерийского полка, взял из школы всех дворянских учеников и отправил в Санкт-Петербург»[13]. Н. Н. Мельницкой пишет о том, что в соответствии с указами Петра I Правительствующему Сенату (ПС) повелевалось дать генерал-майору артиллерии Гинтеру «...20 молодых дворян в артиллерийскую науку с тем чтобы он... в пушкари на убылыя места принимал в службу охочих людей»[14]. Ф. В. Греков никак не упоминает о Московской артиллерийско-инженерной

школе, учрежденной в 1701 г., и пишет, что «...кроме существовавшей уже при бомбардирской роте (имеется в виду артиллерийская школа. – *В. Б.*), в 1712 г. учреждена была школа при артиллерийском полку»[15].

Н. Л. Ломан в своей работе сообщает, что ПС в соответствии с указами Петра I предписывалось «...набрать 20 молодых дворян и отдать их генерал-майору артиллерии Гинтеру в артиллерийскую науку». Далее он выдвигает предположение о том, что раз Гинтер на момент описываемых событий был командиром сформированного первого артиллерийского полка, то «...при нем и была учреждена эта школа»[16]. Обратим внимание, что Н. Л. Ломан только выдвинул предположение о возможном наличии при артиллерийском полку какой-то школы. Попутно заметим, что он допустил досадную ошибку, сообщая о том, что якобы четырнадцать учеников из школы при артиллерийском полку под командованием И. Гинтера в 1721 г. по решению главного артиллерийского органа управления от 18 августа 1721 г. были отправлены в Санкт-Петербургский гарнизон к ***«артиллерии-капитану Витверу*** для обучения огнестрельным делам, надлежащим до воинских случаев и до потешных фейерверков, сухопутных и водяных»[17].

Матвей Матвеевич Витвер в 1721 г. никак не мог быть капитаном. В частности, в «Повседневных записках делам князя А. Д. Меншикова 1716–1720, 1726–1727 гг.»[18] сообщается, что 21 июля 1716 г. А. Д. Меншиков «... изволил заезжать к ***маеору Витверу»***. 6 сентября 1716 г. А. Д. Меншиков «...купно з генералом-маеором Чернышовым прибыл в дом свой, на Васильевской остров, куда в скором времяни прибыл Аврам Федорович Лопухин. И по довольных розговорех купно отъехали ***к маеору от артилерии Витверу»***[19]. 23 июля 1719 г. в Военную коллегию поступило донесение начальника Санкт-Петербургской артиллерийской лаборатории ***подполковника М. Витвера***[20]. Более того, в октябре 1721 г. М. Витвер в служебных документах, имеющих отношение к артиллерии, именуется уже ***полковником***[21].

Неприятные ошибки в своих работах допускают и некоторые современные исследователи истории артиллерийского дела. Например, Е. А. Наймарк, освещая вопросы подготовки фейерверков артиллерийскими служащими в первой половине XVIII в., пишет, что наряду с генерал-фельдцейхмейстером Я. В. Брюсом, являвшимся главным начальником

артиллерийского и инженерного корпусов с 1704 г., «наиболее известен по документации другой главный артиллерийский начальник первой половины XVIII века – ***И. Я. Гюнтер.*** Наиболее активные и успешные служащие, проектировавшие также фейерверки, делали карьеру. ***М. М. Витвер дослужился до подполковника, И. Я. Гюнтер*** получил звание генерал-фельдцейхмейстера»[22]. К сведению уважаемой Елены Александровны Наймарк, правильное написание фамилии третьего генерал-фельдцейхмейстера – Иван Яковлевич Гинтер, а не «Гюнтер». «Генерал-фельдцейхмейстер» – это не звание, которое «получают», а должность главного начальника русской артиллерии и инженерных войск, на которую назначались указами императоров и императриц. Что касается М. М. Витвера, то, как видно из вышеизложенного материала, относящегося к его чинам (воинское звание. – *В. Б.*), Матвей Матвеевич дослужился не только до чина полковника артиллерии, но и в 1727 г. ему был присвоен чин «инженер-генерал-майора»[23].

Продолжая дальнейшее раскрытие заявленной темы, целесообразно предпринять попытку найти аргументированный ответ на вопрос: была ли на самом деле организована при артиллерийском полку генерала И. Гинтера какая-либо артиллерийская школа? Некоторые факты и аргументы, подчеркнутые нами в ходе исследования архивных источников, позволяют нам дать на него ответ.

Во-первых, если рассматривать штат первого артиллерийского полка, которым командовал генерал-майор артиллерии И. Гинтер, который был утвержден лично Петром I в Сенате 8 февраля 1712 г.[24], то в нем не было предусмотрено должностей школьников или учителей. В «Ведомости сколько по табелю 1710 и 1712 годов полагалось при артиллерии чинов и служителей»[25] упоминается только артиллерийская школа в Москве, в которой по штату полагалось содержать 2 учителей и 80 школьников.

Во-вторых, в «Ведомости сколько по сочиненному в 1723 году аншталту полагалось при артиллерии чинов и служителей»[26] опять же не упоминается ни о какой школе при артиллерийском полку. Более того, в другом архивном источнике, датированным 1726 г. и озаглавленном «О школах артиллерийских, которым надлежит быть при артиллерии для обучения шляхетских и других разных чинов, и артиллерийских служителей детей, принадлежащих ко артиллерии...»[27] упоминается только две

школы: в Санкт-Петербурге «под ведением обер-фейерверкмейстера» (при артиллерийской лаборатории. – *В. Б.*) с одним учителем и 60 учениками[28] и в Москве «под ведением артиллерийской конторы», в которой согласно штата полагалось содержать четырех учителей и 100 учеников[29].

В-третьих, ни о каком направлении молодых дворян якобы в школу при артиллерийском полку речи не велось. Архивные источники позволяют нам предполагать то, что командир полка обратился с ходатайством на имя Петра I, в котором сообщалось, что «...он имеет нужду при артиллерии в унтер-офицерах. Для того отдать ему для учения из молодых дворян человек 20 кроме тех, которых велено выслать в Ригу»[30]. Из этого видно, что Гинтер ходатайствовал перед царем о доукомплектовании его полка унтер-офицерским составом. О необходимости доукомплектования в 1712 г. артиллерийского полка генерал-майора Гинтера «...артиллеристами и артиллерийскими припасами для его отправки по требованию фельдмаршала Б. П. Шереметьева в г. Киев и Стародуб» указывается и в других архивных источниках[31].

В этом же обращении на имя царя Гинтер докладывал, что «...многие охотники приходят и бьют челом в пушкари из своей воли для того... в оклад на положенной табели принимать велеть ему»[32].

27 марта 1712 г. согласно Указу Петра I Сенат приказал «...в службу при артиллерии в унтер-офицеры 20 человек отослать из недорослей которые ныне в ученьи у подполковника Григорова для посылки к генерал-майору артиллерии Гинтеру... Также из охотников, кои бьют челом в пушкари из своей воли на упалые места (свободные, вакантные. – *В. Б.*) принимать ему велено... А кои записываться будут в пушкари с воли о тех в Сенат рапортовать»[33].

По всей видимости, в ходе обучения на прежнем месте «у подполковника Григорова» молодые дворяне не прошли полный курс или не завершили свое обучение, после которого они могли бы быть произведены в унтер-офицерские чины артиллерии. Этот курс обучения, в первую очередь его практическая часть, должен был быть завершен дворянскими недорослями уже в артиллерийском полку генерал-майора И. Гинтера, после чего им присваивался унтер-офицерский чин (сержант, фурьер, капрал. – *В. Б.*) и они занимали вакантные унтер-офицерские должности в этом полку.

Мы полагаем, что ни о какой артиллерийской школе в полку под командованием И. Я. Гинтера речь вести нельзя. Возможно, что некоторых исследователей к мысли о том, что в этом артиллерийском полку могла быть образована артиллерийская школа, подталкивала фраза из Указа Сената генерал-фельдцейхмейстеру Я. В. Брюсу: «по именному его величества указу велено в артиллерию отдать генерал-майору Гинтеру для учения из молодых дворян человек 20»[34]. Это то же самое, что нельзя говорить ни о какой вышеупомянутой артиллерийской школе в Санкт-Петербургском артиллерийском гарнизоне, в который направлялись для завершения обучения ученики, прошедшие начальную подготовку в московских школах.

Заметим, что в то время молодых дворянских недорослей для прохождения службы отправляли и в другие места, как, например, это произошло в 1711 г., когда Сенат принял решение о высылке дворян из губерний «...на службу в Белгород в полк князя Михаила Григорьевича Ромодановского и дворянских недорослей в Москву»[35].

Если проследить хронологию создания в начале XVIII в. и развития в последующем системы подготовки артиллерийских кадров для русской армии, то следует напомнить о том, что в соответствии с именным Указом Петра I от 10 января 1701 г. было принято решение о строительстве на пушечном дворе в Москве школы для обучения пушкарских детей и детей других чиновников «...словесной и письменной грамоте, цифири и иной инженерной науке»[36]. В 1701 г. к обучению в школах приступило 180 детей, в 1702 г. в школьном штате числилось 3 учителя и 270 учеников. В 1703 г. их уже было порядка 300 человек. Среди учителей был инженер Адлер, который обучал пушкарских детей геометрии[37]. В 1705 г. Петр I своим именным указом распорядился из числа учеников артиллерийско-инженерной школы направить «...в артиллерию в сержанты... которые учатся в геометрии и фортификации 20 человек»[38]. В 1707 г. обучением артиллерийских учеников занимались инженеры Гран и Шпарейтер. С 1711 г. школа стала комплектоваться учениками из числа дворянских детей и учащимися, присланными из морской академии.

Что касается вопросов дальнейшего развития системы подготовки артиллерийских кадров в Санкт-Петербурге в конце первой четверти XVIII столетия, о зарождении которой мы говорили выше, то эти проблемы нами детально анализировались в ранее

опубликованных работах[39]. Лишь напомним о том, что в 1721 г. по именному указу Петра I велено было в Санкт-Петербурге построить специальный дом для артиллерийской лаборатории[40], на строительство которого и на закупку инструментов и припасов для лаборатории было затрачено 6200 р. 87 к.[41]. Этим указом предписывалось для обучения артиллерийскому искусству набрать в лабораторию 15 учеников, которых подполковнику Витверу следовало обучать «...всем огнестрельным вещам и размеру артиллерии с лафетами и прочим артиллерийским чертежам... как из пушек метание бомб и других снарядов»[42]. Было определено, что за каждого ученика, прошедшего полный курс обучения, подполковнику М. М. Витверу полагалось вознаграждение в размере 50 р., а если кто-то из учеников не смог обучиться рисованию и черчению, то за такого ученика Витвер получал только 35 р. В указе также было сказано, что «...если артиллерийские офицеры захотят от него обучаться арифметике, геометрии и тригонометрии и им зато от себя платить по науке от 25 до 30 р.»[43].

Генерал-фельдцейхмейстером Я. В. Брюсом было дано «Объявление чему в лаборатории обучать учеников подполковнику господину Витверу»[44]. В частности, следовало обучать основам артиллерии, «...потом размещению пушек, мортиров, гаубиц, лафетов и колес, и других орудий, и прочего, что к артиллерии принадлежит и рисованию оных... кононирской и бомбардирской экзерциции... стрелянию из пушек в цель, и скорострельной стрельбы, ракетным составам и оные делать...»[45].

В конце декабря 1722 г. император своим указом в главный орган управления артиллерией определил программы обучения школьников в артиллерийских школах, существовавших на тот момент. В частности, в Московской артиллерийской школе следовало обучать «...словесной и письменной, арифметике, геометрии, тригонометрии»[46]. Согласно указу Петра Великого, в Московской школе необходимо было постоянно содержать «100 человек с окладами денежного жалования, в том числе в словесной и письменной – 40 человек по 45 к., в арифметической – 30 по 100 к., в геометрии и тригонометрии – 30 по 150 к. на месяц человеку». Преподавательский состав школы включал одного учителя «арифметики, геометрии и тригонометрии» с окладом годового жалования в 60 р., его помощника с годовым окладом в 36 р. и еще одного учителя «словесной и письменной наукам» с окладом в 36 р.

По окончании курса обучения геометрии и тригонометрии в Московской школе для дальнейшего изучения артиллерийского дела и других наук, имеющих отношение к артиллерии, учеников из этой школы следовало «...со временем или когда по нужде будет посылать в Санкт-Петербург в арифметическую школу»[47].

Соответственно в Санкт-Петербургской артиллерийской школе следовало постоянно содержать «50 человек с окладами жалования по 2 р. на месяц человеку, дабы ревностно обучались и к произвождению себя побуждали», и обучать их «чертежам артиллерийским и фейерверкам, и всякому лабораторному делу»[48].

В 1728 г. по указу Военной коллегии было определено, что пушкарские дети (дети различного рода артиллерийских служащих. – *В. Б.*) должны были обучаться в гарнизонных школах вместе с солдатскими детьми. Но их содержание в этих школах должно было производиться за счет средств, выделяемых на содержание артиллерии. Артиллерийские подразделения испытывали проблемы с комплектованием рядовым составом и различного рода специалистами, необходимыми для обслуживания и ремонта материальной части артиллерии. Для разрешения этой проблемы в 1729 г. органами военного управления было принято решение о создании в Санкт-Петербурге военно-специальной школы для обучения «...детей артиллерийских служителей человек и обучать их наукам, словесной грамоте и выше даже до артиллерии». Предписывалось обучать в этой школе до 60 человек[49].

Обратим внимание, что с этого момента в Санкт-Петербурге стали функционировать две артиллерийские школы: одна при артиллерийской лаборатории, а другая «...для обучения артиллерийских служителей малолетних детей на 60 человек»[50].

В 1735 г. эти две школы были объедены в одно военно-специальное учебное заведение под названием «Санкт-Петербургская артиллерийская школа»[51], состоящее из двух отделений. В одном из отделений, получивших наименование «чертежная школа», следовало содержать «на жаловании... в арифметической по 12 р., в геометрии и тригонометрии по 18 р., в чертежной артиллерийской и фортификации по 24 р. на год»[52] 30 человек, которые после окончания обучения производились в унтерофицерские чины. Программа обучения учеников этой школы включала изучение таких дисциплин как основания артиллерии, составление артиллерийских чертежей, рисование,

геометрия, тригонометрия и геодезия, лабораторное искусство и ряд других предметов[53]. В другом отделении, именовавшемся «артиллерийская школа для пушкарских детей», рассчитанном на обучение 60 человек, которые в период обучения содержались «на пище», т. е. жалования не получали, а лишь обеспечивались пропитанием, одеждой и обувью. Так, например, для закупки в школу продовольственных припасов и соли на четыре месяца выделялось 51 р., а на пропитание одного человека в месяц выделялось не более 20 к.[54].

В завершение отметим, что выпускников так называемой Санкт-Петербургской чертежной школы не хватало для полного укомплектования артиллерийского корпуса унтер- и обер-офицерским составом. Для того чтобы укомплектовать свободные унтер- и обер-офицерские вакансии в артиллерийском корпусе Государственной Военной коллегией в августе 1749 г. было принято решение «...содержать в Москве при артиллерийской школе из шляхетства и офицерских детей против того как в Санкт-Петербургской артиллерийской школе (чертежной школе. – *В. Б.*) по штату назначено 30 человек и оным жалование производит по усмотрению прилежности наукам – 10 по 18, 10 – по 15, 10 по 12 р. в год. Давать им мундир, так как в СПб оный школьникам дается ...»[55]. Вопрос организации функционирования этой школы нами рассмотрен в ранее опубликованной работе[56].

В мае 1758 г. по решению генерал-фельдцейхмейстера П. И. Шувалова Санкт-Петербургские артиллерийская и инженерная школы были объединены в одно военно-учебное заведение, получившее наименование Объединенная (в некоторых источниках «соединенная». – *В. Б.*) артиллерийская и инженерная шляхетская (дворянская) школа. В октябре этого же года П. И. Шувалов принял решение о переводе Московской артиллерийской школы в Петербург и соединении ее с Объединенной артиллерийской и инженерной шляхетской (дворянской) школой.

---

[1] Глебов П. Н. Артиллерийская школа в царствование императрицы Анны Иоанновны 1730–1740 // Артиллерийский журнал. 1862. № 11. С. 620–643; Ломан Н. Л. Историческое обозрение 2–го кадетского корпуса. СПб.: Тип-я Тов-ва «Обществ. Польза», 1862. 201 с.; Кирпичев Л. Л. Артиллерийское образование в России до 1820 г. / Исторический очерк образования и развития Артиллерийского училища 1820–1870. СПб.: Тип. Второе отделение собственной

Его Императорского Величества канцелярии,1870. 405 с.; Денисьевский М. М. Специальная школа «инженерная и артиллерийская» // Инженерный журнал. 1904. № 6–7. С. 1013–1040; Жервэ Н. П., Строев В. Н. Исторический очерк 2-го кадетского корпуса 1712–1912 гг. В 2-х т. СПб.: Тип-я Тренке и Фюсно, 1912. 647 с.; Парибок П. М. Первая русская пушкарская школа // Советская педагогика. 1943. № 5–6. С. 43–45; Антонов А. Н. Первый кадетский корпус. Краткие исторические сведения. Изд. 2-е. СПб: Скоропечатная Рашкова, 1906. 56 с.

[2] Глебов П. Н. Известия о первых военных школах, учрежденных в царствование Петра Великого // Отечественные записки. 1846. № 44. С. 101–105; Лалаев М. С. Исторический очерк военно-учебных заведений, подведомственных Главному их управлению. От основания в России военных школ до исхода первого двадцатипятилетнего благополучного царствования государя императора Александра Николаевича 1700–1880. Ч. 1–2. СПб.: типография М. М. Стасюлевича, 1880–1892. 465 с.; Греков Ф. В. Краткий исторический очерк военно-учебных заведений.1700–1910 гг. М.: Тип-я Вильде, 1910. 192 с.; Бескровный Л. Г. Военные школы в России в первой половине XVIII века // Исторические записки. 1953. Т. 42. Б. м.: Б. и. С. 285–300; Каменев А. И. История подготовки офицерских кадров в России. М.: ВПА им. Ленина, 1990. 195 с.; Крылов В. М. Кадетские корпуса и российские кадеты. СПб.: Издание ВИМАИВиВС, 1998. 672 с.; Аурова Н. Н. Система военного образования в России: кадетские корпуса во второй половине XVIII – первой половине XIX века. М.: ИРИ РАН, 2003. 274 с.

[3] Мельницкой Н. Н. Сборник сведений о военно-учебных заведениях в России (Сухопутного ведомства) Т. 1–4. СПб.: Тип. Глав. штаба Е. И. В. по воен.-учеб. заведениям, 1857–1860; Ломан Н. Л. Историческое обозрение 2–го кадетского корпуса; Лалаев М. С. Исторический очерк военно-учебных заведений, подведомственных Главному их управлению.

[4] Бенда В. Н. 1) К вопросу о деятельности инженерно-артиллерийской школы при бомбардирской роте Преображенского полка // КЛИО. Журнал для ученых. 2004. № 1 (24). С. 177–182; 2) Создание и развитие системы военно-учебных заведений, готовивших артиллеристов в конце XVII – первой половине XVIII в. // Бомбардир. Военно-историческое приложение к информационно-публицистическому журналу «Вооружение. Политика. Конверсия». 2007. № 17.С. 56–63; 3) Создание и деятельность Московской инженерной школы в начале XVIII в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. Выпуск 2. 2008. С. 29–35; 4) Создание и развитие системы подготовки военных кадров в России в конце XVII – первой половине XVIII в. Монография. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2008. 206 с.; 5) Первые Российские артиллерийские и инженерные школы в конце XVII – первой четверти XVIII века // Военно-исторический журнал. 2009. № 9. С. 23–28; 6) Деятельность военно-специальных учебных заведений по подготовке артиллерийских и инженерных кадров в XVIII веке: монография. СПб.: ГУАП, 2009. 158 с.; 7) Артиллерийская школа при Санкт-Петербургском лабораторном доме (1721–1730 гг.) // Общественные науки. Всероссийский научный журнал. 2012, № 5. С. 190–195; 8) К вопросу о зарождении военно-инженерного образования в России в начале XVIII в. // КЛИО. Журнал для ученых. № 6 (90). 2014. С. 111–117; 9) Спорные вопросы в отечественной историографии, касающиеся зарождения и развития системы подготовки артиллерийских кадров в Санкт-Петербурге в первой половине XVIII в. // Человек и общество. 2016. № 1. С.10–25 и др.

[5] Бенда В. Н. Первые Российские артиллерийские и инженерные школы в конце XVII – первой четверти XVIII века // Военно-исторический журнал. 2009. № 9. С. 26.
[6] Научный архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (далее – Архив ВИМАИВиВС). Ф. 2. Оп. Арсенальная. Д. 783. Л. 1–48.
[7] Там же. Л. 46 об.
[8] Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 40. Л. 907, 907 об.; Д. 230. Л. 24 об., 26 об., 27, 33, 39.
[9] Там же. Л. 907.
[10] Бенда В. Н. Спорные вопросы в отечественной историографии, касающиеся зарождения и развития системы подготовки артиллерийских кадров в Санкт-Петербурге в первой половине XVIII в. С. 10–25.
[11] Столетие военного министерства. 1802–1902. Главное управление военно-учебных заведений. Исторический очерк. Книга 1. СПб.: Тип. М. О. Вольф, 1902. С.10.
[12] Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 32. Л. 577, 618.
[13] Сидоренко Е. Г. Первая артиллерийско-инженерная школа в России // Сборник материалов и исследований Артиллерийского исторического музея. Вып. III. Л.: Издание Артиллерийского исторического музея, 1958. С. 86.
[14] Мельницкой Н. Н. Сборник сведений о военно-учебных заведениях в России (Сухопутного ведомства). С. 3.
[15] Греков Ф. В. Краткий исторический очерк военно-учебных заведений. С. 9.
[16] Ломан Н. Л. Историческое обозрение 2–го кадетского корпуса. С. 7.
[17] Там же. С. 7–8.
[18] Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М., 2000. [Т.] X: Повседневные записки делам князя А. Д. Меншикова 1716–1720, 1726–1727 гг. С. 55–56.
[19] Там же. С. 66.
[20] Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 253. Л. 327.
[21] Данков М. Ю. Загадочная «фортеция» на Онежском озере и чертеж М. Витвера первой четверти XVIII века // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Четвертой Международной научно-практической конференции: В 4 частях. СПб.: ВИМАИВиВС, 2013. Ч. 2. С. 7.
[22] Наймарк Е. А. Подготовка фейерверков служащими артиллерийского ведомства Санкт-Петербурга в первой половине XVIII века // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2009. № 8. С. 43.
[23] Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. С. 612.
[24] Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 148. Л. 4–17 об.
[25] Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 23. Оп. 121. Д. 506. Л. 1–2.
[26] РГВИА. Ф. 23. Оп. 21. Д. 506. Л. 4–6.
[27] Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. Сборная. Д. 3363. Л. 32–75.
[28] Там же. Л. 72 об. – 73 об.
[29] Там же. Л. 74–75.
[30] Там же. Оп. Арсенальная. Д. 783. Л. 2.
[31] Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 248 (Сенат и его учреждения). Оп. 7. Кн. 372. Л. 191, 192–196 об.
[32] Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. Арсенальная. Д. 783. Л. 2.

[33] Там же. Л. 46 об.
[34] Там же.
[35] РГАДА. Ф. 248. Оп. 1. Кн. 1. Л. 28–29, 280–281, 301–303, 444–445.
[36] Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. Арсенальная. Д. 783. Л. 46.
[37] Там же.
[38] Там же.
[39] Бенда В. Н. Артиллерийская школа при Санкт-Петербургском лабораторном доме. С. 190–195; Бенда В. Н., Похилюк А. В., Левашко В. О., Никифоров А. Л., Травкин С. Н. Основание и деятельность артиллерийской школы в Санкт-Петербурге (1717–1725) // Вопросы истории. 2022. № 2–1. С. 121–133.
[40] Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. Сборная. Д. 3363. Л. 51.
[41] Там же. Л. 58.
[42] Там же. Оп. Арсенальная. Д. 783. Л. 47.
[43] Там же.
[44] Там же. Л. 7–8.
[45] Там же. Л. 7.
[46] Там же. Л. 9.
[47] Там же. Л. 9 – 9 об.
[48] Там же. Л. 9 об.
[49] Там же. Л. 47 об.
[50] Там же. Л. 16.
[51] Бенда В. Н. Спорные вопросы в отечественной историографии... С. 25.
[52] Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. Арсенальная. Д. 783. Л. 21.
[53] Там же. Л. 22–22 об.
[54] Там же. Л. 17а – 17а об.
[55] Там же. Л. 39.
[56] Бенда В. Н. Московская артиллерийская школа (1712–1759 годы) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. № 110: научный журнал. СПб., 2009. С. 7–15.

В. А. Беркович, К. А. Егоров, Н. В. Фролов (Москва), К. В. Шмелев (Санкт-Петербург)

НАХОДКА КОМПЛЕКСА АРТИЛЛЕРИЙСКИХ БОЕПРИПАСОВ XVII–XVIII вв. В ПУШКАРСКОЙ СЛОБОДЕ МОСКВЫ

В ХОДЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПОК в Москве в сезоне 2022 г. был исследован участок, расположенный в северной части Земляного города на исторической территории Пушкарской слободы (так называемые *Пушкари)* – одной из московских военных слобод. Поселение располагалось (ил. 1) на левом берегу реки Неглинной примерно посередине между Пушечным двором[1] и артиллерийским стрельбищем[2]. Точное время возникновения слободы неизвестно, по предположению И. Ф. Токмакова с 1497 г. здесь на жительство размещались пушечные мастера[3].

Слобода была сравнительно крупной, в 1638 г. в ней насчитывалось 374 двора[4]. В это время среди ее жителей числились пушкари, пушечные кузнецы, зелейные и колокольные мастера, паникадильщики, паяльщики, а также портные, замочники, плотники, фонарники, калашники, прянишники, сусальники, иконники, шапочники, колодезники и ремесленники некоторых других специальностей[5]. Упоминание здесь большого числа различных мастеров, напрямую не связанных с артиллерией, объясняется тем, что «звание пушкаря не исключало его прочих занятий... будучи пушкарем, он в тоже время состоял и ремесленником, как, напр., портным, красильщиком и прочим ....»[6].

Население *Пушкарей* ярко характеризует пометка, сделанная государевыми переписчиками в Росписи 1638 года: *«Да недописаны пушкарские слободы многие дворы за их ослушанием, что они государева указу не послушали, учинились сильны, дворов*

Ил. 1. Археологические работы 2022 г. на пересечении ул. Сретенки и Пушкарева переулка. Район исследований на плане 1739 г. (План императорского столичного города Москвы 1739 года И. Мичурина. РГВИА. Ф. 386, Оп. 1. Д. 3675)

своих писать не дали и имян своих и ружья не сказали, и ис слободы Ондрея Молвынинова и подьячего Федора Посникова выбили»[7].

В названиях сразу двух сретенских храмов была локализация *в Пушкарях*[8]. К западу от исследованного участка до 1930-х гг. располагалась церковь преподобного Сергия Чудотворца *в Пушкарях,* к северо-востоку – церковь Спаса Преображения *в Пушкарях*.

Сергиевский храм известен по письменным источникам с 1547 г.[9]. По церкви получили свое название существующие в наше время Большой и Малый Сергиевские переулки. В 1653 г. началось строительство каменного здания храма. По «Ружной книге» (1699), в приходе Сергиевского храма из 124 дворов 103 принадлежали пушкарям[10]. Сергиевская церковь считалась главной для всех артиллерийских полков[11].

Преображенская церковь известна с 1620 г.[12]. В 1681 г. храм был переведен в камень. В 1699 г. в Преображенском приходе насчитывалось 218 дворов, из них 214 пушкарских[13]. В 1930-е гг. церковь была снесена.

В литературе отмечается, что исследуемый район – единственный в Москве, который «сохранял в течение XVIII в. свой прежний состав населения: служащие бывшего Пушкарского приказа, ставшего Артиллерийским»[14]. Возможно, определенную роль в этом сыграл существовавший в XVIII в. к северо-востоку от участка исследования «огромный – площадью почти 2,5 гектара – полковой артиллерийский двор, где большой пруд в центре окружали несколько деревянных строений, в которых помещались канцелярия, правление, амбары, лазарет и прочие учреждения. Здесь же находилось одно из первых московских учебных заведений – артиллерийская школа, образованная в 1701 году»[15].

Для характеристики местного населения показательны сведения из «Переписных книг» (1730 – 1740-х гг.) о специализации хозяев дворов, располагавшихся рядом с участком исследования (современные Пушкарский и Большой Сергиевский переулки): *«артиллерии поручик – 2, артиллерии подпоручик – 1, артиллерии капрал – 3, артиллерии сержант – 2, артиллерии банбандир – 9, артиллерии канонир – 8, артиллерии фузилер – 4, артиллерии гантлангер*[16] *– 1, артиллерии фурлейт*[17] *– 2, артиллерии фурштат*[18] *– 1, артиллерии вагенмейстер*[19] *– 1, артиллерии каптенармус*[20] *– 1, артиллерии гобоист – 1, артиллерии колесник – 3, артиллерии котельных дел мастер – 1, артиллерии казенный*

извощик – 2, артиллерии слесарь – 2, артиллерии токарь – 1, артиллерии плотник – 1, артиллерии паяльщик – 1, артиллерии шорник – 1, артиллерии чеканщик – 1, артиллерии счетчик – 1, артиллерии плавильный мастер – 1, артиллерии кузнечный подмастерье – 1, артиллерии селитренный ученик – 1, артиллерийской школы ученик – 3, артиллерийской конторы асессор – 1, артиллерийской конторы канцелярист – 3, артиллерийской конторы подканцелярист – 1, артиллерийской конторы писарь – 2»[21].

На городских планах 1767 и 1768 гг.[22], показана застройка *Пушкарей*. Узкие вытянутые от Сретенки к реке Неглинной кварталы были разделены на небольшие, близкие по своим размерам участки. Внутри каждого квартала дворы стояли в два ряда, тыльными сторонами друг к другу, лицевыми – к переулкам.

В 1770-е гг. на участке археологических раскопок 2022 г. располагались владения подканцеляриста М. П. Рыбникова, подпоручицы И. Ильиной, секунд-майора М. В. Миткова. В следующее десятилетие происходило укрупнение участков, постепенно менялся и состав владельцев – на место военных пришли купцы. В 1780-е гг. исследуемые участки принадлежали купцу А. М. Барсукову и купцу А. П. Заборову[23].

Следует отметить, что участок исследования находится в жилом квартале, который на протяжении XVI–XVIII вв. не менял своего назначения. Обнаружение здесь артиллерийских боеприпасов и их фрагментов не связано с их производством или применением.

Как уже упоминалось, Пушкарская слобода располагались между Пушечным двором (Белый город) и стрельбищем (за Земляным городом, выгонная и полевая земля дворцовой Напрудной слободы)[24]. Если Пушечный двор существовал до начала XIX в.[25], то территория стрельбища уже в 1670-е гг. была отдана под застройку Мещанской слободы. В связи с этим возникали различные курьезные ситуации. Описание одной из них сохранилось в документах Посольского приказа (1690): «у одного мещанина – Дорофея Замыцкого нашли пушечные ядра и привлекли его к ответу в Пушкарский приказ. Замыцкий показал, что “ядра пушечные у него есть, а сколько по щету, того он не упомнит, а взял-де он те ядра, как за Сретенскими вороты Мещанские слободы тяглецом земля отдана под дворы, где наперед сего была старая земляная мишень, и та мишень розрыта и из той мишени ядра брали всяких чинов люди”.»[26].

В данной связи примечательны находки, выявленные во время археологических работ 2022 г. Основная часть находок сделана в ходе исследований комплекса, представлявшего собой нижнюю часть небольшого сруба – по всей вероятности остатков колодца или погребка. Сооружение сохранилось фрагментарно – основная его часть была разрушена при позднейшем строительстве кирпичных строений с подвалами 1803–1825 гг., а также их последующих перестроек. Таким образом, верхнюю границу датировки данного объекта можно с уверенностью определить как 1803 г. Сохранились лишь два нижних венца бревенчатого сруба. Размеры погребка составляли около 1 × 1 м. В заполнении был обнаружен ряд находок: остатки столового ножа с пластинчатыми деревянными накладками, фрагмент железного ключа, а также лежащие вместе два чугунных ядра и мортирная бомба (ил. 2. *1–3; 7–8*). Также было прослежено незначительное количество чернолощеной и белоглиняной гладкой керамики XVII–XVIII вв. Сам погребок выявлен на уровне материка; в него входили сваи от свайного поля фундамента вышележащего дома XIX в. Среди обнаруженных неподалеку находок следует отметить ручную шарообразную гранату со следами производственного брака и отдельные осколки крупных артиллерийских гранат или (исходя из возможной реконструкции диаметра изделий) мортирных бомб (ил. 2. *4–6*).

Мортирная бомба (ил. 2. *1*) шарообразной формы, полая с двумя «ушами» для загрузки в ствол. Диаметр порядка 1300 мм, размер очка (запального отверстия) около 30 мм, толщина стенок 170 мм. Форма, размеры и в особенности наличие «ушей» позволяют атрибутировать данный предмет как именно мортирную бомбу, габариты данного боеприпаса соответствуют бомбам, применявшимся для стрельбы из полупудовых мортир[27]. Наличие на бомбе русского производства «ушей» позволяет косвенно датировать ее производство временем до начала XIX в, когда произошел отказ от данной детали на бомбах полупудового калибра[28]. Важно отметить, что целая мортирная бомба – нечастая находка в достоверно датированных археологических комплексах г. Москвы; они известны в основном по изображениям в литературе.

Диаметры двух найденных ядер – порядка 600 и 630 мм (ил. 2. *2–3*). Поверхность ядер – без следов шлифовки, сильно корродированная, с заметными скалами и выбоинами – возможно, следами литейного брака, однако следы швов от форм и литников

Ил. 2. Комплекс артиллерийских боеприпасов из исследований 2022 г. *1* – мортирная бомба (чугун); *2–3* – ядра (чугун); *4* – ручная граната (чугун); *5–6* – осколки боеприпасов (чугун); *7* – ключ (железо); *8* – нож (железо, дерево)

отсутствуют. Диаметр ядер находится в промежутке между стандартными калибрами 2,5 и 3 фунта (ближе к последнему). Учитывая высокую степень коррозии и повреждений на поверхности предметов, вероятнее всего мы имеем дело с экземплярами трехфунтового калибра, отбракованными в процессе производства.

Диаметр гранаты (ил. 2. *4*) около 500 мм, диаметр запального отверстия 16 мм. От запального отверстия отходят трещины. Толщина стенок не устанавливается. Запальное отверстие фиксируется на глубину 0,9 см от поверхности изделия, полноценная полость отсутствует, вероятно, изделие бракованно при производстве. Предмет, вероятно, представляет собой бракованную двухфунтовую ручную гранату. Подобного типа боеприпасы (чугунные и стеклянные), пригодные как для запуска руками, так и для стрельбы из малокалиберных мортирок, использовались московскими, а затем и русскими войсками вплоть до середины XVIII в. (вероятно, до Семилетней войны). Приказ, отменяющий носку гранат гренадерами, вышел в 1761 г.[29], последняя регламентация применения гранат в частях – в «Пехотном уставе» 1763 г.[30]. Хранение их в арсеналах и эпизодическое применение в ходе осад, абордажей и крепостной войны продолжалось и в последующее время[31], хотя производство, вероятно, или совсем остановилось или было минимальным.

Осколки гранат крупного диаметра или бомб, с толщиной стенок 130–150 мм (ил. 2. *5*) и порядка 150 мм (ил. 2. *6*). Данные предметы представляют собой остатки отстрелянных боеприпасов, первоначальный диаметр изделий составлял, вероятно, порядка 1110–1130 мм.

Начало производства артиллерийских боеприпасов на территории Москвы, видимо, синхронно появлению производства собственно артиллерии. Изготовление литых чугунных пушечных боеприпасов в Москве фиксируется, по крайней мере, с середины XVI в.[32], хотя долгое время, как минимум, до середины XVII в., параллельно с литыми используются и кованные железные, для мелких калибров свинцовые, а в ряде случаев и каменные ядра[33]. Окончательный переход на производство чугунных боеприпасов происходит, по всей вероятности, только в середине XVII в.[34], запасы железных и каменных ядер фиксируются в описях арсеналов вплоть до начала XVIII в. Обнаруженный в ходе работ комплекс по времени производства может быть датирован

достаточно широко. Учитывая, что обнаружены остатки исключительно стандартизованных боеприпасов, как нижнюю дату, вероятно, следует принять середину XVII в, когда в России[35], как и в остальной Европе, происходит становление системы стандартных артиллерийских калибров[36]. Верхняя дата, видимо, связана с периодом второй половины XVIII в., что может быть промаркировано находкой ручной гранаты, производство которых после отмены их в войсках в 1760-х гг. практически прекратилось, и типом мортирной бомбы, в обнаруженном виде не производившейся с первых годов XIX столетия. Сложение же собственно археологического комплекса, вероятно, относится к началу XIX в. В составе комплекса мы видим (за единственным исключением в виде мортирной бомбы) либо бракованные предметы, либо осколки боеприпасов, вероятно, подобранные на стрельбище. Использование подобных предметов не характерно для городской или сельской культуры России (как, впрочем, и остальной Европы) XVII–XIX вв. С какой целью эти вещи были принесены в усадьбу и как использовались, представляет в определенной степени загадку. Выскажем осторожное предположение, что тяжелые чугунные изделия могли использоваться в качестве груза для различных продуктовых заготовок или же представлять собой склад металлолома для последующей переработки и ремесленной деятельности. Причины нахождения боеприпасов XVII–XVIII вв. в «личном пользовании» жителя Пушкарской слободы, как и его идентификация с какой-либо исторической личностью, пока являются невыясненными. Археологические работы на объекте продолжаются.

---

[1] Сытин П. В. Пушечный двор в Москве в XV–XVII веков // Московский краевед. М., 1929. Вып. 2. С. 20.

[2] Богоявленский С. К. Научное наследие. О Москве XVII века. М., 1980. С. 25.

[3] Токмаков И. Ф. Историко-статистическое и археологическое описание церкви во имя Преподобного Сергия Радонежского Чудотворца, что в Пушкарях, в Москве и ее прихода. М., 1895. С. 3.

[4] Богоявленский С. К. Московские слободы и сотни в XVII веке // Московский край в его прошлом: Очерки по социальной и экономической истории XVI–XIX веков. М., 1930. Ч. 2. С. 123.

[5] Росписной список города Москвы 1638 года // Труды московского отдела императорского Русского Военно-Исторического общества. М., 1911. Т. 1. С. 214–222.

[6] Исторический каталог Санкт-Петербургского Артиллерийского музея // Сост. Н. Е. Бранденбург. Ч. I. (XV–XVII ст.). СПб., 1877. С. 85.

[7] Росписной список города Москвы... С. 218.
[8] План Императорского Столичного города Москвы сочиненной под смотрением Архитектора Ивана Мичурина в 1739 году // РГВИА. Ф. 386. Оп. 2. Д. 3675.
[9] Паламарчук П. Г. Сорок сороков. М., 1994. Т. 2. С. 463.
[10] Забелин И. Е. Материалы для истории, археологии и статистики г. Москвы. М., 1891. Т. 2. С. 517.
[11] Токмаков 1895. С. 7.
[12] Паламарчук 1994. С. 466.
[13] Забелин 1891. С. 516.
[14] Памятники архитектуры Москвы. М., 1989. Т. 2. С. 207.
[15] Романюк С. К. Из истории московских переулков: Путеводитель. М., 1988. С. 235.
[16] *«гантлангер»* – «...это название было присвоено третьему или младшему достоинству артиллерийских солдат....». См.: Военный энциклопедический лексикон, издаваемый Обществом военных и литераторов (ВЭЛ). СПб., 1840. Ч. 4. С. 72.
[17] *«фурлейт»* – «...солдат при фурах, при военном обозе...». См.: Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка / Сост. под ред. А. Н. Чудинова. СПб., 1894. С. 926.
[18] *«фуршмат»* – «...так называются нестроевые военные чины, которые состоят при обозах и вообще при тяжестях в войсках...». См.: Военный энциклопедический лексикон, издаваемый Обществом военных и литераторов... (ВЭЛ). СПб., 1849. Ч. 13. С. 509.
[19] *«вагенмейстер»* – «...обозный, нижний чин унтер-офицерского звания...». См.: Военный энциклопедический лексикон, издаваемый Обществом военных и литераторов. (ВЭЛ). СПб., 1839. Ч. 3. С. 14
[20] *«каптенармус»* – «...тот унтер-офицер в роте, который... имеет в своем заведывании все предметы вооружения и продовольствия роты, равно аммуничные и мундирные вещи...». См.: Военный энциклопедический лексикон, издаваемый Обществом военных и литераторов. (ВЭЛ). СПб., 1842. Ч. 3. С. 565.
[21] Переписная книга. М., 1881. Т. V. Стб. 82–87.
[22] ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 22169; ГПБ ОР. Ф. 342. Д. 114.
[23] Историко-архитектурное обследование центра города Москвы. Характеристика застройки квартала № 266. УГК ОИП города Москвы. Архитектурный кабинет. Шифр 350/89. М., 1988. С. 7.
[24] Богоявленский 1980. С. 25; Сытин 1929. С. 20.
[25] Сытин 1929. С. 9.
[26] Богоявленский 1980. С. 25.
[27] Вышенков В.., Маковская Л.., Сидоренко Е.. Каталог материальной части отечественной артиллерии. Л., 1961. С. 63, 81, 143; Михневич П. В. Каталог боеприпасов отечественной артиллерии. Л., 1961.
[28] Игошин К. Г. Развитие боеприпасов отечественной полевой артиллерии в период наполеоновских войн // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Пятой Международной научно-практической конференции 14–16 мая 2014 г. СПб., 2014. Ч. 2. С. 202–203.
[29] Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). 1830. Т. 15, № 11353. С. 816.
[30] Пехотной строевой устав. СПб., 1763. С. 98–99.
[31] Прибылов Б., Кравченко Е. Ручные и ружейные гранаты. М., 2008. С. 13–15.

[32] Герберштейн С. Записки о Московии. М., 2008. Т. 1. С. 245.
[33] Кирпичников А. Н. О единообразии в изготовлении русских средневековых артиллерийских орудий и их классификации // FASCICULI ARCHAEOLOGIAE HISTORICAE. 1987. С. 32–33.
[34] Кирпичников А. Н. Описная книга пушек и пищалей как источник по истории средневековой русской артиллерии: (К характеристике городового наряда Московского государства второй четверти XVII века) // Сборник исследований и материалов Артиллерийского исторического музея. Вып. 4. Л., 1959.
[35] Кирпичников 1987. С. 33, 45.
[36] Лобин А. Н. Артиллерия московских стрелецких полков в 1670–680-х годах. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2012. Т. II. С. 1–41. < http://www.milhist.info/2012/07/23/lobin> (23.07.2012). С. 28.

Л. А. Бобров (Новосибирск),
М. А. Анисимова (Санкт-Петербург)

В КИТАЙ И ОБРАТНО. УДИВИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ЖАЛОВАННОЙ САБЛИ КАЛМЫЦКОГО НОЙОНА БАМБАРА[1]

В ФОНДАХ Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВиВС) хранится богато оформленная сабля, представляющая значительный интерес для отечественных и зарубежных оружиеведов, военных историков и этнографов (ВИМАИВиВС 1ООФ 114-641) (ил. 1). На ее клинке имеется двуязычная надпись, позволяющая отнести рассматриваемую саблю к категории именного жалованного оружия[2].

Целью настоящей статьи является введение в научный оборот информации о сабле ВИМАИВиВС 1 ООФ 114-641. Для достижения цели были поставлены следующие задачи: дать подробное описание конструкции сабли, зафиксировать особенности ее декоративного оформления, проанализировать надпись на клинке, уточнить датировку, атрибуцию, а также некоторые особенности истории данного образца длинноклинкового оружия.

Описание, датировка и атрибуция сабли

Общая длина сабельной полосы (от верхнего края хвостовика до острия) – 85 см (в том числе длина клинка – 78 см). Вес без гарды – 552,7 г, с гардой – 600,1 г (см. ил. 1, *1–4*).

По форме сабельной полосы рассматриваемый экземпляр относится к остроугольным клинкам со средним изгибом[3]. Удлиненно-треугольный в сечении клинок изготовлен из

Ил. 1. Сабля нойона Бамбара: *1, 2* – клинок и хвостовик; *3, 4* – общий вид; *5, 6* – надписи на клинке; *7, 8* – острие

стали (ил. 1, *5, 6*), пята не выражена, боевой конец – обоюдоострый (длина заточенной части обуха с учетом фальшлезвия – 20,4 см) (ил. 1, *7, 8*). Ширина клинка у гарды, в центральной части клинка и в 20,5 см от острия: 3,5 см, 2,9 см, 2,4 см соответственно. Толщина клинка в тех же местах: 4,0 мм, 4,0 мм, 3,0 мм. Отметим, что плавный изгиб сабельной полосы начинается уже в верхней трети клинка, т. е. почти непосредственно под гардой. Поверхность клинка преимущественно матовая с синеватым отливом, имеет каверны и следы коррозии. На лезвии фиксируются незначительные повреждения.

С внешней (лицевой) стороны клинка[4] золотом насечена надпись на русском языке: «По указу Ея Императорскаго Величества Пожалована Сія Сабля Калмыцкому Владелцу Бамбару За разбитіе Киргисъ Касацкой Партіи Приходившей Для Нападенія на калмыцкцкіе Улусы 1762 года» (ил. 1, *6*).

На противоположной стороне клинка, в той же технике золотой насечки, нанесена надпись, ошибочно атрибутированная в начале XX в. как «маньчжурская» или «китайская» (рис. 1, *5*). В действительности, она выполнена на тодо-бичиг (монг. *Тодо бичиг*)[5] – письменности, созданной в 1648 г. выдающимся ойратским просветителем, буддийским монахом Зая-Пандитой (ок. 1599–1662). Со второй половины XVII в. «ясное письмо» тодо-бичиг получило широкое распространение среди монгольского и, особенно, ойратского населения Евразии, в том числе и у волжских калмыков. Надпись может быть переведена следующим образом: «Вручается калмыцкому нойону Бамбару за то, что он во главе калмыцкого войска разбил казахов. Год обезьяны (1764 г.)»[6]. Интересно, что текст на тодо-бичиг несколько отличается от русскоязычной надписи. Так, например, в нем отсутствует ссылка на указ императрицы, а также информация о казахском набеге, ставшем причиной сражения.

Сабельная полоса снабжена ярко выраженными остроугольными «плечиками». Сходясь под прямым углом, они образуют узкий хвостовик удлинено-трапециевидной формы, отогнутый в сторону лезвия (ил. 1, *1, 2*). Общая длина хвостовика – 7 см. Ширина хвостовика в нижней части – 1,9 см, в центральной части – 1,5 см, в верхней части – 0,6 мм. Толщина хвостовика – 4 мм, 3 мм, 1 мм соответственно. В плоскости хвостовика пробиты три округлых отверстия диаметром около 4 мм. Два из них расположены в центральной, а одно – в верхней части хвостовика.

Наиболее вероятно, что в отверстия вставлялись заклепки, соединявшие хвостовик и «щечки» рукояти (см. ниже).

В комплект с сабельной полосой входит позолоченная гарда крестообразной формы, выполненная из медного сплава (ил. 2, *1–5*). Длина крестовины – 7 см, длина ассиметричного перекрестья, снабженного продольным ребром жесткости – 4,6 см. Толщина гарды по центру – 2,5 см, по краям (перед головками гарды) – 0,6–0,7 см. Прямые стержни крестовины заканчиваются округлыми уплощенными («таблетковидными») головками. Диаметр последних – 2 см, толщина – 0,7 см. Концы перекрестья украшены треугольными выпуклостями. Вес гарды – 47,4 г.

Следует обратить внимание, что, согласно описи Н. Е. Бранденбурга, в начале XX в. сабля имела «эфесъ безъ дужки, въ медной оправе, усыпанный камнями». Дошедшая до нашего времени гарда действительно не имеет D-образной дужки и выполнена из медного сплава, однако какие-либо камни на ней отсутствуют. Не исключено, что ими была украшена рукоять и (или) ее навершие, которые не сохранились до настоящего времени.[7]

Наиболее вероятно, что рукоять была утрачена во время эвакуации музейного имущества в Ярославль в 1917–1923 гг. Известно, что практически все предметы возвращались из эвакуации с различными повреждениями, вызванными неподобающими условиями хранения. В пользу данной версии свидетельствует пометка на полях музейной описи рядом с описанием сабли, выполненной Н. Е. Бранденбургом: «Возвращена из г. Ярославля осенью 1923 г., повреждения III категории»[8].

Согласно той же описи начала XX в. сабля имела ножны «...деревянныя, обтянутыя кожею, с меднымъ прибором и обрывками современной кожаной портупеи с бляшками медными»[9]. К сожалению, ножны также не сохранились.

Особенности конструкции сабельной полосы и гарды позволяют отнести рассматриваемый образец длинноклинкового оружия к особому типу сабель, известных как «ордынки» или «чечуги» (ил. 3). Именно для них было характерно сочетание слабо- или среднеизогнутого, плавно сужающегося к острию клинка (длиной 72–86 см, при ширине 2,9–3,5 см) с полуторной заточкой, хвостовика с тремя отверстиями для заклепок и характерной крестообразной гарды из медного сплава с короткими стержнями крестовины и граненым перекрестьем[10].

Ил. 2. Гарда сабли и портрет нойона Бамбара:
1–5 – гарда сабли; *6* – портрет нойона Бамбара в костюме цинского сановника, неизвестный художник, около 1771 г.

Ил. 3. Сабли-*чечуги* XVII–XVIII вв.: *1, 2, 4* – ГИМ [по: Аствацатурян, 2002]; *3, 5* – Ливрусткаммарен, г. Стокгольм [по: Rivkin, 2015]

Начальные этапы эволюции сабель данного типа, по всей видимости, связаны с территорией Северо-Западного Кавказа[11]. В XVII–XVIII вв. они применялись на территории Российского государства, Речи Посполитой, Османской империи и других государств региона. Большой популярностью они пользовались у населения Крымского ханства, а также его оседлых и кочевых соседей. В их числе были и волжские калмыки, переселившиеся в Северный Прикаспий из Центральной Азии в первой половине XVII в. и достаточно быстро усвоившие многие элементы

оружейного комплекса своих новых соседей. В числе заимствованных предметов вооружения были и сабли-*чечуги,* которые калмыки приобретали у крымских татар, ногайцев, адыгов, а также захватывали в качестве военных трофеев. Среди владельцев подобных сабель были и представители калмыцкой правящей верхушки. Характерно, в данной связи, что именно *чечуга* восточноевропейского или северокавказского производства была преподнесена в дар калмыцкими аристократами (в числе прочих элитных образцов длинноклинкового оружия) цинскому императору Цяньлуну во второй половине XVIII в.[12]

Весьма вероятно, что при выборе жалованного длинноклинкового оружия, предназначенного для передачи представителю высшей калмыцкой знати (см. ниже), российские чиновники руководствовались, в том числе, и предпочтениями самих ойратских феодалов. Поэтому тот факт, что для вручения *нойону* Бамбару в качестве жалованной сабли была определена именно *чечуга,* вряд ли можно считать случайностью.

От большинства известных сабель указанного типа рассматриваемый образец из ВИМАИВиВС отличается отогнутым к лезвию хвостовиком и некоторыми деталями оформления гарды. Так, несколько гипертрофированно переданы «таблетковидные» головки крестовины, а традиционные для *чечуг* скосы на концах перекрестья визуально усилены треугольными выпуклостями. Ближайшим аналогом данной гарды является гарда сабли-*чечуги,* датированной XVII в., из собрания Государственного исторического музея (ГИМ). Она также выполнена из медного сплава, концы крестовины увенчаны «таблетковидными» головками, а ассиметричное перекрестье снабжено продольным ребром жесткости (ил. 3, *2*)[13]. Благодаря тому, что сабля из ГИМ полностью сохранила рукоять, а значит и оригинальное расположение гарды, можно предполагать, что и гарда из ВИМАИВиВС располагалась аналогичным образом – длинной стороной крестовины в сторону клинка (рис. 2, *1, 2*; 3, *2*).

Не вызывает особых сомнений, что золотая надпись на клинке была насечена российским ювелиром или иностранцем на русской службе. Что касается самой сабельной полосы и гарды, то они могли быть изготовлены как ремесленниками Восточной Европы и Северного Кавказа, так и российскими мастерами по образцу оружия указанных регионов. Данный вопрос требует дополнительного изучения[14].

Отнесение рассматриваемой сабли к группе *чечуг* позволяет высказать предположения относительно некоторых особенностей конструкции и оформления элементов эфеса и ножен, которые не дошли до нашего времени. В подавляющем большинстве случаев рукояти *чечуг* снабжались металлическим навершием наперстковидной формы, отогнутым под тупым углом в сторону лезвия. К хвостовику с помощью трех заклепок крепились деревянные щечки, которые часто обтягивались кожей ската (ил. 3). Ее рельефная («пупырчатая») поверхность улучшала сцепление рукояти с кистью воина. Прибор ножен (как и в рассматриваемом случае) часто выполнялся из медного сплава. При этом снабженные кольцами для ремней портупеи обоймицы обычно дополнялись характерными «крылышками», придававшими всей конструкции Т-образную форму (ил. 3, *1–3*). Весьма вероятно, что схожим образом могла быть оформлена и сабля из собрания ВИМАИВиВС.

Обстоятельства передачи сабли нойону Бамбару

Прежде чем перейти к изучению причин и обстоятельств нанесения надписи на клинок сабли из собрания ВИМАИВиВС, необходимо кратко охарактеризовать место нойона Бамбара (ил. 2, *6*) и его семьи в калмыцком обществе XVIII в.

Исторический период, охватывающий XVII – первую половину XVIII в., далеко не случайно именуется в научной литературе «эпохой малого монгольского (ойратского) нашествия». В это время ареал военной активности ойратов (западных монголов) включал огромные пространства внутренней Евразии от причерноморских степей на западе до Тибета на востоке и от лесов Западной Сибири на севере до пустынь Маверанахра на юге. Восточные ойраты (джунгары) подчинили своей власти территорию Юго-Восточного Казахстана, Восточного Туркестана и значительную часть Южной Сибири. В свою очередь западные ойраты (волжские калмыки) сокрушили Большую Ногайскую Орду, частично подчинив, частично изгнав местное тюркское население. Ядром новых калмыцких владений стали земли Северного Прикаспия. Со временем волжские калмыки приняли российское подданство и стали одним из основных союзников Российского государства в войнах с крымскими татарами и ногаями. Во второй половине XVII – первой половине XVIII вв. калмыцкие

отряды неоднократно вторгались в Крым и земли черкесов, вели боевые действия на территории Украины, Польши, в причерноморских степях, на Кубани, Северном Кавказе, в Западном Казахстане. Калмыцкая конница приняла активное участие в войнах России против Речи Посполитой, Османской империи, Швеции, Пруссии, а также в подавлении восстаний Степана Разина, Кондратия Булавина и др.[15]

Род нойона Бамбара (?–1774) относился к высшей аристократии калмыков-торгутов, традиционно занимавших привилегированное положение в Калмыцком ханстве. Торгутские правители возводили свою родословную к знаменитому кереитскому Ван-хану (?–1203) выступавшему сначала в качестве покровителя, а затем противника Чингиз-хана. Сам нойон Бамбар являлся потомком одного из самых могущественных калмыцких правителей – тайши Дайчина (годы правления – 1644–1661) с именем которого были связаны начальные этапы вовлечения волжских калмыков в политическую орбиту Российского государства. Дед Бамбара – Доржи Назаров (?–1735) являлся одним из самых влиятельных калмыцких князей и, после смерти хана Аюки в 1723 г., всерьез рассматривался российскими властями в качестве основного претендента на ханский престол.

Могущество Бамбара и его предков базировалось не только на их высоком происхождении и личной доблести, но и на богатых пастбищных угодьях волжского левобережья и многочисленном зависимом населении. Согласно росписи генерал-лейтенанта И. Ф. Барятинского, в 1733 г. табун-отоковые улусы Доржи Назарова и его детей насчитывали 10 000 кибиток, что позволяло выставить в поле многотысячные кавалерийские соединения[16].

Обширные наследственные владения семьи Бамбара находились в Волго-Яицком (Уральском) междуречье – на восточных границах Калмыкии. Из поколения в поколение предки Бамбара выполняли роль «Хранителей Востока», защищая основные калмыцкие кочевья в Северном Прикаспии от набегов воинственных тюркских номадов – казахов и каракалпаков.

Пик калмыцко-казахского военного противостояния пришелся на середину 20-х гг. XVIII в. В боях с казахами калмыки пытались опереться на помощь российских властей, однако низкая мобильность регулярных войск и артиллерии часто не позволяла эффективно задействовать их в боях с кочевниками на степном театре боевых действий. В большинстве случаев калмыкам приходилось

полагаться на собственные силы. Зная о том, что калмыцкая конница сильна мощным копейным ударом, казахские воины предпочитали вести бой от обороны. Спешившись и укрывшись за спинами стреноженных лошадей и верблюдов, положенных в круг, они открывали интенсивный ружейный огонь, останавливавший кавалерийскую атаку противника. Однако дед Бамбара Доржи Назаров научился бороться с такими «живыми крепостями» с помощью легких пушек, перевозившихся на верблюдах. В Узенинской битве 1724 г. он с помощью «верблюжьей артиллерии» наголову разгромил казахо-каракалпацко-башкирский отряд батыра Исета и преподнес в качестве «презента» астраханскому губернатору 415 правых ушей отрезанных, согласно старой монгольской традиции, у убитых вражеских воинов[17]. Еще более масштабные столкновения между казахами и калмыками состоялись осенью 1726 г. Современник событий В. М. Бакунин утверждал, что в них приняли участие около 10 тыс. казахов Среднего и Младшего жузов и объединенная армия калмыцких *нойонов,* насчитывавшая 20 тыс. воинов[18].

В 1731 г. хан Младшего жуза Абулхаир принял российское подданство, положив начало вхождению Казахстана в состав Российской империи. Однако интенсивность военных конфликтов калмыков и казахов снизилась далеко не сразу. Противники продолжали периодически обмениваться ударами. Боевые столкновения нередко провоцировались взаимным отгоном скота, борьбой за пастбища и зависимое степное население. Российские власти пытались пресекать *барымту* и набеги, но повлиять на номадов могли не всегда. В большинстве случаев местная администрация вставала на сторону тех, кто в данной конкретной ситуации соблюдал (пусть и формально) действующее имперское законодательство.

Очередной калмыцко-казахских конфликт разразился в начале 60-х гг. XVIII в. Причины, ход и результаты данного военного конфликта были подробно разобраны нами в специальной работе[19], поэтому в настоящей статье ограничимся лишь его кратким описанием.

В начале 1760 г. отряд нойонов Цэрэна (пришедшего к калмыкам из разгромленной цинскими войсками Джунгарии) и Намчюна «с семью военными значками» атаковал становище казахских пастухов в урочище у р. Камыш-Самары[20]. По данным казахской стороны, было отогнано около 40 тыс. лошадей,

кроме того, «...находившихся при тех лошадях людей [калмыки] побили»[21].

Несмотря на то, что нападение совершили именно калмыцкие «владетели», они действовали в рамках имперского законодательства, так как еще в сентябре 1756 г. царское правительство запретило казахам в зимнее время переходить Яик и кочевать в Волжско-Яицком междуречье, где выпасали скот калмыки. Форсировав реку, казахские пастухи нарушили предписание центральных властей и дали формальный повод для совершения нападения со стороны калмыков. Получалось, что казахи не только лишились огромных табунов, но и оказались в положении виновной стороны.

Потеря колоссального количества коней вызвала ярость казахской родоплеменной знати. Начался сбор войск для вторжения в калмыцкие владения. Хан Младшего жуза Нуралы (годы правления: 1748–1786) занимал двоякую позицию. С одной стороны, он опасался испортить отношения с Санкт-Петербургом и калмыцкими соседями, с другой стороны, не имел реальных рычагов для предотвращения набега. В результате Нуралы попытался усидеть на двух стульях одновременно. Он начал информировать российские и калмыцкие власти о подготовке казахского вторжения и публично отговаривал своих подданных от начала боевых действий. Однако на сборный пункт казахских войск прибыл зять Нуралы и будущий хивинский хан султан Младшего жуза Джахангир (? – 1814). Это позволяет предположить, что Нуралы тайно поддерживал барымтачей. В случае успеха набега хан мог рассчитывать на долю военной добычи. Поражение «воровских» казахов также была на руку хану, так как давало шанс ослабить нелояльную ему родоплеменную знать. Подобная расчетливость была в характере Нуралы. Через десять лет после описываемых событий, во времена восстания Емельяна Пугачева, он так же будет вести двойную игру, обещая свою поддержку как самозванцу, так и Екатерине II.

Зимой 1761–1762 гг. напряжение в регионе достигло своего апогея. Возмущенные казахские старшины и батыры ждали лишь удобного момента для нанесения удара по своим обидчикам на западном берегу Яика.

Современники расходятся в оценке численности казахского отряда, принявшего участие в походе. Один из казахских пленных утверждал, что для набега собралось от тысячи до четырех

тысяч степняков. Сам хан Нуралы в письме от 3 марта 1762 г. уверял императора Петра III, что казахи «...которые наставления моего не послушали и воровски в подданную в.и.в. Калмыцкую орду для злодейства пошли... *коих плутов, как слышно, только с восемьсот человек ходили,* а протчие все, не желая худого, находятся в.и.в. в верности...»[22]. Но даже если отряд казахов действительно насчитывал лишь 800 воинов, он все равно был больше ополчения батыра Исета, разбитого Доржи Назаровым в Узенинской битве в 1724 г., которая считалась (по меркам региона) достаточно крупным боевым столкновением[23].

План барымтачей строился на внезапности нападения. Однако калмыки вовремя получили информацию о набеге. Вместо мирных улусов казахов поджидала сеть из больших и малых караулов, за спиной которых разворачивались основные калмыцкие силы.

Войска противников неуклонно сближались. Исход набега решил бой, состоявшийся 17 февраля 1762 г. Казахский отряд первоначально атаковал калмыцкий караул, а вечером того же дня обрушился и на главные силы Бамбара (1400–1500 чел.). Упорный бой продолжался «до померчения вечерней зори». Вероятно, именно в это время и произошла упомянутая участниками битвы ожесточенная ружейная перестрелка, в ходе которой «касаки напав на них калмык начали стрелять из ружей напротив коих и они калмыки стреляли ж». Воинам Бамбара удалось отбить атаку казахов, перехватить инициативу и вынудить *барымтачей* начать отступление[24].

Согласно сообщению современника битвы И.-Г. Георги, посетившего Поволжье в начале 70-х гг. XVIII в., тактическое искусство калмыков рассматриваемого периода основывалось на сочетании действий ружейных стрелков и лучников с атакой конных копейщиков: «Всякий полк состоял из трояких воинов, а именно: из Стрельцов, которые сходили с лошадей, когда палили из ружей; из Луконосцов, которые, столпясь, пускали тучею стрелы, и из Копейщиков, решавших битву. Они нарочито храбры, и одерживают победы над подобными им неприятелями...»[25].

Не исключено, что и февральское сражение 1762 г. также завершилось атакой калмыцкой копейной конницы, которая преследовала отступающих *барымтачей*. Во всяком случае, захваченный в плен казах Актамберды Жулдусов был сбит с коня калмыком Доржой Гендыршиевым, действовавшим «дротиком»,

под которым в данном случае следует понимать кавалерийскую пику: «...при том сражении из... калмык Доржа Гендыршиев... касаченина набежав[26] ударил дротиком и потрафил в спину в сторону, от чего под ним (казахом. – *Л. Б., М. А.*) лошедь споткнулась и он касаченин с лошади упал где он и пойман и отвезен в их [калмыцкие] улусы...»[27].

Во время дистанционного ружейного боя и возможной последующей атаки калмыцкой конницы казахи понесли существенные потери. По калмыцким данным, на этом этапе сражения было убито 140 и взято в плен 43 казахских воина (то есть около 20 % личного состава отряда *барымтачей)*.

Несмотря на темное время суток, калмыцкая конница начала интенсивное преследование отступающих казахов, которое продолжалось до самого утра. Причем один из отрядов Бамбара дошел до урочища Хурхуй, а второй почти до предместий Гурьева. Во время преследования, по калмыцким данным, было убито еще 66 казахских воинов[28].

Февральское сражение 1762 г. стало не только важным событием в истории калмыцко-казахских отношений, но и было замечено в Санкт-Петербурге. Летом того же года в столице произошел дворцовый переворот, в результате которого на престол взошла Екатерина II (годы правления – 1762–1796). Новая императрица остро нуждалась в поддержке правящего класса, поэтому щедрой рукой раздавала награды и пожалования как российскому дворянству, так и представителям национальных элит. В этих обстоятельствах победа нойона Бамбара пришлась как нельзя кстати. В письмах как представителей местной российской администрации, так и калмыцкой знати, и даже хана Нуралы решительные действия Бамбара по пресечению набега казахов выглядели законными и уместными. Продолжая традицию, заложенную еще в первой половине XVIII в., Екатерина II решила наградить победоносного нойона именной жалованной саблей. Данный шаг должен был продемонстрировать степной аристократии, что поддержание мира и законной власти продолжает оставаться важнейшим приоритетом империи. Будущая великая правительница даже не подозревала, что не пройдет и десяти лет, как обласканный ею калмыцкий «владелец» обнажит жалованную саблю, но уже против подданных Российской империи.

В конце 60 – начале 70-х гг. XVIII в. калмыцкое общество переживало глубокий социально-политический кризис,

в результате которого большая часть калмыцкой знати во главе с ханом Убаши (годы правления – 1761–1774) приняла решение покинуть Российскую империю и откочевать в Центральную Азию. Активным сторонником переселения был и нойон Бамбар[29].

В январе 1771 г. огромные массы калмыков волжского левобережья хлынули на восток. В авангарде «Последнего Великого кочевья» шла десятитысячная конница Цэрэна и Бамбара, причем последний, как показали дальнейшие события, прихватил с собой и жалованную саблю Екатерины II. Жертвой нападения взбунтовавшихся калмыков стали как яицкие казаки, так и кочевья казахов хана Нуралы[30].

Калмыки сумели оторваться от преследовавших их имперских отрядов, но стали объектом ожесточенных атак казахов Младшего и Среднего жузов, а затем и тянь-шаньских киргизов. В ходе откочевки погибли многие представители калмыцкой аристократии. Ценой огромных потерь калмыкам удалось прорваться к р. Или, где их встретили передовые караулы Цинской империи. Осознав невозможность создания нового ойратского государства на территории бывшей Джунгарии, калмыцкая знать приняла решение присягнуть цинскому императору.

В том же 1771 г. хан Убаши и калмыцкие нойоны были приглашены в императорскую резиденцию в Жэхэ (пров. Чжили), где удостоились высочайшей аудиенции. В ходе нее Убаши и другие калмыцкие владетели преподнесли императору Цяньлуну богато оформленные палаши, сабли и кинжалы, украшенные золотой насечкой и драгоценными камнями[31].

Не исключено, что в числе прочих свою жалованную саблю передал Цяньлуну и нойон Бамбар. Дальнейшее исследование цинской документации, возможно, позволит прояснить данный вопрос. Так или иначе, но сабля, подаренная Бамбару Екатериной II, оказалась на территории Цинской империи.

Цяньлун наградил представителей калмыцкой знати маньчжурскими феодальными титулами, почетными званиями и землями. В частности, Бамбару был пожалован высокий титул *цзюньвана*[32] и почетное звание «Биширэлту», то есть «Благословенный»[33]. Придворный художник выполнил портрет торгутского нойона (ил. 2, *6*). На нем Бамбар изображен суровым бывалым воином с густыми вислыми усами до подбородка

и золотой серьгой с жемчужиной в левом ухе. Вместо традиционного калмыцкого костюма он облачен в цинскую церемониальную одежду, соответствующую его новому статусу.

При расселении прибывших калмыков Бамбар и его племянник Кибдэн получили часть земель, ранее принадлежавших джунгарам. Так, им были переданы кочевья в Урумчинском округе на р. Чжиргалан (Джергалан) на юго-западе от г. Кур-кара-усу (кит. Цинсуйчэн).

Нойон Бамбар скончался в 1774 г.[34] После его смерти сабля с именем российской императрицы Екатерины II еще более столетия находилась на территории Поднебесной. Обстоятельства и место обнаружения сабли российскими офицерами в начале XX в. в настоящее время не установлены. Однако, из текста описи известно, что она была «изъята во время Китайской войны 1900–1901 г.г.», то есть в ходе подавления Ихэтуаньского («Боксерского») восстания, в рамках которого российские войска (наряду с армиями семи других стран) были введены на территорию Цинской империи и в 1900 г. вошли в Пекин. Скорее всего, российских военнослужащих привлекла надпись на русском языке, нанесенная золотом на поверхность клинка, что и послужило главной причиной «изъятия» оружия. Первоначально сабля была передана в Квантунскую крепостную артиллерию в Порт-Артуре, откуда в 1903 г. была отправлена в Санкт-Петербург, вместе с другими трофеями.

Таким образом, за 140 лет своей истории жалованная сабля успела побывать в Санкт-Петербурге, Поволжье, Казахской степи, Синьцзяне, Восточном Китае и из Порт-Артура была отправлена обратно в Санкт-Петербург. Эта удивительная история одного образца длинноклинкового оружия наглядно иллюстрирует великую и трагическую историю степных народов эпохи «Последнего Великого кочевья».

Заключение

На основании анализа конструкции и системы оформления клинка, хвостовика и гарды выдвинуто предположение, что рассматриваемый образец длинноклинкового оружия относится к группе сабель-*чечуг* («ордынок»), пользовавшихся значительной популярностью среди кочевого населения Восточной Европы эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени.

Рукоять и ножны сабли, к сожалению, не сохранились, однако известно, что рукоять была украшена драгоценными камнями, ножны были изготовлены из дерева, обтянуты кожей и снабжены прибором из медного сплава.

На клинок нанесена двуязычная надпись, указывающая на то, что оружие относилось к числу жалованных именных сабель. Оно предназначалось для вручения калмыцкому нойону Бамбару, одержавшему победу над взбунтовавшимися казахами в 1762 г. Опровергнуто бытовавшее в историографии мнение о том, что надпись на левой стороне клинка выполнена на китайском или маньчжурском языке. В действительности текст передан на тодо-бичиг (монг. *Тодо бичиг*) – письменности, созданной в 1648 г. выдающимся ойратским просветителем буддийским монахом Зая-Пандитой. Текст на тодо-бичиг, с некоторыми нюансами, повторяет русскоязычную надпись на правой стороне клинка. Обе надписи выполнены в технике золотой насечки придворными ювелирами Российской империи.

Анализ архивных материалов позволил изучить обстоятельства сражения калмыков и казахов 17 февраля 1762 г., по итогам которого Екатерина II решила наградить нойона Бамбара жалованной саблей.

В 1771 г. большая часть калмыков во главе с ханом Убаши покинула степи Северного Прикаспия и двинулась на восток, рассчитывая поселиться на территории бывшей Джунгарии, разгромленной цинскими войсками в середине 50-х гг. XVIII в. В авангарде «Последнего великого кочевья» шли отряды нойона Бамбара, который, как показали последующие события, захватил с собой и жалованную саблю. Выжившие в ходе «Торгутского побега» калмыцкие владетели были приняты императором Цяньлуном. Правитель Поднебесной пожаловал им титулы и земли. В свою очередь, хан Убаши и его нойоны преподнесли императору многочисленные подарки, в число которых были включены и богато украшенные сабли. Весьма вероятно, что среди них находилась и жалованная сабля нойона Бамбара. Так или иначе, но рассматриваемое оружие оказалось в цинских арсеналах. Во время подавления Ихэтуаньского восстания российские офицеры обратили внимание на две сабли, клинки которых были украшены золотыми надписями на русском языке. В результате жалованные сабли хана Убаши и нойона Бамбара были переданы представителям командования Квантунской крепостной

артиллерии, а оттуда в 1903 г. отправлены в Артиллерийский исторический музей.

Таким образом, вместе со своими хранителями и владельцами рассматриваемая сабля проделала удивительное путешествие по Евразии, масштаб которого даже сейчас поражает воображение. На первом этапе вместе с посланниками Екатерины II она пересекла всю европейскую Россию с севера на юг – от столичного Санкт-Петербурга до равнин Северного Прикаспия. На втором этапе вооруженный этой саблей нойон Бамбар пробился через всю казахскую степь с запада на восток – от берегов Эмбы до полноводной Или. Позднее сабля пересекла всю Цинскую империю от западных границ Синьцзяна до Желтого моря. И наконец, из Порт-Артура была доставлена обратно в Санкт-Петербург.

В завершение отметим, что рассмотренная в настоящей работе сабля имеет значительную научную ценность. Она представляет собой один из немногочисленных дошедших до нашего времени образцов именного жалованного оружия калмыцких правителей, а ее история делает саблю уникальной реликвией российско-калмыцких и калмыцко-цинских отношений XVIII в.

---

[1] Исследование проведено в рамках реализации Государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в сфере научной деятельности (проект № *FSUS*-2020-0021).

[2] Бобров Л. А., Новоселов В. Р. Сабля казахского Вали-хана из собрания Музеев Московского Кремля // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 3: Археология и этнография. С. 95.

[3] Изгиб клинка (по методу А. Н. Кулинского) – 4,5 см (согласно указанному методу, изгиб измеряется по линии, проходящей от основания клинка со стороны лезвия до кончика острия).

[4] Под внешней (лицевой, правой) стороной сабли, клинка / полосы, рукояти, ножен понимается сторона, обращенная к зрителю в тот момент, когда сабля находится в ножнах на поясе воина. Противоположная сторона сабли и ножен именуется, соответственно, внутренней, тыльной, левой.

[5] Досл. «Ясное письмо».

[6] Перевод выполнен Б. В. Меняевым – специалистом Международного научно-исследовательского центра «Ойраты и калмыки на Евразийском пространстве». Авторы выражают благодарность Б. В. Меняеву за помощь в переводе надписи.

[7] Это косвенно подтверждается сведениями «Известий императорской археологической комиссии» за 1904 г., согласно которым сабля была снабжена «...рукояткою, сплошь усеянною драгоценными камнями». См.: Известия императорской археологической комиссии. Прибавление к выпуску 9-му. СПб: Типография В. Безобразова и Комп, 1904. С. 32.

[8] Архив ВИМАИВиВС. Ф. 22. Оп. 111. Ед. хр. 7 (Опись Артиллерийского музея. Ч. IV. 1882. Л. 13 об.–14).

[9] Там же.

[10] Gutowski J. Bron I uzbrojenie tatarow. Katalog zabytkow tatarskich [Weapons and equipment of the Tatars. Catalog of Tatar monuments]. Tom I. Warszawa: Res Publica Multiethnica, 1997, s. 120–125; Аствацатурян Э. Г. Турецкое оружие. СПб.: Атлант, 2002. С. 102; Квасневич В. Польские сабли. СПб.: Атлант, 2005. С. 33–36; Заблоцкий В. Сабли мира. М.: АСТ, 2014. С. 196, 197; Rivkin K. Arms and Armor of Caucasus. N. Y.: The Metropolitan Museum of Art, 2015. P. 169; Квасневич В. Лексикон холодного и метательного оружия. СПб.: Атлант, 2012. С. 165–167; Rivkin K., Isaac B. A Study of the Eastern Sword. Printed in Mankato, 2017. P. 105; Курмановский В. С. К вопросу о происхождении сабель «ордынок» // Историческое оружие в музейных и частных собраниях. Вып. 1. М.: БуксМАрт, 2018. С. 30–33.

[11] Курмановский В. С. Указ. соч. С. 30–39.

[12] Armaments and Military Provisions. The Complete Collektion of Treasures of the Palace Museum. Beijing, 2008, P. 142, fig. 146.

[13] Схожей по форме гардой из медного сплава снабжена также сабля-*чечуга* из Государственного исторического музея им. Яворницкого в г. Днепропетровске. См.: Прокопенко В. М. Сабли-чечуги [Электронный ресурс]. Рис. 6. URL: https://kitabhona.org.ua/libwar_armor/checuga.html (дата обращения: 12.10.2021).

[14] Практика выдачи жалованных сабель правителям кочевников приобрела массовый характер в 30–40-х гг. XVIII в. Первоначально для этой цели использовались сабли и сабельные полосы, хранившиеся с XVII в. в Оружейной палате, однако их запас быстро истощился. Впоследствии закупка жалованных сабель осуществлялась через Коллегию иностранных дел, а после воцарения Екатерины II широкое распространение получает практика использования старинных клинков из Императорской Рюст-Камеры, которые дополнялись новыми эфесами и ножнами. Надписи на клинках жалованных сабель в этот период наносились мастерами-ювелирами Алмазной мастерской. См.: Бобров Л. А., Новоселов В. Р. Указ. соч. С. 95.

[15] Тепкеев В. Т. 1) Калмыки в Северном Прикаспии во второй трети XVII века. Элиста: Джангар, 2012. С. 343–346; 2) Аюка-хан и его время. Элиста: КалмНЦ РАН, 2018. С. 195–218.

[16] Батмаев М. М. Социально-политический строй и хозяйство калмыков в XVII–XVIII вв. Элиста: Джангар, 2002. С. 124; Бобров Л. А. Узенинская битва (1724 г.): предпосылки, ход, результаты // Научный Татарстан. Гуманитарные науки. Казань. № 2, 2013. С. 11.

[17] Бобров Л. А. Узенинская битва. С. 12–15.

[18] Бакунин В. М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1995. С. 58, 59.

[19] Бобров Л. А., Анисимова М. А., Батыров В. В. Жалованная сабля калмыцкого нойона Бамбара из собрания ВИМАИВиВС // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. № 5: Археология и этнография (в печати).

[20] Камыш-Самара – правый приток р. Яика (Урала).

[21] Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 годов. Сборник исторических документов в двух томах. Т. 2. Письма казахских правителей. 1738–1821 гг. Алматы: АБДИ Компани, 2014. С. 103, 104.

[22] Там же. С. 122.
[23] Бобров Л. А. Узенинская битва. С. 9, 15.
[24] Бобров Л. А., Анисимова М. А., Батыров В. В. Указ. соч.
[25] Описание всех обитающих в Российском государстве народов и их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, вероисповеданий и прочих достопамятностей. Часть четвертая: о народах монгольских, об армянах, грузинах, индийцах, немцах, поляках и о владычествующих россианах, с описанием всех именований козаков, так же История о Малой России и купно о Курляндии и Литве. СПб.: Императорская Академия Наук, 1799, С. 9.
[26] Т. е. догнав.
[27] Бобров Л. А., Анисимова М. А., Батыров В. В. Указ. соч.
[28] Там же.
[29] Колесник В. И. Последнее великое кочевье. Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII веках. М.: «Восточная литература» РАН, 2003. С. 171–176, 177.
[30] Там же. С. 198–201, 203.
[31] Бобров Л. А., Анисимова М. А., Батыров В. В. Указ. соч.
[32] *Цзюньван* – принц крови второй степени. Третий по значимости титул Цинской империи. Выше цзюньванов находились лишь сам император и принцы крови первой степени *(циньваны)*.
[33] Санчиров В. П. «Илэтхэл шастир» как источник по истории ойратов. М.: Наука, 1990. С. 90.
[34] Колесник В. И. Последнее великое кочевье. Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII веках. М.: «Восточная литература» РАН, 2003. С. 227.

С. Б. Борисочкин (Санкт-Петербург)

ХРАНИТЕЛИ ПОЛЯРНЫХ КОНВОЕВ

К ИЮНЮ 1941 г. Вторая мировая война, втянув в свою орбиту около 30 стран, вплотную подошла к границам Советского Союза. Армия нацистской Германии к этому времени оккупировала уже 12 европейских государств. После падения Франции под угрозой вторжения оказалась Великобритания. Традиционно Британская империя была преимущественно морской державой с мощным военно-морским флотом. Основой ее стратегии в европейских войнах было наличие одного, а лучше – нескольких союзников на континенте, которые бы несли основную тяжесть войны на суше. В то же время, Великобритания не обладала мощными сухопутными войсками.

Как сообщал советский посол И. Майский, известие о нападении гитлеровской Германии на Советский Союз было встречено в Великобритании с чувством глубокого облегчения[1]. За несколько дней до нападения Германии на СССР в своем послании президенту США Ф. Рузвельту от 15 июня 1941 г. премьер-министр Великобритании У. Черчилль писал: «Если разразится эта новая война, мы, конечно, окажем русским всемерное поощрение и помощь, исходя из того принципа, что враг которого нужно разбить, – это Гитлер». В ответном послании Ф. Рузвельт обещал, что если немцы нападут на Советский Союз, он немедленно публично поддержит «любое заявление, которое может сделать премьер-министр, приветствуя Россию как союзника»[2].

Вечером 22 июня 1941 г. У. Черчилль выступил по радио. Он заявил: «Я вижу все десять тысяч русских деревень, где средства к существованию с таким трудом вырывались у земли, но там также существуют исконные человеческие радости, смеются

девушки и играют дети. И на все это наступает в отвратительной бешеной атаке нацистская военная машина со своими щелкающими каблуками, бряцающим оружием, одетыми с иголочки прусскими офицерами. С ее искусными тайными агентами, только что усмирившими и связавшими по рукам и ногам десяток стран. Любой человек или государство, борющиеся против нацизма, получат нашу помощь. Мы должны оказать России и русскому народу всю помощь, какую только сможем»[3].

На пресс-конференции в Белом доме 24 июня 1941 г. президент США Ф. Рузвельт заявил, что Соединенные Штаты окажут помощь России в ее борьбе против Гитлера. 27 июня в США было официально подтверждено, что «всякая просьба о материальной помощи, с которой советское правительство обратится к США, будет рассмотрена немедленно». Советское правительство уже в конце июня через своего посла в Вашингтоне представило правительству США список поставок, в которых нуждался Советский Союз.

Вопрос о военных поставках был рассмотрен на конференции представителей СССР, США и Великобритании, проходившей в Москве с 29 сентября по 1 октября 1941 г. На конференции был подписан протокол, согласно которому Великобритания и США обязались поставлять Советскому Союзу с 1 октября 1941 г. до конца июня 1942 г. ежемесячно 400 самолетов, 500 танков, зенитные и противотанковые орудия, олово, алюминий, свинец и другие виды вооружений и военных материалов. В протоколе было зафиксировано, что Великобритания и США окажут помощь в транспортировке и доставке материалов в СССР. Советское правительство со своей стороны выразило готовность снабжать Великобританию и США сырьем, в котором они нуждались. Подписание протокола укрепило антигитлеровскую коалицию и перевело вопрос о материальной помощи СССР в практическую плоскость[4].

Советский Союз был включен в программу ленд-лиза только в ноябре 1941 г., но первая помощь от союзников поступила раньше. Уже 31 августа в Мурманск пришел пробный британский морской конвой, открывший регулярное сообщение между СССР и Великобританией по самому короткому маршруту – через арктические воды в порты Мурманска и Архангельска. Этот же маршрут был и самым сложным (как по противодействию противника, так и по погодным условиям).

Проводка конвоя в условиях полярных широт представляла собой сложный комплекс мер, которые требовали слаженного

взаимодействия разных родов войск. Еще большие трудности вызывало проведение такой операции, если требовалось обеспечение взаимодействия между флотом, авиацией и разведкой не одной страны, а двух, которые значительно различались в традициях и методах ведения войны на море, а также имели далеко не равноценный боевой опыт.

Согласно достигнутым договоренностям основная ответственность по проведению конвойных операций ложилась на плечи Британского адмиралтейства. Оно занималось формированием конвоев и прокладкой маршрута. Корабли британского флота должны были сопровождать транспортные суда на всем протяжении более чем 2000-мильного маршрута из Англии и Исландии до Мурманска и Архангельска.

При достижении 20° восточной долготы (остров Медвежий) в дело вступал Северный флот СССР, в меру своих возможностей обеспечивая встречу конвоя, усиливая корабельный эскорт, осуществляя прикрытие судов конвоя с воздуха и сопровождение его в порты. Зона ответственности Северного флота СССР приходилась на отрезок маршрута, наиболее приближенный к побережью Норвегии и немецким аэродромам, а потому самый опасный на всем пути следования конвоя. Чем ближе к кромке льдов шел караван, тем дальше он находился от аэродромов люфтваффе в Норвегии и Финляндии.

1941 год прошел для участников полярных конвоев без серьезных столкновений с противником, что способствовало отработке боевого взаимодействия. В последующий период немцы оценили важность поставок по ленд-лизу для советского-германского фронта.

В связи с начавшимися перевозками немецкое командование в портах и на аэродромах Норвегии и северной Финляндии сосредоточило надводный, подводный флот, а также большое количество торпедоносной и бомбардировочной авиации. К концу апреля 1942 г. на Северный театр боевых действий прибыли экипажи торпедоносцев, проходившие обучение в Италии в Гроссето. Итальянские военно-воздушные силы имели большой опыт по применению торпедоносцев против британского флота на Средиземном море.

Атаки на первые конвои были редкими, но с марта 1942 г. налеты авиации генерал-полковника Г. Штумпфа и нападения подводных лодок адмирала К. Деница стали носить систематический характер.

Всего к марту 1942 г. на аэродромах северного и западного побережья Финляндии и Норвегии, до Тронхейма включительно, базировалось 366 самолетов, из них 67 самолетов Junkers Ju-52 транспортной авиации. В их задачу входило: нарушить работу северных коммуникаций; лишить подвоза необходимого вооружения и сырья для Советского Союза. На аэродромах были сосредоточены следующие части 5-го немецкого воздушного флота:

– две группы 30-й бомбардировочной эскадры;

– группы 120 и 124, на вооружении которых стояли многоцелевые самолеты Junkers Ju-88 (скоростной бомбардировщик, разведчик, торпедоносец, ночной истребитель);

– неполные составы 26-й и 40-й эскадр, отряд метеоразведчиков, состоящий из самолетов типов Heinkel He-111 (средний бомбардировщик, торпедоносец) и Focke-Wulf Fw-200 Condor (самолет дальней морской разведки, дальний бомбардировщик);

– неполный состав 22-й эскадры, самолеты типа Dornier Do-17 (двухмоторный средний бомбардировщик);

– группы 125, 406 и 906, состоящие из самолетов Heinkel He-115 (поплавковый бомбардировщик, торпедоносец и разведчик) и Dornier Do-18 (летающая лодка);

– неполные составы 76-й и 77-й эскадр, состоящие из истребителей Messerschmitt Bf-109E, Messerschmitt Bf-109F, Messerschmitt Bf-110 (двухмоторный тяжелый истребитель);

– неполный состав 5-й эскадры, а это самолеты типа Junkers Ju-87 (пикирующий бомбардировщик и штурмовик);

– отдельные разведывательные отряды, в составе которых были самолеты Henschel Hs-126 (ближний разведчик и корректировщик), Focke-Wulf Fw-58 Weihe (многоцелевой вспомогательный самолет), Fieseler Fi-156 Storch (легкий самолет разведки, связи и целеуказания), Arado Ar-196 (гидросамолет-разведчик)[5].

Опыт боевых действий показал, что ни одна крупная боевая операция немцев не производилась без тщательной, целеустремленной воздушной разведки. Разведывательные полеты производилась самолетами типа Ju-88, Do-17 и Do-18, как правило, в паре, на малых и средних высотах. Обнаружив транспорт (конвой), самолеты-разведчики доносили в базу координаты и направление движения конвоя, продолжая вести за ним наблюдение. На основании полученных данных организовывались комбинированные атаки по транспорту при взаимодействии авиации, подводных

лодок и миноносцев. Маршруты разведывательных полетов немецкой авиации проходили на удалении до 100–150 миль от берега, вплоть до 74° северной широты[6].

По перехваченным донесениям противника стало известно, что разведка наших коммуникаций велась по секторам, идущим в порядке географического расположения баз вдоль норвежского побережья в направлении на север, и при обнаружении конвоев в первых зонах сведения передавались в последующие зоны и базы[7]. Вдоль маршрутов следования арктических конвоев противник сосредоточил следующие силы:

– на аэродроме Хебугтен (Киркенес) находились 63 самолета (5 Me-110, 7 He-111, 2 Hs-126, 10 Ju-88, 23 Ju-87, 7 He-115, 2 Fi-156, 7 Ju-52);

– на аэродроме Луостари (Петсамо) – 38 самолетов (25 Me-109, 5 Me-110, 2 Hs-126, 1 Fw-58, 1 Fi-156, 4 Ju-52);

– на аэродроме Лаксельвен-Банак (Порсангер Фиорд) – 124 самолета (4 He-111, 5 Hs-126, 95 Ju-88, 6 Do-17, 14 Ju-52);

– на аэродроме Тромсэ – 40 самолетов (3 He-115, 23 Do-18, 1 Arado Ar-196, 1 He-59, 12 Ju-52);

– на аэродроме Бардуфорс – 29 самолетов (2 He-111, 2 Hs-126, 12 Ju-88, 5 Ju-87, 8 Ju-52);

– на аэродроме Бодэ – 45 самолетов (5 Me-109, 10 Ju-88, 1 He-111, 4 Ju-87, 4 He-115, 2 Do-17, 1 Do-18, 1 Hs-126 и 17 Ju-52);

на аэродроме Тронхейм – 21 самолет (16 He-111 и Fw-200, 1 Do-17, 4 Ju-52)[8].

В первое время союзники не придавали большого значения усиленной охране конвоев от флота и, особенно, от авиации противника. Авиация союзников совсем не участвовала в прикрытии судов от нападения, в результате этого конвои несли большие потери. Вмешательство Советского Союза и рост потерь заставили союзников включать в состав конвоя авианосцы.

К марту 1942 г. военно-воздушные силы Северного флота не имели специальной авиации для организации воздушного прикрытия конвоев в своей зоне ответственности. Командование ВВС СФ СССР для этой цели использовало самолеты СБ (скоростной фронтовой бомбардировщик), ДБ-3Ф (дальний бомбардировщик) для ПВО конвоев в дальней зоне, а также самолеты И-153, И-16, И-15 истребительной авиации – в ближней[9]. Вся эта авиация не отвечала в полной мере тем требованиям, которые были необходимы авиации прикрытия:

– самолеты СБ и ДБ-3Ф – бомбардировщики без мощного стрелкового и пушечного вооружения, малые максимальные скорости горизонтального полета, несовершенная радиоаппаратура, не маневренные;

– самолеты И-153, И-16, И-15 – истребители с малыми максимальными скоростями горизонтального полета, ограниченный запас горючего, слабое радиооборудование[10].

Задачу обнаружения самолетов противника над морскими коммуникациями и наведения на них истребительной авиации при помощи радиолокационных станций также не удалось решить. К началу войны Северный флот СССР имел девять станций РУС-1. Все они в первые дни войны были уничтожены или демонтированы. Причем, из-за низкой эффективности, демонтированные станции в строй впоследствии не вводились. Таким образом, система обнаружения воздушных целей располагала к началу 1942 г. единичными экземплярами радиолокационных станций. Так как операционная зона Северного флота имела большую протяженность, проблема своевременного обнаружения воздушного противника оставалась очень острой. Промышленность не могла полностью удовлетворить все заявки флота. Так, из 21 РЛС типа РУС-2, на получении которых в 1942 г. настаивал Наркомат ВМФ СССР, реально было получено всего четыре. Широкомасштабные поставки радиолокационной техники начались только в 1943 г.[11]

1 марта 1942 г. приказом НКО СССР в состав ВВС Северного флота был передан 95-й истребительный авиационный полк с задачей организации воздушного прикрытия конвоев в зоне, за которую отвечал Советский Союз.

В сентябре 1941 г. полк был перевооружен на тяжелые истребители Пе-3 с одновременным переименованием в 95-й истребительный авиаполк, приняв в этом качестве участие в битве за Москву. Полк стал единственной авиачастью в советской авиации, эксплуатировавшей тяжелые двухмоторные истребители и добившейся значимых боевых успехов в воздушных боях.

Самолет Пе-3 конструкции В. Петлякова – это модификация самолета Пе-2. Экипаж состоял из 2 человек: летчика и штурмана. Длина самолета – 12,6 м, размах крыла – 17,6 м, высота – 3,93 м, площадь крыла – 40,5 м^2, объем топливных баков – 2200 л, максимальная взлетная масса – 7870 кг, силовая установка – два поршневых двигателя М-105Р (ВК-105ПФ2) мощностью 2 × 1100 (1210) л. с., воздушный винт – ВИШ-42. Максимальная скорость

самолета на высоте 5000 м составляла 535 км/ч и у земли 444 км/ч (по прибору). Практическая дальность дальнего тяжелого истребителя – 2150 км, скороподъемность – 9,3 м/с. Время набора высоты 5000 м составляло 9 мин. По отзывам пилотов, самолет имел запас горючего на 4 ч 30 мин., обладал хорошей маневренностью и более совершенной радиоаппаратурой, чем его предшественники. На истребителе устанавливалось мощное пулеметно-пушечное вооружение центрального боя – батарея из двух пулеметов конструкции Березина калибра 12,7 мм, одна или две пушки ШВАК калибра 20 мм, три пулемета ШКАС калибра 7,62 мм.

По своим летным качествам самолет Пе-3 превосходил такие самолеты противника как Ju-88, He-111 и другие типы торпедоносцев, бомбардировщиков немцев и, несомненно, являлся эффективным оружием в борьбе с немецкой авиацией, которая участвовала в нападении на конвои в море. Запас горючего давал возможность использовать самолет Пе-3 вдали от береговой черты на 300–400 км, надежно прикрывая с воздуха корабли союзников.

Принципиальная схема встречи конвоя стала выглядеть следующим образом: получив сигнал о выходе конвоя из фьордов Исландии, британская военно-морская миссия передавала информацию в штаб Северного флота. Сообщалось количество кораблей в конвое, примерный маршрут и состав эскорта. Также уточнялось место встречи, организация поддержки с воздуха. Британская сторона информировалась советским командованием о названиях и опознавательных знаках встречающих советских кораблей, о начале работ по тралению фарватера за 24 часа до прихода конвоя.

Военно-воздушные силы Северного флота СССР усиливали воздушную разведку с целью поиска немецких подводных лодок и надводных кораблей. Помимо разведданных, авиация собирала информацию гидрометеорологического характера, о состоянии погоды и границах льда на трассе. Затем эта информация передавалась через британскую военную миссию в Адмиралтейство, которое на основании этих сведений окончательно устанавливало маршрут движения конвоя. Далее силами ВВС осуществлялись бомбардировки аэродромов люфтваффе (Хебуктен, Лоустари и Хаммерфест). Примерно два раза в сутки проводилась разведка по пути следования конвоя, вплоть до острова Медвежий.

Непосредственное прикрытие конвоя в радиусе 200 морских миль (370 км) осуществлялось тяжелыми двухмоторными

истребителями Пе-3 95-го истребительного авиационного полка СФ, а в радиусе 100 миль (185 км) к ним присоединялись одномоторные истребители. На аэродромах в полной боевой готовности стояли бомбардировщики и торпедоносцы, готовые атаковать корабли противника в море.

Театр действий самолетов Пе-3 охватывал территории до 74° северной широты – от Мурманска и порта Варде на север, к северной и восточной частям Белого моря (о. Колгуев – Архангельск). В порт Мурманск и по меридиану Териберка конвои сопровождали до 50 км от береговой черты, где охрана конвоя переходила в ведение истребительной авиации. От меридиана Териберка на восток конвои у береговой черты прикрывались самолетами Пе-2.

После постановки задачи по прикрытию и сообщению примерной точки нахождения конвоя первые 1–2 и даже 3 вылета попарно организовывались на поиск конвоя, так как часто были случаи, когда в указанной точке его не обнаруживалось (он либо до нее не дошел, либо уже прошел ее). Вылетающим на поиск конвоя экипажам ставилась задача разыскать и прикрывать его с воздуха.

Поиск конвоя производился от указанной точки его нахождения навстречу, догон – строго по курсу следования конвоя или увеличивающейся «коробочкой» в районе указанной точки. После обнаружения и прикрытия конвоя, отойдя от него на 50 км, давали по радио сообщение о местонахождении кораблей, и окончательно уточнялись все данные для посадки.

По уточненным данным самолеты на ПВО конвоя вылетали по составленной плановой таблице. Она строилась с расчетом на наращивание самолетов по мере приближения кораблей конвоя к берегу, где появление самолетов противника было наиболее вероятным.

Весь полет самолета рассчитывался на 3 ч 30 мин. – 3 ч 40 мин., но были случаи, когда полеты проходили до 4 ч. 05 мин. – 4 ч 20 мин. В данных случаях посадку производили на ближайшие аэродромы Поной, Иоканьга, Кильдин и Пуманки.

Самолеты к конвою подходили с левого борта на высоте 600–700 м, давали опознавательный сигнал, определенный на данный день, и ложились в левый разворот. Флагман давал ответный сигнал прожектором, после чего самолеты прикрытия занимали боевой порядок. Экипажи 95-го полка использовали следующие боевые порядки прикрытия кораблей союзных конвоев:

– прикрытие парой Пе-3 (полет над конвоем выполнялся одиночно, находясь друг от друга на противоположных сторонах круга; высота прикрытия 1000–1500 м; при облачности 7–8 баллов в районе конвоя ведущий временами уходил за облака для просмотра воздуха за ними; ведомый все время находится над конвоем);

– прикрытие двумя парами самолетов Пе-3 (патрулирование выполнялось парами самолетов на противоположных сторонах круга; высота полета у ведущей пары на 500 м выше, и при облачности 7–8 баллов ведущая пара просматривает воздух за облаками);

– прикрытие при трех парах самолетов Пе-3 (две пары самолетов под облачностью и третья пара самолетов за облачностью, контролируя свое местоположение через просветы; эти порядки использовались при облачности высотой 2000–2500 м и количестве облачности 7–8 баллов; если облачность была 10 баллов, то третья пара ходила на высоте 500 м над водой против торпедоносцев и ведущая пара на 300–500 м ниже слоя облачности; при низкой и 10-бальной облачности прикрытие велось до бреющих высот).

В практике 95-го авиационного полка встречались случаи, когда конвой находился в полосе тумана или зарядах осадков. Когда в таких условиях становилось невозможным пилотирование самолетов, ведущие групп прибегали к методу прикрытия конвоя со стороны возможного подхода авиации противника. Это решение оправдывалось: происходили воздушные бои с авиацией противника, заставляя последнюю отказываться от атак конвоев.

Самолеты прикрытия по разработанной инструкции имели связь с флагманом конвоя, для этого работали на одной радиочастоте с флагманом, но до появления авиации противника в районе нахождения кораблей соблюдалось радиомолчание, все радиостанции работали на прием, но как только появлялись самолеты противника, флагман и ведущие групп вступали в работу по связи, информируя друг друга о воздушном противнике. Для быстрого наведения на самолет противника применялось оповещение по принципу часового циферблата, где 12 часов совмещались с носом флагманского корабля. Этот способ позволял оповещать о появлении противника с любого направления.

По получению оповещения с корабля самолеты шли на противника, сбивая его самолеты с боевого курса, заставляя отказаться от атаки и сбросить бомбы и торпеды не прицельно. При

этом самолет прикрытия выполнял задачу по охране конвоя. Хотя самолет противника и не был сбит, самолеты-разведчики необходимо было уничтожать.

Смена групп прикрытия производилась по времени, указанном в плановой таблице. Но если смена не производилась к указанному времени, то самолеты были обязаны не оставлять конвой без прикрытия, подождать еще 10 минут и только после этого возвращаться на базу. А если над конвоем кораблей находились самолеты противника, ведущий группы был обязан максимально долго продержаться над конвоем, отразить атаки противника и совершить посадку на ближайшем аэродроме. Аэродромы у береговой черты были известны всему летному составу полка, на этих аэродромах находилось все необходимое для приема самолетов Пе-3. По прилету на аэродром экипажи докладывали точное место конвоя, походный ордер, данные о противнике. Место конвоя экипажи определяли по пролету расстояния точно по курсу до береговой черты.

В практике прикрытия конвоев применялась еще одна форма: на случай, когда авиация противника не производила активных полетов (особенно в районе горла Белого моря), имелась дежурная пара самолетов в пятиминутной готовности к вылету. В данном случае работа производилась с аэродромов Паной и Иоканьга. Самолет Пе-3 применялся для прикрытия порта Архангельска во время разгрузки транспорта, куда могли доходить немецкие бомбардировщики.

Так, например, 20 сентября 1942 г. при прикрытии транспортов, следующих в порт Архангельска, в районе о. Мудьюг в Белом море экипажи 95-го ИАП (летчики: командир полка подполковник А. В. Жатьков и старший лейтенант В. С. Стрельцов) в 15:25–16:30 встретили большую группу бомбардировщиков противника. Своими атаками экипажи не допустили бомбардирования конвоя, сбив при этом по одному Ю-88. Данными противника подтверждаются в этот день две потери I группы бомбардировочной эскадры KG 30. Ju 88A-4 W.Nr.1422 борт 4D+CH не вернулся из боевого вылета («возможно, сбит»), его экипаж пропал без вести; также 35 % повреждений в результате «обстрела зенитной артиллерией и воздушного боя» получил Ju-88A-4 W.Nr.142162, экипаж машины остался невредим. Транспорт потерь не понес, хотя число самолетов противника, участвовавших в налете, было более двадцати[12].

Анализируя боевую работу 95-го истребительного авиационного полка СФ на самолетах Пе-3 по прикрытию конвоев, можно сказать, что этот самолет в борьбе с ударной авиацией немцев себя оправдал. За все время боевой работы на самолетах Пе-3, полк, по причине закрытия аэродрома Паной туманом, дал возможность немецкой авиации потопить один транспорт в районе мыса Канин Нос. Но как только в районе конвоя появились самолеты Пе-3, самолеты противника ушли, и корабли потерь больше не имели. Это единственная потеря, понесенная конвоями за период боевой работы полка по их прикрытию[13].

Вполне вероятно то, что конвои, идущие в СССР и обратно, могли потерять гораздо больше судов, если бы не поддержка советских Военно-воздушных сил Северного флота, отвлечение сил противника нанесением бомбовых ударов и т. д. Сам вид появившегося на горизонте силуэта советского истребителя невероятно поднимал боевой дух моряков конвоя, которые, будучи измученными длительным переходом в северных широтах и постоянными атаками противника, понимали, что они выполнили поставленную задачу.

Оценивая общую эффективность боевого взаимодействия, можно сказать, что и Великобритания, и СССР внесли вклад в успешную проводку конвоев. Несмотря на многочисленные трудности, поставленная перед ними задача была выполнена.

---

[1] Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945, документы и материалы: в 2-х т. Т. 1. 1941–1943. М.: Политиздат, 1983.
[2] Churchill W. Op. cit., vol. III, p. 220.
[3] W. Churchill's War Speeches. London, 1942, vol. II, p. 176–180.
[4] Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны. С. 140–146 – Секретный протокол Московской конференции представителей США, СССР и Великобритании от 1 октября 1941 г.
[5] Филиал Центрального архива Министерства обороны РФ (Архив ВМФ). Ф. 12. Оп. 128. Д. 85. С. 126.
[6] Там же. С. 66.
[7] Там же. С. 68.
[8] Там же. С. 125.
[9] Там же. Д. 104. С. 54.
[10] Там же.
[11] Там же. Д. 85. С. 174–175.
[12] Там же. Ф. 787. Оп. 195 – Оперативная сводка штаба ВВС СФ № 263.
[13] Там же. Ф. 12. Оп. 128. Д. 262. С. 15–19.

А. В. Вахтеров (Москва)

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБОРОННЫЙ ЗАКАЗ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ ИЗ ФОНДОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО АРХИВА МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП Специальной военной операции (СВО) на юго-востоке Украины выявил ряд недостатков в организации тылового обеспечения боевых подразделений. Подобные обстоятельства дали повод ряду средств массовой информации (СМИ), негативно настроенных по отношению к России, а также злопыхателям из Интернет-среды высказать целый шквал негодования по поводу «неготовности» Вооруженных сил к войне. Помимо объективных причин, главная из которых – это ведение так называемой «информационной» войны, есть еще одно обстоятельство, незнание которого создает почву для подобных «негодований».

Изучая историю войн, исследователи обычно заостряют свое внимание на боевых действиях. При этом мало кто задается вопросом: «Что необходимо сделать и сколько надо произвести, чтобы одна единица боевой техники и/или вооружения попала на передовую?». Вопрос далеко не праздный. В данной статье предлагается к рассмотрению порядок выполнения государственного оборонного заказа (ГОЗ) по оснащению аэросанных частей в период со второй половины 1944 по начало 1945 г.

Во время Великой Отечественной войны любой ГОЗ регламентировался соответствующим постановлением Государственного Комитета Обороны (далее – ГОКО или ГКО), принятию которого предшествовала серьезная, занимающая несколько месяцев работа.

Первоначальную часть этой работы выполняло Главное автобронетанковое управление Красной армии (ГАБТУ КА). Аэросанями занималось Управление бронепоездов и бронемашин (УБПиБМ), именовавшееся в документах как управление № 7 ГАБТУ КА.

На протяжении всего периода боевых действий (в нашем случае – зимние кампании) или просто эксплуатации соответствующего типа боевой и автомобильной техники осуществлялась аналитическая работа (см. табл. 1):

по определению потерь (боевых либо просто в процессе эксплуатации), которые необходимо либо восполнить, либо провести ремонт;

производственные возможности по ремонту военных училищ (ВУ), частей и подразделений непосредственного подчинения ГАБТУ КА;

возможности по изготовлению и ремонту техники на предприятиях, подчиненных другим наркоматам[1].

Таблица 1

Выписка из плана парка восстановления аэросаней УБПиБМ КА за период май–август 1943 г. по ремонтным подразделениям ОАСБ, предприятиям промышленности, ремонтным ротам[2]

		Аэросаней	Моторов М-11
Числится по штату		2071	2170
Безвозвратные потери		72	65
Имеется по списку		2041	2147
Подлежит восстановлению	Текущий ремонт	1049	1155
	Средний ремонт	471	417
	Капитальный ремонт	267	279
Всего		**1787**	**1859**
Восстанавливаются на месте	Текущий ремонт	1049	1155
	Средний ремонт	471	31
	Капитальный ремонт	–	16
Всего (ремонтными подразделениями ОАСБ)		**1520**	**1202**

		Аэросаней	Моторов М-11
Отправляются на ремонтные предприятия	Завод № 41 НКАП	–	568
	Завод № 41 Наркомлес г. Киров	141	–
	Завод «Красный Октябрь» г. Молотов	31	–
	Мебельный комбинат г. Иваново	86	–
	3-я ремонтная рота г. Москва	9	81
Всего (предприятиями по заявкам ОАСБ)		**267**	**649**

Ремонтом и восстановлением поврежденной техники кроме предприятий промышленности занимались соответствующие ремонтные подразделения учреждений, соединений и частей (далее – ремонтные подразделения).

Непосредственно войсковым ремонтом аэросаней занимались:

два военных училища (далее – ВУ) – Соликамское и Котласское[3];

44-й отдельный учебный аэросанный полк (ОУАП);

33-й отдельный аэросанный батальон (оасб), приписанный к Центральной базе хранения аэросаней;

подвижные ремонтные роты по ремонту аэросаней № 1–3;

личный состав оасб фронтов и армий в летний период.

Аэросанные училища в течение всей войны готовили необходимых специалистов аэросанной специальности, на их базе формировались все аэросанные части[4]. С весны 1942 г. оба училища представляли собой центры по обслуживанию, ремонту и модернизации аэросаней[5], имели соответственные производственные планы (см. табл. 2).

Из таблицы видно, что оба училища на начальном периоде войны:

имели производственную базу для суммарного ремонта аэросаней: капитального – не менее 200 единиц; среднего – до 250 ед.; всего – 200–300 ед.;

ремонтом моторов М-11 не занимались.

Таблица 2

План ремонта и модернизации аэросаней летом–осенью 1942 г.[6]

Училище	Марки аэросаней	Всего подлежит восстановления		
		Средний ремонт	Капитальный ремонт	Модернизация
Котласское ВУ	НКЛ-26	100	45	1300
	НКЛ-16 3-х лыжн.	2	–	–
	НКЛ-16 4-х лыжн.	5	6	75
	РФ-8	47	52	150
	Всего	**154**	**103**	**1525**
Соликамское ВУ	НКЛ-26	–	–	60
	НКЛ-16 3-х лыжн.	16	4	–
	НКЛ-16 4-х лыжн.	50	12	1400
	Всего	**66**	**16**	**1460**
Итого по обоим училищам		**220**	**119**	**2985**

Последние в этот период ремонтировались на заводах Народного комиссариата[7] авиационной промышленности (далее – НКАП).

Аэросани имели деревянный корпус и с 1935 г. изготавливались на предприятиях, подчиненных Наркомлесу СССР[8], сама аббревиатура основных аэросаней, стоявших на вооружении Красной армии в годы Великой Отечественной войны – НКЛ-16 и НКЛ-26 – обозначала «НарКомЛес». По этой причине для ремонта аэросаней привлекались предприятия Наркомата лесной промышленности, мебельные заводы и фабрики. В составе Наркомлеса для выполнения задач по изготовления и ремонту аэросаней было создано Главное управление специальной деревообрабатывающей промышленности – Главспецдревпром[9].

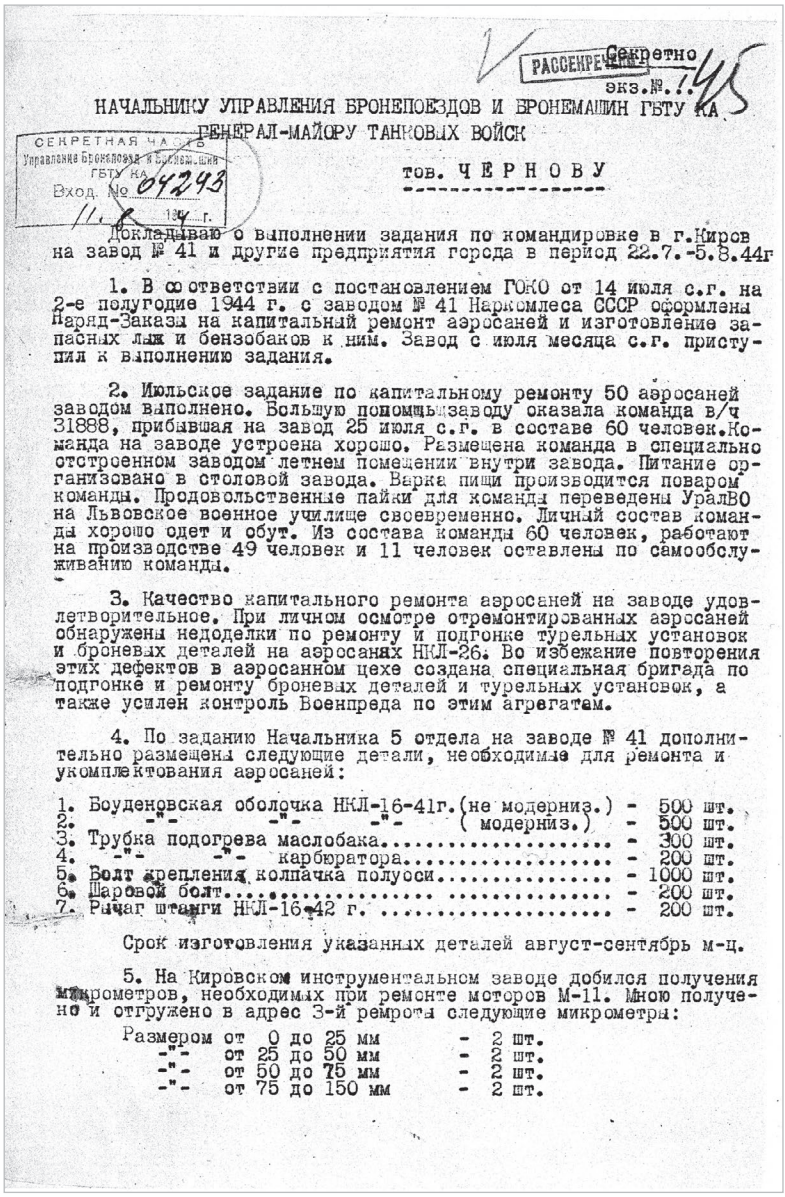
Для изготовления необходимых приборов, инструментов и комплектующих запасных частей привлекались как промышленные предприятия, так и отдельные артели (ил. 1, 2)[10].

К середине Великой Отечественной войны произошло увеличение ремонтной базы военных училищ и войсковых подвижных ремонтных подразделений, что позволило наладить ремонт моторов (в основном текущий и средний) вне промышленных предприятий (см. табл. 3).

Таблица 3

Выписка из плана восстановления по аэросанному парку военных училищ (май–август 1943 г.)[11]

		Аэросаней	Моторов М-11
Котласское военное училище			
Имеется по списку		1095	932
Подлежит восстановлению	Текущий ремонт	651	279
	Средний ремонт	219	147
	Капитальный ремонт	90	118
Всего		**960**	**544**
Восстанавливаются на месте	Текущий ремонт	651	249
	Средний ремонт	219	147
	Капитальный ремонт	35	–
Всего		**905**	**426**
Отправляются на ремонтные предприятия	Завод № 41 НКАП	-	118
	Завод № 41 Наркомлес г. Киров	55	–
Всего (по заявкам Котласского ВУ)		**55**	**118**
Соликамское военное училище			
Имеется по списку		195	186
Подлежит восстановлению	Текущий ремонт	62	24
	Средний ремонт	14	16
	Капитальный ремонт	–	–
Всего		**76**	**40**
Восстанавливаются на месте	Текущий ремонт	62	24
	Средний ремонт	14	16
	Капитальный ремонт	–	–
Всего		**76**	**40**



Секретно
РАССЕКРЕЧЕНО
экз. №. 1
45

НАЧАЛЬНИКУ УПРАВЛЕНИЯ БРОНЕПОЕЗДОВ И БРОНЕМАШИН ГБТУ КА
ГЕНЕРАЛ-МАЙОРУ ТАНКОВЫХ ВОЙСК
тов. ЧЕРНОВУ

СЕКРЕТНАЯ ЧАСТЬ
Управление Бронепоезд. и Бронемашин ГБТУ КА
Вход. № 04243
11.8 1944 г.

Докладываю о выполнении задания по командировке в г.Киров на завод № 41 и другие предприятия города в период 22.7.-5.8.44г

1. В соответствии с постановлением ГОКО от 14 июля с.г. на 2-е полугодие 1944 г. с заводом № 41 Наркомлеса СССР оформлены Наряд-Заказы на капитальный ремонт аэросаней и изготовление запасных лыж и бензобаков к ним. Завод с июля месяца с.г. приступил к выполнению задания.

2. Июльское задание по капитальному ремонту 50 аэросаней заводом выполнено. Большую помощь заводу оказала команда в/ч 31888, прибывшая на завод 25 июля с.г. в составе 60 человек. Команда на заводе устроена хорошо. Размещена команда в специально отстроенном заводом летнем помещении внутри завода. Питание организовано в столовой завода. Варка пищи производится поваром команды. Продовольственные пайки для команды переведены УралВО на Львовское военное училище своевременно. Личный состав команды хорошо одет и обут. Из состава команды 60 человек, работают на производстве 49 человек и 11 человек оставлены по самообслуживанию команды.

3. Качество капитального ремонта аэросаней на заводе удовлетворительное. При личном осмотре отремонтированных аэросаней обнаружены недоделки по ремонту и подгонке турельных установок и броневых деталей на аэросанях НКЛ-26. Во избежание повторения этих дефектов в аэросанном цехе создана специальная бригада по подгонке и ремонту броневых деталей и турельных установок, а также усилен контроль Военпреда по этим агрегатам.

4. По заданию Начальника 5 отдела на заводе № 41 дополнительно размещены следующие детали, необходимые для ремонта и укомплектования аэросаней:

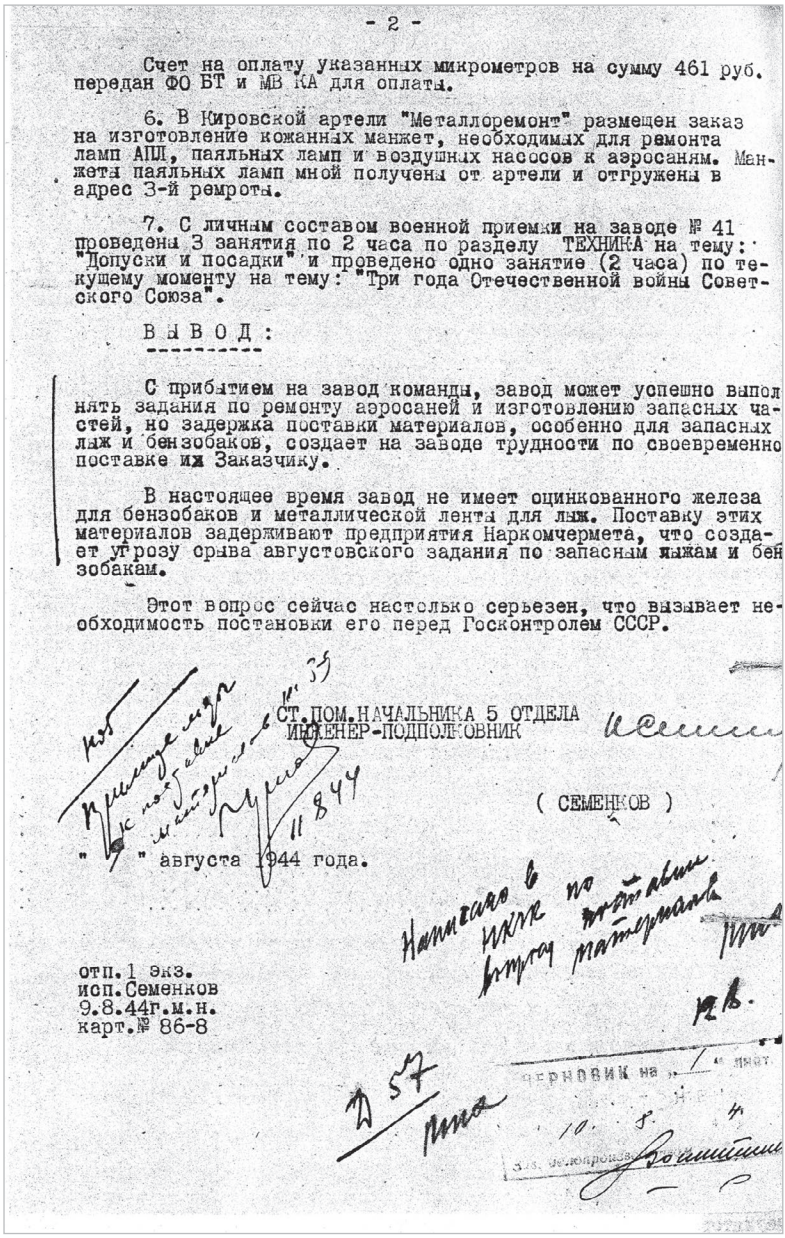
1.	Боуденовская оболочка НКЛ-16-41г. (не модерниз.)	-	500 шт.
2.	-"- -"- -"- (модерниз.)	-	500 шт.
3.	Трубка подогрева маслобака.....	-	300 шт.
4.	-"- -"- карбюратора.....	-	200 шт.
5.	Болт крепления колпачка полуоси.....	-	1000 шт.
6.	Шаровой болт.....	-	200 шт.
7.	Рычаг штанги НКЛ-16-42 г.	-	200 шт.

Срок изготовления указанных деталей август-сентябрь м-ц.

5. На Кировском инструментальном заводе добился получения микрометров, необходимых при ремонте моторов М-11. Мною получено и отгружено в адрес 3-й ремроты следующие микрометры:

Размером от 0 до 25 мм	-	2 шт.
-"- от 25 до 50 мм	-	2 шт.
-"- от 50 до 75 мм	-	2 шт.
-"- от 75 до 150 мм	-	2 шт.

Ил. 1, 2. Отчет старшего помощника начальника 5-го отдела ГАБТУ КА инженер-полковника Семенкова



- 2 -

Счет на оплату указанных микрометров на сумму 461 руб. передан ФО БТ и МВ КА для оплаты.

6. В Кировской артели "Металлоремонт" размещен заказ на изготовление кожанных манжет, необходимых для ремонта ламп АПД, паяльных ламп и воздушных насосов к аэросаням. Манжеты паяльных ламп мной получены от артели и отгружены в адрес 3-й ремроты.

7. С личным составом военной приемки на заводе № 41 проведены 3 занятия по 2 часа по разделу ТЕХНИКА на тему: "Допуски и посадки" и проведено одно занятие (2 часа) по текущему моменту на тему: "Три года Отечественной войны Советского Союза".

В Ы В О Д :

С прибытием на завод команды, завод может успешно выполнять задания по ремонту аэросаней и изготовлению запасных частей, но задержка поставки материалов, особенно для запасных лыж и бензобаков, создает на заводе трудности по своевременной поставке их Заказчику.

В настоящее время завод не имеет оцинкованного железа для бензобаков и металлической ленты для лыж. Поставку этих материалов задерживают предприятия Наркомчермета, что создает угрозу срыва августовского задания по запасным лыжам и бензобакам.

Этот вопрос сейчас настолько серьезен, что вызывает необходимость постановки его перед Госконтролем СССР.

СТ.ПОМ.НАЧАЛЬНИКА 5 ОТДЕЛА
ИНЖЕНЕР-ПОДПОЛКОВНИК

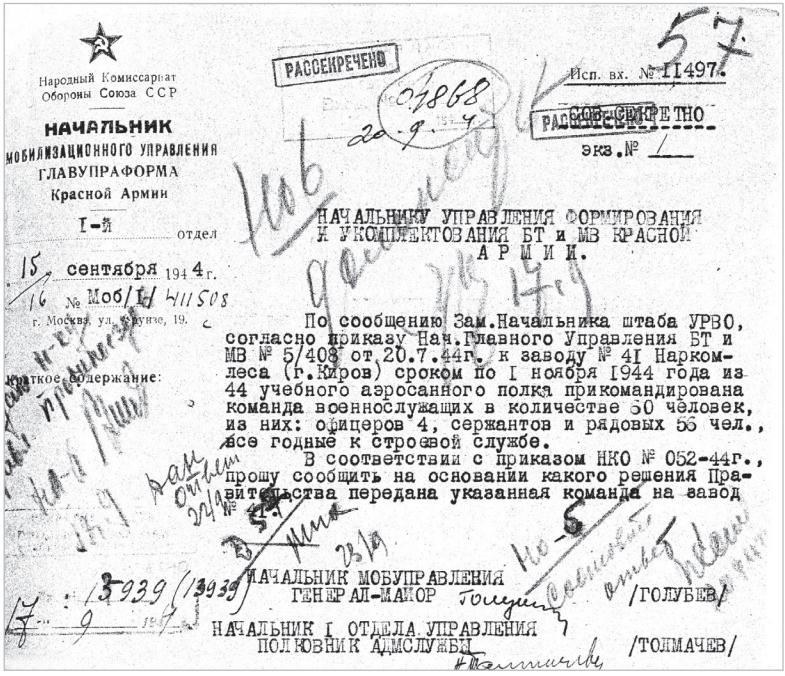
(СЕМЕНКОВ)

" 9 " августа 1944 года.

отп.1 экз.
исп.Семенков
9.8.44г.м.н.
карт.№ 86-8

В течение войны нагрузка на училища по ремонту материальной части аэросаней и моторов к ним возросла. В 1943 г. (табл. 3) на базе Котласского ВУ восстанавливалось (ремонтировалось) 900–1000 единиц аэросаней и 400–500 авиамоторов М-11; на базе Соликамского ВУ – 76 и 40 соответственно. Перекос в количестве объясняется тем обстоятельством, что к 1944 г. Соликамское ВУ перепрофилировалось на подготовку специалистов для самоходной артиллерии. Все без исключения аэросанные части переводились на доукомплектование и переформирование в Котласское ВУ.

Кроме того, на базе Котласского ВУ в августе 1944 г. сформирован 44-й ОУАП, который выполнял примерно такие же функции и имел соответствующие возможности в плане ремонта аэросаней. Полк формировался из личного состава расформированных оасб, имевшего значительный практический опыт полевого ремонта материальной части аэросаней.



Народный Комиссариат Обороны Союза ССР

НАЧАЛЬНИК МОБИЛИЗАЦИОННОГО УПРАВЛЕНИЯ ГЛАВУПРАФОРМА Красной Армии

I-й отдел

15 сентября 1944 г.

№ Моб/I/ 411508

г. Москва, ул. Кирова, 19.

Краткое содержание:

РАССЕКРЕЧЕНО

Исп. вх. № 11497.

РАССЕКРЕЧЕНО

экз. № 1

НАЧАЛЬНИКУ УПРАВЛЕНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И УКОМПЛЕКТОВАНИЯ БТ и МВ КРАСНОЙ А Р М И И.

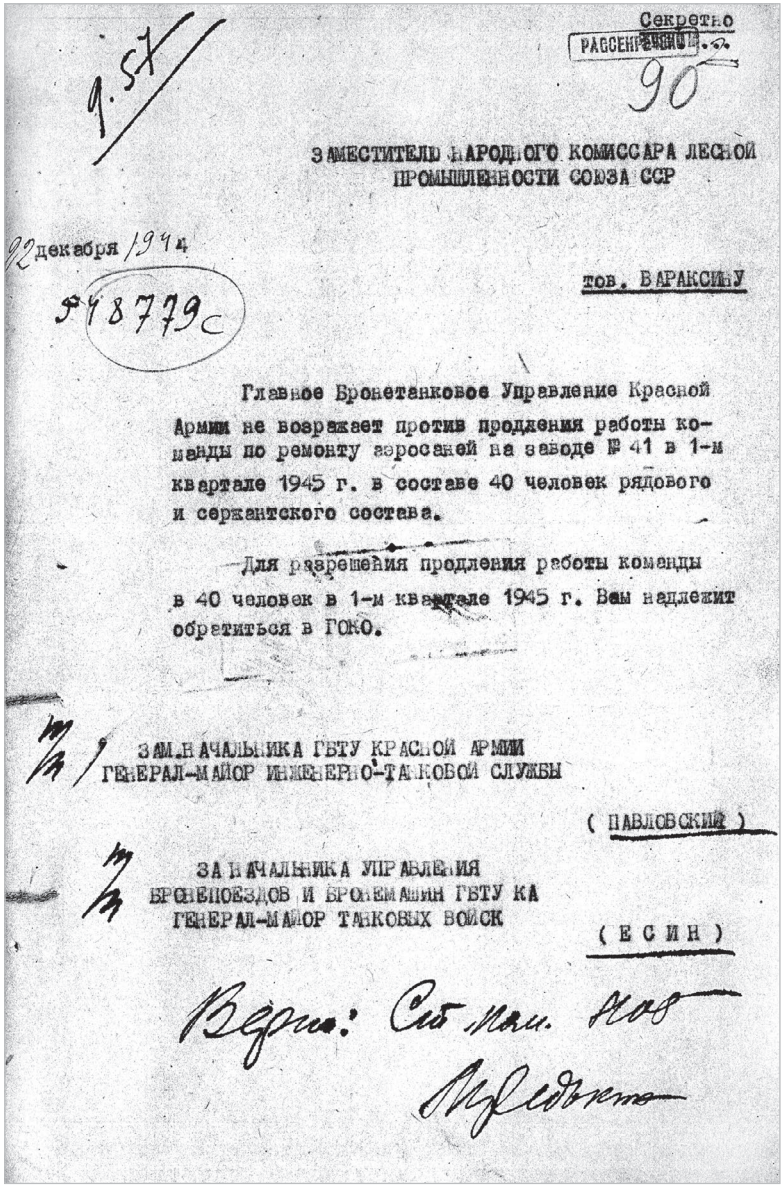
По сообщению Зам.Начальника штаба УРВО, согласно приказу Нач.Главного Управления БТ и МВ № 5/403 от 20.7.44г. к заводу № 41 Наркомлеса (г.Киров) сроком по 1 ноября 1944 года из 44 учебного аэросанного полка прикомандирована команда военнослужащих в количестве 50 человек, из них: офицеров 4, сержантов и рядовых 55 чел., все годные к строевой службе.

В соответствии с приказом НКО № 052-44г., прошу сообщить на основании какого решения Правительства передана указанная команда на завод № 41.

НАЧАЛЬНИК МОБУПРАВЛЕНИЯ ГЕНЕРАЛ-МАЙОР /ГОЛУБЕВ/

НАЧАЛЬНИК I ОТДЕЛА УПРАВЛЕНИЯ ПОЛКОВНИК АДМСЛУЖБЫ /ТОЛМАЧЕВ/

Ил. 3. Запрос начальника Мобилизационного управления Главного управления формирований резервов Красной армии генерал-майора Голубева



Секретно

РАССЕКРЕЧЕНО

90

9.57

ЗАМЕСТИТЕЛЮ НАРОДНОГО КОМИССАРА ЛЕСНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СОЮЗА ССР

22 декабря 1944

548779с

тов. ВАРАКСИНУ

Главное Бронетанковое Управление Красной Армии не возражает против продления работы команды по ремонту аэросаней на заводе № 41 в 1-м квартале 1945 г. в составе 40 человек рядового и сержантского состава.

Для разрешения продления работы команды в 40 человек в 1-м квартале 1945 г. Вам надлежит обратиться в ГОКО.

ЗАМ. НАЧАЛЬНИКА ГБТУ КРАСНОЙ АРМИИ
ГЕНЕРАЛ-МАЙОР ИНЖЕНЕРНО-ТАНКОВОЙ СЛУЖБЫ

(ПАВЛОВСКИЙ)

ЗА НАЧАЛЬНИКА УПРАВЛЕНИЯ
БРОНЕПОЕЗДОВ И БРОНЕМАШИН ГБТУ КА
ГЕНЕРАЛ-МАЙОР ТАНКОВЫХ ВОЙСК

(ЕСИН)

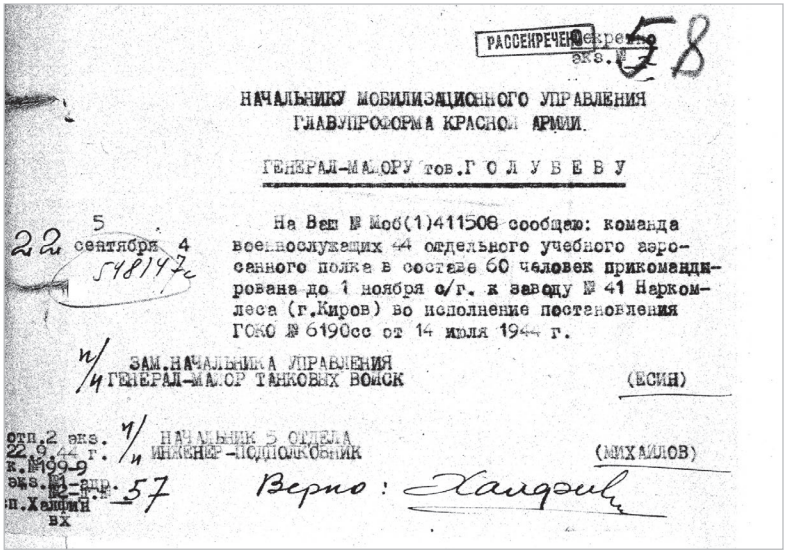
Верно: Ст. пом. НОВ

Ил. 4. Ответ заместителю Народного комиссара Наркомлеса Вараксину заместителя начальника ГБТУ Красной армии генерал-майора Павловского

Последнее обстоятельство позволяло формировать и направлять для оказания практической помощи предприятиям промышленности команды из военнослужащих, имеющих опыт полевого ремонта. Так как несанкционированное привлечение военнослужащих для выполнения задач, не связанных с военной службой, могло стать предметом проведения серьезного расследования (ил. 3)[12], вопрос согласовывался с ГАБТУ КА (ил. 4)[13] и утверждался решением ГОКО (ил. 5)[14].

Суммарно – два училища и полк – могли осуществить ремонт 600–800 аэросаней и не менее 600 моторов М-11.

Отдельное место в ремонте аэросаней занимал 33-й оасб, который в течение всей войны дислоцировался в Москве на ул. 8 Марта и входил в Московскую базу (см. табл. 4). Кроме обслуживания аэросанной техники на Центральном складе ГАБТУ КА личный состав батальона привлекался для проведения испытания новых образцов техники и установленного на них вооружения[15]. Одновременно на базе батальона формировались подвижные ремонтные роты, занимавшиеся исключительно ремонтом аэросаней и моторов. Отдельные подвижные ремонтные роты



РАССЕКРЕЧЕНО Секретно
экз. № 58

НАЧАЛЬНИКУ МОБИЛИЗАЦИОННОГО УПРАВЛЕНИЯ
ГЛАВУПРОФОРМА КРАСНОЙ АРМИИ.

ГЕНЕРАЛ-МАЙОРУ тов. Г О Л У Б Е В У

5
22 сентября 4
548147с

На Ваш № Моб(1)411508 сообщаю: команда военнослужащих 44 отдельного учебного аэросанного полка в составе 60 человек прикомандирована до 1 ноября с/г. к заводу № 41 Наркомлеса (г.Киров) во исполнение постановления ГОКО № 6190сс от 14 июля 1944 г.

п/п ЗАМ.НАЧАЛЬНИКА УПРАВЛЕНИЯ
ГЕНЕРАЛ-МАЙОР ТАНКОВЫХ ВОЙСК (ЕСИН)

отп.2 экз.
22.9.44 г.
к.№199-9
экз.№1-адр.
№2-т.№ 57
сп.Халфин
вх

п/п НАЧАЛЬНИК 5 ОТДЕЛА
ИНЖЕНЕР-ПОДПОЛКОВНИК (МИХАЙЛОВ)

Верно: Халфин

Ил. 5. Ответ начальнику Мобилизационного управления Главуправформа Красной армии генерал-майору Голубеву заместителя начальника управления генерал-майора Есина

Таблица 4

Выписка из плана восстановления по аэросанному парку Московской базы (май–август 1943 г.)[16]

		Аэросаней	Моторов М-11
Московская база			
Имеется по списку		371	387
Подлежит восстановлению	Текущий ремонт	32	11
	Средний ремонт	36	12
	Капитальный ремонт	2	26
Всего		**70**	**49**
Восстанавливаются на месте	Текущий ремонт	32	36
	Средний ремонт	11	12
	Капитальный ремонт	–	–
Всего		**68**	**23**
Отправляются на ремонтные предприятия	Завод № 41 НКАП	–	26
	Завод № 41 Наркомлес г. Киров	2	–
Всего		**2**	**26**

в отчетах относились к подвижным ремонтным предприятиям (см. табл. 1 и 6).

Значительная часть аэросаней и моторов ремонтировалось (восстанавливалось) аэросанными батальонами, находящимися непосредственно на фронтах (см. табл. 5).

В течение войны в аэросанных частях и подразделениях служило около 6–8 тыс. человек, с военными училищами – не более 10 тыс.

Ремонтом материальной части в батальоне занимались две бригады из личного состава ремонтной мастерской роты обеспечения аэросаней – всего 10 человек[17]. Примерно 8 % от штатной численности личного состава боевого (120 чел.) и 9 % – транспортного (98 чел.) батальона.

В пересчете на 70 батальонов – 700 человек, которые обслуживали, ремонтировали почти 3 тыс. аэросаней (точнее – 2940). Но это те, кто занимался ремонтом постоянно.

Таблица 5

Выписка из плана парка восстановления аэросаней УБПиБМ КА за период май–август 1943 г. по ремонтным подразделениям ОАСБ, предприятиям промышленности, ремонтным ротам[18]

Всего по оасб дислоцированным по фронтам		Аэросаней	Моторов М-11
Имеется по списку		2041	2147
Подлежит восстановлению	Текущий ремонт	1049	1158
	Средний ремонт	471	417
	Капитальный ремонт	267	279
Всего		**1787**	**1859**
Восстанавливаются на месте	Текущий ремонт	1049	1155
	Средний ремонт	471	31
	Капитальный ремонт	–	16
Всего		**1520**	**1202**
Отправляются на ремонтные предприятия	Завод № 41 НКАП	–	568
	Завод № 41 Наркомлес г. Киров	141	–
	Завод «Красный Октябрь» г. Молотов	31	–
	Мебельный комбинат г. Иваново	86	–
	3-я ремонтная рота г. Москва	9	81
Всего (по заявкам УБПиБМ, ВУ и ОАСБ)		**267**	**649**

С экипажами подбитых (поврежденных) в ходе боевых действий машин – уже 15–20 %. Летом, в период подготовки техники к зимней кампании – 70–90 % (94 человека из состава экипажей и ремонтных бригад). В пересчете на 70 батальонов – 6580 человек. С учетом личного состава ремонтных подразделений военных училищ – около 7 тыс. человек.

Обслуживанием, ремонтом и восстановлением 3000–3500 аэросаней в той или иной мере занималось 6500–7000 человек, по два человека на машину. Столько, сколько служило в батальонах

Таблица 6

Выписка из плана восстановления по аэросанному парку в/училищ и Московской базе[19]

Всего по фронтам, военным училищам и Московской базе		Аэросаней	Моторов М-11
Имеется по списку		3702	3652
Подлежит восстановлению	Текущий ремонт	1794	1469
	Средний ремонт	740	592
	Капитальный ремонт	359	423
Всего		**2893**	**2492**
Восстанавливаются на месте	Текущий ремонт	1794	1469
	Средний ремонт	740	206
	Капитальный ремонт	35	16
Всего		**2569**	**1691**
Отправляются на ремонтные предприятия	Завод № 41 НКАП	-	712
	Завод № 41 Наркомлес г. Киров	198	–
	Завод «Красный Октябрь» г. Молотов	31	–
	Мебельный комбинат г. Иваново	86	–
	3-я ремонтная рота г. Москва	9	97
Всего (по заявкам УБПиБМ, ВУ и ОАСБ)		**324**	**793**

на фронтах. Это только военнослужащих! Сколько с учетом рабочих промышленных предприятий?

Из данных, приведенных в таблицах, видно, что основная доля ремонта приходилась на учреждения, части и подразделения войскового ремонта (см. табл. 6). На предприятиях промышленности ремонтировалось 12 % (от числа отремонтированных ремонтными подразделениями) аэросаней и почти 47 % моторов М-11.

Кажущееся на первый взгляд несоответствие объясняется следующими обстоятельствами.

Промышленные предприятия:

осуществляли более сложный, как правило, капитальный, ремонт;

поставляли необходимые для проведения ремонта любой сложности запасные части и агрегаты;

занимались изготовлением новых и модернизацией старых типов техники.

Итоги аналитической работы ГАБТУ КА докладывало в Совет Народных Комисаров СССР (СНК СССР)[20].

Проведенный анализ позволял определить потребность в ресурсах, которые необходимо потратить для проведения соответствующих ремонтных работах на всех уровнях. К докладной записке прикладывался проект соответствующего Постановления ГКО[21], в приложении к которому, в свою очередь, шла ведомость материалов, запчастей и инструмента, необходимого для ремонта и укомплектования аэросаней[22].

Постановления ГКО охватывали полугодовой период (ил. 6, 7)[23]. В них определялись исполнители, которым ставились конкретные задачи, в прилагаемых ведомостях указывалось, кому, сколько, каких материалов, запчастей и инструмента необходимо поставить и в какой срок (ил. 8, 9)[24].

Проектом постановления ГКО предусматривалась обязанность Наркомлесу «произвести во 2-м полугодии 1944 г. капитальный ремонт и модернизацию аэросаней... 300 шт.» и поставить в 3-м квартале УБПиБМ «для войскового ремонта... лыж к аэросаням 3000 шт. и бензобаков... 300 шт.»[25]. ГАБТУ. Этим же проектом постановления ставилось в обязанность произвести капитальный ремонт 100 аэросаней и войсковой ремонт 1500 аэросаней.

Прилагаемая к проекту постановления ведомость материалов, запчастей и инструмента[26] дает информацию, кто, кому, сколько и в какой срок предоставляет все необходимое для выполнения поставленной задачи:

Наркомат химической промышленности (Наркомхимпром) – краски, лаки, клеи, карбиды, кислоты;

Наркомат пищевой промышленности (Наркомпищепром) – олифы, глицерин, спирт;

Наркомлес – скипидары, фанеру;

Наркомат промышленных стройматериалов (Наркомстройматериалов) – стекло;

Наркомат текстильной промышленности (Наркомтекстиль) – дерматин, ленты, нитки;

Наркомат местной промышленности – кисти малярные;

Наркомат станкостроения (Наркомстанкостроения) – наждачную бумагу;

Наркомат резиновой промышленности (Наркомрезинпром) – асбестовые шнуры, шланги, ленту изоляционную, ремни вентиляторные, резиновые кольца;

Наркомат черной промышленности (Наркомчермет) – гвозди, шурупы, троса стальные, проволоку;

Наркомат электрической промышленности (Наркомэлектропром) – провода, электролампочки;

НКАП – маслотермометры, масломанометры;

Наркомат средней промышленности – подшипники, магнето, переключатели, бензопомпы, генераторы, реле, стартеры.

Всего 11 Наркоматов (аналогов современных министерств) обеспечивали ремонт 1900 аэросаней.

В ведомости все указывалось в конкретных единицах измерений (килограммы, метры, штуки).

Проектом постановления ГКО на первое полугодие 1945 г. (ил. 6 и 7) определялись задачи:

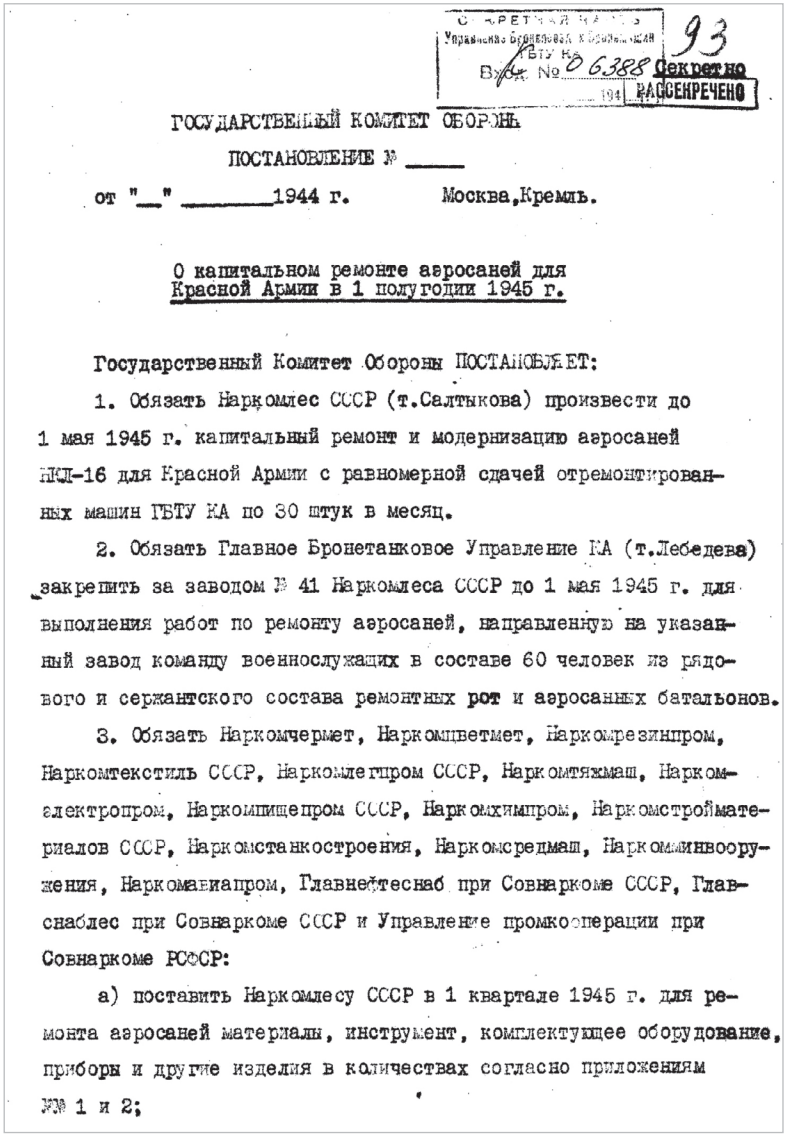
Наркомлесу – «произвести капитальный ремонт и модернизацию аэросаней... с равномерной сдачей отремонтированных машин... по 30 штук в месяц»;

ГАБТУ КА – «закрепить за заводом № 41 Наркомлеса СССР... для выполнения работ по ремонту аэросаней... команду военнослужащих в составе 60 человек из рядового и сержантского состава ремонтных рот и аэросанных батальонов»;

Наркомчермету, Наркомцветмету, Наркомрезинпрому, Наркомтекстилю, Наркомлегпрому, Наркомтяжпрому, Наркомэлектропрому, Наркомпищепрому, Наркомхимпрому, Наркомстройматериалов, Наркомстанкостроения, Наркомсредмашу, Наркомминвооружения, НКАП, Главнефтеснабу при Совнаркоме СССР, Главснаблесу при Совнаркоме СССР и Управлению промкооперации при Совнаркоме СССР (14 министерств и 3 ведомства) – поставить необходимые материалы и оборудование (ил. 8 и 9);

Госплану СССР – выделить необходимые фонды на материалы и оборудование;

Наркомату путей сообщения – обеспечить перевозку по железной дороге материалов и оборудования;



СЕКРЕТНЫЙ ПАКЕТ
Управление Бронетанковых и Механизированных войск КА
ГБТУ КА
Вх. № 06388 1944
93
Секретно
РАССЕКРЕЧЕНО

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № _____

от "__" _____1944 г. Москва, Кремль.

О капитальном ремонте аэросаней для Красной Армии в 1 полугодии 1945 г.

Государственный Комитет Обороны ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Обязать Наркомлес СССР (т.Салтыкова) произвести до 1 мая 1945 г. капитальный ремонт и модернизацию аэросаней НКЛ-16 для Красной Армии с равномерной сдачей отремонтированных машин ГБТУ КА по 30 штук в месяц.

2. Обязать Главное Бронетанковое Управление КА (т.Лебедева) закрепить за заводом № 41 Наркомлеса СССР до 1 мая 1945 г. для выполнения работ по ремонту аэросаней, направленную на указанный завод команду военнослужащих в составе 60 человек из рядового и сержантского состава ремонтных рот и аэросанных батальонов.

3. Обязать Наркомчермет, Наркомцветмет, Наркомрезинпром, Наркомтекстиль СССР, Наркомлегпром СССР, Наркомтяжмаш, Наркомэлектропром, Наркомпищепром СССР, Наркомхимпром, Наркомстройматериалов СССР, Наркомстанкостроения, Наркомсредмаш, Наркоминвооружения, Наркомавиапром, Главнефтеснаб при Совнаркоме СССР, Главснаблес при Совнаркоме СССР и Управление промкооперации при Совнаркоме РСФСР:

а) поставить Наркомлесу СССР в 1 квартале 1945 г. для ремонта аэросаней материалы, инструмент, комплектующее оборудование, приборы и другие изделия в количествах согласно приложениям № 1 и 2;

Ил. 6, 7. Проект Постановления ГОКО «О капитальном ремонте аэросаней для Красной Армии в 1 полугодии 1945 г.»

94

2.

б) поставку материалов, оборудования и других изделий для ремонта аэросаней производить наравне с поставками танковой и авиационной промышленности.

4. Обязать Госплан СССР (т.Вознесенского) выделить Наркомлесу СССР для завода № 41 фонды на материалы, оборудование и другие изделия целевым назначением для ремонта аэросаней согласно приложениям №№ 1 и 2.

5. Обязать НКПС (т.Кагановича) принимать в 1 квартале 1945 г. по заявкам наркоматов и Главспецдревпрома Наркомлеса СССР к перевозке по железной дороге багажом от каждого поставщика материалы, оборудование и приборы для производства ремонта аэросаней, направляемые в адрес завода № 41 Наркомлеса СССР в количестве до 500 килограммов в сутки.

6. Обязать Наркомторг СССР продлить до 1 мая 1945 г. снабжение продовольственными товарами рабочих и инженерно-технических работников, занятых ремонтом аэросаней на заводе № 41 Наркомлеса СССР по нормам, установленным Постановлением ГОКО от 19 января 1943 г. № 2762сс.

Зам.Председателя Государственного
Комитета Обороны

(В.Молотов)

95

Приложение № 1
к Постановлению ГОКО от
"__" _____1944 г. № ____

В Е Д О М О С Т Ь

материалов и изделий, подлежащих поставке заводу № 41 Наркомлеса СССР в 1 квартале 1945 г. для ремонта аэросаней

№ п/п	Наименование материалов	Единица измерения	Всего	В том числе: январь	В том числе: февраль	Поставка за счёт	Наркоматы поставщики
1.	Железо сортовое	кг	7500	3750	3750	фонда Нар-комлеса СССР	Наркомчермет
	в т.ч. мелкосортное	-"-	846	423	423	-"-	-"-
2.	Железо листовое	-"-	6684	3342	3342	-"-	-"-
	в т.ч. от 1 до 3 мм ...	-"-	5376	2688	2688	-"-	-"-
3.	Железо кровельное	-"-	336	168	168	-"-	-"-
4.	-"- оцинкованное ...	-"-	3216	1608	1608	-"-	-"-
5.	Сталь кач. калиб. сорт.	-"-	4680	2340	2340	-"-	-"-
6.	Лента холодн. проката	-"-	5610	2805	2805	-"-	-"-
7.	Чугун литейный	-"-	516	258	258	-"-	-"-
8.	Трубы тонкостенные	м	4488	2244	2244	-"-	-"-
9.	-"- толстостенные ...	кг	2604	1302	1302	-"-	-"-
10.	-"- газовые	-"-	984	492	492	-"-	-"-
11.	Гвозди	-"-	245	123	122	-"-	-"-
12.	Шурупы	-"-	253	126	127	-"-	-"-
13.	Проволока железная	-"-	472	236	236	-"-	-"-
14.	-"- ВС	-"-	160	80	80	-"-	-"-
15.	-"- пружин.	-"-	156	78	78	-"-	-"-
16.	-"- эл.свар.	-"-	840	420	420	-"-	-"-
17.	Болты получист.	штук	1320	660	660	производства	-"-
18.	Винты по металлу	-"-	27360	13680	13680	-"-	-"-
19.	Гайки ц/чистые	-"-	1080	540	540	-"-	-"-
20.	Болты торговые	кг	642	321	321	фонда Нар-комлеса СССР	-"-
21.	Гайки торговые	-"-	294	147	147	-"-	-"-
22.	Заклепки	-"-	122	61	61	-"-	-"-
23.	Трос авиационный (конец)	м	2928	1464	1464	производства	-"-
24.	Трос стальной	кг	210	105	105	поставок Наркомлесу СССР	-"-
25.	Бронза литейная	-"-	300	150	150	фонда Наркомлеса СССР	Наркомцветмет
26.	Припой ПОС-40	-"-	180	90	90	-"-	-"-
27.	Шланг Дюритовый	м	324	162	162	-"-	Наркомрезинпром
28.	Шнур асбестовый	кг	180	90	90	-"-	-"-
29.	Ремни автомоб. вентиляторн.	штук	120	60	60	поставок НКО СССР	-"-

Ил. 8, 9. Приложения к проекту Постановления ГОКО «О капитальном ремонте аэросаней для Красной Армии в 1 полугодии 1945 г.»

Приложение № 2
к Постановлению ГОКО от "__"
_____1944 г. № _____

В Е Д О М О С Т Ь

комплектующего оборудования, приборов и других изделий, подлежащих поставке заводу № 41 Наркомлеса СССР в 1 квартале 1945 г. для ремонта аэросаней (за счёт производства)

№№ пп	Наименование оборудования	Единица измерения	Всего	В том числе:		Наркоматы-поставщики
				январь	февраль	
1.	Аэротермометр 125° труб.6 м	шт.	120	60	60	Наркомавиапром
2.	Манометр масла 10-15 атм.	-"-	120	60	60	-"-
3.	Винты воздушн.толк.по чер.НКАП	-"-	240	120	120	-"-
4.	Тахометр с хомутом 3000об/мин.	-"-	120	60	60	-"-
5.	Магнето пусковое ПС	-"-	60	30	30	Наркомсредмаш
6.	Переключ.магнето ЕС	-"-	120	60	60	-"-
7.	Стартер МАФ-4006	-"-	120	60	60	-"-
8.	Бендикс в сборе ЗИС-5 или ЕБ-31	-"-	120	60	60	-"-
9.	Реле ПБ-4118	-"-	120	60	60	-"-
10.	Генератор ГМ-71 или ГБФ	-"-	84	42	42	-"-
11.	Фары мотоциклетные	-"-	120	60	60	-"-
12.	Шестерни бендикса ЗИС-5-68145	-"-	120	60	60	-"-
13.	Амперметр ГАЗ-А или АА	-"-	120	60	60	-"-
14.	Кнопки стартера СВВ-4001	-"-	120	60	60	-"-
15.	Зубчатый венец маховика 11-052	-"-	120	60	60	-"-
16.	Тавотонабиватели АА-17125 или М-17125	-"-	120	60	60	-"-
17.	Бензонасосы ГАЗ-11-40	-"-	120	60	60	-"-
18.	Сирналы СЕ-4673 в сборе	-"-	120	60	60	-"-
19.	Пружина тормоза № 61-00-02	-"-	480	240	240	-"-
20.	Трубка по каталогу дет.М-1 9869 от бензонасоса к карбюратору	-"-	120	60	60	-"-
21.	Переносная лампа 12 в.со шнуром 6 метров	-"-	120	60	60	Наркомэлектропром
22.	Выключатель Тумблера 69 к.	-"-	360	180	180	-"-
23.	Штепсельная розетка 47 к	-"-	120	60	60	-"-
24.	Предохранитель БЗ-10	-"-	360	180	180	-"-

Наркомату торговли – снабдить продовольственными товарами «рабочих и инженерно-технических работников, занятых ремонтом аэросаней»[27].

В общей сложности для выполнения задачи привлекалось 16 министерств и 4 ведомства.

Любая война пожирает не только людей, но и ресурсы.

Тщательная аналитическая работа и проработка проектов Постановлений ГКО и приложений к ним сводились к выполнению одной задачи – обеспечению всем необходимым фронта в условиях полного дефицита ресурсов. Существует известное многим выражение: «Война все спишет!».

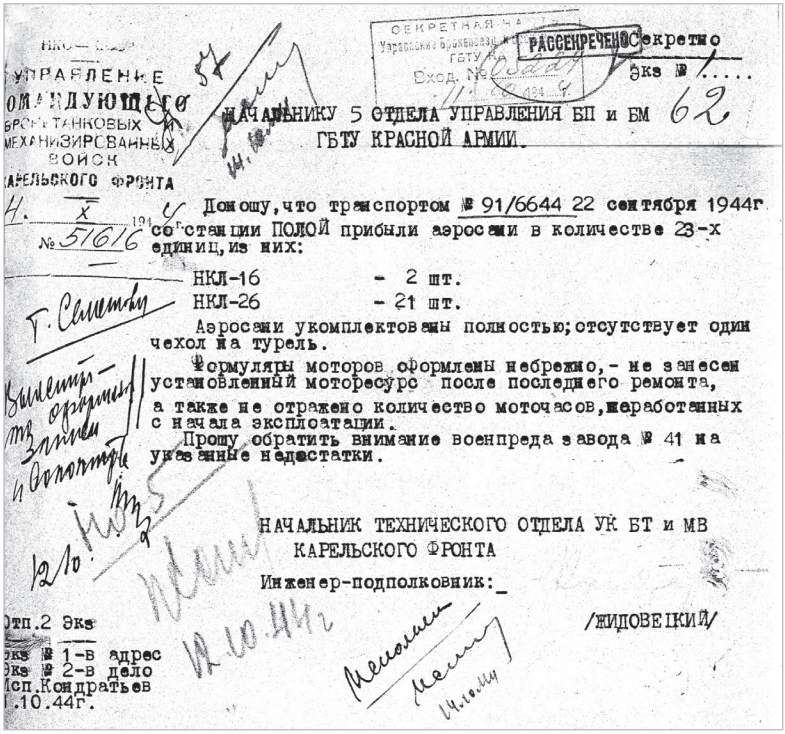
В деле из архивного фонда 1-й отдельной резервной аэросанной роты (ораср), сформированной из состава 1-го оасб, представлен акт о списании технического имущества роты, погибшего при авиаударе противника[28].

В зимнюю кампанию 1943–1944 гг. аэросанные части Карельского фронта часто сводились в одно место. Данное обстоятельство позволяло, с одной стороны, более эффективно их использовать, снижало количество личного состава, привлекаемого для несения караульной и иной службы, улучшало техническое обслуживание техники и вооружения. С другой стороны, увеличивало опасность авианалетов противника.

После одного из таких налетов помощник командира 1-й ораср по технической части списал практически все техническое имущество, числившееся еще за 1-м оасб. Сколько погибло при бомбардировке имущества, выяснить невозможно, логику офицера понять несложно.

Весной 1944 г. основная часть аэросанных частей была расформирована. Для расформирования батальоны прибывали на станцию Коряжма, возле которой на базе Котласского ВУ формировался 44-й ОУАП. В архивных документах полка нередко попадаются материалы расследований и приказы об удержании денег с должностных лиц батальонов за утерянное имущество.

Война не отменяла правил приема-сдачи имущества. Любая воинская часть (подразделение) или отдельная единица техники по прибытии к месту назначения принималась по акту. По факту отсутствия какого-либо имущества или отдельных агрегатов направлялось извещение отправителю (ил. 10) и проводилась проверка, по результатам которой принималось решение.



СЕКРЕТНАЯ НА
Управление Бронепоезд. и ...
ГБТУ КА
Вход. № 03224
11.10.1944 г.

РАССЕКРЕЧЕНО Секретно
Экз № 1....

УПРАВЛЕНИЕ
КОМАНДУЮЩЕГО
БРОНЕТАНКОВЫХ И
МЕХАНИЗИРОВАННЫХ
ВОЙСК
КАРЕЛЬСКОГО ФРОНТА

4. X 1944
№ 51616

НАЧАЛЬНИКУ 5 ОТДЕЛА УПРАВЛЕНИЯ БП и БМ
ГБТУ КРАСНОЙ АРМИИ.

Доношу, что транспортом № 91/6644 22 сентября 1944г со станции ПОЛОЙ прибыли аэросани в количестве 23-х единиц, из них:

НКЛ-16 - 2 шт.
НКЛ-26 - 21 шт.

Аэросани укомплектованы полностью; отсутствует один чехол на турель.

Формуляры моторов оформлены небрежно, - не занесен установленный моторесурс после последнего ремонта, а также не отражено количество моточасов, неработанных с начала эксплоатации.

Прошу обратить внимание военпреда завода № 41 на указанные недостатки.

НАЧАЛЬНИК ТЕХНИЧЕСКОГО ОТДЕЛА УК БТ и МВ
КАРЕЛЬСКОГО ФРОНТА

Инженер-подполковник: /ЖИДОВЕЦКИЙ/

Отп. 2 Экз
Экз № 1-в адрес
Экз № 2-в дело
Исп. Кондратьев
11.10.44г.

Ил. 10. Сообщение начальника технического отдела УК БТиМВ Карельского фронта инженер-полковника Жидовецкого о приеме техники

При отправке техники в ремонт к документации прикладывались акты и свидетельства о списании запасных частей, инструмента и иного имущества, которое либо пришло в негодность, либо уничтожено в ходе боев. Машина, прибывшая без таких документов, принималась ремонтным предприятием для ремонта, в ходе которого комплектовалось всем необходимым, об отсутствии какого-либо имущества и документов, объяснявших это отсутствие, немедленно сообщалось в УБПиБМ.

В октябре 1944 г. заместитель начальника Главспецдревпрома проинформировал начальника УБПиБМ о невозможности укомплектовать отремонтированные 300 аэросаней лампами паяльными и лампами подогревательными АПЛ. Соответствующим постановлением ГКО для комплектации аэросаней выделено 100 ламп паяльных и 100 ламп АПЛ. Ввиду невозможности

получить лампы была высказана просьба «дать распоряжение Вашему Военпреду о приемке аэросаней укомплектованных на каждые три штуки по одной лампе АПЛ и одной паяльной»[29]. Соответствующий ответ поступил быстро: «Для разрешения вопроса комплектации аэросаней паяльными лампами и лампами АПЛ прошу сообщить следующее:

1. Какое количество паяльных ламп и ламп АПЛ осталось на Ваших заводах вследствие невыполнения постановления ГОКО по ремонту аэросаней в 1 полугодии с. г.

2. Какое количество паяльных ламп и ламп АПЛ получено Вашими заводами с ремфондом аэросаней и сколько этих ламп отремонтировано?»[30]

Данная переписка показывает, насколько серьезно в годы Великой Отечественной войны подходили к решению проблем учета ресурсов и контроля за их расходованием.

Аэросанные части и подразделения – это очень небольшой сегмент всего круга истории Великой Отечественной войны. Большинство людей судят о войне по ее ярким проявлениям: отдельным боестолкновениям, сражениям, подвигам солдат и офицеров.

У войны есть и другая сторона, которую осознать сложнее.

Сами по себе аэросани – не самая сложная техника той поры, но для того чтобы одна единица вышла на поле боя необходим неимоверный труд нескольких человек. Для организации всего процесса обслуживания, ремонта, восстановления, модернизации техники столь малого сегмента вооружений Великой Отечественной войны понадобились усилия, говоря современным языком, двух десятков министерств и ведомств. Все это: и труд нескольких человек, и усилия нескольких учреждений, и работу промышленных предприятий, – надо было организовать в единый комплекс ради достижения Победы. Такая же война, только с другой стороны.

---

[1] Докладная записка ГБТУ КА от 7.06.1944 г. // ЦАМО. Ф 38. Оп. 11358, Д. 214: Дело № 7. Ремонт аэросаней в промышленности 1944 г. (11.01–25.12.44 г.). Л. 27.

[2] План восстановления парка аэросаней Управления бронепоездов и бронемашин ГБТУ КА за период май–август 1943 г. по ремонтным подразделениям ОАСБ, предприятиям промышленности, ремонтным ротам // Там же. Д. 118: Д. № 58. Переписка по ремонту и эксплуатации аэросаней, 1943 г. (1.01–30.10). Л. 125.

[3] Более подробно см.: Вахтеров А. В. Организация защиты арктических рубежей на начальном этапе Великой Отечественной войны (из опыта применения аэросанных частей Красной Армии на Карельском фронте) // Безопасность социума: гуманитарный аспект коммуникаций современности. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Тюмень, 15–16 июня 2017 г. Тюмень: ТВВИКУ, 2017. Ч. I. С. 38–52.

[4] Более подробно см.: Вахтеров А. В. Аэросанные части и подразделения Красной Армии // Война и оружие. Новые исследования и материалы: Труды Седьмой Международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 18–20 мая 2016 г. СПб: ВИМАИВиВС, 2016. Ч. II. С. 3–25.

[5] См.: Вахтеров А. В. Организация защиты арктических рубежей... С. 38–52.

[6] Распоряжение ГАБТУ КА от 7.12.1942 г. № 731380с // ЦАМО. Ф. 60163 (Котласское ВУ). Оп. 35241. Д. 6: Директивные указания Главного Автобронетанкового управления Красной Армии и 7 управления. Л. 81.

[7] С 1917 г. по 1946 г. в РСФСР, затем СССР – центральный орган исполнительной власти в определенной отрасли народного хозяйства, аналогично современному министерству.

[8] Более подробно см.: Кириндас А. Транспорт для российских просторов // Техника и вооружение. 2010. № 4. С. 36–41.

[9] ЦАМО. Ф 38. Оп. 11358. Д. 214: Дело № 7. Ремонт аэросаней в промышленности 1944 г. (11.01–25.12.44 г.). 100 л.

[10] Отчет инженер-полковника Семенкова // Там же. Л. 145–145 об.

[11] План восстановления по аэросанному парку в/училищам и Московской базе // Там же. Д. 118: Д. № 58. Переписка по ремонту и эксплуатации аэросаней, 1943 г. (1.01–30.10). Л. 126.

[12] Запрос начальника Мобилизационного управления Главного управления формирований резервов КА // Там же. Д. 214: Дело № 7. Ремонт аэросаней в промышленности 1944 г. (11.01–25.12.44 г.). Л. 57.

[13] Ответ заместителю Народного комиссара Наркомлеса // Там же. Л. 90.

[14] Ответ начальнику Мобилизационного управления Главуправформа КА // Там же. Л. 57.

[15] Более подробно см.: Вахтеров А. В. Испытания аэросаней в период Великой Отечественной войны (по материалам Центрального архива МО России) // Альманах «Цитадель». СПб: изд-во «Остров», 2019. № 25.

[16] План восстановления по аэросанному парку в/училищам и Московской базе // ЦАМО. Ф. 38. Оп. 11358. Д. 118: Д. № 58. Переписка по ремонту и эксплуатации аэросаней, 1943 г. (1.01-30.10). Л. 126.

[17] См.: Вахтеров А. В. Аэросанные части и подразделения Красной Армии... С. 3–25.

[18] План восстановления парка аэросаней Управления Бронепоездов и Бронемашин ГБТУ КА за период май–август 1943 г. по ремонтным подразделениям ОАСБ, предприятием промышленности, ремонтным ротам // ЦАМО. Ф. 38. Оп. 11358. Д. 118: Д. № 58. Переписка по ремонту и эксплуатации аэросаней, 1943 г. (1.01–30.10). Л. 125.

[19] План восстановления по аэросанному парку в/училищам и Московской базе // Там же. Л. 126.

[20] Докладная записка ГАБТУ КА от 7.06.1944 г. № 547249 // Там же. Д. 214: Дело № 7. Ремонт аэросаней в промышленности 1944 г. (11.01–25.12.44 г.). Л. 27.

[21] Проект Постановления ГОКО «О капитальном и войсковом ремонте и поставкам к ним запасных частей и материалов во втором полугодии 1944 г.» // Там же. Л. 28.
[22] Ведомость материала, запчастей и инструмента ... // Там же. Л. 29.
[23] Проект Постановления ГОКО «О капитальном ремонте аэросаней для Красной Армии в 1 полугодии 1945 г.» // Там же. Л. 93–94.
[24] Приложения к проекту Постановления ГОКО «О капитальном ремонте аэросаней для Красной Армии в 1 полугодии 1945 г.» // Там же. Л. 95, 98.
[25] Проект Постановления ГОКО «О капитальном ремонте и поставкам к ним запасных частей и материалов во втором полугодии 1944 г.» // Там же. Л. 28.
[26] Ведомость материала, запчастей и инструмента... // Там же. Л. 29.
[27] Проект Постановления ГОКО «О капитальном ремонте аэросаней для Красной Армии в 1 полугодии 1945 г.» // Там же. Л. 93–99.
[28] ЦАМО. Ф. 1 оасрр. Оп. 20330. Д. 6. Дело № 014. Материалы по приему, сдаче дел и имущества, 15.1–5.5.1944 г. Л. 1–5.
[29] Запрос Главспецдревпрома от 20.10.1944 г. № 40/738с // ЦАМО. Ф. 38. Оп. 11358. Д. 214: Дело № 7. Ремонт аэросаней в промышленности 1944 г. (11.01–25.12.44 г.). Л. 79–79 об.
[30] Ответ начальника 5 отдела от 5.11.1944 г. № 548470с // Там же. Л. 80.

А. В. Вахтеров, К. А. Воденисова (Москва)

ПРАВОВОЙ СТАТУС ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ШТРАФНЫХ ЧАСТЕЙ КРАСНОЙ АРМИИ (ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ ИЗ ФОНДОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО АРХИВА МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)

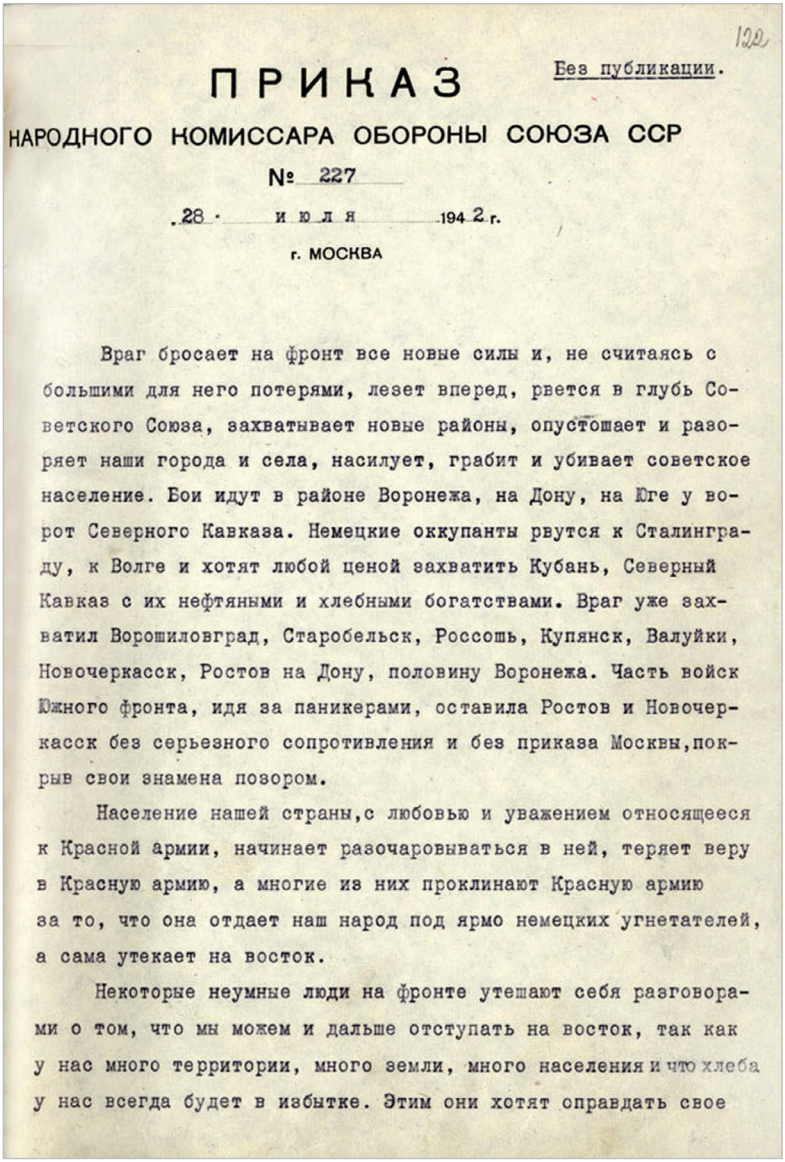
НЕКОТОРОЕ ВРЕМЯ НАЗАД в средствах массовой информации культивировалось негативное освещение темы штрафных частей (далее – штрафчасти) Красной Армии. Данные воинские формирования представлялись исключительно в мрачном свете как изуверское изобретение советского руководства.

С юридической точки зрения ничего особенного в использовании такого наказания для военнослужащих как направление для отбытия уголовного наказания в штрафные (в более поздний период, в Советской Армии, – дисциплинарные) части нет. Подобная практика сложилась давно и имеет место быть в армиях разных стран[1].

Для прояснения вопроса необходимо разобраться, что относилось к штрафным частям.

Штрафные части

Юридическим обоснованием для формирования штрафчастей стало издание приказа Народного Комиссара Обороны СССР от 28 июля 1942 г. № 227 (ил. 1) «О мерах по укреплению дисциплины и порядка в Красной Армии и запрещении самовольного отхода с боевых позиций»[2] (далее – приказ № 227), более известный как приказ № 227 «Ни шагу назад».



122

Без публикации.

ПРИКАЗ

НАРОДНОГО КОМИССАРА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР

№ 227

28 июля 1942 г.

г. МОСКВА

Враг бросает на фронт все новые силы и, не считаясь с большими для него потерями, лезет вперед, рвется в глубь Советского Союза, захватывает новые районы, опустошает и разоряет наши города и села, насилует, грабит и убивает советское население. Бои идут в районе Воронежа, на Дону, на Юге у ворот Северного Кавказа. Немецкие оккупанты рвутся к Сталинграду, к Волге и хотят любой ценой захватить Кубань, Северный Кавказ с их нефтяными и хлебными богатствами. Враг уже захватил Ворошиловград, Старобельск, Россошь, Купянск, Валуйки, Новочеркасск, Ростов на Дону, половину Воронежа. Часть войск Южного фронта, идя за паникерами, оставила Ростов и Новочеркасск без серьезного сопротивления и без приказа Москвы, покрыв свои знамена позором.

Население нашей страны, с любовью и уважением относящееся к Красной армии, начинает разочаровываться в ней, теряет веру в Красную армию, а многие из них проклинают Красную армию за то, что она отдает наш народ под ярмо немецких угнетателей, а сама утекает на восток.

Некоторые неумные люди на фронте утешают себя разговорами о том, что мы можем и дальше отступать на восток, так как у нас много территории, много земли, много населения и что хлеба у нас всегда будет в избытке. Этим они хотят оправдать свое

Ил. 1. Приказ Народного Комиссара Обороны СССР от 28 июля 1942 г. № 227 «О мерах по укреплению дисциплины и порядка в Красной Армии и запрещении самовольного отхода с боевых позиций»

Пунктом «в» статьи 1 приказа № 227 командующим фронтами предписывалось сформировать в пределах фронта, в зависимости от обстановки, до трех штрафных батальонов (далее – штрафбат), численностью до 800 человек каждый. Этим же пунктом определялась категория военнослужащих, подлежащая направлению в штрафбат – средние и старшие командиры и политработники, т. е. офицерский состав.

Соответственно п. «в» ст. 2 предписывалось командующим армиями сформировать в пределах армии, в зависимости от обстановки, от пяти до десяти штрафных рот (далее – штрафрота), численностью 150–200 человек. В штрафроты предписывалось направлять рядовых бойцов и младших командиров, т. е. рядовых и сержантов.

Приказ № 227 утвердил правовой статус обоих формирований: штрафбат – фронтового, штрафрота – армейского подчинения. Такое подчинение имело свои положительные стороны. Например, снабжение осуществлялось напрямую с фронтовых (армейских) складов.

Снабжение в условиях боевых действий осуществляется сверху вниз. Вначале имущество и продовольствие поступает на фронтовые склады, с них на армейские, с которых распределяется на дивизионные... И так до самых низовых подразделений. И батальон, и рота – это низовые подразделения.

По пути следования со склада на склад все лучшее «растворялось» в пути, поэтому до низовых подразделений зачастую доходило то, что обозначается одной ироничной фразой: «остатки – сладки!». В сохранившихся воспоминаниях ветеранов, прошедших штрафчасти и в постоянном, и в переменном составе, отмечается хорошее снабжение всеми видами довольствия.

В документах военной поры встречаются сокращения, применявшиеся в донесениях, сводках: ошб – отдельный штрафной батальон, ошр – отдельная штрафная рота. Термин «отдельный, отдельная» указывает на то, что оба формирования являлись не простыми подразделениями, а имели статус воинских частей. Последнее косвенно подтверждается тем обстоятельством, что и в специальной, и в популярной литературе оба формирования чаще именуются «штрафчасти».

Разница между просто подразделением и подразделением – воинской частью значительная. Простое подразделение является штатной единицей воинской части: рота (в специальной

литературе применяется термин – линейная, линейный) входит в состав батальона, батальон – в состав полка. Самостоятельного статуса такое подразделение не имеет.

Другое дело отдельное подразделение – это уже воинская часть, самостоятельный субъект со всеми присущими ему атрибутами. Лучше всего разница видна на следующем примере. Командир линейной роты – капитан (в 1942 г. – средний командир), командир отдельной роты – майор (старший командир); командир линейного батальона – майор, командир отдельного батальона – подполковник.

Таким образом, штрафная часть – это отдельная воинская часть фронтового (штрафбат) или армейского подчинения (штрафрота). Окончательно правовой статус военнослужащих обоих формирований закрепил издание приказа Народного Комиссара Обороны СССР от 28 сентября 1942 г. № 298 (ил. 2) «Об объявлении положений о штрафных батальонах и ротах ...» (далее – приказ № 298).

Правовой статус военнослужащих постоянного состава штрафных частей

Приказом № 298 утверждены:

Положение о штрафных батальонах (ил. 3) Действующей Армии (далее – Положение о штрафбатах);

Положение о штрафных ротах (ил. 4) Действующей Армии (далее – Положение о штрафротах).

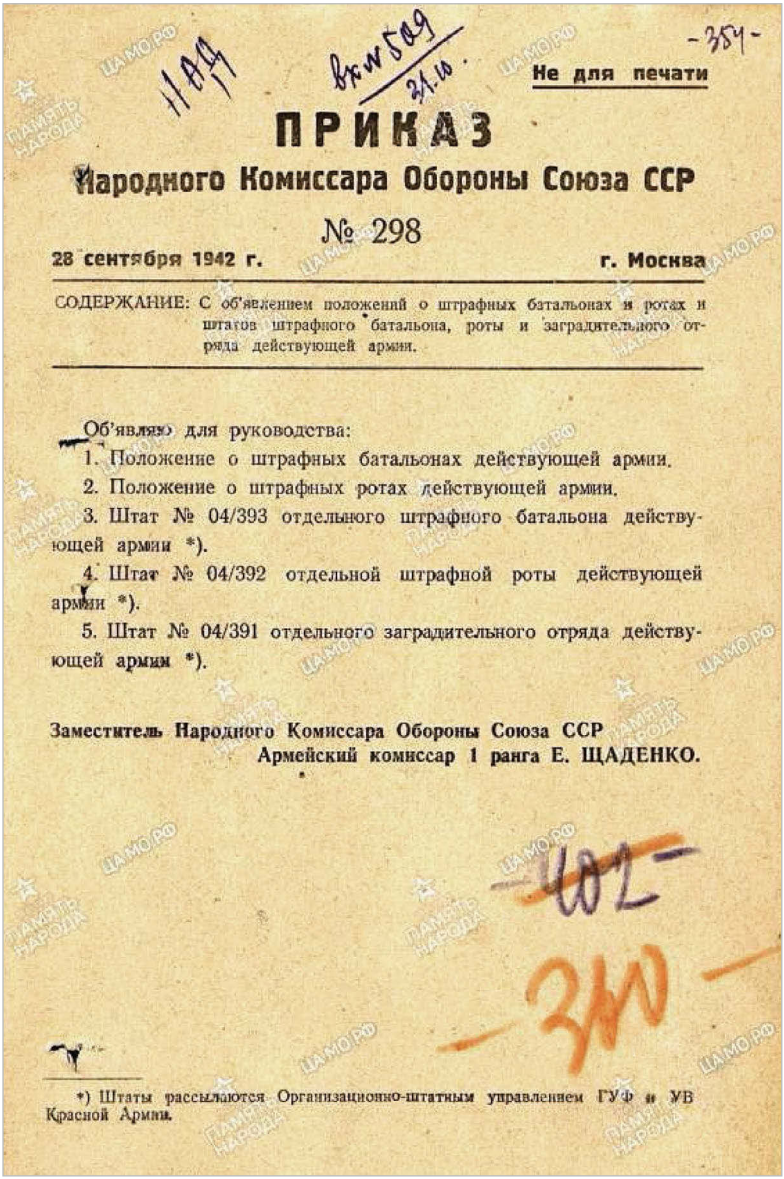
Положениями определялась цель создания штрафчастей – дать возможность лицам офицерского, сержантского и рядового состава, провинившимся в нарушении дисциплины, искупить свои преступления перед Родиной.

Личный состав штрафных частей делился на две части:

постоянный состав – командно-начальствующий состав штрафчасти;

переменный состав, именуемый в документах – штрафники.

Постоянный состав подбирался из числа наиболее отличившихся в боях командиров и политработников. Командиры, политработники и иные должностные лица начальствующего состава назначались на должности в штрафчасти приказами фронта (штрафбат) и армии (штрафрота). При исполнении обязанностей командиры, политработники и начальствующий состав по



-354-

Не для печати

ПРИКАЗ

Народного Комиссара Обороны Союза ССР

№ 298

28 сентября 1942 г. **г. Москва**

СОДЕРЖАНИЕ: Об объявлении положений о штрафных батальонах и ротах и штатов штрафного батальона, роты и заградительного отряда действующей армии.

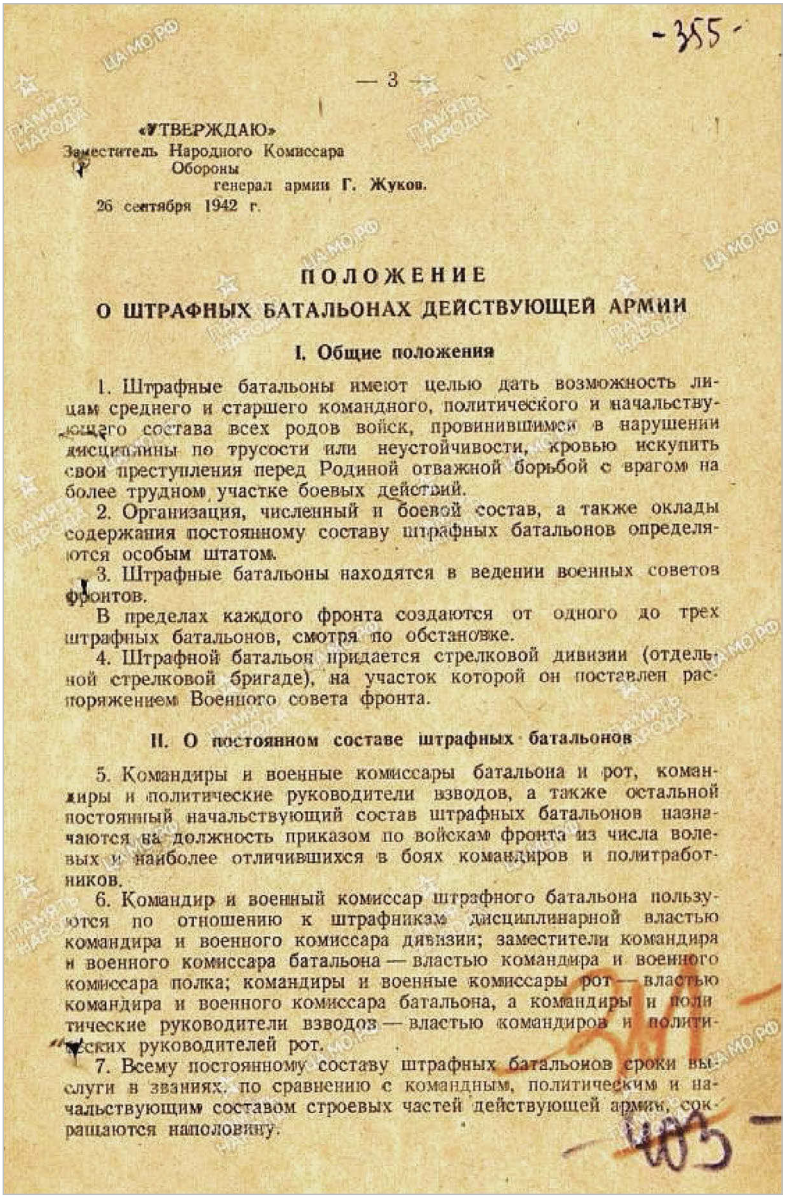
Об'являю для руководства:

1. Положение о штрафных батальонах действующей армии.
2. Положение о штрафных ротах действующей армии.
3. Штат № 04/393 отдельного штрафного батальона действующей армии *).
4. Штат № 04/392 отдельной штрафной роты действующей армии *).
5. Штат № 04/391 отдельного заградительного отряда действующей армии *).

Заместитель Народного Комиссара Обороны Союза ССР
Армейский комиссар 1 ранга Е. ЩАДЕНКО.

*) Штаты рассылаются Организационно-штатным управлением ГУФ и УВ Красной Армии.

Ил. 2. Приказ Народного Комиссара Обороны СССР от 28 сентября 1942 г. № 298 «Об объявлении положений о штрафных батальонах и ротах ...»



-355-

— 3 —

«УТВЕРЖДАЮ»
Заместитель Народного Комиссара
Обороны
генерал армии Г. Жуков.
26 сентября 1942 г.

ПОЛОЖЕНИЕ
О ШТРАФНЫХ БАТАЛЬОНАХ ДЕЙСТВУЮЩЕЙ АРМИИ

I. Общие положения

1. Штрафные батальоны имеют целью дать возможность лицам среднего и старшего командного, политического и начальствующего состава всех родов войск, провинившимся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, кровью искупить свои преступления перед Родиной отважной борьбой с врагом на более трудном участке боевых действий.

2. Организация, численный и боевой состав, а также оклады содержания постоянному составу штрафных батальонов определяются особым штатом.

3. Штрафные батальоны находятся в ведении военных советов фронтов.

В пределах каждого фронта создаются от одного до трех штрафных батальонов, смотря по обстановке.

4. Штрафной батальон придается стрелковой дивизии (отдельной стрелковой бригаде), на участок которой он поставлен распоряжением Военного совета фронта.

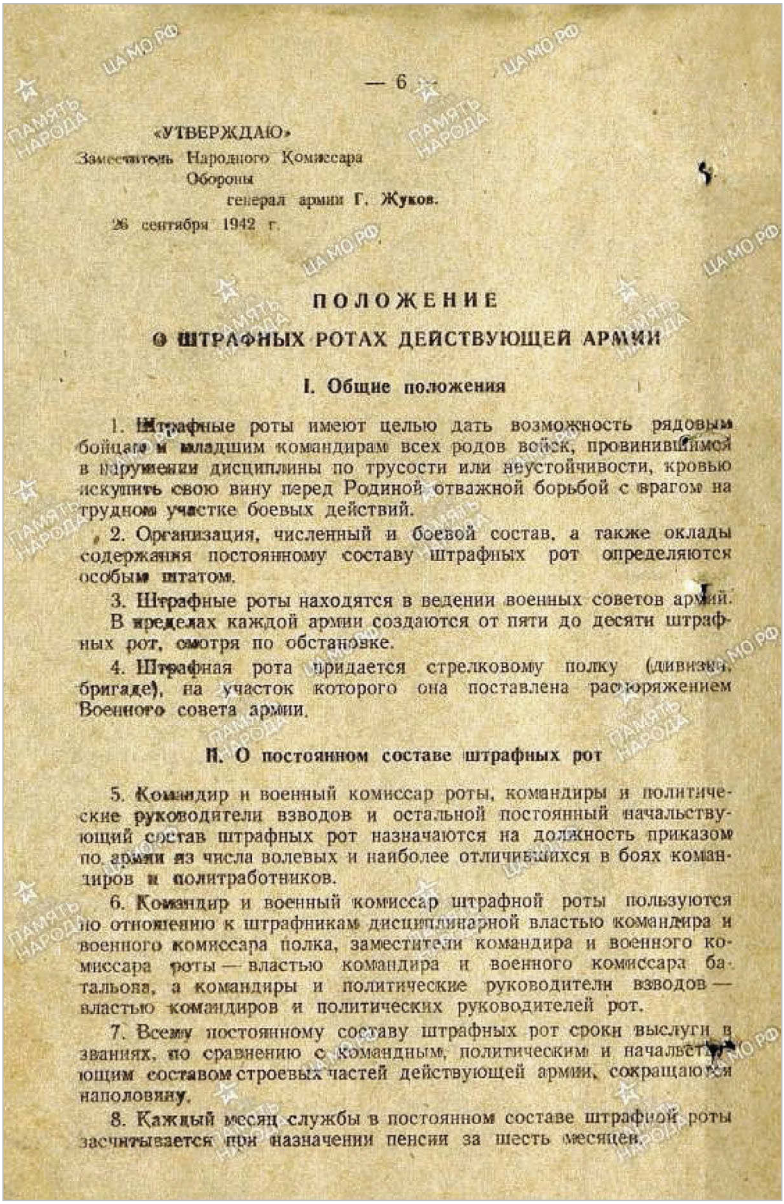
II. О постоянном составе штрафных батальонов

5. Командиры и военные комиссары батальона и рот, командиры и политические руководители взводов, а также остальной постоянный начальствующий состав штрафных батальонов назначаются на должность приказом по войскам фронта из числа волевых и наиболее отличившихся в боях командиров и политработников.

6. Командир и военный комиссар штрафного батальона пользуются по отношению к штрафникам дисциплинарной властью командира и военного комиссара дивизии; заместители командира и военного комиссара батальона — властью командира и военного комиссара полка; командиры и военные комиссары рот — властью командира и военного комиссара батальона, а командиры и политические руководители взводов — властью командиров и политических руководителей рот.

7. Всему постоянному составу штрафных батальонов сроки выслуги в званиях, по сравнению с командным, политическим и начальствующим составом строевых частей действующей армии, сокращаются наполовину.

Ил. 3. Положение о штрафных батальонах



— 6 —

«УТВЕРЖДАЮ»
Заместитель Народного Комиссара
Обороны
генерал армии Г. Жуков.
26 сентября 1942 г.

ПОЛОЖЕНИЕ
О ШТРАФНЫХ РОТАХ ДЕЙСТВУЮЩЕЙ АРМИИ

I. Общие положения

1. Штрафные роты имеют целью дать возможность рядовым бойцам и младшим командирам всех родов войск, провинившимся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, кровью искупить свою вину перед Родиной отважной борьбой с врагом на трудном участке боевых действий.

2. Организация, численный и боевой состав, а также оклады содержания постоянному составу штрафных рот определяются особым штатом.

3. Штрафные роты находятся в ведении военных советов армий. В пределах каждой армии создаются от пяти до десяти штрафных рот, смотря по обстановке.

4. Штрафная рота придается стрелковому полку (дивизии, бригаде), на участок которого она поставлена распоряжением Военного совета армии.

II. О постоянном составе штрафных рот

5. Командир и военный комиссар роты, командиры и политические руководители взводов и остальной постоянный начальствующий состав штрафных рот назначаются на должность приказом по армии из числа волевых и наиболее отличившихся в боях командиров и политработников.

6. Командир и военный комиссар штрафной роты пользуются по отношению к штрафникам дисциплинарной властью командира и военного комиссара полка, заместители командира и военного комиссара роты — властью командира и военного комиссара батальона, а командиры и политические руководители взводов — властью командиров и политических руководителей рот.

7. Всему постоянному составу штрафных рот сроки выслуги в званиях, по сравнению с командным, политическим и начальствующим составом строевых частей действующей армии, сокращаются наполовину.

8. Каждый месяц службы в постоянном составе штрафной роты засчитывается при назначении пенсии за шесть месяцев.

Ил. 4. Положение о штрафных ротах

Таблица 1

Уровни дисциплинарной власти командно-начальствующего состава штрафных частей

Должность	Штрафбат	Штрафрота
Командир и военный комиссар штрафного батальона	Права командира и военного комиссара дивизии	
Заместитель командира и военного комиссара штрафного батальона	Права командира и военного комиссара полка	Права командира и военного комиссара полка
Командир и военный комиссар штрафной роты		
Заместитель командира и военного комиссара штрафной роты	Права командира и военного комиссара батальона	Права командира и военного комиссара батальона
Командиры и военные комиссары рот штрафного батальона		
Командиры и политические руководители взводов	Права командира и политического руководителя рот	Права командира и политического руководителя рот

отношению к штрафникам пользовались соответствующим уровнем прав дисциплинарной власти (см. табл. 1).

Для сведения: дисциплинарные права командира взвода строевой части позволяли объявить подчиненному военнослужащему (рядового и сержантского состава) три наряда вне очереди; командиру роты – пять нарядов и трое суток ареста с содержанием на гарнизонной гауптвахте.

Военнослужащие переменного состава (штрафники) получали свой правовой статус, для понимания которого следует разбираться в юридической процедуре направления военнослужащих в штрафчасти.

Процедура применения наказания

Несмотря на наличие отдельных нормативных правовых актов – Положения о штрафбатах и Положения о штрафротах – процедура направления в штрафчасти для отбывания наказания

была одинаковой и для офицерского, и для сержантского и рядового состава, с некоторыми исключениями. Последние касались командиров и военных комиссаров батальонов и полков, которые направлялись в штрафчасти только по приговору Военного трибунала фронта.

Данная норма в определенном виде сохранялась после Великой Отечественной войны. До распада СССР существовало положение, согласно которому уголовные дела в отношении офицерского состава расследовались военными прокуратурами и рассматривались военными трибуналами в определенном порядке (см. табл. 2).

Таблица 2

Юрисдикция военных прокуратур и военных трибуналов

Офицерский состав	Юрисдикция
Младший (до капитана включительно)	Гарнизонные прокуратуры и военные трибуналы
Старший (до полковника включительно)	Военные прокуратуры и трибуналы военных округов (групп войск)
Высший (генералы)	Главная военная прокуратура и Военная коллегия Верховного суда

Военнослужащие направлялись в штрафную часть на срок от одного до трех месяцев на следующих основаниях.

1. В соответствии с приказами командиров:

офицеры (в Положении о штрафбатах «лица среднего и старшего командного, политического и начальствующего состава»[3]) – по бригаде, дивизии, армии, фронту;

рядовые и сержанты (в Положении о штрафротах – бойцы и младшие командиры) – по полку (отдельной части).

Основанием для издания приказа служило:

совершение военнослужащим правонарушения (преступления) небольшой тяжести (самовольная отлучка (до двух часов), дезертирство (свыше суток), неисполнение приказа, нарушение правил караульной службы, промотание и кража военного имущества);

мер дисциплинарного воздействия оказывалось недостаточно[4].

Приказ отдавался без решения суда, на основании материалов дознания (предварительного расследования), часто – решения суда чести.

В послевоенный период такая практика наказания военнослужащих сохранилась. Штрафные части заменили на дисциплинарные. В дисциплинарные части направляли военнослужащих, совершивших преступления небольшой тяжести (до 2–3 лет лишения свободы)[5].

2. Осужденные по приговору военных трибуналов с «применением отсрочки исполнения приговора»[6].

В мирное время в дисциплинарные части не направляли военнослужащих, совершивших преступления средней тяжести, тяжкие и особо тяжкие. За такие преступления для отбывания наказания отправляют в места лишения свободы[7].

Отсрочка исполнения приговора позволяла направлять в штрафчасти военнослужащих, совершивших более тяжкие преступления. Командиры всех степеней использовали эту возможность в надежде получить обратно, после отбытия наказания, толкового офицера, сержанта или солдата.

Процедура отправки в штрафную часть в обоих Положениях описывается одинаково:

командиры всех степеней (младшие, средние и старшие) разжаловывались в рядовые;

приказ о разжаловании и направлении в штрафную часть зачитывался перед строем подразделения (офицеров – воинской части; рядовых и сержантов – роты (роты, батареи, эскадрона);

награды изымались и сдавались на хранение в отделы кадров (офицеров – фронта; рядовых и сержантов – армии);

взамен изъятых документов выдавались красноармейские книжки специального образца.

О лицах, направленных в штрафчасти, немедленно докладывалось по команде в Военные советы (офицеров – фронта; рядовых и сержантов – армии). Представленные материалы проверялись военной прокуратурой, после чего Военный Совет либо утверждал решение командиров частей (соединений), либо отклонял[8].

Вопреки сложившемуся, под влиянием публикаций в недобросовестных СМИ фальсификаторов «от истории», эта мера носила исключительный характер и применялась не часто. Более того, вышестоящее командование неодобрительно относилось к командирам частей, которые «увлекались» направлением военнослужащих в штрафроты. В 1943 г. командира одного из аэросанных батальонов (далее – оасб), буквально забросавшим Военный

совет армии представлениями о направлении военнослужащих в штрафроты, сместили с должности и направили в другую часть с понижением[9].

На неправомерное и самоуправное применение положений приказа № 227 командование реагировало так же жестко[10].

Необоснованный расстрел ушедших с позиции военнослужащих, вместо того чтобы направить их в военную прокуратуру для передачи суду военного трибунала, мог иметь тяжкие последствия для принявшего решение о расстреле командира[11].

Вернемся к правовому статусу военнослужащих переменного состава штрафчастей.

Правовой статус военнослужащих переменного штрафных частей

За поступившим в штрафную часть военнослужащим сохранялся его основной статус – статус военнослужащего. Несмотря на наложенное наказание и ограничения (о них ниже), пребывание в переменном составе штрафной части засчитывалось как нахождение на военной службе.

Эта норма долгое время сохранялась в советском и российском законодательстве. Время пребывания военнослужащих в дисциплинарной воинской части засчитывалось в выслугу при назначении пенсии, при условии, что это время в установленном порядке засчитано в срок военной службы[12].

Приказами по штрафной части штрафники назначались на должности младшего командного состава (сержанты) с присвоением соответствующих званий – ефрейтор, младший сержант, сержант. Всем штрафникам выплачивалось денежное содержание в соответствии с занимаемой должностью. За совершение подвигов штрафники в установленном порядке представлялись к правительственным наградам.

Правовой статус штрафника имел ограничения:

за совершение штрафником предусмотренных Положениями правонарушений и преступлений командно-начальствующий состав «обязан применить все меры воздействия вплоть до расстрела на месте»[13];

штрафникам не выплачивались полевые деньги, которые военнослужащие получали во время нахождения в районах боевых действий;

семья штрафника вместо выплаты по денежному аттестату военнослужащего переводилась на установленное законодательством пособие, которое было значительно ниже.

Последнее ограничение было очень болезненно для семьи военнослужащего, многие семьи в тылу за счет выплат по денежным аттестатам не просто жили, а выживали, в буквальном смысле.

Основания для освобождения

Оснований для освобождения было несколько:

по отбытию назначенного срока, по представлению командования штрафной части;

по представлению командования штрафной части за боевые отличия;

по ранению.

Все освобожденные восстанавливались в звании и во всех правах. При этом освобожденные по ранению восстанавливались в правах автоматически. По остальным командованием части, куда возвращался военнослужащий, подавалось через военную прокуратуру ходатайство Военному совету о снятии судимости (ил. 5)[14].

Социальные льготы, выплаты, пенсии

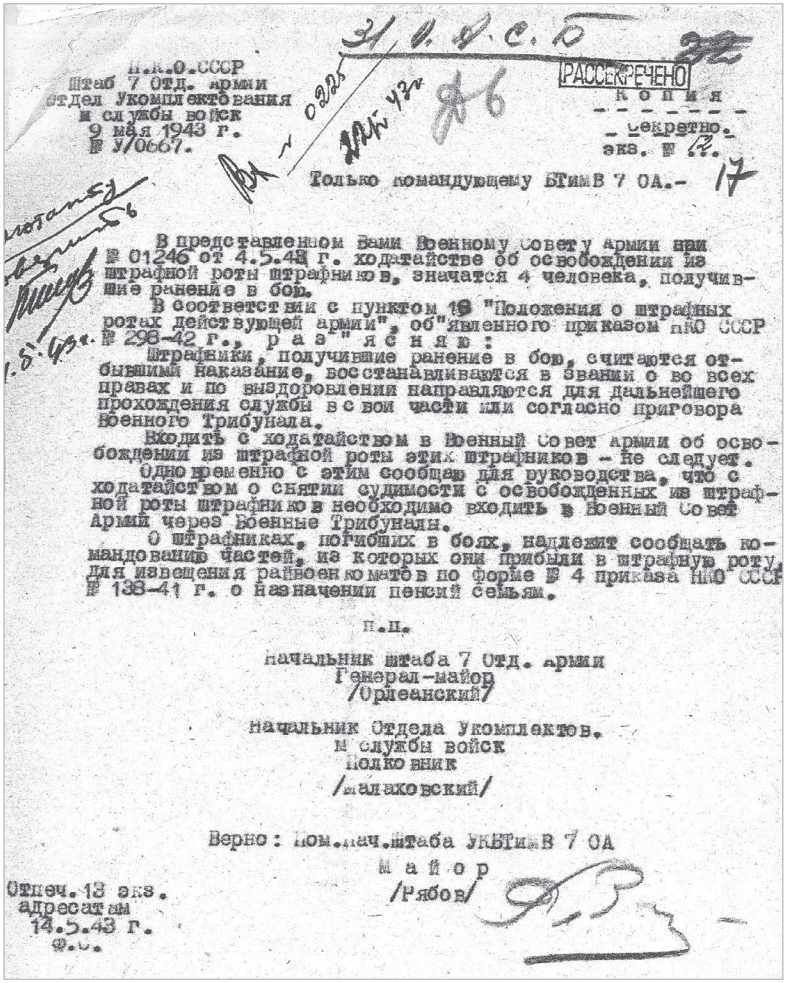
Положениями предусматривались социальные льготы для постоянного состава:

сроки выслуги для получения очередного звания сокращались наполовину;

один месяц службы при назначении пенсии засчитывался за шесть месяцев.

Последняя норма сохраняется в современном российском законодательстве. При исчислении выслуги лет, назначения и выплаты пенсий, компенсаций и пособий лицам, проходившим военную службу в Вооруженных силах или службу в силовых ведомствах, засчитывается на льготных условиях один месяц службы за шесть месяцев – в постоянном составе штрафных частей действующей армии в период Великой Отечественной войны[15].

До 2004–2005 гг. в ряде законодательных и нормативных правовых актов предусматривалась зачисление в выслугу при назначении пенсии время пребывания военнослужащих (в том числе проходивших службу по призыву) в период Великой



Н.К.О.СССР
Штаб 7 Отд. армии
Отдел Укомплектования
и службы войск
9 мая 1943 г.
№ У/0667.

РАССЕКРЕЧЕНО
К о п и я
- - - - - - -
Секретно.
экз. № 2.

Только командующему БТиМВ 7 ОА.-

В представленном Вами Военному Совету армии при № 01246 от 4.5.43 г. ходатайстве об освобождении из штрафной роты штрафников, значатся 4 человека, получившие ранение в бою.

В соответствии с пунктом 19 "Положения о штрафных ротах действующей армии", об"явленного приказом НКО СССР № 298-42 г., р а з ъ я с н я ю:

Штрафники, получившие ранение в бою, считаются отбывшими наказание, восстанавливаются в звании и во всех правах и по выздоровления направляются для дальнейшего прохождения службы в свои части или согласно приговора Военного Трибунала.

Входить с ходатайством в Военный Совет армии об освобождении из штрафной роты этих штрафников - не следует.

Одновременно с этим сообщаю для руководства, что с ходатайством о снятии судимости с освобожденных из штрафной роты штрафников в необходимо входить в Военный Совет Армий через Военные Трибуналы.

О штрафниках, погибших в боях, надлежит сообщать командованию частей, из которых они прибыли в штрафную роту, для извещения райвоенкоматов по форме № 4 приказа НКО СССР № 138-41 г. о назначении пенсий семьям.

п.п.

начальник штаба 7 отд. армии
Генерал-майор
/Орлеанский/

Начальник Отдела Укомплектов.
и службы войск
подполковник
/Малаховский/

Верно: пом.нач.штаба УКБТиМВ 7 ОА
м а й о р
/Рябов/

Отпеч. 13 экз.
адресатам
14.5.43 г.
Ф.С.

Ил. 5. Разъяснение штаба 7-й отд. армии

Отечественной войны в переменном составе штрафных рот и батальонов в случаях, когда направление в эти части было связано с пребыванием их в окружении, плену, либо проживания на временно оккупированной территории, если они не совершили там преступления против Родины[16].

О погибших штрафниках предписывалось незамедлительно сообщать командованию частей, из которых они прибыли

в штрафную часть, для извещения военкоматов о назначении пенсии семье погибшего. Назначение пенсии осуществлялось из расчета по последней должности по месту службы перед зачислением в штрафную часть.

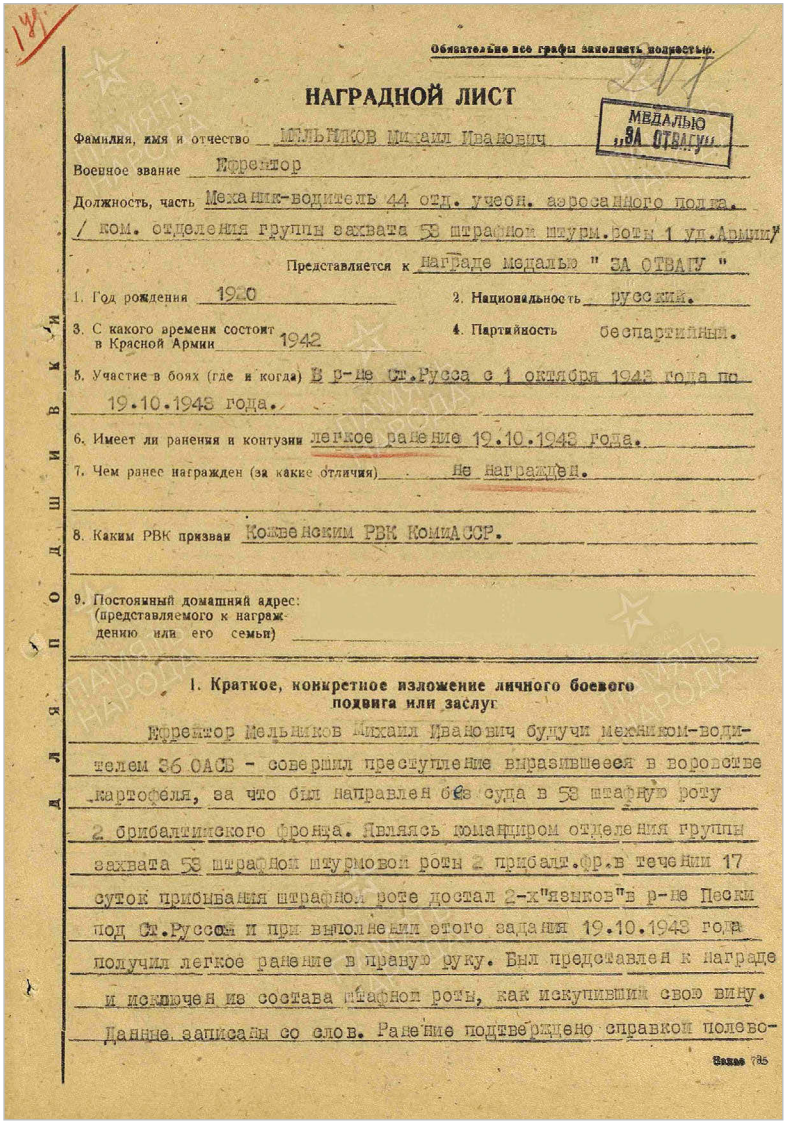
По таким же основаниям и правилам назначалась пенсия, получившим в результате ранения инвалидность.

Награждения

В архивных фондах 44-го отдельного учебного аэросанного полка (далее – 44 ОУАП) обнаружен интересный по содержанию документ – копия наградного листа на механика-водителя полка ефрейтора Мельникова Михаила Ивановича, 1920 г.р. Документ не очень хорошей сохранности, тем не менее, прочитать удалось: *«Ефрейтор Мельников Михаил Иванович будучи механиком-водителем 36 ОАСБ – совершил преступление ... был направлен без суда в 58 штрафную роту 2 Прибалтийского фронта. Являясь командиром отделения группы захвата 58 штрафной штурмовой роты ... в течении 17 суток пребывания штрафной роте достал 2-х «языков» ... при выполнении ... задания получил лёгкое ранение ... представлен к награде и исключён из состава штрафной роты, как искупивший свою вину.* ***Данные записаны со слов. Ранение подтверждено справкой…»***[17].

На сайте «Память народа» ЦАМО размещен 1-й экземпляр наградного листа Мельникова М. И. от 3 августа 1944 г.[18] с таким же текстом (ил. 6, 7). Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 мая 1945 г. № 255/317 Мельников М. И. награжден медалью «За отвагу».

В первые годы войны награждения осуществлялись несколько скупо. С 1943 г. советское руководство, в связи с появлением в результате боевых действий огромного количества раненых, покалеченных войной людей, приняло решение хоть как-то отблагодарить тех, кто вынес на своих плечах всю тяжесть войны. Циркулярные письма о порядке представления к награждениям были направлены в кадровые органы частей и соединений, в военкоматы. Справка о ранении и рассказ о том, как был ранен, послужившие основанием для награждения, – еще одно подтверждение того факта, что отбывание наказания в виде направления в штрафную часть – это военная служба, специфическая и все-таки служба.



Обязательно все графы заполнять подробно.

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

МЕДАЛЬЮ „ЗА ОТВАГУ"

Фамилия, имя и отчество МЕЛЬНИКОВ Михаил Иванович

Военное звание Ефрейтор

Должность, часть Механик-водитель 44 отд. учебн. аэросанного полка. / ком. отделения группы захвата 58 штрафной штурм. роты 1 уд. Армии

Представляется к награде медалью " ЗА ОТВАГУ "

1. Год рождения 1920
2. Национальность русский.
3. С какого времени состоит в Красной Армии 1942
4. Партийность беспартийный.
5. Участие в боях (где и когда) В р-не Ст.Русса с 1 октября 1942 года по 19.10.1943 года.
6. Имеет ли ранения и контузии легкое ранение 19.10.1943 года.
7. Чем ранее награжден (за какие отличия) не награжден.
8. Каким РВК призван Кожвенским РВК КомиАССР.
9. Постоянный домашний адрес: (представляемого к награждению или его семьи)

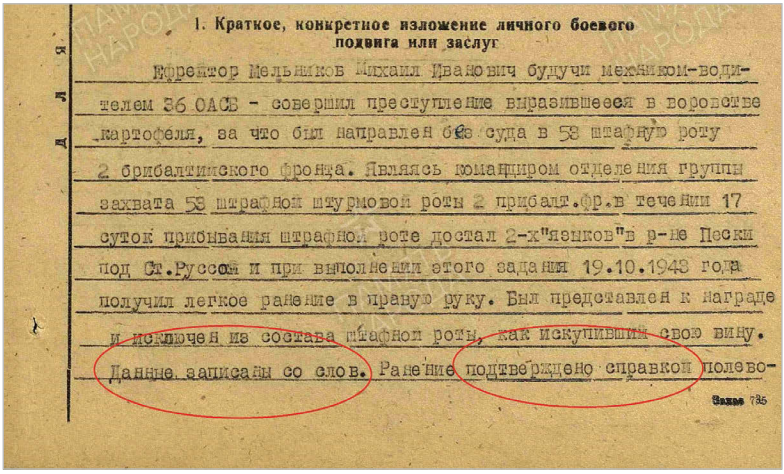
ДЛЯ ПОДШИВКИ

1. Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг

Ефрейтор Мельников Михаил Иванович будучи механиком-водителем 36 ОАСБ - совершил преступление выразившееся в воровстве картофеля, за что был направлен без суда в 58 штрафную роту 2 прибалтийского фронта. Являясь командиром отделения группы захвата 58 штрафной штурмовой роты 2 прибалт.фр.в течении 17 суток прибывания штрафной роте достал 2-х "языков" в р-не Пески под Ст.Руссой и при выполнении этого задания 19.10.1943 года получил легкое ранение в правую руку. Был представлен к награде и исключен из состава штрафной роты, как искупивший свою вину. Данные записаны со слов. Ранение подтверждено справкой полево-

Заказ 785

Ил. 6. Наградной лист на механика-водителя 44-го отдельного учебного аэросанного полка ефрейтора М. И. Мельникова



1. Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг

Ефрейтор Мельников Михаил Иванович будучи механиком-водителем 36 ОАСБ - совершил преступление выразившееся в воровстве картофеля, за что был направлен без суда в 58 штрафную роту 2 прибалтийского фронта. Являясь командиром отделения группы захвата 58 штрафной штурмовой роты 2 прибалт.фр.в течении 17 суток пребывания штрафной роте достал 2-х "языков" в р-не Пески под Ст.Руссой и при выполнении этого задания 19.10.1943 года получил легкое ранение в правую руку. Был представлен к награде и исключен из состава штафной роты, как искупивший свою вину. Данные записаны со слов. Ранение подтверждено справкой полево-

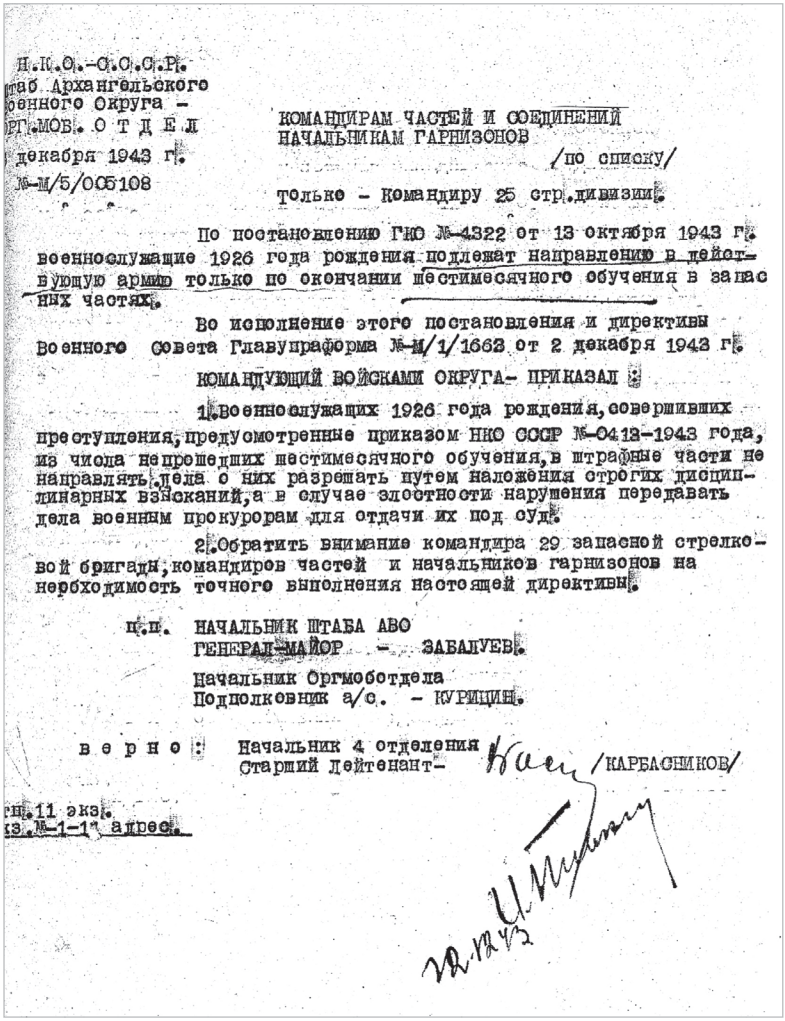
Ил. 7. Наградной лист на механика-водителя 44-го отдельного учебного аэросанного полка ефрейтора М. И. Мельникова

Есть еще одно обстоятельство.

Направление в штрафную часть, при всей кажущейся жестокости, представляло собой альтернативу крайним мерам – расстрелу, длительному тюремному (лагерному) заключению. С другой стороны, давало человеку возможность вернуть честное имя, искупив свою вину перед Родиной в бою.

Со второй половины войны, в конце 1943 г. стали издаваться нормативные акты, ограничившие права командования воинских частей по применению в отношении военнослужащих наказания в виде направления в штрафную часть.

В соответствии с Постановлением Государственного комитета обороны (далее – ГКО) СССР от 13.12.1943 г. № 4322 и Директивы Военного Совета Главного управления формирований резервов КА (далее – Главупрформа) от 2.12.1943 г. № М/1/1663 «Военнослужащих 1926 года рождения, совершивших преступления, предусмотренных приказом НКО СССР №-0413-1943 г., из числа не прошедших шестимесячное обучение, в штрафные части не направлять. Дела о них разрешать путем наложения строгих дисциплинарных взысканий, а в случае злостности нарушения дела передавать военным прокурорам для отдачи их под суд» (ил. 8, 9)[19].



Н.К.О.-С.С.С.Р.
Штаб Архангельского
Военного Округа -
ОРГ.МОБ. О Т Д Е Л
декабря 1943 г.
№-М/5/005108

КОМАНДИРАМ ЧАСТЕЙ И СОЕДИНЕНИЙ
НАЧАЛЬНИКАМ ГАРНИЗОНОВ
/по списку/

только - Командиру 25 стр.дивизии.

По постановлению ГКО №-4322 от 13 октября 1943 г. военнослужащие 1926 года рождения подлежат направлению в действующую армию только по окончании шестимесячного обучения в запасных частях.

Во исполнение этого постановления и директивы Военного Совета Главупраформа №-М/1/1663 от 2 декабря 1943 г.

КОМАНДУЮЩИЙ ВОЙСКАМИ ОКРУГА- ПРИКАЗАЛ :

1.Военнослужащих 1926 года рождения, совершивших преступления, предусмотренные приказом НКО СССР №-0413-1943 года, из числа непрошедших шестимесячного обучения, в штрафные части не направлять дела о них разрешать путем наложения строгих дисциплинарных взысканий, а в случае злостности нарушения передавать дела военным прокурорам для отдачи их под суд.

2.Обратить внимание командира 29 запасной стрелковой бригады, командиров частей и начальников гарнизонов на необходимость точного выполнения настоящей директивы.

п.п. НАЧАЛЬНИК ШТАБА АВО
ГЕНЕРАЛ-МАЙОР - ЗАБАЛУЕВ.

Начальник Оргмоботдела
Подполковник а/с. - КУРИЦИН.

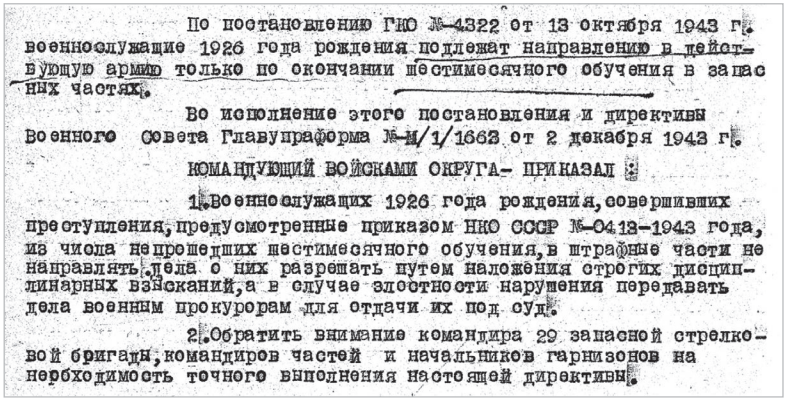
в е р н о : Начальник 4 отделения
Старший Лейтенант- /КАРБАСНИКОВ/

гн.11 экз.
кз.№-1-1 адрес.

12.12.43

Ил. 8. Циркулярное письмо Архангельского военного округа от 6.12.1943 г., исх. № М5005108

В конце войны наказание в виде направления в штрафные части отменяется, и у командира батареи 436-го артполка, организовавшего в апреле 1945 г. распитие трофейного спирта подчиненными, возможности искупить вину уже не было. По факту отравления 37 человек (9 со смертельным исходом) проведено



По постановлению ГКО №-4322 от 13 октября 1943 г. военнослужащие 1926 года рождения подлежат направлению в действующую армию только по окончании шестимесячного обучения в запасных частях.

Во исполнение этого постановления и директивы Военного Совета Главупраформа №-М/1/1663 от 2 декабря 1943 г.

КОМАНДУЮЩИЙ ВОЙСКАМИ ОКРУГА- ПРИКАЗАЛ :

1.Военнослужащих 1926 года рождения, совершивших преступления, предусмотренные приказом НКО СССР №-0413-1943 года, из числа непрошедших шестимесячного обучения, в штрафные части не направлять, дела о них разрешать путем наложения строгих дисциплинарных взысканий, а в случае злостности нарушения передавать дела военным прокурорам для отдачи их под суд.

2.Обратить внимание командира 29 запасной стрелковой бригады, командиров частей и начальников гарнизонов на необходимость точного выполнения настоящей директивы.

Ил. 9. Циркулярное письмо Архангельского военного округа от 6.12.1943 г., исх. № М5005108

расследование, по результатам которого организатор пьянки (заслуженный офицер, кавалер нескольких боевых наград) исключен из списков части в связи с осуждением на 10 лет лишения свободы и направлением в лагеря[20].

---

[1] Более подробно см.: Воденисова К. А. Меры правовой защиты участников военных конфликтов (на примерах Великой Отечественной войны) // Актуальные проблемы современного международного права: Материалы XVI международного конгресса «Блищенковские чтения». Москва, 14 апреля 2018 г. М.: Российский университет дружбы народов, 2018. Ч. III. С. 409–419.

[2] РГВИА. Ф. 4. Оп. 12. Д. 105. Л. 122–128.

[3] Положение о штрафных батальонах Действующей Армии [Электронный ресурс] // ЦАМО. Режим доступа: pamyat-naroda.ru. Свободный. – Загл. с экрана.

[4] Комментарий к Федеральному конституционному закону «О военных судах Российской Федерации (постатейный) [Электронный ресурс] / За права военнослужащих. 2012. Вып. 128 (под ред. Хомчика В .В.). – Сайт сервисного центра КонсультантПлюс – Режим доступа: www.consultant.ru. Свободный. – Загл. с экрана.

[5] Воденисова К. А. Меры правовой защиты участников военных конфликтов. С. 409–419.

[6] Положение о штрафных ротах Действующей Армии.

[7] Воденисова К. А. Меры правовой защиты участников военных конфликтов. С. 409–419.

[8] Там же.

[9] Приказы команд. БТиМВ 26 А от 8.5.1943 г. № 044 и 25 оасб от 10.5.1943 г. № 28 // ЦАМО. Ф. 25 оасб. Оп. 20279. Д. 7: Книга приказов по 25 отд. аэросан. батальону, 24.9.1942 г. – 31.12.1942 г. С. 107.

[10] Вахтеров А. В., Воденисова К. А. Российская система правовой защиты участников военных конфликтов (по документам Центрального архива МО России и из опыта проведения контртеррористических операций в Северокавказском регионе): статья // Война и оружие. Новые исследования и материалы: Труды Десятой Международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 12–14 мая 2021 г.. СПб: ВИМАИВиВС, 2021. Ч. I. С. 234–253.

[11] Приказ 40 олбр от 1.03.1943 г. // ЦАМО. Ф. 2112. Оп. 1. Д. 8. Л. 28–28 об.

[12] Золотухин Г. А., Копылов А. В. Комментарий законодательства о пенсионном обеспечении граждан, проходивших военную службу, и членов их семей (2-е изд., переработанное и дополн.) [Электронный ресурс] / За права военнослужащих. – 2002. –Сайт сервисного центра КонсультантПлюс – Режим доступа: www.consultant.ru. Свободный. – Загл. с экрана.

[13] Положение о штрафных батальонах Действующей Армии.

[14] Разъяснение штаба 7 ОА от 9.05.1943 г. № У/0667 // ЦАМО. Ф. 31 оасб. Оп. 90684. Д. 4. Л. 17.

[15] Подпункт «а» пункта 3 Постановления Правительства Российской Федерации от 22.09.1993 г. № 491 (ред. от 7.11.2022 г.) «О порядке исчисления выслуги лет, назначения и выплаты пенсий, компенсаций и пособий лицам, проходившим военную службу в качестве офицеров, прапорщиков, мичманов и военнослужащих сверхсрочной службы или по контракту в качестве солдат, матросов, сержантов и старшин либо службу в органах внутренних дел, федеральной противопожарной службе, органах принудительного исполнения Российской Федерации, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, и их семьям в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. / Сайт сервисного центра КонсультантПлюс – Режим доступа: www.consultant.ru. Свободный. – Загл. с экрана.

[16] Золотухин Г. А., Копылов А. В. Комментарий законодательства о пенсионном обеспечении граждан, проходивших военную службу, и членов их семей.

[17] Копия наградного листа Мельникова М. И. // ЦАМО. Ф. 4824 (44 ОУАП). Оп. 90685. Д. 52. Л. 136–136 об.

[18] Наградной лист Мельникова М. И. от 3.08.1944 г. // ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686046. Д. 204. Л. 217–218.

[19] Циркулярное письмо Оргмоботдела Архангельского Воен. Округа от 6 декабря 1943 г., исх. № М/5/005108 // ЦАМО. Ф. 6179 (31 сп). Оп. 93611. Д. 1. Л. 153.

[20] Приказ 436-го артполка от 10.4.1945 г. № 066 // ЦАМО. Ф. 11438. Оп. 2. Д. 5. Л. 40 об.–41.

В. А. Ветюков (Москва)

ОБРАЗЦЫ ВЬЕТНАМСКОГО ДРЕВКОВО-КЛИНКОВОГО ОРУЖИЯ XVII в. В КОЛЛЕКЦИИ РИЙСКМУЗЕУМА (АМСТЕРДАМ)

ТРАДИЦИОННОЕ ОРУЖИЕ ВЬЕТНАМА в последние годы привлекает внимание некоторых исследователей, однако все еще остается явлением малоизученным. Одной из причин такого положения дел является малое количество подлинных предметов вооружения во вьетнамских музеях. Исключением являются археологические находки. Это бронзовые топоры, кинжалы и наконечники, относящиеся к культуре Донгшон (1 тыс. до н. э.), а также богатое собрание предметов вооружения периода Поздние Ле (1428–1789), обнаруженное в ходе раскопок на территории Военной академии в Зангво, г. Ханой и подробно описанное археологом доктором исторических наук Нгуен Тхи Зон[1].

Логично предположить, что нехватку материальных источников могут компенсировать предметы традиционного вооружения вьетнамцев, сохранившиеся в музейных и частных собраниях за пределами страны. Отдельные экземпляры старинных сабель и другого оружия действительно встречаются во французских музеях, но имеют позднюю датировку, так как в основном относятся ко временам французской колонизации Индокитая (1858–1885). Что касается более ранних образцов, то установить их вьетнамское происхождение затруднительно, так как в связи с обилием иноземных влияний оружие из Индокитая часто может быть атрибутировано как китайское, а в ряде случаев – как японское[2].

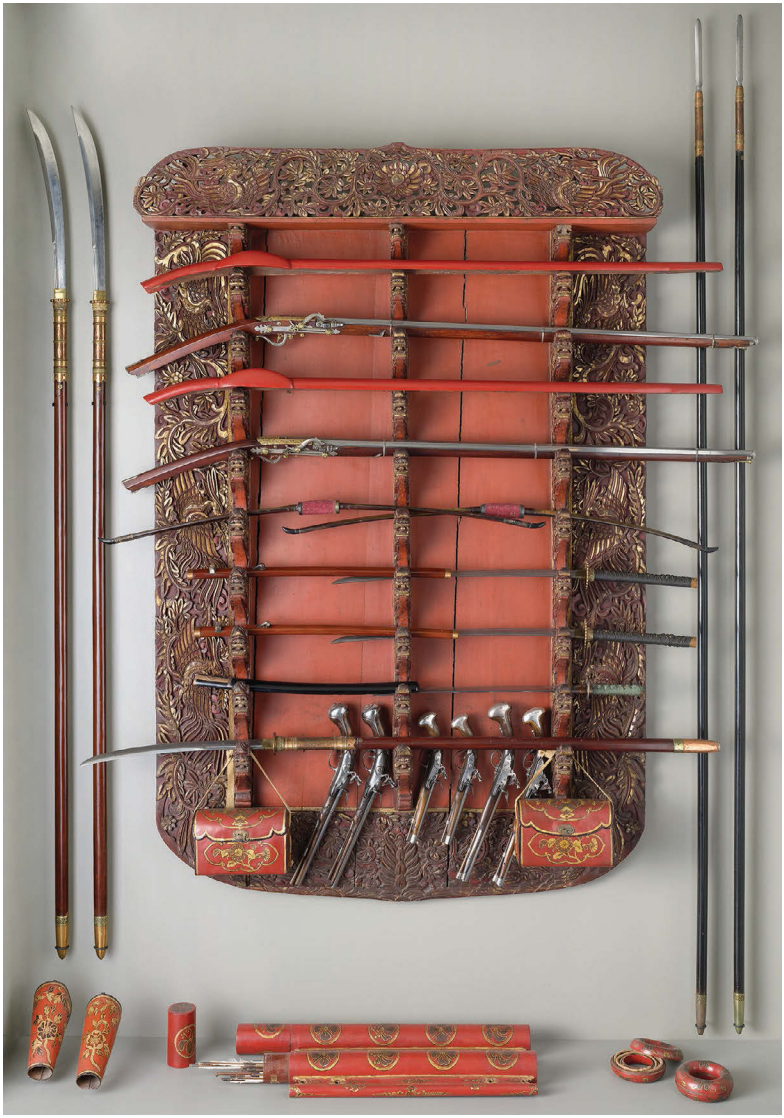
В связи с этим большой интерес вызывает группа экспонатов под инвентарными номерами NG-NM-6087-A – NG-NM-6094-A-2, представленная в собрании Государственного музея Нидерландов

в Амстердаме – знаменитого Рийксмузеума[3]. Ныне она демонстрируется в зале 2.15, посвященном эпохе морского могущества Голландии (XVII в.). После недавней реновации музея этот комплекс предметов находится в отдельной витрине (ил. 1).

Группа включает прямоугольную (200 × 132 см) оружейную стойку из нескольких досок дерева джати, обрамленную резной орнаментальной рамой. Перпендикулярно основной плоскости расположены три параллельных ряда изящно изогнутых кронштейнов (по десять в ряду). Каждый завершается резным изображением головы фантастического льва-нге, сжимающего в пасти жемчужину. На кронштейнах и по сторонам от стойки размещен набор вооружения и дополнительных аксессуаров (инв. № NG-NM-6088 по NG-NM-6099). Он включает две парные пики, три боевые косы, две длинные и одну короткую сабли, два композитных лука (прилагаются колчаны с набором стрел, наручи и браслеты для лучника), а также две фитильные аркебузы (прилагаются необычного вида крышки-накладки, две патронные сумки и круглые коробки с фитилями) и шесть кремневых пистолетов. Экспонаты находятся в прекрасной сохранности.

Согласно описанию, размещенному на сайте музея, коллекция принадлежала адмиралу Корнелису Мартенсзону Тромпу (1629–1691). Представленные в витрине предметы датированы 1650–1679 гг. Место изготовления большинства экспонатов (кроме короткой сабли, представляющей собой классический образец японского *вакидзаси* и пистолетов голландской работы) атрибутировано как Северный Вьетнам.

Биографы адмирала Тромпа установили, что на исходе 1680 г. он получил из Батавии посылку от своего друга детства Корнелиса Веманса, купца Ост-Индской компании. В посылке находилась деревянная стойка с набором восточного оружия, идентичным приведенному выше. Перечень предметов содержится в сопроводительном письме, сохранившемся в фамильном архиве Тромпов[4]. Адмирал разместил прибывший из Батавии экзотический подарок в амстердамском особняке своей супруги на канале Херенграхт. Экспонаты были внесены в домашнюю инвентарную книгу. В 1884 г. наследники рода Тромпов продали собрание формировавшемуся тогда Рийксмузеуму. В 1970-е гг. часть размещенных на стойке предметов вооружения подверглась демонатжу, в ходе которого был выявлен ряд любопытных конструктивных особенностей.



Ил. 1. Стойка NG-NM-6087-A. Фото: Rijksmuseum, Amsterdam

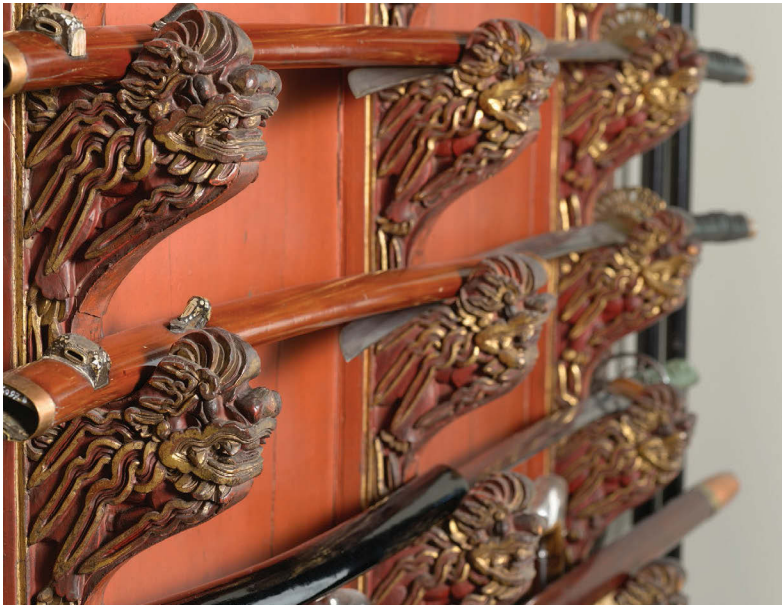
В 2014 г. голландский исследователь Ян Винендаал предположил, что стойка происходит из Тонкина (европейское название северной части Вьетнама, в XVII в. именовавшейся Дангнгоай)[5]. Ученый обосновывает данную гипотезу очевидным сходством декора стойки (в частности, львиных головок, украшающих кронштейны) с резными деревянными изображениями XVII в., представленными в собрании Музея искусств Вьетнама в Ханое.

В изображениях присутствует повторяющийся декоративный мотив в виде облака или языка пламени с зигзагообразным основанием и прямым острым завершением. Он может как являться элементом абстрактного орнамента, так и украшать экспрессивно выгравированные изображения фантастических животных. Этим узором очерчены гривы львиных голов, украшающих стойку из Рийксмузеума. Встречается он и в декоре нескольких предметов вооружения, размещенных на стойке. В 2010-х годах эксперты Рийскмузеума идентифицировали их вьетнамское происхождение[6] (ил. 2).

Существует несколько версий, объясняющих, как этот набор предметов попал из Вьетнама в Батавию, а затем в Амстердам[7]. Все они опираются на факт наличия торгового представительства голландской Ост-Индской компании в княжестве Дангнгоай во второй половине XVII в. В 1677–1679 гг. факторию возглавлял некий Й. Бессельман, в начале следующего года открывший собственный магазин колониальных товаров в Батавии. Исследовательница Эвелин Синт-Николаас выдвигает убедительную гипотезу о том, что К. Веманс мог приобрести экзотические подарки для своего именитого друга именно у этого предпринимателя[8].

Среди отечественных исследователей первым на данное собрание обратил внимание московский специалист по оружию Индокитая С.В. Барчевский. Доклад, прочитанный им в мае 2016 г. на конференции «Война и оружие», проходившей в Музее артиллерии, инженерных войск и войск связи в Санкт-Петербурге[9], побудил автора посетить Рийксмузеум для непосредственного ознакомления с этими уникальными экспонатами.

На первый взгляд, образцы восточного холодного и огнестрельного вооружения, представленные в зале 2.15, имеют японское происхождение. Человек, хотя бы поверхностно знакомый с вооружением самураев, может узнать в них пики-*яри* 槍, «алебарды»-*нагината* 長刀, «самурайские мечи»-*катана* 刀



Ил. 2. Стойка NG-NM-6087-A, фрагмент. Кронштейны, украшенные головками львов-нге. Фото Rijksmuseum, Amsterdam

и японские же модификации западных аркебуз, известные под названием *танэгасима* 種子島.

Казалось бы, сам собой напрашивается вывод о том, что эти предметы прибыли на азиатский материк на борту *сюин-сэн* 朱印船 – «кораблей, с красными печатями», которые в большом количестве снаряжались японскими торговыми фирмами вплоть до закрытия страны сегунатом Токугава ок. 1635 г. Известно, что в XVI–XVII вв. Япония была основным поставщиком холодного оружия во вьетские княжества и другие государства Индокитая[10]. Экземпляры оригинального японского оружия, равно как и его локальные производные, можно видеть в экспозициях ханойских музеев и зарубежных коллекциях.

С другой стороны, произведения местных оружейников, как правило, не являются точной копией японских прототипов, а имеют ряд существенных конструктивных и декоративных отличий. Именно такие особенности и были обнаружены сотрудниками музея в ходе изучения предметов с оружейной стойки адмирала Тромпа полвека назад[11] (ил. 3).

Ил. 3. Боевая коса NG-NM-6089-A. Фото: Rijksmuseum, Amsterdam

Древково-клинковое оружие представлено здесь тремя экземплярами, на первый взгляд весьма напоминающими японские *нагината* 長刀 (кит. – *чандао*, вьет.– *чыонг дао/дао чыонг*). В материковой Азии их нередко включают в категорию «больших тесаков» 大刀 (кит. – *дадао,* вьет. – *дай дао*), куда также входят и многочисленные разновидности однолезвийного клинкового оружия. В Европе предметы такого рода нередко классифицируются как *боевые косы*. Существуют и другие термины, такие как *глефа* и *совня*.

Каждый из трех экземпляров представляет собой закрепленный на кипарисовом древке стальной клинок, снабженный кипарисовыми же ножнами. Элементы прибора – гарды, уплотнительные муфты, крепежные втулки, а также накладки на ножнах – выполнены из меди и латуни. Образцы № NG-NM-6089-A и NG-NM-6089-B практически идентичны[12]. В длину они достигают 234 см. Третий экземпляр несколько меньше – всего 186 см длиной[13]. На сайте музея не представлены отдельные обмеры для древка и клинка, но из приведенной ниже длины ножен и осмотра «на глаз» можно заключить, что у первых двух экземпляров древко достигает в длину порядка 180 см, а клинок, соответственно, 50–55 см. У экспоната NG-NM-6090-A древко значительно короче – примерно 115–125 см, а клинок, наоборот, достигает порядка 60–70 см в длину. Он плавно изогнут, при этом, в отличие от двух предыдущих, лишен расширения верхней части – так называемой «елмани». Обух всех трех клинков в двух верхних третях сужается, образуя дополнительное лезвие. Заточено ли оно, нам определить не удалось. Голомень каждого клинка в нижней

Ил. 4. Уплотнительная муфта и втулка боевой косы NG-NM-6089-A

трети имеет дол, расположенный близко к обуху.

Демонтаж экземпляров холодного оружия со стойки № NG-NM-6087-A продемонстрировал, что в хвостовиках всех трех клинков отсутствуют крепежные отверстия (то же относится и к наконечникам обеих пик, а также клинкам сабель NG-NM-6097-B и NG-NM-6097). Данная особенность существенно отличает их от японских аналогов, обязательно имеющих отверстие для бамбукового штырька *мэкуги* 目釘, фиксирующего хвостовик в древке или рукояти. Напротив, у экспонатов из Рийксмузеума крепление произведено типичным для Юго-Восточной Азии способом. Последний заключается в том, что древко высверливается на всю длину хвостовика, а его шероховатая неотполированная поверхность натирается растительным клеем на основе смолы, намертво закрепляющим хвостовик в отверстии[14].

Место крепления клинка к древку обжимает медно-латунная втулка, что характерно для оружейной традиции Индокитая. Эта деталь покрыта узорчатой гравировкой с геометрическим и облачно-растительным орнаментом. Она разделена цокольными выступами на секции неодинакового цветового оттенка и напоминает инкрустированные латунными сплавами изделия мастеров провинции Бакнинь в Северном Вьетнаме[15] (ил. 4).

В верхней части втулка переходит в крепежную муфту – в японской терминологии *фути* 縁 (кит. – *юань*, вьет. – *зюйен*). Последняя имеет форму удлиненной полусферы с обращенным в сторону клинка основанием и богато декорирована. У экспоната NG-NM-6089-A муфта имеет вид распустившегося цветка с узорчатыми лепестками, напоминая традиционный для буддийской иконографии лотосовый трон. У № NG-NM-6089-B и NG-NM-6090-A муфта украшена идентичным, весьма сложным орнаментом, в котором

угадываются описанные выше зигзагообразные элементы, напоминающие языки пламени. Можно допустить, что все три предмета принадлежали одному набору и «лотосообразный» *зюйен* изначально предназначался для более короткой боевой косы NG-NM-6090-A, в то время как парные образцы имели также идентичные муфты. Остается только предполагать, на каком этапе эти элементы по ошибке поменяли местами – на стадии производства или в ходе не столь давнего демонтажа, предпринятого сотрудниками музея в исследовательских целях. Похожими уплотнительными муфтами оснащены парные сабли, представленные в той же витрине. Они имеют аналоги и в других коллекциях. Можно упомянуть представленную в собрании Музеев Московского Кремля вьетнамскую саблю (инв. № Ор-4503/1-2), вероятно, привезенную Петром Великим из Голландии.

У всех перечисленных экспонатов уплотнительная муфта упирается в круглую гарду, аналог японской *цуба* 鍔 (кит. – *э*, вьет. – *нгак*). Парные боевые косы из Рийксмузеума оснащены гардами в виде цветка хризантемы с выступающими лепестками. Образец меньшего размера имеет гарду простой дисковидной формы.

Над гардой у каждого *чыонг дао* расположен медный воротничок, идентичный японскому *хабаки* 鎺 (кит. – *цзинь*, вьет. – *ким*). Он охватывает основание клинка и уменьшает контакт последнего с ножнами. Все три воротничка имеют ровную кромку, возможно, указывающую на их островное происхождение. Их форма разительно отличается от имеющих фигурные вырезы китайских *тунькоу* 吞口 и их вьетнамских аналогов *тхон кхау* с раздвоенным симметричным устьем[16].

Древко у каждой боевой косы изготовлено из кипариса и покрыто коричневым лаком. Чуть ниже втулки оно украшено парными декоративными набойками в виде цветка сливы с восемью лепестками, а с обратной стороны снабжено сферо-коническим втоком. У № NG-NM-6089-A и NG-NM-6089-B древко в сечении круглое, в то время как у *чыонг дао* меньшего размера оно овальное, как и у японских *нагината*[17].

Подобно островным прототипам, боевые косы из коллекции Корнелиса Тромпа снабжены ножнами для клинков. Первые два экземпляра достигают в длину 58,5 см, для третьего данные отсутствуют[18]. Устья и навершия ножен украшены медными накладками с фигурными прорезями. Этот факт, как и то, что они изготовлены из твердой древесины, говорит, по мнению

Э. Синт-Николас, скорее о китайском, нежели японском влиянии. При этом она подчеркивает, что конструкция и декор древкового и клинкового оружия из коллекции адмирала Тромпа в целом имеет характерный вьетнамский колорит[19].

Исследовательница утверждает, что размещенные на стойке экспонаты изначально не представляли собой единый набор, но скорее всего были скомпонованы К. Вемансом при формировании посылки. Нам представляется, что собрание включает несколько малых наборов оружия, которыми являются идентичные парные образцы. Что касается боевых кос *чыонг дао*, то, учитывая сходство использованных материалов и технологий, а также декоративные особенности прибора, нам представляется возможным заключить, что все описанные экземпляры изготовлены в одной мастерской. Два более крупных образца представляют пару, однозначно сделанную под единый заказ. Скорее всего, к этому набору относится и третья коса меньшего размера (в пользу чего может свидетельствовать уплотнительная муфта той же формы, что и у экспоната № NG-NM-6089-B). В комплект, возможно, входили и парные сабли под номерами NG-NM-6097-B и NG-NM-6097. Они также выполнены в «японском» стиле, при этом их клинки не имеют отверстий на хвостовике и закреплены в высверленных кипарисовых рукоятях при помощи растительного клея. Ножны также изготовлены из кипариса и покрыты лаком того же оттенка, что и у боевых кос. Медные и латунные детали прибора сабель – округлые гарды в виде цветка хризантемы, уплотнительные муфты, набойки на рукоятях, накладки на ножнах – изготовлены в той же стилистике, что и у описанных выше *чыонг дао*[20]. Таким образом, мы можем предположить, что образцы клинкового и древково-клинкового оружия из коллекции адмирала Тромпа составляют один набор.

По мнению специалистов Рийксмузеума, клинки парных сабель были изготовлены либо японским оружейником, оставшимся в 1630-е гг. во Вьетнаме и потерявшим связь с коллегами на родине, либо представителями следующего поколения мастеров, продолжавшими ковать оружие в японском стиле, несущее, однако, явные следы местных влияний[21].

Нам представляется оправданным экстраполировать данное предположение и на представленные в наборе боевые косы. Что касается прибора этих образцов, он мог быть произведен в той же мастерской либо является результатом работы вьетнамских ремесленников, к которым клинки попали в готовом виде.

Возникает вопрос, встречаются ли похожие образцы древково-клинкового оружия в других музейных собраниях. С. Барчевский обратил внимание на то, что представленный в коллекции Государственного Эрмитажа образец боевой косы (инв. № В.О.76), атрибутированный как японская *нагината* XVIII в., по целому ряду характеристик (полусферическая уплотнительная муфта, круглое в сечении древко) напоминает боевые косы из коллекции адмирала Тромпа[22]. В настоящий момент нам неизвестно, проводился ли демонтаж данного экспоната, который позволил бы выявить способ крепления хвостовика к древку. Последнее, возможно, помогло бы точнее определить его происхождение.

В Национальном историческом музее (Ханой) демонстрируются образцы *чыонг дао* эпохи Нгуен (1802–1945). Они имеют архаичный облик, во многом ориентированный на светскую и религиозную иконографию. Клинки экспонатов отчасти напоминают японские *нагината*, однако имеют несколько более широкую елмань и небольшие декоративные выступы на обухе в стиле китайских *дао,* изображения которых в большом количестве представлены в китайских военных энциклопедиях «У цзин цзунъяо» 武經總要 (XI в.) и «У бэй чжи» 武備志 (XVII в.)[23].

Интересные предметы традиционного вооружения, часто богато декорированные, можно видеть на многочисленных фотографиях колониальной эпохи, сделанных в Запретном городе, находившемся в пределах Хюэ – тогдашней столицы Аннама (так в конце XIX – середине XX в. называлась центральная часть страны). На этих снимках французские фотографы запечатлели шествия «аннамитских» чиновников со свитой. Участники процессий одеты в архаичные парадные костюмы, а в руках держат разнообразную каноническую символику, в том числе оружие. Немалый интерес представляет снимок, сделанный в день интронизации последнего вьетнамского монарха Бао Дая (1925–1945), имевшей место 8 января 1926 г. Здесь фотографу позирует группа дворцовых гвардейцев и носильщиков королевского паланкина. По центру стоит офицер в парадном одеянии, сжимающий в левой руке экземпляр *чыонг дао*, весьма напоминающий боевые косы из Рийксмузеума, в особенности экспонат номер NG-NM-6090-A[24]. Оружие имеет длинный изогнутый клинок без елмани, круглую гарду, полусферическую уплотнительную муфту, втулку, разделенную на секции неодинакового цветового оттенка, круглое древко, заканчивающееся сферо-коническим втоком. Все

Ил. 5. Группа дворцовых гвардейцев и носильщиков королевского паланкина. 1926 г. Фото из открытых источников

перечисленные детали выполнены в стилистике, чрезвычайно напоминающей прибор описанного здесь древково-клинкового оружия. Исключение составляет только охватывающий основание клинка более характерный для Вьетнама высокий воротничок с фигурным резным устьем (ил. 5).

Подводя итог настоящего исследования, хочется отметить, что предметы, размещенные на стойке из коллекции адмирала Корнелиса Тромпа, представляют собой огромную ценность как для оружиеведов, так и для востоковедов-вьетнамистов. Изучение этого редчайшего собрания, попавшего из Тонкина в Амстердам в последней четверти XVII в., сейчас только начинается и таит многочисленные сюрпризы для исследовательского и музейного сообщества. Сказанное в полной мере относится к образцам *чыонг дао,* представленным в этой уникальной коллекции.

---

[1] Nguyễn Thị Dơn *Sưu tập vũ khí thời Lê ở Ngọc Khánh (Hà Nội)*. Chuyển ngành: Khảo cổ học. Mã số: 5 03 08. Luận án Tiến sĩ lịch sử. Hà Nội, 2001.

[2] Барчевский С. В. К вопросу о японском влиянии на холодное оружие Индокитая // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Седьмой Международной научно-практической конференции. 18–20 мая 2016 года. Ч. I. СПб.: ВИМАИВиВС, 2016. С. 120–126.

[3] Rijksmuseum (NG-NM-6087-A). Cornelis Tromp's Weapon Rack, anonymous, c. 1650–1679. Object data: URL: http://hdl.handle.net/10934/RM0001.COLLECT.355194 (дата обращения: 5 октября 2021).

[4] Eveline Sint Nicolaas. *'A Diplomatic Gift Full of Surprises : The weapon rack of Cornelis Tromp and other 'exotic' arms belonging to Tromp and Michiel de Ruyter'*, in//Thom Richardson, *East Meets West : Diplomatic Gifts of Arms and Armour between Europe and Asia, proceedings of the Royal Armouries conference held at H.M. Tower of London* , Saturday 14 September 2013, p. 89–111. Contributor(s): Richardson, Thom Publisher: Leeds : Royal Armouries, 2014:94-95.

[5] Jan Veenendal *Asian Art and Dutch Taste* Zwolle/den Haag, 2014: 93–94.

[6] Rijksmuseum (NG-NM-6087-A) Object data: URL: http://hdl.handle.net/10934/RM0001.COLLECT.355194 (дата обращения: 5 октября 2021).

[7] Подробно об этом см.: Ветюков В. А. Вьетнамское оружие XVII в. из собрания Государственного Музея Нидерландов // Вьетнамские исследования. 2022. Т. 6, № 1. С. 52–62. https://vietnamjournal.ru/2618-9453/article/view/100179.

[8] Eveline Sint Nicolaas 2014:104-105.

[9] Барчевский С. В. 2016. С. 120–126.

[10] Huard Huard P., Durand M. *Connaissance du Viet Nam*. Paris – Hanoi, 1954 : 117.

[11] Eveline Sint Nicolaas 2014. P. 104–105.

[12] Rijksmuseum NG-NM-6089-A *Lans behorend bij wapenrek van Cornelis Tromp, anoniem, ca. 1650 - ca. 1679* Object data URL: http://hdl.handle.net/10934/RM0001.COLLECT.360331; NG-NM-6089-B URL: http://hdl.handle.net/10934/RM0001.COLLECT.360332 (дата обращения: 11 октября 2021).

[13] Rijksmuseum NG-NM-6090-A *Lans behorend bij wapenrek van Cornelis Tromp, anoniem, ca. 1650 - ca. 1679* Object data: URL: http://hdl.handle.net/10934/RM0001.COLLECT.360333 (дата обращения: 11 октября 2021).

[14] Eveline Sint Nicolaas 2014. P. 101.

[15] Барчевский С. В. 2016. С. 106–110.

[16] Там же.

[17] Барчевский С. В., Ветюков В. А. Боевая коса: нагината из Японии или даочыонг из Вьетнама? // Государственный Эрмитаж, Оружейный семинар 25 января 2018 г. СПб., 2018. С. 6.

[18] Rijksmuseum NG-NM-6089-A-1; NG-NM-6089-B-1; NG-NM-6090-A:11.10.2021.

[19] Eveline Sint Nicolaas 2014. P. 101.

[20] Ветюков В. А. Вьетнамское оружие XVII в. из собрания Государственного музея Нидерландов. Ч. 2 // Вьетнамские исследования. 2023. Т. 7, № 1. С. 75–86.

[21] Rijksmuseum (NG-NM-6097-B) *Sabel behorend bij wapenrek van Cornelis Tromp, anoniem, ca. 1650 - ca. 1679* Object data: URL: http://hdl.handle.net/10934/RM0001.COLLECT.360362 (дата обращения: 11 октября 2021).

[22] Барчевский, Ветюков 2018. С. 6.

[23] 古今圖書集成，上海，1934. *Гу цзинь ту шу цзичэн* (Собрание иллюстраций и книг с древности до наших дней). Шанхай, 1934. Т. 963.

[24] *Nhóm các thị vệ và lính khiêng kiệu vua* (E-1556 G.G.) Lễ Đăng Quang của Vua Bảo Đại ngày 8/1/1926. (Группа дворцовых гвардейцев и носильщиков королевского паланкина, интронизация Короля Бао Дая 8 января 1926 г.) URL: https://www.hinhanhlichsu.org/2018/01/le-ang-quang-cua-vua-bao-ai-ngay-811926.html (дата обращения: 12 октября 2021).

С. Е. Виноградов (Москва)

РАЗВИТИЕ СНАРЯДНОГО ПРОИЗВОДСТВА ДЛЯ МОРСКОЙ И БЕРЕГОВОЙ АРТИЛЛЕРИИ НА ОБУХОВСКОМ СТАЛЕЛИТЕЙНОМ ЗАВОДЕ В 1910–1917 гг.

ОБУХОВСКИЙ ЗАВОД, располагающийся в Санкт-Петербурге, сегодня входит в систему концерна «Алмаз – Антей», а на заре своего существования в 1863 г. был учрежден как предприятие для выделки морских и крепостных орудий из тигельной стали по оригинальной рецептуре горного инженера полковника П. М. Обухова. К проекту эксплуатации изобретения этого талантливого металлурга прямо восходит наименование предприятия – Обуховский сталелитейный завод (ОСЗ). Таким образом, с самого начала его деятельности завод был ориентирован на инновационное сталепроизводство и машиностроение, продукт которого здесь же трансформировался, после соответствующей механо- и термообработки, а затем механосборки, в артиллерийские изделия. Совершенствование методов выделки стали и постоянное увеличение производительности предприятия заложили основу для распространения его деятельности на новые виды продукции, среди которой сформировалось и неуклонно росло производство стальных артиллерийских снарядов.

Возникновение данного направления изготовления боевых средств, преимущественно для потребностей морской и береговой артиллерии, было вызвано быстрым совершенствованием в середине XIX в. техники военного судостроения – переходом к постройке корпусов кораблей из железа, затем из стали, внедрением новых типов двигательных установок (паровых поршневых машин) и разнообразных механических устройств (гидравлических

и паровых приводов). Но наиболее радикальной приметой нового облика боевых флотов стал переход к защите бортов и палуб боевых кораблей железными броневыми плитами толщиной до 100–120 мм, что сразу сделало поражение новых «броненосцев» артиллерийскими снарядами прежнего типа – чугунными сферическими ядрами и бомбами – критически неэффективным. Наилучшим решением проблемы был переход к цилиндро-коническим стальным снарядам с увеличенным в рамках того же калибра в 2–2,5 раза весом, что обещало пробитие неприятельской брони и внесение поражающего действия снаряда за нее.

Прогресс сталепроизводства на Обуховском заводе позволял обратиться к выделке подобных снарядов с расчетом на успех. Однако требовались обширные экспериментальные исследования по выработке наиболее эффективных снарядных технологий, а также их приемлемость и в отношении стоимости изделий. Первая небольшая партия стальных снарядов калибра 8 и 9 дм (т. е. 203 и 229 мм) была изготовлена в 1869 г. Снарядные болванки отливали из тигельной стали с последующей ковкой и механической обработкой на токарных станках, поэтапной термообработкой и окончательной отделкой – шлифовкой и полировкой. Полигонные стрельбы этими снарядами по железной плите толщиной 150 мм продемонстрировали превосходный результат. Снаряды после пробития брони оказались совершенно целыми, «так что [их] можно было бы снова выпустить из того же орудия»[1].

По свидетельству посетивших ОСЗ в конце 1869 г. английских инженеров, итоги осмотра ими стального 9-дм снаряда весом 122 кг, представлявшего собой «выкованный из сплошной стальной болванки и обточенный до надлежащих размеров» боеприпас, показали «сплошность металла и правильное очертание внутренней пустоты». Отмечалось, что «осмотр обнаруживает совершенную однородность металла, безукоризненного по качеству»[2]. Успех пробных образцов позволил Обуховскому заводу приступить к выделке стальных снарядов калибра 8 и 9 дм. Их крупная партия (4672 шт.) была успешно сдана флоту.[3]

Следующим шагом стало изготовление снарядов для наиболее крупнокалиберных из тогдашних морских и береговых орудий – 11-дм (278-мм). Их внедрение на флоте стало необходимым в ходе быстрого увеличения толщины броневых плит новых кораблей иностранных флотов, роста их размерений и водоизмещения. Однако последняя работа выявила чрезвычайно высокую

стоимость таких снарядов (330 р.), серийное производство которых не состоялось. В стремлении удешевления выделка крупнокалиберных образцов «была отложена до отыскания способа получать снаряды из менее дорогих материалов, чем тигельная сталь»[4]. Тем не менее, изготовление снарядов меньшего калибра, а именно 6–8 дм, продолжалось довольно динамично. Так, за период с 1 января 1874 по 1 мая 1875 г. ОСЗ изготовил 1000 подобных стальных снарядов[5].

С 1886 г., следуя курсу на внедрение в снарядное производство легированной стали, Обуховский завод приступает к изготовлению 6-дм опытных снарядов из стали с добавлением вольфрама – их испытания доказали преимущества легирования. С этого времени ОСЗ получает наряды на изготовления стальных (а также и более дешевых чугунных) морских снарядов калибром обычно не свыше 6 дм, что объяснялось его наличными технологическими возможностями. Заказы на наиболее крупнокалиберные 12-дм (305-мм) стальные снаряды доставались преимущественно частному Путиловскому и казенному Пермскому заводам. В 1895 г. на Обуховском заводе был оборудован новый снарядный цех. Благодаря этому, к 1896 г. на предприятии «вполне установилась» выделка бронебойных стальных снарядов для 6-дм, 120-мм, 75-мм и 47-мм пушек[6].

Сложившееся к середине 1890-х гг. на ОСЗ массовое производство стальных среднекалиберных снарядов позволяло предприятию изготовлять, помимо орудий, брони и т. д., до 80 000 бронебойных снарядов ежегодно[7]. На рубеже XIX–XX вв. Обуховский завод морского ведомства стал одним из основных изготовителей снарядов для боевых кораблей. Так, за период 1897–1900 гг. поставка флоту снарядов всех типов составила: Пермским заводом на общую сумму 3 000 000 р., Обуховским – на 1 500 000 р., Путиловским – на 1 000 000 р., прочими – на 120 000 р., а всего на сумму 5 620 000 р.[8] Доля ОСЗ в снарядном производстве для флота составляла, таким образом, от 25 до 30 %.

Помимо нарядов на выделку изделий среднекалиберного диапазона Обуховский завод брал и небольшие заказы на изготовление снарядов калибра 8–12 дм (305 мм), разрабатывая новые технологии и совершенствуя уже имевшиеся. Продолжались опыты с выработкой способа производства снарядной стали – от тигельного к конверторному, затем мартеновскому; совершенствовалась рецептура легирующих добавок, методы термообработки.

В 1903–1904 гг. завод изготовил опытную партию бронебойных снарядов конструкции инженера ОСЗ И. Ф. Бринка (вес 233 фунта, или 95,4 кг), снабженных наконечниками, для перспективных морских 8-дм пушек в 50 калибров. Их полигонное испытание стрельбой по броневой плите позволило убедиться в правильности примененного способа выделки: снаряды, не пробивая плиту заведомо значительной мощности (толщина 300 мм), вваривались в броню в точке удара, оставаясь целыми и не раскалываясь – это был большой успех на пути совершенствования снарядных технологий[9].

После окончания Русско-японской войны 1904–1905 гг., исходя из опыта применения артиллерии, настало время выработки новых типов морских боеприпасов. В ноябре 1906 г. заводу было поручено производство опытной партии 12-дм фугасных снарядов новой конструкции увеличенного веса – 378 кг (до этого штатный вес для данного калибра равнялся 331,7 кг). Предстояло изготовить 50 снарядов, причем 25 из них предполагалось использовать «для выработки заводского способа закалки»[10].

Развитие снарядного дела на Обуховском заводе привело к пониманию необходимости большей дифференциации производственных циклов. После возведения нового механического снарядного цеха было решено сосредоточить все работы по закалке снарядов в специальном помещении, выведя их из молотовой мастерской. Для этого в 1906 г. возвели новый снарядозакалочный цех, а также оборудовали для той же цели здание бывшей шинопрокатной мастерской[11]. В мае 1910 г. завод запустил производство электростали, которая, ввиду ее особой чистоты, предназначалась, прежде всего, для изготовления крупнокалиберных бронебойных снарядов, конструкция которых требовала особой прочности[12].

С одобрением Николаем II 9 июня 1907 г. программы военного кораблестроения, включавшей 4 линейных корабля «дредноутного» типа (будущие «Севастополь», «Петропавловск», «Полтава» и «Гангут»)[13] с многочисленной крупнокалиберной артиллерией из 12-дм орудий нового, существенно более мощного образца, возникал вопрос о будущем снабжении этих боевых единиц достаточным количеством снарядов. Согласно самым общим расчетам, для обеспечения главного калибра каждого из дредноутов боезапасом – при условии вооружения 12 12-дм орудиями – требовалось не менее 1200 бронебойных и фугасных снарядов

(в пропорции соответственно 30 на 70 %). При дальнейшей конкретизации Морским техническим комитетом (МТК) положения о создании резервного 100-процентного боекомплекта для каждого корабля эта цифра увеличивалась вдвое, а на всю четверку линкоров требовалось, таким образом, порядка 9600 шт. исключительно комплексных в изготовлении крупнокалиберных снарядов из первоклассной легированной стали. Это была огромная цифра, требовавшая создания дополнительных, кратно более продуктивных индустриальных мощностей. Крепнувшие настроения российской государственной власти относительно создания мощного флота из десятков дредноутов и крейсеров, сотен миноносцев усугубляли важность расширения производства.

Весной 1910 г., когда вопрос о перспективном снарядном производстве для будущего флота уже стоял во весь рост, в Государственной думе рассматривался законопроект об ассигновании средств для модернизации казенных предприятий морского ведомства. Из трех заводов – Адмиралтейского, Ижорского и Обуховского – последний планировалось профинансировать для развития на нем выделки 12-дм орудий в 52 калибра длиной для дредноутов, а также изготовления 3-орудийных башенных установок для них. Примечательно, что на этот раз в Думе не удовлетворились простым рассмотрением и вотированием поступивших обоснований Морского министерства, а проявили похвальную дальновидность. Она состояла в том, что по инициативе думской Комиссии по обороне Обуховскому заводу были выделены дополнительные средства на дальнейшее развитие снарядного производства, на что моряки изначально не замахивались. Дума признала необходимым «немедленное ее [снарядной мастерской. – *С. В.*] оборудование, так как изготовление новых фугасных снарядов у нас вообще недостаточно, цена слишком дорога, вследствие несоответственно устарелого оборудования, дающего большой % брака ...». Водворение массового производства снарядов именно на ОСЗ полагали необходимым еще и потому, что частные заводы «за выделку таких снарядов берут непомерные цены, а изделия доставляют не всегда удовлетворительного качества. При надлежащем устройстве снарядной мастерской на Обуховском заводе производство снарядов на этом заводе должно будет удвоиться, а цена – значительно понизиться»[14]. На дооборудование снарядного производства дополнительно ассигновывалась немалая сумма – более ¼ млн р. (267 718 р.) из общей

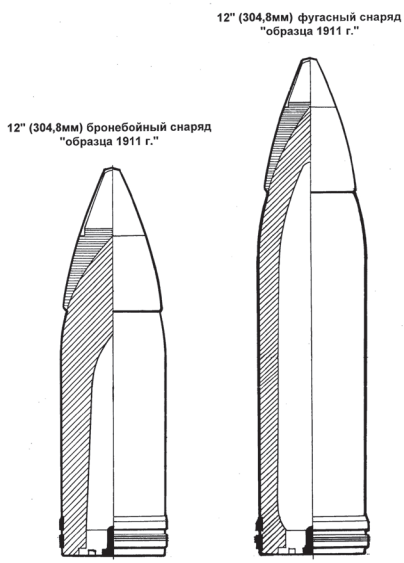
суммы 2 022 472 р., подлежащей отпуску Обуховскому заводу в 1910 и 1911 гг.[15]

На это ассигнование был возведен новый снарядозакалочный цех, соединявший существующее производство со зданием бывшей бессемеровской мастерской, теперь также переоборудованной для закалки снарядов. Здесь установили разработанные и изготовленные заводом закалочные агрегаты. Развитие снарядозакалочных мощностей заставило взяться за переделку существующего водопровода, в новых условиях недостаточного для подачи увеличившихся потребных объемов воды. В 1911 г. была начата постройкой новая водопроводная станция (запущена в следующем году), подающая по магистральному трубопроводу диаметром 16 дм (406 мм) невскую воду для нужд закалки снарядов. Станочный парк механической снарядной мастерской также подвергся существенному расширению. Новые мощности запустили в ход 9 февраля 1912 г.[16]

Это событие последовало за окончанием выработки в МТК, после нескольких лет интенсивных усилий, включавших теоретические исследования, проектно-расчетные и опытно-конструкторские работы, нового типа снарядов с составными наконечниками – бронебойными и баллистическими, для 12-дм/52, 130-мм/55 и 120-мм/50 орудий. Снаряды имели радиус головной части, равный 4 калибрам и относительную длину: бронебойные – (только для 12-дм пушек) – 3,9 калибра, и фугасные (для всех) – 5 калибров (ил. 1). Ввиду увеличенной длины вес их получился значительно большим, чем у снарядов прежнего образца 1907 г. Так, новый 12-дм снаряд для 52-калиберных орудий дредноутов имел вес 470,9 кг (1150 фунтов) против прежнего для 12-дм/40 орудий в 331,7 кг (810 фунтов), т. е. на 42 % больший[17]. Данное обстоятельство, наряду с более высокими требованиями по бронепробиваемости, также существенно усложняло фабрикацию.

К лету 1911 г. снарядные производства ОСЗ работали с большой недогрузкой: много заказов на снаряды для флота передавалось на Пермский завод, заявлявший стабильно минимальные цены – обратной стороной его деятельности был повышенный процент брака. Из крупных калибров Обуховский завод в этот период имел заказ только на 12-дм снаряды для орудий в 40 калибров: 315 практических и 260 фугасных (эту работу завод сильно затянул, что возбуждало нарекания МТК)[18]. Сложившаяся

ситуация вызывала периодические обращения начальника ОСЗ полковника А. П. Меллера с требованием о выдаче нарядов на снаряды – «ввиду крайней необходимости снарядной мастерской в работе»[19]. Завод был даже готов снизить цены на 5–10 %, существенно, на целую треть, «ужавшись» в части прибыли, обычно планируемой в размере 30 % от расчетной себестоимости.



Ил. 1. 12-дм бронебойный и фугасный снаряды обр. 1911 г. Чертеж выполнен автором по материалам РГА ВМФ

Однако получилось по пословице: «не было ни гроша, да вдруг алтын». Конец 1911 г. стал для предприятия периодом, когда на него обрушилась поистине лавина заказов на морские снаряды всех типов и калибров. 17 ноября 1911 г. ОСЗ получил наряд на стальные практические снаряды: калибра 8 дм для 45- и 50-калиберных орудий (744 и 410 шт. соответственно), калибра 6 дм (6905 шт.) и калибра 102 мм (2020 шт.). Общая сумма работы составляла 324 837 р., сдачу всех снарядов требовалось произвести не позднее 1 января 1913 г.[20] Вслед за этим 30 ноября последовал наряд на изготовление для морского полигона (для «испытания материальной части 12-дм/52, 130- и 120-мм орудий») стальных практических снарядов: 1000 шт. для 12-дм/52 орудий, 500 шт. для 130-мм пушек и 500 шт. для 120-мм пушек. Все 120-мм и 130-мм, а также половину 12-дм снарядов требовалось сдать в мае 1912 г., остаток 12-дм – в октябре. Общая сумма заказа составляла 421 500 р., в нее входила и доставка на полигон[21]. Очередной, также почти полумиллионный наряд последовал 16 декабря 1911 г.: ОСЗ получил задание на изготовление 6842 фугасных 6-дм снарядов на сумму 472 098 р. со сдачей равными партиями с августа 1912 по декабрь 1913 г.[22]

Немедленно вслед за этим, 17 декабря, заводу был выдан наряд на крупнейшую партию артиллерийских снарядов для дредноутов и эскадренных миноносцев. Требовалось изготовить 1678 бронебойных и 3967 фугасных 12-дм снарядов только что утвержденного образца для главного калибра линкоров[23], 9377 130-мм и 10 935 120-мм фугасных снарядов для их противоминного калибра, а также 5062 фугасных 102-мм снарядов для эсминцев. Стоимость всей поставки исчислялась гигантской суммой 7 962 823 р. (практически цена крейсера), причем ее главнейшей частью были 12-дм фугасные снаряды (4 113 779 р.), стоимость заказа каждого из которых заводу (без взрывателей и разрывного заряда) составляла 1037 р. за снаряд[24]. Это была самая крупная и ответственная партия стальных снарядов, которую заводу предстояло изготовить за всю его 50-летнюю историю[25].

Таким образом, с 17 ноября по 17 декабря 1911 г. Обуховский завод получил от Главного управления кораблестроения (ГУК) нарядов на изготовление снарядов для флота на 9 181 258 р. – без малого 10 млн. Громадность этой суммы была прямо пропорциональна расчетам Морского министерства на возможности ОСЗ в предстоявшем ответственейшем деле. Заводу поручалась выделка почти полусотни тысяч морских снарядов (49 940 шт.) новой, усовершенствованной конструкции.

Между тем, до того чтобы приступить к принципиальной части этой крупнейшей работы – изготовлению более чем 5000 морских 12-дм снарядов нового образца – было еще далеко. Чтобы начать их поточную («валовую») выделку, сначала надлежало, по условиям наряда от 17 декабря 1911 г., изготовить опытную партию в 30 шт. Переход же к изготовлению всего предписанного количества санкционировался только после успешного испытания целиком пробной группы отстрелом на полигоне по броне. Это должно было подтвердить практическое соответствие выработанных заводом технологий механо- и термообработки изделий строгим требованиям новых технических условий ГУК октября 1911 г. (ТУ № 232). Работы по опытной партии растянулась на заводе на целый год, что вызывало неоднократные напоминания и нарекания Артиллерийского отдела ГУК, пристально следившего через своих артприемщиков за ходом работ на ОСЗ, но делу помогало мало.

Истинная причина неспешности опытно-конструкторских работ, растянувшихся на заводе на весь 1912 год и захвативших

начало следующего, из делопроизводственной переписки не вполне ясна. Несомненно, Обуховский завод в данный период находился на пике его загруженности важнейшими работами по производству продукции как для флота, так и для армии и пребывал в состоянии перманентной интенсивной реконструкции под потребности выделки все усложнявшихся и возрастающих в размерах предметов и систем артиллерийского вооружения. Главной частью этого процесса было возведение мощностей для выделки 14-дм (356-мм) орудий для будущих сверхдредноутов и береговой обороны, а также 2- и 3-орудийных башенных установок для них. Значительную сложность представляло возведение новых цехов в ситуации весьма плотной застройки ОСЗ уже существующими зданиями различного назначения.

Однако у руководства Морского министерства, определенно, выбор был невелик: круг отечественных изготовителей крупнокалиберных снарядов для флота оставался крайне ограниченным. Помимо принадлежавшего морскому ведомству ОСЗ, имелся еще Пермский завод горного ведомства, работавший с немалым браком – этим исчерпывался перечень государственных снарядных заводов. Из частных – морские снаряды выделывал Путиловский завод (исключительно качественные, но на 40–60 % дороже, чем казенные производители) и завод Русского Общества для изготовления снарядов и военных припасов, оба предприятия в Петербурге. Помимо них в данном сегменте вооружений работал рижский завод общества «Саламандра» под патронажем известного британского производителя вооружений «Томас Фирт, сыновья» (Thomas Firth, Sons). Что-то периодически давал завод Брянского рельсопрокатного, железоделательного и механического общества, но к нему предпочитали обращаться только в самых крайних случаях.

В глазах Морского министерства, в ситуации начала 1910-х гг., при переходе к массовому военно-морскому строительству с запланированными десятками дредноутов, крейсеров и сотнями миноносцев основной наличной опорой снарядопроизводства для флота оставался Обуховский завод. Являясь одним из ведущих в ряду казенных оборонных предприятий империи, он обладал современными наработками в части металлургии, производил первоклассную орудийную и снарядную сталь и испытывал в данном аспекте лишь необходимость совершенствования методологии ее термообработки – процесс кропотливый и небыстрый,

но для прогрессивной русской школы металлургии вполне посильный. Дело, следовательно, было по большей части за грамотным администрированием, которое являлось поистине ахиллесовой пятой всего тогдашнего российского подхода к делам, причем во всех областях государственной, да и деловой жизни.

В текущем моменте ставка на ОСЗ оказывалась безальтернативной. Завод – крупнейший научно-производственный центр сталепроизводства – располагался там же, где находились и сопредельные административные и технические органы вышестоящего министерства[26], и опытный морской полигон – последнее существенно способствовало оперативному апробированию вырабатываемых заводом образцов изделий. К плюсам ситуации относилась доступность и сравнительная дешевизна топлива – угля, поступавшего морем из Англии, к минусам – значительная удаленность предприятия от основных источников исходного материала для сталеварения – передельного чугуна и ферросплавов уральских доменных заводов, однако в обстановке мирной жизни последнее обстоятельство пока сколько-нибудь не сказывалось.

В начале 1913 г. по итогам опытной выделки новых 12-дм снарядов (особое внимание было уделено совершенствованию технологий термообработки) выяснилась потребность в дополнительном оборудовании. На заводе составили смету. 18 января член правления ОСЗ М. З. Шеманов (начальник завода в 1905–1907 гг.) обратился в ГУК с запросом об ассигновании необходимых 86 789 р.[27] Эти исчисления отражали возможность изготовления на запланированном оборудовании снарядов калибром до 14 дм включительно (правда, в незначительном количестве). Вопрос обсуждался еще комиссией под председательством главного инспектора морской артиллерии А. Ф. Бринка осенью 1911 г. (основным предметом ее занятий была выработка мероприятий для развития орудийного производства ОСЗ для возможности изготовления на нем ежегодно 48 14-дм стволов для флота и береговой обороны). Сметные предположения по снарядам, выработанные тогда, в законопроект для выделения средств не вошли, и Законом от 23 июня 1912 г. (Разд. IV, ст. 1)[28] профинансированы не были.

Теперь же предстояло конкретизировать планы Морского министерства в отношении будущего производства на Обуховском заводе морских 14-дм снарядов. Эту цифру установили спустя

две недели, 27 марта 1913 г. ГУК требовал, чтобы ОСЗ был способен производить «ежегодно, при двойной смене, 2000 шт. снарядов». При этом предписывалось «...необходимое оборудование рассчитать одновременно на изготовление на тех же станках снарядов до 16 дм в 5 калибров длиной»[29].

Это был высочайший уровень задачи. Программа производства такого количества 14-дм снарядов, на 60 % более тяжелых, чем еще только осваиваемые в производстве 12-дм, требовала соответствующего развития металлургических, механических и термических мощностей, дополнительного энергообеспечения и водоснабжения. 13 мая 1913 г. ОСЗ, подгоняемый товарищем министра вице-адмиралом М. В. Бубновым, представил в ГУК «смету на оборудование завода для производства ежегодно при двойной смене 2000 шт. 14-дм снарядов... в том числе 500 шт. бронебойных и 1500 шт. фугасных». Общая ее сумма достигала внушительной цифры в 3 314 432 р.[30] Отмечалось, что «это же оборудование будет пригодно для изготовления 300 шт. бронебойных и 900 шт. фугасных снарядов [калибра] 16 дм»[31].

Помимо данного крупнейшего перспективного почина сметой предусматривалось финансирование уже проводимых начинаний по 12-дм снарядам. Для их реализации запрашивались суммы на устройство закалки снарядов калибра 120 и 130 мм (59 400 р.) и на окончание оборудования группы устройств для закалки 12-дм снарядов до 5 калибров длиной (98 000 р.). 13 мая 1913 г. новый начальник ОСЗ (с ноября 1912 г.) генерал-майор В. И. Воскресенский проинформировал ГУК о сути требований завода. Он писал, что «существующие устройства для закалки 120- и 130-мм снарядов, плохо отвечающие намечающимся приемам закалки, помещены в здании Молотовой мастерской, которое по расширении потребуется по прямому своему назначению. Расходы на достройку начатого оборудования для закалки 12-дм снарядов вызываются изменившимися приемами термической обработки, а также и вообще ошибочностью первоначальных предположений об оборудовании, которые были сделаны в конце 1910 г., когда еще не были известны требования от снарядов, ныне к ним предъявляемые»[32]. Отпуск средств по этим двум статьям (суммарно 157 400 р.) он полагал «совершенно необходим заводу для валового производства снарядов по данным заводу нарядам... независимо от того, как будет решен вопрос о расширении снарядного дела на Обуховском заводе»[33].

В июне 1913 г. были готовы и доставлены на морской полигон 12-дм, 130-мм и 120-мм снаряды нового образца, выделанные заводом по новым технологиям в соответствии с техусловиями ГУК октября 1911 г. Их испытание стрельбой дало «совершенно удовлетворительные результаты»[34]. Обуховский завод успешно апробировал разработанные им приемы и методы выделки снарядов нового типа, но для их поточного изготовления предстояло существенно дополнить наличные производственные мощности новым оборудованием. Потребную на это сумму в 157 400 р. в итоге пришлось взять из прибылей завода, поскольку понималось, что «отпуск потребных заводу денег в законодательном или сметном порядке вызовет значительную проволочку во времени и запоздание в сдаче снарядов, каковое при условии начала фабрикации в январе 1914 г. уже достигнет полутора лет»[35].

После успешно проведенных мероприятий по дооборудованию снарядопроизводства Обуховский завод с самого начала 1914 г. приступил к интенсивной выделке наиболее комплексных 12-дм снарядов нового образца. К концу апреля завод имел в работе 12-дм снарядов: отлитых фугасных – 282 (из них откованных 130), отлитых бронебойных – 133 (откованных 47)[36]. Этот темп не спадал и в последующем, но по состоянию на июль 1914 г. ОСЗ ни одного снаряда фактически не сдал. Между тем, с началом войны проблема с 12-дм снарядами для 52-калиберных орудий встала чрезвычайно остро: все четыре балтийских дредноута экстренно готовились к вступлению в строй, а предназначенные для их главного калибра снаряды были готовы в количестве всего нескольких сотен (это были изделия Путиловского завода). Эти же снаряды ожидали и береговые батареи фортов на побережье Финского залива к северу и югу от Кронштадта, на вооружении которых имелись такие же орудия. Морской генеральный штаб, крайне озабоченный подобным состоянием дел, прогнозировал поступление первых 500 фугасных снарядов с ОСЗ не ранее 1 ноября[37]. Однако Обуховский завод превзошел эти опасения: первые 220 снарядов он сдал в течение августа, еще 135 – в течение сентября, 400 – в октябре, 136 – в ноябре и еще 190 в течение декабря и января, таким образом даже несколько превысив объем первой партии поставки (1081 против оговоренных 1047 снарядов, из них 47 – для пробы стрельбой на полигоне)[38]. Сдача второй партии 12-дм фугасных снарядов (также 1047 шт.) была окончена заводом в сентябре 1915 г., третьей – в январе 1916 г.[39] (ил. 2, 3).

Ил. 2. Погрузка 12-дм фугасных снарядов на линейном корабле «Гангут». Кронштадт, ноябрь 1914 г. Центральный военно-морской музей

Не все снаряды проходили приемку на заводе успешно. Часть их отбраковывалась бдительными артприемщиками ГУК по совокупности визуальных признаков: «незначительные поверхностные трещинки, отступления в размерах и наружные дефекты металла». Поскольку признавалось, что подобные снаряды «несмотря на указанные отступления могут быть с полной уверенностью в их безопасности использованы для стрельбы из 12-дм гаубиц», то их по цене 590 р. за штуку, против контрактной 1037 р. (590 р. назначались исходя из аналогичной цены, платимой Брянскому заводу за фугасные снаряды для сухопутных гаубиц), приобретали для использования на фронте под Ригой – всего к январю 1916 г. таких набралось 180 шт.[40]

По состоянию на начало 1916 г. Обуховский завод сдал флоту более 3000 12-дм фугасных снарядов и выделывал их последнюю (уменьшенную – 826 шт.) партию заказа декабря 1911 г.[41] Разгрузка его снарядных мощностей позволила Морскому министерству поручить ОСЗ новые работы. В январе 1916 г. завод получил наряд на изготовление бронебойных 8-дм и 12-дм снарядов для линкоров «Андрей Первозванный» и «Император Павел I» (по 100 шт.), в феврале – на 20 434 фугасных снарядов

Ил. 3. Погрузка 12-дм бронебойных снарядов на линейном корабле «Петропавловск». Гельсингфорс, июнь 1915 г. Из собрания автора

для 130-мм/55 орудий, а также еще на 2100 фугасных снарядов для 12-дм/52 орудий.

В августе 1916 г. завод начал изготовление 839 снарядов принципиально нового калибра – 14-дм фугасных для сверхдредноутов типа «Измаил» и строившихся береговых башенных батарей у Ревеля (сегодня Таллин) и к западу от Гельсингфорса. Это была сложная работа: сохраняя основные конструктивные решения предшествующего типа, новые 14-дм снаряды относились к модифицированному типу (обр. 1913 г.), отличаясь утяжеленной

головной частью. Новые 14-дм снаряды были более чем наполовину тяжелее предшествующих 12-дюймовых (746,8 кг), и требовали более комплексной металлургической, механической и термической обработки. Для этого технологами завода был разработан ряд усовершенствований в ступенях их изготовления, в том числе новый метод ковки «с удлиненной головой, для чего приходится делать новые штампы для обжима головы и штамповки наконечников»[42]. Эта комплексная и исключительно ресурсо- и трудозатратная работа, по обстоятельствам неуклонно нараставшего с начала 1917 г. расстройства транспорта и поставок, не была окончена – завод сдал только 20 14-дм снарядов.

Развивая в течение войны производство морских артиллерийских снарядов (шедших также на комплектование береговой обороны на Балтике), Обуховский завод освоил многие новые работы. Так, после принятия в августе 1915 г. дальнобойных снарядов модифицированной баллистической формы, он на основе уже существовавших образцов 12-дм, 8-дм и 6-дм снарядов разработал их усовершенствованную версию с увеличенной на 25 % дальнобойностью. Она достигалась добавлением нового удлиненного пустотелого баллистического наконечника (колпачка), который навинчивался на уже существующее изделие. Подобных снарядов, только в сегменте 12-дм калибра, ОСЗ изготовил в 1915–1917 гг. 493 шт.[43] В ряду металлургических инноваций весьма интересным стал опыт изготовления, с 1916 г., бронебойных 12-дм снарядов из мартеновской стали (вместо электростали), что свидетельствовало о совершенствовании возможностей завода[44].

Дооборудовав свои снарядные производства в 1912–1913 гг., Обуховский завод уверенно поддерживал статус одного из важнейших центров России по выделке морских снарядов для флота и береговой обороны, в значительной степени – изделий крупнейшего типа (средства на очередную грандиозную модернизацию для массовой выделки 14- и 16-дм снарядов так и не были ассигнованы). Всего же за период 1910–1916 гг. (в 1917 г. сталелитейное производство ОСЗ остановилось) завод изготовил: 1306 бронебойных и 5155 фугасных 12-дм снарядов обр. 1911 г., 868 12-дм практических, 1183 10-дм бронебойных и фугасных, 6916 8-дм всех типов, 37 470 6-дм фугасных и более 120 000 снарядов меньших морских калибров. Этот впечатляющий успех – яркое свидетельство способности предприятия к совершенствованию его

возможностей и его весьма продуктивной деятельности в условиях затяжного военного конфликта, существенно поколебавшего сложившуюся к 1914 г. логистику поставок энергоресурсов и металлургических полуфабрикатов.

---

[1] Российский государственный архив военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 421. Оп. 2. Д. 89. Л. 33.

[2] Обуховский сталелитейный завод: Пер. статьи из англ. журнала Engineer // Морской сборник. 1870. № 11. Неофициальный отдел. С. 39.

[3] Каптерев Н. А. Обуховский сталелитейный завод. СПб.: Типография т-ва Р. Голике и А. Вильберг, 1913. С. 32.

[4] Колчак В. И. История Обуховского сталелитейного завода в связи с прогрессом артиллерийской техники. СПб.: Типография Морского Министерства, 1903. С. 157.

[5] РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2–3. Д. 5431. Л. 9 об.

[6] Всеподданнейший отчет по Морскому министерству за 1894–1896 гг. СПб.: Типография Морского Министерства, 1897. С. 80, 186.

[7] Всеподданнейший отчет по Морскому министерству за 1897–1900 гг. СПб.: Типография Морского Министерства, 1901. С. 249.

[8] Подробнее см.: Виноградов С. Е., Федечкин А. Д. Производство морских артиллерийских снарядов на Обуховском сталелитейном заводе в конце XIX – начале XX в. // Вопросы истории. 2022. № 3–1. С. 59–69.

[9] РГА ВМФ. Ф. 423. Оп. 1. Д. 617. Л. 10–16.

[10] РГА ВМФ. Ф. 401. Оп. 2. Д. 202. Л. 353 об.

[11] Каптерев Н. А. Обуховский сталелитейный завод. С. 56.

[12] Подробнее см: Виноградов С. Е. «Электросталь уже вполне завоевала все права на существование». Модернизация сталелитейного производства на Обуховском заводе Морского ведомства в 1910 году // Военно-исторический журнал. 2019. № 11. С. 39–43.

[13] Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1276. Оп. 20. Д. 17. Л. 32.

[14] РГА ВМФ. Ф. 401. Оп. 2. Д. 1. Л. 104 об., 105.

[15] № 33878. 21 июня 1910 г. Высочайше утвержденный, одобренный Государственным Советом и Государственной Думой закон (Собр. Узак. 1910 г. Июля 13, отд. I, ст. 1318) «Об отпуске из государственного казначейства средств на оборудование Обуховского, Ижорского и Адмиралтейского заводов» // ПСЗРИ. Собрание третье. Т. XXX. 1910. Отделение I. СПб, 1913. С. 835.

[16] Каптерев Н.А. Обуховский сталелитейный завод. С. 64, 66, 68.

[17] Беркалов Е. А. Проектирование морских артиллерийских снарядов. Л.: ВМА РККА им. Ворошилова, 1932. С. 151.

[18] РГА ВМФ. Ф. 401. Оп. 2. Д. 24. Л. 53.

[19] Там же. Л. 51.

[20] Там же. Л. 44.

[21] Там же. Л. 54.

[22] Там же. Л. 52, 58.

[23] Технические условия (№ 232) утверждены начальником АО ГУК генерал-лейтенантом А. Ф. Бринком 20 октября 1911 г. Подробнее см.: Технические условия выделки, приема и испытания бронебойных и фугасных снарядов с составными наконечниками. СПб.: Типография Морского министерства, 1911. С. 45.
[24] РГА ВМФ. Ф. 401. Оп. 2. Д. 24. Л. 61, 62; Д. 201. Л. 353; Д. 756. Л. 37.
[25] Вскоре задание по бронебойным 12-дм снарядам было уменьшено почти на 30 % – с 1678 до 1197 шт., а разница в 481 снаряд перепоручена для изготовления частному петербургскому Русскому Обществу для изготовления снарядов и военных припасов.
[26] До реформы Морского министерства в октябре 1911 г. – Морской технический комитет (МТК) и Главное управление кораблестроения и снабжений (ГУКиС), после реформы – Главное управление кораблестроения (ГУК), объединившее функции двух первых.
[27] РГА ВМФ. Ф. 401. Оп. 2. Д. 421. Л. 1.
[28] № 37412. 23 июня 1912 г. Высочайше утвержденный, одобренный Государственным Советом и Государственной Думой закон (Собр. Узак. 1912 г. Июля 4, отд. I, ст. 1121) «Об определении стоимости постройки новых судов военного флота и оборудовании заводов морского ведомства и об отпуске из государственного казначейства средств на означенные постройку и оборудование» // ПСЗРИ. Собрание третье. Т. XXXII. 1912. Отделение I. Пг., 1915. С. 799, 800.
[29] РГА ВМФ. Ф. 401. Оп. 2. Д. 421. Л. 9, 10. Вес такого снаряда в боевом снаряжении равнялся 1116 кг.
[30] Там же. Д. 617. Л. 28.
[31] Там же. Д. 421. Л. 11.
[32] Там же. Л. 12.
[33] Там же.
[34] Там же. Л. 18.
[35] Там же.
[36] Там же. Д. 477. Л. 269 об.
[37] РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 1905. Л. 31.
[38] РГА ВМФ. Ф. 401. Оп. 2. Д. 24. Л. 26; Д. 756. Л. 53.
[39] Там же. Д. 1043. Л. 4, 16.
[40] Там же. Л. 31, 75.
[41] Там же. Д. 1044. Л. 28, 143.
[42] Там же. Д. 1043. Л. 359, 390.
[43] Там же. Ф. 418. Оп. 1. Д. 2790. Л. 1–93.
[44] Там же. Ф. 401. Оп. 2. Д. 1043. Л. 97.

А. В. Витол (Санкт-Петербург)

ПРЕЕМНИК ЕКАТЕРИНЫ II – СОЮЗНИК СУЛТАНА

СЫН ИМПЕРАТОРА Петра III и Екатерины II представляет большой интерес для историков, являясь темой постоянных дискуссий. Одни искренне считают его тираном, другие – реформатором, пытавшимся хоть в чем-то модернизировать Россию на европейский манер.

Детство будущего императора было непростым и даже тяжелым. Как говорится в книге 1902 г. Ф. В. Каратова «Павел I: Его семейная жизнь, фавориты и убийство», «Павел был в детстве премилый характер, со всеми задатками будущего хорошего человека: он был умен, откровенен, добродушен, прилежен, старателен, а дурное воспитание сделало из него хитрого, замкнутого, мрачного, строгого и деспотического человека...». «Детство Павла было весьма печально, а воспитание его было еще того хуже»[1].

Из-за интриг и политической борьбы при дворе юный Павел был, по сути, лишен любви близких ему людей. Императрица Елизавета Петровна приказала окружить его целым штатом нянек и лучшими, по ее представлениям, учителями, а мать и отец были фактически отстранены от воспитания своего ребенка: сразу после рождения Павел был отселен от матери. Его мать Екатерина могла видеть его очень редко и только с разрешения императрицы. Когда Павлу было восемь лет, его мать, опираясь на гвардию, осуществила переворот, в ходе которого отец Павла при не вполне выясненных обстоятельствах был убит.

Психологическая травма ребенка, полученная при этом (не зря впоследствии Павла называли «русским Гамлетом») только усугубилась впоследствии. Хотя воспитывался Павел как наследник

престола, но чем старше он становился, тем дальше его держали от государственных дел. Властолюбивая императрица и ее сын стали друг другу совершенно чужими людьми. Для Екатерины цесаревич был нежеланным сыном, рожденным от нелюбимого ею человека в угоду политике и государственным интересам, мало походившим внешне и по своим взглядам, предпочтениям на свою мать. Екатерину не могло не раздражать это. Она называла войска Павла в Гатчине «батушкиной армией»[2] и не препятствовала распространению неприятных для сына слухов (если не распространяла их сама): о неуравновешенности и жестокости Павла; о том, что вовсе не Петр III был его отцом, а ее любовник Салтыков; что он ей вовсе не сын, что по приказу Елизаветы ей подложили другого ребенка[3].

Но вместе с тем Павел I вступил на престол с искренним желанием сделать все для процветания народа, с готовыми проектами реформ, которые, по его мнению, должны были «исцелить» Россию, дать новое направление ее политической и государственной жизни[4].

При этом в вину императору традиционно вменяют его экзальтированный, но вместе с тем и излишне «механистичный» подход к управлению государством, где его личный идеализм и рыцарственность сочетались с беспощадной и нерассуждающей прусской муштрой.

Так, например, современный исследователь А. Е. Пресняков[5] полагает, что и гатчинский «рыцарский» идеал Павла I, и его страсть к дисциплине и «механической» прусской муштре были следствием болезненного характера императора.

Однако эту точку зрения разделяли и разделяют не все. Так, например, автор выпущенного в Петербурге в 1899 г. биографического очерка «Павел I (1754–1801)», Е. С. Шумигорский писал: «Суровое, даже жестокое, соблюдение дисциплины и порядка казалось Павлу необходимым и для того, чтобы обезопасить себя от заговоров, которых он стал чрезвычайно бояться, после того, как желание Екатерины устранить его от престола указало ему опасность, угрожавшую ему даже в среде собственной семьи»[6].

Поэтому неудивительно, что начало самостоятельного царствования Павла I было встречено многими современниками с негодованием или страхом: многие попросту ожидали, что по восшествии на престол он намеренно начнет мстить недоброжелателям.

Исходя из этого ожидания возможных репрессий, воспринимались современниками и очень многие действия Павла I в это время. Дисциплинарные взыскания по службе, подогретые памятью прежней «вольницы» эпохи Екатерины, осознавались многими как личные выпады императора в их персональный адрес, что только усиливало враждебность.

На деле же довольно многие «причуды» царя, передаваемые из уст в уста современниками, имели вполне разумную и серьезную подоплеку. Одной из таких «причуд» русского обычно принято считать борьбу с «круглыми шляпами» как в Москве, так и в С.-Петербурге. Людей, носящих круглые широкополые шляпы, на улицах останавливали патрули и могли обрезать (обстричь) поля до «приемлемого» размера. Со стороны эта мера, возможно, выглядит очень странной, особенно в наши дни, но в ту эпоху форма одежды, прически, аксессуаров и проч. всегда являлась отражением как социального (или даже семейного) статуса человека, так и его политических взглядов. В соседней Швеции агрессивную партию реваншистов именовали как раз «шляпами», а сторонников мира (презрительно) – «колпаками». При этом в революционной Франции колпаки на манер фригийских считались признаками якобинцев и санкюлотов. В Италии широкополые шляпы, позволяющие скрывать лицо, являлись атрибутом заговорщиков-карбонариев, людей, скрывающихся от закона, и проч. Неудивительно, что при Павле I такие предметы тоже вызывали раздражение. Они явно ассоциировались у него с революцией и «беспорядками», против которых он выступал все свое недолгое царствование.

Также в виде «причуды» описывают обычно и искреннее, по-видимому, намерение императора бороться за «правду» и «гласность». Он хотел сделать так, что любой его подданный мог бы обратиться к нему, царю, абсолютно с любой просьбой или жалобой. Нередко это описывают как знаменитый «почтовый ящик» или так называемый «желтый ящик», который исследователь В. И. Сергеев называет «квинтэссенцией романтизма»[7]. Из «ящика» ежедневно извлекали массу писем: там была всяческая информация о злоупотреблениях и волоките чиновников, включая анонимные и оскорбительные послания. При этом Павел якобы приказал разыскивать авторов и разбирать все поданные ими запросы. Подобной мерой он надеялся, по-видимому, улучшить делопроизводство и управление на местах.

Далее неизбежно надо говорить об особой любви Павла I к армии и флоту. Напомним, что как наследник, цесаревич, он с 1762 г. носил звание генерал-адмирала[8].

Поэтому уже в 1796 г., когда Павел пришел к власти, был издан указ о принятии новых воинских уставов: «О полевой и пехотной службе», «О полевой кавалерийской службе» и «Правила о службе кавалерийской». Среди прочего эти уставы устанавливали личную уголовную ответственность офицеров за жизнь и здоровье подчиненных им солдат. Офицеры могли подвергнуться взысканиям и получить серьезное наказание. Офицерам и генералам запрещалось пребывать в отпусках более 30 дней в году. Офицерам запретили делать долги. В случае неуплаты долга командир полка должен был вычесть нужную сумму из жалованья. Если жалованья не хватало, то офицера сажали под арест до уплаты долга, а жалованье перечисляли кредиторам. Для нижних чинов император ввел отпуск 28 календарных дней в году. Запретил забирать солдат для работы в имениях и привлекать к иным работам, не связанным с военной службой. Солдатам было разрешено жаловаться на злоупотребления командиров. Поэтому в отличие от офицеров нижние чины армейских и гвардейских полков были лояльны к новому императору и, по свидетельству современников, были искренне опечалены его смертью[9].

Кроме того, до Павла I орденов или наград для солдат даже в Европе почти не было предусмотрено. Но уже в 1799 г. он ввел в России серебряную медаль «За храбрость», которой награждались нижние чины. Впервые было введено награждение солдат знаками ордена Святой Анны за беспорочную двадцатилетнюю службу. В 1800 г. Аннинский знак был заменен на знак ордена Святого Иоанна Иерусалимского. Вторым после Павла в истории Европы наградные знаки для солдат ввел во Франции Наполеон. В 1797 г. Павел своим указом установил праздник всех кавалеров российских орденов.

Изменил Павел I и статус полкового знамени. С 1797 г. он приказал выдавать полковые знамена только драгунским и кирасирским полкам. Кроме того, со времен Петра I полковые знамена и штандарты относились к табельному имуществу. Павел Петрович перевел их в разряд полковых святынь.

Император также установил торжественную церемонию освящения штандартов и знамен в армии, порядок вручения святынь

полкам, принятие присяги под полковыми знаменами. Произнося слова присяги, воин одной рукой держался за полотнище знамени, а другую поднимал вверх[10]. Нетрудно заметить, что эта мера добавляла к традиционным воспитательным мерам по поддержанию дисциплины в армии еще и дополнительное (мотивирующее!) чувство корпоративной гордости нижних чинов, состоящих в одном полку или эскадроне, способствующее сплочению армейского коллектива.

Международная политика императора Павла I также вызывала массу вопросов и нареканий у современников и потомков. Она казалась многим слишком непоследовательной и даже противоречивой. К числу подобных «ненормальностей» некоторые относили и союз Павла I с султаном Османской империи Селимом III (1789–1807). Хотя в действительности этапов изменений в русской внешней политике было всего лишь два, и каждый из них демонстрирует тактическую гибкость императора в вопросах международных отношений.

События в Европе и, в частности, в Средиземном море с началом революционных событий во Франции складывались для русской армии неоднозначно. Французская Республика наступала по всем фронтам, одерживая победы над итальянцами, пруссаками и австрийцами. Остановить это наступление поначалу не казалось возможным. Именно в этот период, руководствуясь вполне прагматическими соображениями политики, Павел I взял неожиданный для всех курс на сближение с турками. Сближение этих, казалось бы, «вечных» противников было как гром среди ясного неба. Как эмоционально отозвался об этом тогдашний канцлер Российской империи А. А. Безбородко, «Надо вырость таким уродом, как французы, чтобы произвести вещь, какой я не только на своем министерстве, но и на своем веку увидеть не чаял»[11]. Порта пошла на сближение, которое было закреплено союзным договором 1799 г.

В результате этих совместных действий французы капитулировали на Ионических островах. По Константинопольской конвенции 1800 г. Ионические острова получили статус полунезависимой Республики Семи Соединенных островов. Создание этой республики имело большое значение для будущего полного освобождения Греции. Это было (с некоторыми оговорками) первое греческое государственное образование с 1460 г. У греков теперь появилась реальная надежда на независимость. Мечты и планы

Петра I, Юрия Крижанича, да и самой Екатерины II подлежали воплощению[12].

Стоит отметить, что в подобной ситуации сам император, традиционно верный монархическим и консервативным принципам, ради успеха дела пошел на то что, по сути, «закрыл глаза» на республиканскую форму правления этого нового государственного образования. Уже одно только это демонстрирует его способность к политической гибкости, трезвомыслие и отсутствие твердолобого доктринерства в вопросах внешней политики.

Это внезапное для всех «сближение» России и Турции против французов дало блестящий тактический результат: в этот период были сняты все вопросы с Великобританией относительно действий русского флота на Средиземном море. Больше того, Россия с Великобританией становятся ситуативными союзниками на Востоке.

Кажется невероятным, но именно в этот период выдающийся британский флотоводец адмирал Г. Нельсон и русский командующий Средиземноморской эскадрой адмирал Ф. Ф. Ушаков были практически одновременно удостоены высшей османской воинской награды – так называемого челенка – пера с бриллиантами. Челенк Горацио Нельсону султан Селим III вручил за победу при Абукире, а Ф. Ф. Ушакову (Ушак-паше) – за взятие у французов крепости Корфу. При этом сам султан Селим III получил, в свою очередь, от императора Павла I книгу, украшенную бриллиантами.

С другой стороны, провал Голландской экспедиции (1798–1799) и вероломство австрийцев против суворовских войск в Италии и Швейцарии в известной степени аннулировали эти успехи[13]. Разочарованный вероломством австрийцев и еще более – англичанами, захватившими Мальту, император начинает искать контактов с восходящей звездой Французской Республики – генералом Бонапартом.

Когда последний был избран Первым консулом, Павел I с готовностью пошел на этот маневр: республиканцы ему не нравились, поскольку их он считал вольтерьянцами. Избрание Наполеона Первым консулом подготовило почву для переговоров. Император теперь «понимал» Наполеона и считал, что с ним можно «иметь дело», и это предпочтительнее, чем с безличной и неустойчивой Директорией.

Сам Павел I внимательно присматривался к корсиканцу. Когда он понял, что революционный период Наполеона закончился,

можно было подумать и о союзе с Францией. Было очевидно, что французы изменились: они перестали устраивать торжественные сожжения «золотых книг», высаживать так называемые «Деревья Свободы», устраивать специфические ритуалы «революционных идеалов», республиканский террор (с гильотиной на Гревской площади) постепенно сошел на нет, т. е., так или иначе происходил постепенный закат революции.

Обстановка на Ближнем Востоке была также довольно сложной. Потенциальный союз с французами вызвал недовольство и австрийцев, и англичан – вектор российской внешней политики поменялся. В ожидании появления в русских водах британцев русский флот и сухопутные войска деятельно еще с осени 1800 г. готовились к борьбе. В этот период Павел I имел намерение двинуть казачий отряд на Индию. Исследователь А. Д. Каллистов (не вполне, впрочем, полномочно и обоснованно[14]) считает этот поход состоявшимся[15]. По крайней мере, сама возможность совместных действий России и Франции на Востоке даже по мнению Наполеона отнюдь не выглядела фантастичной[16].

После того, как летом 1798 г. Мальта без боя сдалась французам, Мальтийский орден остался без великого магистра и без места. За помощью рыцари ордена обратились к российскому императору Павлу I, который, разделяя рыцарские идеалы чести и славы, годом ранее объявил себя защитником древнейшего духовного ордена.

29 ноября (10 декабря) 1798 г. Павел I издал высочайший Манифест об установлении в пользу российского дворянства ордена Св. Иоанна Иерусалимского. Российский орден Святого Иоанна Иерусалимского и Мальтийский орден были частично интегрированы, а Павел I был избран великим магистром Мальтийского ордена 16 (27) декабря 1798 г., в связи с чем к его императорскому титулу были добавлены слова «... и Великий магистр ордена св. Иоанна Иерусалимского». На российском гербе появилось изображение Мальтийского креста.

Три древние реликвии госпитальеров – частица древа Креста Господня, Филермская икона Божией Матери и десница св. Иоанна Крестителя – были доставлены в Гатчину и 12 (23) октября 1799 г. торжественно внесены в церковь Гатчинского дворца. 9 декабря того же года святыни перевезли из Гатчины в Петербург, где их поместили в придворной Большой церкви Зимнего дворца. В память об этом событии Священный

Синод установил 12 (24) октября 1800 г. ежегодное празднование в этот день «перенесения из Мальты в Гатчину части древа Животворящего Креста Господня, Филермской иконы Божией Матери и десной руки святого Иоанна Крестителя».

Для рыцарей в Гатчине был построен Приоратский дворец, кроме того, в их распоряжение был передан Воронцовский дворец, при котором была устроена Мальтийская капелла. Император издал указ о принятии острова Мальта под защиту России. В календаре Академии наук, по указанию императора, остров Мальта должен был быть обозначен «губернией Российской империи». Павел I хотел сделать звание гроссмейстера наследственным, а Мальту присоединить к России. На острове император планировал создать военно-морскую базу для обеспечения интересов Российской империи в Средиземном море и на юге Европы.

Однако это не устраивало англичан, поскольку Мальта (наряду с проливами и Гибралтаром) является одним из трех основных ключей к Средиземноморскому региону. И обладание этим островом уже в качестве базы британского флота считалось для них жизненной необходимостью. Отдать Мальту в руки русских считалось в Лондоне категорически неприемлемым.

Поэтому гибель Павла I в Михайловском замке 12 (24) марта 1801 г. была не только большой удачей и радостью для англичан, но и большим ударом для Франции: Наполеон, узнав о гибели государя, с гневом заметил: «Англичане промахнулись по мне в Париже 3 нивоза (в день взрыва адской машины на улице Сен-Никэз. – *А. В.*), но они не промахнулись по мне в Петербурге!»[17].

После убийства Павла вступивший на престол Александр I нормализовал отношения с Британской империей и отказался от титула гроссмейстера. В 1801 г. по указанию Александра I с герба был убран мальтийский крест.

При этом весть о кончине императора послужила причиной «бесстыдной, позорной, неумеренной и непримиримой радости» вокруг царя Александра I. Адам Чарторыйский, польский шляхтич, писал, что это было какое-то всеобщее оглупление и опьянение. Далее он сообщил, что «ослепленная чернь предалась самой необузданной радости»[18].

Другой современник, герцог Евгений Вюртембергский отметил, как кротко и любезно держал себя молодой монарх Александр I. Евгений Вюртембергский считал, что новый царь вел себя подобно верующему в первые века христианства.

Не все так относились к бывшему императору. Свидетель падения Павла I И. А. Саблуков писал о старообрядцах и раскольниках (очень многочисленная группа в русском населении), что те выражали свое сочувствие вдовствующей императрице. Раскольники были особо признательны Павлу I как своему благодетелю, даровавшему им право отправлять свое богослужение и разрешавшему им иметь свои церкви и общины.

Таким образом, сам по себе факт убийства императора Павла I иллюстрирует не только, да и не столько «тиранический» образ его правления или его неспособность к государственному управлению, сколько распущенность правящих придворных кругов того времени и моральное состояние в офицерских чинах лейб-гвардии. Убийство Павла I в Михайловском замке: 1) лишало Россию (даже в перспективе) владения стратегически важной Мальтой; 2) разрывало союз России с наполеоновской Францией; 3) заново портило отношения с султаном Селимом III и, кроме того, имело еще значительное количество иных тяжелых для России последствий.

Охарактеризуем Павла I еще раз[19]: исследователь Е. И. Юркевич прямо говорит о чрезвычайно трудной задаче Павла I, бывшего царем огромной, неоднородной в политическом смысле державы. Поэтому и мотивы его правления были понятны слишком немногим. Именно с этим и была связана его мученическая гибель, в дополнение к общепринятой «британской» версии.

Но вместе с тем, по мнению многих отечественных исследователей, Павел I сочетал свое «рыцарство» со здоровым прагматизмом. Его личные пристрастия отступали перед государственными интересами[20].

Так что в ряду деяний Павла как императора союз с султаном Селимом III отнюдь не выглядит чем-то экстравагантным: при максимально близком рассмотрении большинство «причуд» императора, подаваемых его недоброжелателями как свидетельство его «нездоровья» и неспособности управлять государством, в действительности имеют вполне глубокий государственный смысл. Напротив, последующее правление императора-отцеубийцы Александра I имело для всей России весьма печальные и долговременные итоги.

[1] Каратов Ф. В. Павел I. Его семейная жизнь, фавориты и убийство. Лондон, 1902. С. 10.
[2] Шумигорский Е. С. Павел I (1754–1801): биографический очерк. СПб.: Тип. гл. упр. уделов, 1899. С. 40.
[3] Streeter, Michael. Catherine the Great. Haus Publishing, 2007. P. 127.
[4] Шумигорский, 1899. С. 45.
[5] Пресняков А. Е. Российские самодержцы. М.: Книга, 1990. С. 162.
[6] Шумигорский, 1899. С. 45.
[7] Сергеев В. И. Павел I (гроссмейстер мальтийского ордена). Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. С. 410.
[8] Юркевич Е. И. Военный Петербург эпохи Павла I. М.; СПб., 2007. С. 5.
[9] Керсновский А. А. История русской армии. Т. 1: от Нарвы до Парижа: 1700–1814 гг. М., 1992. С. 180.
[10] Акуленко В. П. Реформирование российской армии в конце XVIII – начале XIX века // Военно-исторический журнал. 2009. № 2. С. 15–21.
[11] Павел I / Сост. А. Е. Барыкина. СПб.: Изд-во «Пушкинского фонда», 2021.
[12] Петрунина С. Е. Греческая нация и государство в XVIII–XX вв. Очерки политического развития. М., 2010. С. 96, 99.
[13] Керсновский, 1992. С. 183; Милютин Д. А. История войны 1799 года между Россией и Францией в царствование Императора Павла I. СПб., 1857. Т. 1. С. 90–92.
[14] См., например: Митрофанов А. А. Русско-французские отношения в зеркале бонапартистской пропаганды (1800–1801 гг.) // Французский ежегодник 2006: Наполеон и его время. К 100-летию А. З. Манфреда (1906–1976). М., 2006. С. 130–145 и др.
[15] Каллистов А. Д. История русской армии и флота. М.: Моск. Кн-изд. Т-во «Образование», 1912. С. 163.
[16] Соколов О. В. Аустерлиц. Наполеон, Россия и Европа.1799–1805 гг. М.: Русский культурный фонд «Империя Истории», 2006. Т. 1. С. 63.
[17] Соколов, 2006. С. 69.
[18] Коцебу А. Ф. Ф, фон. Записки Августа Коцебу. Неизданное сочинение Августа Коцебу об императоре Павле I / Пер., примеч. А. Б. Лобанова-Ростовского // Цареубийство 11 марта 1801 года. Записки участников и современников. 2-е изд. СПб.: А. С. Суворин, 1908. С. 403.
[19] Юркевич Е. И. Царственный мученик Император Павел I. СПб.: Царское дело, 2022.
[20] Коцебу О. Новое путешествие вокруг света в 1823 и 1826 гг. М., 1986. С. 204, 306. Асваріщ М. Б. Портрет на фоне эпохи // Цареубийство 11 марта 1801 г. С. 13; Захаров Д. История Мальтийского ордена. М.: Вече. 2020. С. 164–165.

Г. Я. Габдрафикова (Нижний Тагил)

РОЛЬ УРАЛЬСКОГО ТАНКОВОГО ЗАВОДА № 183 ИМЕНИ КОМИНТЕРНА В СОЗДАНИИ УРАЛЬСКОГО ДОБРОВОЛЬЧЕСКОГО ТАНКОВОГО КОРПУСА. НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

УРАЛ ЯВЛЯЕТСЯ РОДИНОЙ замечательного патриотического движения по созданию особого типа добровольческого кадрового соединения. Известно, что в годы Великой Отечественной войны на Урале было сформировано более 500 воинских частей и соединений. Особой страницей вошел в историю Урала созданный 11 марта 1943 г. Уральский добровольческий танковый корпус. История мировых войн не знает подобного примера формирования уникального воинского соединения в рекордно короткие сроки, исключительно на народные средства.

В дни, когда была одержана великая победа наших войск на Волге, произошел коренной перелом в ходе ведения военных действий, созрела необходимость в создании крупного танкового соединения.

Маршал Советского Союза, начальник Генерального штаба А. М. Василевский в своих воспоминаниях писал: «Победа под Сталинградом явилась неопровержимым свидетельством огромной мощи, роста военного мастерства Советских Вооруженных Сил в целом. Она послужила отличным примером и толчком для проведения в 1943 году целой серии новых наступательных операций, важнейшим этапом на пути к нашей полной победе в Великой Отечественной войне»[1].

В начале 1943 г. обстановка на советско-германском фронте требовала немедленного формирования сильных механизированных соединений. Из воспоминаний А. М. Василевского:

«Весной 1943 года нацистское руководство Германии предприняло последнюю крупную попытку повернуть войну вспять, взять реванш за поражения под Сталинградом, на Северном Кавказе, Верхнем Дону и под Ленинградом, в результате которых фашисты потеряли все, что захватили в летне-осеннем наступлении 1942 года. Планируя большое наступление на лето, гитлеровское руководство надеялось доказать, что война не проиграна, что все еще можно изменить»[2].

В феврале–марте 1943 г. генерал-фельдмаршал Манштейн возглавил контрнаступление группы армий «Юг» в районе Донбасса и Харькова. В результате ожесточенных боев наши войска вынуждены были 15 марта оставить Харьков и 18 марта Белгород[3].

Красная армия временно перешла к обороне. Вокруг Курска образовалась своеобразная дуга, обращенная в сторону противника. С севера над ней нависал находившийся в руках противника Орловский выступ. С юга линия фронта тянулась примерно по белгородской параллели. А западный конец дуги шел чуть восточнее Севска, Рыльска и Сум. Внутри огромной дуги и близ нее стояли в напряженном ожидании наши десять общевойсковых, две танковые и две воздушные армии Центрального и Воронежского фронтов.

Стратегическая пауза в течение апреля–июня 1943 г. была использована обеими воюющими сторонами для выработки новых стратегических решений и подготовки к летним активным действиям[4].

15 апреля 1943 г. Гитлер подписал приказ № 6 о задачах войск и мероприятиях по их обеспечению в новой наступательной операции, получившей условное наименование «Цитадель». В нем особое внимание Берлин уделил восстановлению мощи бронетанковых войск, для чего форсированными темпами развивалась танковая промышленность, которая увеличила производство танков в 1943 г. по сравнению с 1942 г. в два раза. На вооружение немецко-фашистской армии к началу летнего наступления поступили новые более совершенные тяжелые танки PzKpfw V «Пантера» и Panzerkampfwagen VI Ausf. H-E «Тигр», самоходная артиллерийская установка Panzerjager Tiger (P) «Фердинанд»[5].

К середине апреля выяснилось, что враг сосредоточил против войск Центрального и Воронежского фронтов до 16 танковых дивизий, хорошо укомплектованных боевыми машинами. Наиболее

мощная группировка фиксировалась перед Воронежским фронтом. Здесь, по данным разведки, насчитывалось 11 танковых и 20 пехотных фашистских дивизий[6].

Главной заботой Центрального комитета Коммунистической партии, Государственного Комитета Обороны (ГКО), Ставки, Генерального штаба, Главных управлений Наркомата обороны и других соответствующих союзных наркоматов было создание мощных резервов и накопление танков, самолетов, артиллерии, боеприпасов, горючего и прочих материальных ресурсов, необходимых войскам для проведения крупных наступательных операций.

Таким образом, обстановка, сложившаяся на фронте, требовала включить все резервы для укомплектования Красной Армии вооружениями и техникой, особенно танками!

Уже в январе Ставка Верховного Главнокомандующего и Центральный комитет партии обращаются к обкомам трех ведущих областей Урала: Свердловской, Челябинской, Молотовской (со 2 октября 1957 г. Пермская область) о мобилизации усилий заводов и населения в создании Особого Уральского добровольческого танкового корпуса[7].

Наркомат танковой промышленности во главе с И. М. Зальцманом инициативу о создании Уральского добровольческого танкового корпуса поддержал.

16 января 1943 г. в газете «Уральский рабочий» было опубликовано воззвание коллективов танковых заводов Урала о создании танкового корпуса сверх плана. В воззвании говорилось: «Для быстрейшего разгрома немецко-фашистских захватчиков нужно все больше и больше танков... Корпус будет не только создан собственными силами группы заводов, но и на собственные средства, собранные среди рабочих, инженерно-технических работников и служащих...

На этих же заводах в первом квартале будут обучены кадры водителей для машин...»[8].

24 февраля 1943 г. вышло постановление Военного совета Уральского военного округа: «О формировании Особого Уральского добровольческого танкового корпуса на территории Уральского военного округа». Согласно документу каждая область должна была сформировать по одной танковой бригаде, а также вспомогательные подразделения и части, что и было сделано впоследствии: 61-я Свердловская танковая бригада,

62-я Молотовская танковая бригада, 63-я Челябинская танковая бригада[9].

27 февраля 1943 г. Свердловский обком ВКП(б) в постановлении «О формировании Особого Уральского добровольческого танкового корпуса имени товарища Сталина» предписал: «Почетную обязанность по комплектованию соединений, частей и подразделений Особого добровольческого танкового корпуса материальной частью, изготовленной сверх плана, возложить на коллективы заводов: Завод № 183 – директор т. Максарев – танков Т-34 к 15 марта 30 штук и 30 штук к 1 апреля 1943 года. Уралмашзавод – директор т. Музруков – танков Т-34 к 1 апреля – 8 штук и орудий СУ-35 122мм к 15 марта – 4 штуки и к 1 апреля – 4 штуки»[10].

Из документа видно, что большая нагрузка по выпуску сверхплановых танков Т-34 ложилась на плечи коллектива Уральского танкового завода № 183 имени Коминтерна, который был головным предприятием Наркомата танковой промышленности. Важно было укомплектовать добровольческий танковый корпус средними танками Т-34, так как они уже зарекомендовали себя отличными техническими характеристиками.

О том, как на пределе возможностей работал коллектив Уральского танкового завода и перевыполнял производственную программу по выпуску танков для комплектования добровольческого корпуса, свидетельствуют цифры: 1943 г. – в феврале по плану завод должен выдать 470 машин – по факту выдал 500; в марте – по плану 600 машин – фактически выдал 650; в апреле по плану 615 – фактически выдано 680 машин. Итого сверх плана заводом № 183 построено 145 танков Т-34. Все человеческие и технические ресурсы предприятия были направлены на выполнение и перевыполнение производственного плана. Коллектив успешно справился и выполнил обязательство[11].

Согласно постановлению Челябинского обкома ВКП(б) коллектив Челябинского Кировского завода (ЧКЗ) должен был изготовить для формируемого добровольческого корпуса 74 средних танка Т-34, мобилизовать 428 автомобилей. До 8 марта набрать и за один месяц обучить около трех тысяч бойцов.

К 31 марта 1943 г., превозмогая все человеческие ресурсы, сверх плана челябинцы построили только 16 средних танков Т-34; выполнили задание по бронемашинам БА-64 в количестве

22 шт., а также мобилизовали 81 грузовой автомобиль и 5 легковых. По формированию личного состава корпуса план был выполнен.

Нельзя забывать о том, что ЧКЗ был главным в стране по разработке и выпуску тяжелых танков КВ и впоследствии танков ИС. За годы войны только коллектив этого завода дал фронту 18 000 танков, 48 500 танковых моторов, 85 000 комплектов топливной аппаратуры[12].

Интенсивное наращивание производства на Уральском танковом заводе № 183 началось еще зимой 1942 г. В 1943 г. он увеличил выпуск танков по сравнению с 1941 г. в 6 раз[13].

Из месяца в месяц, год за годом, в результате перевыполнения плановых заданий завод № 183 огромными темпами наращивал объемы производства. Наряду со значительным количественным ростом выпуска он систематически улучшал качество машин в соответствии с теми требованиями, которые ему предъявлял фронт[14].

Увеличению выпуска танков способствовало совершенствование технологий массового поточно-конвейерного производства. Свидетельством тому являются архивные материалы. В связи с ростом государственного плана выпуска танков на 1943 г. и систематическим введением в производство узлов и деталей новой улучшенной конструкции танка в цехах непрерывно появлялись «узкие места», которые невозможно было разрешить механическим увеличением парка оборудования, так как заявки завода удовлетворялись частично.

В условиях дефицита металла и недостатка рабочих кадров заводом были решены следующие задачи: внедрение новых высокопроизводительных методов обработки; применение высокопроизводительной оснастки; внедрение новой геометрии режущего инструмента; рационализация заготовок, уменьшение припусков, отмена обработки; сокращение норм расхода металла на изделия, рационализация раскроя листового металла; перевод обработки деталей с дефицитных групп оборудования на недефицитные; перераспределение действующего оборудования на основе более рациональной расцеховки деталей, устранение кооперации и сокращение излишней транспортировки деталей по заводу; модернизация и специализация неиспользуемого универсального оборудования; организация и перевод на поточные линии изготовления целого ряда деталей, более рациональное

разделение труда; улучшение качества выпускаемой заводом продукции и борьба с браком; механизация трудоемких технологических процессов, малая механизация; общее улучшение организации работ и рабочих мест[15].

Большой движущей силой в работе завода в 1943 г. явился впервые прививший среди танковых заводов, составленный коллективом каждого в отдельности цеха стахановский технический план организационно-технических мероприятий.

В составлении технологического плана на 1943 г. приняло участие свыше 2300 чел. стахановцев, инженерно-технических работников (ИТР) и служащих.

В основу новой технологии были положены принципы автотракторной технологии, применительно к специфическим особенностям танкового производства: поточность, уменьшение пути прохождения детали; дифференциация технологического процесса на простейшие элементы с целью использования необученных кадров; механизация транспортировки деталей; перевод обработки деталей с универсальных станков на специальные путем их модернизации; механизация сборочных работ; дальнейшее внедрение высокопроизводительных приспособлений, инструментов, наладок и многое другое.

Реализация этих принципов построения технологического процесса радикально изменила характер производства, резко снизив время на обработку деталей, и позволила использовать у станков рабочих, впервые оказавшихся на заводе.

Была рассчитана каждая минута рабочего времени. Выполнение заданий по выпуску танков для добровольческого корпуса ежесуточно жестко контролировалось. Реализация идеи создания Особого добровольческого танкового корпуса была взята под особый контроль обкомами партии уральских областей. От директоров заводов, в том числе Ю. Е. Максарева, требовалось принять необходимые меры по обеспечению заготовительных цехов сырьем и материалами, улучшению работы внутризаводского транспорта, производственного отдела и диспетчерского аппарата завода по оперативному руководству работой цехов. От четкой слаженной работы каждого цеха, смены, участка, бригады, каждого рабочего, инженера, служащего зависело выполнение заданий[16].

Трудоемкость танка Т-34 на Уральском танковом заводе была наиболее низкой среди предприятий танковой промышленности

СССР, что неоднократно отмечалось в приказах Наркомата. Из доклада главного инженера Уральского танкового завода № 183 Л. И. Кордунера от 6 апреля 1943 г. на партийно-хозяйственном активе мы узнаем: «В первом квартале выполнено 811 мероприятий при плане 658. Годовая эффективность составила 15,1 млн руб. при плане 12,6 млн руб. Снижена трудоемкость на 119,83 чел. часов, что составляет 42,4 % полугодового плана. Достигнута экономия металла – 10 810 т»[17].

Многие технологии на УТЗ применялись впервые в стране, Европе, мире. По масштабам производства, уровню технологий, системе организации труда Уральскому танковому заводу № 183 имени Коминтерна не было равных в стране и мире. Создание Особого Уральского добровольческого танкового корпуса стало настоящей битвой заводов!

Материалы заводской газеты «Коминтерновец» в марте и апреле 1943 г. посвящены ходу выполнения обязательств по выпуску сверхплановых танков. «Безделье терпеть нельзя, особенно в военное время, когда идут ожесточенные бои, когда сотни людей ежедневно умирают на поле боя за нашу страну», «Пусть для каждого рабочего, работницы, инженера, служащего будет законом девиз: “Фронту надо – сделаем!”» – призывала газета. «Тот, кто плохо работает, является отщепенцем, изменником русского народа, является пособником врага», – утверждала она.

Многочисленные материалы газеты славили героев трудового фронта и резко порицали не выполнивших сменные задания. Броские и хлесткие названия говорят сами за себя: «В труде как в бою», «Цех – это линия фронта», «Хочешь завоевать победу – работай по-фронтовому в тылу», «Кто не отдает всех сил – тот предает интересы Родины». Часто в газете печатались такие обязательства: «Не уйдем из цеха – пока не выполним задание». Как же было неловко отстающим, не выполняющим сменных заданий, которых газета называла поименно в своих материалах под заголовками: «Клятвоотступники», «Немедленно ликвидировать прорыв», «Они подводят фронт», «Тягчайшее преступление – не сдача не только плановых, но и сверхплановых деталей»[18].

Обзор заводских газет периода формирования корпуса говорит нам о том, что победа не пришла сама, ее завоевали упорным, самоотверженным трудом.

В Нижнетагильском историческом архиве хранятся годовые бухгалтерские отчеты по Заводу № 183 имени Коминтерна. Нас

особо интересовали отчеты за 1943 г., где кроме производственных показателей приведены цифры по численности работающих, их состав и текучесть кадров. План 1943 г. по численности работающих выполнен в целом по заводу на 99,8 %, в том числе по основному производству на 99,3 %[19].

Наличный состав рабочих обеспечил выполнение плана 1943 г. по валовому выпуску на 101,1 % , причем объем этот превысил выпуск 1942 г. на 36 %. При этом характерно, что среднесписочное число производственных рабочих в 1943 г. было на 3,3 % ниже численности их в 1942 г.[20]

Отрицательным моментом в выполнении производственного задания была текучесть кадров. В 1943 г. убыль по заводу составила 8631 человек, или 38,8 % к списочному составу против 48,4 % за 1942 г.

Работа по выпуску сверхплановых машин была организована по железному графику, за любое нарушение трудовой дисциплины немедленно следовало наказание. За опоздание на работу на несколько минут, самовольный уход с рабочего места (как дезертирство), возвращение из отпуска позже по семейным обстоятельствам оформлялись приказы за подписью директора завода Максарева, и дела направлялись в прокуратуру. Так, за 1942 г. было зарегистрировано и направлено в прокуратуру 3862 случая дезертирства, в 1943 г. – 2909[21].

Другими основными причинами убыли были: увольнение с работы по болезни согласно решений ВКК (12 %), смертность (10 %), призыв РКК (10 %).

Пополнение рабочей силы шло в основном по линии трудовых резервов (25,2 % общего поступления) и НКО (63 %) и только в незначительной степени по свободному приему[22].

Одной из мотиваций трудового коллектива к выполнению и перевыполнению производственных заданий была система распределения продуктов, выдача дополнительных талонов для питания в заводских столовых. Известно, что питание танкостроителей было скудным. Рабочий паек составлял 700 г хлеба, 90 г крупы и немного сахара в сутки. Карточки на крупу и сахар обычно сдавались в столовые в счет заводских обедов. Обычный обед состоял из тарелки супа-затирухи из муки с водой и солью, рыбной котлеты и каши на воде. Приказом по заводу были введены стахановские пайки и пайки на усиленное питание для перевыполнявших сменные задания.

За жизнь и здоровье тружеников Уральского танкового завода № 183, работавших по 12 часов без выходных и отпусков, при остром дефиците продуктов питания, в тяжелых условиях труда и быта боролись медицинские работники. По настоянию медиков в каждой цеховой столовой были установлены бачки с хвойным отваром (профилактика авитаминоза, признаки которого наблюдались у многих работников), каждый работник обязан был пить его перед приемом пищи.

С целью поддержания слабых здоровьем рабочих по предложению медиков при общежитиях (в бараках и землянках) были созданы изоляторы, в которых помещалось 400 человек единовременно. Всего за период 1943–1944 гг. было возвращено к труду 3600 человек. Впоследствии, в связи с улучшением жилищных и материальных условий, потребность в изоляторах отпала[23].

Большую помощь в увеличении производительности труда, выполнении и перевыполнении сменных заданий оказывала заводская молодежь, 30 % продукции создавалось именно ею. Члены фронтовых и гвардейских комсомольско-молодежных бригад оперативно внедрялись в отстающие трудовые коллективы, оставались после окончания рабочих смен и выводили своих товарищей в передовые бригады.

Руководство завода много внимания уделяло работе по подготовке новых рабочих и повышению квалификации наличного их состава.

В сети технической учебы завода за 1943 г. подготовлено новых рабочих 4940 человек, в том числе станочников 1090 и слесарей 1172 человека. В результате учебы присвоены разряды: 2-й – 20 % обучающихся, 3-й – 65 %, 4-й – 15 % обучающихся.

К обучению новых рабочих привлекались лучшие мастера и стахановцы, под руководством которых новые рабочие в короткие сроки осваивали производственные профессии и стали выполнять и перевыполнять нормы выработки[24].

Сегодня достоверно известно, что коллектив Уральского танкового завода № 183 для формирования Особого Уральского добровольческого танкового корпуса с февраля по апрель построил 145 сверхплановых танков Т-34 из 202 необходимых по штатному расписанию машин[25].

Кроме танков УТЗ, согласно разнарядке Свердловского обкома ВКП(б), предоставил для комплектования Уральского добровольческого танкового корпуса 179 автомашин[26].

Обстановка на фронтах Великой Отечественной войны требовала закончить формирование корпуса в сжатые сроки. И к 10 апреля 1943 г. танковый корпус был в основном сформирован.

Особая страница в истории создания УДТК – это комплектование его личным составом. Тысячи и тысячи людей хотели стать добровольцами, с оружием в руках защищать страну от немецких фашистов. Сегодня достоверно известно, что 115 тысяч заявлений с просьбой о зачислении в Уральский добровольческий танковый корпус было подано от жителей Свердловской, Челябинской и Молотовской областей. Фактически на службу в корпус было зачислено 9 тысяч 660 добровольцев. В архивных фондах ЦДООСО сохранилось более 10 тысяч заявлений в Уральский добровольческий танковый корпус, поступивших в партийные и комсомольские органы[27].

На территории Свердловской области формировалось 14 отдельных частей и подразделений корпуса. В течение первых чисел марта 1943 г. было подано 14 038 заявлений по Свердловску, из трех районов Свердловским обкомом ВКП(б) было отобрано 1507 добровольцев. В Нижнем Тагиле было подано порядка 10 500 заявлений, из них отобрано 544 добровольца. Набор добровольцев проходил в нескольких районах Нижнего Тагила[28].

Отбор добровольцев в корпус был жесточайшим, тщательно рассматривалась каждая кандидатура: возраст от 18 до 35 лет, физическое состояние, образованность, идейные взгляды, семейное положение, отсутствие судимости и многое другое. Имеются списки не зачисленных в состав УДТК, возвращенных обратно на трудовую деятельность, на производство. Списки постоянно менялись, корректировались. Но, тем не менее, с планом набора добровольцев в Нижнем Тагиле справились. С Уральского танкового завода № 183 имени Коминтерна в состав корпуса вошло 186 добровольцев.

Личный состав корпуса по Свердловской области составил 3615 человек. В состав самоходно-артиллерийского полка № 1621, сформированного в Нижнем Тагиле, вошло 304 добровольца. По Свердловской области добровольцев было отобрано на 771 человек больше, чем планировалось изначально[29].

Известно количество боевой техники корпуса перед первым боем: 202 танка Т-34, семь танков Т-70, 68 бронемашин, 16 самоходных артиллерийских орудий, 94 миномета. О вкладе УТЗ

№ 183 в поставку материальной части и формирование личного состава корпуса мы выяснили.

С 1942 г. был начат серийный выпуск танков Т-34 на Уралмаше под руководством Б. Г. Музрукова. С 1943 г. завод стал ведущим предприятием страны по производству самоходок. Согласно постановлению Свердловского обкома ВКП(б) от 27.02.1943 г. Уралмашзавод должен был построить сверх плана 8 танков Т-34 и такое же количество орудий СУ-35 122 мм. Недостающие 25 танков Т-34, для уже известного общего количества – 202, были построены в Омске на заводе № 174 (ныне завод «Омсктрансмаш») и отправлены в 38-й научно-исследовательский испытательный институт, в Кубинку, где и доукомплектовывался добровольческий корпус, 5 июня 1943 г.

Уральские предприятия не только сверхплановым ударным трудом создавали танковый корпус. Труженики Урала отдавали свои личные сбережения на его оснащение, что тоже было подвигом. Жители Челябинской области перечислили на специальный счет Госбанка более 56 млн рублей на формирование корпуса. По Свердловской области было собрано и перечислено 58 млн рублей. Все средства были использованы на покупку недостающих танков и обмундирование бойцов УДТК.

В развернувшееся великое сражение на Курской дуге одновременно с севера и юга перешли в наступление на Курск обе вражеские группировки. Советские войска вступили в тяжелую борьбу с врагом[30].

В целом немецкое наступление продолжалось менее недели и 12 июля кончилось провалом. В итоге беспримерного сопротивления советских войск противник, понеся огромные потери и продвинувшись до 12 км на северном фасе Курской дуги и до 35 км на южном, был вынужден прекратить наступление. А затем начать отвод своих войск. Окружить наши войска (как это предусматривалось планом операции «Цитадель») фашистам не удалось! Советская оборона оказалась сильнее!! И тогда же нами были созданы необходимые предпосылки для перехода в запланированное контрнаступление. Главным итогом оборонительного сражения следует, как отмечает Маршал Советского Союза А. М. Василевский, считать поражение танковых соединений врага, в результате чего возникло особо благоприятное для нас соотношение сил по этому важному роду войск. В значительной степени способствовал тому выигрыш нами крупного встречного

танкового сражения южнее Прохоровки, в 30 км от Белгорода. Это был поистине титанический поединок двух стальных армад (до 1200 танков и САУ), который произошел на южном фасе Курской дуги 12 июля[31].

Боевое крещение Уральский добровольческий танковый корпус принял на Орловско-Курской огненной дуге в составе 4-й танковой армии. Первый салют, данный 5 августа 1943 г., был предназначен, в том числе, и уральцам-добровольцам. За проявленные массовый героизм, мужество и отвагу корпус был удостоен звания «Гвардейский».

История создания Уральского добровольческого танкового корпуса – это образец мужества, стойкости и беззаветной преданности Родине.

Уральский танковый завод № 183 сыграл решающую роль в комплектовании добровольческого корпуса танками Т-34, произведя 145 машин из 202, необходимых по штатному расчету. В передовой статье газеты «Правда» от 25 мая 1945 г. «Связь тыла и фронта, какой не знала история» подчеркивалось: «Коллектив Уральского танкового завода вписал одну из славных страниц в историю Великой Отечественной войны. Этот коллектив перенес неимоверные лишения и трудности, но выполнил для Родины все, что мог»[32]. История создания Особого Уральского добровольческого танкового корпуса этому пример.

Указом губернатора Свердловской области Е. В. Куйвашева от 27 июля 2012 г. за № 570-УГ на Среднем Урале установлена знаменательная дата –День народного подвига по формированию Уральского добровольческого танкового корпуса в годы Великой Отечественной войны. Памятная дата отмечается ежегодно 11 марта.

---

[1] А. М. Василевский. Дело всей жизни. Книга первая. М., 1989. С. 289.
[2] А. М. Василевский. Дело всей жизни. Книга вторая. М., 1989. С. 5.
[3] Там же. С. 9.
[4] Там же. С. 11.
[5] Там же. С. 13.
[6] Там же. С. 19.
[7] Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 31. Д. 486. Л. 98.
[8] Архив Выставочного комплекса АО «Научно-производственная корпорация «Уралвагонзавод». ФПИ. Газета «Уральский рабочий» от 16.01.1943 г. С. 4.
[9] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 18. Д. 17. Л. 146.

[10] Там же. Л. 145–149.
[11] История танкостроения на Уральском танковом заводе № 183 им. Сталина. Т. II (кн. 2). Танковая промышленность. 1946. С. 13–14.
[12] Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Документы по формированию УДТК.
[13] ЦДООСО. Ф. 1679. Оп. 1. Д. 7. Л. 6–12.
[14] Нижнетагильский государственный исторический архив (НТГИА). Годовой отчет по основной деятельности. Завод имени Коминтерна за 1943 г. Ч. 2. Ф. 417. Оп. 1. Д. 285. Л. 55.
[15] ЦДООСО. Ф. 417. Оп. 1. Д. 285. Л..8; НТГИА. Ф. 417. Оп. 1. Д. 268. Л. 4–5.
[16] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 18. Д. 17. Л. 191.
[17] Там же. Ф. 1679. Оп. 1. Д. 38. Л. 29.
[18] Архив ВК АО «Научно-производственная корпорация "Уралвагонзавод"». ФПИ. Газеты «Коминтерновец». Оф. 2172–2457.
[19] НТГИА. Ф. 417. Оп. 1. Д. 285. Л. 60.
[20] Там же. Л. 61.
[21] Там же. Л. 61–62; История танкостроения на УТЗ № 183 им. Сталина. С. 284–285.
[22] НТГИА. Ф. 417. Оп. 1. Д. 285. Л. 61.
[23] История танкостроения на Уральском танковом заводе № 183 им. Сталина. С. 306–310.
[24] НТГИА. Ф. 417. Оп. 1. Д. 285. Л. 63.
[25] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 428. Л. 004.
[26] Там же. Оп. 18. Д. 17. Л. 153–160.
[27] Там же. Оп. 38. Д. 119. Л. 24.
[28] ЦДООСО. «История в документах». Екб. 2003. С. 17.
[29] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 18. Д. 17. Л. 151.
[30] А. М. Василевский. Дело всей жизни. Книга вторая. С. 27.
[31] Там же. С. 28.
[32] Архив ВК АО «Научно-производственная корпорация "Уралвагонзавод"». ФПИ. Оф. Газета «Правда» от 25.05.1945 г.

А. Г. Гаврилов (Москва)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ САМОЛЕТОВ ДЛЯ ЗОНДИРОВАНИЯ АТМОСФЕРЫ В ИНТЕРЕСАХ МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВОЕННО-ВОЗДУШНЫХ СИЛ КРАСНОЙ АРМИИ НАКАНУНЕ И В ХОДЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 гг.

В НАЧАЛЕ XX ВЕКА в военное дело стремительно ворвалась авиация. С первых дней использования аэропланов военным и морским ведомствами стала очевидна их высокая зависимость от метеорологических условий. Причем для обеспечения безопасности полетов оказалось мало установить параметры ветра у земли. Возникла необходимость в получении сведений о том, как распределяются метеорологические элементы с высотой.

Этими вопросами и раньше задавались российские энтузиасты и ученые, использовавшие для подъема приборов на высоту воздушные змеи и аэростаты. К примеру, в воздухоплавательном кружке при Юрьевском университете в ходе Международной недели научного воздухоплавания изготовили и запустили в небо несколько примитивных приборов для регистрации параметров атмосферы[1].

В Российской империи функционировала Межведомственная комиссия по организации и объединению воздухоплавательного дела в России, трое из 17 членов которой были метеорологами. Одна из главных задач комиссии – «организовать исследования воздушных течений на различных высотах, чтобы знать, как изменяется скорость и направление ветра с высотой, и сколько дней в году на определенной высоте может работать воздухоплавательная машина...»[2].

С широким внедрением авиации эта проблематика приобрела высокое прикладное значение. К тому же, самолеты стали не только новым объектом обеспечения метеорологов, но и эффективным средством получения информации о явлениях и процессах, происходящих в атмосфере. С помощью самолетов можно было получить наиболее надежные и подробные данные о характере облаков и их мощности, видимости. Не случайно, когда в 1910 г. в Санкт-Петербурге прошел Первый всероссийский праздник воздухоплавания, существенное внимание в его программе было уделено использованию аэропланов для получения сведений о погоде с высоты их полета. Военные летчики поднимали в небо самопишущие метеорологические приборы, ленты которых после приземления подвергались изучению и сопоставлению друг с другом[3].

Важной вехой в истории самолетного зондирования атмосферы стала Первая мировая война. Она дала мощный толчок развитию военной авиации в России. Ее зависимость от метеорологических условий значительно возросла, ведь теперь речь шла уже не только о безопасности полетов, но и способности аэропланов эффективно применять оружие. Вслед за расширением количества авиационных подразделений и ростом самолетного парка в русской армии появилось значительное количество метеорологических станций. Среди их руководителей оказались известные ученые, привнесшие в военную авиацию свои взгляды на изучение атмосферы[4].

Оперативным и методическим центром метеорологического обеспечения авиации стала Центральная аэронавигационная станция (ЦАНС), возглавляемая прапорщиком А. А. Фридманом. Наряду с традиционным комплектом имущества, которым располагали военные метеорологические станции, в ней было предусмотрено передовое оборудование для зондирования атмосферы с помощью шар-пилотов и метеорографов, набор метеорологических самописцев, а также аэроплан с полагающейся для его обслуживания материальной частью, палаткой и мотоциклеткой с прицепной коляской[5].

Выдающийся теоретик и практик метеорологического дела А. А. Фридман стал одним из пионеров использования самолетов в качестве инструмента исследования атмосферы. Однако, несмотря на наличие собственного аэроплана, возможности ЦАНС были ограничены. Наилучшие возможности с точки

зрения размещения метеорологических приборов для получения сведений об условиях на высоте полета давали кабины самолетов «Илья Муромец». В составе эскадры этих воздушных кораблей работала метеорологическая станция, возглавляемая М. М. Рыкачевым. Каждый из самолетов, являвшихся крупнейшими в мире, наряду с прочим имуществом нес на борту авиационный барограф. При этом габариты кабины позволяли брать на борт начальника метеорологической станции, который в полете лично вел наблюдения за работой и показаниями приборов[6].

Однако во время Первой мировой войны полеты самолетов для вертикального зондирования атмосферы носили эпизодический характер. Начало регулярных полетов было связано с созданием в 1921 г. в СССР общегосударственной гидрометеорологической службы. Параллельно с методической и научной работой в области зондирования атмосферы было развернуто конструирование и испытание новых технических средств. Крупнейшим центром конструкторской мысли стала Главная геофизическая обсерватория, где в 1922 г. был построен и испытан специализированный самолетный метеорограф[7].

Между тем военные авиационные метеорологи также стремились организовать регулярное получение сведений о распределении метеорологических элементов с высотой, на первых порах в самом важном пункте – на центральном аэродроме им. М. В. Фрунзе. С момента воссоздания в ВВС Красной армии Центральной аэронавигационной станции перед ее коллективом ставились задачи обеспечения безопасности полетов с главного летного поля страны, исследования высших слоев атмосферы над Москвой, разработки и испытания новых конструкций аэронавигационных приборов[8].

В ЦАНС разработали и утвердили методику зондирования, обосновав необходимость присутствия на борту самолета профессионального метеоролога, способного вести протокол полета. Отдельным приказом Главвоздухфлота устанавливалась очередность эскадрилий, выделяющих самолеты для проведения полетов (отряд особого назначения «ОСНАЗ», эскадрилья «Ультиматум», эскадрилья «Тренэс»). Для зондирования использовались аппараты «Ньюпор», «Дехевиленд», «Авро», «Мартинсайд». В качестве наблюдателей в воздух поднимались наиболее опытные сотрудники станции Б. В. Стерлигов, В. И. Альтовский, С. А. Данилин, А. В. Соколов и др.[9]

В 1924 г. авиаконструктор Н. Н. Поликарпов создал самолет Р-1. Этот двухместный биплан с размахом крыльев 14 м мог подниматься до 4800 м, а высоту 2000 м набирал за 10 мин. До 1931 г. было построено более 1000 таких самолетов, что сделало их самыми массовыми в молодой советской авиации. Его дальнейшим развитием стал самолет Р-5, который начали серийно выпускать в 1928 г. Он также выпускался массово и хорошо себя зарекомендовал. Несмотря на достаточно скромные летно-технические возможности, именно этим машинам суждено было стать основным средством самолетного зондирования атмосферы в советской военной авиации на протяжении 1920–1930-х гг.[10]

В 1933 г. Управление ВВС РККА издало «Практическое руководство по подъему метеорографа на самолете», разработанное инженерами А. И. Бобыкиным и Е. Н. Каленовым. В предисловии сообщалось, что «Наиболее ценным средством для вертикальных зондажей атмосферы является самолет с установленным на нем метеорографом и с наблюдателем метеорологом. Для обеспечения службы погоды ВВС на всех основных аэродромах в самое ближайшее время предполагается начать регулярные исследования атмосферы на самолете с немедленным использованием результатов полета для службы погоды при составлении прогнозов погоды». Документ, изданный тиражом 4 тыс. экз., содержал разделы с описанием метеорографов, правилами их поверки, методикой установки на самолеты Р-1 и Р-5, спецификой полета с метеорографами и требованиями к обработке их результатов[11].

Во второй половине 1930-х гг. обострение военно-политической обстановки и массовое перевооружение ВВС КА новыми типами самолетов выдвинули новые, более высокие требования к метеорологическому обеспечению. К этому времени самолетное зондирование уже подтвердило статус одного из эффективных средств в арсенале метеорологов. Метеорографы, автоматически регистрирующие метеорологические элементы в полете, позволили проводить оперативное изучение атмосферы без привлечения метеоролога-наблюдателя. С этого момента зондирование было переведено на регулярную основу. Наибольшее распространение получили немецкие метеорографы системы Клейншмидта и советские метеорографы конструкции П. А. Молчанова, сыгравшего существенную роль в развитии теории и практики вертикального зондирования атмосферы[12].

Из войск в адрес начальника Управления ВВС РККА неоднократно поступали предложения о придании самолетному зондированию атмосферы организационных форм. В одном из них говорилось о необходимости создать сеть связанных друг с другом по радио окружных метеостанций, каждая из которых «должна быть снабжена 1–2 легкими высотными самолетами для подъема метеорографов и высотных исследований атмосферы». Для реализации этого предложения требовалось передать метеорологам до 24 самолетов, которых в тот момент в советской военной авиации не нашлось[13].

Неоднократно с предложениями о выделении самолетов для проведения зондирования атмосферы выступал начальник Главной авиационно-метеорологической станции (ГАМС) военинженер 1-го ранга В. И. Альтовский. Так, в 1938 г. он ходатайствовал перед руководством ВВС КА и Метеорологической службы ВВС КА о создании при ГАМС специальной летной группы по изучению и исследованию атмосферы и вертикальному зондированию до максимальной высоты 7–8 км[14].

Однако, отчаявшись получить в распоряжение ГАМС самолеты для проведения специализированных полетов, В. И. Альтовский добился их выделения метеорологам в случае начала войны. В штате, на который главный оперативно-прогностический орган должен был перейти с началом военного времени, была предусмотрена летная группа (звено) в составе командира, старшего летчика, старшего техника, младшего техника, механика и двух мотористов. Зондирование атмосферы предполагалось выполнять с использованием двух самолетов Р-5 и одного По-2, поднимая метеорографы над Москвой дважды в сутки до максимальной высоты при нижней границе облаков не ниже 100 м и видимости не менее 1 км[15].

Несмотря на невозможность в конце 1930-х гг. создать специализированные подразделения, выделить самолеты и летчиков для проведения зондирования атмосферы, оно имело определенное распространение в советской военной авиации. Об этом свидетельствует, в частности, проведение в августе 1938 г. Высотных сборов ВВС КА. По результатам этого мероприятия «в целях изучения температуры и влажности на различных высотах, выявления условий, в которых наблюдаются обледенение самолетов, запотевание очков и оптических прицелов», командующий ВВС КА предписывал организовать в основных

авиационных гарнизонах регулярный подъем метеорографов на самолетах, обеспечить их потребным количеством метеорографов, разработать систему подвески метеорографов на различных типах самолетов. Предписывалось организовать в ВВС военных округов сборы метеорологов для обучения их технике подвески метеорографов к самолету и обработке метеорограмм, разработать программу исследования строения облачных систем и установить возможность пролета над ними на высотах не ниже 5 тыс. м[16].

Такое внимание к самолетному зондированию атмосферы объяснялось тем, что оно повышало возможности по использованию метода барической топографии, значительно расширяло возможности и повышало качество работы авиационных метеорологов. Это нашло отражение в тематике научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ ВВС КА. В частности, значительная часть научных изысканий метеорологической службы была связана с верхними слоями атмосферы, по ее заказу в конструкторских бюро велась разработка метеорографов, изучался передовой зарубежный опыт, размещались заказы на создание опытных образцов метеорографов на заводах[17].

Благодаря архивным документам стало известно, какие требования предъявляли авиационные метеорологи к самолетным метеорографам. В тактико-техническом задании на это изделие в числе прочего отмечалось, что оно должно одновременно фиксировать показания давления, температуры и влажности на протяжении всего подъема, вплоть до максимальной высоты 12 тыс. м, обладать высокой чувствительностью и малой инерцией, работать в диапазоне температур от –60 до +40 °С, иметь обтекаемую форму, надежные крепления к корпусу самолета и весить при этом не более 1,5 кг[18].

Не сумев решить вопрос с выделением специализированных самолетов, авиационные метеорологи сосредоточились на создании возможности привлечения к вертикальному зондированию разведывательных самолетов ВВС КА. Для этого требовалось сконструировать и произвести универсальное крепление. Крепежный комплект включал в себя пластины, прокладки, карабины, обжимки, скобы и растяжки. Между верхними и нижними плоскостями самолета Р-1 или Р-5 по правому или левому борту устанавливались система растяжек, в центре которой размещался прибор. Правильное размещение и раскрепление устройства

обеспечивало ему устойчивость при любых маневрах самолета и необходимое качество регистрации параметров атмосферы[19].

С началом Второй мировой войны в СССР было усилено внимание к передовому опыту метеорологического обеспечения авиации в Германии, уже вступившей в широкомасштабные боевые действия. Так, главный штурман ВВС КА комбриг Б. В. Стерлигов подготовил для народного комиссара обороны СССР справку-доклад об использовании опыта метеорологической работы в Германии, в которой рассматривались и вопросы зондирования атмосферы с использованием самолетов[20].

В апреле 1941 г. Председателю Совета Народных Комиссаров СССР В. М. Молотову был представлен доклад о мероприятиях по улучшению метеорологического обеспечения ВВС КА. Один из пунктов Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко сформулировал так: «Учитывая опыт германской метеослужбы в современной войне, необходимо расширить сеть пунктов исследования высоких слоев атмосферы с помощью самолетов, обеспечив при этом высоту подъема метеорографов до 10 км»[21].

С началом Великой Отечественной войны потребность в оперативном исследовании атмосферы существенно возросла. Однако в ее первом и втором периодах она не могла быть удовлетворена с использованием самолетов. Этому препятствовала напряженная боевая обстановка в воздухе и нехватка самолетов. Ситуация стала меняться лишь в третьем периоде Великой Отечественной войны, когда были созданы необходимые условия, а государством, народным комиссариатом обороны и командованием ВВС КА предпринят ряд организационных и технических мер.

Некоторые из решений принимались на высшем государственном уровне. К примеру, Постановление Государственного Комитета Обороны СССР № 5010 от 22 января 1944 г. было посвящено улучшению метеорологического обеспечения перегонки самолетов по Красноярской воздушной трассе. Для нее, в частности создавалось авиационное звено и учреждалось самолетное зондирование атмосферы с использованием самолетов Р-5 и По-2[22]. Постановление ГКО № 6374 от 12 августа 1944 г. регламентировало реорганизацию советской гидрометеорологической службы в Иране. В нем, в числе прочего указывалось: «Обязать Главное управление Гражданского воздушного флота (т. Астахова) организовать ежедневное самолетное зондирование атмосферы в районе г. Тегерана, выделив для этого один самолет Р-5»[23].

Вместе с тем, принятых мер было недостаточно. Дело в том, что самолетное зондирование атмосферы в интересах ВВС КА осуществлялось с использованием самолетов Р-5 и По-2 Гражданского воздушного флота. В связи с устареванием и выходом из строя самолетов Р-5 тяжесть этой работы все больше возлагалась на По-2, которые могли поднимать метеорографы на высоту не более 3,5 тыс. м. При этом к концу Великой Отечественной войны самолеты ВВС КА уже летали на высотах 4–5 тыс. м. Необходимо было привлекать современные самолеты. После анализа тактико-технических характеристик для решения этих специфических задач был выбран истребитель «Харрикейн». Причину объяснил начальник Главного управления гидрометеорологической службы Красной армии (ГУГМС КА) генерал-лейтенант Е. К. Федоров: «были использованы самолеты-истребители «Харрикейн», поставлявшиеся Великобританией, которые оказались не вполне подходящими для боевых действий. Имея достаточно высокий по тому времени потолок, они пригодились для метеорологических наблюдений»[24].

Гражданский воздушный флот не располагал такими самолетами, поэтому генерал-лейтенант Е. К. Федоров обратился за содействием в Государственный комитет обороны. Обосновывая руководству страны необходимость выделения «Харрикейнов», он писал: «Воздушная разведка погоды и ледовая разведка широко применяются в Англии, США и Германии. Для нее выделяются лучшие типы самолетов». К письму прилагалась карта сети пунктов вертикального зондирования атмосферы в США[25].

Итогом продолжительной подготовительной работы и многочисленных согласований стало Постановление ГКО № 7241 от 29 декабря 1944 г. «О развитии аэрологических наблюдений в СССР». Оно предписывало создать в ВВС КА специализированные части и подразделения вертикального зондирования атмосферы, укомплектовать их личным составом и авиационной техникой[26].

На основе этого постановления было подготовлено для проведения специализированных полетов 80 летчиков, выделено 120 самолетов «Харрикейн», которые были распределены между 33 пунктами, расположенными по всей стране. В распоряжении военных метеорологов каждого фронта, военного округа и флота появилось по отдельному звену самолетного зондирования атмосферы, приступившему к работе в конце 1944 г. По штату,

утвержденному в январе 1945 г. заместителем народного комиссара обороны генералом армии Н. А. Булганиным, в каждом отдельном звене вертикального зондирования атмосферы предусматривалось четыре офицера, четыре сержанта, два самолета «Харрикейн» и один самолет По-2[27].

Существенные изменения произошли и в центральных органах ГУГМС КА. В частности, был создан 859-й Отдельный авиационный полк дальней разведки погоды, имевший на вооружении самолеты «Харрикейн» и включавший в свой состав авиационное звено вертикального зондирования атмосферы. Для обработки данных, полученных в результате полетов звена, в составе метеорологической обсерватории полка было предусмотрено отделение вертикального зондирования. Для методического руководства сетью пунктов самолетного зондирования атмосферы в составе ГАМС было создано отделение аэрологического зондирования[28].

На протяжении 1945 г. в ВВС КА продолжалось расширение практики и материальной базы самолетного зондирования атмосферы. В апреле были сформированы дополнительные специализированные авиационные звенья. В конце года в составе некоторых из управлений гидрометслужбы военных округов были сформированы авиаотряды, включавшие в себя отдельные звенья вертикального зондирования атмосферы[29]. Воздухоплавательная группа и авиационное звено были внедрены в штат Центральной аэрологической обсерватории ГУГМС КА. В июне 1945 г. 859-й Отдельный авиационный полк дальней разведки погоды был преобразован в 43-й Отдельный учебно-тренировочный авиационный полк ГУГМС КА, в составе которого продолжило работу отдельное звено вертикального зондирования атмосферы[30].

С расформированием в 1946 г. Главного управления гидрометеорологической службы Красной армии специализированные авиационные части прекратили существование. Самолетное зондирование атмосферы перешло в ведение гражданской гидрометеорологической службы, а со временем ему на смену пришли новые, более совершенные технологии изучения атмосферы. Однако зарождение и развитие самолетного зондирования атмосферы является славной, интересной и малоизученной страницей истории отечественной авиационной метеорологической службы.

[1] Воздухоплавательный кружок при Юрьевском университете // Библиотека воздухоплавания. 1910. № 5. С. 61.
[2] РГВИА. Ф. 802. Оп. 3. Д. 1269. Л. 128–131.
[3] Котов Е. А., Прямицын В. Н. Праздник воздухоплавания // Ориентир. 2014. № 12. С. 72, 73.
[4] Прямицын В. Н. Ученые в погонах. К 100-летию начала Первой мировой войны // Ориентир. 2014. № 8. С. 64–67.
[5] Приказы начальника Штаба ВГК за 1916 год // Россия. Штаб Верховного Главнокомандующего (1914–1917). Пг., 1916. Ч. 4. С. 631.
[6] РГВИА. Ф. 13898. Оп. 1. Д. 1. Л. 317.
[7] Янковский И. А., Баранов А. М., Коган-Белецкий Г. И., Мазурин Н. И. Военная метеорология. Ч. 1. Л.: ЛКВВИА им. А. В. Можайского, 1961. С. 11.
[8] Прямицын В. Н. Тимофеев П. А. История Главного гидрометеорологического центра Министерства обороны Российской Федерации. М.: ГГМЦ МО РФ, 2013. С. 92.
[9] Осипов Б. А. Главный гидрометеорологический центр Министерства обороны РФ. М.: ГГМЦ МО РФ, 2005. С. 6.
[10] Симаков Б. Л., Шипилов И. Ф. Воздушный флот страны советов. М.: Воениздат, 1958. С. 172, 214, 262.
[11] Бобыкин А. И., Каленов Е. Н. Практическое руководство по подъему метеорографа на самолете. М.: Отдел издательства Наркомвоенмора, 1933. 56 с.
[12] Шталь В. А. Развитие методов метеорологического обеспечения авиации в России в 1910–1940 гг. // Военная метеорология и ее роль в гидрометеорологическом обеспечении военных действий в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сборник статей. СПб.: Текст, 1995. С. 26.
[13] РГВА. Ф. 29. Оп. 70. Д. 2. Л. 5–8.
[14] Там же. Д. 13. Л. 24–26.
[15] РГВА. Ф. 29. Оп. 33. Д. 24. Л. 18, 22, 27, 29.
[16] Там же. Л. 96, 97.
[17] Там же. Д. 28. Л. 30, 44, 58.
[18] Там же. Л. 64, 64 об.
[19] Бобыкин А. И., Каленов Е. Н. Практическое руководство по подъему метеорографа на самолете. С. 15–23.
[20] ЦАМО РФ. Ф. 35. Оп. 11264. Д. 3. Л. 1–3.
[21] Там же. Л. 8, 9.
[22] Там же. Д. 61. Л. 5–9.
[23] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 294. Л. 126, 127.
[24] Федоров Е. К. Гидрометслужба СССР в Великой Отечественной войне // Метеорология и гидрология. 1975. № 5. С. 7.
[25] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 127. Д. 521. Л. 58, 75.
[26] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 345. Л. 217–219.
[27] ЦАМО РФ. Ф. 35. Оп. 11264. Д. 116. Л. 29.
[28] Там же. Оп. 11269. Д. 20. Л. 2.
[29] ЦАМО РФ. Ф. 50. Оп. 762081. Д. 2. Л. 153.
[30] ЦАМО РФ. Ф. 35. Оп. 11264. Д. 116. Л. 19, 23 об.

П. Ф. Гёзалов (Баку, Азербайджанская республика)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЗНАКОВ И СИМВОЛОВ ДЛЯ ВРАЖДЕБНОСТИ И ОБЪЕДИНЕНИЯ НАРОДОВ В ХОДЕ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ

СИМВОЛЫ И АТРИБУТЫ государственности меняются с течением времени в зависимости от путей исторического развития.

В «Обращении Президента Азербайджанской Республики Гейдара Алиева к азербайджанскому народу по поводу нового 2001-го года, нового века и третьего тысячелетия» отмечено, что атрибутами современной азербайджанской государственности являются парламент, правительство, армия, денежная единица, флаг, герб, гимн, конституция, что соответствует современному общемировому подходу к атрибутам государственности. Однако в период средневековья, в том числе позднего, атрибуты государственности были иными[1].

В XVIII – начале XIX в. в Азербайджане формой правления была монархия, ханства представляли собой монархические государства со всеми присущими им чертами. Принцип, высказанный французским королем Людовиком XIV: «Государство – это я», – можно применить и к ханствам Азербайджана. Азербайджанские ханы становились носителями верховной власти в силу самых различных обстоятельств: путем захвата власти в регионе и объявления себя правителем; из-за действия наследного династического права; в результате дворцовых переворотов; на основании завещания власти[2]. Независимо от формы прихода к власти она воспринималась как верховная, главная и определяющая, т. е. самодержавная. Как и в период средневековья, происходило слияние представлений о государстве, Родине и личности верховного правителя в единое целое. Фактически служение хану (правителю) означало служение государству – Родине[3].

Образ верховного правителя-хана олицетворялся через личность правителя и внешних символов его власти. Процесс становления и эволюционного развития символов власти начался еще до зарождения азербайджанской государственности. В период XVIII–XIX вв. атрибуты государственности состояли из символов государственности ханств и атрибутов власти самого правителя-хана: 1. трон; 2. корона; 3. скипетр; 4. печать и фирман(указ); 5. оружие (сабля); 6. монета; 7. флаг и штандарт, бунчук, шешпар (шестопер) и туг[4].

Как один из образцов атрибутов власти коронационной короны XVIII в. можно указать корону Надир шаха Афшара, ныне хранимую в Тегеране, в Музее драгоценностей Джавахират[5].

«Повседневную» корону ханов можно рассмотреть на изображении правителя на сцене битвы росписей дворца шекинских ханов. Это единственный сохранившийся летний дворец азербайджанских правителей XVIII–XIX вв. Изображенный на росписях головной убор хана круглый, пышный, напоминает конус с тремя вершинами. По матерчатой основе проходит двойная нить жемчуга, и в передней части обода закреплена пластина с перьями. Матерчатая основа была традиционной для корон многих правителей (например, короля Священной Римской империи, московских князей («Шапка Мономаха»). Пластина в передней части парадного головного убора в европейской традиции называется «*эгрет*», в восточной (в странах мусульманского мира) – «*джыгга*». Изображения джыгги часто встречаются на средневековых тебризских миниатюрах. В Оружейной Палате Государственного культурно-исторического музея-заповедника «Московский Кремль» и в Особой кладовой отдела Востока Государственного Эрмитажа хранятся несколько «джыгги» – подарок русским царям от Надир шаха Афшара[6].

Американский писатель Ральф Эмерсон писал: «Посмотрите на силу национальных символов. Какие-то звезды, лилии, леопарды, орлы и другие фигурки, которые означают Бог знает что, нарисованные на старой тряпке, прикрепленной к древку, на крепостной стене на самом краю обитаемой земли заставляют кипеть кровь у людей, совершенно друг от друга отличных»[7]. И это не случайно.

Значение символов, имея очень широкий спектр, обусловливается его большим влиянием на массу людей. Символы и знаки использовались с целью сплотить людей для достижения единой

Ил. 1. Использование и пропаганда нацистской символики на Украине

цели, вызвать восторг, уважение или, наоборот, вызвать чувства гнева, агрессии и вражды.

Так, с целью разжигания межнациональной вражды и агрессии националисты на Украине используют и широко пропагандируют нацистскую символику (ил. 1). На мой взгляд, пропаганда нацистских символов нацелена на возрождение звериной жестокости Третьего рейха действиями националистических отрядов Украины против мирного населения. Нацистские символы сопровождали и вдохновляли самые жестокие и нечеловеческие преступления гитлеровской Германии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Нюрнбергский процесс с 20 ноября 1945 по 1 октября 1946 г. судил военные преступления Третьего рейха, которые сопровождались теми же символами, которые пропагандируют украинские националисты.

18 февраля 2022 г. в моем докладе «Исламская и советская символика на революционных знаменах 1919–1922 гг.» на научной конференции «Геральдика: исследования и практика», приуроченной к 300-летию создания Герольдмейстерской конторы Петром Великим и 30-летию восстановления Геральдической службы Российской Федерации, рассматривались два революционных знамени с исламской и советской символикой, Их изображения опубликованы в книге Пьера Знаменского и Гуя Галлисе в Париже в 2010 г.[8]

Ил. 2. Знамя Первого Башкирского кавалерийского полка. 1919 г.

Первое представленное в докладе знамя (1919 г.) сшито из светло-зеленого бархата, размерами 64 × 61 см. На лицевой стороне сверху – красная пятиконечная звезда, а внизу – мусульманский полумесяц. Символическое значение данной композиции в том, что изображение звезды выше полумесяца означает, что советская власть выше религиозной принадлежности. В то же время наличие полумесяца на знамени указывает на то, что никаким образом не ставятся запреты и не ущемляется религиозная принадлежность народов. Выше звезды размещена цифра «1», текст и цифры изображены способом аппликации и вышиты из ткани желтого цвета. Ниже полумесяца имеется надпись «I Баш. Кав. П.» означающий «Первый Башкирский кавалерийский полк», которому было вручено это знамя. Этот полк – типичный пример тех разноплановых воинских формирований, которых было немало во время Гражданской войны. Он фактически предоставлял свои услуги тому, кто предлагал самую высокую

Ил. 3. Знамя Второй легкой батареи Галичины. 1922 г.

оплату и менял стороны как минимум четыре раза за годы революции: с белыми армиями в начале Гражданской войны, полк стал красным в 1919 г., а затем на короткое время снова стал белым в 1920 г., прежде чем закончить свою блестящую карьеру наемника с красными и исчезнуть в результате мира 1921 г. (ил. 2)

Второе знамя (1922 г.) представляет собой полотно размерами 81 × 112 см. Оно вышито из красного бархата, расшито серебром и цветными нитями, с аппликацией из цветных тканей, обшито серебряным шнуром. На лицевой стороне размещена символика артиллерии и кавалерии: две перекрещенные пушки и подкова, над подковой полосы, обозначающие лучи солнца – символ процветания и роста. По центру на фоне синего цвета – изображение ордена Красного Знамени, а ниже – римская цифра II темно-серого цвета. На полотне размещен текст: «АНК СССР 1921 / II. легкая батарея Галичины».На оборотной стороне текст: «От рабочих и крестьян Украины». На знамени также изображены пятиконечная звезда желтого цвета и советская символика (серп и молот).

Ил. 4. Знамя азербайджанских рабочих. 1919–1921 гг.

Это знамя на Украине во время Гражданской войны представляло вторую Галицкую батарею, которая поддерживала армию под командованием Антонова-Овсеенко на украинском фронте против нескольких противников: украинских националистов Петлюры, белой армии Деникина, а затем Врангеля (ил. 3).

В числе других знамен рассматриваемого периода следует отметить знамя азербайджанских рабочих периода революционного движения, освобождения от царизма (1919–1921 гг.). Это небольшое прямоугольное полотно 60 на 90 см. Оно отличается от большинства знамен воинских частей на фронтах Гражданской войны. Полотно сшито из нескольких частей темно-зеленой шелковой ткани, также имеется позолоченная окраска и золотая фигурная бахрома. На лицевой стороне – мусульманский полумесяц, цветы и вышивка, типичные для Азербайджана, а также пятиконечная красная звезда, серп и молот, позолоченная надпись на тюркском языке, но с использованием персидского алфавита, со словами: «Нашему освободителю со стороны Хасана

Бехна». Лозунг звучит как благодарность освободителям, как призыв к молитве Богу и как благодарность Красной Армии за освобождение от царизма[9] (ил. 4).

Еще одно знамя (1920–1922 гг.) представляет собой полотно размерами 72 на 117 см. Ткань – бархат зеленого цвета, вышитый цветными нитями, с аппликациями, бахромой и позолотой. На лицевой стороне – мотив азербайджанского (мусульманского) характера: красный пятилепестковый цветок с раскрывающими лепестками, с окантовкой голубого цвета,. Между лепестками вышиты символические колосья. По центру цветка вышиты круг, в нем винтовка, сабля, топор и молот, также текст на тюркском-азери и русском языках, транскрибируемый на персидском, следующего содержания: «ЧОНУ от азербайджанских рабочих». На обратной стороне изображен мусульманский полумесяц и восходящее солнце, серп и молот, текст на русском языке, вышитый фиолетовой нитью: «Бойцам частей особого назначения» (ил. 5).

Части особого назначения (ЧОН) были созданы по решению ЦК большевистской Коммунистической партии 17 апреля 1919 г. и были предназначены для борьбы с внутренней контрреволюцией и стабилизации обстановки в областях, охваченных народными волнениями.

Рассмотрим некоторые события периода Гражданской войны. В марте 1918 г. Бакинский Совет под руководством Степана Шаумяна, при непосредственной инициативе и поддержке вооруженных отрядов армянской партии «Дашнакцутюн» и отдельных армянских вооруженных формирований, утвердил свою власть в Баку, совершив геноцид по отношении местного мусульманского населения. После чего был сформирован Совет народных комиссаров, получивший известность в советской историографии как «26 бакинских комиссаров». Бакинская нефть во все времена имела огромное значение, поэтому перед С. Шаумяном ставилась задача обеспечить ее постоянную поставку. При этом российские большевики были готовы поделиться нефтью с Германией, что вызывало недовольство Великобритании – противника Германии в Первой мировой войне[10]. Азербайджанские национальные лидеры, изначально выступавшие за автономию в составе России, после мартовских событий, где безжалостно были вырезаны безоружные люди, стали требовать только независимости и связывали свои надежды с Османской империей[11] (ил. 6).

Ил. 5. Знамя, дарованное азербайджанскими трудящимися Частям особого назначения. 1920–1922 гг.

Перспективы турецкой экспансии в регионе вызывали реальное беспокойство в Великобритании. Данная ситуация рассматривалась как потенциальная угроза своим колониальным территориям в Британской Индии. Согласно секретной англо-французской конвенции, заключенной 23 декабря 1917 г. в Париже, Россия была поделена на «зоны действий», при этом английскую составили Кавказ и Туркестан, т. е. практически большая часть Каспийского региона. Особое внимание правительство Великобритании уделяло Баку и Каспию как имеющим «большое военное, политическое и экономическое значение. Поэтому в 1918 г. в Баку был отправлен Британский экспедиционный корпус (ил. 7).

Ил. 6. Азербайджанские воинские формирования и местное население Баку. 1918 г.

21 декабря 1917 г. исполком Бакинского совета принял решение о создании Красной гвардии. Первые ее отряды были созданы в так называемом «Чёрном городе» и Балаханах[12]. В феврале 1918 г. в отрядах Красной гвардии в Баку насчитывалось уже 3500 человек[13]. По данным Народного комиссара по военным и морским делам Бакинской коммуны Григория Корганова, вооруженные силы Бакинской коммуны к 22 мая 1918 г. состояли из 19 стрелковых батальонов общей численностью до 18 тысяч человек и одной кавалерийской сотни. На вооружении имелось три горные пушки и четыре мортиры[14]. По данным английского генерала Денстервиля, численность войск Красной армии составляла около 10 тыс. человек[15].

Большая часть войск Бакинской коммуны впоследствии перешла под начало Диктатуры Центрокаспия.

Первые попытки создания национальных мусульманских вооруженных формирований были предприняты еще в конце 1917 г. Закавказский комиссариат поддержал это предложение и 18 декабря 1917 г. (по другим сведениям, 11 декабря)[16] издал постановление о создании новой армии, включавшей

Ил. 7. Армия Великобритании в Баку. 1918 г.

в себя и Мусульманский корпус. Его формирование было начато на следующий день согласно приказу № 155 главнокомандующего войсками Кавказского фронта генерала от инфантерии М. А. Пржевальского. Реализация этого решения, выразившаяся в разоружении старого состава 219-го пехотного полка, привела к первым эксцессам: армяне, которых в этом полку насчитывалось около 2 тыс. человек, не хотели расставаться с оружием и уж тем более отдавать его мусульманам. Для разоружения специально проводилась ночная операция. В ее ходе несколько рот было обезоружено, тогда как остальные ушли и скрылись. Впоследствии искусственно создавалась дополнительная паника среди мирного христианского населения. В свою очередь мусульмане, наоборот, устремились в город, что привело к многочисленным кровавым столкновениям между ними и армянами. Только к 22 декабря в городе был установлен относительный порядок[17].

Корпус должен был формироваться на добровольных началах. Командиром Мусульманского корпуса был назначен генерал-лейтенант Али-Ага Шихлинский. Штаб располагался в Тифлисе[18]. Формирование корпуса предполагалось проводить на всей территории Закавказья, в том числе и в Баку. 24 февраля 1918 г. в Баку из Тифлиса с целью формирования первого стрелкового полка прибыл штаб 1-й мусульманской пехотной дивизии во главе с генералом Талышинским[19].

Мусульманский корпус был сформирован к концу апреля 1918 г., при этом полностью были сформированы только штаб

корпуса и штабы двух пехотных дивизий. Начальником штаба корпуса стал генерал-майор Евгений Меньчуков, командиром первой пехотной дивизии – генерал-майор Талышинский, второй пехотной дивизии – генерал-майор Ибрагим-ага Усубов.

3 марта 1918 г. Советская Россия подписала Брестский мир, по которому, в частности, российские войска выводились не только из завоеванных ими в ходе Первой мировой войны восточных вилайетов Турции, но и из Карсской и Батумской областей, отошедших России в результате Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В апреле части VI турецкого армейского корпуса (командующий Якуб Шевки-паша) перешли русско-турецкую границу 1914 г.[20]. Далее на приморском направлении турецкие войска подошли к Батуму[21].

Руководство операцией по освобождению Баку было возложено турецким командованием на Нури-пашу, который 4 мая прибыл в Тебриз, а оттуда с группой офицеров в турецкие части, действовавшие в направлении Улуханлы – Казах. С правого фланга, со стороны Джульфы и Тебриза, Кавказскую исламскую армию должны были поддерживать части I армейского корпуса (командующий Кязым Карабекир)[22].

25 мая 1918 г. передовые части 5-й Кавказской дивизии вступили в Елизаветполь (Гянджу). В тот же день из Евлаха туда прибыл Нури-паша с группой офицеров (будущим штабом) и приступил к формированию Кавказской исламской армии[23].

28 мая 1918 г. в Тифлисе была провозглашена Азербайджанская Демократическая Республика (АДР). Национальный Совет и кабинет министров АДР вскоре переехали в Елизаветполь, и городу было возвращено историческое название Гянджа, до установления контроля над Баку город был объявлен временной столицей. Азербайджанская Демократическая Республика является первым светским демократическим государством исламского мира, а также первым мусульманским государством, где женщины имели избирательные права. Делегация АДР 4 июня в Батуме подписала договор о дружбе и сотрудничестве с Османской империей, согласно которому Османская империя обязывалась «оказывать помощь вооруженной силой правительству Азербайджанской Республики, если таковая потребуется для обеспечения порядка и безопасности в стране». Турецкое командование заявило, что «сотни тысяч тюрков и мусульман терпят в Баку и окрестностях кровавое

Ил. 8. Парад армии Азербайджанской Демократической Республики в Баку. 1918–1919 гг.

ярмо безжалостных бандитов – армянских отрядов, так называемых революционеров»[24].

Азербайджанская Демократическая Республика была провозглашена временным национальным советом мусульман Закавказья (Национальный Азербайджанский совет) в пределах преимущественно населенных мусульманами территорий бывшего Кавказского наместничества Бакинской, Елизаветпольской губерний, а также Закатальского округа[25]. В период с мая по октябрь 1918 г. на большей части территории АДР находились турецкие войска, с ноября 1918 по август 1919 г. в Баку и восточной части страны – британские войска.

Вооруженные силы АДР в конце мая 1918 г. состояли из двух конных полков неполного состава, двух стрелковых рот (600 штыков), частично из бывших турецких военнопленных и 250 офицеров, предназначавшихся в качестве командного состава для будущих азербайджанских формирований. Кроме того, имелось шесть горных 76-мм орудий и одна четырехорудийная полевая батарея. По свидетельству турецкого генерала Нури-паши, численность вооруженных сил АДР была крайне невелика, причем офицеров было больше, чем рядовых[26] (ил. 8).

Численность Кавказской исламской армии составляла от 16 до 18 тыс., из которых турецкие военнослужащие составляли лишь треть, а остальные были в основном азербайджанскими ополченцами[27]. Кроме того, в рядах Кавказской исламской армии было много русских офицеров, которые присоединились к ней в целях борьбы с большевиками и недопущения занятия Баку германскими войсками[28].

6 июня 1918 г. народный комиссар по военным и морским делам Бакинского СНК Григорий Корганов отдал войскам Бакинской коммуны приказ о наступлении на Елизаветполь (Гянджу)[29]. Части Кавказской Красной армии (общей численностью до 13 тыс. чел.) 10 июня 1918 г. выступили из района Аджикабула по направлению к Елизаветполю, продвигаясь вдоль Закавказской железной дороги. 12 июня они с боем взяли станцию и село Кюрдамир, через неделю достигли селения Карамарьям. Бакинский Совнарком отправил телеграмму председателю СНК РСФСР В. И. Ленину: «Настроение в наших войсках бодрое, порядок образцовый, наши армия и флот будут героически отстаивать Советскую власть»[30].

Большая часть солдат и практически все командиры были армянами, поддерживавшими партию Дашнакцутюн или являвшимися ее членами (дашнакцаканами). Одним из командиров Красной Армии был дашнак Амазасп, который принимал участие в партизанской войне против турок и для которого мусульманин был врагом уже только потому, что он мусульманин[31]. По признанию одного из армянских большевиков, своими реквизициями, презрительным обращением и беспричинными расстрелами, мотивировавшимися только национальной ненавистью к мусульманам, армянские командиры Красной Армии создавали негативное отношение к Советской власти, поэтому в этих условиях предпринятое наступление на Гянджу было ошибкой[32].

Правительство АДР 16 июня переехало из Тифлиса в Гянджу, а спустя три дня постановлением правительства на территории Азербайджана было введено военное положение[33].

Национальный совет Азербайджана обратился за военной помощью к Турции, которая задействовала в этих целях Кавказскую исламскую армию под командованием Нури-паши, в состав которой вместе с прибывшими 5-й Кавказской и 15-й Чанахгалинской турецкими дивизиями вошел Мусульманский корпус, сформированный правительством АДР[34].

После трехдневных боев (16–18 июня 1918 г.) у Карамарьяма части Кавказской исламской армии были вынуждены отступить к Геокчаю, потеряв до 1 тыс. человек убитыми и ранеными. К концу месяца турецкое командование перебросило к Гяндже дополнительно до 15 тыс. аскеров (солдат).

21 июня 1918 г. правительством в Гяндже было принято постановление о первом флаге Азербайджанской Демократической Республики[35]: «Признать флагом Азербайджана флаг, изготовленный из красной материи с изображением белого полумесяца и белой восьмигранной звезды на красном фоне»[36].

26 июня постановлением Совета Министров Азербайджанской Республики Мусульманский корпус был переименован в Отдельный Азербайджанский корпус[37].

В июле бои шли на трех направлениях: Шемахинском, Сельдиском и центральном – Кюрдамирском. На левом и правом флангах фронта наступали в основном турецкие части, а в центре к ним была добавлена пятитысячная группировка местных мусульманских войск под командованием полковника Г. Салимова, будущего заместителя начальника Генерального штаба Азербайджана. Измотанные боями красноармейцы не могли долго обороняться и начали отступать по всему фронту вслед за побежавшими дашнакскими отрядами. Линия фронта стала быстро приближаться к Баку[38]. Правительство Советской России пыталось убедить Германию остановить наступление турецких войск. Сталин исполнил указание Ленина, отметив в письме Шаумяну 8 июля, что «немцы, соглашаясь оставить за нами Баку, просят уделить некоторое количество нефти за эквивалент. Мы эту „просьбу“, конечно, можем удовлетворить»[39].

Договоренности между большевиками и германским правительством были юридически оформлены. 27 августа 1918 г. между РСФСР и Германией был подписан добавочный договор к Брест-Литовскому мирному соглашению, статья 14[40].

9 ноября 1918 г. на основе доклада председателя правительства Фатали хана Хойского было принято решение: «Национальным флагом признать флаг, состоящий из зеленого, красного и голубого цветов с белым полумесяцем и восьмигранной звездой»[41]. В своем выступлении Ф. Хойский сказал, что полумесяц символизует ислам, восьмиконечная звезда указывает на восемь букв названия «Азербайджан» (в арабском алфавите)[42] (ил. 9).

Ил. 9. Государственный флаг Азербайджанской Республики

На первом заседании парламента Азербайджанской Демократической Республики 7 декабря 1918 г. трехцветный флаг Азербайджана был утвержден и поднят над зданием парламента (ил. 10). В своей речи на заседании парламента Мамед Эмин Расулзаде отмечал: «...это трехцветное знамя, символизирующее независимый Азербайджан, поднятое Национальным советом и означающее тюркскую свободу, исламскую культуру и современность, будет всегда развеваться над нами...»[43].

10 декабря 1918 г. в газете «Азербайджан» была опубликована статья М. Расулзаде, в которой говорилось, что три цвета на флаге «являются символами тюркской национальной культуры, современной европейской демократии и исламской цивилизации»[44]. Автор мелодии государственного гимна Азербайджана Узеир Гаджибеков писал: «Азербайджанская Республика возникла на здоровой национальной основе и тюркском сознании... В то же

Ил. 10. Заседание парламента Азербайджанской Демократической Республики 7декабря 1918 г.

время Азербайджан стремился создать новое общество, действовать европейским мышлением. Три цвета нашего флага и символизируют эти элементы»[45].

Правительство Азербайджанской Демократической Республики 30 января 1920 г. приняло постановление об объявлении конкурса на представление проектов национального гимна, государственного герба и печати, с премией «в 50 тыс. р. первому и 25 тыс. р. вторым»[46]. Однако, в результате падения 28 апреля 1920 г. Азербайджанской Демократической Республики герб не был утвержден. По этой же причине не был принят и национальный гимн Азербайджана. Существует, однако, мнение, что неофициальным гимном АДР был «Марш Азербайджана», написанный Узеиром Гаджибековым на слова Ахмеда Джавада (ныне – государственный гимн Азербайджана). Отмечалось, что в годы АДР марш исполняли в военных школах перед началом занятий[47].

События апреля 1920 г. – наступательная военная операция частей XI Красной армии и Волжско-Каспийской военной флотилии, проведенная в тесной координации с азербайджанскими большевиками с целью свержения азербайджанского правительства и установления Советской власти в стране, – также именовались как Апрельская революция[48] или как оккупация Азербайджана[49]. План Бакинской операции был совместно разработан руководителями Азербайджанской коммунистической партии (АКП), командующим Кавказским фронтом М. Н. Тухачевским и членом Реввоенсовета Г. К. Орджоникидзе[50]. Ей предшествовала сложная внутриполитическая обстановка в Азербайджане, который переживал в течение 1919–1920 гг. глубокий политический и социально-экономический кризис. Одновременно в подполье, начиная с момента падения в 1918 г. Советской власти, активную деятельность проявляли партии и организации социалистической ориентации. Для достижения своих политических целей они в феврале 1920 г. объединились в АКП. Части XI Красной армии тем временем приближались к границе с Азербайджаном[51].

17 марта В. И. Ленин телеграфировал Реввоенсовету Кавказского фронта: «Взять Баку нам крайне, крайне необходимо. Все усилия направьте на это, причем обязательно в заявлениях быть сугубо дипломатичными и удостовериться максимально в подготовке твердой местной Советской власти. То же относится и к Грузии, хотя к ней относиться советую еще более осторожно».

К апрелю 1920 г. части XI Красной армии, разгромив Добровольческую армию на Северном Кавказе, подошли к границе с Азербайджаном. Министр иностранных дел Азербайджана Фатали Хан Хойский 15 апреля направил ноту наркому иностранных дел РСФСР Г. В. Чичерину, в которой, в частности, говорилось о беспокойстве Правительства Азербайджанской Республики в связи с концентрацией войск российского советского правительства в пределах Дагестана у границ Азербайджанской Республики, и просил уведомить о причинах. Большевики Азербайджана вели на тот момент подготовку к вооруженному восстанию, которое началось в ночь с 26 на 27 апреля. Параллельно с восстанием в Баку, группа советских бронепоездов пересекла границу с Азербайджаном и совершила успешный рейд глубоко в тыл противника[52].

Установив контроль над важнейшими объектами столицы, большевики предъявили правительству и парламенту Азербайджана ультиматум о сдаче власти. На чрезвычайном заседании парламент проголосовал за передачу власти Азербайджанской коммунистической партии. Главным результатом этих событий стало установление в Азербайджане Советской власти (во главе с Коммунистической партией) и провозглашение независимой Азербайджанской Советской Социалистической Республики. Азербайджан частично сохранил свою независимость, но с образованием в 1922 г. СССР утратил ее полностью.

В 1922 г. Мамед Эмин Расулзаде эмигрировал из РСФСР, выехав через Финляндию в Турцию, где вместе с супругой изготовил флаг АДР, который впоследствии был передан на хранение в Музей истории Азербайджана[53].

17 ноября 1990 г. трехцветный флаг АДР на заседании Верховного Меджлиса Нахичеванской Автономной Республики под председательством Гейдара Алиева второй раз был утвержден и принят государственным флагом Нахичеванской Автономной Республики (ил. 11). Тем самым после распада СССР в очень сложный период в жизни Азербайджана и во всех союзных республиках Гейдар Алиев посеял ценное зерно патриотизма и доверия государству с надеждой на светлое будущее в Азербайджане[54]. По личной инициативе Гейдара Алиева 5 февраля 1991 г. тот же трехцветный флаг был утвержден государственным флагом Азербайджанской Республики.

Ил. 11. Заседание Верховного Меджлиса Нахичеванской Автономной Республики под председательством Гейдара Алиева. 17 ноября 1990 г.

[1] Гёзалов П. Ф. Три флага, принадлежавших Нахичеванскому ханству. Баку: НПО «ГАСР», 2022.
[2] Kazemzadeh, F. The Struggle For Transcaucasia: 1917–921, The New York Philosophical Library, 1951.
[3] Гёзалов П. Ф. Три флага, принадлежавших Нахичеванскому ханству.
[4] Гёзалов П. Ф. Нахичеванские знамена. Баку: НПО «ГАСР», 2015.
[5] Гёзалов П. Ф. Три флага, принадлежавших Нахичеванскому ханству.
[6] Там же.
[7] Соколов В. А. Международные конгерссы по вексиллологии // Гербовед. 2006. № 5 (91). С. 15–21.
[8] Pierre Znamensky, Guy Gallice. Publisherb/Rouergue, Paris, 2010.
[9] Там же.
[10] Tadeusz Swietochowski. Russian Azerbaijan, 1905–1920: The Shaping of a National Identity in a Muslim Community. Cambridge University Press, 2004. C. 119.
[11] Протоколы заседаний мусульманских фракций Закавказского Сейма и Азербайджанского Национального Совета 1918 г. Баку, 2006, С. 123–125.
[12] Гражданская война и военная интервенция в СССР. М., 1983. С. 38.
[13] Там же.
[14] Кадишев А. Б. Интервенция и гражданская война в Закавказье. М., 1960. С. 2.
[15] Лудшувейт Е. Ф. Турция в годы первой мировой войны 1914–1918 гг. Военно-политический очерк. М., 1966. С. 208–209.
[16] Lisa Smedman. Dunsterforce. Vancouver Courier newspaper.

[17] Мехман Сулейманов. Кавказская исламская армия и Азербайджан. Баку, 1999. С. 36.
[18] Волхонский М., Муханов В. По следам Азербайджанской Демократической Республики. М.: Европа, 2007. С. 62.
[19] Мехман Сулейманов. 1) Армия Азербайджана (1918–1920). Баку, 1998. С. 50; 2) Кавказская исламская армия и Азербайджан. С. 329; А. Стеклов. Армия мусаватского Азербайджана. Баку, 1928. С. 4.
[20] Tadeusz Swietochowski. Russian Azerbaijan. P. 13.
[21] L. C. Dunsterville. The Adventures of Dunsterforce. London, Edward Arnold, 1920. P. 167–168.
[22] Волхонский М., Муханов В. По следам Азербайджанской Демократической Республики. С. 73.
[23] Лудшувейт Е. Ф. Турция в годы первой мировой войны. С. 174.
[24] Кадишев А. Б. Интервенция и гражданская война в Закавказье. С. 48.
[25] *«Собрание всех бывших членов Закавказского сейма – мусульман... единогласно решило взять на себя правление Восточным Закавказьем, провозгласив себя Временным Национальным Советом мусульман Закавказья»*. Протоколы заседаний мусульманских фракций Закавказского сейма и Азербайджанского национального совета 1918 г. С. 118.
[26] Собрание узаконений и распоряжений правительства Азербайджанской Республики. Баку, 1919. Вып. 1. С. 23.
[27] Мехман Сулейманов. Армия Азербайджана. С. 30.
[28] Лудшувейт Е. Ф. Турция в годы первой мировой войны; Мехман Сулейманов. Кавказская исламская армия и Азербайджан. С. 108.
[29] Лудшувейт Е. Ф. Турция в годы первой мировой войны. С. 209–221.
[30] Мехман Сулейманов. Кавказская исламская армия и Азербайджан. С. 106.
[31] Азербайджанская Демократическая Республика (1918–1920). Внешняя политика. (Документы и материалы). Баку, 1998. С. 16.
[32] Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии. Тифлис, 1919. С. 309.
[33] Firuz Kazemzadeh. Struggle For Transcaucasia (1917–1921). New York Philosophical Library, 1951.
[34] Кадишев А. Б. Интервенция и гражданская война в Закавказье. С. 95.
[35] Tadeusz Swietochowski. Russia and Azerbaijan: A Borderland in Transition. New York: Columbia University Press, 1995. P. 129.
[36] Д. В. Заяц. Изменение административно-территориального деления союзных республик // http://geo.1september.ru/2001/28/3.htm.
[37] Мехман Сулейманов. Армия Азербайджана. С. 53–55; Али Ага Шихлинский. Мои воспоминания. Баку, 1944. С. 187.
[38] Азербайджанская Демократическая Республика. С. 16.
[39] Мустафа-заде Рахман С. Две республики: Азербайджано-российские отношения в 1918–1922 гг. М.: МИК, 2006. С. 36; Волхонский М., Муханов В. По следам Азербайджанской Демократической Республики. С. 87, 88.
[40] Документы по истории гражданской войны в СССР. М., 1941. Т. 1. С. 290.
[41] Моника Булай. Пальмы на проспекте нефтяников // Новая Польша. 2004. № 6. С. 47.
[42] Энциклопедия Азербайджанской Демократической Республики = Azərbaycan Xalq Cümhuriyyəti Ensiklopediyası. Баку, 2004. Т. 1. С. 159.

[43] Похлебкин В. В. Международная символика и эмблематика. М.: Международные отношения, 1989. С. 236.
[44] Кадишев А. Б. Интервенция и гражданская война в Закавказье. С. 2.
[45] Флаги Азербайджана в 1918–1920 годах // http://www.vexillographia.ru/azerbaij/az1918.htm.
[46] The Diaries of General Lionel Dunsterville 1911–1922.
[47] Tadeusz Swietochowski. Russian Azerbaijan. C. 119.
[48] Пипия Г. В. Германский империализм в Закавказье в 1910–1918 гг. М.: Наука, 1978. С. 130.
[49] Русско-германский добавочный договор к Мирному договору между Россией, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией, с другой, 27 августа 1918 г. Док. 319, с. 442–443 // Документы внешней политики СССР. Т. 1. М.: Госполитздат, 1959.
[50] Кадишев А. Б. Интервенция и гражданская война в Закавказье. С. 118.
[51] Там же. С. 120–121.
[52] Percy Sykes. The British Flag on the Caspian: A Side-Show of the Great War. Foreign Affairs, Vol. 2, No. 2 (Dec. 15, 1923), p. 282–294.
[53] Азербайджанская Демократическая Республика (1918–1920). Законодательные акты. (Сборник документов). Баку, 1998. С. 399–400.
[54] Missen Leslie. Dunsterforce. Marshall Cavendish Illustrated Encyclopedia of World War I. Marshall Cavendish Corporation, 1984. P. 2766–2772.

В. В. Горбунов (Барнаул)

ДОСПЕХИ КОЧЕВНИКОВ ХУННУ*

ХУННУ – КОЧЕВОЙ ЭТНОС, появившийся на исторической сцене в конце IV в. до н. э. и окончательно сошедший с нее в V в. н. э. В 209 г. до н. э. они создали мощную державу, впервые объединившую под своей властью кочевые племена Центральной Азии. Во многом этому способствовали эффективные военные реформы главы хуннского племенного союза шаньюя Модэ, позволившие одержать победы над племенами юэчжей и дунху и к 201 г. до н. э. покорить северные и южные районы центральноазиатского региона. В 200 г. до н. э. хунну начали войну с китайской империей Хань и в результате одержанной победы навязали ей договор «мира и родства», являвшийся замаскированной формой даннических отношений. Между 177–165 гг. до н. э. хунну изгнали больших юэчжей из Восточного Туркестана и завоевали западные районы Центральной Азии. Это было время наибольшего военного могущества державы Хунну[1].

Начиная с последней трети II в. до н. э. империя Хань отказалась от выплаты «подарков» и развязала целую серию войн с хунну (133–90 гг. до н. э.), которые были вынуждены временно оставить южные районы Центральной Азии, но смогли уничтожить несколько вражеских армий, и наступление Китая захлебнулось. Большую часть I в. до н. э. державу Хунну сотрясали восстания покоренных племен и междоусобная борьба правящей элиты. Попытка хунну в 46–36 гг. до н. э. закрепиться в Средней Азии

* Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ (проект № 22-18-00470 «Мир древних кочевников Внутренней Азии: междисциплинарные исследования материальной культуры, изваяний и хозяйства»).

провалилась из-за противодействия империи Хань. Однако на рубеже эр неурядицы в самом Китае позволили хунну восстановить свои силы. Лишь новый виток борьбы внутри элиты привел в 48 г. н. э. к распаду державы Хунну на северную и южную части. Южные хунну признали власть Китая, а северные остались его непримиримыми врагами. В конце I в. н. э. против северных хунну выступила целая коалиция противников: сяньби, динлины, южные хунну и китайцы. После серии поражений (85–93) часть северных хунну вошла в состав сяньби, часть переселилась в Среднюю Азию и вскоре создала там княжество Юэбань (156–488), а часть ушла на запад, где позднее составила ядро гуннского объединения. Южные хунну сохраняли статус державы союзной империи Хань до 215 г. В период Великого переселения народов они основали в Северном Китае несколько кратковременных династий: Раннее Чжао (304–329), Северное Лян (401–439), Ся (407–431), пока окончательно не растворились среди других кочевников[2].

На протяжении 300 лет (209 г. до н. э. – 93 г. н. э.) хунну являлись ведущей военно-политической силой и играли одну из главных ролей в международных отношениях на востоке Азии. Они усовершенствовали вооружение, разработав новую модификацию сложносоставного лука и стрелы к нему, более широко стали использовать железо при изготовлении поражающих частей оружия и деталей доспехов, применяли седла с твердыми (деревянными) луками, повышающие устойчивость всадника при владении оружием верхом. Также они создали сложную, многоуровневую организацию войск, чем существенно повысили эффективность кочевнической тактики боя. Остальные номады и разные оседлые народы заимствовали многие достижения хунну в военной области.

Источниками по военному делу хунну служат находки предметов вооружения из погребальных и поселенческих памятников, изображения воинов на вещах из металла и ткани, в живописи и скульптуре. Эти сведения дополняют китайские летописи. Например, историк Сыма Цянь об экипировке и подготовке хуннских воинов писал: «все возмужавшие, которые в состоянии натянуть лук, становятся конными латниками», «каждый обучается военному делу для совершения нападений», «Из оружия дальнего действия имеют луки и стрелы, из оружия, применяемого в ближнем бою, – мечи и короткие копья»[3].

Вооружение хунну уже анализировалось в специальных работах. Однако основное внимание при этом уделялось стрелковому оружию, более массово представленному в археологических памятниках[4], а древковое и клинковое оружие рассматривались в меньшей степени, из-за редкости находок[5]. Похожая ситуация сложилась и с защитными средствами. Их анализ проводился либо в общем контексте развития доспеха у центральноазиатских кочевников, либо в сравнительном плане с теми же номадами, но оставившими памятники с более представительными находками[6]. В настоящее время, с учетом новых археологических открытий, имеется возможность рассмотреть хуннский доспех как самостоятельное явление. Это и составляет цель нашей публикации.

Памятником хунну, давшим наибольшее число находок оборонительного вооружения, является Иволгинское городище в Южном Забайкалье (II в. до н. э. – I в. н. э.). При его раскопках в шести жилищах и семи ямах было найдено 20 защитных пластин[7]. Самый информативный материал из крупных фрагментов доспеха, включающий около 120 пластин, обнаружен в жилище № 49[8]. Эти находки привлекались оружиеведами лишь в ограниченной степени[9] и сохранили большие познавательные возможности.

Несколько пластин, которые можно отнести к защитным элементам, зафиксировано в двух погребениях Дырестуйского могильника из Южного Забайкалья (вторая половина I в. до н. э.)[10]. Еще в четырех памятниках хунну: Черемуховая Падь из Забайкалья, Туулын-Хайрхан, Гол Мод-1 и Огумор из Монголии упоминаются железные пластины и их скопления, в которых предполагаются фрагменты доспехов[11].

Наконец, полный панцирь, но разломанный на несколько частей (более 350 пластин) был найден в погребении знатного хунну на могильнике Гол Мод-2 в Центральной Монголии (186 г. до н. э. – 3 г. н. э.)[12].

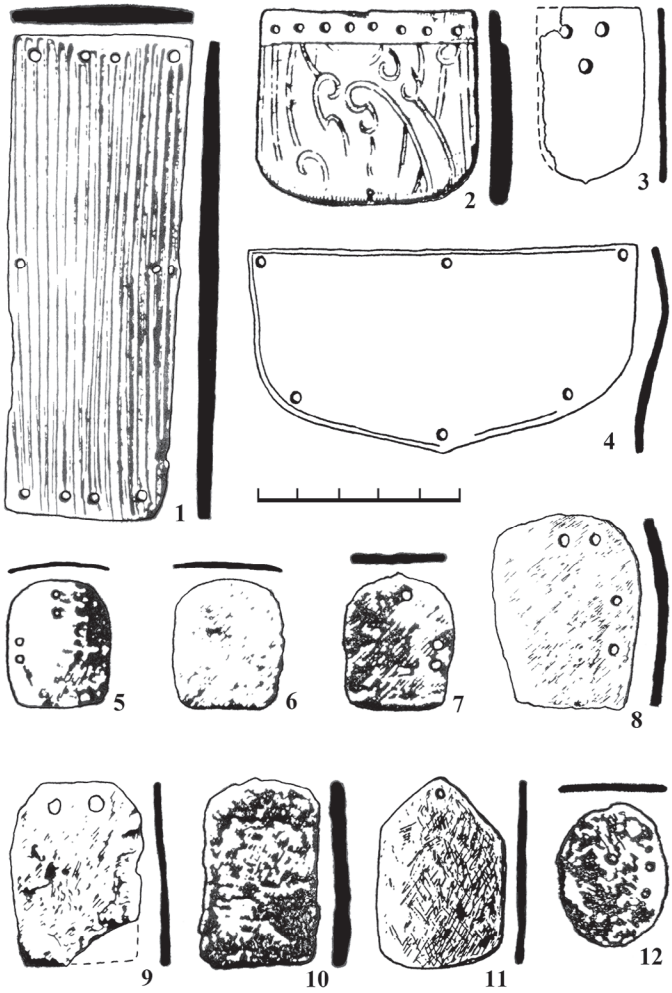
Перечисленные вещественные находки оборонительного вооружения позволяют составить представление об основных видах хуннского доспеха для воинов, прежде всего о панцирях и в меньшей степени о шлемах. При этом самостоятельное значение имеет анализ защитных пластин.

У хунну какое-то время сохранялась традиция изготовления пластин из рога. Об этом свидетельствуют находки, сделанные на Иволгинском городище и Дырестуйском могильнике. Среди них

есть изделия ламеллярной структуры бронирования, которые набирались в полосы и между полос через отверстия при помощи ремешков или шнуров. Такая пластина имеет крупные пропорции (12 × 4,3 см) и длинной стороной направлена по вертикали. Она снабжена системой из боковых, верхних и нижних отверстий. Боковые отверстия (горизонтальная пара у одного края и одиночное у другого) служили для соединения пластин в полосу, а верхние и нижние (по четыре в ряд вдоль каждого края) – для жесткого соединения смежных полос. Абрис пластины прямоугольный с орнаментом на лицевой поверхности (ил. 1, *1*).

Разнообразнее роговые пластины чешуйчатой структуры бронирования, нашивавшиеся на мягкую основу и образующие горизонтальные ряды, перекрывающие друг друга сверху вниз. Эти изделия представлены как мелкими экземплярами (4,4 × 2,6 см), направленными длинной стороной по вертикали, так и более крупными (5,5–9,7 × 4,8–5,1 см), направленными длинной стороной по горизонтали. Они снабжены системой из верхних и нижних отверстий или только из верхних. При первом варианте вверху образуется ряд из восьми или трех отверстий, служивших для пришивания к подкладке, а внизу может быть одно отверстие по центру для дополнительного соединения верхней (перекрывающей) и нижней пластины в смежных рядах (ил. 1, *2*) или три вдоль края для подшивания к подкладке крайнего ряда пластин (ил. 1, *3*). Во втором случае присутствует три отверстия вверху, образующих треугольник, служивших только для пришивания к подкладке (ил. 1, *4*). Форма этих пластин овально-прямоугольная, где верхний край прямой, боковые края параллельны, нижний край закруглен (ил. 1, *2*), и фигурно-скобчатая, где верх прямой, а бока и низ создают фигурный абрис с характерным острым выступом по центру (ил. 1, *3, 4*). Одна пластина также имеет орнамент по лицевой поверхности (ил. 1, *2*).

Абсолютно преобладают в памятниках хунну железные пластины ламеллярной структуры бронирования с вертикально направленной длинной стороной. Среди них самыми многочисленными являются мелкие изделия (3–4,8 × 2,2–3,7 см), снабженные системой из боковых и срединных верхних отверстий. Число и взаиморасположение отверстий достаточно стандартно – это две вертикальных пары боковых (по одной у каждого края) и одна пара посередине верхнего края для подвижного соединения смежных полос. Встречаются варианты с расположением верхней

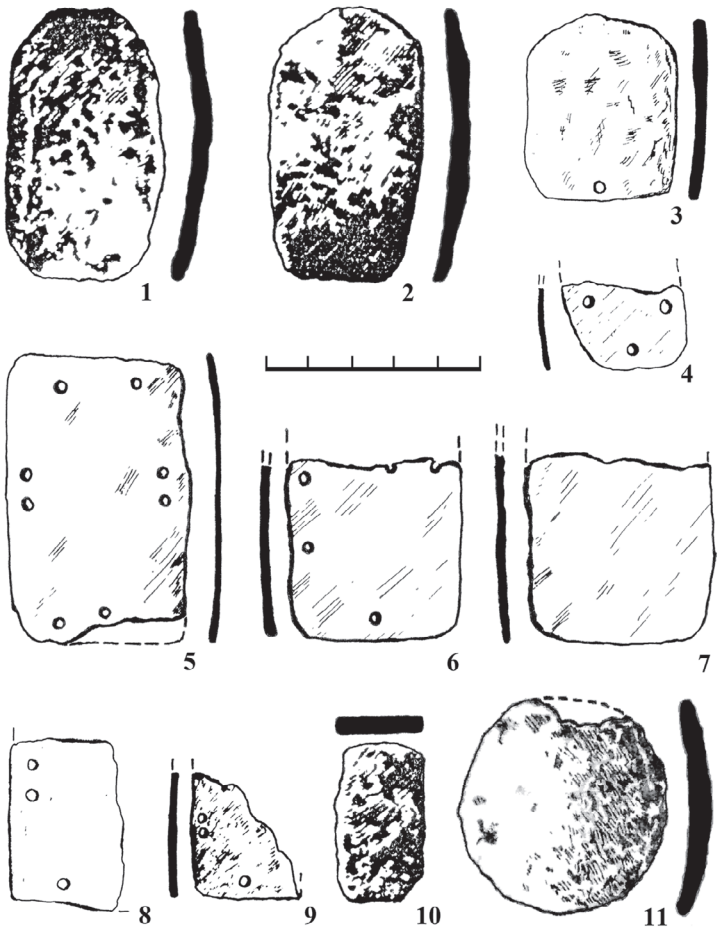


Ил. 1. Защитные пластины из памятников хунну:
1, 2, 5–10, 12 – Иволгинское городище (Давыдова, 1995);
3, 4, 11 – Дырестуйский могильник (Миняев, 2007);
1–4 – рог, *5–12* – железо

пары вертикально (ил. 1, *5*; 4, *1, 3*) или горизонтально (ил. 1, *8, 9*). Такие пластины чаще всего имеют овально-прямоугольную форму, где нижний край прямой, боковые стороны параллельны, а верх закруглен (ил. 1, *5, 6, 8–10*; 3, *9*; 4, *1–3*). Редко встречается фигурно-скобчатая форма, вероятно, восходящая к роговому чешуйчатому прототипу, отличающаяся фигурным оформлением не нижнего, а верхнего края (ил. 1, *7*). Также редки пластины пятиугольной (ил. 1, *11*) и овальной (ил. 1, *12*) формы.

Еще одной разновидностью пластин этой группы являются изделия овально-прямоугольной формы, размерами 4,4–6,4 × 2,3–3,7 см, с отверстиями, расположенными по всему периметру. У них есть боковые отверстия из двух или четырех вертикальных пар (равномерно у каждого края), верхние отверстия из одной срединной горизонтальной пары, одно или два нижних отверстия, предназначенных для жесткого соединения между полос, но чаще для крепления окантовки (ил. 2, *1–4*; 3, *3–8*). Такую же систему отверстий имеют пластины прямоугольной формы, размерами 3,7–6,7 × 2,1–4,4 см (ил. 2, *5–10*). Только среди изделий прямоугольного абриса встречаются наиболее крупные экземпляры, размерами 7,8–8,9 × 2,5–6,5 см (ил. 3, *1, 2*).

Появление у хунну прямоугольных ламеллярных пластин из рога связано с древней восточноазиатской традицией. Такие пластины, например, известны на территория Китая с середины III тыс. до н. э.[13]. У кочевников Центральной Азии они применялись в VIII–III вв. до н. э.[14], и хунну явно унаследовали эту традицию. Присутствие в памятниках хунну овально-прямоугольных чешуйчатых пластин из рога находит близкое соответствие в материалах Алтая V–II вв. до н. э.[15]. Однако сам чешуйчатый доспех был занесен на восток в середине I тыс. до н. э. из западной части Евразии. Форма чешуйчатых пластин послужила исходной моделью для изготовления новых элементов ламеллярной брони. Судя по массовым находкам, именно хунну первыми применили ее в железном материале, разработав систему из шести отверстий. Эти образцы достаточно быстро распространились на запад до Алтая, на восток до Приамурья и Маньчжурии, а на юге проникли в Китай. Здесь в период династии Хань (206 г. до н. э. – 220 г. н. э.) ламеллярные овально-прямоугольные пластины небольших размеров получают систему отверстий по всему периметру и в таком виде заимствуются номадами, в том числе и самими хунну. Также кочевники



Ил. 2. Железные пластины с Иволгинского городища (Давыдова, 1995)

используют и традиционные для Китая прямоугольные пластины, но сделанные уже из железа[16].

Судить о покрое хуннских панцирей позволяет находка из могильника Гол Мод-2. В ее составе имеются остатки полосы из узких прямоугольных пластин (ил. 3, *1*), пять полос из широких прямоугольных пластин (ил. 3, *2*) и около 12 полос из овально-прямоугольных пластин меньших размеров (ил. 3, *3–9*). Почти полная аналогия этому набору – хорошо сохранившийся панцирь

Ил. 3. Железный доспех из могильника Гол Мод-2: *1–9* – панцирные пластины (Эрдэнэбаатар Д. и др., 2015); *10* – реконструкция панциря

на памятнике Эршицзяцзу во Внутренней Монголии. В этом китайском городе империи Хань, существовавшем между 118 г. до н. э. – 24 г. н. э., было найдено два панциря и более 300 отдельных пластин[17]. Упомянутый панцирь представлял собой ламеллярный халат, который застегивался по разрезу на груди, был снабжен шестирядными нарукавьями, трехрядным подолом и стоячим

однорядным воротником. Нагрудная и наспинная части панциря набирались из крупных прямоугольных пластин, воротник из аналогичных, но более узких пластин, нарукавья и подол из мелких пластин овально-прямоугольной формы[18]. Панцирь из Гол Мод-2 имеет ту же конструкцию, где к воротнику можно отнести полосу из узких прямоугольных пластин, к нагрудно-наспинной части – пять полос из широких прямоугольных пластин, к нарукавьям – по четыре полосы из овально-прямоугольных пластин и к подолу еще четыре полосы из самых мелких таких пластин (ил. 3, *10*; 5, *3*).

Панцирь-халат из Эршицзяцзу относят к изделиям китайских оружейников[19]. Однако, в его составе помимо прямоугольных пластин (наспинник, нагрудник, воротник), выполненных в китайском (циньско-ханьском) стиле, есть овально-прямоугольные пластины, типичные для хунну (подол и нарукавья). Это, на наш взгляд, говорит об активном взаимодействии оружейных традиций, особенно в пограничной зоне, где был расположен данный город. А вот панцирь из Гол Мод-2 по оформлению более китайский, чем хуннский. Большинство его пластин, включая и овально-прямоугольные экземпляры, имеют более сложную систему отверстий, характерную для циньско-ханьского доспеха[20]. Учитывая элитный характер захоронения, где был найден данный панцирь, его можно трактовать как китайский импорт, регулярно попадавший к хуннской знати в виде подарков[21].

Корпусную защиту более простого покроя демонстрирует находка из жилища № 49 на Иволгинском городище. Она представлена тремя крупными фрагментами, в каждом из которых четыре полосы. Два фрагмента имеют длину по 12 см, а один длиной 36 см. Все части состоят из однотипных мелких овально-прямоугольных пластин с шестью отверстиями, наиболее характерных для хуннских доспехов (ил. 4, *1–3*). Практика набора корпусной защиты из одинаковых пластин находит свое подтверждение среди панцирей из западноханьских памятников (конец III в. до н. э. – начало I в. н. э.) и в погребениях кочевников-сяньби (конец I – III вв. н. э.)[22]. Эти панцири имеют покрой кираса, состоящий из двух частей: нагрудника и наспинника, соединенных оплечными ремнями и боковыми завязками. Если китайские изделия могут дополняться пластинчатыми лямками, нарукавьями и воротником, то ранние сяньбийские панцири не имеют этих деталей и более коротки, прикрывая корпус воина до начала бедер или до

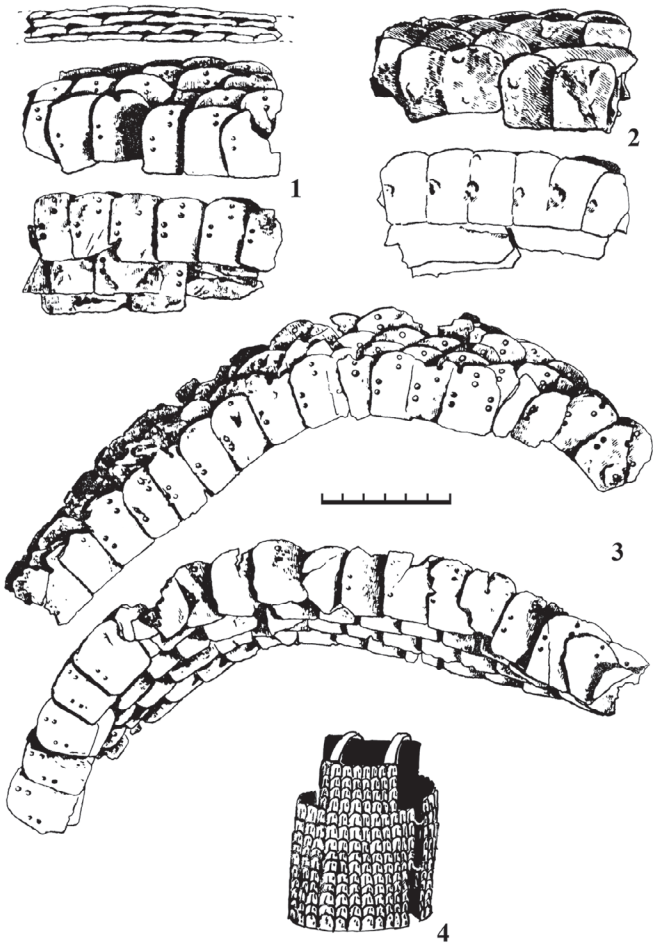


Рис. 4. Железный доспех с Иволгинского городища: *1–3* – панцирные пластины (Давыдова, 1995); *4* – реконструкция панциря

талии[23]. Очевидно и остатки доспеха из жилища № 49 можно реконструировать как простую кирасу (ил. 4, *4*; 5, *4*). Есть мнение, что этот панцирь состоял только из нагрудника[24]. Подобные изделия, будучи технологически менее сложными и трудоемкими, применялись в кочевой среде гораздо шире и могли изготавливаться номадами на своей территории, особенно в ремесленных центрах типа Иволгинского городища.

Хуннский ламеллярный доспех из роговых пластин мог иметь покрой кираса (ил. 5, *5*) или пончо. Последний отличался от двухстворчатой кирасы тем, что связывался как цельная конструкция и надевался через голову. Такие панцири вполне традиционны и для кочевников Центральной Азии, и для населения Китая, по крайней мере, с начала I тыс. до н. э.[25]. Чешуйчатому доспеху из роговых пластин больше подходит покрой пончо (ил. 5, *6, 7*), чаще всего использовавшийся там, где применялась эта структура бронирования[26]. Панцири из роговых деталей, судя по редкости находок, являлись у хунну архаичным доспехом. Он не мог составить конкуренции передовым для той эпохи средствам защиты из железа.

Помимо археологических свидетельств о хуннских панцирях из железа и рога, есть упоминание китайского сановника первой половины II в. до н. э. об использовании хунну кожаных лат и деревянных щитов, которые не выдерживали выстрела из арбалета[27]. Эти данные пока не нашли археологического подтверждения. Однако, применение панцирей из кожи вполне возможно, о чем говорят китайские доспехи V–IV вв. до н. э., набранные из кожаных лакированных пластин[28]. Относительно щитов можно заметить, что такой общий вид воинской защиты был широко распространен у племен Центральной Азии с рубежа II/I тыс. до н. э.[29] и мог быть унаследован хунну. Изображения хуннских всадников, вооруженных щитами и мечами, встречаются в китайском искусстве рубежа III/IV в. н. э.[30]

Шлемы в хуннских памятниках пока не обнаружены. Однако на их наличие указывают находки отдельных защитных пластин (ил. 1, *5–7, 12*; 2, *10*), по своей форме и параметрам схожих с деталями полных шлемов из погребений династии Западная Хань (202 г. до н. э. – 9 г. н. э.)[31]. Они набирались ламеллярным способом из мелких пластин. Судя по ханьским материалам, применялось два типа шлемов. Первый имел закрытый купол, сферическую форму с плоским навершием, нащечники и назатыльник (ил. 5, *1*). Второй тип представлял собой конструкцию с открытым верхом в виде венца с высокой лобной частью и нащечниками (ил. 5, *2*). В шлемах-венцах изображались хуннские всадники в китайском искусстве II – начала IV вв. н. э.[32]. Об использовании хунну закрытых шлемов может свидетельствовать пластина округлой формы с Иволгинского городища, вероятно являвшаяся навершием (ил. 2, *11*), о чем опять же говорит ее сходство

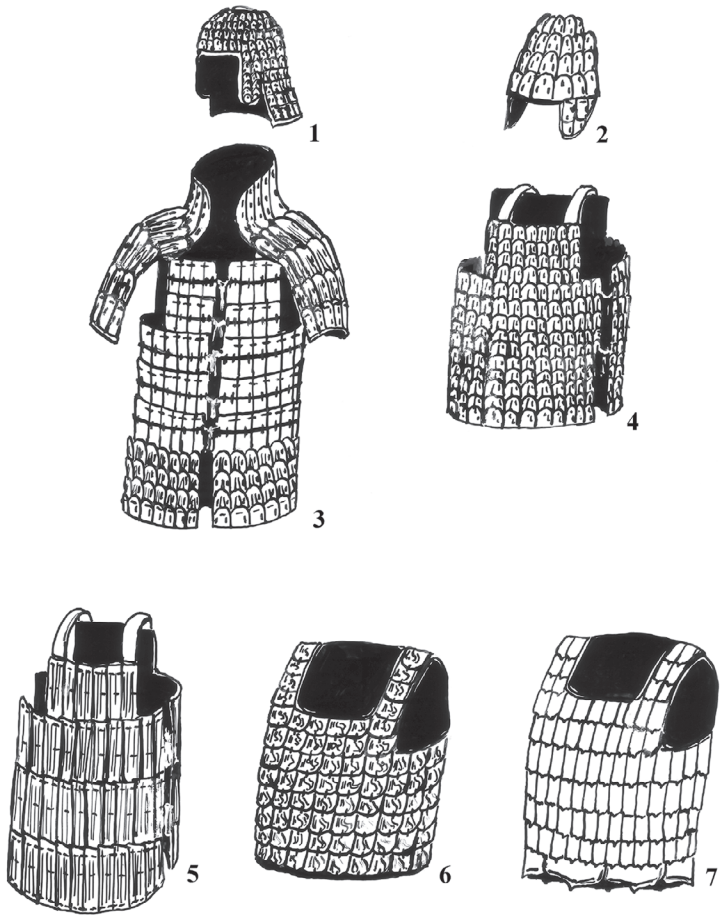


Рис. 5. Шлемы и панцири хуннских воинов: *1* – ламеллярный шлем с навершием; *2* – ламеллярный шлем-венец; *3* – ламеллярный халат; *4, 5* – ламеллярные кирасы; *6, 7* – чешуйчатые пончо (реконструкции автора, рисунки О. С. Лихачевой)

с аналогичной пластиной от навершия ханьского шлема[33]. Часть ламеллярных шлемов хунну могла иметь выделенное коническое навершие, повторяя форму головного убора с таким верхом, что позволяют предполагать упомянутые выше изобразительные источники[34].

Отдельно следует остановиться на проблематичных с точки зрения защиты предметах. Речь идет о находках в захоронениях хунну на могильниках Ноин-Ула, Ильмовая Падь, Тола, Гол Мод-2 серии похожих бронзовых и железных пластин. Они имеют форму вытянутого овала или трапеции с заметным расширением верхней части (часто заостренной), размерами 23–26 × 3,5–8 см. На тыльной стороне расположены крупные, от двух до четырех, скобы для продевания ремней, а также малые скобы и иногда штифты для крепления подкладки[35]. Первоначально их трактовали как защитные детали типа наручей и поножей[36], но сейчас уже не остается сомнений в том, что они являлись конскими налобниками[37]. Их закрепляли на голове лошади в качестве украшения узды (ил. 6), но частично они могли выполнять и защитные функции. Это касается главным образом широких экземпляров, тогда как узкие были исключительно парадными элементами. В погребениях хуннской знати встречаются такие вещи из золота и серебра с богатым декором[38], явно не предназначенные для сражения. В целом у хунну не наблюдается какой-либо специальной защиты для лошади.

Хунну были первыми кочевниками Центральной Азии, освоившими железные доспехи. Они применили для их набора пластины овально-прямоугольной формы, которые дали начало совершенно новой линии развития деталей ламеллярной структуры бронирования. Эта линия повлияла на изменение формы защитных элементов в китайском доспехе и просуществовала без заметных изменений до рубежа III/IV в. н. э., пока не появилось новое оформление ламеллярных пластин, изобретенное кочевниками сяньби[39].

Археологические материалы позволяют выделить среди вооружения хунну два основных набора. Первый набор включает лук со стрелами, боевой нож или кинжал, и его можно сопоставить с легкой конницей. На изображениях всадники-лучники хунну чаще всего показаны в обычной одежде и головных уборах[40]. Во второй набор, помимо стрелкового и коротко-клинкового оружия, входит копье, меч, панцирь, шлем, и его можно соотнести со средней конницей (ил. 6). Изобразительные источники позволяют дополнить этот набор щитом. Защитными средствами у хунну обладал не только командный состав, но и целые подразделения войска, которые китайские письменные источники называют «латной» конницей и упоминают воинов «одетых в латы»[41].

Рис. 6. Латные всадники-хунну, II в. до н. э. – I в. н. э.
(реконструкция автора, рисунок О. С. Лихачевой)

Можно предположить, что большинство рядовых хуннских латников имели панцири покроя кираса и пончо, которые изготавливались не только из железа и рога, но и из кожи, а также деревянные щиты. Командиры крупных подразделений, бывшие представителями знати, конечно, использовали лучшие доспехи из железных панцирей покроя халат и шлемов. Должный уровень развития оборонительных средств и позволил хунну сформировать самостоятельные подразделения конных латников.

Тактика боя хунну базировалась на массированном обстреле противника с дальней дистанции. Его могла вести не только легкая, но и средняя конница. Отряды всадников старались окружить врага, измотать его, нанести большие потери, расстреливая из луков, а затем принудить к капитуляции. Китайские династийные летописи описывают десятки подобных сражений[42]. Ближний бой хунну использовали редко, обычно в критической ситуации, и здесь главная роль переходила к конным латникам. В 124 г. до н. э. с таким отрядом прорвал окружение ханьских войск правый сянь-ван, а в 119 г. до н. э. отряд в несколько

сот всадников пробился через китайские боевые порядки вместе с шаньюем[43]. Известен случай (90 г. до н. э.), когда ночью хунну выкопали перед фронтом китайской армии ров, а сами стремительно атаковали врага с тыла, что принесло им полную победу[44]. Император династии Хань, говоря о заслугах своего военачальника сильной конницы Хо Цюй-бина (121 г. до н. э.), отметил, что он «в рукопашных боях убил князя Чжэлань, обезглавил князя Луху, уничтожил всех их латников»[45]. Тем не менее средняя конница хунну могла успешно противостоять ханьской кавалерии, что признают и сами китайцы: «Когда на открытом месте сталкиваются искусные всадники, скрещиваются мечи и летят стрелы, а победа определяется в течение короткого времени, варвары имеют преимущество перед Срединным государством»[46].

В целом тактика хунну говорит о том, что их средняя конница еще не обладала достаточной пробивной силой, особенно в противостоянии с китайской пехотой, вооруженной копьями, алебардами, щитами и арбалетами[47]. Исход сражения чаще определялся искусным маневрированием и дистанционным боем. Только сменившие хунну на просторах Центральной Азии сяньби смогли создать более совершенные доспехи для тяжелой конницы и новую тактику таранного удара, принесшую им победу над китайскими армиями. Однако хуннский опыт, безусловно, оказался полезен для последующего развития оборонительного вооружения номадов.

---

[1] Материалы по истории сюнну (по китайским источникам) / Предисл., пер. и прим. В. С. Таскина. М., 1968. С. 38–49; Гумилев Л. Н. Хунну. Степная трилогия. СПб., 1993. С. 41–69; Крадин Н. Н. Империя хунну. М., 2001. С. 31–32, 47–64, 107–110.

[2] Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Вып. 2. / Предисл., пер. и прим. В. С. Таскина. М., 1973. С. 18–63, 68–96; Материалы по истории кочевых народов в Китае III–V вв. Вып. 1. Сюнну / Пер. с кит., предисл. и коммент. В. С. Таскина. М., 1989. С. 31–149; Гумилев Л. Н. Указ. соч. С. 82–90, 103–179, 200–201; Он же. Хунны в Китае. Три века войны Китая со степными народами в III–VI вв. СПб., 1994. С. 44–76, 143-147, 200–202; Крадин Н. Н. Указ. соч. С. 119–131.

[3] Материалы по истории сюнну... 1968. С. 34.

[4] Худяков Ю. С. 1) Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986. С. 25–43; 2) Эволюция сложносоставного лука у кочевников Центральной Азии // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1993. С. 109–112; Худяков Ю. С., Цэвэндорж Д. Новые находки хуннских луков в Гобийском Алтае // Археологические,

этнографические и антропологические исследования в Монголии. Новосибирск, 1990. С. 126–132; Турбат Ц., Худяков Ю. С. Характерные особенности хуннских стрел из Северной Монголии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2003. Т. IX, Ч. I. С. 498–502; Эрдэнэбаатар Д., Турбат Ц., Худяков Ю. С. Хуннское оружие дистанционного боя из могильника Эгин-Гол в Северной Монголии // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2003. Т. 2, вып. 3: Археология и этнография. С. 43–52.

[5] Худяков Ю. С. Вооружение... С. 43–44; Горбунов В. В. Древковое оружие кочевников Центральной Азии в хунно-сяньбийское время // Изучение древней истории Северной и Центральной Азии: от истоков к современности. Новосибирск, 2022. С. 208–209.

[6] Худяков Ю. С. Защитное вооружение номадов Центральной Азии. Новосибирск, 2003. С. 63–64; Рец К. И., Юй Су-Хуа. К вопросу о защитном вооружении хуннов и сяньби // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 2. Горизонты Евразии. Новосибирск, 1999. С. 42–45; Худяков Ю. С., Юй Су-Хуа. Закономерности и парадоксы развития оружия номадов Центральной Азии (сравнительный анализ комплексов вооружения хунну и сяньби) // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 3. Парадоксы археологии. Новосибирск, 2004. С. 185–186, 191–194.

[7] Давыдова А. В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 1: Иволгинское городище. Археологические памятники сюнну. Вып. 1. СПб., 1995. С. 33–34, табл. 39, *2*, 45, *21*, 56, *11*, 63, *7*, 95, *4–6, 10, 11, 19*, 107, *5–7*, 125, *11*, 144, *12*, 151, *5*, 162, *17*, 164, *9*, 172, *15*, 174, *9*.

[8] Там же. Табл. 104, *1, 2*.

[9] Рец К. И., Юй Су-Хуа. Указ. соч. С. 44, рис. 1, *10*; Худяков Ю. С., Юй Су-Хуа. Указ. соч. С. 185, рис. 2, *5–9*.

[10] Миняев С. С. Дырестуйский могильник. Археологические памятники сюнну. Вып. 3. СПб., 2007. С. 90, 102, табл. 29, *7, 11*, 114, *12*.

[11] Рец К. И., Юй Су-Хуа. Указ. соч. С. 45; Эрдэнэбаатар Д., Идэрхангай Т., Мижиддорж Э., Оргилбаяр С., Батболд Н., Галбадрах Б., Маратхаан А. Исследование элитных захоронений хунну в Гол Мод-2 в местности Балгасын тал. Улаанбаатар, 2015. С. 161 (на монг. яз.).

[12] Эрдэнэбаатар Д. и др. Указ. соч. С. 160–165, рис. 2, фото 1, 2.

[13] Горелик М. В. Оружие древнего Востока (IV тысячелетие – IV в. до н. э.). СПб., 2003. С. 108–109.

[14] Горбунов В. В., Лихачева О. С. Средства корпусной защиты у ранних кочевников Монголии (вещественные и изобразительные источники) // Евразия в неолите – раннем средневековье (инновации, контакты, трансляции идей и технологий). СПб, 2022. С. 404, рис. 1.

[15] Горбунов В. В. Панцири раннего железного века на Алтае // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 49, 53, рис. 1, *10*.

[16] Горбунов В. В. Этнокультурные признаки в оформлении железных пластин ламеллярного доспеха // Краткие сообщения Института археологии. 2013. Вып. 231. С. 81–82.

[17] Рец К. И., Юй Су-Хуа. Указ. соч. С. 45–48, рис. 2, 3.

[18] Там же. Рис. 2,

[19] Там же. С. 46.

[20] Горбунов В. В. Этнокультурные признаки... Рис. 1, *9–24*.
[21] Материалы по истории сюнну ... 1973. С. 72.
[22] Рец К. И., Юй Су-Хуа. Указ. соч. С. 47, 49, рис. 3, *1*, 4, *1–3*; Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Военное дело сяньбийских государств Северного Китая IV–VI вв. н. э. // Военное дело номадов Центральной Азии в сяньбийскую эпоху. Новосибирск, 2005. Рис. 11, *2*.
[23] Горбунов В. В. Сяньбийский доспех // Военное дело номадов Центральной Азии в сяньбийскую эпоху. Новосибирск, 2005. С. 211, рис. 4, *8*.
[24] Худяков Ю. С., Юй Су-Хуа. Указ. соч. С. 185.
[25] Горбунов В. В., Лихачева О. С. Указ. соч. С. 405, рис. 1, *6*.
[26] Горбунов В. В. Панцири... С. 54, рис. 2, *7*; Горелик М. В. Указ. соч. С. 92–98.
[27] Материалы по истории сюнну ... 1968. С. 18.
[28] Горелик М. В. Указ. соч. С. 109, табл. LVI, *16–19*.
[29] Там же. С. 160, 164; Горбунов В. В., Лихачева О. С. Указ. соч. С. 404.
[30] Худяков Ю. С. Вооружение... Рис. 12, *2*; Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Указ. соч. Рис. 2, *1*.
[31] Реставрация железных доспехов из гробницы принца Ци династии Западная Хань (Муниципальный музей Цзыбо, Шаньдун и др.) // Каогу. 1987. № 11. Рис. 15, *1, 2* (на кит. яз.); Бай Жонцзинь. Реконструкция комплекта железных доспехов из ханьской гробницы в северных окрестностях Сианя // Каогу. 1998. № 3. Рис. 1, *17, 23, 24* (на кит. яз.).
[32] Горелик М. В. Защитное вооружение степной зоны Евразии и примыкающих к ней территорий в I тыс. н. э. // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1993. Рис. 9, *1, 2*.
[33] Бай Жонцзинь. Указ. соч. Рис. 1, *19*.
[34] Худяков Ю. С. Вооружение... Рис. 12, *6*.
[35] Руденко С. И. Культура хуннов и ноинулинские курганы. М.; Л., 1962. Рис. 53, табл. XXX, *4*, XXXI, *1, 2*; Коновалов П. Б. Хунну в Забайкалье (Погребальные памятники). Улан-Удэ, 1976. Табл. XV, *10*; Эрдэнэбаатар Д. и др. Указ. соч. С. 128–129, Рис. 3, *4–6*.
[36] Руденко С. И. Указ. соч. С. 63–65; Коновалов П. Б. Указ. соч. С. 36.
[37] Рец К. И., Юй Су-Хуа. Указ. соч. С. 42–43.
[38] Эрдэнэбаатар Д. и др. Указ. соч. С. 127–129, рис. 3, *1–3*; Исследование элитных захоронений хунну (Гол Мод-2 около Балгасын Тал) / Гл. ред. Д. Эрдэнэбаатар. Улаанбаатар, 2021. С. 169 (на монг. яз.).
[39] Горбунов В. В. Сяньбийский доспех... С. 210, 222.
[40] Худяков Ю. С. Вооружение... Рис. 12, *1, 3–5*.
[41] Материалы по истории сюнну... 1968. С. 34; Материалы по истории сюнну... 1973. С. 5, 128.
[42] Материалы по истории сюнну... 1968. С. 41, 51, 53, 59, 61, 66, 71, 99, 101, 105, 110; Материалы по истории сюнну ...1973. С. 18, 19, 59, 113.
[43] Материалы по истории сюнну... 1968. С. 52, 54, 83, 91.
[44] Материалы по истории сюнну... 1973. С. 21.
[45] Материалы по истории сюнну... 1968. С. 87.
[46] Материалы по истории сюнну... 1973. С. 92.
[47] Там же. С. 111, 129.

А. Н. Гребенкин (Орел)

УЧАСТИЕ ВОИНСКИХ ФОРМИРОВАНИЙ В ОХРАНЕ ИМПЕРАТОРСКИХ ПОЕЗДОВ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

ЯДРОМ СИСТЕМЫ ОХРАНЫ Александра III во время железнодорожных поездок был 1-й Железнодорожный батальон, сформированный в 1878 г. Офицерам и нижним чинам батальона доверялись наиболее ответственные роли. Согласно принятым 20 августа 1881 г. «Правилам при следовании императорских поездов» императорский поезд должны были сопровождать военный инспектор железных дорог подполковник Л. М. Альбертов, одновременно являвшийся командиром 1-го Железнодорожного батальона, старший машинист 1-го Железнодорожного батальона и кондукторская смена от батальона. В карауле при императорском поезде обычно находились от 1 до 4 унтер-офицеров или ефрейторов и от 5 до 12 рядовых батальона. Так, 8 мая 1884 г. в караул заступили 2 унтер-офицера, ефрейтор и 5 рядовых[1], 14 сентября 1884 г. – 2 унтер-офицера и 12 рядовых[2], 20 июля 1885 г. – унтер-офицер, ефрейтор и 6 рядовых[3], 11 августа 1885 г. – 2 унтер-офицера, ефрейтор и 11 рядовых[4], 18 апреля 1886 г. – 2 унтер-офицера, 2 ефрейтора и 10 рядовых[5]. Кроме того, из числа нижних чинов батальона назначались «смазчики, слесаря, осмотрщики и вообще все мастеровые и рабочие»[6]. Наконец, офицеры и нижние чины батальона совместно с железнодорожной полицией и жандармами принимали участие в осмотре всех домов и зданий, прилегавших к полотну тех дорог, по которым предполагался проезд императорского поезда.

Задачи 1-го Железнодорожного батальона заключались: «1) в осмотре всех искусственных сооружений, как-то: труб,

мостов, путепроводов, туннелей; 2) в исследовании русла рек, а также каналов и оврагов, находящихся вблизи этих сооружений; 3) в осмотре станционных построек и платформ; 4) в надзоре за производством ремонтных работ по искусственным сооружениям; 5) в наблюдении за паровозами, назначаемыми для Императорских поездов; 6) в участии в комиссиях, периодически осматривающих линии и сооружения»[7].

Главный начальник Охраны Е. И. В. генерал-адъютант П. А. Черевин отмечал, что «...независимо от изложенного, 1-му Железнодорожному батальону поручалась также всегда охрана как Царскосельской железной дороги, при встречавшихся по ней высочайших проездах, так равно и участков Варшавской и Балтийской железных дорог, пролегающих за Гатчино и Петергоф, во время следования по таковым Его Величества на охоты, в каковых случаях никогда не требовалось других войск, и наконец последние четыре года кряду Государь Император изволил совершать дальние путешествия: в Скерневицы, Кремзир, Киев, Крым, Спалу и т. д., и в подобных случаях на обязанности упомянутого батальона лежали осмотр всех искусственных сооружений, а также охрана главнейших из них на всем пути Высочайшего следования»[8].

Необходимость одновременного решения разнородных задач обусловливала существенный расход личного состава 1-го Железнодорожного батальона. В марте 1883 г. для обеспечения безопасности поездки Александра III из Санкт-Петербурга в Троице-Сергиевскую лавру на Николаевскую и Московско-Ярославскую железные дороги было назначено 8 офицеров и 337 нижних чинов. Из них 6 офицеров и 298 нижних чинов занимали посты на 6 участках. Охране силами 1-го Железнодорожного батальона подлежали важнейшие искусственные сооружения: 45 мостов более 5 саженей длиной и 18 путепроводов. Команда в составе 2 офицеров и 39 унтер-офицеров и самых опытных рядовых обеспечивала общее наблюдение на всех участках.

Если бы поезд выехал не из Гатчины, а из Петергофа, то участок Гатчина – Красное Село – Петергоф мог бы быть занят нижними чинами батальона, расположенными на Варшавской дороге. Кроме того, они должны были обеспечить охрану 117 труб и мостов длиной менее 5 саженей и всех стрелок на 62 станциях, по которым должен был проследовать поезд. Охрана стрелок поручалась чинам батальона ввиду того, что требовались опытные часовые.

Однако сил 1-го Железнодорожного батальона было недостаточно для того чтобы обеспечить необходимый уровень безопасности. Проблема решалась путем привлечения к охранным мероприятиям воинских частей. Еще в самом конце 1881 г. командир 1-го Железнодорожного батальона полковник Л. М. Альбертов предложил схему охраны железнодорожных путей во время императорских путешествий, предполагавшую расстановку вдоль маршрута царского поезда войск таким образом, чтобы «под их контролем находилась буквально каждая сажень железнодорожного пути»[9]. В соответствии с вновь разработанными правилами, на станциях 1-го класса должно было находиться по 8 нижних чинов, станциях 2-го класса – по 6, прочих станциях – по 4. Часовые охраняли стрелки на главном пути и на переездах. На больших мостах выставлялись двойные посты, на малых – одиночные. Каждая верста пути находилась под охраной 6 человек.

Разумеется, это требовало привлечения большого количества войск. Поэтому в марте 1883 г. в помощь 1-му Железнодорожному батальону на участок Петергоф – Красное Село – Гатчина – Тосна должны были быть назначены 900 человек от войск Петербургского гарнизона. По произведенным подсчетам, на Николаевской железной дороге, начиная от Тосны, на 35 станциях и 21 полустанции было 366 стрелок (в том числе 181 на Петербургском пути и 185 на Московском пути), 14 больших (с отверстием более 15 саженей) и 148 малых мостов, 75 каменных и чугунных труб, 144 переезда на уровне рельсов и 18 путепроводов. Для отправления на дорогу было назначено в общей сложности 830 нижних чинов. Из них, после исключения 40 человек, командированных на Ярославскую дорогу, 20 человек на две станции в Москве и 39 человек для проверки постов, на посты мог быть назначен 731 человек. С учетом несения службы в две смены получалось 365 постов для охраны 45 мостов, 18 путепроводов, 117 труб и малых мостов и всех 181 стрелок, а в общей сложности 361 сооружения. Заведующий технически-инспекторской частью движения экстренных поездов чрезвычайной важности действительный статский советник инженер Я. Я. Горбунов просил главного начальника охраны П. А. Черевина прибавить людей, чтобы обеспечить охрану остальных 223 сооружений.

После отправления чинов батальона на посты участок от Гатчины до Тосны был занят батальоном 145-го пехотного Новочеркасского Его Величества полка. При этом командующий

войсками Санкт-Петербургского военного округа великий князь Владимир Александрович «изволил признать более удобным назначить батальон этого полка, а не те гвардейские части, которые предназначены охранять участок от Гатчины до Тосны, при Высочайшем следовании в Москву, вследствие того, что расстановка последних на железнодорожной линии должна начаться за два дня до отъезда государя императора, а между тем в эти дни может встретиться надобность в продолжении охраны дороги от Гатчины до Петербурга»[10].

В апреле 1883 г. начальник Главного штаба генерал-адъютант Н. Н. Обручев обратился к П. А. Черевину с вопросом относительно того, «следует ли, чтобы войска, выставленные для охраны Николаевской железной дороги при проезде государя императора в Москву, оставались бы на линии в продолжение всего времени, назначенного для Священного Коронования, или же, по проезде Государя Императора в Москву, они могут быть сняты и вторично выставлены для обратного приезда в Санкт-Петербург»[11]. Черевин ответил, что необходимо оставить наряд на линии до возвращения императора, хотя бы и в уменьшенном количестве.

Утвержденный 25 апреля 1883 г. наряд охраны железных дорог (Балтийской – от Гатчины до Тосны и Николаевской – от Тосны до Брянцева) предполагал командировку 110 человек от лейб-гвардии Саперного батальона, 180 – от лейб-гвардии Финляндского полка, 172 – от лейб-гвардии Павловского полка, 196 – от лейб-гвардии Гренадерского полка, 159 – от лейб-гвардии Его Величества и 2-го стрелковых батальонов, 223 – от лейб-гвардии Московского полка, 243 – от лейб-гвардии Егерского полка, 259 – от лейб-гвардии Измайловского полка, 359 – от 94-го пехотного Енисейского полка, 717 – от 88-го пехотного Петровского полка, 316 – от 85-го пехотного Выборгского полка, 432 – от 93-го пехотного Иркутского полка и 946 – от 87-го пехотного Нейшлотского полка.

Наблюдение за войсками, командированными для охраны пути, возлагалось на следующих должностных лиц. Общее наблюдение от Гатчины до Брянцева осуществлял начальник 22-й пехотной дивизии генерал-лейтенант О. Е. Раух, находившийся на станции Окуловка. Район гвардейских войск от Гатчины до Малой Вишеры контролировал командир лейб-гвардии Московского полка генерал-майор И. О. Квицинский, местом пребывания которого была станция Любань. Район армейских

войск от Малой Вишеры до Брянцева находился под наблюдением командира 2-й бригады 22-й пехотной дивизии генерал-майора барона Н. Л. Зедделера, который располагался на станции Бологое.

Однако упорядочить деятельность огромного количества людей было нелегко. Периодически возникали недоразумения, вызванные отсутствием четкого алгоритма взаимодействия между отдельными компонентами охраны императорских поездов. Так, командир 3-го батальона 145-го пехотного Новочеркасского Его Величества полка майор Юшков 26 апреля 1885 г. подал «начальнику жандармской дворцовой охраны» (этот нелепый титул служит свидетельством того, что даже командный состав частей, привлекавшихся к охранным мероприятиям, не имел ни малейшего представления о об организации императорской охраны. – *А. Г.*) рапорт о том, что железнодорожное начальство отказывалось предоставлять офицерам право бесплатного проезда между станциями для проверки постов, а также снабжать войска топливом для варки пищи. В ряде случаев недопонимание порождало конфликты. Например, в 1888 г. на станции Барановичи минский губернатор князь Н. Н. Трубецкой не допустил к полотну дороги железнодорожную бригаду, из-за чего она не смогла представиться губернатору. В свою очередь, чины войсковой охраны не пропускали на линию перед проходом императорского поезда линейных сторожей и дорожных мастеров. Кроме того, у большинства офицеров негативную реакцию вызывало освобождение нижних чинов 1-го Железнодорожного батальона от обязанности отдавать честь. В июне 1894 г. командир 11-й роты 141-го пехотного Можайского полка штабс-капитан Чуйков подал своему командиру батальона рапорт о том, что встреченная им команда нижних чинов 1-го Железнодорожного батальона под командой рядового В. Климова не отдала ему установленной чести. Когда Чуйков спросил, по какой причине солдаты нарушают правила воинского чинопочитания, Климов ответил, что он вел смену на мост и поэтому не должен был отдавать приветствие офицеру. Из дальнейших расспросов выяснилось, что нижние чины 1-го Железнодорожного батальона считали, что они должны подчиняться только своим офицерам, а офицеров других частей, назначенных на те же участки охраны, своими начальниками не считали. Служебное расследование позволило сделать вывод, что поведением чинов 1-го Железнодорожного батальона были

недовольны многие. Командир 141-го пехотного Можайского полка полковник Г. В. фон Поппен отмечал, что офицер 1-го Железнодорожного батальона, расставлявший посты, и старший в команде унтер-офицер не явились ему, а унтер-офицер, находившийся за старшего у моста через реку Зушу около станции Мценск, при объезде полковником фон Поппеном пути не вышел по его требованию из железнодорожной будки. Командующий 36-й пехотной дивизией генерал-майор Ф. О. Гончаров был раздражен тем, что офицер 1-го Железнодорожного батальона подпоручик Христич не явился ему как к начальнику охраны и, кроме того, был одет не по форме (без оружия, в тужурке и с палкой). Командующий 12-м пехотным Великолуцким полком генерал-майор Б. К. Кобордо сетовал на то, что офицеры 1-го Железнодорожного батальона не только не явились ему, но даже заявили, что они не обязаны ему являться.

Александр III неоднократно обращал внимание на то, что при принятой норме 10 человек на версту охрана железных дорог требует привлечения слишком большого количества солдат. Вследствие этого в 1888 г. при возвращении царя из Харькова по распоряжению военного министра П. С. Ванновского охрана пути осуществлялась исходя из расчета 5 человек на версту, однако «частью по требованию жандармско-полицейских управлений, частью же распоряжением войскового начальства эта норма была все же превзойдена»[12]. Созданная комиссия пришла к выводу, что необходимо привлекать к охране железных дорог их служебный персонал, поставив его под контроль жандармских полицейских управлений, и освободить войска от обязанности охранять станции. Однако министр внутренних дел граф Д. А. Толстой, со своей стороны, «не нашел возможным совершенно отказаться от охраны станций войсками, потому что последние, относясь к этому делу с полным рвением, благодаря военной дисциплине, представляют собой наилучший элемент охраны, труднодоступный для развращающего влияния злоумышленников»[13]. Поэтому по предложению Ванновского на железнодорожных линиях были созданы комиссии по пересмотру наряда войск с целью его возможного сокращения. Новый войсковой наряд, который был выработан этими комиссиями, предусматривал, что на железных дорогах, подведомственных Варшавскому жандармско-полицейскому управлению, выставлялось в среднем 8,19 человек на версту, Виленскому – 6,51, Екатеринбургскому – 8,62, Киевскому – 6,05,

Кременчугскому – 7,74, Козлово-Владикавказскому – 8,32, Московскому – 9,03, Московско-Брестскому – 8,80, Орловскому – 8,30, Самарскому – 8,67, Санкт-Петербургскому – 8,43, Санкт-Петербурско-Варшавскому – 8,44, Тифлисскому – 4,97, Финляндских дорог – 8,34, Харьковскому – 7,92. Средняя норма наряда составила 7,86 человек на версту.

Принимаемые меры безопасности были отнюдь не излишними. Так, в июне 1894 г. на 364-й версте Московско-Курской железной дороги ночью, после прохода императорского поезда, «к часовому от пехотных войск на трубе подходил посторонний неизвестный человек, просил пустить прилечь в трубе, предлагал до 50 р. денег, часовой, прогоняя его, прибегнул к выстрелу в сторону, после чего неизвестный вместе с другим, бывшим во ржи, удалились»[14].

В царствование Николая II нагрузка на 1-й Железнодорожный батальон резко возросла. В августе 1909 г. на основании Высочайше утвержденного положения Военного совета батальон был переформирован в 1-й Железнодорожный полк двухбатальонного состава[15]. Из общего количества нижних чинов полка (1735) 250 должны были обеспечивать эксплуатацию Императорского пути (обособленных железнодорожных линий между Санкт-Петербургом, Царским Селом и Гатчиной, предназначенных исключительно для царских поездов. – *А. Г.*), 45 – окарауливать императорские поезда, 889 – охранять железнодорожные линии между Санкт-Петербургом, Гатчиной, Петергофом и Красным Селом[16].

Поездные караулы при Собственном Е. И. В. составе продолжали назначаться от 1-го Железнодорожного полка в составе начальника караула (младшего унтер-офицера), двух разводящих (ефрейторов) и от 6 до 12 часовых (ефрейторов и рядовых).

Значительный расход личного состава 1-го Железнодорожного полка по-прежнему вызывали дальние поездки членов императорской семьи. Так, в 1912 г. во время следования Николая II, его жены и детей из Царского Села в Севастополь в охране пути следования с 5 до 24 марта было задействовано 802 нижних чинов полка. С 29 апреля по 4 июня того же года 803 нижних чина полка охраняли железнодорожную линию при возвращении императора из Севастополя через Москву и Троице-Сергиеву Лавру в Царское Село. При этом на постах находилось 290 человек, в поездном карауле – 50, в паровозном карауле и резерве – 153, остальные занимали должности сторожей, конюхов,

денщиков, писарей и т. д.). Летом и осенью 1912 г. во время Высочайшего путешествия в Бородино, Москву, Беловеж, Чижев, Спалу и возвращения в Царское Село в охране железнодорожных путей было задействовано следующее количество чинов 1-го Железнодорожного полка: 1) с 15 августа по 8 ноября – 220 нижних чинов (3-я рота), 2) с 15 августа по 22 октября – 95 нижних чинов (сборная команда), 3) с 15 августа по 4 сентября – 400 человек (5-я, 7-я и 8-я роты), 4) с 15 августа по 21 сентября – 353 человека (в том числе 238 от 4-й роты и 115 человек от 6-й роты), 5) с 28 октября по 7 ноября – 754 человека (в том числе 243 человека от 4-й роты, 137 от 5-й роты, 134 от 6-й роты, 134 от 7-й роты, 109 человек от 8-й роты).

Значительный расход личного состава был сопряжен и с железнодорожными поездками вдовствующей императрицы Марии Федоровны. Например, при ее проезде из Вержболова в Санкт-Петербург в охране пути было задействовано 337 нижних чинов 1-го Железнодорожного полка, которые несли службу с 24 ноября по 1 декабря.

В 1909 г. при охране железнодорожных путей во время путешествия Николая II и членов его семьи за границу Киевское и Одесское жандармские полицейские управления железных дорог заявили требования о дополнительном наряде нижних чинов на охрану. Так, для усиления охраны на участке Жмеринка – Переспа требовалось 806 человек, а на участке Борщи – Жмеринка – 301. Кроме того, 100 человек были вызваны для охраны станции Жмеринка. Эти требования стали причиной отмены данных ранее распоряжений относительно охраны и длительного уточнения вопросов о распределении нижних чинов по отдельным участкам охраны. Просьба выслать дополнительный наряд была обусловлена тем, что расписание войсковой охраны составлялось 11 лет назад, и за это время обстановка железной дороги претерпела существенные изменения. В Киевском и Одесском жандармских полицейских управлениях железных дорог были созданы комиссии для разработки новых расписаний войсковой охраны. Всем остальным управлениям было рекомендовано пересмотреть расписания войсковой охраны и проверить, настолько они соответствуют современным условиям.

В соответствии с составленным 25 и 28 февраля 1909 г. «Расписанием воинской охраны, подлежащей выставлению на Николаевскую железную дорогу в районе Санкт-Петербургского

жандармского полицейского управления железных дорог при проследовании императорских поездов», станции должны были охранять 723 человека, железнодорожное полотно – 4380[17]. Согласно составленному 25 февраля 1909 г. «Расписанию воинской охраны, подлежащей выставлению на северные железные дороги в районе Санкт-Петербургского жандармского полицейского управления железных дорог при проследовании императорских поездов»[18], в охране станций было задействовано 245 нижних чинов, в охране железнодорожного полотна – 4005 нижних чинов. 23 июля 1911 г. было составлено «Расписание воинской охраны, подлежащей выставлению на Санкт-Петербурго-Варшавской линии северо-западных железных дорог в районе жандармского полицейского управления северо-западных железных дорог при проследовании императорских поездов». В общей сложности для охраны пути без Царской ветки требовалось 4085 нижних чинов, а для охраны Царской ветки – 267 нижних чинов[19].

В мае 1912 г. было отдано распоряжение охранять частыми дозорами: чинам 7-й роты 1-го Железнодорожного полка – отрезок пути от станции Александровская до 32-й версты, 6-й роты – от 32-й версты до станции Гатчина Варшавская, 8-й роты – от станции Гатчина Варшавская до станции Гатчина Балтийская. Полковые караулы назначались два раза от 5-й роты и один раз от вновь прибывших на укомплектование полка молодых солдат.

К сожалению, взаимодействие как офицеров, так и нижних чинов полка с представителями других подразделений, принимавших участие в охране железнодорожных линий, по которым следовал императорский поезд, было далеко не всегда конструктивным. Так, по мнению командира 1-го Железнодорожного полка полковника В. А. Василевского, во время двух Высочайших путешествий, состоявшихся в 1909 г., «заметна была в некоторых частях войск Киевского и Варшавского округов недостаточная осведомленность о Высочайше утвержденной «Инструкции по охране императорских железнодорожных поездов»»[20]. Дозоры после объявления второго положения во многих случаях ходили по полотну дороги. Часовые, стоявшие у труб и мостиков, после прохода поездов поднимались на полотно и осматривали его. Некоторые офицеры воинских формирований, принимавших участие в охране, отдавали часовым от 1-го Железнодорожного полка приказания относительно отдания ими чести, противоречившие инструкции. На участке возле Варшавы, который

занимал лейб-гвардии Литовский полк, выставлялись часовые к тем сооружениям, возле которых уже стояли посты от 1-го Железнодорожного полка. Кроме того, в районе этого же полка войсковая охрана не пропускала чинов поста проходить у полотна к станции за продуктами. Когда командующий 4-й ротой 1-го Железнодорожного полка попытался урегулировать конфликт, командир лейб-гвардии Литовского полка сказал ему, «что не знает, что это за железнодорожный батальон, и в первый раз слышит, что батальон стоит на охране»[21]. Командир 1-го Железнодорожного полка ходатайствовал перед дворцовым комендантом, чтобы во избежание подобных недоразумений офицеры войск, принимавшие участие в охране, были бы заблаговременно ознакомлены с инструкцией и имели при себе достаточное количество ее печатных экземпляров.

Иногда конфликты принимали настолько острый характер, что возникала угроза применения оружия. Например, в ночь с 13 на 14 марта 1912 г., в 3 часа был выставлен наряд от 2-й части г. Гатчины по пути следования Николая II из Царского Села в слободу Императорской охоты, «причем ко Конюшенной улице у ворот Запасного двора Дворцового ведомства был поставлен на пост городовой Тимофей Губин, которому была вверена охрана Конюшенной улицы от забора дачи вдовы Цейзих до дома Агафонова, имея связь со следующим постом, стоящим по той же улице у дома Лытикова»[22]. Расположение поста было определено приставом 2-й части Гатчины штабс-капитаном В. Антоновым. Через некоторое время после того, как Губин занял свой пост к нему подошел нижний чин 1-го Железнодорожного полка, который стоял на посту в полосе отчуждения железной дороги, и стал требовать, чтобы городовой удалился. Губин ответил, что не имеет права этого сделать, так как исполняет распоряжение своего начальства. Часовой ушел, и Губин во время прохода императорского поезда стоял на своем посту. При возвращении императора в Царское Село, когда поезд находился уже в 50 саженях от того места, где находился пост Губина, этот же часовой вновь подошел к нему и стал настаивать, чтобы городовой ушел. Услышав отказ, «часовой снял с плеча винтовку и со словами: «Уходи, сукин сын, прочь, буду стрелять», – заставил Губина удалиться в ворота Запасного двора»[23]. После того, как посты были сняты, городовой доложил о случившемся приставу Антонову. Антонов узнал фамилию солдата – им оказался рядовой Скачков.

В результате проведенного служебного расследования было выяснено, что Скачков, осматривая закрепленный за ним участок полосы отчуждения, увидел возле изгороди из рельсов, расположенной в 3–4 саженях от железнодорожного пути, городового, и предупредил, что при подходе императорского поезда ему следует отойти дальше, к деревянному забору, так как чины полиции не допускались в полосу отчуждения. При обратном следовании императорского поезда Скачков увидел, что городовой приближается к полосе отчуждения, и сделал ему знак рукой остановиться, после чего городовой повернул и зашел в какие-то ворота. Никакой брани и тем более угрозы оружием не было. Показания Скачкова были подтверждены находившимися на соседних постах нижними чинами 1-го Железнодорожного полка.

Сами часовые 1-го Железнодорожного полка могли подвергаться оскорблениям со стороны чинов других подразделений, задействованных в императорской охране, в частности, полиции. Так, 30 августа 1912 г., когда рядовой 7-й роты Б. Демих находился на своем посту на мосту через реку Вязьму, к нему подъехали два конно-полицейских стражника и спросили, можно ли проехать через мост. Получив отказ, они попытались пройти другим путем, миновав часового, но были замечены им и остановлены. Демих послал путевого сторожа за караульным начальником. Вскоре один из стражников привел на мост полицейского урядника, который приказал стражникам ехать через мост и сам пошел вперед, а Демиху заявил, что «имеет право ходить через мост, и когда тот все-таки продолжал препятствовать, назвал его дураком и обругал площадной бранью»[24]. После этого часовой загородил путь и взял винтовку наизготовку. Урядник и стражники были вынуждены отступить. Явившийся на мост караульный начальник рядовой Векленко потребовал от полицейских чинов назвать свои фамилии, однако ответа не получил. О происшествии было доложено местным жандармам, и участковый жандармский унтер-офицер составил протокол.

Конфликты возникали и в ходе взаимодействия чинов 1-го Железнодорожного полка с личным составом других воинских формирований, как принимавших участие в обеспечении безопасности железнодорожных путешествий императора, так и не задействованных в охранных мероприятиях. Так, 2 декабря 1912 г. начальник учебной команды 98-го пехотного Юрьевского полка капитан Лоренц 1-й, проходя по железнодорожному мосту через

Двину, был неприятно удивлен тем, что стоявшие на постах нижние чины 1-го Железнодорожного полка прохаживались взад-вперед, похлопывая себя руками от холода, и не отдавали ему честь. Кроме того, капитан Лоренц, довольно долго ждавший возле моста своих подчиненных, обратил внимание на то, что один из часовых зашел в будку барьерного сторожа и расположился в ней. Не добившись вразумительных ответов от старшего караула унтер-офицера 1-го Железнодорожного полка Домашевича, Лоренц подал рапорт своему командиру полка. Командир 1-го Железнодорожного полка полковник В. А. Василевский заступился за своих подчиненных и сообщил командиру 98-го пехотного Юрьевского полка полковнику Е. И. Новакову, что «требования вверенного Вам полка капитана Лоренс I шли вразрез с Высочайше утвержденной 14 августа 1905 г. инструкцией по охране Императорских железнодорожных поездов при Высочайших путешествиях § 23, примечание 2-е»[25]. Согласно данному примечанию, «при несении охранной службы часовым и патрулям дозволяется снимать ранцы и, если они стоят на местности открытой, носить ружье (за исключением третьего положения) на погонном ремне, не отдавая чести, а при непосредственном к ним обращении начальствующих лиц – становясь смирно»[26].

С железнодорожным начальством были постоянные пререкания по поводу того, что офицеры 1-го Железнодорожного полка требовали не предусмотренных расписанием остановок пассажирских поездов.

Кроме того, с железнодорожной администрацией достаточно часто происходили стычки по поводу производившихся на дорогах работ. В январе 1907 г. младший офицер 1-го Железнодорожного батальона штабс-капитан Брудинский, обходя перед обратным проходом литерного поезда свой участок Императорского пути, увидел артель рабочих на 12-й версте Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги, расположенной в 25–30 шагах от «Царской ветки». Поскольку до прохода императорского поезда оставалось всего 12 минут, Брудинский приказал рабочим прекратить работу и зайти в близлежащую будку. Однако рабочие заявили, что они не прекратят работу и не уйдут. Тогда офицер заявил, что он удалит их с пути при помощи оружия, но рабочие, несмотря на угрозу, не послушались. Брудинский был вынужден позвать свистком разводящего и ближайшего часового и приказал им удалить рабочих

с железнодорожного полотна, употребив в случае неповиновения оружие. После этого рабочие беспрекословно удалились. Еще одна артель рабочих покинула путь по первому же приказанию Брудинского. Вскоре офицера нагнал инженер путей сообщения (по всей видимости, помощник начальника участка), и спросил, по какой причине он запретил работать. На объяснения Брудинского инженер возразил, что его следовало предупредить о проходе поезда и об остановке работ. Тогда Брудинский сказал, «что извещать его о проходе поездов не мое дело, да и в сущности и знать ему незачем»[27]. Командующий 1-м Железнодорожным батальоном подполковник В. А. Василевский встал на сторону своих подчиненных, заявив начальнику Санкт-Петербурго-Виндавского жандармского полицейского управления железных дорог, «что о проездах сообщать дороге не нахожу необходимым»[28]. Его поддержал командир Отдельного корпуса жандармов генерал-майор барон Ф. Ф. Таубе, который считал, что к управлению Санкт-Петербурго-Виндавской железной дороги следует принять строгие меры ввиду того, что она вступает в постоянные прения с жандармской полицией и не желает подчиняться ее законным требованиям.

В начале 1914 г. правила охраны железных дорог во время Высочайших путешествий были изменены таким образом, что стягивание войсковых частей к железнодорожному полотну стало осуществляться лишь в крайних случаях. Роль 1-го Железнодорожного полка осталась прежней.

Таким образом, воинские части играли важную роль в обеспечении безопасности российских императоров и членов их семей во время железнодорожных поездок. Наиболее важные задачи поручались 1-му Железнодорожному батальону (с 1909 г. – полку). В охране пути следования царского поезда до 1914 г. были задействованы части соответствующих военных округов, выставлявшие плотную цепь вдоль рельсового полотна. Однако постоянные заботы начальства об оптимизации системы охраны императорских поездов не позволили наладить конструктивное взаимодействие 1-го Железнодорожного батальона (полка) как с воинскими формированиями, привлекавшимися к охранным мероприятиям, так и с администрацией железных дорог, полицейскими структурами и т. д. Часто возникавшие недоразумения и конфликты существенно ослабляли систему охраны императоров и членов их семей во время железнодорожных поездок.

[1] Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 237. Оп. 1. Д. 8. Л. 45.
[2] Там же. Д. 4. Л. 289.
[3] Там же. Д. 10. Л. 2.
[4] Там же. Л. 77.
[5] Там же. Д. 12. Л. 181.
[6] РГИА. Ф. 1328. Оп. 1. Д. 2. Л. 14 об.
[7] Там же. Оп. 2. Д. 198. Л. 46.
[8] РГИА. Ф. 508. Оп. 1. Д. 9.
[9] Зимин И. В. Царская работа. XIX – начало XX в. Повседневная жизнь Российского императорского двора. М.: Центрполиграф, 2011. С. 234.
[10] РГИА. Ф. 1328. Оп. 1. Д. 5. Л. 175 – 175 об.
[11] Там же. Л. 150.
[12] Там же. Оп. 1. Д. 9. Л. 27 – 27 об.
[13] Там же. Л. 56 об.
[14] Там же. Д. 13. Л. 16.
[15] Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 5880. Оп. 2. Д. 4. Л. 31.
[16] На страже главной цитадели России: к 100-летию Службы коменданта Московского Кремля Федеральной службы охраны Российской Федерации. М.: Русские витязи, 2018. С. 210–211.
[17] Расписание воинской охраны, подлежащей выставлению на Николаевскую железную дорогу в районе Санкт-Петербургского жандармского полицейского управления железных дорог при проследовании императорских поездов: составлено 25 и 28 февраля 1909 г. По Петербургскому военному округу. Б. м., б. г. С. 65.
[18] Расписание воинской охраны, подлежащей выставлению на северные железные дороги в районе Санкт-Петербургского жандармского полицейского управления железных дорог при проследовании императорских поездов: составлено 25 и 28 февраля 1909 г. По Петербургскому военному округу. Б. м., б. г. С. 55.
[19] Расписание воинской охраны, подлежащей выставлению на Санкт-Петербурго-Варшавской линии северо-западных железных дорог в районе жандармского полицейского управления северо-западных железных дорог при проследовании императорских поездов: составлено 23-го июля 1911 г. По Петербургскому военному округу. Б. м., б. г. С. 31.
[20] РГИА. Ф. 1328. Оп. 1. Д. 39. Л. 16.
[21] Там же.
[22] РГВИА. Ф. 5880. Оп. 1. Д. 251. Л. 39.
[23] Там же. Л. 39 об.
[24] Там же. Л. 199 об.
[25] Там же. Л. 217.
[26] Инструкция по охране Императорских железнодорожных поездов при Высочайших путешествиях. Высочайше одобрена 14 августа 1905 г. Санкт-Петербург: Военная Типография (в здании Главного Штаба), б. г. С. 25.
[27] РГИА. Ф. 1328. Оп. 1. Д. 28. Л. 16 об.
[28] Там же. Л. 19б.

Г. А. Грибовская (Санкт-Петербург)

ПРОЛОГ К ОСВОБОЖДЕНИЮ КРЫМА. КЕРЧЕНСКО-ЭЛЬТИГЕНСКАЯ ДЕСАНТНАЯ ОПЕРАЦИЯ 1943 ГОДА (МЕДИЦИНСКИЕ АСПЕКТЫ)

КЕРЧЕНСКО-ЭЛЬТИГЕНСКАЯ ДЕСАНТНАЯ операция была проведена с 31 октября по 11 декабря 1943 г. с целью освобождения Керченского полуострова. Стратегической целью операции являлось сосредоточение ударных сил фронта на Керченском полуострове для последующего наступления по освобождению Крыма во взаимодействии с 4-м Украинским фронтом.

Войскам Северо-Кавказского фронта с Черноморским флотом, Азовской флотилией и 4-й воздушной армией была поставлена задача высадить десант, овладеть восточной частью Керченского полуострова, городом и портом Керчью и развивать дальнейшее наступление на вражеские войска для полного освобождения Крыма.

В операции участвовали 18-я и 56-я армии Северо-Кавказского фронта. В качестве штурмовых отрядов придавались два батальона морской пехоты и один батальон морской стрелковой бригады.

Высадка 56-й армии была возложена на Азовскую флотилию на участке Варзовка – Жуковка, а 18-й армии – на Новороссийскую военно-морскую базу Черноморского флота в районе Эльтигена[1].

Общее руководство операцией лежало на командующем Северо-Кавказским фронтом генерал-лейтенанте В. Н. Курдюмове (начальник военно-санитарного управления фронта генерал-майор медицинской службы Н. И. Завалишин). Помощниками командующего операцией по морской части были командующий Черноморским флотом вице-адмирал

А. А. Владимирский и командующий Азовской флотилией контр-адмирал С. Г. Горшков[2].

В подготовительный период командование Новороссийской военно-морской базы подготовило для десанта (Тамань, Кротково, озеро Соленое, Гадючий Кут) 119 самоходных и 16 несамоходных плавучих единиц (кораблей и судов малого тоннажа). В каждом из пунктов посадки было сооружено по два-три причала.

Согласно устной договоренности на медико-санитарное отделение Новороссийской военно-морской базы возлагалось лечебно-эвакуационное обеспечение личного состава десанта при посадке и переходе морем, оказание медицинской помощи в период высадки, руководство погрузкой раненых на плавсредства в пунктах высадки десанта и эвакуация их морем в базы посадки. Медицинская служба 18-й армии своими силами должна была проводить погрузку раненых на плавучие средства в пунктах высадки десанта, прием раненых с кораблей и других транспортов, обеспечение пострадавших медицинской помощью на этапах сухопутной эвакуации. Медико-санитарным отделом Новороссийской военно-морской базы были сформированы три пункта медицинской помощи, в каждый из которых входили врач, фельдшер и четыре санитара. А на плацдарме были организованы четыре морских медицинских отряда. Руководил работой морских медицинских отрядов на занятом берегу капитан медицинской службы В. Харченко. Для эвакуации раненых морем был выделен специальный катер. По суше раненых моряков эвакуировали на двух санитарных автобусах ЗИС-16 по 10 носилочных мест и три санитарные машины по четыре носилочных места каждая.

Медицинское имущество всех морских медицинских отрядов было упаковано в непромокаемые брезентовые мешки, носимые на спине.

Для обеспечения приема и лечения раненых было увеличено количество коек в военно-морских госпиталях Анапы, Геленджика, Туапсе.

Санитарный отдел 18-й армии развернул 10 хирургических полевых подвижных госпиталей, два терапевтических госпиталя, три инфекционных, три госпиталя для легкораненых и один сортировочный эвакогоспиталь.

Эвакуация раненых должна была производиться после оказания первой помощи санитарным катером и другими плавучими

средствами в пункты посадки десанта. Затем средствами 18-й армии раненых передают на медицинский распределительный пост, где их сортируют и направляют на лечение в госпитали соответствующего профиля. Нуждающихся в дальнейшем лечении на военно-санитарных поездах через Краснодар отправляют в глубокий тыл страны.

Перед выходом в море личный состав десанта прошел санитарную обработку со сменой нательного белья.

В день посадки на плавучие средства десантники получили на трое суток сухой паек. Средний вес боевого оснащения десантника равнялся 34 кг. Обмундирование было по сезону зимнее. Всем было выдано по одному индивидуальному перевязочному пакету и таблетки пантоцида для обеззараживания воды.

31 октября 1943 г. десантные войска (части 318-й стрелковой дивизии, 386-й отдельный батальон морской пехоты и батальон 255-й морской стрелковой бригады) составили передовой отряд десанта и сосредоточились в районе причалов – порт Тамань, Кротков, озеро Соленое. Всего было принято 5752 человека. Медицинский состав разместился вместе со своими подразделениями на кораблях, где находились штабы.

Во время перехода пять сторожевых катеров подорвались на минах. Часть личного состава была подобрана другими катерами, часть выплыла на берег самостоятельно. Первая помощь на катерах была оказана боевыми санитарами 20 раненым[3].

Сложная оперативно-тактическая обстановка в районе населенного пункта Эльтиген характеризовалась тем, что противник имел большой перевес в людских ресурсах и технике, хорошо укрепился на занятых им позициях, а район высадки десанта представлял собой открытую местность, где противник был способен вести прицельный огонь.

С 1 ноября по всему берегу в районе Эльтигена началась высадка штурмовых отрядов десанта под прикрытием артиллерии 18-й армии и Новороссийской военно-морской базы. Десантники высаживались в воду на глубине 0,5–2 м под огнем врага, борясь с волной, плыли к берегу и сходу открывали огонь, уничтожая пулеметные точки и автоматчиков противника.

Всего за одни сутки было высажено 2964 человека, но погибло 36 судов и повреждено 29. Потери в десантных войсках на переходе и при высадке составили около 1500 человек убитыми, утонувшими и пропавшими без вести. Всем раненым была оказана

доврачебная и первая врачебная помощь медицинским составом десантных частей и морских медицинских отрядов. Из 300 раненых 100 были эвакуированы в пункты посадки[4].

Противник яростно сопротивлялся и старался сбросить десантные части в море. Благоприятным для противника оказалось то обстоятельство, что десант 56-й армии в район Глейки–Жуковка–Опасная не был высажен. В ночь с 1 на 2 ноября на территорию, занятую десантом, был высажен 3271 человек. В их числе был и личный состав медико-санитарного батальона 318-й стрелковой дивизии.

В последующие дни из-за штормовой погоды и блокады Керченского пролива вражескими кораблями высаженные части почти не пополнялись. Всего за 5 дней ноября на занятый берег было высажено около 8000 человек. Боеприпас и продовольствие десанту доставляли преимущественно самолеты.

С 1 ноября по 10 декабря корабли эвакуировали 1256 раненых, из них – 250 лежачих. На долю моряков приходилось 590 человек.

В ночь с 6 по 7 декабря Эльтигенский десант прорвал линию обороны противника в направлении Камыш–Буруна, вышел в район Керчи, овладев и закрепившись на высоте Митридат.

Корабли Азовской флотилии сняли десант в составе 1780 человек, среди которых было 420 раненых. Все раненые были приняты в лечебные учреждения Красной армии.

Морские медицинские отряды, высадившись на берег вместе со штурмовыми подразделениями морской пехоты, заняли полуразрушенное здание школы и школьный сарай. Санитары-носильщики приносили сюда тяжелораненых. Легкораненые добирались самостоятельно. Личный состав их регистрировал и по возможности отправлял на попутных плавучих средствах в пункты посадки для дальнейшей эвакуации. Но упорные бои с противником привели к тому, что в морские медицинские отряды прибывало большое число раненых, которых эвакуировать было некуда, да и не на чем. Пришлось соорудить своеобразный стационар (пол сарая накрыли соломой), в котором скопилось более 400 раненых[5].

Медсанбат принял на себя все лечебное обеспечение десанта. Чтобы обслуживать поступавших раненых, пришлось организовывать дополнительные стационары в уцелевших домах, подвалах, землянках. Кроме хирургических отделений были

организованы инфекционное, терапевтическое, для легкораненых, для раненых с газовой инфекцией.

С 10 ноября противник блокировал десант с моря бронекатерами, в результате медсанбат также нес большие потери. При неоднократных обстрелах операционная была полностью разрушена. Пришлось в горе соорудить капонир, где и разместилась новая операционная, служившая во время интенсивных обстрелов убежищем для раненых и персонала. Приемно-сортировочное отделение тоже было размещено в подобном капонире. Наиболее тяжелые условия испытывали раненые и больные госпитального отделения. Они погибали от повторных ранений во время обстрелов. Поэтому для них сооружались капониры и блиндажи, в которых значительно улучшились условия ухода за ранеными. Условия работы хирургов были очень сложными. Число раненых постоянно увеличивалось, а стерильных простыней и халатов не было. Пользовались салфетками и широкими бинтами, хирургических перчаток тоже не хватало, ассистент работал без перчаток. Полостные операции проводились очень редко из-за высокой загрязненности воздуха из-за разрывов снарядов. Одной из главных проблем была обработка рук хирурга. Мыло отсутствовало, а жесткая вода не смывала грязь. Руки обрабатывались нашатырным спиртом, водкой, растворами хлорамина и сулемы, а при их отсутствии – растворами пантоцида и йода.

Взятых в десантную операцию запасов средств для наркоза хватило бы на 600–700 раненых, однако во время пересадки с корабля на мотобот почти все упаковки с хлорэтилом и эфиром разбились. Поэтому раненым во время операции вводили морфин и давали по 100 граммов водки.

В дальнейшем и с самолетов сбрасывались только тюки с перевязочными средствами и 1%-ным раствором пантоцида[6].

Продукты, боеприпасы и медикаменты, сбрасываемые самолетами, часто попадали на территорию противника. Питание раненых и больных и личного состава ухудшалось из-за употребления горько-соленой воды, близкой по вкусу к морской. Обнаружились больные с желудочно-кишечными расстройствами, обострениями суставного ревматизма, малярией и др., но терапевта в составе десанта не было предусмотрено, а занятые проведением операций у раненых хирурги не могли уделять достаточного внимания лечению терапевтических больных.

В первые дни высадки десанта легкораненых, главным образом в верхнюю конечность, направляли на эвакопункт для отправки на Таманский берег. Однако в течение нескольких дней эвакуация не производилась, и эвакопункт с легкоранеными стал выполнять функцию армейского госпиталя для легкораненых. Выздоровевших вновь направляли в боевую часть.

Эвакуация раненых проводилась силами морских медицинских отрядов, которым помогал личный состав плавучих средств. В первую очередь эвакуировали тяжелораненых на мотоботах и мотобаркасах, так как корабли и суда не задерживались долго у берега. Носилочных раненых часто размещали на верхней палубе, где они подвергались воздействию холодного ветра.

Общие потери десанта в районе Эльтигена составили 4194 человека, из которых санитарные потери – 2241, в безвозвратные – 1953 человека.

Сотрудники медико-санитарного батальона, выполнявшего функции армейского госпиталя в 1,5 км от переднего края, в течение 45 дней десантной операции отбивали атаки противника, одновременно оказывая помощь раненым и принимая меры к их эвакуации. Самоотверженная работа медицинского персонала по лечению, уходу за ранеными и больными, дальнейшей эвакуации в тыловые госпитали высоко оценена и правительством, и самими десантниками.

В десантной операции взаимодействие между медицинской службой Красной армии и Военно-морским флотом было недостаточным. Как правило, общего плана медицинского обеспечения десантной операции не составлялось[7].

Основным недостатком в лечебно-эвакуационном обеспечении десантов в период высадки была маломощность высаживаемых подразделений медицинской службы как по числу личного состава, так и по их оснащению. При переходе морем десанта не предусматривалось для их обеспечения спасательных судов, способных подбирать людей на воде в любое время суток. Эвакуация раненых проводилась, в основном, попутно следующими судами, но чаще всего через Керченский пролив – санитарными катерами. Медицинское имущество в десантной операции должно быть упаковано в водонепроницаемой, удобной для переноски упаковке.

Эльтигенский десант выполнил главную задачу – отвлек резервы немцев от места высадки основных сил. А впереди их ждали новые бои за освобождение Крыма.

---

[1] Керченско-Эльтигенская десантная операция 1943 г. // Советская военная энциклопедия. М.: Воениздат, 1977. Т. 4. С. 147–148.

[2] И. В. Алексанян, М. Ш. Кнопов. Руководители медицинской службы фронтов и флотов в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 1992. С. 142.

[3] Лечебно-эвакуационное обеспечение десантных операций по освобождению Крыма и Молдавии // Медицинская служба Военно-морских сил СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Л., 1954. Т. 2. С. 264–266.

[4] Там же. С. 267–268.

[5] Там же. С. 270.

[6] Бечик И. И., Зильберберг Л. Б., Мефодовский А. Ф. Медицинское обеспечение десанта в районе Эльтигена в 1943 г. // Воен.-медиц. журнал. 1995. № 5. С. 34–37.

[7] В. М. Иванов, И. Т. Заостровцев. Организация взаимодействия медицинских служб Советской армии и флота в десантных операциях. Л., 1954. С. 20–31.

О. В. Григорьев (Новосибирск)

ВОЕННОЕ ПРАВОСУДИЕ ПЕТРА I

В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ Петра I в России появились и новые нормативные акты, регламентирующие военное судопроизводство, и принципиально новые органы военного правосудия – специализированные военные суды. Тогда же утвердился термин, которым стали именовать реформированные органы военного правосудия – «кригсрехт». В первом десятилетии XVIII в. нормативную основу функционирования кригсрехтов образовали «Уложение или право поведения генеральных, средних и низших чинов» 1702 г. (или Уложение Б. П. Шереметева) и Краткий артикул 1706 г. (или Краткий артикул А. Д. Меншикова)[1].

Согласно нормам, закрепленным в главах 10–12 указанного Уложения, военные суды определялись как временные коллегиальные судебные присутствия, формировавшиеся из числа строевых военнослужащих для рассмотрения конкретного уголовного дела. Учитывая юридическую неподготовленность строевых военнослужащих, при кригсрехте предусматривалась должность аудитора – особого лица, занимавшегося подготовкой дела к слушанию и правовым консультированием членов суда.

По существу рассматриваемого дела каждый из судей излагал мнение («сентенцию») с предложением о мере наказания подсудимому. Вынесенный кригсрехтом приговор направлялся на утверждение старшему воинскому начальнику[2].

Примером сентенций, вынесенных в рамках заседания военного суда, может послужить дело, возбужденное в отношении драгунов Чернышева и Зубкова по обвинению их в изнасиловании «девки Христианицы». Для рассмотрения дела по существу

сформировали военный суд, в состав которого вошли «презус» (председатель) майор Сибирского полка Челюскин, капитаны, поручики, подпоручики, сержанты, капралы и ефрейторы по одному военнослужащему от Московского и Сибирского полков соответственно.

Ст. 3 гл. 3 действовавшего на тот момент Краткого артикула А. Д. Меншикова 1706 г. за совершение «прелюбодеяния насильством» предписывала наказать преступника «аркебузированием», т. е. расстрелять, однако на практике единого мнения у членов суда не возникло:

сентенция ефрейторов – «бить батогами перед полком»;

сентенция капралов – «прогнать батогами сквозь строй батальона один раз»;

сентенция сержантов – «прогнать батогами сквозь строй полка один раз»;

сентенция поручиков – «бить кнутом перед полком по 50 ударов и сослать на каторгу»;

сентенция капитанов – «казнить смертью через повешение»;

сентенция презуса – «казнить смертью».

По Краткому артикулу приговор кригсрехта представлялся на «конфирмацию» (утверждение) воинскому начальству (ст. 9 гл. 10; ст. 5 гл. 12).

Генерал-фельдмаршал Б. П. Шереметев, составляя конфирмацию, согласился с мнением презуса: «По вышеобъявленному кригсрехту подтверждаем драгунам за их насильное растление девки, в котором они обще явились, учинить смертную казнь – расстрелять, понеже в артикуле, в 3-й главе и 3-й же статье, предложено за насилие чинить смертную казнь. А по учинении той экзекуции над теми драгунами, допросы их с сей конфирмациею и подлинной кригсрехт паки прислать в Военную канцелярию. А при той экзекуции быть артиллерийским служителем в строю»[3].

Появление отмеченной процедуры означало начало восстановления в уголовном процессе России ревизионно-решающего порядка пересмотра и утверждения судебных решений (уже существовавшего в конце XV – первой половине XVI в.). Апелляция на приговор кригсрехта не предусматривалась.

Военные суды устанавливались трех видов: полковые, генеральные и так называемые «скорорешительные». Полковым судам были подсудны дела в отношении рядовых и сержантов,

а также обер-офицеров (младших офицеров: прапорщика, поручика и капитана). Генеральному военному суду подлежали, во-первых, дела по обвинению старших и высших офицеров, а во-вторых, дела о преступлениях целых воинских частей. Председательство в генеральном кригсрехте принадлежало генералу или фельдмаршалу. «Скорорешительные суды» учреждались в случае возникновения в войсках массовых беспорядков и осуществляли отправление правосудия ускоренно и по упрощенной процедуре.

На практике подобные меры были применены, например, в период неудачных действий войск Петра I на Пруте. Для того чтобы остановить панические настроения в войсках, в местах стоянки устанавливались виселицы, на которых казнили всех, кто проявил малодушие и неустойчивость. Важно отметить, что Петр I всегда был суров к трусам и маловерам: «Я приказываю вам стрелять во всякого, кто бежать будет, и даже убить меня самого, если я буду столь малодушен, что стану ретироваться от неприятеля»[4].

Важно также отметить и тот факт, что новоиспеченные военные суды никак не были связаны с другими органами военного управления, не утратившими судебные функции (Адмиралтейским и Разрядным приказами, Приказом артиллерии, Военной канцелярией и др.)[5]. Кроме того, по мнению принятого русскую службу «камералиста-практика» Генриха фон Фика, российские губернаторы, в рамках решаемых административных вопросов, имели «суд и росправу полную»[6].

В связи с этим возможно сделать вывод о том, что вновь созданная система военных судов (кригсрехтов), выполняя возложенные на них военно-судебные функции, была обособлена от вышеуказанных органов и замыкалась непосредственно на военное командование.

Таким образом, Краткий артикул А. Д. Меншикова 1706 г., восполнивший определенные недостатки нормативной базы, явился важнейшим актом военно-судебной реформы периода 1700-х гг., в полной мере заложившим основы преобразования военного судоустройства и судопроизводства.

Полностью оценить эффективность функционирования военных судов России начала XVIII в. представляется затруднительным по причине отсутствия в документах архивов и в публикациях сводных статистических данных. Однако мы можем привести

некоторые конкретные примеры о деятельности военных судебных органов того периода.

В начале Северной войны Петр I вел активную борьбу с дезертирами. В письме Т. Н. Стрешневу, который на тот момент являлся судьей Приказа военных дел, царь требует: «Когда сие письмо получишь, изволь немедленно сих проклятых беглецов... сыскать, сыскав, всех бить кнутом и уши резать, да сверх того 5-го с жребья ссылать на Таганрог...»[7]

Для суда над дезертировавшими из Лейб-гвардии Преображенского полка 28 солдатами в 1708 г. был создан кригсрехт, который приговорил 15 солдат к смертной казни, а остальных к каторжным работам. Петр I сделал в своей конфирмации следующую запись: «А впредь таких, которые збегут и поиманы будут, без всякой пощады казнить»[8].

Любопытно, что в 1709 г., когда из Лейб-гвардии Преображенского снова дезертировали военнослужащие, разгневанный Петр I пишет своему сподвижнику Ф. Н. Глебову: «Когда к Вам из Киева привезут беглых солдат нашего полку Матвея Вьялова да Матвея Полякова, и оных вели расстрелять при полку...»[9]

Традиционно много проблем в действующей армии связано с мародерством и насилием над местным населением. Инструктируя генерал-фельдмаршала Б. П. Шереметева о походе в Померанию (1708), Петр I требовал строгой воинской дисциплины и поддержания правопорядка в отношениях с гражданским населением. Уличенных в мародерстве рядовых предписывалось направлять на каторжные работы, а в отношении допустивших мародерство и замеченных в злоупотреблениях офицеров назначать кригсрехт[10].

Деятельность полковых судов по реализации указанных норм ярко проявилась во время нахождения русской армии в землях Речи Посполитой. Так, для пресечения мародерства в отношении местного населения Петр I, обращаясь к Г. Б. фон Огильви и Б. П. Шереметеву (которые командовали русской армией), писал «...понеже войско все вам, двум фельдмаршалам вручено с полным воинским правилом, судом и указом, по которым выдолжны чинить праведный и воинской суд»[11].

Примером деятельности Генерального кригсрехта может послужить дело генерала Никиты Ивановича Репнина. Так, 3 июня 1708 г. шведы неожиданно атаковали позиции дивизии, возглавляемой Н. И. Репниным. В результате наступления неприятеля

«многие полки пришли в комфузию, непорядочно отступили, а иные и не бився, а которые и бились, и те казацким, а не салдацким боем». Понеся значительные потери, дивизия вынуждена была отступить, оставив на поле боя 10 орудий.

В результате Петр I назначил «фергер» (следствие), наказав при этом провести его «не маня никому» и «со всякою правдою»[12].

Состоявшийся кригсрехт вменил генералу Н. И. Репнину халатность при выборе позиции, неготовность дивизии к обороне, утрату в ходе боя управления войсками («никто не ведал, куда уступить в лесу») и потерю боевого оружия («люди разбегались – оставив на поле боя десять пушек»).

Необходимо отметить, что генерал Н. И. Репнин не запирался и всю вину взял на себя, хотя мог привести в свое оправдание довод о том, что просил и не получил подкрепления от генерал-фельдмаршала Б. П. Шереметева[13]. Приговор кригсрехта Н. И. Репнину был суров – «достоин быть жития лишен», но учитывая, что содеянное «не к злости, но из недознания», смертная казнь была заменена разжалованием в солдаты[14].

Таким образом, в начале XVIII в. Петр I существенно реформировал военное правосудие, сделав военные суды (кригсрехты) мощным инструментом для поддержания дисциплины и правопорядка в войсках. Военно-судебные преобразования Петра I явились важным элементом военной реформы.

Вершиной же развития военно-уголовного и военно-процессуального законодательства Петра I (и вообще развития военно-уголовного и военно-процессуального законодательства России в XVIII в.) неоспоримо явились Артикул воинский и «Краткое изображение процессов или судебных тяжеб» (Приложение 8). Российская армия и военные суды получили составленные по последнему слову юридической техники специальные военно-уголовный и военно-процессуальный акты. Наряду с этим «Краткое изображение процессов....» необходимо признать базисным актом военно-судебной реформы 1700 – начала 1710-х гг.[15]

Военному суду были подсудны как уголовные, так и гражданские дела не только военнослужащих, но и всех других лиц, состоявших при войске.

Показательным, в связи с вышесказанным, может быть дело извозчика Архангелогородского драгунского полка Власа Ильина. Как выяснило проведенное следствие, он без видимых

на то причин заколол ножом гобоиста того же полка Никифора Щеголева. От полученного ножевого ранения Н. Щеголев скончался. Созванный кригсрехт квалифицировал преступное деяние В. Ильина как умышленное убийство и приговорил его к смертной казни через отсечение головы[16].

В состав кригсрехта полагалось вводить военнослужащих, не запятнавших честь и достоинство: «Суд всегда из некотораго числа честных особ сочинен бывает, которым от высокаго начальства власть и мощь во управлении правосудия дана. Оным тягающияся особы свои тяжебныя дела порядочно доносить, и по правам на оныя решения от них получить могут» (ст. 2 гл. 1). В состав суда входили председатель («президент» или «презус») и заседатели (асессоры). При каждом суде состоял технический персонал: секретарь (или протоколист) и адъютант, исполнявший обязанности судебного пристава. Следовательно, военный суд уже тогда являлся органом коллегиальным и подавал в этом пример иным (невоенным) судам.

Предполагалось, что коллегиальные суды должны действовать в количестве 13 человек. Допускались заседания в сокращенном составе, но не менее семи его членов. Для каждого конкретного случая состав суда назначался персонально. В этом нельзя не заметить тенденцию к привлечению в состав суда представителей воинских коллективов, что повышало авторитет военного суда.

Председательствующие в военных судах именовались президентами или презусами (последнее название было принято на практике). В генеральном суде председательствовал фельдмаршал или генерал. Презус полкового суда назначался из числа полковников или даже подполковников и майоров.

Утверждавший приговор воинский начальник мог не только смягчить, но и усилить наказание («какое мнение свое на оное объявит, прибавит или убавит, по тому и экзекуция отправляема быть иметь»[17]). На практике власть контролирующего начальства была практически безграничной, вследствие этого апеллировать фактически следовало не к закону, а к вышестоящему командиру или императору как верховному главнокомандующему.

Примером тому может стать дело вице-адмирала К. И. Крюйса. 11 июля 1712 г. эскадра под его командованием, состоящая из семи линейных кораблей, четырех фрегатов и двух шняв, повстречала три корабля шведов. В ходе начавшегося преследования три российских корабля сели на мель, что позволило кораблям

шведов скрыться. Важно отметить, что два севших на мель русских корабля – «Рига» и «Выборг» – были линейными, и при этом «Выборг» получил такие сильные повреждения, что было принято решение его сжечь, сняв предварительно вооружение.

По данному делу был назначен фергер (следствие) и сформирован кригсрехт в составе: президус – граф Ф. М. Апраксин, асессоры – шаутбенахт Петр Михайлов (как известно, под этим псевдонимом скрывался Петр I), капитан-командор светлейший князь А. Д. Меншиков, офицеры флота П. И. Сиверс, М. Х. Змаевич, Я. Кроненбург, П. Нельсон, В. Й. Беринг, К. Н. Зотов, З. Д. Мишуков и ряд других. 22 января 1714 г. члены суда вынесли приговор: вице-адмирала К. И. Крюйса – «наказать смертию», капитан-командора В. Шелтинга – разжаловать в «молотчие капитаны», капитан-командора А. Рейса – «расстрелять», капитана И. Дегрейтера – «выбить из сей земли без абшиту»[18].

Важно отметить, что Петр I (как Верховный главнокомандующий) при составлении своей конфирмации был менее суров и ограничился ссылкой, а вскоре и вовсе простил К. И. Крюйса и даже повелел ему «чин виц-адмирала... удостоить»[19].

Изданный вслед за «Кратким изображением процессов...» Артикул воинский редакций 1714 г. и 1715 г. был, как уже отмечалось, первым отечественным военно-уголовным кодексом. Состоявший из 24 глав и 209 статей («артикулов»), он был несравненно более подробным и пригодным для практического применения законодательным актом, нежели предыдущие документы: Уложение Б. П. Шереметева 1702 г. и Краткий артикул А. Д. Меншикова 1706 г. В Артикуле воинском предусматривалась ответственность за почти исчерпывающий круг преступлений, которые мог совершить военнослужащий в мирное и военное время – от противоцерковных до специфически воинских. В этом отношении нельзя не оценить скрупулезность работы законодателя, внесшего в кодекс как общераспространенные составы преступных деяний (убийства, кражи, изнасилования, нанесение телесных повреждений), так и достаточно редкие для России (чародейство, идолопоклонничество).

Примечательно, что с Артикулом воинским связан эпизод, который представляется возможным трактовать как первый случай, когда российский правоприменитель осознал недопустимость придания уголовному закону обратной силы. Так, в 1722 г.

Петру I поступил на утверждение приговор военного суда, вынесенный на основании Артикула воинского бывшему коменданту Астрахани М. И. Чирикову. Несмотря на то, что тот обвинялся в преступлениях, совершенных в 1717–1718 гг., император, проявив неординарную юридическую щепетильность, предписал выяснить, имел ли бывший комендант возможность ознакомиться с Артикулом воинским («был ли в присылке в Астрахань... Артикул военный»). Поскольку, как было установлено путем опроса подьячих комендантской канцелярии и офицеров местного гарнизона, ни одного экземпляра Артикула воинского в Астрахань в период пребывания там М. И. Чирикова не поступало, Петр I не стал утверждать приговор, указав подготовить его новый вариант[20] (что, вероятнее всего, означало необходимость переквалифицировать доказанные судом эпизоды преступной деятельности бывшего коменданта на основании иных актов уголовного законодательства).

Указанные нормы имели применение в деятельности военных судов. Так, в 1712 г. был начат «фергер и кригсрехт» о командире гренадерского полка полковнике Г. С. Рожнове, заслуженном боевом офицере, отличившемся в сражениях под Головчинами, Полтавой и Прутском походе[21]. Причиной возбуждения обвинения было то, что во время марша осенью 1712 г. с Украины к Смоленску драгунского полка, которым временно командовал Г. С. Рожнов, для нужд полка у гражданского населения было изъято вместо положенных по штату 200 лошадей – 789.

Разбирательство дела находилось под пристальным вниманием командующего Б. П. Шереметева. Он покровительствовал Григорию Рожнову и пытался смягчить обвинение. Уже после начала «фергера» полковник составил задним числом приказ по полку о строгом соблюдении установленных норм использования обывательских лошадей и потребовал от офицеров полка подписаться об ознакомлении с этим приказом. После этого на допросах Г .С. Рожнов заявлял, что во время изъятия лошадей у населения он был болен и не мог проконтролировать законность проведения мероприятия.

Сведения о деяниях Г. С. Рожнова дошли до самого царя. 28 февраля 1714 г. Петр I написал Б. П. Шереметеву: «Пред сим писали мы к вам, дабы вы о худых поступках полковника Рожнова учинили крейсрехт, и по тому крейсрехту какому он подлежать будет штрафу, о том к нам писали. О чем и ныне

подтверждаем. И с тем крейсрехтом пришлите ево, Рожнова, к нам в Санкт-Питербурх»[22].

Далее «фергер» затягивать было уже невозможно. Состоялся «кригсрехт», который вынес достаточно мягкий приговор: Рожнов был лишен чина и должности, а также оштрафован на 500 р. Понесли наказание и офицеры полка, обвиненные в том, что выполняли «лживый» приказ. Б. П. Шереметев утвердил приговор (лишение чина на практике было чаще всего временным наказанием) и смягчил наказание остальным офицерам. Однако такой вариант приговора не устроил Петра I, который при его утверждении назначил Г. С. Рожнову ссылку в Сибирь.

В 1714 г., посещая Ревель, Петр I получил «как от шляхетства, так и от бургеров... челобитье во многих худых поступках» коменданта бригадира В. Н. Зотова, которые на практике выражались «в задержках караблей, посулах, бою и протчих обидах и непорядках как в нашей службе, так и в народных делах».

12 марта 1714 г. царь указал бригадиру В. В. фан Делдину и полковнику В. И. Порошину приехать в Ревель и, взяв «одного подполковника, одного маеора, двух капитанов, одного порутчика или одного капитана и двух порутчиков к себе в асессоры, провести фергер о Зотове»[23].

Возможно, что многократность подобных преступлений побудила Петра I детализировать диспозицию и санкцию норм ст. 182 Артикула воинского, предусматривающих ответственность военнослужащих за мародерство, соответствующие изменения были внесены в 1716 г.[24]

Смягчение законодательства в отношении беглых военнослужащих отразилось в практике кригсрехтов. По приказу от 16 мая 1716 г. лейб-гвардии майора М. А. Матюшкина был проведен фергер и кригсрехт о беглом солдате 1-й роты Преображенского полка И. Темском. В разделе фергер содержатся протоколы допросов И. Темского, урядников и капралов 1-й роты, из которой он бежал. В разделе кригсрехт подписанные членами судебной коллегии сентенции: подпоручики – «предлагаем казнить смертью»; поручики – «надлежит его казнить смертью»; капитаны – «онаго солдата надлежит повесить»; презус капитан В. Салтыков – «казнить смертью». После – конфирмация командира Преображенского полка лейб-гвардии подполковника И. И. Бутурлина, датированная 22 апреля 1719 г.: «Дать ему сорок ударов кнутом и сослать на каторгу до указу»[25].

Примером ревизионно-решающей деятельности Военной коллегии может послужить дело барабанщика Кексгольмского батальона Степана Емельянова. Согласно материалам военно-судного дела, отложившегося в Российском государственном военно-историческом архиве, он совершил в 1717 г. побег из Выборгской крепости, унеся при этом с собой мундир и шпагу. Беглеца удалось арестовать спустя три года, в октябре 1720 г. Все прошедшее со времени побега время С. Емельянов провел в доме у своего отца.

Согласно ст. 95 Артикула воинского 1715 г. дезертиру С. Емельянову грозила смертная казнь через повешение. И действительно, приговор полкового суда, состоявшегося в Выборге, по месту прежней службы подсудимого, полностью соответствовал нормам военно-уголовного права. Смертный приговор полкового кригсрехта на правах старшего воинского начальника утвердил выборгский обер-комендант И. М. Шувалов. Приговор не являлся окончательным, поскольку требовал утверждения в Военной коллегии.

Военная коллегия своим приговором от 14 июля 1721 г. отменила смертную казнь С. Емельянову, заменив ее «политической смертью», которая предполагала телесное и членовредительное наказание виновного (наказание кнутом и вырезание ноздрей), а также бессрочную ссылку на каторгу. Из приговора Военной коллегии известно, что ревизионно-решающая инстанция учла долгое (в течение десяти месяцев) содержание беглого барабанщика под стражей. На этом основании было принято решение о смягчении наказания: «...понеже он держица под караулом уже десятой месяц, того ради для такова продолжительного ареста вместо смерти учинить ему наказанье бить кнутом и, вырезав ноздри, сослать ево на каторгу в вечную работу»[26].

Подводя итоги, следует констатировать, что в период петровских реформ был сделан значительный шаг в развитии военного правосудия: в определении воинских преступлений и наказаний, организации военных судов, подсудности дел военным судам и судопроизводстве. Военно-судебные преобразования Петра I явились важным элементом военной реформы. И хотя безусловного, полного отделения суда от административной власти не произошло (ибо роль военного командования на всех этапах уголовного процесса продолжала оставаться значительной), именно в первой четверти XVIII в. военные суды

образовали собой обособленную подсистему в судебной системе России.

Важнейшим итогом деятельности Петра I в области военного законодательства необходимо признать принятие Артикула воинского и «Краткого изображения процессов и судебных тяжеб», в результате чего русская армия получила первые военно-уголовный и военно-процессуальный кодексы, просуществовавшие с незначительными изменениями до начала XIX в. В годы правления Петра I военный суд был призван стать орудием в руках государства для установления законности и правопорядка в армии и на флоте. Общей тенденцией судебной практики стало усиление карательной направленности отправления правосудия. В итоге преобразований первой четверти XVIII в. в России была сформирована военно-судебная система, полностью отвечавшая условиям организации и функционирования реформированной регулярной армии.

---

[1] Характеристику названных актов см.: Розенгейм М. П. Очерк истории военно-судных учреждений в России до кончины Петра Великого. СПб.: Тип. М. Эттингера, 1878. С. 66–82.

[2] Ст. 9 гл. 10-й и ст. 5 гл. 12-й Краткого артикула 1706 г.

[3] Розенгейм М. П. Очерк истории военно-судных учреждений в России до кончины Петра Великого. С. 87, 88.

[4] Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX веке. М.: Наука, 1972. С. 145.

[5] Серов Д. О. Судебная реформа Петра I: Историко-правовое исследование. Монография. М.: ИКД «Зерцало-М», 2009. С. 135.

[6] Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 248. Кн. 58. Л. 2 об. – 3.

[7] Письма и бумаги императора Петра Великого (далее ПиБ). Т. 1 (1688–1701). СПб.: Государственная типография, 1887. С. 37.

[8] ПиБ. М.;Л., 1948. Т. VIII, вып. 1. С. 226.

[9] ПиБ. М.; Л., 1950. Т. IX, вып. 1. С. 334.

[10] РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра Великого). Отд. II. Кн. 53.

[11] ПиБ. СПб., 1893. Т. III. № 824.

[12] ПиБ. Т. VIII, вып. 1. С. 15, 16, 28.

[13] Мышлаевский А. З. Северная война. Летняя кампания 1708 г. // Военный сборник. СПб., 1901. № 10. С. 48.

[14] Андреев И. Л. На пути к Полтаве. М.: Вече, 2009. С. 65; Павленко Н. М. Меншиков: полудержавный властелин. М.: Молодая гвардия, 1999. С. 112.

[15] Ефремова Н. Н. Судоустройство России в XVIII – первой половине XIX в. (историко-правовое исследование). М., 1993. С. 74–76.

[16] Центральный государственный архив республики Дагестан (ЦГАРД). Ф. 18. Оп. 1. Д. 23; Д. 3; Д. 150. Л. 56.

[17] Законодательство Петра I / Под ред. А. А. Преображенского и Т. Е. Новицкой. М., 1998. С. 840.
[18] Архив СПбИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. Д. 75. Л. 39–46 об.
[19] Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого). М.: Кругъ, 2004. Вып. 1. С. 399.
[20] Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1898. Т. 101. С. 200, 208–209.
[21] Подробнее см.: Акишин М. О. Судебная реформа Петра I : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005. С. 52–54.
[22] Цит. по: Акишин М.О. Судебная реформа Петра I. С. 53.
[23] Архив СПбИИ РАН. Ф. 270 (Комиссия по изданию писем и бумаг Петра Великого). Оп. 1. Д. 75. Л. 168.
[24] Бобровский П. О. Военные законы Петра Великого в рукописях и первопечатных изданиях: историко-юридическое исследование. СПб., 1887. С. 66–67.
[25] Розенгейм М. П. Очерк истории военно-судных учреждений в России до кончины Петра Великого. СПб.: Тип. М. Эттингера, 1878. С. 334–341.
[26] РГВИА. Ф. 8. Оп. 1. Д. 47. Л. 1–3 об, 3–3 об.

А. В. Громов (Санкт-Петербург)

О ГОРНЫХ ВЕНЕЦИАНСКИХ ПУШКАХ В СОБРАНИИ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ АРТИЛЛЕРИИ, ИНЖЕНЕРНЫХ ВОЙСК И ВОЙСК СВЯЗИ

В СОБРАНИЯХ военно-исторических музеев России известно совсем немного венецианских бронзовых пушек XVI–XVIII вв., ставших трофеями русской армии или флота в разное время.

Большую часть такого рода трофеев представляют собой архаичные небольшие орудия с вкладной зарядной каморой, железной вилой на цапфах (вертлюгом) и кованым железным правилом вместо винграда. Эти мобильные орудия относительно небольшого калибра часто захватывались как русскими (донскими), так и украинскими (запорожскими) казаками на Черном море либо вылавливались на отмелях, на местах кораблекрушений местными жителями[1].

Только в собрании ВИМАИВиВС таких орудий известно, минимум, пять: два *petriere da mascolo* (с боковым фиксирующим клином)[2] и три *petriere da braga* – разного типа (с фиксирующим клином типа мерлон)[3]. И несомненно, что они все оказались на Черном море вместе с военными кораблями турок.

Еще в XVI–XVII вв. в османском флоте отнюдь не брезговали применять на галерах и в крепостях трофейную артиллерию, изготовленную в Европе, в том числе в Австрии и в Венеции: на некоторых трофейных пушках, взятых в боях русской армией, европейские имена мастеров и символика сочетаются с маркировкой арабской вязью. В подобных случаях на орудиях ставился вес ядра и заряда (в турецких мерах), нередко – год (в мусульманском летосчислении) и т. д.[4]

Ил. 1. Венецианская 3-фн. пушка ВИМАИВиВС МЧА 02/2

Но вот два маленьких *дульнозарядных* 3-фн. орудия (МЧА 02/2 и 02/57) на *неизвестного устройства лафетах* и не имеющие отметок о датировке изготовления на стволах оказались большой загадкой для всех исследователей (ил. 1). Во-первых, они однозначно оба являлись венецианскими, о чем свидетельствовало литое изображение в виде герба Венецианской республики (лев Святого Марка, держащий раскрытую Библию) (ил. 2) Но их лафеты при этом не находили себе аналогов в артиллерии ни одной из стран тогдашней Европы. А во-вторых, обработка самих стволов (дополнительный *паз с винтовой нарезкой* внутри винграда пушки МЧА 02/2, следы сверления на торели ствола МЧА 02/57 и т. д.) не являлась вполне типичной для артиллерии Венецианской республики в XVIII в. (ил. 3, 4). Она казалась «неправильной» и не соответствующей высококачественной отделке материальной части.

Вообще, весь облик данных орудий отчетливо наводил всех исследователей на мысль *о позднейшей их переделке и доработке,* произведенной в неустановленный период времени. Вместе с тем, оставалось не вполне ясным, как должен выглядеть исходный вид такого рода орудия, в том числе и ствола, и лафета.

Слева:
Ил. 2. Венецианский герб на одном из орудий

Вверху:
Ил. 3. Винград с торелью пушки ВИМАИВиВС МЧА 02/57

Соответственно, за отсутствием информации на этот счет невозможно было судить, *сколько раз и кем именно* переделывались (модернизировались?) орудия. В частности, сами стволы и казавшиеся сомнительными лафеты могли быть вообще изготовлены в разное время, в разных местах и впоследствии переделываться. Причем не только венецианцами, но и русскими. Кроме того, их стволы и лафеты могли подвергаться ремонту и переделке даже османскими специалистами (если считать, что эти орудия были захвачены русской армией на Дунае или Днестре). Подобный шанс теоретически можно было рассматривать ввиду того, что все самые ранние упоминания данных пушек в русских источниках были связаны именно с левобережьем Днестра и с «Дунайским фронтом» русско-турецких войн XVIII–XIX вв.

По документам из архива ВИМАИВиВС ровно *двенадцать* (!) таких же 3-фн. венецианских пушек с лафетами находилось до 1834 г. в Одессе. Как сообщают наши источники, «В этом году по Высочайшему повелению две венецианские пушки... переданы на хранение в Киевский арсенал, а остальные 10 подарены графу М. С. Воронцову. По современным сведениям, все 12 пушек были в 1808 г. доставлены из г. Батушина[5] в Каменец-Подольск, а отсюда в 1812 г. в Хотин; из Хотина в 1828 г. отправлены в Измаил

и находились в действии против турок, доставлены в 1829 г. на судне «Иоанн Богослов» в Одессу. Когда и где взяты эти пушки, неизвестно, но полагали, что они отбиты от турок Румянцевым и Потемкиным»[6].

Пришли же две упомянутых 3-фн. пушки в музей уже в 1873 г., и как раз из Киевского артиллерийского арсенала[7].

Таким образом, оставалось только понять, как эти венецианские пушки на необычных «нестандартных» лафетах вдруг оказались в руках у русских в таком количестве. Двенадцать пушек с совершенно одинаковой отделкой и с одинаковыми лафетами – слишком много, чтобы являться случайной опытной партией или кустарной поделкой. Двенадцать пушек – это, как минимум, две стандартные батареи. И притом вовсе не факт, что они являлись единственными в своем роде.

Ил. 4. Запал и торельный пояс пушки ВИМАИВиВС МЧА 02/2

Во всяком случае, вопрос о лафетах усугублялся еще и тем, что для русских артиллеристов вообще не являлось необходимостью изготавливать такой странный и непривычный для них тип лафетов – с треногой вместо оси. Под иностранные орудия столь маленького калибра им было проще использовать русский лафет 3-фн. единорогов сист. 1805 г. или еще более ранний – 3-фн. «екатерининского» образца. Похожим образом, кстати, скорее всего, поступили бы и у турок – после реформ барона де Тотта в их артиллерии появились вполне приличные образцы лафетов, изготовлявшихся на европейский манер.

Известно, в частности, что А. В. Суворов, взяв у противника в Туртукае несколько пушек, часть из них удержал для себя, заказав под них полевые лафеты вместо морских[8]. Аналогичным

образом, турки в бою при Кинбурне применяли уже трофейный русский единорог со «своим» (т. е. турецким!) лафетом[9]. То и другое свидетельствует, скорее всего, о том, что как раз лафеты обеих пушек, в отличие от стволов, на них установленных, *доработке и переделке не подвергались*.

Все остальные изменения (на стволах) как раз вполне объяснимы в рамках истории с применением их русской армией против турок в войну 1828–1829 гг.: прицелы русской системы Маркевича (1802) или Кабанова (1811), скорее всего, не могли устанавливаться на старых венецианских креплениях. Почему часть торели на некоторых орудиях в итоге была немного обточена, и на ней просверлили новые два паза с винтовой нарезкой (ствол МЧА 02/2).

Продольный, с нарезкой, паз на винграде орудия МЧА 02/57 на самом деле вызывает намного больше вопросов. Во-первых, видно, что он просверлен не вполне точно с осью канала (очередной вариант переделки?). А во-вторых, его появление на винграде необъяснимо с технической точки зрения никакими соображениями, кроме как установкой туда железного (?) рычага, на манер правила. Однако вовсе не обязательно полагать, что подобный паз на винграде был изготовлен *одновременно* с пазами крепления для прицела. На этот счет в источниках нет никакой дополнительной информации.

Новые сведения об орудиях могли бы дать в этом случае каталоги по артиллерии в западноевропейских музеях (в том числе Турции и Италии). По крайней мере, была надежда на то, что отыщутся 3-фн. венецианские пушки той же отливки и, соответственно, два орудия из собрания ВИМАИВиВС (МЧА 02/2 и 02/57) окажутся, наконец, встроенными в соответствующий *типологический ряд*.

Наличие хотя бы одного-двух аналогов этих пушек в европейских музеях давало бы шанс на то, что их удастся как-то переатрибутировать, в том числе выяснить датировку изготовления и определить, пусть даже приблизительно, тип лафетов. Увы, но даже в сборнике – каталоге венецианских орудий разного времени в европейских музеях, опубликованном в 2014 г. итальянским исследователем профессором К. Бельтраме (Университет Ка-Фоскари, Венеция) и его коллегой профессором М. Морином таких орудий не оказалось вовсе[10]. Как сообщил на этот счет в 2019 г. сам проф. Бельтраме, ни он, ни его коллеги

не сталкивались с подобными образцами венецианских переносных лафетов. Причем не только в музеях в самой Италии, но и в Европе вообще. Аналогичным образом, и в сборнике – каталоге гладкоствольных европейских орудий XV–XIX вв., созданном знаменитым подводным исследователем Л. М. Мендельсоном (опубликовано Институтом багамских подводных исследований в 2014 г.)[11] ни одной такой пушки, подходящей по типологии и описанию, также обнаружить не удалось.

Так что в исследовании материальной части данных орудий, как и в процессе перепроверки их атрибуции, пришлось, во-первых, снова поднять все архивные документы о поступлении их в музей и, во-вторых, провести материально-техническое исследование самих предметов.

Характеристики и описания орудий МЧА 02/20 и 02/57

Итак, оба исследуемых орудия в документах музея были повсюду записаны как венецианские 3-фн. пушки с лафетами. Причем лафеты везде описывались как двухколесные, хоботовые «с правилом и подъемным винтом; вместо оси две коленчатые, привинченные к станинам обоймы, в которые вставлены низкие деревянные колеса; по сторонам станин две железных тяги, придерживающие обоймы»[12].

Размеры обеих пушек также указывались довольно точно (см. таблицу)[13], и они полностью соответствуют усредненным стандартам западноевропейских 3-фн. орудий XVIII–XIX вв.

№	калибр	Длина (до торели)	Длина (полная)	Вес (по насечке)
МЧА 02/20	3 д.	2 ф. 11,5 д.	3 ф. 3,5 д.	6 п. 9 ф.
МЧА 02/57	3,1 д.	2 ф. 11,6 д.	3 ф. 3,75 д.	5 п. 3 ф.

Кроме того, по приведенным выше фотографиям (см. ил. 1–4) можно отметить, во-первых, что на орудии МЧА 02/2 на казенной части, выше запального отверстия, насечено обозначение веса в венецианских фунтах[14]: «215». И, во-вторых, на торельном поясе, рядом с запалом (ствол МЧА 02/57), насечена крупным шрифтом литера «А»[15]. Эти обозначения, в отличие от русских массогабаритных отметок в пудах и фунтах, являются, по-видимому, исходными (стандартными) маркировками артиллерии

Венецианской республики. И наносились они непосредственно в арсенале, после отливки самих орудий. Соответственно, русские арсенальные метки, в пудах и фунтах, предназначались, по-видимому, для возможности применения данных пушек уже в России.

При этом также отдельно следует подчеркнуть, что никаких «промежуточных» надписей (на османском, арабской вязью) на стволах пушек *не зафиксировано*. Последнее, по всей видимости, может свидетельствовать о том, что указанные орудия *вообще никогда не оказывались в руках турок* и, соответственно, были вывезены в Россию другим путем.

Далее:

В верхней части торели пушки 02/57 мы наблюдаем *следы обточки и два паза с винтовой нарезкой,* по-видимому, для установки туда затыльника. Последний был, по всей видимости, русского типа – т. е. к орудиям сист. 1805 г. (на второй пушке подобных признаков переделки не обнаружено).

В торце винграда ее высверлен также широкий паз с винтовой нарезкой, просверленный по оси канала ствола, предназначенный, по всей видимости, *для установки длинного ввинтного правила*. На второй пушке такого паза в винграде *нет*.

Кроме того, на пушке 02/2 ***на торельном поясе*** также высверлены *два винтовых паза* для установки (русского?) стоечного прицела. На другой пушке, что интересно, они *отсутствуют*.

Запальное отверстие данных пушек в обоих случаях – *в медном запальном стержне*.

Подъемный механизм в обоих случаях – винтовой, вертикальный; рукоятка железная крестообразная; винт с рукояткой установлены на выпуклой, из желтого металла, пластине, закрепленной на подушке лафета с помощью четырех заклепок (гвоздей?) с круглыми шляпками.

Лафеты пушек в обоих случаях идентичны. Вместо оси и стандартных колес со спицами оба они имеют по две железных кованых ножки, верхний конец которых закреплен (на винтах) на деревянной части станин, по сторонам лафета. Нижняя часть обеих ножек представляет собой П-образную вилку, в которой с помощью винтов и гаек фиксируются колеса. Сами колеса цельнодеревянные (без спиц), с железной кованой ошиновкой (ил. 5).

Кроме того, все деревянные детали лафетов в обоих случаях окрашены *желтой* краской. Что вызывает массу вопросов, так

как российская и османская артиллерии преимущественно использовали всевозможные тона *красного*. На чертежах трофейных турецких пушек из собрания ВИМАИВиВС, датированных XVIII в. встречаются даже лафеты, окрашенные в различного тона *розовый*. Вместе с тем, о каком-либо применении желтой краски в лафетах османских пушек этого времени на сегодняшний день положительных данных нет.

Ил. 5. Крепление колеса одного из орудий ВИМАИВиВС

К вопросу о датировке стволов орудий

Установить границу верхней датировки изготовления данных пушек довольно просто. Ее подсказывают реалии западноевропейской международной политики эпохи французских революционных войн.

Еще весной 1797 г. Венецианская республика перестает существовать как независимое самостоятельное государство: в ходе вторжения французской армии в Италию последний дож Венеции Лодовико Манин и Большой совет принуждены были подписать свое отречение (12 мая 1797 г.). После чего, 16 мая, Венеция была без сопротивления занята французами.

Уже тогда самостоятельное производство пушек в Венеции было прервано и никогда не возобновлялось в дальнейшем. Согласно тексту мирного договора, заключенного в Кампо-Формио 17 октября 1797 г., венецианская территория по левую сторону р. Адидже вместе с Истрией и Далмацией была предоставлена Австрии, между тем как область по ее правую сторону присоединена к Цизальпинской республике (впоследствии Итальянскому королевству). Ионические острова перешли во владение Франции.

Стало быть, исходя из этих соображений, дата отливки этих орудий никак не может быть позже зимы–весны 1797 г.

При этом нижнюю границу датировки изготовления данных пушек установить намного сложнее. В Европе сменные *вкладные стержни из красной меди* отмечены на запалах французских пушек (системы Вальера) еще в 1732 г.[16] И, соответственно, в последующие десятилетия такого рода запалы в медных конических вкладных стержнях распространяются по Европе. Поскольку медь (при большей ее мягкости как материала) менее подвержена разгару, то эти вкладки сделались популярными во многих странах: их можно было легко менять в мастерских арсеналов по мере надобности[17].

Стало быть, ранние датировки изготовления данных пушек (1-я четверть XVIII в.) автоматически отпадают как *невозможные*. На запалах обеих пушек медные стержни видны отчетливо, а в артиллерии стран Европы (в том числе и в Венеции) до системы Вальера их просто нет.

К вопросу о провенансе обеих пушек

Хотя орудия и зафиксированы впервые в местечке Батушине (русское левобережье Днестра) с 1808 г., но это вовсе не означает, что они могут являться трофеями Русско-турецкой войны 1806–1812 гг. Данная территория еще с 1792 г. была в составе Российской империи и, соответственно, все орудия, взятые в предыдущей войне с османами, могли храниться там очень долго.

Среди трофеев, захваченных в крепостях на Дунае в период с 1806 по 1808 гг., таких орудий *по документам не выявлено*. Кроме того, крайне трудно предположить, чтобы они вообще оказались в этих местах (в маленькой русской крепости на Днестре) *как трофей войны с турками*.

Такого рода трофей мог оказаться в руках у турок только тремя путями: непосредственно в венецианских крепостях далматинского побережья и островов Средиземного моря, затем от австрийцев (как вторичный трофей) с Дуная и, наконец, от французов – в ходе совместных русско-турецких действий в Архипелаге в 1798–1799 гг. Однако первый вариант отпадает сразу. Один из весьма немногих вариантов, когда орудия эти могли попасть в руки турок – это кампания 1715 г. в Морее, когда османы поочередно заняли крепости Акрокоринф, Навплион, Наварин, Монемвасию и др.[18], – это был пик успехов османской армии в тот период. Однако это исключено по

соображениям, излагавшимся уже выше: в этот период на стволах пушек Венецианской республики еще отсутствовали запальные стержни.

Значительное количество самых разных мортир и пушек, отлитых Венецианской республикой до момента ее крушения и аннексии в 1797 г., должно было находиться на островах Санта-Мавра, Цериго, Корфу и др. В таком случае появление в руках русских модернизированных венецианских орудий с новым усовершенствованным запалом гораздо более объяснимо.

Другой вариант возможного попадания этих пушек в руки османов – это война с австрийцами на Дунае (1787–1791). В этом случае трофейные орудия венецианской отливки могли быть взяты османами у австрийцев и лишь потом уже стать трофеями русской армии. Среди трофеев П. А. Румянцева и А. В. Суворова на Дунае действительно упоминались пушки, в том числе с «цесарскими» гербами, а в чертежах трофейных орудий из собрания ВИМАИВиВС встречаются также пушки венецианской, генуэзской и даже папской отливки разного времени[19].

Однако этот вариант также полностью отпадает. После разгрома турок принцем Евгением Савойским при Петервардейне (1717) последним так и не удалось больше взять реванша над Австрией. Сравнительная неудача принца И. Кобургского под Журжой, где австрийцы потеряли часть артиллерии (1791) – это единственный успех турок за эти годы. Поэтому относительно *новых* пушек венецианской отливки среди турецких трофеев А. В. Суворова и Г. А. Потемкина почти нет.

Наконец, как уже отмечено выше, на пушках нет каких-либо турецких отметок, свидетельствующих о «турецком» этапе их боевой биографии.

Поэтому не вполне ясно, где вообще эти пушки могли быть захвачены. И равным образом непонятно, когда и как их могли привезти в Россию. Есть вариант, что русские войска (либо армия, либо флот) захватили их непосредственно в Средиземном море: чертежи множества трофейных венецианских и папских пушек XVII–XVIII вв., удалось выявить в наши дни в фондах РГАВМФ[20].

Крайний вариант (по датировкам упоминания данных пушек уже в России) – это могло бы произойти никак не ранее похода эскадры Ф. Ф. Ушакова 1798–1799 гг. Тогда и только тогда значительное количество относительно *новых* и современных

венецианских бронзовых пушек могло быть взято русской морской пехотой, *минуя турок*.

Так что уместно предположить, что все эти орудия (изначально в Батушине их находилось целых двенадцать!) были взяты отнюдь не у турок, а непосредственно на Средиземном море в бывших венецианских крепостях, оккупированных французами. Такие случаи с захватом венецианских пушек русской эскадрой в разное время действительно упоминаются по документам из собрания РГАВМФ[21]. И отвезли их в новую фортецию на Днестре не османы, а как раз русские.

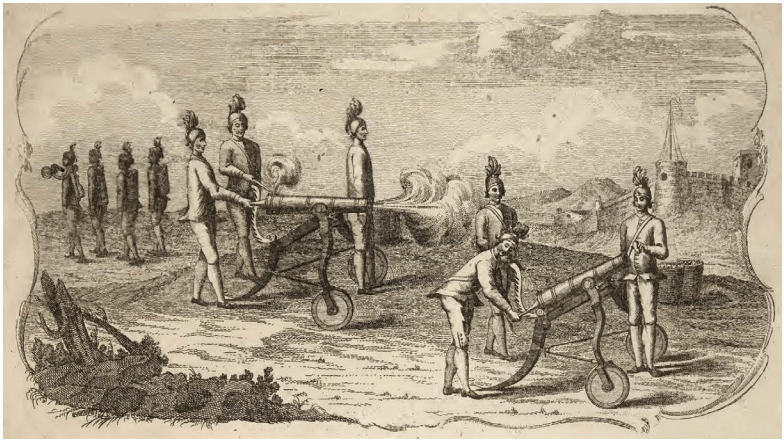
Венецианские изобразительные источники (по публикации Д. Гасперони, 1782 г.)

Единственный изобразительный источник по орудиям такого (или же аналогичного им) типа, притом источник аутентичный – это альбом рисунков и чертежей, подготовленный в свое время инспектором-генералом артиллерии Венецианской республики Доменико Гасперони. Впервые он вышел в свет в 1779 г. и, кроме того, переиздавался впоследствии.

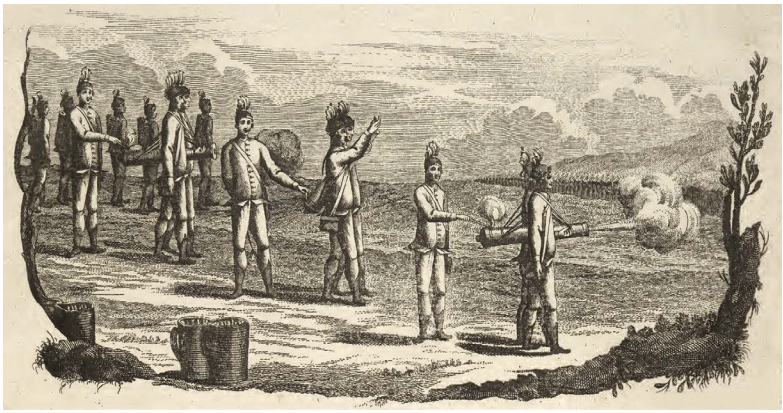
В издании 1782 г. мы можем видеть сразу два типа таких орудий (ил. 6, 7). В одном из случаев мы видим ствол небольшого размера, поставленный на лафет, очень близко напоминающий по устройству колес и (железных?) стяжек орудия из ВИМАИВиВС. Перевод подписи к рисунку при этом гласит: «Пушка, с ядром весом в 3 фунта, установленная на переносном лафете, доставляемом на спине в любое доступное человеку место. С гранатами с картузом инвенции Гасперони»[22].

Во втором случае орудия *похожего типа* и, очевидно, с тем же калибром стреляют на весу (sic!) *с лямок или ремней, расположенных на плечах двух номеров их расчета*. Согласно подписи под рисунком, при стрельбе с рук в ходе разных экспериментов процесс заряжания такой пушки занимал не больше минуты, причем, как и в первом случае (при стрельбе с лафета), использовались гранаты и картузы[23].

Не совсем ясно, *одинаковые ли это орудия*. Винград, изображенный в первом случае, более напоминает ввинченное в торель правило. Во втором случае он близок к нормальной форме винграда и, вероятно, имеет высверленный в нем паз с винтовой нарезкой для установки правила по мере надобности.



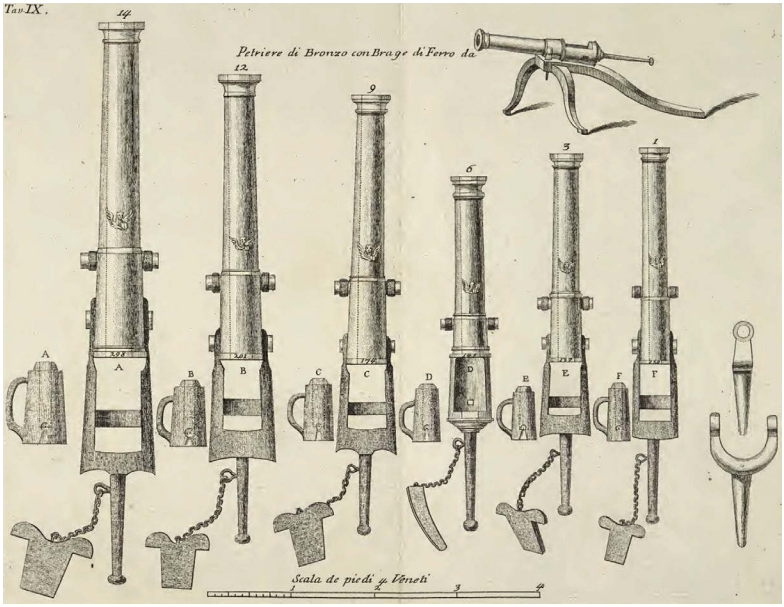
Ил. 6. Венецианские 3-фн. пушки на лафетах (по Д. Гасперони)



Ил. 7. Ручной вариант 3-фн. пушек (по Д. Гасперони)

Это всего лишь предположение, но его подкрепляют данные по использованию переносных, в том числе камнестрельных орудий (так называемых – *petriere*) в войсках Венеции в это время. В частности, в одной из приводимых Гасперони таблиц образцы железных вставных винградов таких орудий (калибра «da 6») довольно близко напоминают форму винграда дульнозарядной пушки на иллюстрации (ил. 8).

Признать ли это *переходной формой* такого рода орудия к дульнозарядной пушке от *petriere,* пока неясно. В подобном



Ил. 8. Винграды petriere калибра «da 6»

случае винград с просверленным в нем специальным винтовым пазом (по иллюстрации Гасперони нельзя судить, есть ли он на орудии) выглядит как технически *более поздний* и, соответственно, *более современный*. Но очевидно, что в этом нет ничего невозможного, раз такой тип малокалиберных переносных (и, очевидно, *горных*) орудий был так востребован венецианской армией в эти годы.

Стоит отметить также, что орудия, изображенные Гасперони (см. ил. 5 и 6), имеют как ряд отличий от образцов из собрания ВИМАИВиВС, так и отчетливые черты сходства с последними.

Соответственно, возвращаясь к материальной части и подводя итоги сопоставления изображений, сделанных Д. Гасперони, и настоящих «живых» орудий в фонде ВИМАИВиВС, надлежит сказать следующее.

1. Колеса, установленные в П-образных обоймах железнокованных ножек лафета (заменяющих ему ось), очевидно, являются продолжением или, как минимум, повторением устоявшегося в Венеции образца, не имеющего аналогов в артиллерии других стран Европы. В обоих случаях (на иллюстрации Гасперони и на

орудиях из собрания ВИМАИВиВС) эти детали совершенно аналогичны.

2. В отличие от артиллерии Республики Венеция, такого типа лафеты (даже в виде эксперимента!) не зафиксированы ни в русской армии, ни в османской. Отсюда можно предположить, что лафеты в обоих случаях в самом деле *аутентичны* и, соответственно, имеют сугубо местное происхождение, *не являясь заимствованием извне*.

3. В конструкции лафета на рисунках Д. Гасперони (см. ил. 5), как и в лафетах двух венецианских пушек из фонда ВИМАИВиВС, присутствуют две железные стяжки по сторонам – от железных ножек с колесами до станины, что придает лафету устойчивость и максимальную прочность при относительно небольшом весе. Образовавшийся таким образом треугольник (ножки – две стяжки – станины лафета) представляет собой жесткую, весьма устойчивую конструкцию, препятствующую внезапному «складыванию» железных ножек в сам момент выстрела. При этом вес общей конструкции невелик и вполне позволяет перемещать такой тип орудия по сильно пересеченной местности.

4. Лафет, изображенный на иллюстрации Д. Гасперони, имеет вместе с тем и ряд заметных отличий от образцов из ВИМАИВиВС. Во-первых, лафет с рисунка оснащен стрельчатым брусом вместо двух параллельных (деревянных) станин. Во-вторых, судя по неестественному излому самого бруса, он должен быть либо металлическим (что вполне вероятно), либо же составным деревянным. Последнее невозможно ввиду того, что как раз в месте изгиба (соединения?) расположен и подъемный механизм с рычагом, регулирующим угол наводки в момент прицеливания. При этом сам механизм действия рычага из рисунка не вполне ясен.

5. Подъемный механизм на пушках из ВИМАИВиВС реализован принципиально иначе. Крестообразная поворотная рукоятка по своей форме больше напоминает французские образцы (отличаясь при этом способом установки на подушке лафета). На иллюстрации Д. Гасперони (см. ил. 5) – это рычаг изогнутой формы, со специальными выточками (прорезями) на нем.

6. Винград орудия с лафетом, изображенного Д. Гасперони, существенно отличается от орудий из ВИМАИВиВС – он в данном случае длинный, в виде правила (и непонятно, цельнолитой

или сменный). Напротив, оба винграда пушек МЧА 02/2 и 02/57 вполне обычные, закругленной формы. Что совпадает со следующей иллюстрацией Гасперони (см. ил. 6). При этом, судя по наличию в винграде одной из них продольного винтового паза, они могли с определенного момента быть доработаны соответствующим образом: сам паз просверлен (на обоих орудиях) не вполне точно относительно оси канала ствола, а смещен от нее несколько в сторону.

7. Продолговатое правило, ввинчивавшееся в указанный паз в винграде, не сохранилось, но очевидно, оно было призвано исполнять ту же функцию вертикальной наводки, что и литой (?) сильно вытянутый винград на рисунке Д. Гасперони. Однако мы никак не можем судить, сверлили ли указанные пазы изначально, добавили ли позднее в самой Венеции, или же их появление было связано уже с русской страницей их боевой «биографии».

О массогабаритных характеристиках

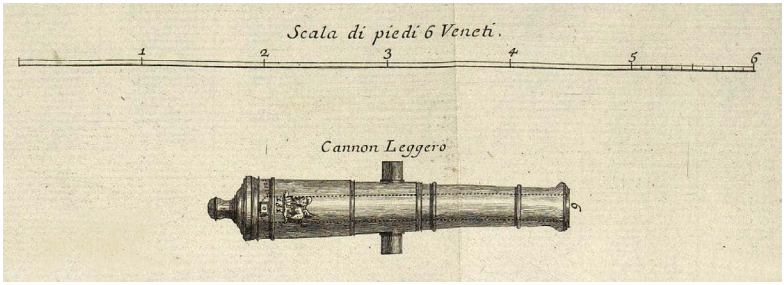
Обозначение орудий (МЧА 02/2 и 02/57) в русских источниках как 3-фн., а венецианских – как 6-фн. *(«cannon leggero da 6 in bronzo»)* также не должно вводить в заблуждение. Согласно таблице обозначений, весов и калибров всех образцов артиллерии, находящихся в арсенале Венеции к 1779 г., обозначение *«cannon leggero da 6»,* прилагаемое в данном случае к легким пушкам – это их старое, традиционное обозначение. Обозначение же *«da 3»* – это недавний и относительно новый на тот момент тип фиксации их в документах. Кроме того, размеры их (длина в 2 piedi, 7 oncia, 11 linia), калибр (2 oncia, 7 linia, 3 punto) весьма близки к характеристикам казнозарядных переносных *petriere* с тем же калибром, что дополнительно может свидетельствовать о том, что предназначение и методика применения таких пушек в обоих случаях были схожими[24]. Также обозначения калибра в виде «6» на винграде таких орудий мы можем видеть и на примерах более ранних пушек такого типа. Как минимум два из них (ранний вариант – *с квадратной раковиной* вокруг запала, запал просверлен *без* медной вкладки – прямо в стволе) упомянуты в каталоге венецианских пушек современными итальянскими исследователями[25].

Кат. №:	45	143
Тип орудия	*«cannone leggero da 6 in bronzo»*	*«cannone leggero da 6 in bronzo»*
Калибр	72 мм	77 мм
Длина: полная / до торели (см)	101,5 / 91,5	100 / 91
Вес по насечке (в венецианских фунтах)	182	181
Место хранения	Военный музей, Стамбул (Турция), инв. № 296	Морской исторический музей, Пирей (Греция), инв. № 146/312 НММ
Мастер-изготовитель / дата	Джованни Маццароли, 1680–1710	Джованни Маццароли, 1680–1710

Чертеж подобного орудия также приводит в своей работе Д. Гасперони (ил. 9): рисунок четко демонстрирует квадратную литую раковину вокруг запала, обозначение веса в венецианских фунтах: «181» и т. д.

Стоит отметить, что на орудии из ВИМАИВиВС (МЧА 02/2) вес ствола указан несколько больше: 215 фунтов. Так что, по-видимому, некоторое увеличение веса таких орудий произошло уже в ходе модернизации.

Кроме того, обращает на себя внимание тот факт, что орудие из музея в Стамбуле, как и орудие в собрании ВИМАИВиВС (МЧА 02/57), имеет винтовой паз на торце винграда[26].



Ил. 9. Ствол легкой 3-фн. пушки старого образца (по Д. Гасперони)

К большому сожалению, по фотографиям из каталога венецианских пушек 2014 г. не вполне ясно, есть ли подобный паз на орудии из музея в Пирее (Греция). Во всяком случае, сам факт его наличия на орудии из Стамбула позволяет нам усомниться в его «российском» происхождении. Скорее всего, какая-то часть такого рода орудий, в том числе «старого» и более современного типов (т. е. с квадратной раковиной запала и без нее, с медным стержнем), уже была переделана *до ее попадания в руки русских*. В пользу этого говорит также то, что, согласно русским источникам, при лафетах имелись также свои правила (утраченные впоследствии). Это значит, что у орудий, уже утративших оригинальные (т. е. *ввинтные*) правила *венецианского образца*, как и уже не имевших специального винтового паза для их установки, правила были уже российского образца – т. е. крепившиеся к хоботовой части лафетов.

За неимением каких-либо других архивных источников (в том числе чертежей и изображений) на этот счет, более правильного суждения по устройству таких орудий и эволюции их материальной части вынести невозможно: ответ на многие вопросы, вероятно, содержится в итальянских (венецианских) архивах. И, вероятно, когда-нибудь этот ответ будет найден.

Тем не менее, подытоживая результаты исследований, проведенных в ВИМАИВиВС в 2019–2023 гг., можно с уверенностью сказать следующее:

1. Оба орудия, хранящиеся в собрании ВИМАИВиВС (МЧА 02/2 и 02/57), являются продолжением и развитием венецианской традиции применения казнозарядных переносных камнестрельных орудий (так называемых *petriere*), но уже с дульным способом заряжания.

2. Эти орудия изготовлены явно позже двух сохранившихся образцов из Стамбула и из музея в Пирее (см. выше), о чем свидетельствуют их различия в устройстве запалов и некоторые другие характеристики.

3. Следы сверления на винградах некоторых орудий «старого» и «нового» типа могут иметь своим объяснением применение съемных (ввинтных) правил, конструктивно аналогичных тем, что вы видим на *«petriere da 6»* из чертежей Д. Гасперони. Эта особенность также никак не связана с пребыванием этих пушек в России (орудие из музея в Стамбуле в России никогда не было). Но вместе с тем непонятно, из-за чего на некоторых орудиях следов сверления на винградах *нет*.

4. Судя по данным русских документов, качество отливки подобных пушек и их мобильность были оценены и русским командованием: они использовались (активно) еще во время Русско-турецкой войны 1828–1829 гг.: «были в действии против турок». При этом их материальная часть, и стволы, и сами лафеты, *не подвергалась каким-либо существенным изменениям*.

5. Оба орудия, хранящиеся сегодня в ВИМАИВиВС, по ряду признаков не попадали в руки турецкой армии и, соответственно, не могли быть захвачены русской армией на Днестре и Дунае в 1769–1774, 1787–1791 гг.

6. С учетом времени (1808 г.) и места первого упоминания этих пушек в России (гарнизон укрепления Бутучаны, Молдавия), они могли быть только *трофеем русской Средиземноморской эскадры* адмирала Ф. Ф. Ушакова в 1798–1799 гг. И лишь впоследствии эти пушки, общим числом не менее 12 шт. (т. е. две стандартные батареи), были доставлены в приднестровские гарнизонные части – для усиления обороны вновь отвоеванных у неприятеля территорий.

Таким образом, оба венецианских 3-фн. орудия из собрания ВИМАИВиВС (МЧА 02/2 и 02/57), несомненно, *аутентичны* и имеют весьма богатую военную «биографию». По совокупности имеющихся данных можно считать их трофеями русской Средиземноморской эскадры в 1798–1799 гг. Затем на протяжении последующих двух Русско-турецких войн (1806–1812 и 1828–1829 гг.) эти орудия принимали также участие в боях с турками.

Оба указанные орудия, соответственно, представляют собой уникальный (единственный в своем роде) подлинный образец венецианской переносной горной артиллерии 2-й половины XVIII в.

При этом в судьбе самих этих пушек еще остается слишком много неясного, а потенциал их дальнейшего исследования далеко еще не исчерпан. Стоит надеяться, что в дальнейшем исследования этих необычных орудий (и их аналогов из других музеев Европы) непременно будут продолжены.

---

[1] Об обнаружении рыбаками вблизи Тендровского маяка старинных трех медных и одной чугунной пушек и каменного ядра, доставке на п/х «Артиллерист» в распоряжение ген.-м-ра Бранденбурга // РГАВМФ. Ф. 243. Оп. 1–3. Д. 9554. 20 л.

[2] См.: ВИМАИВиВС. Венецианские *petriere* МЧА 09/2 и 09/3.
[3] См.: ВИМАИВиВС. Венецианские *petriere* МЧА 9/4, 9/121, 09/5.
[4] См.: ВИМАИВиВС. Французская пушка 1626 г. МЧА 09/39, венецианская XVI в. МЧА 09/34.
[5] Совр. Бутучаны (молд. Butuceni, Бутучень) – село в Рыбницком районе Приднестровской Молдавской республики (левый берег Днестра). Данная территория перешла под контроль Российской империи по условиям Ясского мирного договора зимой 1792 г.
[6] Архив ВИМАИВиВС. Ф. 22. Оп. 111. Д. 5. Л. 29 об. – 30. № 640; Ф. 21. Оп. 92/1. Д. 7. Л. 80 об.
[7] Бранденбург Н. Е. Исторический каталог С.-Петербургского артиллерийского музея. СПб., 1889, Т. 3. С. 103. № 146.
[8] А. В. Суворов. Документы. М.: Воениздат, 1949. Т. 1. С. 656. № 549; 660–661. № 552.
[9] Там же. Т. 2. С. 343. № 319.
[10] Carlo Beltrame, Marco Morin. I Cannoni di Venezia. Artiglierie della Serenissima da fortezze e relitti. Firenze, 2014.
[11] Mendel L. Peterson. Encyclopaedia of Markings and Decoration on Artillery. Ed. Robert P. A. Stenuit, 2014. Part 1–7.
[12] Архив ВИМАИВиВС. Ф. 22. Оп. 111. Д. 5. Л. 29 об. – 30. № 640.
[13] Данные – см.: Бранденбург, 1889. С. 103. № 146.
[14] 1 венецианский фунт = 0,477 кг. Соответственно, вес ствола – 102,55 кг.
[15] По всей видимости, сокращение от фамилии производителя: Альбергетти.
[16] Summerfield, Stephen. M1732 Vallière System (1732–1765) // Smoothbore Ordnance Journal 4(08), pp. 36-45.
[17] В России медный запальный винт появляется лишь с 1807 г., из-за чего все орудия сист. 1805 г., отлитые до этой даты, были впоследствии переделаны в соответствии с этим нововведением (ср.: русский ¼-пуд. единорог отливки 1805 г. ВИМАИВиВС МЧА 2/32 и 6-фн. полевая пушка, отлитая в 1806 г. ВИМАИВиВС МЧА 2/33).
[18] Galibert L. Histoire de la république de Venise. Paris, 1854, pp. 437–439.
[19] Чертеж «турецкой» венецианской пушки – см.: Архив ВИМАИВиВС. Ф. 27. Оп. 15. Д. 2. Л. 14; чертеж «турецкой» папской – там же: Ф. 2. Оп. Пороховая-Парковая. Д. 345. Л. 3.
[20] РГА ВМФ. Ф. 421. Оп. 11-2. Д. 1596–1597, 1601–1605, 1608, 1611–1614, 1673–1674, 1678, 1688–1689, 1695, 1702, 1711–1712, 1738, 1799, 1808, 1878–1879 и др.
[21] О покупке у контр-адмирала Белли четырех венецианских пушек. 1824 г. // РГАВМФ. Ф. 243. Оп. 1-1. Д. 1622. 17 л.
[22] Gasperoni, Domenico. Artiglieria veneta, 1782, fig. 11.
[23] Ibid., fig. 12.
[24] См.: Gasperoni, 1782. Tavola della veneta artigleria.
[25] Carlo Beltrame, Marco Morin. I Cannoni di Venezia. Artiglierie della Serenissima da fortezze e relitti. Firenze, 2014. Cat. № 45, 143.
[26] Ibid., Cat. № 45.

А. В. Громов (Санкт-Петербург)

ОБ АТРИБУЦИИ ДВУХ ЗАГАДОЧНЫХ КОМПОЗИТНЫХ ПУШЕК ИЗ СОБРАНИЯ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ АРТИЛЛЕРИИ, ИНЖЕНЕРНЫХ ВОЙСК И ВОЙСК СВЯЗИ

СРЕДИ СОБРАНИЯ Артиллерийского исторического музея на Кронверке Санкт-Петербургской крепости (ныне – Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи) находится немало по-настоящему интересных и уникальных образцов артиллерии. Однако некоторые из них до сих пор еще остаются загадкой как для музейных сотрудников, так и для исследователей-оружиеведов.

Такими примерами весьма загадочных до недавнего времени экспонатов стали две «русских пушки XVI столетия», одну из которых (МЧА 9/127) можно увидеть на внутренней экспозиции, прямо в зале музея (ил. 1 а, б).

По рукописному каталогу, начатому еще в 1883 г. первым директором Артиллерийского музея генерал-лейтенантом артиллерии Н. Е. Бранденбургом (так называемой «Красной книге»), оба орудия записаны под № 1320 и 1321, а в описании их говорится следующее:

1. «Пищаль, составленная из железных колец, спаянных свинцом и обтянутых медью. Калибр 5 д.; длина до торели 89,25 д.; с торелью (выделанной из свинца) и винградом 92,75 д.; вес 33 п. 21 ф. В 1808 г. из Архангельска.

Орудие это по указанию старого инвентаря относится к числу пожалованных Соловецкому монастырю Иоанном IV».

В графе «Старый инвентарный №» указано: «1133».

2. «Пищаль, составленная из колец и обтянутая медью. Калибр 4,9 д.; длина до торели 7 ф. 6 д.; с торелью и винградом 7 ф. 11 д.;

Ил. 1а. Композитная пушка МЧА 9/127

Ил. 1б. Композитная пушка МЧА 9/48

вес 31 п. 37 ф.; на дульной, средней и казенной части литые травы. В 1808 г. из Архангельска.

Орудие это по указанию старого инвентаря относится к числу пожалованных Соловецкому монастырю Иоанном IV».

В графе «Старый инвентарный №» указано: «1134»[1].

Более раннее описание этих пушек, сделанное заведующим Достопамятными залами Санкт-Петербургского арсенала губернским секретарем И. Д. Талызиным в 1862 г., очевидно, менее точно. В частности, отличаются вес и калибр орудий. Так, например, в инвентаре «Большого зала» за № 1133 отмечена «Пищаль 18 фун. (5 дюй.) весом 34 пуд. 3 фун. состоит из железных небольших цилиндров, спаянных свинцом и обложенных латунью. Доставлена из Архангельска в 1808 г.» периода правления «Царя Иоанна Васильевича Грозного». Также в инвентаре орудий, находящихся «около С.-Петербургского арсенала на чугунных станках и лафетах», отмечено и второе орудие (за № 1134) той же самой конструкции: «одна, 18 фун. (5 д. 5 л.), обложенная латунью. Весом 31 пуд. 7 фун.»[2].

Внешний осмотр этих пушек позволил, в том числе, выявить некоторые особенности исследований, проводившихся с ними как в XIX, так и в XX вв.

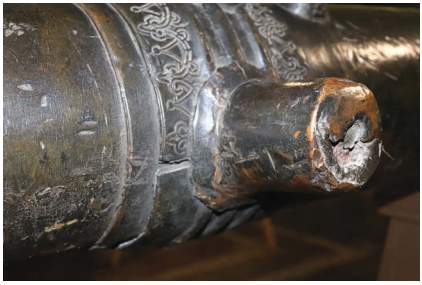
В частности, данные о композитном составе обеих пушек были впервые опубликованы И. Д. Талызиным еще в 1862 г. и повторялись впоследствии в публикациях Н. Е. Бранденбурга.

А это значит, что формулировки «Каталога материальной части отечественной артиллерии» (1961), где говорится, что эти данные были получены в результате исследований, проводившихся Институтом металлургии в 1948 г., не вполне достоверны. На самом деле в этот период уточнялся *лишь химический состав материалов и их структура,* но композитный характер самих стволов *был известен уже заранее*[3].

Ил. 2. Разрез на пушке 9/127

Ил. 3. Пушка МЧА 9/127. Маленький вырез на дульной части

По-видимому, эти данные были получены путем разреза внешней медной оболочки на нижней части одной из пушек (МЧА 9/127) (ил. 2). Этот разрез, проведенный по всей длине тела орудия, обнажает ряды железных колец, составляющих собственно канал ствола, и демонстрирует также свинцовое наполнение. Кроме того, он позволяет также посчитать число колец.



Ил. 4. Пушка МЧА 9/127. Вырез на торце цапфы и способ ее заливки

Все остальные следы механического воздействия на стволе МЧА 9/127 – небольшой вырез на медной оболочке в дульной части орудия, следы небольшого круглого выреза на срезе правой цапфы и проч. – мы можем также считать результатами проб материала, произведенными еще в XIX в. (ил. 3, 4). При этом никаких новых исследований этой

Ил. 5. Пушка МЧА 9/48. Повреждения корпуса: видны следы крепления железной основы цапф

Ил. 6. Пушка МЧА 9/48. Повреждения торельной части

пушки в XX в. (в том числе в 1948–1951 гг.) по документам не выявлено.

На пушке МЧА 9/48 также присутствуют следы механического воздействия: отбиты обе цапфы, дельфины сбиты, с казенной части сбит весь слой меди, винград отбит. И, таким образом, можно судить об особенностях ее технического устройства: способах установки у укрепления цапф, толщине свинцовой заливки в разных частях орудия и т. д. (ил. 5–6). По-видимому, именно эта пушка (как наиболее пострадавшая в ярославской эвакуации 1918–1923 гг.) была выбрана для подобного рода экспериментов. Ствол же орудия МЧА 9/127 как сохранивший свой прежний, неповрежденный вид был оставлен на экспозиции.

В любом случае, в «Историческом каталоге С.-Петербургского артиллерийского музея» (1877–1889) таких орудий зафиксировано только одно: пищаль под № LXIV, про которую говорится: «Пищаль XVI столетия, царствования Иоанна Грозного, составленная из железных колец, спаянных свинцом и обтянутых медью; калибр орудия 5 д., длина: до торели 89,25 д., с торелью (выделанною из свинца) и винградом – 92,75 д.; вес 33 п. 21 ф. Орудие это, по преданию, принадлежало вооружению Соловецкого монастыря и поступило в музей в 1808 г. из г. Архангельска»[4]. Второй же ствол, судя по карандашным пометкам в так называемых «Красных книгах», в этот момент находился у здания Главного артиллерийского управления,

а не в самом музее на Кронверке, поэтому, очевидно, его и нет в «Историческом каталоге С.-Петербургского артиллерийского музея» за 1883–1889 гг.[5]

Таким образом, в каталогах И. Д. Талызина и Н. Е. Бранденбурга эти пушки отмечены:

1. как композитные;
2. как поступившие из Архангельска в 1808 г.,
3. по преданию, они обе датировались временем царствования Ивана Грозного и стояли на вооружении Соловецкого монастыря.

Именно эти данные, но уже без каких-либо оговорок о легендарности прилагаемого рассказа о Соловецком монастыре и «подарке» Ивана Грозного, легли в основу нового каталога материальной части отечественной артиллерии в собрании АИМ г. Ленинграда (1961). Там также сказано: «В 1578 г. это орудие вместе с другим таким же орудием (см. № 203) было подарено Иваном IV Соловецкому монастырю»[6], хотя на самом деле ничто не указывало ни на «русское» происхождение данных пушек, ни тем более на XVI век и эпоху Ивана Грозного.

На очевидное несоответствие архитектоники артиллерийских стволов МЧА 9/48 и МЧА 9 /127, как и их орнамента, *никаким* образцам русских пушек XVI–XVII вв. настойчиво обращал внимание еще известный отечественный исследователь А. Н. Лобин, которому в 2019 г. удалось рассмотреть от начала и до конца всю историю о «подарке» Ивана Грозного Соловецкому монастырю и в конечном итоге аргументировано ее опровергнуть[7].

Во-первых, недостоверной и непроверенной оказалась ссылка музейного каталога 1961 г. на «Географический словарь Российского государства...» (1807–1808 гг.), где будто бы факт подарка этих орудий Иваном Грозным монастырю был изложен весьма недвусмысленно.

На самом деле же оказалось, что в 1578 г. царь Иоанн Васильевич пожаловал монастырю «две пищали девятипядныя медныя, две пищали полуторных медных...»[8].

Дальнейший поиск, произведенный А. Н. Лобиным, показал, что в основу этих сведений легла царская грамота игумену Варлааму «с братьею». Согласно тексту, 2 августа 1578 г. царь велел для Соловецкого монастыря послать «сто ручниц, да пять затинных пищалей, да с Вологды две пищали полуторные да две девятипядных, а к ним по двесте ядер да четыре человека пушкарей...».

Но очевидно, что так называемые «полуторные пищали» – это бронзовые орудия до 6–7 фунтов калибром, длиной до полутора десятков пядей (до 284 см). Девятипядные – пищали до 4 фунтов калибром и длиной ствола в 9 пядей. Затинные же пищали (т. е. *гаковницы*) – по сути дела, тяжелые крепостные ружья, имевшие «гак», который упирался или цеплялся за крепостную стену для уменьшения отдачи ствола. Таким образом, предполагаемый первоисточник сведений о «подарке» Иваном Грозным монастырю *именно этих 18-фунтовых*[9] *орудий* (хранящихся сегодня в ВИМАИВиВС) *не подтверждает вовсе*.

Вопрос о том, хранились когда-либо две упомянутые пищали в Соловецком монастыре, похоже, также можно считать совершенно закрытым: по данным А. Н. Лобина, ни в описи Соловецкого монастыря за 1597 г., ни в описях XVII столетия таких орудий не зафиксировали. Самые крупные орудия – «полуторные» 6-фунтовые. Все остальные – пушечки медные скорострельные, девятипядные, «сороковые» и вальконейки[10] – стреляли ядрами еще меньшего веса. Пищалей с весом в 31–34 пуда и калибром от 12 фунтов и более по этим описям не зафиксировано *ни одной*.

А между тем это невозможно. Учитывая достопамятную осаду Соловецкого монастыря войсками царя Алексея Михайловича (1668–1676), как и тот факт, что применение в ней артиллерии обеими сторонами было довольно массовым, пропустить эти два орудия, не заметив их в общем списке (среди массы более мелких пушек и фальконетов), было бы крайне сложно.

Подобных крупных и сравнительно мощных дальнобойных орудий мы не находим также и в «Росписи артиллерии на башнях и воротах Соловецкого кремля» 1702 г., что позволяет всерьез говорить о том, что орудия эти вообще никогда не хранились на Соловках. И что они, соответственно, *не участвовали в событиях так называемого «Соловецкого сидения»* ни на чьей стороне.

С учетом того, что 12-фунтовые пищали поступили в «Артиллерийский зал» в 1808 г. из Архангельска, имелись все основания поискать упоминание этих пушек в описях артиллерии Архангельска, Холмогор и других близлежащих городов. Однако в описи от 23 января 1683 г. стволы орудий, хоть отдаленно напоминающих пушки ВИМАИВиВС (и притом совпадающих по размерам или калибру) также не обнаружены[11].

Нет их и в «Двинском росписном списке 1702 года». Хотя в нем и попадаются отдельные пушки похожего веса (32 пуд. 10 ф; 35 пуд. 10 ф.; 30 пуд 5 ф. и т. д.), но калибр их слишком мал – он составляет в среднем 2–5 фунтов (а не в 12). Кроме того их длина (в среднем от 2 до 3 аршинов) не позволяет соотнести их с орудиями из фонда ВИМАИВиВС[12].

И только в 1800–1801 гг. в Архангельске инженер-генералом П. К. фон Сухтеленом были отмечены 18-фун. орудия, среди которых, возможно, были и два будущих экспоната Артиллерийского музея. К 1808 г. часть этой артиллерии отобрали для доставки в Достопамятный зал Петербургского Цейхгауза[13].

Таким образом, на сегодняшний день эта версия об Архангельске остается официальной, хотя выявить документ о доставке *именно этих* двух композитных пушек в С.-Петербург на сегодняшний день нельзя. Сохраняется определенная вероятность, что поступили они из Архангельска через *некий промежуточный пункт,* а серьезные повреждения на одном из стволов орудий (МЧА 9/48) связаны именно *с разбиванием «медных» пушек на переплавку, в ходе чего и был выяснен композитный характер указанного орудия*. Таким образом, второй ствол повреждений не получил (разбивать его на металл не имело смысла), и они оба были отложены как негодные.

В пользу подобной версии как раз свидетельствует характер повреждений на стволе МЧА 9/48, где дельфины, виноград и цапфы были отломаны преднамеренно, с применением механических средств и с большими трудозатратами. Установить, когда и где именно это произошло, на сегодняшний день сложно, так что, по-видимому, эти исследования в архиве ВИМАИВиВС будут продолжены.

Состав металла пушечных стволов МЧА 9/48 и 9/127

Еще в конце 40-х гг. XX в. в АИМ г. Ленинграда производились металлографические и химические исследования старых русских (и некоторых иностранных) орудий допетровской эпохи. В результате в 1948 г. химическому и металлографическому анализу был подвергнут и ствол орудия МЧА 9/48, металл которого оказался следующим (см. табл. 1)[14].

Аналогичные исследования второго ствола (МЧА 9/127), очевидно, не проводились, однако его состав по всем признакам

Таблица 1

Химический и структурный анализ материала пушки МЧА 9/48 (ВИМАИВиВС)

	Fe	C	Si	Mn	S
стальные кольца	98,6%	0,25%	0,09%	0,04%	0,012%
	Pl	Sn	Cu	Fe	Al, Ni, Mn, Si, Zn
свинцовый слой	76,04%	23,33%	0,5%	0,03%	следы
	Cu	Pl	Fe	Al, Ni, Sn, Si, Zn	
медная оболочка	99,22%	0,42%	0,06%	следы	
Примечания:	1. Микроструктура стального кольца: видманштедтова структура, характеризующая высокий нагрев и ускоренное охлаждение. Сорбит + ферритная сетка. 2. Микроструктура медной оболочки: зерна чистой меди. Двойные, характеризующие деформацию материала.				

должен быть вполне соответствующим – орудия не отличаются по дизайну и основным ТТХ, так как, по-видимому, принадлежат к одной и той же заводской партии.

Клейма и надписи на орудиях

Оба указанных орудия имеют на себе чеканные надписи, нанесенные дореформенным русским шрифтом: на первой (МЧА 9/48) под титлом «Л п Г +ВА[15]», а рядом – «34 пу(д) 3 фу(нта)»; на второй (МЧА 9/127) под титлом – «Л п В», рядом – «31 пу(д) 37 фу(нтов)». Чеканные буквы под титлом, согласно цифровому значению кириллицы, обозначают вес – 33 п(уда) и 32 п(уда) соответственно, и выбиты они были до перехода на арабские цифры, т. е. до начала XVIII в.

По замечанию А. Н. Лобина, все три орудия можно уверенно датировать XVII в., причем, скорее всего, второй его половиной. Очевидно, что когда оба этих орудия попали в Россию, их взвесили на весах-векшах, а полученные результаты нанесли кириллицей на ствол. Обычно подобным образом отмечали именно *привозные* орудия, что подтверждается описями (например: «пищаль железная галанка ... весу по насечке __ пуда»). Значительно позже, уже в XVIII в., орудия перевесили заново, и результаты

перевеса нанесли рядом, уже арабскими цифрами (отсюда и разница в фунтах). На пушке же из музея в г. Кобленце никаких русских букв не имеется, а только цифры «(3)57»[16].

Стилистика начеканенных на орудиях украшений также не соответствует русскому традиционному орнаменту на орудиях (или хотя бы колоколах) того времени. Аналогов подобного «геометрического» орнамента мы не найдем ни на одной пушке русского происхождения – он явно западноевропейский. Кроме того, отсутствие откидной крышки на запальных отверстиях пушек и форма дульных утолщений (без выступающих поясков с проточками) может косвенно свидетельствовать о принадлежности данных трех экземпляров к корабельным орудиям.

Именно это заставило обратиться в ходе исследования к материалам подводной археологии – в том числе к артиллерии небезызвестной Голландской Ост-Индской компании. В результате именно эти поиски обеспечили положительный, но при этом достаточно неожиданный результат.

Аналоги композитных (голландских) пушек из зарубежных музеев

Меж тем, сравнение указанных орудий с образцами, находящимися в экспозиции зарубежных музеев, принесло достаточно неожиданный результат. Оказывается, подобные триметаллические композитные пушки типа *миньон* известны по всему миру еще с начала 60-х гг. XX в., и они являются, прежде всего, *корабельными*.

В частности, сразу две (!) композитных пушки схожей конструкции[17] были подняты со дна моря в 1973 г. у побережья Австралии[18]. Еще одна точно такая же пушка была поднята той же экспедицией в 1963 г. в том же месте[19].

Все эти три орудия принадлежали кораблю «Батавия» Голландской Ост-Индской компании, затонувшему в тех местах в 1629 г., и к настоящему моменту они хорошо исследованы. Кроме того они достаточно сопоставлены и с другими орудиями аналогичной (композитной) конструкции – в том числе из музеев Европы, Китая и даже Юго-Восточной Азии[20].

Пушки с «Батавии» *идентичны между собой,* и они явно напоминают своей структурой и технологией производства «русские» пушки «Ивана Грозного» из собрания ВИМАИВиВС, хотя

орудия из Австралии не несут на себе никакого (в том числе и растительного) орнамента. Исходя из этого, мы можем предполагать, что они, вероятно, могли быть выполнены *в другой мастерской* (для других заказчиков).

Длина образцов из Австралии составляет 2,284 м, при внутреннем диаметре 0,147 м, и все они имеют по одному усилению в казенной части.

Первоначально все эти три орудия казались сделанными из рулонного медного листа, с казенной частью, вертлюжным поясом и дульным приливом из литой меди. Цапфы их также медные и прикреплены к погонному поясу.

Три астрагала на погонном поясе и один астрагал на казенной части и дульном срезе представляют собой простые приливы. На первом усилителе начертана монограмма VOC[21] вместе с цифрами «1715А» (его вес в амстердамских фунтах) на торельном кольце BAT 3642 B и «1830А» на BAT 3641. На месте крушения рядом с этими орудиями были найдены два бронзовых предмета в виде круглых наверший. Они явно были частью орудийных винградов, железные крепления которых уже успели разрушиться от коррозии, в результате чего они отвалились.

Запальные отверстия во всех случаях находятся *на торели* орудий (т. е., высверлены в дно канала ствола), что объясняет их отсутствие на обычном месте – сверху в казенной части (на так называемом *vent field*)[22].

Кроме того, у пушки BAT 3642 была дыра во внешней медной обшивке, которая обнажала находящийся под ней слой свинца и под ним железные полосы. Последние, как представлялось сначала, были разделены свинцовыми шайбами, а под ними виднелся еще один слой свинца. Поскольку было неясно, как именно была сконструирована пушка, по этому поводу было проведено расследование.

Первоначально для получения рентгенограмм орудия использовался источник радиоактивного кобальта. Эти рентгенограммы показали, что структура чрезвычайно сложна и трудна для интерпретации.

В конце концов, было решено разделить ствол как наиболее эффективное средство для выяснения того, как именно он был изготовлен, и для определения степени коррозии под медным покрытием, и, таким образом, требований к сохранению экспоната. Другим вариантом было бы демонтировать ствол, сняв медную

Ил. 7а и 7б. Продольный вырез на композитной пушки с «Батавии» (Western Australian Shipwrecks Museum, Фримантл, Австралия)

обшивку, и обработать через ствол слой за слоем, но считалось, что это может нанести непоправимый ущерб. Подход с выпиливанием фрагмента ствола представлялся на тот момент куда более гибким и безопасным, поскольку можно было бы изучить выпиленный кусок, а затем возвратить назад или же заменить его при ремонте. Соответственно, клиновидный срез, в том числе в поврежденном разделе вертлюжной части, был вырезан[23] (ил. 7 а, б).

Осмотр стенок ствола в местах среза довольно четко показал крайне необычную конструкцию. Под медной внешней оболочкой находился ряд из 30 железных колец или обручей, сжимающих целый пучок железных плоских полос. Ширина этих железных колец составляет около 6 см, но толщина разная: ближайшие из них к дульной части имеют толщину 2,4 см. Следующие 10 колец имеют толщину 1,6 см. Еще 6 колец имеют толщину 3,2 см, последние же 12 колец составляют по 5,6 см каждое.

При этом самый внешний слой пушки представляет собой медный корпус, середина заполнена свинцово-оловянным сплавом

(температура плавления 190 °С), а торель в основном изготовлена из бронзы. Таким образом, он являет собой *трубу из кованого железа, заключенную в медный корпус с отверстиями, заполненными заливкой расплавленного припоя*. При этом стоит отметить, что остальные четыре (литые бронзовые) пушки того же корабля с аналогичными внутренними диаметрами весят почти вдвое больше, чем эта композитная пушка[24]. Последнее же касается и остальных двух композитных пушек, поднятых в свое время с «Батавии».

Ствол данного орудия оказался с каморой, которая имела длину около 400 мм и сложную конструкцию. В каморе произошла коррозия, из-за чего ее точная структура не была четко определена. Винград изначально крепился к железному винту, и представляется вероятным, что его можно было бы вывинтить из ствола, вставив стержень в отверстие в винграде. Винград был отлит на железный винт, по центру которого был просверлен длинный канал, соединяющийся с запальным отверстием. Запальное отверстие шло вертикально из верхней части винграда к этому горизонтальному каналу, уходящему непосредственно в дно канала ствола. Кроме того небольшая винтовая резьба на самом конце винграда позволяла запечатать его конец[25].

Однако это на сегодняшний день вообще единственный пример композитных пушек с таким завинченным в торельную часть винградом. На образцах из С.-Петербурга, музея в Кобленце и других городов стволы имеют более традиционный запал – с отверстием на казенной части. Кроме того, винград у них неввинтной. Во всем остальном технология изготовления этих орудий не отличается от других сохранившихся образцов композитных пушек.

Вторым отличием упомянутых трех орудий, найденных на «Батавии», от всех прочих подобных пушек, как было сказано выше, можно считать отсутствие на них какого-либо орнамента.

Далее разрезание австралийского образца показало, что то, что казалось раньше просто железной трубой, на самом деле было вовсе не цельным куском металла. Сравнение с рентгеновскими снимками показало, что это была часть серии из шести железных прутьев или полос, образующих трубку. Более пристальное изучение приливов вокруг цапф показало, что четыре круга на рентгеновском снимке соответствуют четырем медным заплатам, каждая из которых закрывает собой отверстие. Они были

повторены с обеих сторон формовки и могут представлять собой некоторый метод закрепления.

Химический анализ цветного металла показал, что листовая медь составляет 98,85 % Cu. Свинец на самом деле оказался припоем с 69,8 % Pb и 28,0 % Sn. Виноград был бронзовым: 71,9 % Cu, 24,3 % Pb и 3,05 % Sn[26].

Поэтому представляется, что ствол был сконструирован следующим образом: медный лист, образующий саму отделку канала, был установлен на оправку. На нем были установлены шесть плоских железных полос, удерживаемых на месте коваными плоскими кольцами или обручами, которые, вероятно, были термоусажены на них сверху.

Камора была на конце орудия, и полосы были вставлены, чтобы зафиксировать ее на месте. Вокруг цапф были железные штыри, и цапфы были установлены неизвестным (в настоящее время) способом. Внешняя медная обшивка была отлита вокруг ствола с помощью штифтов для определения местоположения и центрирования металлоконструкций. Предположительно, все было покрыто глиной (казенной частью вверх) и нагрето. Затем расплавленный припой заливали в верхнюю часть до тех пор, пока внутренняя часть не была выровнена. Потом диск винограда был припаян на место, а глина и оправка удалены.

За исключением завинчивающегося винограда с запалом в нем, оба орудия, хранящиеся в ВИМАИВиВС (и все остальные известные в разных странах пушки того же типа), *должны были быть изготовлены тем же способом и иметь те же свойства*.

Классификация подобных орудий в XVII–XVIII вв.

Судя по внутреннему диаметру, калибр трех композитных пушек с «Батавии» давал им возможность стрелять 24-фунтовыми ядрами (если, конечно, они когда-либо стреляли сплошным выстрелом). Это огромный калибр для орудий такого веса (1715 амстердамских фунтов = 732,38 кг). Калибр композитных пушек из коллекции ВИМАИВиВС (МЧА 9/48 и 9/127) в два раза меньше – он составляет 12 фунтов (диаметр ствола – 123 мм), но вместе с тем соотношение калибра и веса обеих пушек остается таким же несоразмерным, если сравнить их с обычными образцами орудий той же эпохи.

Уже из этого следует, что орудия нетипичны вдвойне: они не вписываются в традиционную схему деления артиллерии XVI–XVII вв.: пушка – полупушка и др. При этом оба орудия не являются и кулевринами или производными от кулеврин, но сильнее всего напоминают так называемые *миньоны* и *камнестрельные* образцы артиллерии.

Известно, что голландский автор XVIII в. Питер ван Дам (1701) записывает, что 22 августа 1630 г. VOC указала два так называемых *миньона* в качестве части вооружения торгового судна[27]. Так что вполне возможно, что эти три составные пушки с «Батавии» были *миньонами*. Однако они не соответствуют описанию миньонов, данному авторами XVII в. по артиллерии. В частности, Ричард Нортон (1628) описывает орудие типа *миньон*[28] весом 1200 фунтов, с калибром 3,25 (83 мм) дюйма и стрелявший снарядами 3,75 фунта (1,70 кг). Поэтому отдельные исследователи полагают, что так называемые *миньоны,* упомянутые ван Дамом, являются самым маленьким типом корабельных пушек. Составные орудия с «Батавии» имеют диаметр, *равный* четырем большим бронзовым орудиям с места крушения, хотя они *почти вдвое меньше по весу*[29].

Поскольку упомянутые составные пушки имели в стволах камору, они, возможно, были разновидностью *perior* или *petriere* больших калибров. Эти орудия (также – *perrier, pierrier, pedreiro* и т. д.) первоначально были казнозарядными, в том числе с вкладной зарядной каморой, были сравнительно небольшого размера и стреляли, как правило, каменными снарядами. Позднее они же стали дульнозарядными и, в конце концов, применялись только с железной дробью – по живой силе противника (в том числе перед абордажем).

В более поздние периоды *perior,* по-видимому, характеризуются каморой на казенной части, что требовалось для увеличения длины ствола, так как он обычно был из очень тонкого металла. Ричард Нортон, один из немногих английских писателей XVII в., описывавших артиллерию в этот период, свидетельствует: «Большинство иностранных пушек периоров имеют каморы, которые сужаются, или их каморы укрепляются»[30].

Поскольку камеры орудий с «Батавии» были сужены, вполне возможно, что они были именно *периорами, стрелявшими как дробовик,* так как на месте крушения не было найдено ни одного каменного ядра.

Последнее обстоятельство объясняет также их малый вес по сравнению с артиллерией аналогичного калибра. При этом тот же Нортон (1628) явно ошибочно утверждает, что «для пушки *перио* 80 фунтов металла на каждый фунт веса их каменного выстрела» было нормой.

Однако Нортон, по мнению большинства современных исследователей, был, возможно, сбит с толку, так как снаряд из камня или соответствующий снаряду из железа 18 фунтов, составляет 5 фунтов, что дает общий вес 400 фунтов для орудия. Возможно, он имел в виду 80 фунтов металла на каждый фунт железной дроби, дающей 1440 фунтов, что оказалось бы намного более реалистичным[31].

Причина, по которой так называемый *миньон* стал отдельным классом орудий, заключается главным образом в том, чтобы подчеркнуть его особую структуру материала: это не бронзовая и не железная пушка. Однако с точки зрения формы он должен быть ближе всего к *педреро (cannon petriero, canon perior)*. Он короче и толще, чем орудие типа *шланг,* а стенки ствола относительно тонкие и во избежание разрыва редко стреляют более тяжелыми железными ядрами[32].

Обычно на дне канала ствола у орудий такого типа имеется цилиндрическая или колоколообразная зарядная камора. Поскольку диаметр зарядной каморы более узок, чем диаметр канала, стенка зарядной каморы утолщена, что повышает способность пушки противостоять давлению в момент выстрела. Это должна была быть специальная конструкция, выполненная для компенсации более тонкой стенки ствола[33].

Процесс ковки металла для колец, используемых внутри канала вышеупомянутых орудий типа *миньон,* довольно грубый. Причина этого, по-видимому, должна была заключаться в снижении их итоговой стоимости. Однако благодаря наличию заливки из свинцово-оловянного сплава общая конструкция оказалась довольно прочной, иначе пушки такого типа не были бы размещены на корме «Батавии»[34].

Согласно расчету внутреннего диаметра вышеупомянутой пушки миньон, в ней должны были использоваться сферические каменные пули весом около 10 фунтов. Однако с середины шестнадцатого века стоимость ручной резки сферических каменных пуль в Европе росла день ото дня, поэтому нормирование может быть более сложным.

Кроме того, было обнаружено, что на внутренней стенке канала исследованного орудия видны отчетливые продольные царапины. Это, должно быть, вызвано заряжанием несферических снарядов. Есть подозрение, что пушка в основном использовалась с пулями в форме виноградины или же с несколькими меньшими каменными пулями. Причем для удобства эксплуатации на дне заряда был прикреплен картуз, аналогичный по форме зарядной каморе. Другими словами, функция пушки миньон, возможно, изменилась с дальнего повреждения кораблей и разрушения парусов до уничтожения персонала вражеского корабля с близкого расстояния[35].

Уже к 1630-м гг. пушки *миньон* были изъяты из обращения и в основном ликвидированы, так как литые чугунные пушки были дешевле и долговечнее, а их функции были менее ограничены[36].

Хотя у нас редко бывает возможность увидеть композитную металлическую конструкцию, подобную вышеупомянутому миньону, через разрез самого корпуса пушки, подобную ситуацию иногда можно увидеть в пушках, созданных в первой половине XVI в. Их внутренняя стенка свернута в форму в виде цилиндра из железных полос, а затем сварена путем ковки. Наружная стенка плотно обернута и покрыта длинными железными полосами, а затем раскаленное железо защелкивается снаружи корпуса трубы, поливается водой и охлаждается, чтобы затянуть железные полосы, а иногда между зазорами заливается жидкий свинец[37].

Учитывая все вышесказанное, оба орудия, хранящиеся в ВИМАИВиВС, должны были иметь совершенно аналогичное назначение и относиться к тому же классу орудий – *миньон* или *периор,* если судить исходя из тогдашней классификации.

Голландское происхождение композитных триметаллических пушек

Как минимум, еще одно подобное орудие, правда, с совсем другим орнаментом и дизайном, сейчас находится в собрании голландского *Rijksmuseum* (Амстердам). Это орудие также является корабельным, и оно отлито мастером Герритом Костером в Амстердаме, в 1615 г. Хотя корпус ствола в основном медный, он также содержит олово, свинец и железо[38]. Это орудие расположено на входе в музей, диаметр его канала составляет 12,9 см при толщине стенок у дульной части 6,2 см[39].

И так как остальные композитные стволы, хранящиеся в европейских музеях, как правило, не имеют на себе подписей – в данном случае само место изготовления данной пушки вполне очевидно. Это указывает на то, что и остальные орудия с композитным набором стволов оказались на кораблях Ост-Индской компании отнюдь не случайно.

Также и способ, которым все упомянутые выше орудия были созданы, делает их весьма похожими на пушки, описанные в патентах, выданных в Амстердаме в 1627 г. Яну де Рикеру и в 1633 г. Бартлету Корнелису Смитту.

В последнем случае описывается создание орудия, «...изготовленного из различных металлов, из которых дуло и камора (которая выполнена как у стеенштукена[40]) изготовлены из железа, сваренного вместе нагревом и ковкой и, таким образом, объединены в один кусок железа, а затем покрыты медью и другими металлами и опущены, а дуло (как у литых пушек) сделано из железа и гладко высверлено, поэтому с ним можно легко обращаться как на борту, так и на берегу, но оно по-прежнему мощное и прочное и может использоваться с заостренными снарядами без какой-либо опасности взрыва или изнашивания, хотя эти орудия весят всего около половины веса обычных орудий и, следовательно, весьма маневренны»[41].

Однако упомянутый в нем образец был длиной всего четыре фута, весом 230 фунтов, и, к сожалению, нет упоминания о калибре. В патенте также указывается, что упомянутому мастеру Смитту придется изготовить еще два орудия, стреляющих 6-фунтовыми железными ядрами, и два 3-фунтовых, стреляющих железными ядрами, прежде чем ему будет разрешен патент. Был также более ранний патент в 1627 г. на орудие, изготовленное из различных неуказанных металлов. В этом патенте упоминается, что должны были быть изготовлены пушки с 6, 12 и 24-фунтовыми железными ядрами. Голландский исследователь Ван Диллен (1974) также приводит ряд упоминаний об этом типе оружия в нотариальных записях города Амстердама, относящихся к компании, производящей неплохие орудия из различных металлов *(geslaegen geschut van verschyeden metalen)*[42].

Все эти записи в 1633 и 1634 гг. описывают различные контракты, заключенные компанией, по оригинальному патенту де Рикера, и подтверждают, что пушки были специально разработаны для использования на борту торговых судов. Есть

упоминание о компании, поставляющей оружие на верфи Ост-Индской и Вест-Индской компаний. Упомянутые орудия включают 12-фунтовую пушку, которая должна была весить не более 2200 фунтов, но когда ее удалось изготовить, то она весила 2600 фунтов. Есть также упоминание об оспаривании патента и о том, что оружие было изготовлено как с железными, так и с медными стволами[43].

Таким образом, эти составные пушки чрезвычайно необычны, поскольку:

1) они выглядят как орудия *perior,*

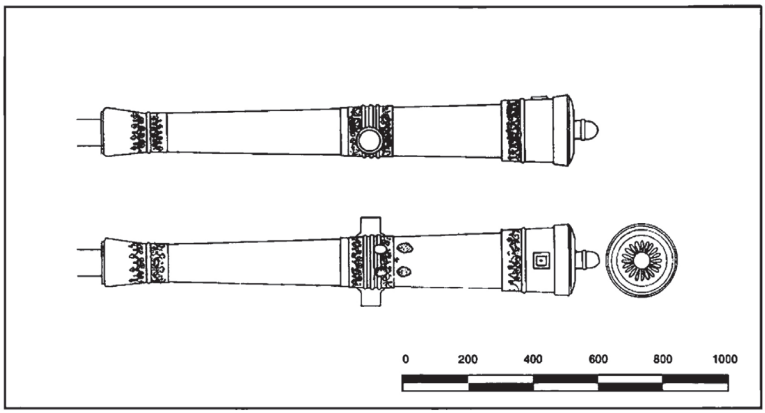
2) изготовлены на манер старых пушек из кованого железа XVI в., но заключены в свинцовую внешнюю оболочку, залитую свинцовым припоем.

Аналоги композитных пушек из С.-Петербурга и Кобленца в зарубежных музеях

Вообще, известны еще несколько примеров подобных орудий, сконструированных и украшенных совершенно так же, что и орудия из С.-Петербурга и Кобленца. Так, в частности, покрытый ржавчиной образец находится в наши дни в *Firearms Museum* (Вулвич). Оно описывается так: «Бронзовая пушка, приписываемая в прежнем каталоге временам Карла II, но скорее восточная, чем английская. Она, по-видимому, состоит из внутреннего цилиндра из меди, заключенного в железо, и вся покрыта тонким листом меди, поверх которого впоследствии был помещен цилиндр из какого-то очень мягкого сплава у дула, цапф и казенной части. На нем нет даты или надписи, но на нижней стороне есть шифр GVE. Дельфины были отломаны. Длина, 4 фута 9 дюймов (1,45 м); калибр. 3,25 дюйма (83 мм)»[44].

Чертеж этого орудия[45] показан ниже (ил. 8). Очевидно, что он имеет такую же конструкцию, что и пушки ВИМАИВиВС (МЧА 9/48 и 9/127), отличаясь только размерами. Все остальное, например, дельфины, стандартное запальное отверстие в квадратной выступающей раковине, украшения и т. д., идентично.

Шифр на указанном орудии весьма необычен. Первоначально предполагалось, что это шифр GWC для компании *Geoctroyeerde Westindische Compagnie* (Запатентованная Вест-Индская компания). Однако после более тщательного осмотра надписи это кажется маловероятным, поскольку буквы четко обозначены



Ил. 8. Чертеж бронзовой пушки из Firearms Museum (Вулвич)

как G, V и E, и они были нанесены на нижнюю сторону ствола. Вполне возможно, что это может быть шифр или знак дома создателя.

Другой аналогичный композитный ствол с тем же узором упоминается в опубликованных отчетах так называемой Неограниченной Экспедиции, представленных в голландском Музее мореплавания (*Scheepvaartuseum,* г. Амстердам), о пушке, найденной на берегу малой Багамской банки, примерно в 20 милях к северу от Вест-Энда, Гранд-Багама.

К сожалению, доступны лишь некоторые размеры и несколько небольших фотографий указанного орудия. Исходя из этой информации, был сделан чертеж пушки, но к нему следует относиться с некоторой осторожностью. На стволе стоит штамп GWCA *(Geoctroyeerde Westindische Compagnie, Amsterdam)* и вес: 598 (амстердамских фунтов)[46].

Почти наверняка ствол, найденный на Багамах, и ствол из музея в Вулвиче были изготовлены одним и тем же мастером, так как единственная их разница заключается лишь в длине и калибре. Однако нет уверенности в том, что композитные орудия с «Батавии» были изготовлены этим же оружейником. Причины этого заключаются в том, что пушки с «Батавии» имеют запальное отверстие, высверленное в винграде, у них также нет ни дельфинов, ни штампованных украшений, а сами орудия намного тяжелее. Однако их общий внешний вид, в частности, похож на два

меньших образца, астрагалы вокруг усилений и обработка винграда одинаковы[47].

Также указанные орудия совпадают в плане конструкции и отделки:

1. с орудием, обнаруженным А. Н. Лобиным в экспозиции Военно-технического музея *(Die Wehrtechnische Studiensammlung)* в г. Кобленце (Германия)[48];

2. с двумя небольшими композитными пушками, найденными на островах Зеленого Мыса у западного побережья Африки (Кабо-Верде)[49];

3. с пушкой из собрания *Royal Armouries* (Лидс, Великобритания).

Ил. 9. Композитная пушка из Кабо-Верде (по изд.: Yi-long Huang, 2011, p. 119)

При этом пушки из Кабо-Верде (ил. 9), из коллекции Королевского артиллерийского музея (№ 2/209) и найденная на Багамских островах имеют совершенно аналогичные составную конструкцию и внешний орнамент[50]. Полный же список всех выявленных на сегодняшний день композитных пушек с таким дизайном можно увидеть в сводной таблице (см. табл. 2).

Таким образом, можно со стопроцентной уверенностью утверждать, что два старинных «русских» орудия (МЧА 9/48 и 9/127), хранящихся в ВИМАИВиВС, как и орудие из Военно-технического музея в г. Кобленце (Германия) являются по всем признакам *корабельными* пушками, изготовленными в Голландии в XVII в. для судов торгового флота. Орудия аналогичной конструкции присутствовали, в том числе, на кораблях голландской Ост-Индской (VOC) и Вест-Индской (GVC) компаний, обнаруженных подводными археологами у побережья Западной Африки (Кабо-Верде), в Карибском море (Багамские острова) и т. д.

При этом во всех случаях стволы имеют свою собственную маркировку, что, вероятнее всего, обусловлено тем, что орудия для торгового флота изготавливались, в том числе, на продажу, для неизвестного заранее покупателя, который мог нанести на полученные стволы свою собственную символику и свою собственную маркировку. Аналогичным образом, на Средиземном море так называемые «немые» гербы были характерны для венецианских пушек семейства Альбергетти[52], изготовлявшихся для торговых судов. Таким образом, это являлось нормальной практикой.

По датировкам такого рода орудий можно сказать, что они появились не ранее 1615 г. (богато декорированная пушка из амстердамского *Rijksmuseum*) и не позднее 1630-х гг. (патент на изготовление, выданный мастеру Бартлету Корнелису Смиту в г. Амстердаме), хотя использоваться и, возможно, производиться они могли и к началу 1700-х гг.

По типологии орудия относятся к классу *миньонов,* стволы которых относительно их калибра явно короче обычных пушек, при этом некоторые английские и голландские авторы, начиная с XVII–XVIII вв., характеризуют их и под термином *drake* (искаж. «дракон»). Именно в этом классе находились и находятся все известные на сегодняшний день композитные пушки, сделанные в Европе. И их исходное *голландское* происхождение подтверждают как имеющиеся патенты 1620–1630-х гг., утвержденные

Таблица 2

Композитные пушки
в собрании ВИМАИВиВС и в других музеях

Где находится:	Инв. №	Калибр	Длина	Масса
ВИМАИВиВС, С.-Петербург 1-я	МЧА 9/48	123 мм	2350 мм	558 кг
ВИМАИВиВС, С.-Петербург 2-я	МЧА 9/127	125 мм	2460 мм	522,5 кг
Die Wehrtechnische Studiensammlung (Кобленц, Германия)	05205	85 мм	1240 мм	нет данных
Кабо-Верде[51]	No 1: Ago-063/99/15380 (поднята 29/10/99) / No 2: Ago-063/99/15411 (поднята 4/11/99)	75 / 75 мм	1070 / 1070 мм	83,4 кг – по насечке «169A» (вес орудия в амстердамских фунтах = 494 г)
Royal Armouries (Лидс, Великобритания)	XIX.983	60–70 мм	нет данных	128,4 кг – по насечке – «260A» (в амстердамских фунтах). Серийный №: «37».
Woolwich Firearms Museum (Великобритания)	№ 2/209	83 мм	1450 мм	

Где находится:	Инв. №	Калибр	Длина	Масса
Museu Militar (Лиссабон, Португалия)	S.10	100 мм	2000 мм	362 кг
Scheepva artmuseum (Амстердам, Голландия)	нет данных	нет данных	нет данных	По насечке – 598 амстердамских фунтов
Австралия	BAT3641 / BAT3642 B	147 / 147 мм	2284 / 2284 мм	По насечке – 1715 амстердамских фунтов (около 850 кг)

в Амстердаме, так и имеющиеся в нашем распоряжении образцы орудий (см. Табл. 2).

Таким образом, два удивительных (во всех смыслах этого слова) композитных орудия из собрания ВИМАИВиВС получают новую атрибуцию и практически заново обретают свое лицо – уже в качестве корабельных голландских пушек XVII столетия.

Стоит надеяться, что и в дальнейшем исследования этих орудий будут продолжены, а их историю и боевой путь в России однажды все же удастся установить.

---

[1] Архив ВИМАИВиВС. Ф. 22. Оп. 111. Д. 2. Л. 111–221 об., 223.

[2] Талызин И. Д. Описание артиллерийского зала достопамятных и недостопамятных предметов 1862 года. СПб.: ВИМАИВиВС, 2006. С. 6, 103.

[3] Вышенков В. П., Маковская Л. К., Сидоренко Е. Г. Каталог материальной части отечественной артиллерии. Л., 1961. С. 119.

[4] Бранденбург Н. Е. Исторический каталог С.-Петербургского артиллерийского музея. Т. 3. СПб., 1889. С. 140.

[5] Архив ВИМАИВиВС. Ф. 22. Оп. 111. Д. 2. Л. 111–221 об., 223.

[6] Каталог... С. 119. № 203 и 204 (МЧА 9/48 и 9/127).

[7] Лобин А. Пушки-сестры или загадка из Кобленца. 2019. Часть 1 / [Электронный ресурс] http://www.milhist.info/2019/12/22/lobin_9/ (дата обращения: 01.11.2021); Часть 2 / [Электронный ресурс] http://www.milhist.info/2019/12/22/lobin_9/2/ (дата обращения 22.12.2021); Лобин А. Н. Пушки первых Романовых. М., 2022. С.178–183.

[8] Максимович Л. М., Щекатов А. М. Словарь Географический Российского Государства, описывающий Азбучным порядком географически, топографически,

идрографически, физически, исторически, политически, хронологически, генеалогически и геральдически все губернии, города и их уезды; крепости, форпосты, редуты, слободы, Сибирские остроги... В 6 ч. / Сост. А. Щекатов. М.: Вольная Типография Федора Любия, 1801–1807. Ч. 5: Р–С. – 1807. С. 1084–1085.

[9] В реальности оба орудия имеют калибр в 12 фунтов.

[10] Т. е. фальконеты.

[11] Дополнение к актам историческим. СПб., 1867. Т. X. С. 299–300. № 70; Лобин, 2019.

[12] Лобин, 2019.

[13] Опись артиллерии, представленной адмиралтейством Архангельска на данный момент; 1800 г. декабря 12 // Савельев А. Исторический очерк Инженерного управления в России. СПб., 1879. Прибавление 44. С. 27.

[14] Архив ВИМАИВиВС. Ф. 3Р. Оп. 2. Д. 337. Л. 24–25.

[15] Исправление А. Н. Лобина. По каталогу русской артиллерии 1961 г. ошибочно стоит «ВЯ».

[16] Лобин, 2019.

[17] Номера по каталогу находок: BAT 3642 и BAT 3642 B.

[18] Оба орудия принадлежат Западноавстралийскому музею, г. Геральдтон и экспонируются в Галерее кораблекрушений *(Shipwreck Gallery, WA Museum Geraldton)*. – см.: *Green, Jeremy N.* The Loss of the Verenigde Oostindische Compagnie Retourschip Batavia, Western Australia 1629: An Excavation Report and Catalogue of Artifacts. BAR International Series 489. Oxford: British Archaeological Reports, 1989, pp. 43–51.

[19] Номер по каталогу находок: BAT 3641. Пушка находится в частном владении. Ствол экспонируется в Галерее кораблекрушений Западноавстралийского музея вместе с остальными двумя орудиями. – см.: Green, 1989, p. 37.

[20] Yi-long Huang. The Rise and Fall of Distinctive Composite-Metal Cannons Cast During the Ming-Qing Period // Tsing Hua Journal of Chinese Studies. 2011. Vol. 41, No. 1, pp. 73–136. = 黃一農。(2011年) 明清獨特複合金屬砲的興衰 // 清華學報。41卷1期73-136页。

[21] Т. е., Verenigde Oostindische Compagnie (Объединенная Ост-Индская компания).

[22] Green, 1989, p. 37.

[23] Green, 1989, p. 37, fig. 28 etc.

[24] Green, Jeremy N. The Armament from the Batavia. 1. Two Composite Guns, *The International Journal of Nautical Archaeology and Underwater Exploration*, 9.1 (1980), pp. 43–51; *Ian D. Macleod & Neil A. North*, Conservation of a Composite Cannon Batavia (1629), *The International Journal of Nautical Archaeology and Underwater Exploration*, 11.3 (1982), pp. 213–219; Yi-long Huang, 2011, p. 116.

[25] Green, 1989, p. 37.

[26] Ibid.

[27] Staple, F.W. Pieter van Dam Beschryvinge van de Oostindische Compagnie. Eerste boek, deel I. Rijks Geschiedkundige Publicatiën 63, Martinus Nijhoff, 's-Gravenhage, 1927, p.507.

[28] Он причисляет ее к полупушкам и явно смешивает с орудиями типа *drake* (искаженный португальский и испанский термин *dragao, draco*, голландский *draak* – «дракон»).

[29] Norton, R. The Gunner shewing the whole practise of artillerie. London, 1628, pp. 51–53; Staple, 1927, p. 507.

[30] Staple, 1927, p. 507.
[31] Green, 1989, pp. 37–38.
[32] Толщина стенок горловины и цапф пушки *миньон* намного меньше соответствующих значений орудия типа *шланг*, что наиболее близко к характеристикам *педреро*. Кроме того, за исключением зарядной камеры, длина *миньона* примерно в 10 раз превышает внутренний диаметр, в то время как у *педреро* обычно в 8–12 раз. – См.: Manucy, Albert. Artillery through the Ages: A Short Illustrated History of Cannon, Emphasizing Types Used in America. Washington: United States Government Printing Office, 1949, pp. 32–41; Moretti, Tomaso. A Treatise of Artillery, or, Great Ordinance. London: William Godbid, 1673, pp. 19, 35–37.
[33] Yi-long Huang, 2011, pp. 116–117.
[34] Обычно на корме и на носу располагаются самые большие или лучшие орудия корабля – так наываемые ретирадные и погонные пушки. – см.: John F. Guilmartin, Jr. The Cannon of the *Batavia* and the *Sacramento*: Early Modern Cannon Founding Reconsidered // *The International Journal of Nautical Archaeology and Underwater Exploration*, 11.2 (1982), pp. 133–144.
[35] Yi-long Huang, 2011, p. 118, fig. 25.
[36] Barker, Richard. Bronze Cannon Founders: Comments upon Guilmartin 1974, 1982 // *The International Journal of Nautical Archaeology*, 12.1 (1983), pp. 67–74; Kist, J. B. The Dutch East Company's Ships' Armament in the 17th and 18th Centuries: An Overview // *The International Journal of Nautical Archaeology and Underwater Exploration*, 17.1 (1988), pp. 101–102.
[37] Hogg, O. F. G. English Artillery 1326–1716. London: Royal Artillery Institution, 1963, pp. 9–12; J. Barto Arnold, III & Robert S. Weddle, The Nautical Archeology of Padre Island: The Spanish Shipwrecks of 1554. New York: Academic Press, 1978, pp. 244–247.
[38] Кроме того, Костер (Coster или Koster) – знаменитая семья литейщиков колоколов и пушек в Амстердаме в семнадцатом веке. Одна из пушек, созданных Ассуэром Костером в 1634 г., была спасена в водах близ острова Итапарика, Бразилия. На затонувшем судне «Мэри» также есть пушки, привезенные из Китая, которые были изготовлены Герардом Костером в 1660 г. – см.: Ulysses Pernambucano de Mello. News: Brazil // *The International Journal of Nautical Archaeology and Underwater Exploration*, 6.2 (1977), p. 171; Peter W. J. McBride. The Mary, Charles II's Yacht: 2. Her History, Importance and Ordnance // *The International Journal of Nautical Archaeology and Underwater Exploration*, 2.1 (1973), pp. 61–70.
[39] Yi-long Huang, 2011, p. 119.
[40] Голландское обозначение орудий типа *периор*.
[41] Doorman, G., 1940. Octrooien voor uitvindingen in de Nederlanden uit de 16e-18e eeuw. Martinus Nijhoff. 's-Gravenhage, 1940, p. 192 (G 348).
[42] Dillen, J.G. van. Bronnen de geschiedenis van het bedrijfsleven en gildewezen in Amsterdam. 1633–1672. Rijks Geschiedkundige Publicatiën 69, 78 and 144. Martinus Nijhoff, 's. Gravenhage, 1974, pp. 18–20.
[43] Dillen, 1974, pp. 18–20.
[44] Из фондов бывшего музея артиллерии *Rotunda Museum*, Вулвич. – см.: Kaestlin, J. P. Catalogue Of The Museum of Artillery in the Rotunda at Woolwich. Part 1: Ordnance. HMSO, Manchester, 1963, №2 09.
[45] Заново отрисован (по фотографиям) сотрудниками ВИМАИВиВС в 2018 г.

[46] Green, 1989, p. 38; чертежи пушки из Вулвича и пушки, найденной на Багамах – ibid., pp. 41–42.
[47] Yi-long Huang, 2011, p. 119.
[48] Лобин А. Пушки-сестры или загадка из Кобленца. 2019. http://www.milhist.info/2019/12/22/lobin_9/2/ (дата обращения 22.12.2021).
[49] Yi-long Huang, 2011, p. 119.
[50] *Sotheby's Auction Catalog: Important Clocks, Watches, Scientific Instruments and the Arqueonautas Collection of Marine Archaeology*. Held on December 19, 2000 in London, p. 184.
[51] См.: Alejandro Mirabal. Maritime Archaeology in the Cabo Verde Archipelago Wrecks' interventions report (1999-2001). 2001. [Электронный ресурс] https://www.academia.edu/43516148/Maritime_Archaeology_in_Cabo_Verde_wrecks_interventions_report_1999-2001 (дата обращения: 01.11.2021).
[52] См.: венецианские пушки МЧА 9/4 и 9/121 из собрания ВИМАИВиВС.

С. В. Гуров (Тула)

ОСНОВНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К ОБРАЗЦАМ РЕАКТИВНОЙ АРТИЛЛЕРИИ: РЕЗУЛЬТАТЫ ИСТОРИКО-ТЕХНИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

ЦЕЛЬЮ СТАТЬИ является предоставление обобщенных открытых данных об основных требованиях к образцам реактивной артиллерии и их составляющим (боеприпасам в целом и их отдельным конструктивным элементам, пусковым устройствам, средствам связи, командования и управления и т. д.), установленных автором в ходе исследования им большого массива данных по этому вопросу. Основу составили документы, хранящиеся в Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ), Российском государственном архиве экономики (РГАЭ) и Государственном архиве Тульской области (ГАТО), а также информация из электронной книги-базы данных, подготовленной автором данных материалов, и из других источников. С копиями документов и книгой-базой данных можно ознакомиться на сайте «Ракетная техника»[1]. Первая часть результатов работы автора в данном направлении была опубликована в материалах его статьи «Из истории формирования основных требований к боеприпасам и пусковым устройствам реактивной артиллерии»[2].

Нижеприведенным требованиям, в основном, соответствовали изделия, разработанные в период с 30-х гг. XX в. до наших дней. Они актуальны и в наше время.

Общие требования ко всем составляющим

В результате проведенного автором исследования было установлено, что конструктивные элементы должны быть функциональны в условиях повышенной влажности, тумана, сильных

порывов ветра, дождя, града, ледяного дождя, снега, метели, пыли, песка[3] и в зависимости от типа изделия выдерживать нагрузки, возникающие во время эксплуатации, транспортирования, стрельбы и полета. Температурный диапазон эксплуатации (боевого применения) должен составлять от –40 до +50 °С[4] (+60 °С[5]).

Хранение должно быть организовано в максимально защищенных местах с целью защиты от вредоносных факторов окружающей среды, а также от нанесения артиллерийских и ракетно-бомбовых ударов, а в будущем и от других перспективных видов вооружений. Во многом это будет достаточно проблематичным, особенно в случае интенсивного применения разведывательных средств и летательных аппаратов в ходе ведения боевых действий[6].

Конструктивные элементы должны изготавливаться из недефицитных материалов, из стандартных, нормализованных, унифицированных деталей, сборок и составных частей, быть технологичными в серийном производстве.

В конструкциях должны использоваться материалы предпочтительно отечественного изготовления на отечественной сырьевой и производственной базах.

Все конструктивные решения должны тщательно проверяться в ходе различных типов испытаний как по отдельности, так и в составе изделий.

Электронные, лазерные и радиосистемы должны быть работоспособны в условиях радиоэлектронного противодействия противника.

Изделия должны соответствовать параметру «стоимость-эффективность».

Транспортирование составляющих по отдельности, как в сборе, так и в разобранном виде, и в составе изделий должно обеспечиваться наземным, воздушным и морским транспортом.

Места стоянок транспортных средств должны располагаться в местах, из которых можно выехать после проливного дождя, мощного снегопада и других экстремальных погодных условий.

По результатам эксплуатации и доработок должны вноситься изменения в техническую и эксплуатационную документацию[7].

Материальная часть, используемая в учебном процессе, должна соответствовать образцам, находящимся на вооружении или в опытной эксплуатации.

В ходе проведения работ необходимо учитывать возможные проблемы, связанные с политической, экономической ситуацией и технической модернизацией[8].

Основные требования к реактивным снарядам

В результате проведенного исследования было выявлено, что корпус головной части должен обеспечивать возможность его снаряжения различными типами полезных нагрузок.

Однотипная ракетная часть должна быть способной обеспечивать доставку головных частей различных весов и с различными типами полезных нагрузок.

Должна исследоваться возможность использования однотипных взрывательных устройств (взрывателей, головных дистанционных трубок) в конструкциях реактивных снарядов различных калибров[9].

Для реактивных снарядов одного калибра, но различных назначений должны прорабатываться и выбираться наиболее оптимальные блоки стабилизатора[10].

Системы управления управляемых реактивных снарядов/ракет должны обладать возможностью работы со спутниковыми системами ГЛОНАСС, NAVSTAR и GPS.

В случае выведения из строя или глушения спутниковых сигналов должна обеспечиваться возможность использования управляемых реактивных снарядов как неуправляемых.

Для управляемых реактивных снарядов и ракет должна быть предусмотрена возможность обновления программного обеспечения[11].

Учебно-тренировочные снаряды по своим габаритно-массовым характеристикам и стыковочным размерам должны соответствовать данным параметрам боевых реактивных снарядов[12].

Основные требования к пусковым устройствам

Артиллерийская часть должна обладать возможностью монтажа на доработанных шасси грузовых автомобилей, прицепов допустимой грузоподъемности и повышенной проходимости, что важно как из-за развития автомобилестроения, так и из-за работы с иностранными заказчиками, которые ставят условием использование их ходовых баз. При работе с шасси иностранных заказчиков важно не только рассматривать грузоподъемность шасси, но и его эксплуатационную живучесть[13].

При монтаже артиллерийских частей на доработанных шасси боевых машин с башнями (БМП, БТР) необходимо

рассматривать возможность использования погона башен в качестве погона артиллерийской части (для установок для пуска реактивных снарядов малых калибров и длины).

Электронные, электрические приводы и система блокировки подвески должны дублироваться ручными режимами[14].

Должна обеспечиваться возможность перезаряжания в полевых условиях негерметизированных транспортно-пусковых контейнеров (ТПК) без их снятия и с возможностью снятия с люльки, а также замены использованных герметизированных ТПК.

С целью сокращения времени окончательной сборки должны использоваться ходовые базы, находящиеся в массовом производстве.

Кабина должна быть комфортной для номеров расчета (наличие удобных сидений, системы кондиционирования/очистки воздуха, защиты при кратковременном воздействии химическим, бактериологическим и ядерным оружием[15]).

Выхлопная труба должна располагаться в месте, удаленном от блока всасывания воздуха фильтровентиляционной установкой (системой кондиционирования воздуха)[16].

Конструкции переносных установок должны обеспечивать возможность их разборки на основные конструктивные элементы для их переноски номерами расчета[17].

Окраска конструктивных элементов, на которые оказывается высокотемпературное воздействие, должна выполняться термостойкими красками.

Боевые машины с транспортно-пусковыми контейнерами в составе артиллерийской части должны предназначаться для стрельбы различными типами ракетных боеприпасов, с различными типами головных частей, ракетных двигателей и назначений. Должна обеспечиваться автоматическая идентификация типа боеприпаса.

В случае боевых машин для стрельбы различными типами ракетных боеприпасов с различными типами ракетных двигателей элементы конструкции должны выдерживать воздействие на них высокотемпературных продуктов сгорания с различными химическими составами.

В случае боевых машин для стрельбы реактивными снарядами/ракетами с различными дальностями полета должна обеспечиваться возможность блокировки стрельбы дальнобойными или определенными типами боеприпасов[18].

Стрельба из боевой машины должна обеспечиваться как с подготовленной, так и с неподготовленной огневой позиции, включая позицию с небольшим уклоном.

Основные требования к средствам связи и управления огнем

Командно-штабная машина (КШМ) должна обеспечивать сбор, обработку, отображение и передачу данных о положении, состоянии и обеспеченности подчиненных подразделений на вышестоящие звенья управления.

Среди других функций КШМ стоит отметить прием, формирование и передачу боевых команд на подготовку и нанесение огневых ударов подчиненным звеньям управления и донесений о выполнении поставленных задач на вышестоящие командные пункты; закрытие каналов обмена телекодовой и речевой информацией с вышестоящими, взаимодействующими и подчиненными командными пунктами; оперативное закрепление за батареями (боевыми машинами) объектов поражения; защиту от несанкционированной выдачи команд на нанесение огневых ударов; решение специальных оперативно-тактических, расчетных и информационных задач; сбор, обработку и отображение на цифровой карте местности информации о ходе подготовки и выполнения поставленных задач. Также должно обеспечиваться документирование входной и выходной информации[19].

Управление огнем реактивной артиллерии должно обеспечиваться как в автономном режиме, так и из (объединенного) командного пункта (единого центра управления[20]).

В заключение стоит отметить, что, ставя перед собой задачу составления тактико-технических требований, необходимо учитывать возможность модернизации образцов с учетом нынешнего и будущего состояний развития научно-технического прогресса.

---

[1] Тактико-технические требования. Запрос в поисковой системе сайта «Ракетная техника». [Электронный ресурс] // URL: https://missilery.info/search/site?text=тактико-технические+требования; Техническое задание. Запрос в поисковой системе сайта «Ракетная техника». [Электронный ресурс] // URL: https://missilery.info/search/site?text=техническое+задание; Гуров С. В. Реактивные системы залпового огня. Обзор. [Электронный ресурс]. Дата обновления:

29.12.2021 г. // URL: https://missilery.info/gallery/mlrsreview (дата обращения: 28.02.2023 г.).

[2] Гуров С. В. Из истории формирования основных требований к боеприпасам и пусковым устройствам реактивной артиллерии // Мир оружия: история, герои, коллекции. Сборник материалов VI Международной научно-практической конференции. 3–5 октября 2018 г. Тула, 2018. С. 83–87.

[3] http://voicesevas.ru/news/14628-hronika-voennyh-sobytiy-v-novorossii-za-08062015.html; URL: http://www.raytheon.com/capabilities/products/irondome/.

[4] Боевые машины БМ-13Н, БМ-13НМ, БМ-13НММ. Руководство службы. 3-е изд. испр. М.: Воениздат, 1974. С. 80; Боевая машина БМ-24 (индекс 8У31). Руководство службы. М.: Воениздат, 1985. С. 201; Боевые машины БМ-14, БМ-14М и БМ-14ММ. Руководство службы. 2-е изд. М.: Воениздат, 1972. С. 189; Боевая машина 9П138. Техническое описание и инструкция по эксплуатации. Ч. III. Боеприпасы 9П138 ТО2. Кн. 2. Боевые машины 9П139, БМ-21, 9П125, 9А51. Боеприпасы. М.: Воениздат, 1986. С. 4; Реактивные снаряды системы залпового огня 9К57. Техническое описание и инструкция по эксплуатации. М.: Воениздат, 1981. С. 3.

[5] C.S.I.G cruise systems industries group. ARASH I 122 mm rocket; ARASH II 122 mm rocket.

[6] URL: http://www.facebook.com/photo.php?fbid=431098616940244&set=a.431090836941022.112055.362068140509959&type=1&theater; Olivia Savage. IDEX 2023: Saab reveals new self-protection system. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 23.02.2023 г. // URL: https://www.janes.com/defence-news/c4isr-command-tech/latest/idex-2023-saab-reveals-new-self-protection-system (дата обращения: 26.02.2023 г.).

[7] Отчет №-4620 Об испытании автоустановок для пуска Р.С. / Н.К.Б.-С.С.С.Р. Софринский Артполигон. Отдел технический. 14 июля 1941г. № 10568 // ЦАМО РФ. Ф. 59. Оп. 12200. Д. 8. Л. 46, 49; Изделие БМ-21. Бюллетень на изменение технического описания и инструкции по эксплуатации БМ-21.2-83 БЭ 1983 г. Утвержден заключением в/ч 64176 №А028-84.

[8] Jen DiMascio, Steve Trimble. Podcast: The F-35 Under Pressure. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 20.01.2023 г. // URL: https://aviationweek.com/podcasts/check-6/podcast-f-35-under-pressure (дата обращения: 18.02.2023 г.).

[9] Таблицы стрельбы осколочно-фугасными реактивными снарядами М-21ОФ, ТС-74, ТС-74М, ТС-74Б. 2-е изд. М.: Воениздат МО СССР, 1975. С. 81, 87; Реактивные снаряды системы залпового огня 9К57. Техническое описание и инструкция по эксплуатации. Ч. 2. М.: Воениздат, 1988. С. 4; Временные указания по стрельбе и управлению огнем 220-мм реактивных систем залпового огня «Ураган». М.: Министерство обороны СССР. Управление командующего ракетными войсками и артиллерией Сухопутных войск, 1978. С. 3.

[10] Макаровец Н., Семилет В., Авотынь Б., Романовцев Б. Модернизированные «Град» и «Смерч» – РСЗО нового поколения // Военный парад. 2007. № 1(79). С. 28; Stabilizer System // Technology Focus. Vol. 27. Issue 6. December 2019. P. 17. [Электронный ресурс] // URL: https://vdocuments.mx/artillery-rocket-systems-drdogoi-pinaka-multi-barrel-rocket-launcher-system.html?page=1 (дата обращения: 01.02.2023 г.).

[11] Robin Hughes. UK MoD awards MBDA contract for Brimstone 3B advanced software upgrade. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 18.02.2021 г. // URL:

https://www.janes.com/defence-news/news-detail/uk-mod-awards-mbda-contract-for-brimstone-3b-advanced-software-upgrade (даты обращений: 19.02.2021 г. и 20.01.2023 г.).

[12] Ibid. P. 5.

[13] ЦАМО РФ. Ф. 59. Оп. 12200. Д.49. Л. 180–182,184. Из документа ГАУ КА от 19 июля 1941 г. по вопросу применения реактивных установок; Jane's Armour and Artillery 1984–85. P. 658, 683, 684.

[14] Jane's Armour and Artillery 1984–85. P. 690; Jane's Armour and Artillery 2005–2006. P. 923, 936, 939, 959, 965.

[15] Jane's Armour and Artillery 1984–85. P. 689; Jane's Armour and Artillery 2005–2006. P. 986, 998.

[16] Jane's International Defence Review // December 2008. P. 12.

[17] URL: http://rbase.new-factoria.ru/missile/wobb/bm13/bm13.shtml; URL: http://rbase.new-factoria.ru/missile/wobb/bm-8-48/bm-8-48.shtml; URL: http://rbase.new-factoria.ru/missile/wobb/bm14_16/bm14_16.shtml; URL: http://rbase.new-factoria.ru/missile/wobb/bm24/bm24.shtml; http://rbase.new-factoria.ru/missile/wobb/bm_14_17/bm_14_17.shtml; URL: http://rbase.new-factoria.ru/missile/wobb/grad/grad.shtml; URL: http://rbase.new-factoria.ru/missile/wobb/lars1/lars1.shtml; URL: http://rbase.new-factoria.ru/missile/wobb/lars2/lars2.shtml; URL: http://rbase.new-factoria.ru/missile/wobb/lar160/lar160.shtml; URL: http://rbase.new-factoria.ru/missile/wobb/himars/himars.shtml; URL: http://rbase.new-factoria.ru/missile/wobb/rm70/rm70.shtml; URL: http://rbase.new-factoria.ru/missile/wobb/t122/t122.shtml; URL: http://rbase.new-factoria.ru/missile/wobb/asros_2/asros_2.shtml; URL: http://rbase.new-factoria.ru/missile/wobb/type-90/type-90.shtml; Рекламный буклет корпорации NORINCO. AR1A 300mm Multiple Launch Rocket System. 2008 год; Рекламный листок. NORINCO. AR3 370 mm/300 mm Multiple Launch Rocket System. 2011 год.

[18] Прошина Елена. США модифицировали переданные Украине HIMARS для невозможности ударов по РФ. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 05.12.2023 г. // URL: https://news.rambler.ru/army/49817490-ssha-modifitsirovali-peredannye-ukraine-himars-dlya-nevozmozhnosti-udarov-po-rf/ (даты обращений: 05.12.2022 г. и 20.01.2023 г.).

[19] Унифицированная командно-штабная машина МП32М1. [Электронный ресурс] // URL: https://missilery.info/missile/smerch/mp32m1 (дата обращения: 28.02.2023 г.); Унифицированная командно-штабная машина МП32М1. Автоматизированная система управления. [Электронный ресурс] // URL: https://missilery.info/gallery/mp32m1 (дата обращения: 28.02.2023 г.); Тактико-технические требования. Запрос в поисковой системе сайта «Ракетная техника». [Электронный ресурс] // URL: https://missilery.info/search/site?text=тактико-технические+требования; Техническое задание. Запрос в поисковой системе сайта «Ракетная техника». [Электронный ресурс] // URL: https://missilery.info/search/site?text=техническое+задание.

[20] Гуров С. В. Из истории развития реактивной артиллерии в Республике Беларусь (1992–2019 гг.) // Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова. Годичная научная конференция, 2020. Москва: ИИЕТ РАН, 2020. 410. [Электронный ресурс] // URL: http://ihst.ru/wp-content/uploads/2020/12/IHST_conference_2020.pdf (дата обращения: 28.02.2023 г.).

С. В. Гуров (Тула)

РЕАКТИВНАЯ АРТИЛЛЕРИЯ В ВОЙНАХ И ВОЕННЫХ КОНФЛИКТАХ В МИРЕ

В ДАННОЙ СТАТЬЕ опубликованы результаты проводимого автором исследования о реактивной артиллерии в войнах и военных конфликтах. Первая часть материалов была опубликована в его статье «Реактивная артиллерия в войнах и военных конфликтах в XIX–XXI веках»[1].

***Советско-японская война (09.08.–02.09.1945 г.)*[2].** После перехода через государственную границу гвардейские минометные части (ГМЧ) редко привлекались к ведению огня из-за слабого сопротивления противника. За все время ведения боевых действий военнослужащие 32-го гвардейского минометного полка (ГМП), находившегося в составе 36-й армии на Забайкальском фронте, произвели «один дивизионный залп снарядами М-13 и три батарейных залпа снарядами М-8 по узлу сопротивления Чжабей». По окончании перехода через Большой Хинган полк был вынужден остановиться по причине отсутствия горючего.

Военнослужащие гвардейских минометных частей 39-й армии тоже почти не вели огня. Только при подходе к городу Солунь был произведен дивизионный залп военнослужащими дивизиона 64-го ГМП. В самом городе они произвели «дивизионный залп по опорному пункту противника дивизионом М-31-12 14-й гвардейской минометной бригады», который входил в состав передового отряда 5-го стрелкового корпуса.

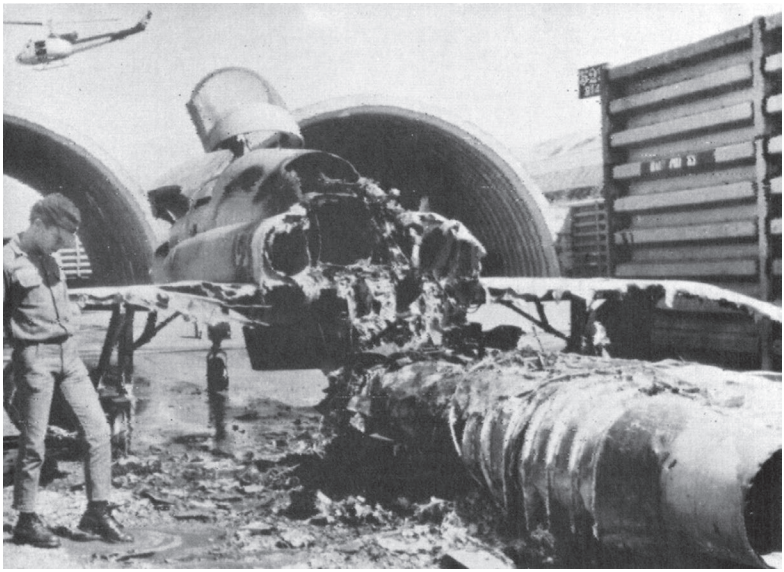
Военнослужащие дивизионов М-13 вели огонь в боях на муданьцзянском направлении и за города Муданьцзян, Мишань и Дунань на 1-м Дальневосточном фронте. Как правило, это были батарейные залпы и залпы отдельных боевых установок[3].

Ил. 1. Вариант пуска неуправляемых реактивных снарядов калибра 122 мм (Вьетнам)

Национально-революционная война в Лаосе (1946–1975 гг.). Утром 8 февраля 1971 г. после артиллерийской и авиационной подготовки американо-южновьетнамские войска (50 тысяч американских и 25 тысяч южновьетнамских солдат) перешли лаосскую границу и развернули наступление в западном направлении. Одновременно на территории Лаоса были высажены вертолетные десанты из состава частей южновьетнамской воздушно-десантной дивизии. Встретив упорное сопротивление частей Народно-освободительной армии Лаоса (НОАЛ), «за 11 дней интервенты продвинулись всего на 25 км. Неожиданностью для противника было применение воинами НОАЛ танков и РСЗО»[4].

Война во Вьетнаме (конец 1950-х – 1975 г.). В феврале 1967 г. военнослужащие северовьетнамского 99-го батальона использовали переносные ракетные пусковые установки для пуска реактивных снарядов калибра 122 мм при массированном обстреле авиабазы Да Нанг (Da Nang), располагавшейся на территории Южного Вьетнама, уничтожив 94 самолета[5] (ил. 1).

Первой военной базой в Южном Вьетнаме, атакованной реактивными снарядами калибра 122 мм, стал Camp Carroll (Лагерь Кэррол) в начале марта 1967 г. Вслед за этим начальным применением эти реактивные снаряды были использованы не только



Ил. 2. Самолет у незащищенной вертикальной плиты, уничтоженный в результате обстрела реактивными снарядами калибра 122 мм (Вьетнам)

против военных баз, но также против городских районов (территорий), портов и мостов на всей территории Южного Вьетнама[6]. В частности, в результате ракетного удара 27 реактивными снарядами калибра 122 мм российского производства, выполненного 6 ноября 1973 г. по авиационной базе Биен Хоа (Bien Hoa), расположенной в 15 милях к северо-востоку от Сайгона, были уничтожены три истребителя-бомбардировщика F-5A и четыре самолета были повреждены. Уничтоженные самолеты находились за пределами бетонных и стальных ангаров[7] (ил. 2).

Турбореактивные снаряды калибра 107 мм с эффективной дальностью 6–8 км могли запускаться из трубчатых направляющих с земляных насыпей, бамбуковых рам или самодельных пересеченных палок.

Турбореактивные снаряды калибра 140 мм обычно запускались из одиночных трубчатых направляющих, установленных на земле, или земляных пусковых колодок (столов) (вероятно, земляных насыпей или прокопов). Эти направляющие редко перезаряжались для нанесения последующих ударов[8].

Колониальная война Португалии (1960–1970-е гг.) – общее название серии вооруженных конфликтов, вызванных национально-освободительным движением в африканских колониях Португалии в 1960–1970-х гг. Во время войны шасси джипа Willys Mesquita (?) дорабатывалось для монтажа самодельной артиллерийской части, в конструкцию которой входила самодельная станина, на которую монтировался блок MATRA Type 361 для стрельбы неуправляемыми авиационными ракетами SNEB калибра 37 мм[9].

Война за независимость Эритреи (1961–1991 гг.) – вооруженный конфликт между эритрейскими сепаратистами и представителями правительства Эфиопии[10]. Основу сухопутных сил обеих армий составляли танки Т-62 и Т-72, бронетранспортеры БТР-70 и БТР-80, боевые машины пехоты БМП-1 и БМП-2. Вовсю применялись целые дивизионы РСЗО «Град» и «Ураган»[11].

Арабо-израильская война 1967 г. Шестидневная война (5–10 июня 1967 г.) Израиля против Египта, Иордании и Сирии[12]. В 1967 г. израильтянам в качестве трофеев достались несколько боевых машин (серии) БМ-14, которые использовались во время войны на истощение до израсходования боекомплекта[13]. Также, в ходе Шестидневной войны израильтяне захватили у египтян 18 боевых машин БМ-24 (система М-24). Из них 14 единиц были приняты на вооружение, из которых был сформирован 270-й дивизион (12 машин). С 1971 г. специалисты IMI занимались производством реактивных систем для боевых машин БМ-24[14].

Четвертая арабо-израильская война («Война Судного дня», Октябрьская война, 6–24 октября 1973 г.) – военный конфликт между силами коалиции арабских стран и Израилем[15]. В 1973 г. арабские армии применили РСЗО «Град». Это заставило Израиль начать разработку собственной РСЗО[16]. РСЗО находились на вооружении вооруженных сил Египта и Сирии. Начавшаяся в 14.00 (6 октября?) египетская артподготовка продолжалась 53 минуты. За это время из 2 тысяч стволов орудий и РСЗО было выпущено более 3 тысяч тонн боеприпасов. Интенсивность огня составляла 175 выстрелов в секунду[17].

Войну Судного дня 270-й дивизион, на вооружении которого находились боевые машины БМ-24, начал на Голанах и позднее был переброшен на Синай[18].

Ливанская гражданская война (1975–1990 гг.). В ходе израильского вторжения 1982 г. израильские военные захватили

Ил. 3. Уничтоженная боевая машина серии ВМ-11 в Бейруте (Ливан, 1982 г.)

несколько боевых машин серии ВМ-11 (Северная Корея) для стрельбы РС калибра 122 мм, которые были продемонстрированы на израильской выставке трофеев 1982 г.

В 1982 г. на территории Бейрута (Ливан) были уничтожены, по крайней мере, две боевые машины серии ВМ-11[19] (ил. 3).

Израильские боевые машины БМ-24 находились в Ливане в 1982-м. Оснащенный ими 9229-й артдивизион «Шекеф» воевал в районе Бейрута.

В один из дней ведения боевых действий христианская сторона неистово обстреливалась в течение 24 часов из всего диапазона минометов калибра 82, 120 и 160 мм, залпами неуправляемых реактивных снарядов калибра 122 мм с десятков хороших позиций боевых машин БМ-21, имевших место по периметру города, РПГ и ЗСУ-23/4[20].

Кампучийско-вьетнамская война (1975–1989 гг.). 20 декабря 1988 г. 160 солдат под командованием майора Тор Сиуса (Tor Seuth) выполнили удар по сторожевой заставе (аванпосту, форпосту) противника в Самронге (Samrong) в районе Фном Срок (Phnom Srok). Оборонявшиеся – сотня человек из вооруженных сил Национальной Республики Камбоджа – бежали после 45 минут боя.

Используя 60-мм минометы, 107-мм реактивные снаряды и всегда присутствующий (вездесущий) АК-47, к концу дня сиханоукисты (Sihanoukists) взяли более пяти позиций.

Это был хороший день для камбоджийского антивьетнамского сопротивления, так как шесть сторожевых застав были ключом к другому направлению для глубокого продвижения.

Однако несколькими неделями ранее в Кампоте (Kampot), стратегической морской провинции на юго-западе, группа солдат шестой бригады Национальной сиханоукианской армии под командованием полковника Киенг Ванга (Kieng Vang) была заманена в засаду представителями войск народной армии Вьетнама. Синахоукисты потеряли большую часть своего вооружения, включая реактивные снаряды калибра 107 мм, гранатометы, радиопередатчики и пропагандистские материалы[21].

Гражданская война в Анголе (1975–2002 гг.). Боевые машины БМ-14 (БМ-14-16) были в Ндалатанго в 1983 г. (поставляли болгары)[22]. РСЗО «Град», в частности, эксплуатировалась кубинской стороной и была захвачена южноафриканской стороной, что способствовало формированию требований к их артиллерийской системе площадного поражения. Результатом работ стала РСЗО Valkiri[23]. Вследствие обстрелов из БМ-21 «начинались лесные пожары, которые и были причиной гари и дополнительной к имеющейся жаре температуры»[24].

РСЗО «Град» и РПУ Type 63 применялись в районе Качингуес (Cachingues). Повреждение было причинено реактивными снарядами калибра 107 мм, запущенными из реактивной пусковой установки Type 63[25]. В ходе Bush War в Анголе было захвачено некоторое количество РПУ Type 63[26] (ил. 4)[27].

В состав артбатареи 18-й дшбр входила система «Град-П». Мобильность подразделения достигалась, в частности, за счет артбатареи, система «Град-П» «могла быстро и свободно перебрасываться на БТР на другие угрожаемые направления (участки)». По воспоминаниям Андрея Бабаяна, в состав огневого взвода «Град-1П» входил(и) автомобиль(и) «Урал»[28].

Чадско-ливийский конфликт (1978–1987 гг.). Применялась, наиболее вероятно, самодельная, боевая машина для пуска турбореактивных снарядов калибра 107 мм[29].

Война за Огаден (1977–1978 г.) (Эфиопо-сомалийская война, Сомалийско-эфиопский конфликт). В ходе сомалийско-эфиопского конфликта из СССР в Сомали прибыла батарея

Ил. 4. Боевая машина серии БМ-21 (Ангола)

из четырех боевых машин БМ-21. Однако, основная партия этих БМ, отправленная морем, была перенаправлена и выгружена уже не в Сомали, а в Эфиопии. Позже боевые машины этой партии были применены в боевых действиях против Сомали. К середине января 1978 г. в составе эфиопских войск вместе с кубинскими подразделениями были 42 боевые машины БМ-21, т. е. семь дивизионов. Эти боевые машины широко применялись во время наступления эфиопских войск в феврале–марте 1978 г. В результате наступления практически вся территория Огадена была освобождена от сомалийских войск, после чего боевые действия были завершены[30].

События на таджико-афганской границе (15 августа 1995 г.). 15 августа 1995 г. 12 вооруженных боевиков предприняли попытку прорыва с территории Афганистана на территорию Таджикистана на участке 10-й заставы Пянджского погранотряда. Данный прорыв был пресечен в результате стрельбы из боевой машины РСЗО «Град»[31].

Вторжение чеченских боевиков в Дагестан (Дагестанская война) (фактически считается началом Второй чеченской войны) (07.08.–14.09.1999 г.)[32]. В ходе ведения боевых действий

Ил. 5. Боевые машины БМ-21-1/БМ-21 РСЗО «Град» готовятся к бою. Дагестан, август 1999 г.

на территории Республики Дагестан могли применяться/применялись реактивные системы залпового огня «Град»[33] (ил. 5).

Вторжение Турции в Ирак (2007–2008 гг.) (операция «Солнце») – серия военных операций Турции на территории Ирака (иракского Курдистана). Кодовое название – операция «Солнце» (тур. Güneş Harekatı) (Operation Gunes). Установлены стоп-кадры видеосъемки или видеосъемок, на которых запечатлены моменты стрельбы военнослужащими артиллерийской ракетной (реактивной) батареи Т-107 из состава горного батальона сил специального назначения в Чукурджа (провинции Хаккяри). Стрельба выполнялась по территории лагеря Рабочей партии Курдистана с территории передовой базы, расположенной около турецко-иракской границы во время вторжения турецкой армии в Северный Ирак в рамках операции «Солнце» в феврале 2008 г.[34]

Операция «Литой свинец» (Израиль – Сектор Газа, 27.12.2008 г. – 18.01.2009 г.). Во время операции «Литой свинец» (Operation Cast Lead) боевики движения «Хамас» (Hamas) выполняли пуски неуправляемых реактивных снарядов «Град» иранского производства и китайских неуправляемых реактивных снарядов калибра 122 мм[35].

Гражданская война в Ливии (2014 г. – наши дни). Самодельные варианты БМ были предназначены для пуска НУРС калибра 122 мм, ТРС калибра 107 мм и НАР, как и во время войны

Ил. 6. Боевая машина серии ВМ-11 (Северная Корея). Захвачена 13.04.2020 г.

в Ливии в 2011 г.[36] Также была переносная одноствольная пусковая установка для стрельбы с плеча НАР, боевые машины серий БМ-21 и БМ-11[37] (ил. 6).

Военный конфликт в Нагорном Карабахе (2015 г. – наши дни). В сентябре 2015 г. азербайджанская сторона применила реактивную пусковую установку TR-107 турецкого производства в направлении карабахских позиций.

Эта система также была применена азербайджанской стороной против позиции в Нагорном Карабахе ночью с 7 на 8 декабря 2015 г.

Следующий раз система применялась 20 декабря или ночью 21 декабря 2015 г.

В начале апреля 2016 г. обстановка вновь накалилась в регионе. 4 апреля 2016 г. сообщалось, что в первые часы противостояния «помимо армянских военных позиций азербайджанские военные вели обстрел и населенных пунктов из установок “Град”» (ил. 7).

6 апреля 2016 г. сообщалось, что азербайджанская сторона задействовала РСЗО «Град» и «Смерч», тяжелые огнеметные

Ил. 7. Армянские солдаты идут около боевой машины БМ-21-1 в деревне Мардакерт. Фото: Associated Press

системы ТОС-1 наряду с тяжелой артиллерией калибра 152 мм и минометов различных калибров.

В период ведения боевых действий 4–5 апреля 2016 г. вооруженные силы Азербайджана потеряли «одну систему “Град”». Стоит понимать: одну боевую машину РСЗО «Град».

Согласно иностранным данным, по данным армянских средств массовой информации от 2016 г., азербайджанская система ТОС-1А (вероятнее, боевая машина системы ТОС-1А) была уничтожена во время боя в апреле, после обстрела ракетами (реактивными снарядами) позиции карабахских сепаратистов. Термин «сепаратист» явно применен автором материала из иностранного источника.

24 апреля 2016 г. поступило сообщение, что, по данным министерства обороны самопровозглашенной Нагорно-Карабахской республики, азербайджанская сторона применила, в частности, реактивную систему залпового огня TR-107.

По данным от 28 апреля 2016 г., в ночь с 27 на 28 апреля азербайджанские силы применили РСЗО TR-107 и ММ-21 (вероятно М-21, т. е. РСЗО «Град» или другое изделие).

По данным от 5 мая 2016 г., со ссылкой на министерство обороны Нагорно-Карабахской республики (НКР), ночью с 4 на 5 мая вооруженные силы Азербайджана применили РСЗО TR-107.

2 марта 2017 г. были опубликованы данные о применении азербайджанской стороной РСЗО TR-107. Был выпущен 51 (турбореактивный) снаряд.

4 июля 2017 г. министерство обороны Нагорного Карабаха заявило о применении вооруженными силами Азербайджана в зоне конфликта реактивных систем залпового огня TR-107 с южного направления в 20.20 (19.20 мск).

28 сентября 2020 г. было сообщено, что в этот день азербайджанская сторона применила тяжелую огнеметную систему ТОС-1А.

30 сентября 2020 г. было сообщено, что, по данным минобороны Армении, армия Азербайджана использовала РСЗО «Смерч», «Полонез», а также турецкие установки T-300 Kasirga, тяжелые огнеметные системы (ТОС). По данным азербайджанской стороны, военнослужащие вооруженных сил Республики Азербайджан, в частности, уничтожили РСЗО «Ураган»[38].

Война с исламскими террористами в Африке (2015(2016) г. – наши дни). Начиная с 14 февраля 2016 г., "Barkhane Force" французской армии, которые действовали в Мали против исламских террористов, борясь с ними в Африке, развернули три РСЗО LRU (LRU MLRS) из состава вооружения первого артиллерийского полка из Белфорта. Прибытие РСЗО LRU должно было укрепить возможности огневой поддержки французских войск, развернутых в Северном Мали[39]. По данным от 4 марта 2016 г., военнослужащие французской армии впервые применили РСЗО LRU против террористов в Северном Мали. Цель была поражена менее чем за две минуты[40] (ил. 8).

Камбоджийско-лаосский пограничный конфликт (2017 г.). 11 августа 2017 г. боевая машина RM-70 с военнослужащими передвигалась к камбоджийско-лаосской границе в Пномпене (Phnom Penh) (Камбоджа). Возможно, было несколько боевых машин. По другим данным, в пятницу вечером *(стоит понимать, вечером пятницы 11.08.2017 г.)* правительственное СМИ Fresh News («Свежие новости») в прямом эфире на своей странице в Facebook из штаб-квартиры охраны премьер-министра в южной провинции Кандал (Kandal) транслировало передвижение военнослужащих *(в оригинале troops – войска, т. е. войск)* и десятков бронемашин, а также нескольких грузовых автомобилей с ракетными установками БМ-21 *(т. е. или боевых машин БМ-21, или варианта(ов) с артиллерийской частью БМ БМ-21)*

Ил. 8. Малийские солдаты около боевой машины серии БМ-21-1 в недавно вновь захваченном городе Гао 27.01.2013 г. Adama Diarra. flickr.com

в приграничную зону в провинции Стунг Тренг (Stung Treng). По данным 2019 г., премьер-министр Хун Сен (Hun Sen) направил грузовики БМ-21 (стоит понимать, боевые машины БМ-21) в провинцию Стунг Тренг (Stung Treng) во время пограничного конфликта с Лаосом в 2017 г. Однако на фотографии запечатлены три боевые машины RM-70[41].

Военная операция «Источник мира» («Родник мира») (Operation Peace Spring) (9–22.10.2019 г.). 9 октября 2019 г. вслед за авиаударами вооруженных сил Турции по сирийским целям в рамках военной операции «Источник мира» (Operation Peace Spring) были начаты артиллерийские обстрелы из боевых машин РСЗО и гаубиц. Более 180 целей были поражены в Рас аль-Эйн(Аин) и Таль Абьяд (Ras al-Ain и Tal Abyad)[42].

Результаты анализа стоп-кадра видеосъемки (Turkish Defence Ministry/Handout/via REUTERS) момента стрельбы из боевой машины РСЗО с огневой позиции в неизвестном районе 9 октября 2019 г.[43] свидетельствуют, что стрельба велась из боевой машины РСЗО T-122 Sakarya.

По данным от 18 октября 2019 г., одна из колонн Сирийской арабской армии, в состав которой входили восемь танков Т-55

и Т-62, проследовала по второй по значимости территории, которую удерживали курды на западной стороне Евфрата (Euphrates) в районе Аль-Табка(х) (Al-Tabqah) и проследовала через реку в направлении Айн-Иссы (Ayn Issa), расположенной в 65 км к северу. Вслед за ней проследовала колонна боевых машин БМ-21. Со стороны российских войск, представители которых находились в военном автомобиле «Газ» («Тигр»), выполнялась видеосъемка колонны 17 октября[44].

Вооруженный конфликт в регионе Тыграй (Эфиопия) (03(04).11.2020 г. – 03.11.2022 г.[45]). 19 ноября 2020 г. на официальной странице Народного фронта освобождения Тыграя (НФОТ) было заявлено, что за две недели боевых действий войска Тыграя захватили много танков, тяжелой артиллерии и РСЗО эфиопской армии. 30 декабря 2020 г. эфиопскими вооруженными силами были захвачены РСЗО, реактивные снаряды и оперативно-тактические ракеты сил НФОТ, которые, предположительно, использовались при ракетных обстрелах Бахр-Дара, Гондэра и Асмэры[46]. 21 января 2021 г. стало известно, что в ходе боевых действий против мятежников Народного фронта освобождения Тыграя правительственным войскам Эфиопии удалось уничтожить боевую машину и транспортно-заряжающую машину РСЗО AR2, считающуюся копией российской РСЗО 9К58 «Смерч»[47] (ил. 9).

Ил. 9. Уничтоженная боевая машина РСЗО AR2

Специальная военная операция (24.02.2022 г. – наши дни) (как часть войны на Украине, начатой в 2014 г.). В ходе проведения специальной военной операции Вооруженные силы Российской Федерации применяли РСЗО «Град»[48], РСЗО «Ураган»[49], РСЗО «Смерч»[50], РСЗО «Торнадо-С»[51], тяжелую огнеметную систему ТОС-1А[52], инженерную систему дистанционного минирования «Земледелие»[53].

В частности, для обеспечения поражения целей перед применением РСЗО «Град» разведка позиций противника и координаты целей для стрельбы велись с помощью беспилотных летательных аппаратов.

Также установлены данные, что батарея РСЗО «Град» получала данные средств артиллерийской разведки и расчетов беспилотных летательных аппаратов, осуществляла выдвижение, занятие огневой позиции и нанесение удара по выявленным огневым позициям вооруженных сил Украины. После нанесения удара расчеты РСЗО покидали огневую позицию. Перезаряжание боевых машин номера расчетов выполняли в запасном районе, после чего выдвигались на новую огневую позицию для нанесения удара по вновь выявленным целям.

Одной из особенностей применения батареи РСЗО «Град» также было ее распределение повзводно, то есть по две машины на разных территориях, но стреляют они единым залпом, чтобы уничтожить большое скопление сил противника. Также особенностью боевого применения украинской стороной РСЗО «Град» была стрельба не полными пакетами, а полупакетами, т. е. не по 40 реактивных снарядов, а по 20[54].

Согласно данным информационно-аналитической организации Jane's, боевой дебют (первое боевое применение) инженерной системы дистанционного минирования «Земледелие» имело место в ходе специальной военной операции предположительно на территории Харьковской области. Согласно российскому интернет-источнику, 26 марта 2022 г. телеграмм-канал «Парламент Z кнопкой» показал боевую работу этого изделия. Ролик продолжительностью почти полторы минуты был снят на территории Харьковской области.

В ходе проведения специальной военной операции вооруженным силам Украины были поставлены из Чехии БМ RM-70, из Польши (БМ) РСЗО «Град»[55] из США РСЗО HIMARS и др.[56], из Германии РСЗО MARS II[57] (по сути, РСЗО MLRS),

Ил. 10. Боевая машина РСЗО LRU, переданная Францией, в неустановленном месте на территории Украины (источник изображения: Социальная сеть)

из Великобритании РСЗО MLRS[58], из Турции РСЗО TRLG-230[59] и T-122 Sakarya[60], из Франции РСЗО LRU[61] (ил. 10). Часть РСЗО HIMARS и MARS II была уничтожена Вооруженными силами Российской Федерации[62]. Также были уничтожены некоторые производственные мощности, на которых выполнялись производство и ремонт составляющих для РСЗО[63].

Вооруженные силы Украины применяли РСЗО «Град», «Град-1», «Ураган», «Смерч», PHIMARS, TRLG-230.

По данным министра обороны Украины, вооруженные силы Украины контролировали «все мосты на Днепре с помощью американских систем, таких как HIMARS, а также других РСЗО, таких как M270»[64].

РСЗО HIMARS применялась украинской стороной по гражданским объектам[65].

Летом 2022 г. у украинской стороны стали появляться самодельные боевые машины для стрельбы неуправляемыми авиационными ракетами и неуправляемыми реактивными снарядами калибра 122 мм (включая одну пусковую установку)[66].

Пограничный конфликт на киргизско-таджикской границе (14–19.09.2022 г.). В ходе пограничного конфликта, названного «самым масштабным и кровопролитным за всю историю киргизско-таджикских конфликтов на границе», военнослужащие таджикской армии массово применяли реактивные системы залпового огня «Град» и «Ураган» по Ошской и Баткенской областям Киргизии[67]. В частности, РИА Новости со ссылкой на пресс-службу госкомитета нацбезопасности Киргизии (ГКНБ) сообщило, что таджикскими военными были нанесены «ракетные удары из систем залпового огня по окрестностям аэропорта и окраинам областного центра Баткен в Киргизии»[68].

Дополнительные материалы публикуются на сайте «Ракетная техника»[69].

---

[1] Гуров С. В. Реактивная артиллерия в войнах и военных конфликтах в XIX–XXI веках // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Седьмой международной научно-практической конференции, 18–20 мая 2016 г.: В 5 ч. СПб.: ВИМАИВиВС, 2016. Ч. 2. С. 207–234.

[2] Военная энциклопедия: В 8 т. М.: Воениздат, 2003. Т. 7. С. 561–562.

[3] Полевая реактивная артиллерия в Великой Отечественной войне. На правах рукописи. М., 1955. С. 541–542.

[4] Ташлыков С. Л. Национально-революционная война в Лаосе. [Электронный ресурс] // URL: https://bigenc.ru/military_science/text/2253312 (дата обращения: 04.06.2021 г.).

[5] URL: https://www.quora.com/What-are-the-strangest-weapons-tools-and-vehicles-used-in-the-Vietnam-war.

[6] URL: http://www.15thengineer.50megs.com/9th_&_vn_history.htm.

[7] Red Rockets Destroy F-5A // Aviation Week & Space Technologies. – 1973. – Vol. 99. – 19 November. № 21. P. 14.

[8] URL: http://www.15thengineer.50megs.com/9th_&_vn_history.htm.

[9] Ракетное вооружение португальских «джипов» в ходе Колониальной войны. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 20.10.2020 г. // URL: https://kosta-g.livejournal.com/29805.html (дата обращения: 06.12.2020 г.).

[10] Война за независимость Эритреи. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 05.09.2019 г. // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Война_за_независимость_Эритреи (дата обращения: 20.09.2019 г.)

[11] Григорьева С. В. Российско-эфиопские отношения в конце 1990-х – начале 2000-х годов // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2012. № 2 (1). С. 230. [Электронный ресурс] // URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_17674824_65407845.pdf (дата обращения: 20.09.2019 г.).

[12] «Шестидневная» арабо-израильская война. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 05.06.2017 г. // URL: https://ria.ru/20170605/1495713408.html (дата обращения: 21.09.2019 г.)

[13] Шутемов А. С. Артиллерийские и ракетные системы в ходе региональных войн 1950–2000 гг. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 4 (20). С. 60. [Электронный ресурс] // URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_20362662_45217721.pdf (дата обращения: 20.09.2019 г.).
[14] Современные реактивные системы залпового огня. 240-мм реактивная система залпового огня БМ-24 (8У31). [Электронный ресурс] // URL: http://zonwar.ru/artileru/reakt_sistem.html/BM-24.html (дата обращения: 22.09.2019 г.).
[15] Война Судного дня. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 17.09.2019 г. // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Война_Судного_дня (дата обращения: 21.09.2019 г.).
[16] Шутемов А. С. Артиллерийские и ракетные системы в ходе региональных войн 1950–2000 гг.
[17] Храмчихин Александр. Судный день Израиля. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 19.10.2018 г. // URL: http://nvo.ng.ru/wars/2018-10-19/1_1018_israel.html (дата обращения: 22.09.2019 г.).
[18] Современные реактивные системы залпового огня...
[19] URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Гражданская_война_в_Ливане; URL: http://hanber.livejournal.com/2685604.html.
[20] Al J. Venter. Lebanon: the cost of conflict // International defense review. 1988. Vol. 21. № 7. P. 764.
[21] Jacques Bekaert. Cambodia. A nasty little war // International defense review. 1989. Vol. 22. № 3. P. 289; URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/643586; Jane's Armour and Artillery 1986–1987. P. 742.
[22] Воспоминания советских и российских ветеранов об Анголе. Информация с электронной площадки российского Союза ветеранов Анголы. М.: Издатель И. Б. Белый, 2014. С. 120.
[23] Robert Boyle. South Africa Starts Arms Export Drive – a photo report // International defense review. 1983. Vol. 16. № 3. P. 269.
[24] Воспоминания советских и российских ветеранов об Анголе. С. 147.
[25] Воспоминания советских и российских ветеранов об Анголе. С. 747–749.
[26] Armscor seeking multiple rocket launchers. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 18.08.2017 г. // URL: https://www.defenceweb.co.za/sa-defence/sa-defence-sa-defence/armscor-seeking-multiple-rocket-launchers/ (дата обращения: 21.09.2019 г.).
[27] URL: http://www.warinangola.com/Default.aspx?tabid=999.
[28] Воспоминания советских и российских ветеранов об Анголе. С. 135, 146, 149.
[29] Al. J. Venter. Stalemate in the Sahara // International defense review. 1988. Vol. 21. № 12. P. 1571.
[30] URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Война_за_Огаден_(1977–1978); URL: http://www.nauka-tehnika.com.ua/nt/article/reaktivnaya-sistema-zalpovogo-ognya-bm-21-«grad»-chast-3?page=show.
[31] Стасовский А. Таджикистан: тревожный август // Красная звезда. № 187 (21773). 18.08.1995 г. С. 1.
[32] Вторжение боевиков в Дагестан [Электронный ресурс]. Дата обновления: 02.12.2022 г. // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Вторжение_боевиков_в_Дагестан (дата обращения: 03.12.2022 г.).

[33] Фотография. БМ-21 «Град» готовятся к бою, Дагестан, август 1999 г. [Электронный ресурс] // URL: https://war-book.ru/rszo-bm-21-2b5-grad/#photos-3 (даты обращений: 19.11.2022 г. и 28.11.2022 г.)

[34] Вторжение Турции в Ирак (2007–2008) [Электронный ресурс]. Дата обновления: 28.09.2019 г. // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Вторжение_Турции_в_Ирак_(2007—2008) (дата обращения: 07.10.2019 г.); Чукурджа [Электронный ресурс]. Дата обновления: 25.08.2014 г. // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Чукурджа (дата обращения: 07.10.2019 г.); Arda Mevlutoglu. Turkish Surface to Surface Rocket and Missile Systems - I. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 25.06.2008 г. // URL: http://s188567700.online.de/CMS/index.php?option=com_content&task=view&id=190&Itemid=47 (дата обращения: 23.12.2008 г.); Turkey-Syria border: Kurds bitter as US troops withdraw [Электронный ресурс]. Дата обновления: 07.10.2019 г. // URL: https://www.bbc.com/news/world-middle-east-49960973 (дата обращения: 07.10.2019 г.).

[35] URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Операция_«Литой_свинец»; David A. Fulghum, David Eshel, Doughlas Barrie. New War, Fresh Ideas // Aviation Week & Space Technology. 2009. Vol. 170. № 2. January 12. P. 26.

[36] Гуров С. В. Ракетная техника в нынешнем военном конфликте в Ливии (Ч. I–III). [Электронный ресурс] // URL: https://missilery.info/gallery/lybia1; https://missilery.info/gallery/lybia2; https://missilery.info/gallery/lybia3.

[37] Гуров С. В. Ракетная техника в Гражданской войне в Ливии (2014 год – наши дни). [Электронный ресурс] // URL: https://missilery.info/gallery/lybia4 (дата обращения: 29.01.2023 г.).

[38] Гуров С. В. Реактивная артиллерия в войнах и военных конфликтах в мире. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 29.01.2023 г. // URL: https://missilery.info/article/mcs (дата обращения: 29.01.2023 г.).

[39] French Army Barkhane Force has deployed LRU MLRS Multiple Launch Rocket Systems in Mali 12002162. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 20.02.2016 г. // URL: https://www.armyrecognition.com/armies_in_the_world_analysis_focus/french_army_barkhane_force_has_deployed_lru_mlrs_multiple_launch_rocket_systems_in_mali_12002162.html (даты обращений: 22.09.2019 г. и ранее).

[40] Barkhane force of French Army uses launch rocket system LRU against terrorits groups in Mali 10703163. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 07.03.2016 г. // URL: https://www.armyrecognition.com/armies_in_the_world_analysis_focus/barkhane_force_of_french_army_uses_launch_rocket_system_lru_against_terrorits_groups_in_mali_10703163.html (даты обращений: 22.09.2019 г. и ранее).

[41] Cambodia, Laos agree to settle border dispute. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 24.08.2019 г. // URL: https://www.khmertimeskh.com/50636811/cambodia-laos-agree-to-settle-border-dispute/ (дата обращения: 22.09.2019 г.).

[42] Sevil Erkus. Turkish soldiers enter 7-km depth into Tal Abyad border town of Syria. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 10.10.2019 г. // URL: http://www.hurriyetdailynews.com/turkish-soldiers-enter-7-km-depth-into-tal-abyad-border-town-of-syria-147344 (дата обращения: 10.10.2019 г.).

[43] Turkey begins offensive against Kurdish fighters in Syria. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 10.10.2019 г. // URL: https://www.thestar.com.my/news/world/2019/10/10/turkey-begins-offensive-against-kurdish-fighters-in-syria (дата обращения: 10.10.2019 г.).

[44] Tim Ripley. Damascus capitalises on US withdrawal from northeastern Syria. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 18.10.2019 г. // URL: https://www.janes.com/article/92033/damascus-capitalises-on-us-withdrawal-from-northeastern-syria (дата обращения: 18.10.2019 г.).

[45] Tigray War. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 13.11.2022 г. // URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Tigray_War#:~:text=The%20Tigray%20War%20was%20an,(TPLF)%20on%20the%20other.&text=Arms%20suppliers%3A,United%20Arab%20Emirates (дата обращения: 13.11.2022 г.).

[46] Вооруженный конфликт в Тыграе. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 13.01.2021 г. // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Вооруженный_конфликт_в_Тыграе (дата обращения: 24.01.2021 г.).

[47] Моисеев Алексей. Китайская копия реактивного «Смерча» уничтожена в Эфиопии. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 22.01.2021 г. // URL: https://rg.ru/2021/01/22/kitajskaia-kopiia-reaktivnogo-smercha-unichtozhena-v-efiopii.html (дата обращения: 23.01.2021 г.); Pictures show a destroyed TPLF PHL-03... [Электронный ресурс]. Дата обновления: 21.01.2021 г. // URL: https://twitter.com/MapEthiopia/status/1352325064973189123 (дата обращения: 23.01.2021 г.).

[48] Расчеты реактивных систем залпового огня (РСЗО) «Град» успешно выполняют огневые задачи в ходе специальной военной операции. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 06.06.2022 г. // URL: https://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12424443@egNews (дата обращения: 02.12.2022 г.); Расчеты реактивных систем залпового огня (РСЗО) «Град» Западного военного округа выполнили огневые задачи по уничтожению позиций ВСУ в ходе специальной военной операции. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 27.06.2022 г. // URL: https://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12426822@egNews (дата обращения: 02.12.2022 г.); Расчеты РСЗО «Град» ЗВО при выполнении огневых задач уничтожили позиции ВСУ в ходе специальной военной операции. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 07.07.2022 г. // URL: https://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12428141@egNews (дата обращения: 02.12.2022 г.); Расчеты РСЗО «Град» Южного военного округа уничтожили объекты и позиции ВСУ в зоне проведения специальной военной операции. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 18.11.2022 г. // URL: https://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12445706@egNews (дата обращения: 02.12.2022 г.).

[49] РСЗО «Ураган» Западного военного округа продолжают выполнять огневые задачи по уничтожению позиций ВСУ в ходе специальной военной операции. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 09.06.2022 г. // URL: https://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12424749@egNews (дата обращения: 02.12.2022 г.); Расчеты РСЗО «Ураган» ЦВО продолжают выполнять боевые задачи в ходе специальной военной операции. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 20.09.2022 г. // URL: https://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12438693@egNews (дата обращения: 02.12.2022 г.); В ходе специальной военной операции расчет РСЗО «Ураган» ЦВО поразил свыше 100 целей. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 26.10.2022 г. // URL: https://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12443152@egNews (дата обращения: 02.12.2022 г.).

[50] Российские расчеты реактивных систем залпового огня «Смерч» нанесли удар по складам боеприпасов и техники ВСУ. [Электронный ресурс]. Дата

обновления: 21.04.2022 г. // URL: https://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12418244@egNews (дата обращения: 02.12.2022 г.); Расчеты РСЗО «Смерч» Западного военного округа нанесли удар по логистическому центру ВСУ. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 27.07.2022 г. // URL: https://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12430637@egNews (дата обращения: 02.12.2022 г.); Минобороны России опубликовало кадры боевой работы расчетов реактивных систем залпового огня (РСЗО) «Смерч» Западного военного округа в ночное время в ходе проведения специальной военной операции. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 31.10.2022 г. // URL: https://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12443612@egNews (дата обращения: 02.12.2022 г.).

[51] Первый в линейке РСЗО управляемый снаряд: на позиции ВСУ прилетел высокоточный боеприпас 9М544. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 22.06.2022 г. // URL: https://topwar.ru/198111-pervyj-v-linejki-rszo-upravljaemyj-snarjad-na-pozicii-vsu-priletel-vysokotochnyj-boepripas-9m544.html (дата обращения: 03.12.2022 г.); Александра Донцова. Донбасс. Оперативная лента за 13.08.2022. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 13.08.2022 г. // URL: https://anna-news.info/donbass-operativnaya-lenta-za-13-08-2022/ (дата обращения: 04.12.2022 г.); Расчеты РСЗО «Торнадо-С» ЗВО продолжают наносить удары по объектам военной инфраструктуры и боевой технике ВСУ. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 21.11.2022 г. // URL: https://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12445998@egNews (дата обращения: 02.12.2022 г.).

[52] Военнослужащие подразделений РХБЗ ЗВО продолжают выполнять боевые задачи в ходе специальной военной операции. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 12.11.2022 г. // URL: https://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12445023@egNews (дата обращения: 02.12.2022 г.).

[53] Miko Vranic. Ukraine conflict: Russian mine-laying system makes combat debut. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 30.03.2022 г. // URL: https://www.janes.com/defence-news/defence/latest/ukraine-conflict-russian-mine-laying-system-makes-combat-debut (дата обращения: 30.03.2022 г.); Miko Vranic, C. B. Гуров (русский вариант). Иностранное СМИ о боевом дебюте инженерной системы дистанционного минирования «Земледелие» в ходе специальной военной операции ВС РФ. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 30.03.2022 г. // URL: https://missilery.info/news/zemledelie (дата обращения: 10.04.2022 г.); ИСДМ «Земледелие» в Специальной операции. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 29.03.2022 г. // URL: https://topwar.ru/194089-isdm-zemledelie-v-specialnoj-operacii.html (дата обращения: 19.11.2022 г.).

[54] Гуров С. В. Ракетная техника в нынешнем военном конфликте на Украине (Часть 5). [Электронный ресурс]. Дата обновления: 29.01.2023 г. // URL: https://missilery.info/gallery/donbass5 (дата обращения: 29.01.2023 г.).

[55] Американские РСЗО для украинской армии. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 26.04.2022 г. // URL: https://topwar.ru/195452-amerikanskie-rszo-dlja-ukrainskoj-armii.html (дата обращения: 04.12.2022 г.); Польша договорилась с Украиной о самых крупных за 30 лет поставках вооружений. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 07.06.2022 г. // URL: https://www.interfax.ru/world/845198 (дата обращения: 27.11.2022 г.).

[56] Объявлен список очередного пакета помощи в области безопасности для Украины. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 11.11.2022 г. // URL: https://

missilery.info/news/help-0 (дата обращения: 27.11.2022 г.) (далее по ссылке внизу, и по ссылкам на материал по указанной ссылке).

[57] Шольц заявил, что согласовал поставки РСЗО Украине с Байденом. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 06.09.2022 г. // URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/15669411 (дата обращения: 27.11.2022 г.).

[58] Касаткина Анна. Украина получила от Великобритании первые РСЗО М270. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 15.07.2022 г. // URL: https://tvzvezda.ru/news/20227152223-eNKnS.html (дата обращения: 27.11.2022 г.

[59] Турция передала Украине РСЗО TRLG-230. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 23.11.2022 г. // URL: https://news.rambler.ru/army/49744966-turtsiya-peredala-ukraine-rszo-trlg-230/?utm_source=head&utm_campaign=self_promo&utm_medium=news&utm_content=news (даты обращений: 23.11.2022 г. и 27.11.2022 г.); Турция передала Украине РСЗО TRLG-230. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 23.11.2022 г. // URL: https://missilery.info/news/trlg-230 (дата обращения: 27.11.2022 г.).

[60] Турция передала Украине батарею РСЗО T-122 Sakarya. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 29.11.2022 г. // URL: https://avia.pro/news/turciya-peredala-ukraine-batareyu-rszo-t-122-sakarya#:~:text=Помимо%20систем%20TRLG-230%2C%20Турция,дальнобойностью%20и%20используют%20122-мм. (дата обращения: 28.02.2023 г.).

[61] LRU rocket launcher vehicles donated by France to Ukraine are now on combat duty. [Электронный вариант]. Дата обновления: 23.12.2022 г. // URL: https://www.armyrecognition.com/ukraine_-_russia_conflict_war_2022/lru_rocket_launcher_vehicles_donated_by_france_to_ukraine_are_now_on_combat_duty.html (дата обращения: 02.02.2023 г.).

[62] Минобороны сообщило об уничтожении РСЗО HIMARS на Украине. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 03.09.2022 г. // URL: https://www.rbc.ru/politics/03/09/2022/631336329a79471bb699f6d8 (дата обращения: 27.11.2022 г.); Подволоцкий Алексей. ВС России уничтожили завод, где производились ракеты «Точка-У». [Электронный ресурс]. Дата обновления: 30.09.2022 г. // URL: https://ura.news/news/1052591196 (дата обращения: 28.11.2022 г.); Пентагон усомнился в уничтожении шести HIMARS на Украине. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 03.08.2022 г. // URL: https://www.rbc.ru/politics/03/08/2022/62ea2f9e9a79471cef6ad99c (дата обращения: 13.11.2022 г.); Вооруженные силы России уничтожили немецкую РСЗО MARS-2 на Украине. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 30.10.2022 г. // URL: https://lenta.ru/news/2022/10/30/mars/ (дата обращения: 11.12.2022 г.); ВС РФ уничтожили шесть РСЗО MLRS и MARS II в Запорожской области. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 09.12.2022 г. // URL: https://www.vedomosti.ru/politics/news/2022/12/09/954597-vs-unichtozhili-rszo (дата обращения: 11.12.2022 г.).

[63] На Украине уничтожены цеха по производству снарядов РСЗО на «Южном машиностроительном заводе». [Электронный ресурс]. Дата обновления: 16.07.2022 г. // URL: https://www.nakanune.ru/news/2022/07/16/22666545/ (дата обращения: 28.11.2022 г.); ВС РФ уничтожили цеха предприятия Украины по ремонту бронетанкового вооружения и РСЗО. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 25.08.2022 г. // URL: https://tass.ru/armiya-i-opk/15560603 (дата обращения: 28.11.2022 г.); МО РФ заявило об уничтожении цехов на заводе «Искра», где обслуживались РСЗО HIMARS. [Электронный ресурс]. Дата обновления:

19.09.2022 г. // URL: https://tass.ru/armiya-i-opk/15795427 (дата обращения: 28.11.2022 г.); Максимова Ксения. МО РФ: в Запорожье уничтожены цеха с производством компонентов для ремонта украинских РСЗО. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 17.11.2022 г. // URL: https://www.gazeta.ru/army/news/2022/11/17/19059427.shtml (дата обращения: 28.11.2022 г.).

[64] Karolina Trela. Wojna w Ukrainie. Rosjanie otoczeni w okolicy Chersonia. «Rosyjska armia to papierowy tygrys». [Электронный ресурс]. Дата обновления: 26.10.2022 г. // URL: https://wiadomosci.gazeta.pl/wiadomosci/7,114881,29073038,wojna-w-ukrainie-rosjanie-otoczeni-w-okolicy-chersonia-rosyjska.html (дата обращения: 02.12.2022 г.); Гуров С. В. Реактивная артиллерия в войнах и военных конфликтах в мире. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 29.01.2023 г. // URL: https://missilery.info/article/mcs (дата обращения: 29.01.2023 г.).

[65] ВСУ обстреляли больницу в Стаханове из HIMARS. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 26.08.2022 г. // URL: https://news.rambler.ru/world/49231143-vsu-obstrelyali-bolnitsu-v-stahanove-iz-himars/ (дата обращения: 29.01.2023 г.); В ЛНР ударами из РСЗО HIMARS повреждено свыше 900 гражданских объектов. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 14.12.2022 г. // URL: https://iz.ru/1440619/2022-12-14/v-lnr-udarami-iz-rszo-himars-povrezhdeno-svyshe-900-grazhdanskikh-obektov (дата обращения: 29.01.2023 г.); Власти Первомайска: целью ударов ВСУ из HIMARS стала больница. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 31.12.2022 г. // URL: https://ria.ru/20221231/bolnitsa-1842665136.html (дата обращения: 29.01.2023 г.); Минобороны РФ: ВСУ специально ударили из HIMARS по больнице в Новоайдаре. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 28.01.2023 г. // URL: https://anna-news.info/minoborony-rf-vsu-spetsialno-udarili-iz-himars-po-bolnitse-v-novoajdare/ (дата обращения: 29.01.2023 г.).

[66] Гуров С. В. Варианты самодельных пусковых устройств РСЗО в военном конфликте (Специальной военной операции) на Украине. [Электронный вариант]. Дата обновления: 15.11.2022 г. // URL: https://missilery.info/gallery/rszo (дата обращения: 02.02.2023 г.).

[67] Конфликт на киргизско-таджикской границе (2022). [Электронный ресурс]. Дата обновления: 04.11.2022 г. // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Конфликт_на_киргизско-таджикской_границе_(2022) (дата обращения: 13.11.2022 г.).

[68] Погранслужба Киргизии заявила об обстреле аэропорта и пригородов Баткена. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 16.09.2022 г. // URL: https://www.m24.ru/amp/news/politika/16092022/502327 (дата обращения: 13.11.2022 г.); Появилось видео стрельбы РСЗО на границе Киргизии и Таджикистана. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 16.09.2022 г. // URL: https://lenta.ru/news/2022/09/16/rszovedyotogon/ (дата обращения: 07.11.2022 г.).

[69] Гуров С. В. Реактивная артиллерия в войнах и военных конфликтах в мире. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 26.01.2023 г. // URL: https://missilery.info/article/mcs (дата обращения: 26.01.2023 г.).

М. Ю. Данков, Д. А. Проц (Петрозаводск)

«ХУДОЖНИКИ» ИЗ ЭДИНБУРГА И АНГЛИЙСКАЯ УЛИЦА В ПЕТРОЗАВОДСКЕ НА РУБЕЖЕ XVIII–XIX СТОЛЕТИЙ

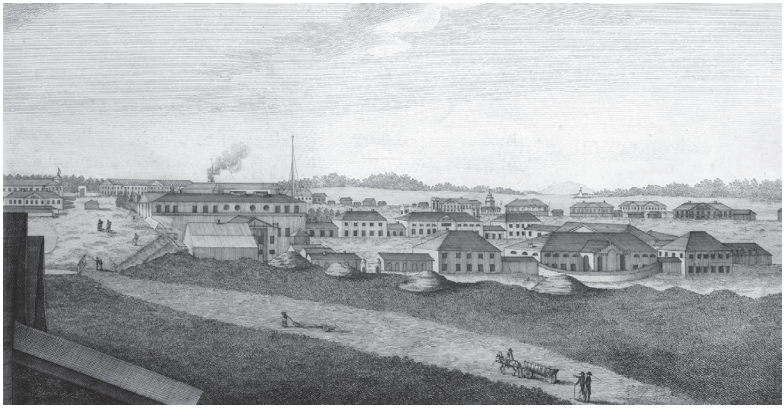
ГЛАДКОСТВОЛЬНАЯ АРТИЛЛЕРИЯ Александровского литейно-пушечного завода рубежа XVIII–XIX столетий оказалась весомым аргументом внешней политики Российской империи. Орудия отливались в Петрозаводске под началом шотландцев К. К. Гаскойна (Gascoigne Charles)[1], затем А. В. Армстронга (Armstrong Adam)[2], позже его сына Р. А. Армстронга (Armstrong Robert)[3]. В результате в заводской сленг России вошло понятие «английский художник», иначе человек с «умением» и «искусством на деле»[4].

Работа специалистов из Эдинбурга лишь фрагмент отечественной истории, но она позволила ликвидировать технологическую отсталость в «золотой век Екатерины» и создать своего рода «альтернативную историю Олонецких горных заводов»[5]. Известно, что генерал-аншеф А. В. Суворов, в мае 1791 г. потрясенный литьем олонецких пушек и очарованный шотландцами, донес императрице Екатерине II: «Слава Наместнику! Гаскойн велик, а его лафеты отнюдь не подозрительны»[6]. Считается, что Карл Карлович Гаскойн прибыл в Петрозаводск в августе 1786 г. с искусными англичанами, служившими на чугунолитейном заводе «Carron Ironworks Company», вблизи Фолкерка (Falkirk), индустриального центра Шотландии (ил. 1). Среди специалистов были «химики, мастера литейных, сверлильных, модельных»[7] работ, а также пушкари и кузнецы, возвысившие «доброту чугуна»[8]. Дерзкие шотландские инженеры сразу приступили к перестройке устаревших цехов завода, названного еще 7 июня 1774 г. по «высочайшему повелению» Александровским[9].

Ил. 1. Фрагмент портрета К. К. Гаскойна

В ходе реконструкции за два года возвели две доменные печи шотландского типа для выплавки чугуна, а позже еще две[10]. Печи состояли из «булыжного» фундамента, горна из «тесаной плиты» и верха из кирпича. Одновременно шотландцы возвели 11 отражательных печей, пять для переплавки чугуна, в двух обжигалась железная руда, две использовались для «цементовки» деталей, а в двух «нагревались листы»[11]. Вскоре «на новоустроенном заводе» мастера «по новой методе своей» стали лить пушки и снаряды для морской и сухопутной артиллерии. Считается, что Гаскойн заключил договор на «особое управление» Олонецкими заводами в 1790 г. и начал сдавать государству пушки, дробь, бомбы и гранаты «по 2 рубля за пуд», при этом обязывался «остаток прибыли делить поровну с казной». Кроме того императрица Екатерина II хитростью удержала «английского художника», обещая сверх контракта платить «2500 фунтов стерлингов в год по курсу российского рубля в Англии»[12] (ил. 2). За сжатый период талант Чарльза Гаскойна позволил организовать в России реальную «металлургическую империю»: Александровский, Кронштадтский, возобновленный Ижорский, а на юге России Луганский завод, на который в 1796 г. шотландцы «с Олонца» отправили машины весом «до десяти тысяч пудов»[13]. На основании указа от 28 февраля 1801 г. «на четвертой версте» по «Петергофской дороге на собственной даче директора Гаскойна» возник Санкт-Петербургский литейный завод[14].

С 1787 до 1806 г. мастера Александровского завода передали в казну 9013 пушек. Между тем в последние годы К. К. Гаскойн «чувствовал сильное расстройство своего здоровья» и 19 июля 1806 г. встретил кончину в Колпине. По распоряжению шотландца похороны были организованы в Петрозаводске, вблизи



Ил. 2. Гравюра «Вид Александровского завода с полуденной стороны». 1803 г.

завода «на тамошнем иноверческом кладбище». На месте погребения по эскизу С. Н. Боровского[15] соорудили «масонскую» четырехгранную пирамиду, на спинах четырех «рассерженных» львов, которую отлили на Александровском заводе, но в большевистские годы она была утрачена (ил. 3). Шотландец «не оставил после себя сыновей», возможно поэтому 1 июля 1807 г. в должность горного начальника Олонецких заводов[16] вступил ближайший соратник, бывший пастор и воспитанник университета Эдинбурга Адам Васильевич Армстронг, который родился в г. Хавике. Считается, что

Ил. 3. Надгробный памятник К. К. Гаскойну. Иноверческое кладбище в Петрозаводске. 1808 г.

Ил. 4. Гравировка на торце цапфы одного из орудий Александровского завода. Нач. XIX в.

представитель старинного шотландского дворянского рода был помощником и переводчиком К. Гаскойна[17]. Более того, имея карт-бланш императрицы, якобы с премьер министром Англии У. Питтом Младшим вел приватные переговоры о переезде металлурга в Петербург[18].

Адам Армстронг сохранил «все заведения прежнего директора в совершенном порядке», но ухитрился «многое поставить на гораздо лучшую ногу». К тому же без «изобретательного ума г. Армстронга все Олонецкие заводы» через несколько лет «разрушились бы неминуемо»[19]. Главная заслуга шотландца заключалась в удешевлении производства, использовании с 1808 г.[20] сосновых и еловых дров и отказа от каменного угля, который «морским ходом» доставлялся из Англии. Кроме того, А. Армстронг заставил формовать «на Олонце» кирпичи для домны из «огнепостоянной глины», обнаруженной в 1797 г. в долине р. Вытегры[21], а горновый камень теперь кололся в окрестностях Петрозаводска. При новом наставнике на заводе каждый день производилось «от 500 до 900 пудов», а каждый год «до 135 000 пудов» чугуна. Отливались не только орудия разного калибра, но и «мосты, перила, решетки, архитектурные украшения, гири, меры»[22]. «Английские художники» до ноября 1818 г. в Петрозаводске отлили 4761[23], по другим сведениям – 4431[24], по третьим – 4112 пушек[25] (ил. 4). Цифровой разнобой связан с особенностью подсчета. Свою службу на Александровском пушечном заводе Адам Армстронг завершил в звании кавалера ордена Владимира 4-й степени и чине обер-берггауптмана IV класса[26]. Шотландец скончался 8 ноября 1818 г. и похоронен на иноверческом (немецком) кладбище Петрозаводска.

Между тем, исследователям пока не доступен полный фамильный список английских пушкарей и металлургов, которые

Ил. 5. Эмблема Департамента горных и соляных дел. 1812 г.

в конце XVIII в. создали семейные кланы и смогли задержаться у Онежского озера на долгие десятилетия. Однако постараемся (пусть частично) восстановить имена не столь известных мастеров. Прежде отметим, Романа (Роберта) Армстронга, который родился в Петрозаводске в семье Адама Армстронга и Изабеллы (Isabelle) Линдсей и, по настоянию отца, в юном возрасте был отправлен на обучение в Шотландию. В Эдинбургском университете юноша учился вместе с романистом В. Скоттом, а в 1811 г., вернувшись в Петрозаводск, обосновался в усадьбе отца на Английской улице, где ранее жил Г. Р. Державин. По семейной традиции Р. Армстронг начал службу в «Департаменте горных и соляных дел» как помощник смотрителя, а позже стал смотрителем литейного, молотового цехов и обжигательных печей Александровского пушечного завода (ил. 5). В 1824 г. Р. А. Армстронг в должности управляющего Александровским заводом продолжил модернизацию производства, настоял на ограничении ручного труда, но главное, получил огромную власть над краем. Русского шотландца волнует даже «пагубная страсть» горных рабочих «к горячительным напиткам», и в июне 1826 г. он указывает полицмейстеру завода, что эта беда вселяет «дух непослушания к начальству», что приводит «семейства в нищету и несчастья»[27].

В 1833 г. Роман Армстронг, обер-бергмейстер 7-го класса назначен горным начальником, членом правления Олонецких заводов, и по его инициативе в Петрозаводске открылся «Горный музеум», коллекции которого в 1871 г. стали базой Олонецкого естественно-промышленного и историко-этнографического музея, ныне Национального музея Республики Карелия.

Однако в 1843 г. шотландец покидает Петрозаводск и до 1858 г. возглавляет Петербургский монетный двор. Здесь изобретательный мастер внедряет технологические новинки – автоматические машины системы Вурма, за что в 1858 г. производится

в генерал-лейтенанты и назначается членом Ученого комитета Корпуса горных инженеров[28]. Приняв новую Родину всем сердцем, он в 1865 г. скончался в имперской столице и похоронен на Смоленском лютеранском кладбище (ил. 6).

Ил. 6. Памятник на могиле Р. А. Армстронга на Смоленском кладбище в Санкт-Петербурге. 2010-е гг.

Между тем, пожалуй, самым мощным шотландским кланом оказались представители семейства Кларков, по архивным спискам «Клярков». Сначала о Джордже (George) Кларке, старейшине рода, из начальной волны поселенцев Петрозаводска, который вскоре перебрался в Кронштадт, а в 1803 г. на Ижорские заводы. Недавно питерская исследовательница Е. С. Тараканова в фонде «Олонецкое горное правление» Национального архива Республики Карелия выявила документы, связанные с поручением «аглицкому модельному мастеру Клярку», изготовить «из красного дерева» модели «доменной печи и цилиндрической машины Александровского завода»[29]. В письме от 30 марта 1788 г. он уточнял у К. Гаскойна: «Сударь... нужно ли в доменной печи показать сложение из кирпича и камня», и обещал выполнить работу «за 6 месяцев», если получит не «менее 500 рублей». Записку шотландец завершил: «имею честь быть вашим слугою». Кстати, «Журнал Олонецкой казенной палаты Горной экспедиции» 7 апреля 1788 г. отметил: «Олонецкий и Архангельский генерал-губернатор и кавалер» Т. И. Тутолмин «препоручил» выдать «мастеру Клярку за сделание» модели «цилиндрической машины и воздушной печи» 500 рублей «с выдачею наперед половины денег»[30].

Однако наибольшую известность получил его старший сын Бэзил (Clark Basil), в России называвшийся Василий Егорович

(Григорьевич) Кларк (1770–1842). Он прибыл «на Олонец» в 1798 г. и проработал на заводе 54 года. На протяжении 36 лет шотландец с 1822 г. являлся управляющим Александровского завода и в 1834 г. получил чин подполковника. В Петрозаводске он женился, его сыновья и внуки, по его примеру, навсегда связали свою судьбу с горным делом. На заводе В. Кларк провел серию испытаний по замене 150 тыс. пудов английского каменного угля на олонецкий древесный уголь. Экономия оказалась грандиозной и не отразилась на количестве и качестве орудий, из 413 пушек, отлитых в 1812 г., при испытаниях «не разорвалась ни одна»[31]. Кроме того, в 1808 г. «мастер Бэзил Клярк» на Александровском пушечном заводе провел эксперименты по многократной переплавке чугуна[32].

Но судьба не всегда ему благоволила и порой готовила немалые испытания. В 1799 г. в Петрозаводске произошла, похоже, самая роковая за всю историю предприятия трагедия. Якобы по вине маркшейдера IX класса при отливке лафетных колес в литейном цехе оборвались конструкции, и шестеро мастеровых упали в ванну с расплавленным металлом. Двое несчастных «сгорели», остальные остались инвалидами. Авария всех ошеломила, и даже в XX в. женщины причитали: «Пошел мой муженек родненький, моя удалая головушка на тяжелую работушку. Принесли мне домой весточку нерадостну... обмерло мое ретивое сердечушко, как болели его резвы ножушки»[33]. Император Павел I «за недосмотр» обязал В. Е. Кларка пожизненно выплачивать ренту семьям погибших.

Второй эпизод в биографии пушкаря связан с визитом 6–8 августа 1819 г. в Петрозаводск Александра I[34]. Сначала государь поблагодарил шотландца за диковинную чугунную мостовую, устроенную по предложению мастера. На следующий день император на берегу Онежского озера наблюдал «пробу» орудий, которой распоряжался В. Е. Кларк, но случился очередной казус. В присутствии морских офицеров «24-фунтовую пушку под № 16 438»[35] после выстрела «разорвало и куски разметало». Государь быстро пришел в себя и произнес фразу: «Эту пушку уже не надо заряжать» и прибавил «я очень рад, что видел разрыв орудия», теперь это «принадлежит... к достопримечательностям Петрозаводска»[36]. Вечером Александр пожаловал «смотрителя Александровского завода маркшейдера Кларка кавалером ордена св. Владимира 4-й ст.», а горный начальник А. А. Фуллон записал

в дневнике, что Александр был «не как царь, но как ангел»[37].

Знаменитый мастер скончался в Петрозаводске 3 января 1842 г., и в его списке сообщалось об «отлично-полезной службе» на Александровском заводе, где он «отлил... свыше 20 тыс. орудий»[38]. Для сохранения памяти «служения подполковника Кларка» Николай I распорядился соорудить над «могилою приличный надгробный памятник» и выделить из «сумм заводских до 1000 руб. серебром»[39] (ил. 7). Монумент установили в ноябре 1845 г. на старом иноверческом кладбище Петрозаводска, при этом эскиз надгробия выполнил заводской архитектор и член правления Олонецких заводов И. П. Чебаевский[40]. К сожалению, в 1930-е гг. монумент был утрачен (ил. 8).

Ил. 7. Памятник на могиле В. Е. Кларка. Немецкое кладбище в Петрозаводске. 1930-е гг.

Горные мастера из Эдинбурга прибывали на Александровский завод и позже начального десанта переселенцев. Во всяком случае, «Генеральная табель о состоянии города и градских жителях» 1797 г. свидетельствует о своеобразии городского населения и указывает на «английских» литейщиков[41].

Среди тех кто обосновался на Английской улице отметим младших братьев Василия Кларка – Мэтью или Матвея (Matthew) и Чарлза (Karl). Матвей Егорович Кларк (1776/79–1846) начал службу в 1792 г. слесарным, модельным и литейным мастером на Кронштадтском заводе, затем в 1795–1800 гг. перевелся на Александровский пушечный завод. Однако в 1824 г. он был принят механиком Военных поселений и Петербургского арсенала, играя видную роль в организации механических

Ил. 8. Иноверческое кладбище в Петрозаводске. Нач. 1930-х гг.

производств и изготовлении паровых машин. Блестящий инженер в 1835 г. назначен директором Санкт-Петербургского литейного завода, где завершил карьеру в чине обер-берггауптмана 4-го класса, соответствующем званию генерал-майора. Что касается Чарлза Егоровича Кларка (1788–?), «из великобританских уроженцев», то он в 1809 г., прибыл на Александровский завод, однако в 1814 г. перевелся на СПб-казенный завод, где с 1823 г. занял должность смотрителя главных литейных запасов. Через два года шотландец командирован на Луганский литейный завод, но через десятилетие вернулся на Балтику и с 1835 г. с братом Матвеем стал «управителем» Санкт-Петербургского предприятия. Прошло 10 лет, и Чарлз Кларк получил чин обер-бергмейстера 7-го класса и вновь оказался в Петрозаводске. Он обосновался на Английской улице и продолжил службу при канцелярии окончания дел на Александровском заводе, но уже в «совершенном расстройстве здоровья»[42].

К новому поколению обрусевшего рода «Клярков», относятся три сына Василия Кларка. Старший, Егор Васильевич (1799 – до 1830), вероятно, родился в Петрозаводске, но не связал судьбу с Александровским заводом и службу начал в 1819 г. на Петербургском литейном заводе в столярном цехе, а с 1825 г.

в чине шихтмейстера 14-го класса был выдвинут помощником мастера при машинном цехе. Зато Александр Васильевич Кларк 1-й (1801–?) начал работу с 1817 г. в чертежной мастерской «при смотрителе», а с 1835 г. назначен помощником управителя Александровского завода и в 1850 г. в чине капитана получил должность управителя Кончезерского завода. Его младший брат Роман Васильевич Кларк (1806–?) по рекомендации отца в 1822 г. принят на должность смотрителя Александровского пушечного завода, а с 1828 г. выполнял обязанности надзирателя в кузнечном, слесарном и токарном цехах. Для пополнения заводской наличности Роман Кларк в 1829 г., по воле Р. А. Армстронга, организовал артель из литейщиков и «малолетов» в возрасте от 7 до 21 года[43] для «приготовления чугунных вещей» с «резною работою наподобие берлинских»[44]. Художественные «статуйки» Александра I и Николая I, А. Пушкина и Наполеона продавались в «магазейне» Александровского завода и на ярмарках Санкт-Петербурга[45]. В 1850 г. лучшие образцы артели Р. В. Кларка, с 1835 г. шихтмейстера 13-го класса, оказались на Первой Всемирной выставке в Лондоне[46].

Среди мастеровых завода, «всего 1390 человек»[47], в начале XIX в. «образцово» выделялись горные механики и пушкари из Эдинбурга. Не случайно они организовали минигородскую «линейную» факторию вблизи завода, в которой, как минимум, 25 англичан, 16 мужчин и 9 женщин обживали жилища города-завода[48] (ил. 9). Одними из первых до Русского Севера добрались А. Смит (Smith) и А. И. Деви (Davy), при этом Александр Смит еще в 1783 г. устроился на Кронштадтский завод, где якобы установил паровую машину и управлял ею[49]. Позже продолжил работу на Александровском и Кончезерском заводах. Во всяком случае, механика и смотрителя Кончезерского завода Смита вместе с В. Е. Кларком в 1819 г. заприметил Александр I и удостоил чином маркшейдера 9-го кл.[50]. В 1790 г. по рекомендации Александра Смита в Петрозаводск переехал его младший брат Адам Смит, который устроился в столярный цех Александровского завода.

Ил. 9. Панорама Английской улицы. Литография 1850 гг. КГМ-59070

Правда, через 6 лет он уехал на Луганский завод, где стал добывать каменный уголь, но в 1815 г. обосновался на Монетном дворе и через три года перешел на литейный завод в Санкт-Петербурге.

Горный техник из Шотландии Александр Иванович Деви (1762 – не ранее 1819) поступил в 1784 г. на русскую службу механиком «к строению Царского Села». Но в 1790 г. слесарный и кузнечный мастер перебрался на Александровский завод, хотя в 1806 г. вновь вернулся на Балтику, в Санкт-Петербургское литейное предприятие. Его сыновья Петр (Peter) и Христофор (Christoph) родились в Петрозаводске и стали горными инженерами. Карьеру Петр Деви (1797 – не ранее 1856) начал на угольных ломках Тульских заводов, а с 1828 г. надзирал в литейном цехе Санкт-Петербургского завода. Позже смотрел за «металлическими караванами», которые по воде уходили с Уральских заводов. Несколько лет с 1843 г. исполнял обязанности помощника начальника Олонецких заводов, но в 1850–1856 гг. находился в должности советника Уральского горного правления. Его брат Христофор (1801 – не ранее 1862) свою энергию отдал Уральским заводам и никогда не посещал Олонецкую губернию[51].

В числе первопроходцев «на Олонце», оказались братья, шотландские инженеры Чарльз (Charles) и Джеймс (James) Берды (Baird). О последнем сведений не сохранилось, наиболее известным оказался Чарльз, в России называвшийся Карл Николаевич Берд (1766–1843). Они родились в многодетной семье Н. Берда, управляющего каналом Форт-энд-Клайд в местечке Уэстертон (Westerton) шотландского графства Стерлингшир (Stirlingshire). В 16 лет Чарльз поступил учеником на металлургический завод «Carron Ironworks» и скоро занял пост контролера в оружейном отделе компании. Вместе с К. Гаскойном, А. Амстронгом, Дж. Кларком братья Берды покинули отечество, очутились в Петрозаводске и стали помогать общему управлению заводами»[52].

По просьбе своего патрона К. Н. Берд в 1789 г. покинул Олонецкий край и был назначен директором Кронштадтского завода. В 1792–1799 гг. на Гутуевском острове он с коммерсантом Ф. Морганом основывает частный литейный завод с механическими мастерскими и верфь на Галерном острове. На предприятии Берда («Baird Works»), возвели первый в империи пароход «*Елизавета*», изготовили оборудование для арсенала и монетного

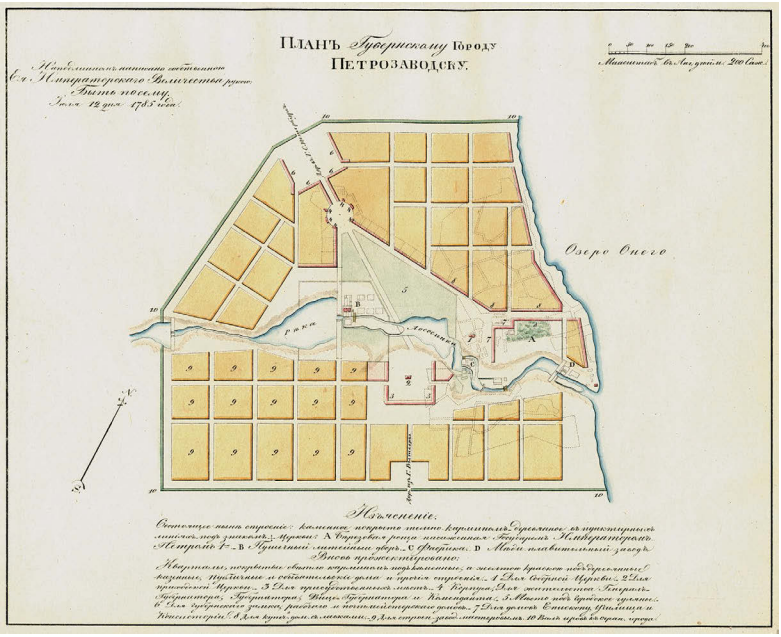
двора, а в 1833–1834 гг. здесь отлиты бронзовые барельефы для пьедестала Александровской колонны[53].

К первому шотландскому призыву можно отнести управителя Александровского завода Тимоти Ропера (Roper Timothy), который в 1809 г. перебрался на металлургические заводы Гороблагодатского округа на Урале. А также маркшейдера Томаса Друри (Thomas Drury), курирующего паровую машину на Воицком руднике. С 1795 г. он комиссионер Олонецких, Санкт-Петербургских и Кронштадтских заводов, а его сын Василий (Basil) Друри, а также Бэзил Реталлик (Retallick Basil) на Александровском заводе стали заниматься чертежными работами[54].

В 1788 г. на первый в России золотоносный Воицкий рудник была направлена команда, которая выявила неисправность конной системы. Зимой 1789/1790 г. на заводе создали, а летом 1791 г. на руднике под руководством шотландцев механика Шерифа (Sheriff) и маркшейдера Друри (Drury) смонтировали «огненную» машину для откачки воды. Однако по воле Екатерины II «дальнейшее разрабатывание сего рудника, яко бесполезное», было оставлено, и машину установили в «Ассигнационном банке для чеканки монеты» в Петербурге[55]. При этом проект по изготовлению паровых машин не прервался. В 1796–1797 гг. с Александровского завода были отправлены детали машин в Швецию, в Роченсальмский порт для подъема воды и осушения доков, и на Луганский завод[56].

Что касается других шотландских мастеров, многое остается неясным, во всяком случае, не удалось установить даже имена некоторых «английских художников», обустроившихся в губернском Петрозаводске. Речь идет о Глене (Glen), Дункансоне (Duncanson), Валкере (Walker), Балзере (Balzer), Робуке (Roebuck), Гулланде (Gulland), Мэйджере (Major), Барлоу (Barlow) и Масквине (Maskvin)[57]. При этом невозможно утверждать о родственной связи с механиком Петербургского монетного двора Джекобом Дункеным (Duncan Jacob), управителем Уральского Петропавловского завода Александром Волтером (Wolter Alexander), с Александром и Иосифом Мэйджерами (Major Alexander, Joseph), осевшими на Уральских заводах[58].

А теперь о наводнении в августе 1800 г., вызванным якобы ошибками К. К. Гаскойна, при перестройке заводской плотины в Петрозаводске[59]. Трагедия сохранила имена двух шотландцев:



Ил. 10. План губернского г. Петрозаводска. 1785 г.

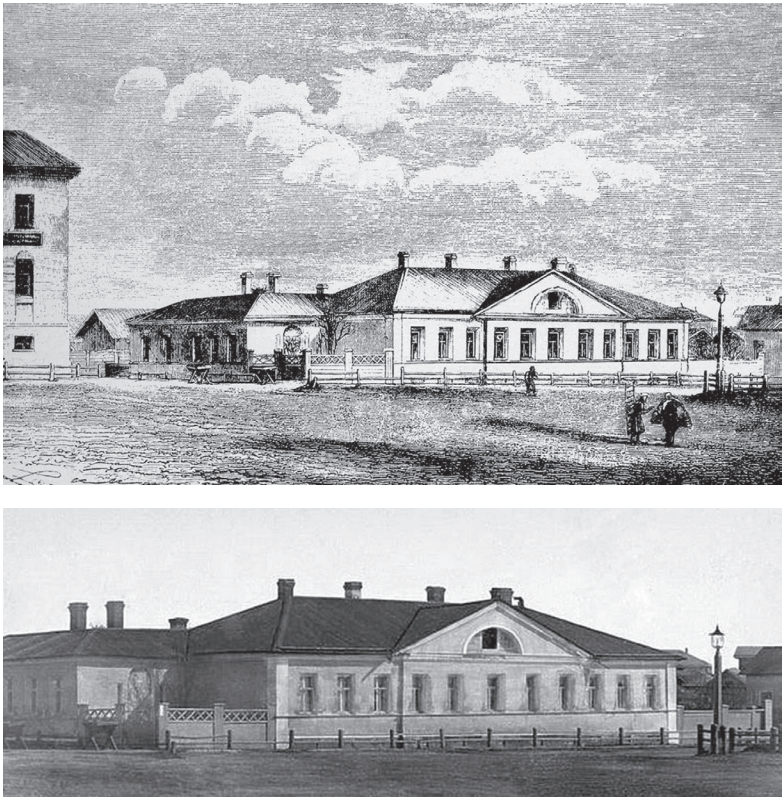
Романа Родса (Rhodes Roman) и Ивана Робенсона (Robenson Ivan). После дождей р. Лососинка действительно вышла из берегов и перед плотиной поднялась на метр. В результате «отчаянного состояния»[60] вода хлынула на территорию цехов, смыла в Онежское озеро плотину, мост, амбары и десятки построек вблизи Английской улицы. Река врывалась «в окна и двери магазинов», здания «вмиг наполнились водою» и песком «выше двух сажен». Городская легенда описывает, как смотритель конюшни Роман Родс и «разбитый параличом» в прошлом смотритель доменных засыпей Иван Иванович Робенсон спасались от стихии. Якобы ушлый Родс с семейством «выбрался благовременно», а забытый старик забрался на крышу и стал звать на помощь. К счастью, мастеровые, которые «уводили из конюшни казенных лошадей», услышали его и «на своих плечах» вынесли несчастного[61].

Изначально проулок, где «английские художники» обживали «на горе» устроенные для «житья штаб- и обер-офицерам»[62] ажурные здания, которые находились в собственности

горного ведомства, назывался Нагорной или Офицерской линией. В 1785 г. незаслуженно забытый градостроитель И. М. Лем[63] из комиссии И. И. Бецкого создал план «Губернскому городу Петрозаводску» с трехлучевой системой, превратившийся в пример градостроительного искусства (ил. 10). Один из центральных лучей, соединивший административную Круглую и Соборную площади, оправданно при шотландцах получил имя Английской улицы[64], хотя архивных свидетельств о переименовании не сохранилось. Одноэтажные дома возводились по типовым проектам Берг-коллегии, но прибывшие начали модернизировать усадьбы, пристраивать «каретники, хлева, бани и ледники», а между строениями «разбивать» невиданные фруктовые сады. По примеру Эдинбурга бревенчатые фасады обкладывались в один ряд кирпичом, художественно штукатурились, делалась подсветка окон, с использованием глиняных «плошек» с жиром и фитилем. Хотя оставалось в силе распоряжение 1796 г. коменданта В. Брыммера «об обязательном утверждении фасадов домов в городской полиции»[65]. Тогда же решили установить уличные знаки «с надписанием на них литерами номеров и кварталов»[66]. Но вскоре жилье пришло в ветхое состояние, и по резолюции Александра I из казны были выделены средства для строительства новых и ремонта старых квартир шотландских пушкарей[67].

На Английской улице выделялся одноэтажный дом с 11 окнами, трехугольным фронтоном и четырехскатной крышей. В статусной усадьбе после наместника Олонецкого края Г. Р. Державина с 1786 до 1807 гг. жили Армстронги, затем обрусевшие семейства Кларка и Гулланда, а в конце 1860-х гг. здесь был организован «горнозаводской семейный клуб»[68] (ил. 11).

Однако самым знаменитым строением оказался деревянный особняк на каменном фундаменте, возведенный строительной артелью в конце 1780-х гг. Официально двухэтажные хоромы считались «Домом горного начальника», но горожане и мастеровые называли просто «Дворец» (ил. 12). Это самый видный и таинственный сохранившийся «английский дом» Петрозаводска, в котором после Ч. Гаскойна проживало семейство начальника горных заводов обер-бергмейстера А. В. Армстронга, а в августе 1819 г. в «Красном зале» апартаментов ночевал император Александр I. Усадьба на Английской улице действительно таит недоговоренности и сакральную историю, связанную с масонским обществом. Первым, в феврале 1796 г., масонов выявил



Ил. 11. Дом Г. Р. Державина, позже принадлежал семействам Армстронга, Кларка и Гулланда в Петрозаводске. XVII–XIX вв.

олонецкий губернатор генерал-поручик П. П. Коновницын. В состав секретной ложи на Александровском заводе входили наиболее заметные английские чиновники. Негласные заседания раз в год проходили в доме К. К. Гаскойна, который считался «великим мастером стула» ложи св. Александра Шотландского. Следственное дело отмечает: «при том собрании», кроме «англичан ниже слуги» никого нет, но в Петрозаводске о вольных каменщиках «не слышно, столь секретно они сию ложу содержат»[69].

После того как тайное общество решили закрыть, рассекреченные шотландцы подали рапорты об отставке, и губернатор был вынужден отменить свое решение[70]. Позже секретные заседания стали устраивать в других домах на Английской улице.

Ил. 12. Дом горного начальника К. К. Гаскойна. Петрозаводск. 2020 г.

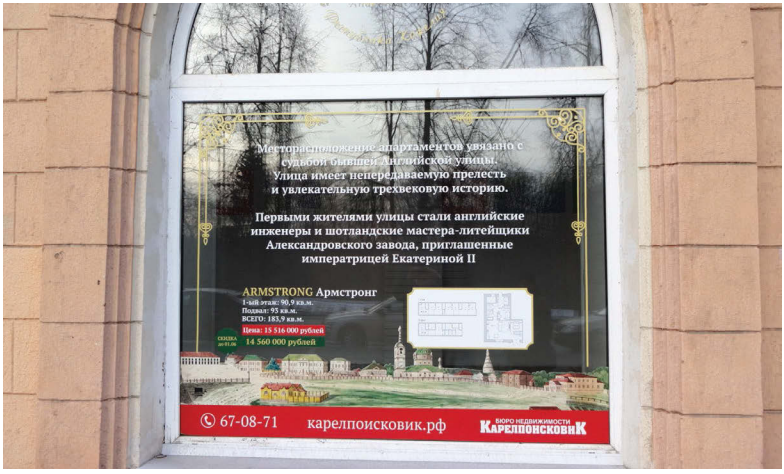
В 1971 г. историческое здание было включено в реестр памятников истории регионального значения, подлежащих государственной охране. Сейчас «Дом горного начальника» на ул. Фридриха Энгельса, 5 реставрируется и планируется к передаче Национальному музею.

Завершая исследование, отметим распространенное заблуждение, будто после К. К. Гаскойна «почти все иностранцы»[71] пушечного завода решили вернуться на родину. Действительно, многие «английские художники» перебрались в Санкт-Петербург, некоторые уехали в Луганск, другие на Уральские заводы, а освободившиеся здания на Английской улице канцелярия взяла под опеку и передала русским чиновникам горного ведомства. Однако немало шотландцев осталось в Петрозаводске и связало судьбу с Александровским заводом. Присутствие «английских художников» на Олонецкой земле в разы увеличивало производительность труда, поднимало образ жизни, повышало уровень культуры и, безусловно, прививало новый стиль мышления заводчан.

Между тем, представлялось, что захватывающая эпоха «английских мастеров» давно завершилась. Но, оказалось, она имеет продолжение в наши дни. В сентябре 2021 г. в Петрозаводске, на бывшей Английской улице, в честь К. К. Гаскойна, лучшего пушкаря России и Европы, был воздвигнут монумент из бронзы, авторами

Ил. 13. Памятник К. К. Гаскойну. Петрозаводск. 2021 г.

которого стали В. Шанов и Д. Успенская (ил. 13). Одновременно в столице Республики Карелия возник неожиданный для традиционного гостиничного бизнеса проект, получивший название «Английские апартаменты». Месторасположение приватной



Ил. 14. Проект «Английские апартаменты». Петрозаводск, пр. К. Маркса, д. 22. 2022 г.

гостиницы поименно связано с судьбой видных шотландцев из Эдинбурга, трудившихся на Александровском пушечном заводе и прижившихся на Английской улице (ил. 14).

---

[1] Гаскойн Карл (Чарльз) Карлович (1737–1806) – горный деятель, механик и металлург, действительный статский советник, уроженец Шотландии. С 1786 по1806 г. начальник Олонецких горных заводов, до 1798 г. управитель Александровского завода, с 1793 г. возглавил Кронштадтский литейный завод. По завещанию погребен в Петрозаводске.

[2] Армстронг Адам Васильевич (1762–1818) – металлург, с 1 июля 1807 г. до ноября 1818 г. начальник Олонецких горных заводов, скончался 8 ноября 1818 г., похоронен в Петрозаводске.

[3] Армстронг Роман (Роберт) Адамович (1790/92–1865) – русский горный инженер, сын А. В. Армстронга, генерал-лейтенант, родился в Петрозаводске, учился в Эдинбургском университете. С 1824 г. управляющий Олонецкими заводами. В 1865 г. похоронен на Смоленском лютеранском кладбище Санкт-Петербурга.

[4] Даль В. И. Толковый словарь. М., 1994. Т. 4. С. 1242.

[5] Цит. по кн.: Пашков А. М. Горнозаводское краеведение Карелии конца XVII – начала XX века. Петрозаводск, 2007. С. 66.

[6] Суворов в Петрозаводске // Памятная книжка Олонецкой губернии (ПКОГ) на 1858 год: Год третий. СПб.: Изд. ред. Олонец. Губ. Ведомостей, 1858. С. 124.

[7] [К. Б.] [Бутенев К. Ф.] К. К. Гаскойн // ОГВ (Олонецкие губернские ведомости). 1843. № 13. Перепечатка из газеты «Мануфактурные и горнозаводские известия» 1843. № 7.

[8] Кованько И. А. Краткая историческая записка о происхождении и умножении горных заводов в России и о нынешнем их состоянии // Горный журнал. 1826. № 2. С. 4–26.

[9] Поляков В. Ф. Очерк Олонецких заводов в историческом, геогностическом и статистическом отношении // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1860 год. Петрозаводск, 1860. С. 155–215.

[10] Тараканова Е. С. Из истории Олонецких заводов // Черные металлы: ежемесячный журнал по актуальным проблемам металлургии, машиностроения и приборостроения зарубежных стран. Московский государственный институт стали и сплавов (Технологический университет) (МИСиС). М., 2009. № 10. С. 76–83.

[11] [Герман И. Ф.] Описание Петрозаводского и Кончезерского заводов и произведенного при опытах литья пушек и снарядов. Сочиненное Государственной Берг–Коллегии членом статским советником Иваном Германом. СПб., 1803. 206 с.

[12] Арсеньев К. И. Описание Олонецких заводов с самого их основания до последних времен, с кратким обозрением Олонецкой губернии. Труды Минералогического общества. СПб., 1830. Т. 1. С. 317.

[13] [К. Б.] [Бутенев К. Ф.] Указ. соч.

[14] НАРК (Национальный архив Республики Карелия). Ф. 446 (Правление Олонецких и Кронштатского заводов). Оп. 1. Д. 2а. Л. 163–165. См. в кн.: Давид Генделев. Жизнь и книги // Историческая справка к фонду № 446 «Правления Олонецких и Кронштадтского заводов» / Сост. Ю. В. Шлейкин, Ю. Д. Генделева. Петрозаводск, 2020. С. 204.

[15] Кутьков Н. П. Художественные чугунные памятники XVIII и XIX вв. на старом Немецком кладбище в Петрозаводске // http: // Carelica. CARELICA/Jornal. html. Carelica № 1–2 (23/24). 2020.
[16] НАРК. Ф. 37 (Олонецкое горное правление). Оп. 1. Д 2/9. Л. 44–49. С июля 1806 по июль 1807 г. обязанности директора заводов исполнял А. М. Полторацкий.
[17] [Бутенев К. Ф.]. Краткое известие о жизни Обер-берггауптмана 4–го класса А. В. Армстронга // ОГВ. 1843. № 26–27. Перепечатка из газеты «Мануфактурные и горнозаводские известия» 1843. № 12.
[18] Пашков А. М. Указ. соч. С. 179.
[19] Арсеньев К. И. Указ. соч. 1830. С. 323.
[20] [Фуллон А. А.]. Обер-берггауптман Армстронг. Некролог // «Журнал Императорского человеколюбивого общества». 1819. Ч. 7. № 1. С. 90–97.
[21] Зильберминц В. А. Месторождения глин в Вытегорском уезде Олонецкой губернии. С картой. Петроград, 1921. С. 1–66.
[22] РГИА (Российский государственный исторический архив) Ф. 37. Оп. 16. Д. 119. Л. 14–35. Лопатинский П. А. «Краткие сведения об Александровском пушечном заводе». 1819 г. Частично опубликовано: Лопатинский П. А. Краткие сведения об Александровском пушечном заводе // Горный журнал (ГЖ). 1878. № 1. С. 48–57.
[23] НАРК Ф. 37. Оп. 1, Д. 2/9. Л. 4.
[24] РГИА Ф. 37. Оп. 16. Д. 119. Л. 14–35; Лопатинский П. А. Указ. соч. 1878. № 1. С. 48–57; См. также : Пашков А. М. Указ. соч. С. 113.
[25] [Фуллон А. А.]. Указ. соч. 1819. Ч. 7. № 1. С. 90–97.
[26] [Бутенев К. Ф.]. Указ. соч. 1843. № 26–27.
[27] НАРК. Ф. 37. Оп. 10. Д. 12/259. Л. 1–4.
[28] Кулибин С. Н. Армстронг Роман Адамович // Русский биографический словарь В. А. Половцева (РБС). Т.: Алексинский – Бестужев-Рюмин. СПб., 1900. С. 292.
[29] НАРК. Ф. 37. Оп. 5. Д. 23 за 1788 г. «О сделании цилиндрической машины при Александровском заводе англичанином художником Клярком модели и об отправлении оной в Санкт–Петербург». Л. 1–21. См. также: Тараканова Е. С. Указ. соч. С. 76–83.
[30] НАРК. Ф. 37. Оп. 5. Д. 23 за 1788 г. Л. 4.
[31] Арсеньев К. И. Указ. соч. 1830. С. 323–325, 327.
[32] Zablotski E. Russian Mining History // Industrial Heritage, 2001, Vol. 27, No 4. P. 27–34.
[33] Цит. по ст.: Капуста Л. И. Английская улица // Улицы и площади старого Петрозаводска. Петрозаводск, 2003. С. 10.
[34] Фуллон А. А. Пребывание государя императора в Петрозаводске // Благонамеренный. 1819. Ч. 8. № 21. С. 149–170.
[35] НАРК. Ф. 37. Оп. 5. Д. 117/924. Л. 67–69.
[36] Цит. по кн. : Пашков А. М. Указ. соч. С. 132–133.
[37] Фуллон А. А. Указ. соч. 1819. Ч. 8, № 24. С. 344–346.
[38] Давид Генделев. Указ. соч. Иностранные специалисты на Петровских железоделательных и Александровском пушечном заводах (XVIII век). С. 107.
[39] НА РК. Ф. 37. Оп. 13. Д. 8/53. Л. 11. См. также : Кутьков Н. П. Указ. соч.
[40] Капуста Л. И. Указ. соч. С. 11.
[41] Пулькин М. В. Город Петрозаводск (последняя четверть XVIII – первая половина XIX в.) // в кн.: История Петрозаводска: власть и горожане. Гл. III. Петрозаводск, 2008. С. 71.

[42] Zablotski E. Указ. соч. P. 27–34.
[43] НАРК Ф. 37. Оп. 1. Д. 2/9. Л. 14 об.
[44] Там же. Оп. 5. Д. 206/1997. Л. 8–8 об.
[45] Там же. Оп. 1. Д. 54/555. Л. 9–10. Отпуск.
[46] НАРК Ф. 38 (Александровский снарядолитейный завод). Оп. 2. Д. 26/242. Л. 10–11. Копия.
[47] РГИА. Ф. 37. Оп. 16. Д. 119. Л. 14–35; См. также: Пашков А. М. Указ. соч. С. 114.
[48] Пулькин М. В. Указ. соч. С. 71.
[49] Zablotski E. Указ. соч. P. 27–34.
[50] НАРК. Ф. 37. Оп. 5. Д. 117/924. Л. 67–69.
[51] Zablotski E. Указ. соч. P. 27–34.
[52] [К. Б.] [Бутенев К. Ф.] Указ. соч. 1843. № 13.
[53] Барышников М. Н. Деловой мир Петербурга. СПб., 2000. С. 69.
[54] Zablotski E. Указ. соч. P. 27–34.
[55] Лопатинский П. А. Минералогические и исторические сведения о бывшем Воицком золотом руднике // ГЖ. 1826. Кн. 2. С. 75–84.
[56] Балагуров Я. А. Олонецкие горные заводы в дореформенный период. Петрозаводск, 1958. С. 62.
[57] Капуста Л. И. Указ. соч. С. 10.
[58] Zablotski E. Указ. соч. P. 27–34.
[59] Ярцов А. С. Российская горная история. Третья часть. Рукопись (не опубликована). В собрании библиотеки Санкт–Петербургского Горного университета. См. также: Пашков А. М. Указ. соч. С. 9, 55–56.
[60] НАРК. Ф. 37 (Олонецкое горное правление). Оп. 8. Д. 1/7. Л. 7–8.
[61] Чудинов И. К. Наводнение в Петрозаводске в 1800 году (из воспоминаний коренного старожила) // ОГВ. 1864. № 21.
[62] НАРК. Ф. 445 (Канцелярия Олонецких Петровских заводов). Оп. 1. Д. 273. Л. 287. Подлинник.
[63] Карма Ю. Ю. Петрозаводск трех веков. Становление структуры города на фоне его планирования // Краевед. Сб. статей. Петрозаводск, 2007. С. 35–36.
[64] В 1885 г. Английская улица переименована в Мариинскую, а с 1918 г. именуется пр. К. Маркса. В годы финской оккупации в 1941–1944 гг. проспект называется Марскинкату (ул. Маршала), а вскоре Valtakatu (Главная улица). После освобождения Петрозаводска в 1944 г. возвращается название пр. К. Маркса.
[65] НАРК. Ф. 2 (Олонецкое губернское правление). Оп. 61. Д. 21/291. Л. 43. (Журнал Олонецкого губернского правления).
[66] НАРК Ф. 63 (Петрозаводский городовой магистрат). Оп. 3. Д. 60/521. Л. 220.
[67] НАРК. Ф. 37. Оп. 5. Д. 50/360. Л. 1–42 (Журналы заседаний горного правления).
[68] Капуста Л. И. Указ. соч. С. 10.
[69] Цит. по ст. : Пулькин М. В. Указ. соч. С. 88.
[70] ГААО (Государственный архив Архангельской области). Ф. 1367. Оп. 2. Д. 1697. Л. 1–3об. (Журнал Архангельского губернского правления).
[71] Капуста Л. И. Указ. соч. С. 10.

А. М. Егоров, И. А. Егоров (Псков)

ВОЕННЫЙ ГОРОДОК В ПАВЛОВСКЕ: ОТ УЧЕБНЫХ И СТРОЕВЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ МИНОБОРОНЫ К УНИВЕРСИТЕТУ ФСИН РОССИИ

ПЕРВЫЙ ВОЕННЫЙ ГАРНИЗОН в Павловске появился вместе с будущим императором Павлом I во второй половине XVIII в. На соединяющем Павловский дворец и Солдатскую слободу проспекте Новая деревня (современная улица Красного Курсанта) располагался Кирасирский полк, шефом которого являлся сам император. После убийства Павла I безопасность его вдовы вдовствующей императрицы Марии Федоровны обеспечивал лейб-гвардии Кавалергардский полк. С 1800 по 1811 г. летним комендантом Павловска и шефом расположенного здесь же лейб-гвардии Егерского батальона являлся Багратион.

После смерти вдовствующей императрицы по распоряжению унаследовавшего ее владения великого князя Михаила Павловича в 1829 г. сюда был переведен лейб-гвардии Образцовый кавалерийский полк, и началось возведение необходимых для его жизнедеятельности в основном пока еще деревянных построек: казарменных помещений, конюшни и мастерских, а также манежа (экзерциргауза). Это был период существования рекрутской системы в русской армии[1].

В 1830-е гг. на дальней стороне Новодеревенского проспекта относительно Павловского дворца, вдоль Кладбищенской улицы (современная улица Обороны), дополнительно сооружаются казармы лейб-гвардии Гусарского и Егерского полков. Однако дальнейшее развитие стационарного военного городка в Павловске связано с событиями второй половины XIX в.

Еще в 1863 г. при Александре II Образцовый кавалерийский полк отводится из Павловска в Новгородскую губернию, а на смену ему в 1880-х гг. приходят две батареи Конноартиллерийской бригады, а именно: лейб-гвардии 5-я батарея Его Императорского Высочества великого князя Михаила Александровича и лейб-гвардии 6-я Донская Казачья батарея Его Императорского Величества. Стоит отметить, что с мая 1868 г., т. е. практически с момента своего рождения, в личном составе 6-й батареи числился и будущий последний российский император Николай II (1868–1918).

Первоначально единственной каменной постройкой в Солдатской слободе Павловска являлся большой манеж, в котором проводились соответствующие учебные занятия, а в зимнее время также военные смотры, разводы караула и другие армейские мероприятия. Так, например, в 1907 г. на территории Павловского манежа состоялся торжественный молебен, на котором вместе с наследником Алексеем присутствовал лично император Николай II.

Летом 1902 г. рядом с манежем в присутствии великого князя Михаила Александровича и других членов царской фамилии состоялось освящение еще одного каменного строения – храма святителя Николая Чудотворца. Параллельно с данным строительством вдоль современной улицы Обороны к началу 1900-х гг. уже появилась цепочка каменных казарм. Весь комплекс военных построек, включая манеж, храм и казармы, возводился из красного кирпича и выделялся схожим нарядным стилем с украшающими фасады узорами. Однако дальнейшая судьба этих зданий существенно отличалась.

После революции 1917 г. и вплоть до 1990-х гг. большая часть казарм и вспомогательных построек продолжала использоваться по своему основному назначению, а вот помещение бывшего полкового храма с 1933 г. было приспособлено под клуб 32-й моторизованной бригады, а затем и в мастерскую по ремонту бронетехники. После 1987 г. зданию присвоили статус памятника архитектуры, но еще в 1988–1989 гг. оно продолжало использоваться в качестве хозяйственного склада 458-го гвардейского артиллерийского полка. После передачи в июне 1991 г. храма православной церкви он подвергся серьезной реставрации и в настоящее время внешне выглядит великолепно[2].

В гораздо более печальном состоянии оказалось здание находившегося на территории военного городка манежа, который

к концу 1980-х гг. не использовался уже даже в хозяйственных целях и давно лишился крыши. Тем не менее, как может засвидетельствовать автор, проходивший здесь срочную службу после первого курса истфака, еще в 1989 г. стены манежа пребывали в достаточно целостном состоянии. Однако за последующие тридцать лет разрушение манежа заметно усилилось, он заметно осел и местами распался на отдельные фрагментированные руины (ил. 1).

К 1911 г. помимо конной артиллерии в Павловском гарнизоне находились 3-я и 4-я сотни лейб-гвардии Сводного казачьего

Ил. 1. Манеж в Павловске, 1989 г. (Из личного архива одного из авторов)

полка. Для их размещения решением императора началось дополнительное строительство также краснокирпичной казармы, офицерского корпуса и здания офицерского собрания. Последнее было возведено уже в 1913 г. и богато оформлено в стиле необарокко. К нему под прямым углом с двух сторон примыкали трехэтажные здания офицерского корпуса и солдатской казармы лейб-гвардии Сводного казачьего полка, из которого формировался личный конвой императора Николая II. Замыкал этот квадрат зданий еще один двухэтажный флигель, стоявший параллельно офицерскому собранию напротив.

В советское время под крышей офицерского собрания располагались клубные помещения, кинозал, хорошая библиотека, фотолаборатория и офицерский буфет. К 1980-м гг. бывшая казачья казарма уже была отделена от основной территории военного городка бетонным забором и превращена в жилой многоквартирный дом, в офицерском корпусе размещалась отдельная воинская часть, а в двухэтажном флигеле располагались учебные классы, где радисты хором разучивали, в частности, азбуку Морзе (ил. 2).

В центре находился плац, который на сегодняшний день успел зарасти уже достаточно крупными деревьями и кустарником. В апреле 2010 г. офицерский корпус лейб-гвардии Казачьего полка загорелся. Пожар начался на первом этаже в помещениях находившегося там ранее штаба, но затем прорвался вплоть до третьего этажа бывшего БУАРа, уничтожив по дороге все межэтажные перекрытия. В результате данный корпус, сохраняющий внешнюю архитектурную привлекательность даже в запущенном состоянии, представляет собой изнутри фактически полую кирпичную коробку.

Перед началом Великой Отечественной войны на территории военного городка размещалась отдельная тяжелая танковая бригада под командованием А. И. Лизюкова, послужившего вероятным прообразом комбрига Серпилина из произведения Константина Симонова «Живые и мертвые».

Советская гвардия была создана в сражениях Великой Отечественной войны, победы в которых навсегда увековечили славу советских воинов-гвардейцев. Боевые операции созданных в этот период гвардейских соединений сыграли ключевую роль в новейшей военной истории нашего государства[3]. В послевоенное мирное время преобразование воинских частей в гвардейские

Ил. 2. На заднем плане бывший офицерский корпус лейб-гвардии Сводного казачьего полка в Павловске, 1989 г. (Из личного архива одного из авторов)

не практиковалось, но для сохранения и продолжения сложившихся боевых традиций Советской армии почетные «гвардейские» звания отдельных ее подразделений передавались из поколения в поколение. Отличительный знак советской гвардии в виде овального венка вокруг развернутого знамени со словом «Гвардия» на нем всегда являлся предметом искренней солдатской гордости.

Одним из таких прославленных соединений являлась будущая 2-я гвардейская Перекопская Краснознаменная ордена Суворова артиллерийская дивизия прорыва Резерва Верховного Главнокомандования. Ее формирование было начато накануне и в период Сталинградской битвы, после которой она и получила статус гвардейской. Артиллерийские дивизии РВГК, которые создавались на основных направлениях наступления советских войск и включали разные виды подразделений, в своем развитии значительно обогнали войсковую артиллерию и стали главной огневой ударной силой наступательных операций. После Сталинградской битвы дивизия внесла важный вклад в освобождение от фашистских захватчиков Донбасса, Крымского полуострова и Севастополя. На завершающем

этапе войны она была переброшена в Прибалтику и приняла серьезное участие в боях за Восточную Пруссию и штурме Кенигсберга[4].

После завершения Великой Отечественной войны 2-я гвардейская дивизия РВГК была выведена из Прибалтики на территорию Ленинградского военного округа. И здесь история советской гвардейской дивизии пересекается с историей старой русской гвардии, так как местом ее окончательной дислокации в результате становятся Пушкин и Павловск[5]. В том числе было решено использовать для размещения некоторых полков Перекопской дивизии комплекс казарменных построек XIX – начала XX в. в юго-восточной части последнего. Помещения, которые им предстояло занять, представляли собой казармы российской императорской лейб-гвардии, являющиеся к тому же историческими памятниками архитектуры. Они находились в семи километрах от Царского Села – Пушкина и всего в одном километре от Павловского дворца и его парка.

Вплоть до начала 1990-х гг. здесь размещались учебные и боевые подразделения Советской армии. К этому времени военный городок в Павловске занял практически все пространство вдоль улицы Обороны. Главный штаб дивизии и еще два полка дислоцировались в Пушкине. Но три боевых полка и некоторые другие части, в том числе полк артиллерийской разведки, располагались в Павловске. Здесь же дислоцировался учебный полк ГРУ и находился отдельный узел связи.

В 1980-е гг. Павловский военный городок являлся очень оживленным местом, где проходило много мероприятий, интенсивно шла боевая подготовка. Как помнится, одним из первых культурных мероприятий для новобранцев являлся культпоход в Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи.

В глубине территории военного городка находились парки, где хранились орудия и боевые машины, большая двухэтажная солдатская столовая, а также внушительный склад боеприпасов, исчислявшийся сотнями железнодорожных вагонов. За казармами стояла двухэтажная солдатская столовая. За цепочкой старинных казарм в советский период была возведена еще одна – самая большая по площади. В фойе этой казармы находился караульный пост № 1 для охраны установленных здесь знамен гвардейских полков Павловского гарнизона.

Ил. 3. Бывший директор ФСИН России А. Калашников, первый начальник Санкт-Петербургского университета ФСИН А. Крымов и начальник УФСИН по Петербургу и Ленинградской области И. Потапенко осматривают бывший военный городок в Павловске. 2021 г.

В 1987 г. оформилась внешнеполитическая концепция советского руководства, названная «новым мышлением». В декабре 1988 г. Михаил Горбачев озвучил ее в речи на сессии Генеральной Ассамблеи ООН, а в июле 1989 г. было принято решение о сокращении численности Вооруженных Сил СССР сразу на 500 тысяч человек. Вероятно, в связи с указанными процессами в том же году разведывательный артиллерийский полк в Павловске был расформирован.

Окончательный перелом произошел во время встречи Горбачева и президента США Дж. Буша (старшего) на Мальте в конце 1989 г. Последний требовал изменения политики СССР в Восточной Европе, на Ближнем Востоке и в Африке. Примерно через одиннадцать месяцев, 19 ноября 1990 г. между НАТО и ОВД был подписан Договор об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ). Вводились ограничения на фланговых зонах, в которые попадал и ЛВО. Для каждого блока были установлены максимальные уровни вооружений и техники. Вооружение сверх этих уровней подлежало сокращению в течение 40 месяцев. В 1993 г. 2-я гвардейская Перекопская Краснознаменная ордена Суворова

дивизия прорыва Резерва Верховного Главнокомандования была окончательно расформирована (ил. 3).

Весной 2021 г. 81 объект практически заброшенного военного городка в Павловске на территории площадью 60 гектаров был передан в распоряжение недавно созданного Санкт-Петербургского университета ФСИН России. Представляется, что в качестве базы высшего учебного заведения объекты, имеющие большую историческую, архитектурную и культурную ценность, имеют шанс получить дальнейшее развитие и продолжить свою службу уже в новом качестве. Хочется надеяться, что они будут сохранены для нашей истории.

---

[1] Егоров А. М. Рекрутская повинность как альтернатива уголовному наказанию в период правления императора Николая I // История государства и права. 2017. № 2. С. 41.

[2] Храм святителя Николая Чудотворца в городе Павловске, Санкт-Петербург // Фома. Православный журнал. 2006. № 9 (41). С. 50.

[3] Доманк А. С., Лазуткин С. П. Резерва Верховного Главнокомандования. М., 1987.

[4] В наступлении гвардия. Очерк о боевом пути 2-й гвардейской армии / Под ред. В. М. Домникова. М., 1971.

[5] История ордена Ленина Ленинградского военного округа / Н. И. Барышников, Л. Г. Винницкий, В. А. Крейнин и др. М., 1988. С. 358.

С. В. Ефимов (Санкт-Петербург)

МИЛАНСКИЙ ОРУЖЕЙНИК ПОМПЕО ДЕЛЛА КЬЕЗА

Доспехи были частью мира вещей эпохи Средневековья, Ренессанса и раннего Нового времени. Они свидетельствовали о положении человека в обществе, о его заслугах, состоянии и личной власти. Доспехи королей и полководцев богато украшались чеканкой или гравировкой по металлу с травлением и покрывались золотом, а иногда, но очень редко, эмалью. Существовали доспехи для турниров и боевые доспехи, доспехи для парадов и пышных процессий. Были и такие дорогостоящие доспехи, которые причислялись к произведениям искусства, они украшали правителей и аристократию. Эти доспехи делали в специальных мастерских, предназначенных для нужд королевских дворов. Расходы на их украшение зачастую превышали затраты на их изготовление (ил. 1–3).

Ил. 1. Оружейник. Художник Габриель Метсю. 1650 – 1660-е гг. Рейксмюсеум, Амстердам

В последней четверти XVI в. Северная Италия стала одним из

Ил. 2. Оружейная мастерская. Художники Давид Теннерс Младший и Ян Брейгель Младший. 1640–1645 гг. Музей искусства, Северная Каролина, США

производителей изысканных декорированных доспехов, отличавшихся высокохудожественной гравировкой, выполненной в стиле богатых итальянских тканей *(i motivi a tessuto)*. Такие доспехи, изготовленные в технике чернения или золочения, были покрыты узорами, напоминавшими лучшие текстильные образцы. Пальмовые ветви, военная арматура, трофеи с элементами оружия искусно сочетались с выгравированными орнаментами, изображениями аллегорических фигур и мифологических персонажей, владельческих гербов и девизов.

Одним из крупнейших европейских мастеров защитного вооружения, работавшем в этом стиле, был миланский оружейник Помпео делла Кьеза (Чиеза, итал. *Pompeo della Cesa, Dalla Cesa, Della Chiesa*)[1]. Он выполнял заказы своих высоких покровителей, среди которых находились испанские короли Филипп II (1556–1598) Филипп III (1598–1621), герцог Пармы и Пьяченцы Александро Фернезе (1586–1592), мантуанский герцог Винченцо I Гонзага (1587–1612), великий герцог тосканский Франческо I Медичи (1574–1587), князь-епископ Зальцбурга Вольф Дитрих фон Райтенау (1587–1612) и многие другие.

Ил. 3. Полировка доспехов в оружейной мастерской. Гравюра XVII в.

Помпео делла Кьеза родился около 1537/1538 г. в Милане и был сыном некоего ремесленника Винченцо, который не имел к оружейному делу никакого отношения. Семья, скорее всего, происходила из местечка Кьеза (Chiesa). Один из двух носящих такое название итальянских городков расположен недалеко от Брешии, а другой – в области Бергамо. По названию местечка Помпео и получил свою фамилию. Можно предположить, что его родина была близ Брешии – крупного центра оружейного производства, славившегося далеко за пределами Италии. Именно там он мог обучаться оружейному делу.

Предположительно, Помпео делла Кьеза начал работать в Милане в мастерской у Джовани Пьетро да Ферно (Giovani Pietro da Ferno), а затем и сам стал мастером около 1570 г.

Первые документальные упоминания о деятельности Помпео делла Кьеза относятся к 1572 г. и содержатся в одном из его писем герцогу Эммануэлю-Филиберту Савойскому (1553–1580) по прозвищу «Железная голова». Всего сохранилось восемь документов (с 1572 по 1593 г.), на которых стоит подпись мастера – «Pompeo dalla Cesa Armarolo»[2].

Ил. 4. Замок Сфорца. Вид с высоты птичьего полета. Современная фотография

В основном документы касаются выполнения мастером заказов, в некоторых случаях весьма значительных. Из документов следует, что Помпео делла Кьеза был королевским доспешником, а мастерская оружейника находилась в бывшей резиденции миланских герцогов – замке Сфорца (итал. *Castello Sforzesco*) (ил. 4), что несомненно говорило о его высоком положении.

В начале XVI в. Милан был завоеван испанцами и находился под властью испанских Габсбургов, а в замке находилась резиденция губернатора. Его гарнизон насчитывал от 1000 до 3000 человек и был одним из крупнейших во всей Европе. В 1550 г. начались работы по модернизации замка в соответствии с требованиями новейшего фортификационного искусства. Из ренессансной резиденции он превратился в шестиугольный звездообразный форт, защищенный 12 бастионами. Внешние укрепления достигали трех километров в длину и занимали площадь в 25,9 гектара. На территории замка располагались не только резиденция губернатора и казармы для солдат гарнизона, но и многочисленные хозяйственные постройки – конюшни, птичники, склады и пр. Среди многочисленных мастерских имелись и оружейные.

Миланские оружейники умело сочетали запросы знати на роскошные доспехи с массовым производством снаряжения для армии. Это достигалось благодаря четкой организации производства и способности выполнить заказ за минимум времени.

Еще во второй половине XV в. миланские оружейники славились тем, что могли всего за несколько дней экипировать 4000 всадников и 2000 пехотинцев. В мастерских замка также в большом количестве изготавливали и чинили оружие и защитное вооружение для испанского гарнизона. Однако прославились они благодаря изготовлению дорогостоящих и высококачественных доспехов по индивидуальным заказам[3].

Итальянские исследователи полагают, что в 1572 г. Помпео делла Кьеза было около 35 лет, его активная деятельность в качестве оружейника началась в середине 1560-х гг. и продолжалась сорок лет.

6 марта 1585 г. некий купец Джованни Антонио Перего обратился к миланскому губернатору с просьбой отвезти в Севилью двенадцать пар шлемов типа «морион», изготовителем которых был Помпео делла Кьеза[4].

3 февраля 1586 г. оружейных дел мастер Помпео Кьеза из прихода Святой Теклы (Фёклы) присутствует при крещении сына своего коллеги Джованни Баттиста Бусси в церкви Святого Михаила (San Michele al Gallo)[5].

В октябре того же года мастер получил выплату за заказ оружия для солдат дворцовой охраны Алессандро Фернезе, герцога Пармы и Пьяченцы, наместника Нидерландов. После смерти герцога Помпео делла Кьеза в 1593 г. хлопотал перед пармскими властями о выплате причитающихся ему денег за изготовленные для покойного правителя доспехи[6].

В июле 1592 г. другой итальянский владетель, мантуанский герцог Винченцо I Гонзага выплатил за доспехи оружейнику 140 дукатов[7]. В 1572 и 1578 гг. мастер совершил две поездки ко двору герцога Савойского, связанные с изготовлением доспехов. Помпео лично представлял правителю Савойи образцы своих работ и декорированные части будущих лат герцога. Причем во второй раз это был турнирный комплект для всадника и лошади.

В 1592 г. Помпео получил приглашение ко двору Филиппа II Испанского. Миланский мастер также выполнял заказы вице-короля Сицилии дона Хуана Фернандеса Пачеко, 5-го герцога

Эскалона. Его репутация распространилась по всей Европе, что привело даже к заказам из далекой Англии. Подписанный мастером доспех английского аристократа Генри Герберта, 2-го графа Пембрука, до сих пор хранится в Уилтон-хаусе (Великобритания) (ил. 5).

Ил. 5. Доспех Генри Герберта, 2-го графа Пембрука

Помпео делла Кьеза не только руководил работой мастерской, но и лично изготавливал доспехи, и это подтверждают выражения из его писем: «я сделал это», «если я сделаю это», «я начал делать это» и т. п.

Естественно, что в производстве брони принимали участие различные мастера: кузнецы, шлифовальщики, таушировщики, граверы, золотильщики. Однако руководитель мастерской был настоящим стилистом, следил за веяниями текстильной моды, за техническими новинками, должен был разбираться в античных и библейских сюжетах. При этом он обязан был угождать требованиям высокопоставленных заказчиков и вести с ними деловые переговоры.

Доспехи Помпео делла Кьеза отличались надежностью и утонченным декором, хотя и не избежавшим повторений на различных образцах доспехов.

Формы бюста, линии плеч и талии, изящество бедер в доспехах изготавливались как в повседневном костюме, следовали канонам гражданской моды.

Ил. 6, 7. Клейма Помпео дела Кьеза на доспехах

Доспех, выполненный для русского царя Дмитрия Иоанновича – Лжедмитрия I (1605–1606) считается последней работой великого мастера. Тем не менее, по некоторым сведениям, с 1593 г. Помпео делла Кьеза, будучи уже престарелым по меркам того времени человеком, сам не работал над заказами, но по-прежнему контролировал работу своей мастерской, в которой трудились его ученики[8]. Он прожил долгую для своей эпохи жизнь и скончался в Милане 21 марта 1610 г.

Мастер подписывал свои доспехи монограммой POMPEO (или как варианты POMPE, POMP). Как правило, этот «автограф» мастера вписывался в картуш с каким-либо изображением или гербом на одной из центральных деталей доспеха (например, кирасе). Следует отметить, что вскоре многие северо-итальянские мастера скопировали этот способ клеймения доспехов. Иногда Помпео делла Кьеза ставил на свои работы клеймо, изображающее корону с двумя скрещенными ключами (ил. 6, 7).

К сожалению, до настоящего времени так и не появилось каталога работ мастера. Сейчас известно около трех десятков доспехов, изготовленных Помпео делла Кьеза. Оружиеведы Б. Томас и О. Гамбер выявили и описали двадцать четыре доспеха работы Помпео[9]. Джон Хейвард в аукционном каталоге коллекции лорда Астора Хивера опубликовал еще один документально подтвержденный доспех работы миланского оружейника[10]. Известный оружиевед А.-В. Б. Норман, соглашаясь с принадлежностью этого доспеха Помпео дела Кьеза, датировал его 1585–1595 гг.[11] Леонид Тарасюк в каталоге к Чикагской выставке дополнил список кирасой из собрания Чикагского института искусств[12].

Полные доспехи и их отдельные части, изготовленные Помпео, хранятся в различных коллекциях мира. Так, например, судя по описанию миланской коллекции Польди-Пеццоли *(Museo Poldi Pezzoli)*, выполненному Л. Г. Боккиа и Ж. Годоем, там хранится шлем, сделанный в 1585–1590 гг. мастером для местного аристократа Ренато I Борромео[13]. В 1591 г. он стал капитаном, а в 1598 – послом при дворе испанского короля Филиппа III. Кроме того, он был братом кардинала Федерико Борромео. В этом семействе родился видный деятель Контрреформации святой Карло Борромео. Шлем декорирован гравировкой, расположенной поясами, узор распространяется и на забрало. Среди изображений – эмблема с герба семьи Борромео – единорог, конная узда, святая Иустина, девиз «HOMILITAS» («Смирение») (ил. 8).

Ил. 8. Шлем Ренато I Борромео

В оружейном собрании Хиггинса в Ворчестере (штат Массачусетс, США) также имеется доспех работы Помпео делла Кьеза. Однако он включает в себя несколько отреставрированных деталей[14] (ил. 9).

В Военно-историческом музее в Праге хранится великолепный шлем, датируемый 1595–1600 гг., выполненный в технике чернения и золочения, работы великого мастера[15]. В оружейной палате чешского замка Конопиште, принадлежавшего наследнику австро-венгерского престола эрцгерцогу Францу Фердинанду, находится турнирный доспех, изготовленный в 1594 г. в мастерской Помпео дела Кьеза для итальянского аристократа и выдающегося музыканта Карло Джезуальдо да Веноса[16] (ил. 10).

Ил. 9. Доспех. Около 1590 г. Worcester Art Museum, № 2014.112

Он прославился на всю Италию не только своими мадригалами уникального хроматического стиля, но и жестоким убийством своей первой супруги Марии д'Авалос и ее любовника Фабрицио Карафа, герцога Андрии. Как принято считать, Карло подстроил им ловушку и с помощью своих людей в ночь на 17 октября 1590 г. расправился с любовниками. Двойное убийство в Неаполе вызвало большой скандал, но поскольку такая месть соответствовала социальным нормам того времени, Карло не был обвинен в убийстве. Большую часть времени да Веноса проводил при утонченном дворе феррарского герцога Альфонсо II д'Эсте, где часто проводились рыцарские турниры. Вероятно, что для одного из них и был изготовлен парадный доспех.

В Оружейной палате рыцарей ордена Святого Иоанна Иерусалимского в Валлетте на острове Мальта демонстрируется эффектный полудоспех (около 1590 г.) с изображением римского

Ил. 10. Турнирные доспехи Карло Джезуальдо да Веноса

героя Гая Муция Сцеволы, стоящего перед этрусским царем Ларсом Порсеной. На наплечниках изображены рельефы в виде львиных голов. В центре нагрудника находится овальная панель с надписью «POMPE».

В Художественном музее Филадельфии хранится бургиньот с подъемным козырьком работы Помпео дела. Шлем датируется примерно 1590–1600 гг. Он полностью покрыт травлеными узорами в растительном стиле[17] (ил. 11).

Этому же мастеру принадлежит полный строевой доспех, полностью покрытый травлением и позолотой, из собрания Вустерского музея искусств[18].

В фондах Государственного Эрмитажа находятся два шлема работы Помпео делла Кьеза. Один из них турнирный, датируемый 1580-ми гг., покрыт позолотой и своей стилистикой напоминает элементы доспеха Лжедмитрия I. Второй. имеет необычное решетчатое забрало, защищенное шипами, украшен гравировкой и позолотой[19].

Ил. 11. Шлем типа «бургиньот». 1590–1600 гг. Philadelphia Museum of Art, № 1977-167-126

Работы Помпео делла Кьеза имеются в Музее Стибберта (Флоренция), Королевской оружейной палате (Турин), Музее Каподимонте (Неаполь), Институте Гаццолы (Пьяченца), Музее Армии (Париж), Коллекции Уоллеса (Лондон); Королевском Арсенале (Мадрид), Императорской оружейной палате (Вена), Оружейной палате мальтийских рыцарей (Валлетта), Художественном музее (Филадельфия) и др. (ил. 12–16)[20].

Доспехи, сделанные Помпео делла Кьеза, крайне редко появляются на европейских аукционах. В 2009 г. в Галерее Фишера (Швейцария) был продан за € 532 000 полудоспех со шлемом-кабассетом из коллекции фон Шультесса. В 1983 г. доспех из коллекции лорда Астора Хивера приобрел американский миллионер Барри Трупин за £ 50 600. Весной 2012 г. этот доспех был выставлен «The Trupin Family Trust» на аукцион со стартовой ценой в € 300 000.

Аукционный дом Lennart Viebahn (Бремен, Германия) несколько лет назад выставил на продажу шлем-морион работы Помпео делла Кьеза[21] (ил. 17).

В богатейшем оружейном собрании Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи хранится еще один из доспехов, выполненных в мастерской Помпео делла Кьеза для русского царя-самозванца Лжедмитрия I. История этого доспеха крайне интересна.

В 1870 г. камер-юнкер Александр Петрович Базилевский преподнес императору Александру II, находившемуся на водах в Эмсе, набедренники и оплечья рыцарского доспеха с великолепной художественной отделкой. Эти уникальные предметы были найдены «случайным образом в Париже» хранителем Царскосельского арсенала Е. А. Кеммерером в 1868 г. Он сообщил о них Базилевскому, и тот, вероятно, осознавая их огромную ценность для отечественной истории, приобрел доспехи у антиквара для подарка государю.

Ил. 12, 13. Части доспеха Винченцо Луиджи ди Капуа (The Metropolitan Museum of Art, № 2013.618 58)

А. П. Базилевский в 1861–1863 гг. состоял на дипломатической службе при русском посольстве в Вене, затем вышел в отставку и поселился в Париже. С конца 1850-х гг. стал заниматься коллекционированием произведений искусства и художественного ремесла эпохи средних веков и Возрождения. Свою коллекцию он пополнял покупками в Европе на распродажах крупнейших коллекций Фулда, Кастелани, Алеса и др. Базилевский оказал большое содействие в создании исторических отделов Всемирных выставок в Париже в 1865

Ил. 14. Шлем. 1590–1595 гг. (The Metropolitan Museum of Art, № 14.25.603)

Ил. 15. Шлем. 1585 г. (The Metropolitan Museum of Art, № 14.25.656)

и 1878 гг.[22] К началу 1880-х гг. его коллекция в Париже насчитывала более 600 великолепных памятников (от раннего христианства и Византии до Ренессанса). В 1885 г. из-за личных обстоятельств А. П. Базилевский вынужден был продать коллекцию. При посредничестве и содействии художника А. П. Боголюбова и председателя Русского императорского исторического общества А. А. Половцова коллекцию (в том числе 54 единицы старинного оружия) на собственные средства приобрел император Александр III и затем передал Эрмитажу. В 1930-е гг. доспех Лжедмитрия был передан из Эрмитажа первоначально на временное, а затем и на постоянное хранение в Артиллерийский исторический музей[23].

Части парадного доспеха состоят из двух наручей *(brassards)* и двух длинных набедренников *(cuissards)*, каждый из 14 пластин. Они изготовлены из железа и украшены травленным и золоченым растительным орнаментом, изображениями воинской арматуры и овальных медальонов с царскими двуглавыми орлами, увенчанными каждый одной открытой короной с пятью концами и крестом. На груди орлов – щитки с изображениями Георгия Победоносца («ездеца») – московского герба. Прикрытие коленного сгиба *(genoullieres)* и налокотники *(cubitieres)* украшены

теми же царскими орлами. Большие оплечья в виде опахала *(epaulieres en eventail)* с продолжением на спинном прикрытии декорированы с обеих сторон большими кругами с царским двуглавым орлом того же типа, как предыдущее. Кроме того, вокруг каждого из них расположены по тринадцать маленьких кружков. В верхнем изображен длинный греческий крест, по сторонам которого видны орудия страданий Иисуса Христа. В других кружках – гербы царств и земель, упоминаемых в царском титуле: Новгородский, Казанский, Астраханский, Псковский, Смоленский, Тверской, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский, Нижегородский и Черниговский (ил. 18–20).

На иноземное происхождение мастеров указывает то, что геральдические эмблемы некоторых областей Московского государства, входящие в состав печати и изображающие зверей, переделаны

Ил. 16. Доспех. 1590 г. (Wallace Collection, № A38, A335, A228)

Ил. 17. Шлем-морион с аукциона Lennart Viebahn

Ил. 18. Части доспеха (оплечья, наручи и набедренники) Лжедмитрия I. 1605–1606 гг. Вид спереди

Ил. 19. Части доспеха (оплечья, наручи и набедренники) Лжедмитрия I. 1605–1606 гг. Вид сбоку

на западноевропейский манер. Так, например, вместо северного оленя изображена дикая коза.

Особый интерес этому замечательному вооружению придают царские орлы и государственные гербы, которыми он украшен (ил. 21–24). Аналогичные геральдические эмблемы имеются на лицевой стороне большой царской печати царя Ивана IV Грозного, которая приложена к двум договорным грамотам 1583 и 1584 гг., хранящимся в Королевском архиве в Стокгольме.

Известно, что последующие правители Российского государства Федор Иоаннович, Борис и Федор Годуновы и Лжедмитрий I употребляли для официальных сношений лицевую сторону большой царской печати Ивана Грозного.

Ил. 20. Части доспеха (оплечья, наручи и набедренники) Лжедмитрия I. 1605–1606 гг. Вид оплечий со спины

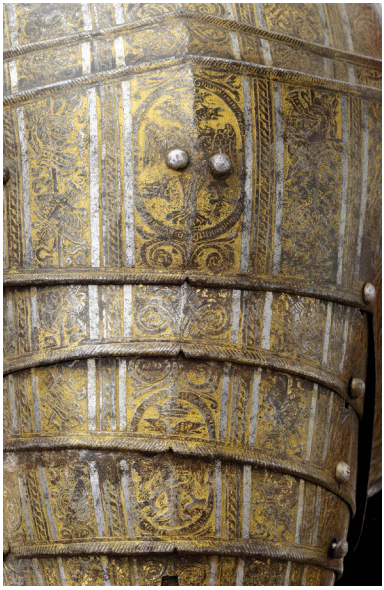
Ил. 21. Изображение Большой государственной печати Российского государства на оплечье доспеха Лжедмитрия I. 1605–1606 гг.

Ил. 22. Изображение двуглавого орла – герба Российского государства на локтевой защите наручей доспеха Лжедмитрия I. 1605–1606 гг.

Сочетание государственного герба с изображением государственной печати, несомненно, указывает на принадлежность доспеха одному из русских государей конца XVI – начала XVII в.

Судя по рисунку царского орла, который увенчан лишь одною короною и не держит еще в лапах ни скипетра, ни державы, доспехи изготовлены до 1613 г., когда на московский престол взошел Михаил Романов. С этого времени двуглавый орел все чаще изображается с тремя коронами и держащим всегда в лапах скипетр и державу. Именно так орел воспроизведен на броне, принадлежавшей царю Михаилу Федоровичу и хранящейся в московской Оружейной палате. На ней сохранилась надпись, согласно которой следует, что, эта доспех был изготовлен в царской мастерской палате по приказу кравчего Михаила Михайловича Салтыкова мастером Дмитрием Коноваловым «в 29 день июля 7124 (1616) года».

Единственным монархом, который мог носить подобный доспех в начале XVII в., был мнимый сын царя Ивана Грозного Дмитрий Иванович (Лжедмитрий I). Первым это предположение высказал хранитель Царскосельского арсенала Е. А. Каммерер, Такой же точки зрения придерживался оружиевед и хранитель эрмитажного собрания оружия Э. Ленц[24].



Ил. 23. Изображение двуглавых орлов – гербов Российского государства на наручах доспеха Лжедмитрия I. 1605–1606 гг.

Ил. 24. Изображение двуглавого орла – герба Российского государства на наручах доспеха Лжедмитрия I. 1605-1606 гг.

Версия о том, что доспех был изготовлен для наследника польского престола Владислава, старшего сына короля Сигизмунда III Вазы не выдерживает критики. На момент гибели Лжедмитрия королевичу было всего 10 лет, и доспех был бы ему просто велик. Кроме того, Владислава избрали московским царем только в августе 1610 г., когда Помпео делла Кьеза уже скончался.

В пользу Лжедмитрия I как потенциального владельца доспеха говорят и его размеры. Броня сделана для широкоплечего мужчины среднего или ниже среднего роста, худощавого телосложения, что вполне соответствует описаниям роста Самозванца. (Борис Годунов и Василий Шуйский были людьми дородными, да и вряд ли бы стали одевать «поганую» с точки зрения православного человека броню.)

Судя по сохранившимся портретам и описаниям современников, Лжедмитрий действительно был невысок, но при этом непропорционально широк в плечах, имел короткую «бычью» шею, руки разной длины. Голландский купец Исаак Масса писал о царе

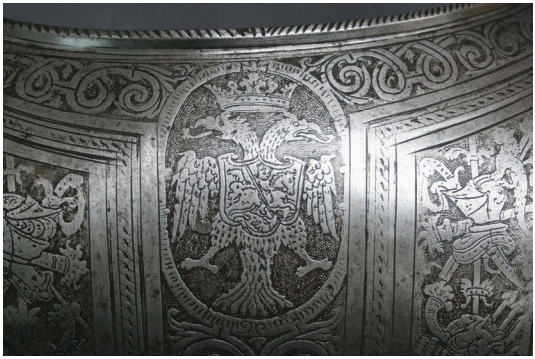
Ил. 25. Портрет Лжедмитрия I. Неизвестный художник. Первая треть XVII в. Государственный исторический музей, Москва

Дмитрии: «Он был мужчина крепкий и коренастый, без бороды, широкоплечий... обладал большой силой в руках»[25]. Другой иностранный наблюдатель пишет о Лжедмитрии как о человеке среднего роста[26] (ил. 25).

По словам французского капитана Жака Маржарета, служившего в Москве начальником одного из отрядов царских телохранителей, Дмитрию «было около 25 лет; бороды совсем не имел, был роста среднего с сильными и жилистыми членами»[27]. Другой иностранный наблюдатель, поляк Станислав Немоевский, прибывший в Москву в свите Марины Мнишек, писал, что царь «роста скорее был малого, чем среднего, с круглым и смуглым лицом, с угрюмым взглядом, с малыми глазами, русыми волосами, без усов и бороды; правда, он был молод... к военному делу имел большую любовь, и разговор о нем имел самый любезный»[28].

Шведский очевидец событий Смутного времени в России Петр Петрей в «Истории о Великом княжестве Московском» писал, что самозваный царь не был чужд забав, присущих

западноевропейским рыцарям, хотя и в несколько «русифицированной» форме. «Князья и бояре несколько времени вели себя смирно и сдержанно, – писал иностранный наблюдатель, – были благоговейны и почтительны, как будто не имели на сердце ничего злого, чтобы царь был еще беспечнее и ничего не боялся. Они ездили с ним гулять, вместе охотились, забавлялись на турнирах и каруселях, чтобы он никак не мог опасаться измены и предательства. Потому он и стал казаться веселее и беспечнее прежнего и однажды уехал даже за шесть миль от Москвы, в монастырь Вязому, со своими думными боярами и всею придворною челядью: с ним было 300 телохранителей и три роты польских всадников; он хотел там учить и упражнять своих москвитян и посмотреть, на что они годны; велел на одном месте сделать укрепление из снега, в котором, для обороны его, посадил москвитян, поставил начальника, который бы распоряжался ими и защищался от неприятеля, чтобы этот не мог взять крепости или овладеть ею приступом. Неприятелем их был Димитрий и с ним 300 телохранителей: он должен был подступать к укреплению, всеми силами стараться со своими телохранителями взять его и выгнать оттуда москвитян, а эти защищать оное и отражать его. Когда все было устроено и сделано для обеих сторон столько комьев из снега, что, по-видимому, было достаточно, Димитрий со своими людьми пошел на приступ к укреплению, прогнал москвитян и овладел этой снежной крепостью, потому что его воины прибавили в снежки песку, льду и других вещей, отчего русские и получили себе множество синяков, были взяты в плен и связаны. Димитрия очень радовало и забавляло, что он протурил-таки своих москвитян: он велел подать им разных напитков, пива, меду и водки и в другой раз готовиться к такой же потехе. Но русским не так-то хотелось того, они сердились и злобились, что достали себе такие ужасные синяки, и надумали другим образом принять Димитрия с его телохранителями, чего бы то ни стоило. Один из русских тотчас же открыл это Димитрию, просил его бросить эту забаву, потому что русские сердятся на немцев за синяки, хотят отплатить им за это во что бы то ни стало: пусть же он подумает, что между ними много изменников, а доброжелателей ему немного. Каждый боярин и дворянин носит под кафтаном длинный и острый нож, а он и его телохранители, сняв с себя верхнее и нижнее вооружение, пойдут на приступ с одними снежками: тогда, пожалуй, случится большая беда. Великий князь одумался и оставил это, воротился



Ил. 26–28. Части доспеха (грудная и спинная части кирасы) Лжедмитрия I. 1605–1606 гг. Собрание Института искусства, Чикаго

в Москву и вскоре потом узнал, что если бы он в другой раз напал со своими телохранителями на русских, они и вправду сделали бы этот приступ последним и перерезали бы ему горло»[29].

Носил ли этот доспех Лжедмитрий? Скорее всего, нет. На изготовление подобного доспеха требовалось длительное время. Мастер должен был получить размеры заказчика, рисунки требуемых изображений на доспехе (в данном случае оттиск или прорисовку Большой государственной печати Московского государства, гербов и т. д.). Требовалось время и на то, чтобы доставить доспех в далекую от Северной Италии Россию. Как известно, Самозванец царствовал меньше года (с 1 июня 1605 по 17 мая 1606 г.) и вряд ли смог получить заказанный доспех.

Долгое время считалось, что доспех в связи со смертью Лжедмитрия I не был закончен, сохранились лишь отдельные детали. Однако известный отечественный оружиевед, сотрудник Государственного Эрмитажа Л. И. Тарасюк, эмигрировавший в 1972 г. в США и работавший в Музее Метрополитен в отделе оружия, опубликовал информацию о хранящейся в музее при Чикагском институте искусства кирасе от этого доспеха[30] (ил. 26–28).

Кираса поступила в музей в составе большого собрания оружия и доспехов, принадлежавшего известному американскому миллионеру Джорджу Ф. Хардингу (Младшему)[31]. Он собирал ее с 1920–1930-х гг. К сожалению, точных сведений о том, когда и где была приобретена кираса, не сохранилось. Специалисты чикагского музея полагают, что она была приобретена во время одной из нескольких распродаж арсенала польско-литовских магнатов Радзивиллов.

Кираса украшена богатым орнаментом в виде воинской арматуры, совпадающим в мельчайших деталях с декором остальных частей доспеха. На нагруднике кирасы, в ее верхней части изображен двуглавый орел под царской короной, одиннадцать двуглавых орлов, помещенных в картуши, присутствуют как на грудной, так и на спинной части кирасы. Кираса частично реставрирована, а позолота из-за многочисленных чисток практически утрачена. Однако стиль и декор кирасы, изображения двуглавых орлов полностью совпадают с частями доспеха из собрания ВИМАИВиВС.

---

[1] Наиболее подробная биографическая статья, посвященная оружейнику, содержится в итальянском национальном биографическом словаре. См.: Boccia Lionello Giorgio. Della Cesa, Pompeo / Dizionario Biografico degli Italiani – Volume 36. De Fornari-Della Fonte. 1988 (электронная версия – https://www.treccani.it/enciclopedia/pompeo-della-cesa_(Dizionario-Biografico)/, дата обращения 12.03.2023).

[2] Beltrami Luca. Giunte a “Gli armaroli milanesi” di Jacopo Gelli e Gaetano Moretti. Published by Tip. Umberto Allegretti. Milano, 1919. P. 22.

[3] Ефимов С. В., Рымша С. С. Оружие Западной Европы XV–XVII вв. СПб., 2009. Кн. I. С. 149, 154–155.

[4] Angelucci Angelo. Catalogo della Armeria Reale. Torino, Candeletti, 1890. P. 123; Wendelin von Boeheim. Meister der Waffenschmiedekunst vom XIV. bis ins XVIII. Jahrhundert : ein Beitrag zur Geschichte der Kunst und des Kunsthandwerks. Verlag von W. Moeser Hofbuchhandlung, 1897. S. 171.

[5] Gelli-G. Moretti. Gli armaroli milanesi. I Missaglia e la loro casa. Milano 1903. P. 23.

[6] Angelucci Angelo. Catalogo della Armeria Reale. P. 123; Wendelin von Boeheim. I Meister der Waffenschmiedekunst... S. 171.
[7] Bertolotti Antonino. Artisti in Relazione Coi Gonzaga Signori Di Mantova, in Atti e mem. della Deput. di storia patria per le provincie modenesi e parmensi. Vol. I. 1885. P. 23.
[8] Fliegel, Stephen. Arms & Armor: The Cleveland Museum of Art. Harry N Abrams, 1999. P. 94.
[9] Thomas B., Camber O. L'arte milanese dell'armatura // Storia di Milano. Milano, 1958. T. XI. P. 697–841.
[10] The Lord Astor of Hever. Sotheby's, The Hever Castle Collection. Vol. I, Arms and Armour, 5th May 1983.
[11] Norman, A.V.B. Wallace Collection Catalogues: European Arms and Armour Supplement. London, 1986. p. 111.
[12] Tarassuk Leonid. Italian Armor for Princely court. Chicago 1986. P. 21–22. No. 13.
[13] Boccia, Lionello G. & Godoy, José A. Museo Poldi-Pezzoli, Armeria I. 1985. P. 87–88. Ill. 42–44. P. 196–197.
[14] Karcheski, Walter J. An Armour by Pompeo della Cesa, in the Higgnis Armory Museum, Worcester, in The Journal of the Arms & Armour Society (London). Vol. XII. No. 6. September 1988. P. 394–401.
[15] Stanislav Hrbatý. Chladná krása. Plátové zbroje. Plátová zbroj z 15. až 17. století. Ze sbírek muzeí a památkových objektů České republiky. Hradec Králové. 2006. S. 128. № 36.
[16] Брожовский М. Замок Конопиште. Прага, 1995. С. 37.
[17] Philadelphia Museum of Art. № 1977-167-126.
[18] Worcester Art Museum. № 2014.112.
[19] Государственный Эрмитаж. Инв № З.О.-3951, № З.О.-3948.
[20] Wendelin von Boeheim. Meister der Waffenschmiedekunst vom XIV. bis ins XVIII. S. 172.
[21] http://lennartviebahn.com/arms_armour/antiques/pompeo_della_chiesa.html (дата обращения 17.02.2023).
[22] Западноевропейское прикладное искусство средних веков и эпохи Возрождения из коллекции А. П. Базилевского. Каталог выставки. Л., 1986; Крыжановская М. 1) Западноевропейское прикладное искусство средних веков и эпохи Возрождения из коллекции А. П. Базилевского // Сообщения Государственного Эрмитажа. СПб., 1991. Вып. 55. С. 71–72; 2) Сенсационное приобретение Александра III в Париже // Государственный Эрмитаж. № 3. Зима 2004–2005; Tesori medievali e rinascimentali della collezione Basilewsky custoditi al Museo Ermitage. Torino, Palazzo Madama, marzo – giungo 2013. Torino, 2013.
[23] Более подробно о доспехе см.: Ефимов С. В., Рымша С. С. 1) Доспех и штуцер Лжедмитрия I // Antiq. Info. 2008. № 69. Май. С. 66–70; 2) Оружие Западной Европы XV–XVII вв. СПб., 2009. Кн. I. С. 104–111; Игина Ю. Ф. Memoria Лжедмитрия I как способ легитимации и манифестации его власти // Одиссей. Человек и история / Под. ред. А. О. Чубарьяна. М., 2012. С. 280–321; Ефимов С. В. 1) Холодная красота. Доспехи великих европейских оружейников XVI века из собрания Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи // Война и оружие. Новые материалы и исследования. Труды Третьей международной научно-практической конференции. СПб., 2012. Ч. I. С. 364-373; 2) Царский заказ из Московии. История доспеха Лжедмитрия I // Историческое

оружие. Памятники, собрания, особенности исследования / Сост. В. Р. Новоселов. Выпуск 3. М., 2022. С. 76–87; Закат династии. Последние Рюриковичи. Лжедмитрий. Каталог выставки. Музеи Московского Кремля. 5 апреля – 25 июля 2021 г. М., 2021. С. 119–120, 170–171.

[24] Кеммерер Е. А. Вооружение, приписываемое Лжедмитрию I, хранящееся в Царскосельском Его Величества арсенале // Русская старина. 1872. Т. 5. № 2. С. 330–334; Ленц Э. Императорский Эрмитаж. Указатель Отделения Средних веков и эпохи Возрождения. Ч. 1 (Собрание оружия). СПб., 1908. С. 283.

[25] Масса Исаак. Краткое известие о Московии // О начале войн и смут в Московии. М., 1997. С. 120.

[26] Воскобойник Н. И. Английский источник о правлении и гибели Лжедмитрия // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1991. С. 56.

[27] Россия начала XVII в. Записки капитана Маржерета / Пер. Т. И. Шаскольской. М., 1982. С. 203; См. также: Жан Маржарет. Состояние Российской империи: Ж. Маржерет в документах и исследованиях: (тексты, коммент., статьи) / Под ред. Ан. Береловича, В. Д. Назарова, П. Ю. Уварова. М., 2007. С. 173.

[28] Записки Станислава Немоевского (1606–1608 гг.). М., 1907. С. 118.

[29] Петрей Петр. История о Великом княжестве Московском // О начале войн и смут в Московии. М., 1997. С. 302.

[30] Tarassuk Leonid. Italian Armor for Princely court. P. 142–143.

[31] В той же коллекции хранятся еще три предмета защитного вооружения работы Помпео делла Кьеза – шлем-морион, круглый щит и защита головы лошади, изготовленные в едином стиле в 1570–1585 гг. (Art Institute of Chicago. George F. Harding Collection. № 1982.2229 a-b).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абдулфатахов Арсен Султанмаджидович – в/ч 23944 (Москва), начальник отдела кадров, подполковник.

Абинякин Роман Михайлович – Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева, кандидат исторических наук, доцент.

Абрамов Андрей Михайлович – историк-исследователь (Москва).

Акишев Александр Сергеевич – индивидуальный предприниматель (Москва), коллекционер.

Алексеев Алексей Иванович – Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург), заведующий Отделом рукописей, доктор исторических наук.

Алексеев Тимофей Владимирович – Военно-космическая академия им. А. Ф. Можайского (Санкт-Петербург), профессор, доктор исторических наук.

Алтухов Никита Юрьевич – Военно-медицинский музей МО РФ (Санкт-Петербург), младший научный сотрудник.

Анисимова Мария Анатольевна – Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург), старший научный сотрудник (хранитель фонда).

Арбеков Александр Борисович – Тульский государственный музей оружия, научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Афонин Дмитрий Анатольевич – Ленинградский областной филиал Санкт-Петербургского университета МВД России, заместитель начальника кафедры, кандидат педагогических наук.

Бабич Ирина Виленовна – историк-исследователь (Москва), кандидат исторических наук.

Бабич Марина Виленовна – историк-исследователь (Москва), доктор исторических наук.

Баранов Владимир Валерьевич – историк-исследователь (Москва), коллекционер.

Бей Евгений Васильевич – Научно-исследовательский институт военной истории Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации (Москва), заместитель начальника отдела, кандидат исторических наук, советник РАРАН.

Белозерова Ольга Александровна – историк-исследователь (Санкт-Петербург), консультант, кандидат исторических наук.

Бенда Владимир Николаевич – Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина (Санкт-Петербург), профессор, доктор исторических наук.

Беркович Владимир Адольфович – ООО «Археологические изыскания в строительстве» (Москва), заместитель генерального директора.

Бобров Леонид Александрович – Новосибирский государственный университет, профессор, ведущий научный сотрудник лаборатории гуманитарных исследований, доцент, доктор исторических наук.

Борисочкин Станислав Борисович – Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина (Санкт-Петербург), магистратура.

Вахтеров Андрей Васильевич – Московский комитет ветеранов войны, заместитель председателя Информационной комиссии.

Ветюков Владимир Александрович – историк-исследователь (Москва), кандидат исторических наук.

Виноградов Сергей Евгеньевич – Институт Российской истории Российской академии наук (Москва), старший научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Витол Александр Владимирович – Институт восточных рукописей Российской академии наук (Санкт-Петербург), консультант, кандидат исторических наук.

Воденисова Ксения Александровна – практикующий юрист (Москва).

Габдрафикова Гозель Язметовна – Научно-производственная корпорация «УралВагонЗавод» (Нижний Тагил), выставочный комплекс, заведующая научно-просветительским отделом.

Гаврилов Алексей Геннадьевич – Научно-исследовательский институт военной истории Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации (Москва), соискатель.

Гёзалов Парвин Фахраддин оглы – Общественная организация НПО «ГАСР» («ЗАМОК») по защите культурного наследия и исторических памятников (Баку, Азербайджанская республика), первый заместитель председателя, доктор философии по истории.

Горбунов Вадим Владимирович – Алтайский государственный университет (Барнаул), профессор, доктор исторических наук.

Гребенкин Алексей Николаевич – Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации (Орел), доктор исторических наук, доцент.

Грибовская Галина Алексеевна – Военно-медицинский музей МО РФ (Санкт-Петербург), старший научный сотрудник, кандидат медицинских наук, доцент.

Григорьев Олег Вячеславович – Новосибирский военный институт войск национальной гвардии Российской Федерации, преподаватель кандидат юридических наук, доцент.

Громов Андрей Владимирович – Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург), старший научный сотрудник.

Гуров Сергей Викторович – Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова Российской академии наук (Москва), соискатель.

Данков Михаил Юрьевич – историк-исследователь, действительный член Русского географического общества, заслуженный работник культуры Республики Карелия (Петрозаводск).

Егоров Андрей Михайлович – Псковский филиал Академии ФСИН России, доцент, кандидат исторических наук.

Егоров Игорь Андреевич – Псковский государственный университет, младший научный сотрудник.

Егоров Константин Александрович – ООО «Археологические изыскания в строительстве» (Москва), начальник отдела.

Ефимов Сергей Владимирович – Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург), заместитель директора, кандидат исторических наук.

Клишин Алексей Николаевич – Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана, доцент, кандидат технических наук.

Проц Диана Анатольевна – Национальный музей республики Карелия (Петрозаводск), научный сотрудник, хранитель музейных коллекций.

Фролов Николай Владимирович – ООО «Археологические изыскания в строительстве» (Москва), заведующий сектором.

Шмелев Кирилл Владимирович – Санкт-Петербургский государственный университет, Лаборатория археологии, исторической социологии и культурного наследия им. Г. С. Лебедева (Санкт-Петербург), научный сотрудник.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление 3

Абдулфатахов А. С. Формирование Персидской Его Величества Шаха казачьей дивизии 7

Абинякин Р. М. Бывшие офицеры на службе и в запасе РККА в 1923–1930 гг.: изменение численности 22

Абрамов А. М. Исторические аспекты принятия на вооружение РККА ручного пулемета системы Дегтярева ДП (Дегтярев пехотный) и организация его валового производства (1924–1932 гг.) 30

Акишев А. С., Клишин А. Н. Пистолет из крепости Грозная 48

Алексеев А. И. О неизвестном сборнике военных реляций и писем 1702–1710 гг. из фондов Российской национальной библиотеки 55

Алексеев Т. В. Период «несчастной ружейной драмы» (1860–1870- е гг.) в оценках отечественных исследователей 64

Алтухов Н. Ю. История развития средств защиты от химического оружия (по материалам коллекции СИЗОД Военно-медицинского музея) 77

Арбеков А. Б. Российский военный агент в Вене Ф. А. Фельдман: история назначения и службы в 1876–1881 гг. 86

Афонин Д. А. Исторические предпосылки необходимости проведения Специальной военной операции по демилитаризации и денацификации на территории Украины 103

Бабич И. В. Топонимы в армейской парольной практике как маркер самосознания русского офицера середины 1720-х гг. 111

Бабич М. В. Петр Великий на войне: визуальный образ 127

Баранов В. В. Старый клинок 150

Бей Е. В. Комиссия генерала А. А. Поливанова и ее роль в демократизации российской армии в 1917 г. 158

Белозерова О. А. 175 лет со дня рождения генерала Куропаткина (Из доклада 1915 г. императору Николаю II о необходимости пересмотра границ Российской империи в результате Великой войны) 172

Бенда В. Н. Некоторые уточнения и пояснения к вопросу о зарождении и развитии системы подготовки отечественных артиллерийских кадров в первой половине XVIII в. 184

Беркович В. А., Егоров К. А., Фролов Н. В., Шмелев К. В. Находка комплекса артиллерийских боеприпасов XVII–XVIII вв. в Пушкарской слободе Москвы 197

Бобров Л. А., Анисимова М. А. В Китай и обратно. Удивительная история жалованной сабли калмыцкого нойона Бамбара 207

Борисочкин С. Б. Хранители полярных конвоев 226

Вахтеров А. В. Государственный оборонный заказ в годы Великой Отечественной войны (по архивным материалам из фондов Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации) 237

Вахтеров А. В., Воденисова К. А. Правовой статус военнослужащих штрафных частей Красной армии (по архивным материалам из фондов Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации) 261

Ветюков В. А. Образцы вьетнамского древково-клинкового оружия XVII в. в коллекции Рийскмузеума (Амстердам) 280

Виноградов С. Е. Развитие снарядного производства для морской и береговой артиллерии на Обуховском сталелитейном заводе в 1910–1917 гг. 292

Витол А. В. Преемник Екатерины II – союзник султана 309

Габдрафикова Г. Я. Роль Уральского танкового завода № 183 имени Коминтерна в создании Уральского добровольческого танкового корпуса. Новые исследования и материалы 319

Гаврилов А. Г. Использование самолетов для зондирования атмосферы в интересах метеорологического обеспечения Военно-воздушных сил Красной армии накануне и в ходе Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. 332

Гёзалов П. Ф. Использование знаков и символов для враждебности и объединения народов в ходе боевых действий 342

Горбунов В. В. Доспехи кочевников хунну 362

Гребенкин А. Н. Участие воинских формирований в охране императорских поездов в конце XIX – начале XX века 379

Грибовская Г. А. Пролог к освобождению Крыма. Керченско-Эльтигенская десантная операция 1943 г. (медицинские аспекты) ... 393
Григорьев О. В. Военное правосудие Петра I ... 400
Громов А. В. О горных венецианских пушках в собрании Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи ... 412
Громов А. В. Об атрибуции двух загадочных композитных пушек из собрания Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи ... 431
Гуров С. В. Основные требования к образцам реактивной артиллерии: результаты историко-технического анализа ... 457
Гуров С. В. Реактивная артиллерия в войнах и военных конфликтах в мире ... 464
Данков М. Ю., Проц Д. А. «Художники» из Эдинбурга и Английская улица в Петрозаводске на рубеже XVIII–XIX столетий ... 486
Егоров А. М., Егоров И. А. Военный городок в Павловске: от учебных и строевых подразделений Минобороны к университету ФСИН России ... 506
Ефимов С. В. Миланский оружейник Помпео делла Кьеза ... 514
Сведения об авторах ... 538

УДК 351.852.1 + 355.48
ББК 79.1 + 68 + 63
В 65

В 65 **Война и оружие. Новые исследования и материалы:** труды Одиннадцатой Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 17–19 мая 2023 г. / Под ред. С. В. Ефимова: в 4 частях. – Ч. 1. – СПб.: ВИМАИВиВС, СПбГУПТД, 2023. – 544 с.

Научное издание

Война и оружие
Новые исследования и материалы

Труды Одиннадцатой Международной
научно-практической конференции

В четырёх частях

Часть 1

Редактор *Н. В. Медведев*
Художник *Н. Ю. Якубовская*
Верстка: *Т. И. Таранова*
Корректор *Я. В. Камашина*

Подписано в печать 28.04.2023.
Формат 60x90/16. Усл. печ. л. 17.
Бумага офсетная. Гарнитура PeterburgC.
Тираж 200 экз.

ФГБУ «ВИМАИВиВС» МО РФ
197046, Санкт-Петербург, Александровский парк, д. 7.

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
АРТИЛЛЕРИИ, ИНЖЕНЕРНЫХ ВОЙСК И ВОЙСК СВЯЗИ

Адрес музея: 197046, Санкт-Петербург,
Александровский парк, 7.
Тел./факс: (812)498-09-32, 232-02-96
www.artillery-museum.ru

ISBN: 978-5-7937-2331-2

